

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

Санкт-Петербург

2005

Министерство культуры Российской Федерации
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ
Российская Академия Наук
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН:
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2005

Russian Ministry of Culture
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
THE STATE MUSEUM OF HISTORY OF RELIGION
The Academy of Sciences of Russia
INSTITUTE FOR HISTORY OF MATERIAL CULTURE

**THE PHENOMENON
OF BOSPORAN KINGDOM**
PROBLEMS OF CORRELATION
WRITTEN & ARCHAEOLOGICAL
SOURCES

PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE

Saint-Petersburg
The State Hermitage Museum Editors House

2005

Міністерство культури Російської Федерації
ДЕРЖАВНИЙ ЕРМИТАЖ
ДЕРЖАВНИЙ МУЗЕЙ ІСТОРІЇ РЕЛІГІЇ
Російська Академія Наук
ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ МАТЕРІАЛЬНОЇ КУЛЬТУРИ

**БОСПОРСЬКИЙ ФЕНОМЕН:
ПРОБЛЕМА СПІВВІДНОШЕННЯ
ПИСЬМОВИХ ТА АРХЕОЛОГІЧНИХ
ДЖЕРЕЛ**

**МАТЕРІАЛИ
МІЖНАРОДНОЇ НАУКОВОЇ КОНФЕРЕНЦІЇ**

Санкт-Петербург

Видавництво Державного Ермітажу

2005

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Редколлегия:

*М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев (ответственный редактор),
С. В. Кашаев, О. Ю. Соколова, В. А. Хрипановский*

Конференция проводится при поддержке фонда «Свободная Европа»

ISBN 5-93572-194-5

© Издательство Государственного Эрмитажа
Санкт-Петербург, 2005

MCMXLV – MMV

Праздничный салют в Ленинграде на Марсовом поле.
Фото из коллекции М. А. Мишкевича. Публикуется впервые.
Фотоархив ИИМК РАН. № 3417-8-8.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая конференция после первого юбилея – V «Боспорского феномена» 2004 года. Полтора года ожидания одних, полтора года интенсивной подготовки к следующему «феномену» других: придумать тему, разослать приглашения, собрать и отредактировать тезисы (давая до последней возможности отсрочки всем опаздывающим), подать очередную заявку на грант и получить очередной отказ, и опять – в который уже раз – в последний момент искать деньги на проведение конференции, обнадеживая себя и друг друга тем, что, мол, не впервой, что до сих пор как-то все улаживалось – тезисы в срок издавались, участники приезжали, заседали, обсуждали, общались и довольные разъезжались по домам...

Остро дебатировавшиеся тогда проблемы – соответствия или несоответствия принятых докладов и сообщений объявленной теме, ее размывание, выхода за рамки собственно боспорской проблематики и превращения конференций в представительные форумы по проблемам классической филологии, истории и археологии Северного Причерноморья как-то притушились. Все само встало на свое место. Да, конференции будут строго тематическими и приоритет при публикации и решении вопроса о форме выступления (доклад, сообщение, «ностер») будет отдаваться материалам, отвечающим заявленной теме. Но Боспор неотделим от Северного Причерноморья. Есть масса общих пересекающихся тем и вопросов для обсуждения. Есть большое количество археологов, работающих за пределами Боспора, которые хотят поделиться своими последними открытиями на столь представительной конференции. И отказывать никому из друзей-коллег не хочется... Не может быть закона, правила или принципа выше жизни. Иногда остается ей лишь следовать, по возможности (и необходимости) подправляя и упорядочивая.

Так оно, наверное, и пойдет. Если пойдет. Если только Фортуна не устанет от наших бесконечных упований на ее благосклонность, на чудесное разрешение всех трудностей, и, в какой-то момент, не откажет в своем расположении. Во всяком случае, чтобы не укушать ее и дать себе и участникам конференции некоторую передышку, Оргкомитет решил перейти к двухлетнему циклу и впредь проводить «Боспорский феномен» осенью каждого нечетного года – 2007, 2009, 2011...

Оргкомитет «Боспорского феномена» выражает глубокую признательность благотворительным фондам «Свободная Европа», «Киммериды» и «Деметра», при финансовой поддержке которых осуществлено

издание книги («Свободная Европа»), а многие наши коллеги из ближнего зарубежья смогли приехать на конференцию («Киммериды», «Деметра»).

Наша очередная конференция прилась на особый год – год 60-летия окончания Великой Отечественной войны. Страшное испытание, которое выпало на долю того поколения, коснулось всех, определило судьбу каждого. Были среди них и наши коллеги – историки, филологи, археологи. От тех военных лет и событий нас отделяет, на самом деле, совсем незначительный отрезок времени: это наши ближайшие предшественники, наши учителя. Именно эти люди, вырастили и воспитали нас. И профессионально – тем, что они нам передали, и лично – опытом своей жизни, своими судьбами и поступками. Они остаются примером и образцом мужества, достоинства, верности избранному пути, которые были проявлены в неизмеримо более суровых условиях. Мы многим обязаны им. Их место и роль в истории нашей большой страны, нашей науки – отдельная тема...

Им – пережившим и непережившим войну, их светлой памяти, посвящаем мы эту конференцию.

I. ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

А. В. Подосинов

Письменный источник и археология (на примере Борисфенитской речи Диона Хрисостома)

Особенности и закономерности в соотношении информации литературных источников и информации, предоставляемой нам данными археологии и эпиграфики, удастся проследить на очень немногих примерах, поскольку большинство античных авторов, писавших о Боспорском царстве и о Северном Причерноморье в целом, черпали свою информацию из вторых рук, зачастую ее происхождение восходит ко времени, удаленному от автора на десятилетия, а то и на столетия. Поэтому часто оказывается невозможным соотносить реалии, описываемые, скажем, Плинием Старшим, с реалиями археологического свойства этого же времени.

Тем интереснее для нас свидетельства тех немногих очевидцев, которые не только сами побывали в Причерноморье, но и запечатали свои наблюдения и впечатления в письменной форме. Считается, что их свидетельства наиболее аутентичны, описывают реальную действительность, и эти описания можно впрямую сопоставлять с данными археологии и эпиграфики. Таких очевидцев на всю античную греко-римскую литературу на протяжении 12-13 веков ее существования насчитывается всего трое – это Геродот в V в. до н.э. (да и то существуют сомнения в его пребывании в Ольвии), затем Овидий в начале I в. н.э. (в последнее время в моде теория, что он вовсе не был в понтийской ссылке) и, наконец, Дион Хрисостом, побывавший в той же Ольвии в конце I в. н.э.

Что касается Геродота, то проблема соотношения его данных и данных археологии является столь же классической, сколь и вечной как для скифологии и истории северопонтийского греческого мира, так и для литературного источниковедения. На примере «Скифского логоса» Геродота и его интерпретации ярко видно, насколько могут расходиться рассказы очевидца (или передатчика сведений местного населения)

и археологические реалии. Понтийские элегии Овидия также лишь с трудом позволяют сквозь поэтические декорации места обитания поэта увидеть реалии местной жизни. Впрочем, здесь речь будет идти и не о Геродоте, и не об Овидии (о последнем см. подробнее: Подосинов, 1984).

В настоящем докладе я хотел бы коснуться проблемы соотношения письменных и археологических источников на примере Борисфенигской речи Диона Хрисостома. В качестве вопроса, требующего разрешения, избираем лишь один аспект, а именно, варваризации греческого города в I в. н.э., как она представлялась очевидцу и как она вырисовывается по археолого-эпиграфическим данным. Многие современные историки утверждают, основываясь на данных Диона, что иши автор столкнулся в Ольвии с сильно варваризованным греческим городом. Причиной такой варваризации считается завоевание городов Северо-Западного Понта, осуществленное гетскими племенами под предводительством царя Биребисты (ок. 50 г. до н.э.). Это завоевание открыло, по мнению исследователей, в истории этих городов «новый период: подобно Ольвии, они должны были утратить свой преимущественно греческий характер и стать греко-фракийскими центрами» (Блаватская, 1952. С. 177). Дион (как и Овидий для Том) должен был, в рамках этой концепции, иллюстрировать варварский характер города. Что же можно извлечь на этот счет из описания Диона? Прежде всего это – тревожность жизни в окружении воинственных племен: особое внимание автора привлекают защитные сооружения (стены, башни, ворота), организация дозоров и охраны городских ворот, постоянная угроза нападения воинственных кочевников. Но это еще ничего не говорит о варваризации внутри стен города.

В то же время Дион (как и Овидий), отмечает «варварский» облик обитателей городов: длинные волосы и бороды, «скифский» характер костюма (включающего шаровары) и, наконец, варваризацию их языка. В этом, как правило, видят главные черты варваризации Том и Ольвии. В случае с Овидием договариваются до гето-греческого симбиоза (см., например, Lambriño, 1958. P. 379–390; Гаспаров, 1978. С. 201: «золотани в городе не говорил никто: большинство горожан составляли геты и сарматы, буйные и драчливые, меньшинство греки, давно перенившие и варварский выговор, и варварскую одежду...»), рассказ Диона рассматривают как «наглядную иллюстрацию сильной варваризации ольвийского населения в конце I в. н.э.» (Блаватский, 1949. С. 57), как «очень яркую картину варваризации греческого города» (Шелов, 1975. С. 126), где Дион «мог вочию убедиться в щедрой примеси варварского элемента в составе городского населения» (Латышев, 1887. С. 173; см. также Книпович, 1956. С. 135; Треу, 1961. S. 141; Бураков, 1976. С. 143–145; Античные государства... 1984. С. 38).

Внимательное рассмотрение соответствующих данных Диона заставляет однако усомниться в корректности такого взгляда и на сведения нашего автора, и на реальную ситуацию в Ольвии.

Итак, что же в словах Диона свидетельствует о варваризации Ольвии?

Варварская одежда. Едва ли относится ко всем жителям Ольвии замечание Диона об их варварской одежде, поскольку оно было сделано лишь однажды при описании одного из них – Калистрата, который только что вернулся в город в полном вооружении и на коне после несения военной службы вне города. «Он был опоясан, – говорит Дион, – большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство (*ἀναξίριδες εἶχε καὶ τὴν ἄλλην στολὴν Σκυθικῆν*)». Такое специальное внимание к необычному костюму всадника показывает, что он не был типичным и общераспространенным в жизни греческого города. И хотя «скифская» одежда у греков Северного Причерноморья, судя по надгробным рельефам, отнюдь не была литературным вымыслом, она использовалась, в основном, в зимнее время и только в коннице, перенявшей наряду с одеждой многие приемы ведения войны и типы вооружения у местной, более развитой конницы кочевнических племен. Такое заимствование греками местных форм оружия и одежды, наиболее пригодных для местного климата, и приемов ведения войны с конными кочевниками, присущие, вероятно, любым периферийным городам, живущим в непривычных климатических условиях и в окружении местных племен, и не может свидетельствовать о варваризации греческого города (ср. Латышев. 1887, С. 185; «Принятие скифского костюма без сомнения было обусловлено особенностями местного климата, которому эллинское платье менее соответствовало»; см. также *Античные государства...* 1984, С. 236; см. однако: Крыжницкий, Лейлунская. 1997, С. 37).

Длинные волосы. Длинные волосы и бороды, которые иногда представляют как варваризацию внешнего облика ольвийских греков, были довольно обычными у причерноморских греков. Об этом недвусмысленно говорит Дион, описывая собравшихся вокруг него ольвиополитов: «Философу очень понравилось бы это зрелище: все они были на древний манер, как говорит Гомер об эллинах, длинноволосые и бородастые». Показательно продолжение описания: «Один только между ними был выбрит, и его все поносили и ненавидели: говорили, что он сделал это не по другой какой-либо причине, а из желания польстить римлянам и доказать свою дружбу к ним». Итак, длинные волосы и борода отнюдь не свидетельствуют о варваризации греков; наоборот, это продолжение древней греческой моды, кажущейся римлянам, которые предпочитали короткие прически и гладко выбритый подбородок, симпатичным архаизмом, как мы и видим у Диона.

Варваризация языка. Дион пишет, что ольвиополиты «по-гречески говорят не совсем уже чисто благодаря тому, что живут среди варваров (οἰκεῖτι παρὼς ἑλληνίζοντες διὰ τὸ ἐν μέσσοις οἰεῖν τοῖς βαρβάροις)». Вместе с тем давно было замечено, что надписи Ольвии и других северо-западных городов Понта не дают никаких оснований для заключений о какой-либо «испорченности» греческого языка жителей этих городов. Вероятно, диалектальность греческого произношения, а, возможно, и некоторых лексико-грамматических элементов устной речи, обусловленная длительной изоляцией понтийских колоний от метрополии, должна была резать слух таким образованнейшим людям, как Дион, а контекст «варваризации», в котором Дион подает свое описание жизни в Ольвии, предоставлял достаточно правдоподобное объяснение такой «испорченности» греческого языка (см. Латышев. 1887. С. 177 об отсутствии резко выраженных признаков варварского влияния в языке ольвийских надписей; Доватур. 1965. С. 797: «Знакомство с ольвийскими надписями в недостаточной степени помогает нам интерпретировать сообщение Диона Хрисостома о «неясном» греческом языке ольвиополитов в конце I в. н.э... По-видимому, и особенности ионийских говоров, и погрешности устной речи граждан Ольвии состояли в своеобразии выговора, в каких-нибудь фонетических тонкостях, которые не фиксировались в письменности»).

Присутствие варваров в черте города. Невероятно, но факт: в описании Диона мы не находим ни одного упоминания о варварах в черте города. Скифы (или сарматы), по Диону, не играют, по-видимому, никакой роли во внутренней жизни Ольвии, если не считать постоянной угрозы их нападения. Вместе с тем представляется, что Дион не преминул бы описать скифа (или хотя бы упомянуть о его присутствии в городе), если бы он увидел его вочью на улицах и площадях Ольвии, в составе своих слушателей: это прибавило бы экзотичности и убедительности его рассказу об удивительной (с точки зрения жителя метрополии) «варваризации» борисфенитов. Более того, весь контекст рассказа Хрисостома говорит о чистоте этнического, социального и культурного облика Ольвии (которую Дион называет «старинным эллинским городом» – πόλις ἀρχαίαν καὶ ἑλληνίδα) и даже о некоторой консолидации ольвиополитов вокруг греческих традиций: языка и литературы, культа, архитектуры, политических институтов и пр. (ср. Трофимова. 1959. С. 160 об «обобщенном литературно-философском образе идеальных граждан», рисуемом Дионом). Характерен образ прекрасного ольвийского юноши Каллистрата, который занимался красноречием и философией, из-за чего пользовался хорошей репутацией у сограждан. Почти все борисфениты усердно читали Гомера, и почти все знали наизусть Илиаду, некоторые из жителей Ольвии знали и почитали Платона. Дион подчеркивает их чисто эллинскую любознатель-

ность (τῶ τρόπῳ Ἑλλήνες), когда почти все жители Ольвии сошлись к храму Зевса, чтобы послушать беседу приезжего ритора. Приезжих из метрополии или других городов Причерноморья купцов-перекупщиков ольвионолиты считают эллинами только по имени, на деле же они в большей степени варвары (τῆ δε ἀλητεία βαρβαρώτεροι), чем сами ольвионолиты, как не без самоуничижительной иронии признается один из авторитетнейших людей города, называющий себя βαρβαρίζων (т.е. говорящий на ломаном греческом), очевидно, по контрасту с высокообразованным греком «из центра». Таким образом, противопоставление «эллины-варвары» имеет у Диона более культурно-этнический, нежели социально-этнический смысл.

Обычно подтверждением присутствия варваров в Ольвии считают следующие слова Диона: «Геты взяли и его (Ольвию) и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии. Вследствие этого дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены, другие – в плохом виде, и при этом нахлынула в них масса варваров» (см., например: Античные государства... 1984. С. 38: «Судя по сообщению Диона Хрисостома..., в городе поселилось большое количество негреческого населения, которое оказало влияние на культуру Ольвии»). Мне представляется, что под «делами тамошних эллинов» (τῶν ταύτη Ἑλλήνων) Дион подразумевал скорее всего жителей «остальных городов по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии», недаром В.В.Латышеву пришлось сделать специальную оговорку о включении в число «тамошних» эллинов также и ольвионолитов, причем основанием для этого послужила ольвийская аутопсия Диона, которая, однако, как мы видели выше, не дает явных признаков «варваризации» Ольвии.

Таким образом, едва ли можно, основываясь только на свидетельствах Диона, говорить об этнически смешанном населении Ольвии послегетского периода. Таков вывод, основанный на анализе литературного источника. Что же говорит археологический и эпиграфический материал? Подтверждает он или опровергает наш вывод?

Итак, одним из важнейших признаков варваризации города, ее необходимым условием является наличие туземного этнического элемента в составе населения города. Этот элемент может быть незначительным как в количественном отношении, так и с точки зрения социального статуса, а может играть важную роль в политической жизни города, вращая постепенно в греческую элиту, варвары могли жить смешанно с греками, а могли образовывать свои замкнутые гетто. Постоянное проживание варваров в черте города обычно фиксируется археологическими комплексами, имеющими признаки местной варварской культуры (например, лешая керамика, предметы культа варваров, варварский погребальный обряд некрополей и др.).

Насколько я знаю, археологи и историки не удавливают таких археологических следов пребывания гетского, варварского населения в стенах Ольвии I в. н.э. (см., например, Симоненко. 2001. С. 123: «Антиковеды отрицают факт сарматизации Ольвии»), что лишний раз подтверждает правильность нашего понимания высказываний Диона. Ольвия и в послегетский период продолжала функционировать как типично эллинистическое полис с обычными для него атрибутами демократической организации, хозяйствования, религиозных культов и культуры (Ehrhardt. 1983. S.78; Молев. 2003. С. 269–275), несмотря на то, что после «второго основания» Ольвия с трудом восстанавливалась из руин.

Вместе с тем, многие исследователи отмечают резкое возрастание количества негреческих имен в ольвийской эпиграфике первых веков н.э., в чем им видится подтверждение словам Диона о значительной варварской инфильтрации в греческие города (Латышев. 1887. С. 176; Книпович. 1956. С. 135: «...Рассмотрение ольвийских надписей первых веков н.э. дает возможность установить присутствие большого количества негреческих имен, что, естественно, заставляет вспомнить сообщение Диона Хрисостома о «толпах варваров», нахлынувших в восстановленные после гетского нашествия города»; Крыжицкий, Лейтунская. 1997. С. 33, 37). И действительно, процесс «варваризации» ольвийской ономастики идет по восходящей линии от практического отсутствия негреческих имен в I в. до н.э. до обилия имен иранского происхождения во II–III в. Однако при том, что точная датировка обычно затруднена, лишь несколько надписей, содержащих негреческие имена, исследователи относят к I в. н.э., да и то предпочитают датировать их более широко хронологически (например, концом I – II в. н.э. или – как часто в своде Латышева – довольно расплывчатыми формулировками: *Romana aetas* или *imperatorum Romanorum aetas* или *aetas Romana posterior*). Чисто греческий характер различных сторон полисной жизни Ольвии, сохранившийся и во II–III в., позволяет рассматривать нарастание в это время варварских имен скорее как результат интенсивной эллинизации местных варваров, чем как варваризацию греков (ср. Гайдукевич, Каношина. 1951. С. 162–179), при этом возможно также заимствование местных имен греками (Соломоник. 1973. С. 261: «...Нельзя ставить знака равенства между лингвистической и этнической принадлежностью имен; одни из них, видимо, принадлежали иноземцам, а другие были лишь заимствованы греками у фракийцев, скифов, сарматов и других племен Причерноморья и Малой Азии»).

Тем не менее некоторое противоречие между эпиграфикой и свидетельствами Диона несомненно. В одной ольвийской надписи примерно того же времени, когда Ольвию посетил Дион, воздаются хвалы некоему знатному ольвийскому юноше, каким вполне мог бы быть знакомец Диона знатный греческий юноша Каллистрат, вот ее текст: «При

архонтах во главе с Антифонтом, сыном Анаксимена, месяца Кюанепсиона, архонт Антифонт, сын Анаксимена, предложил: так как такой-то, сын такого-то (я пока не называю его имени. – *А.П.*), юноша, происходящий от достойных предков, во многом показал свои высокие качества, прожив жизнь не только благопристойную и прекрасную, следуя во многом всему подобающему и справедливому, но и был удостоен должности, исполнение которой заслужило лучшую оценку, участвовал в посольстве к гегемонам, причем принес городу величайшую пользу и то время, когда над городом нависла большая и тяжелая опасность <и т.д.>, надлежит оказывать подобным гражданам почести и воздавать им хвалы, чтобы они и сами получили заслуженные почести и остальных побуждали к подобным подвигам» (Надпись Ольвии. 1968. № 42. С. 44–46). Имя этого знатного гражданина Ольвии, «происходящего от достойных предков (γενόμενος προθύμῳ ἀγαθῶν)» – Дадаг, сын Падига (Δάδαγος Παδίγου); это имя встречается и в других ольвийских надписях (IPE P. №№ 137 и 139) и определяется (как и имя его отца Падига) как иранское (Zgusta. 1955. S. 92). Мы знаем также, что некий ольвийский архонт Писенстрат, сын Дадака (вариант имени нашего Дадага), выпускал от своего имени в 96–98 г. медные монеты с головой Аполлона на аверсе и орлом на реверсе (Жарышковский. 2003. С. 291; Фролова, Абрамзон. 2005. С. 32, 230–231), а отцом ольвийского стратега Дадака был Гиеросонт, с которым, возможно, разговаривал Дион (Русева. 1986. С. 21), т.е. был представителем высшей власти в городе. Возможно, что рисуя идеальный образ греческого патриархального городка, Дион не хотел замечать в нем людей со странными именами, не вписывающимися в общую картину старомодного эллинизма. И здесь уже, если датировка надписи надежна, а иранские имена – не просто дань моде, придется усомниться в источниковой точности и достоверности самого Дионова свидетельства. В любом случае оказывается, что, если анализ эпиграфики приводит к выводу, что «негреческие элементы в первые века н.э... становятся участниками управления городом вместе с потомками греков, и не в меньшем количестве, чем последние; они входят в наиболее состоятельную, наиболее влиятельную группу ольвийских граждан» (Киплович. 1956. С. 135), то Дион, по его словам, среди ольвиополитов, слушавших его речь перед храмом Зевса «а там находилась именно «наиболее состоятельная, наиболее влиятельная группа ольвийских граждан», возможно, архонт Дадаг – οὐ πρεσβύτατος καὶ οἱ ὑποκρίσιντατος καὶ οἱ ἐν ταῖς ἀρχαῖς, видел одних только эллинов.

Итак, противоречия, устанавливаемые между документальными источниками археолого-эпиграфического характера и описаниями очевидцев того же времени, могут объясняться, с одной стороны, некорректной интерпретацией литературных свидетельств, трактуемых часто

слишком упрощению (варваризация Ольвии по Диону), с другой, – неверным пониманием документальных источников (что стоит за иранскими именами – сами варвары или греки, перенявшие их имена), с третьей, – вольной или невольной тенденциозностью автора, рисующего в угоду своим идеологическим целям и представлениям несколько искаженную картину действительности (см. подробнее Браунд. 1999. С. 271–282). Учет этих трех обстоятельств позволяет адекватнее понять исторические процессы, запечатленные в наших источниках.

И. А. Тульпе

Археология сознания боспорян: к прочтению источников

Исследователи Боспорского феномена практически лишены исторических описаний, сделанных носителями боспорской культуры. В их руках лишь то (немногое), что оказалось в сфере внимания внешних этому миру писателей. Опубликованные В. В. Латышевым «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе» – один из наиболее полных сводов, в котором содержатся сведения о Боспорском государстве. Они наглядно свидетельствуют не только о малом количестве этих сведений, но и подтверждают актуальность методологических проблем, связанных с их использованием.

Познание истории и культуры Боспорского царства в немалой степени зависит от реконструкции миропонимания боспорян, определявшего весь их жизненный строй, вещественные свидетельства и остатки которого «добывают» археологи. Поэтому употребление термина «археология» в самом прямом смысле этого слова в отношении к сознанию правомерно. Известно, что основными составляющими населения Боспора были греки и «варвары». Много десятилетий назад С. А. Жебелев отмечал, что греками Северного Причерноморья науки занималась больше, т.к. в античных трудах содержатся сведения о колониях, что же касается «туземного населения», то здесь, как правило, главным источником служат сведения о скифах, сообщаемые Геродотом (Жебелев. 1938. С. 154). Правильный подход к разрешению скифской проблемы «зависит от точного истолкования письменных источников, Геродота в первую очередь, к Скифии и скифам относящихся, и от надлежащего привлечения к делу и лингвистических и вещественных данных» (Жебелев. 1938. С. 151). Исследование сознания боспорян не может быть сведено к скифской или эллинской проблеме. К тому же сегодня справедливо говорится о том, что и культура греков-

колонистов как инструмент адаптации в новой среде обитания изучена очень слабо (Виноградов, 2000, С. 119).

Изучение эллинского или варварского элементов самих по себе, возможно и прибавляет что-то в познании собственно греческой и собственно варварской культуры, но уводит от понимания феномена самой боспорской культуры. Не вступая в существующие дискуссии, связанные с проблемами оценки достоверности конкретно-исторических сведений, сообщаемых античными авторами, отмечу, что это не только вопрос о доверии к автору свидетельства из-за несовершенства его источников, информаторов, процедур описания. Не только по этим причинам «варвар», увиденный «эллином», едва ли был таким в действительности (см., напр.: Грацианская, 2002; Медведев, 2002; Мосолкин, 2002; Хазина, 2002). Известные письменные памятники отражают знания и мнения носителей греческой культуры. Эллинский образ Скифии может быть дополнен памятниками изобразительного искусства (см.: Скржинская, 2001). Но о ком мы узнаём больше – о скифах или о греках? Представления о том, что без античных свидетельств мы знали бы о культуре скифов гораздо меньше, кажутся несколько преувеличенными. Но трудно переоценить значение письменных памятников как источника для понимания типа сознания их авторов, описывавших «удивительное» в культурах, а *rigoré* рассматриваемых как негреческие. Это и народ и город людей киммерийских, где никогда нет солнца, только непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными (Нот., Од., XI, 12–19). Это история умопомешательства спартанского царя Клеомена, научившегося у скифов пить неразбавленное вино (Hdt., IV, 84). Известны несколько пассажей Аристотеля. В качестве примера «звероподобного склада» он приводит «некоторых дикарей, живущих у Понта» (EN, VII 6, 1148b 20). Важно то, что «зверство» не порок, зверей не называют благоразумными или распушенными, ведь у них нет сознательного выбора или расчета (EN, VII 6, 1149b 30). В «Политике» он подчеркивает: ведь ни у животных, ни у варварских племен мы не замечаем, чтобы храбрость непременно сопутствовала самым диким из них: наоборот – скорее, более кротким и тем, которые похожи на львов. Есть много племен, которые питают склонность к убийствам или людоедству. Таковы ахейцы и геннохи, обитающие на берегах Понта, ... все эти племена разбойничьи, но храбростью вовсе не обладают (Pol. VIII, 3. 1338b 15). ...Первую роль должно играть прекрасное, а не дикоживотное. Ведь ни волк, ни какой-либо другой дикой зверь не вступил бы в опасную борьбу ради прекрасного, но, скорее, только доблестный муж (Pol. VIII, 3. 1338b 25). Скифы и их страна это не просто край земли, а север, холод, ночь, т.е. все то, что ассоциируется с миром мертвых, с хаотическим, опасным. Однако «звероподобность» варвара, то есть его естественная природность, стихийность

(одним словом, внекультурность) делают его образ в глазах эллина амбивалентным: с одной стороны, опасение, а с другой, идеализация как потенциального, жизнетворческого. В принципе, это делало возможными не только политические и экономические, но и культурные контакты.

Едва ли чистая любознательность или «академический» интерес вдохновляли античных писателей. Можно предположить, что даже если бы до нас дошли все античные свидетельства, они были бы отрывочны и не особенно связны. Характерно, что, пользуясь различными источниками, разные авторы, даже без учета компиляции, цитирования и т.п. представляют довольно однообразный «портрет» варвара, чья действительная жизнь была, несомненно, гораздо богаче содержанием. Авторы письменных свидетельств, судя по их восприятию внешнего (например, скифского) были носителями не столько исторического, сколько мифоритуального сознания. Геродот осваивает Скифию в связи с победоносным завершением войны с персами и движим не любопытностью, а необходимостью закрепить, завершить победу. Б. А. Рыбаков ставит в один ряд Парфенон и «Историю» Геродота: постройка Парфенона должна была загладить следы разрушения афинского акрополя персами, а «История» рассказать о борьбе с ними (Рыбаков. 1979. С. 5). В этом смысле Парфенон и «История» могут быть рассмотрены как синонимы, как выражение мифоритуальной модели мира.

Архаическое сознание, нацеленное на мироустройство, имеет установку на детали, подробности, прецеденты. Важно и то, что такое описание не может быть настолько беспристрастным, что описываемое предстает само по себе в возможной полноте. Традиционное сознание не просто фиксирует нечто, но активно перерабатывает, при этом сравнивает со своим, не для того, чтобы, зафиксировав особое другого, адекватнее это особое описать и познать. Оно вписывает в свое (осваивает), овладевает, подвергая интерпретации «образ» другой культуры, тем самым подчиняет, овладевает ею реально. То есть решает не гносеологическую, а онтологическую проблему. Геродотова «отсебятина» есть выражение такого процесса активного преобразования чужой культуры.

В греческих памятниках «есть лишь драма смертей и рождения космоса» (Акимова. 1988. С. 76), «космос» – ключ к пониманию эллинского мировоззрения и художественных принципов (Землер. 1970. С. 117). Космизация (мироупорядочение) может осуществляться через налаживание взаимодействия срединного мира с верхним и с нижним, при этом горизонталь срединного мира имеет свой центр и периферию, противопоставленную центру («ступу земли») как хаотическое – космическому. Архаическое сознание варваров и греков (шире – кочевников

и оседлых), было типически однородным (мифологическим) и отличалось, вероятно, тем, что именно доминирует в созданной им модели мира: вертикальная или горизонтальная проекция.

Акцент на горизонтальную модель связывается с определенной точкой в пространстве (дом, храм, полис), которая есть центр мира. Этот центр, в свою очередь, вертикально структурирован, что нашло характерное воплощение, например, в архитектуре храмов – структурно-тектонически, программой скульптурных «украшений» и росписей (подробнее см. Тульпе. 1998). Но мироупорядочение это постоянный процесс преобразования, который в горизонтально ориентированной модели мира, более присущей оседлой культуре, осуществляется через освоение периферии.

Кочевники, «не имея домов», «живя в кибитках», возят свой мир с собой. Они взаимодействуют со стихийным, природным непосредственно, перемещаясь в пространстве, в котором, по сути, нет центра и периферии. Вся степь как место жизни, это срединный мир, противостоящий и взаимосвязанный с верхним и нижним, т.е. «пуп земли», это то место, где находится племя. Смерть сородича, выпадение его из социума, чреватое разрушением мира, заставляет уделять внимание погребальному сооружению, как точке сценария трех уровней мироздания (подробнее см.: Тульпе, Хришновский. 2004). При кочевническом акценте на вертикальную структуру модели мира оправдано то, что поводом для сражения с персами может быть осквернение могил предков (Hdt., IV, 127). Известный сюжет о скифских дарах персам (Hdt., IV, 131, 132) справедливо расшифровывается как воплощение трехчастной структуры мира (Раевский. 1985, С. 65–67). При том, что само дарение можно истолковать не как «письмо» о намерениях, а пусковой механизм победы: безусловная упорядоченность «нашего» мира, внесенная в «чужое», не может не разрушить/преобразовать его. Стрелы также были не просто оружием, но через смерть, которую несли, указывали на хтоническую сферу.

Конечно, историографы не были первооткрывателями, а шли в новые земли (реально или из своих «кабинетов») вслед за теми, кто реально осваивал новые земли. Эллины, двинувшись в пространстве от центра, воспринимали периферию – географическую и культурную как подлежащий освоению край земли, почти идентичный царству смерти. Можно представить, как с таким видением варварского мира, греки отправлялись в этот мир, осваивая новые территории. Путешественник Геродот с «того» света вернулся, а для колонистов он стал местом жительства, то есть, выстраивали центр там, где обосновывались. Таким образом происходит переакцентировка на вертикальную модель (поэтому и строили монументальные гробницы, уже вышедшие из употребления на родине). Понятно, почему так трудно увидеть в античном

Северном Причерноморье уголок классической Эллиады, «который часто ассоциировался со светлым храмом. Светлого храма не нашли, вместо него пришлось открывать гробницы и изучать весьма своеобразный вариант античной культуры» (Виноградов. 2000. С. 119).

Возможно, что особенность боспорского менталитета обусловлена взаимодействием двух разнонаправленных переходов. Колонистов обстоятельства жизни, хотя и оседлой, возвращали к восприятию мира по-кочевнически, когда центр мира, не на родине, а там, где находишься ты, т.е., по сути, та же кибитка, но на приколе. У кочевников, постепенно оседавших на земле, начиналась переакцентировка в восприятии мироздания, которое сближается содержательно с «колониистским». Только для одних это повторение пройденного, ретроградность процесса, а для других – новый опыт и новый образ жизни. Процессы взаимной ассимиляции имели следствием не варваризацию и, таким образом, снижение греческого и не эллинизацию, т.е. облагораживание варварского, а создание относительно целостного культурно-исторического организма.

Литература

- Акимова. 1988 – Л. И. Акимова. К проблеме «геометрического» мифа: шахматный орнамент // Жизнь мифа в активности. М., 1988.
- Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. И., 1983.
- Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. И., 1983.
- Виноградов. 2000 – Ю. А. Виноградов. Феномен боспорского государства в отечественной литературе // STRATUM +. 2000. №3.
- Грацианская. 2002 – Л. И. Грацианская. Варвар этнический и варвар этический (проблемы источниковедения) // АМА. Саратов, 2002. Вып. 11.
- Жебелев. 1938 – С. А. Жебелев. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху // ВДИ. 1938. № 1(2).
- Земпер. 1970 – Г. Земпер. Практическая эстетика. М., 1970.
- Латышев. 1993 – В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1993.
- Медведев. 2002 – А. П. Медведев. Гелон Геродота: к проблеме соотношения античного нарратива и историко-археологических реалий // АМА. Саратов, 2002. Вып. 11.
- Мосолкин. 2002 – А. В. Мосолкин. Понятие barbarus у ранних римских писателей (анализ источников) // АМА. Саратов, 2002. Вып. 11.
- Раевский. 1985 – Д. С. Раевский. Модель мира скифской культуры. проблемы миропознания ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М., 1985.
- Рыбаков. 1979 – Б. А. Рыбаков. Геродотова Скифия. М., 1979.
- Скражинская. 2001 – М. В. Скражинская. Скифия глазами эллинов. СПб., 2001
- Тульпе, Хрипановский. 2004 – И. А. Тульпе, В. А. Хрипановский. Погребально-поминальная обрядность как религиоведческой источник (по материа-

- дам археологических раскопок некрополей малых городов европейского Боспора) // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2004. Вып. 4.
- Тульпе. 1998 – *И. А. Тульпе*. Был ли древний трек художником, или Жизнь мифа в античности // Метафизические исследования. Культура. СПб., 1998. Вып. 5.
- Хазина. 2002 – *А. В. Хазина*. Эллинизм и варвары: открытие Посидония // АМА. Саратов, 2002. Вып. 11.

А. С. Русяева

О методике интерпретации одного отрывка из трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде»

Вопрос о взаимоотношениях Ольвии с периферийными святилищами, в особенности Ахилла на острове Левка (Змеиный) и Ахилловом Дроме (Тендра), относится к наименее изученным вопросам ее многовековой истории, хотя отдельные проблемы, связанные с этой темой, в той или иной степени неоднократно затрагивались в научных работах. Однако ученых более всего интересовал собственно культ Ахилла в Ольвии, на Бейкушском мысу и особенно на острове Левка, о котором сохранилось сравнительно много сведений в античной литературной традиции, а также археологические материалы, неопровержимо свидетельствующие о том, что здесь на протяжении около тысячелетия существовало его святилище. Почитание же Ахилла на Тендре всесторонне не исследовалось, тем более в контексте с основными этапами исторического развития Ольвийского полиса. Остаются не решенными и спорными целый ряд вопросов, в том числе и относительно трактовки литературных сведений о его святилище и агонах в сопоставлении с археологическими находками на Тендре. В процессе их изучения обращает особое внимание разная методика интерпретации одного отрывка из трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде».

В этой трагедии, поставленной в афинском театре в 414/413 г. (Откупщиков. 1966. С. 143), в одной из песен эллинок, прислуживавших Ифигении, звучит удивление, как Орест и Пилад после их прибытия в Таврику сумели преодолеть и миновать многие опасные места, в том числе и землю со множеством птиц, белый берег дромов Ахилла с прекрасными стадиями на негостеприимном Понте (Eurip. Iphig. Taur. 435–438). Именно эти поэтические строки получили неоднозначную интерпретацию в переводах и научных работах, касающихся агонов в честь Ахилла на Тендре. Из предложенного В. В. Латышевым свободного

перевода без комментариев следует, что хор вопрошает, как эти чужестранцы миновали «неусыпные Финейсы берега... в изобилующую птицами землю, на белый берег, прекрасный бег Ахилла на негостеприимном Понте?» (SC. I, P. 345). Однако, в переиздании данного отрывка «бег Ахилла» с соответствующим комментарием превратился в топоним «Бег Ахилла» (ВДИ. 1947. № 2. С. 291).

Первым самое пристальное внимание на эти стихи Еврипида обратил И. И. Толстой в своем известном исследовании культа Ахилла, разделив их на две части. Первая из них отождествлялась им с Левкой на основании того, что аналогичное выражение «белый берег» в более ранней трагедии «Андромаха» (1259–1262) того же автора бесспорно соотносится с этим островом, а последняя – с Дромом Ахилла (Толстой. 1918. С. 11). Своё понимание он подтверждал и тем, что Еврипид вряд ли смешивал бы «Бег» Ахилла с его «Белым» островом, полагая, что на фоне легенды об упражнениях героя на косе (Pomp. Meta. II, 5) особый смысл имело то выражение, каким драматург характеризовал Ахиллов Дром, определяя его как Ахилловы дромы с прекрасными стадиями или прекрасными ристалищами. В буквальном понимании *callistadioi*, по мнению ученого, «становится совершенно ясным, конечно, при том непрременном условии, если во времена Еврипида, да и раньше еще, разумеется, на Дроме, посвященном Ахиллу, действительно происходили обрядовые состязания в беге» (Толстой. 1918. С. 66). Тем не менее, исходя из отдельных оговорок, в его рассуждениях заметно все же, что он не был абсолютно уверен в том, что данное выражение прямо свидетельствует о проведении агоний на Тендре в V в. до н.э. Однако, подкрепив свои взгляды сведениями из позднелатинистического декрета Никерата, сына Папия (IOSPE. P. 34), в котором говорится о конных агониях в честь Ахилла, И. И. Толстой как будто окончательно убедился в том, что благодаря Дельфам ольвинопольцы ввели новую торжественную форму культа Ахилла с ежегодным проведением священного обряда агонии, хотя, скорее всего, он мог происходить не на Тендре, а в окрестностях рядом расположенной Гилеи (Толстой. 1918. С. 67, 78–81).

Его точку зрения поддержал и развил М. М. Кубланов в статье, посвященной легенде о ристалище Ахилла и ольвийским агонистическим празднествам, считая, что эпитет *callistadioi* «должен рассматриваться как свидетельство восхождения агонистического варианта легенды уже ко времени Еврипида»; соответственно с этим, агонии в честь Ахилла устраивались с V в. до н.э. и носили такой же характер, что и знаменитые олимпийские, пифийские, немейские, эстмийские, хотя и в меньших масштабах (Кубланов. 1957. С. 222–231). В общем, как выводы И. И. Толстого, так и М. М. Кубланова впоследствии в большинстве случаев были прямо и доверчиво восприняты теми учеными, которые

так или иначе касались культа Ахилла и его празднеств на Тендре (Лейпунская. 1970. С. 66–68; Русьева. 1979. С. 137; 1992. С. 70; Курбатов. 1982. С. 30; Скржинская. 1991. С. 27, 28; 2004. С. 33; Диатропов. 2003. С. 16, 17). В последнее время принципиально иной смысл получило вышесказанное выражение только в работах М. В. Скржинской, где оно интерпретируется как «прекрасно размеченные стадионы» на Ахилловом Дроме или Ахиллов Дром «с прекрасно размеченными стадионами» – то есть дистанциями для бега» (2004. С. 33; 2004 а. С. 145). В таком понимании оно стало неоспоримым свидетельством о том, что уже в V в. до н.э. ольвиополиты «устроили стадион» на Тендре, поскольку она «как нельзя лучше подходила для проведения таких состязаний, потому что греки соревновались, бегая по песку», здесь же находился ипподром для конных ристаний и место для соревнований в стрельбе из лука, занимавшей почетное место, наряду с традиционными видами атлетики. Допуская, что агоны на Ахилловом Дроме в основном повторяли состав состязаний на Пифийских играх в Дельфах и что они стали, согласно трагедии Еврипида, широко известными в эллинском мире, М. В. Скржинская впервые восстановила полную программу игр в честь Ахилла на Тендре, пересмотрев дату превращения местных праздников в панэллению, во время проведения которой раз в несколько лет на протяжении нескольких дней объявлялось перемирие во всем Причерноморье (2004. С. 30–33; 2004 в. С. 144–149).

Однако, наряду с такими разными трактовками сведений Еврипида, как будто уже ставшими достоверным источником о панэлленических агонах в честь Ахилла на Тендре, во всех стихотворных переводах «Ифигении в Тавриде» и комментариях к ним, а также отдельных научных работах они безоговорочно соотносятся только с островом Левка (Блаватский. 1978. С. 82; Hedreen. 1991. P. 320) или вообще игнорируются при характеристике этого культа. Тем не менее, в отличие от тех современных исследователей, которые весь рассматриваемый отрывок из трагедии Еврипида сопоставляли с Левкой или же делили его на две части, представляется все же возможным, по заключенному в нем общему смыслу и в сочетании с главной идеей всей песни (Еυίρ. *Iphig. Taur.* 421–438), а также восплаваемой в трагедии Ифигении, бывшей невесты Ахилла, сопоставление этого текста и с Тендрой. В этой связи важны два момента: неразрывность смыслового содержания всех выражений, соответственно с чем в данной песне речь идет о земле как конечном пункте со множеством птиц, белом берегу дромов Ахилла с прекрасными стадионами, которые представляли собой такую же опеку, как и предыдущие местности. В буквальном смысле Еврипид упоминает здесь вовсе не Дром Ахилла, как Геродот (*Herod. IV, 55, 76*) или более поздние автором (*Strabo, VII, 3, 19; Plin. NH, 83; Ptolem. Geogr. III, 5, 7–8*), а лишь его дромы, под которыми, исходя из много-

значности этого термина, можно подразумевать разные слова, но во множественном числе, что находится в противоречии с их толкованием в качестве конкретного топонима. По смыслу они более всего перекликаются с обеими этимологическими легендами, служившими для эллинов объяснением названия Ахиллов Дром. В данном аспекте можно вспомнить комментарий анонимного автора схолий к «Андромахе»: «На Белом берегу внутри: разумеется Белый остров, на котором пребывал Ахилл, посреди Евксинского Понта; отсюда и Ахилловы беги, о коих сказано в «Ифигении в Тавриде» (Schol. in Eurip. Androm.: SC. I. St. 347). Представляет интерес и трактовка В. Д. Блаватским фрагментарно сохранившегося комментария анонимного автора древних схолий к «Аргонавтике» Аполлония Родосского, в котором якобы имеется указание на то, что Дионисий Ольвийский писал, что протяженные отлогие берега называются Ахилловыми дромами (1978. С. 81, 87). Не вдаваясь во все детали вопросов, связанных с гипотетической интерпретацией творчества и времени жизни Дионисия, отметим лишь, что Ахилловы дромы из схолий созвучны воспетым в трагедии Еврипида, в которой не назван конкретный топоним, но местность узнается благодаря описанию.

По сравнению с возвышающимся над уровнем моря островом Левки, Тендра издавна представляет собой очень опасную зону для мореплавателей (Щеглов. 1972. С. 133 – с лит.). На пути в Таврику не этот остров, а Дром Ахилла – последний длинный участок низко расположенной песчаной косы, требовал постоянного внимания, чтобы не потерпеть крушения. Не совсем обычно и применение к маленькому скалистому островку выражения о земле со множеством птиц и белым берегом с прекрасными стадами, хотя, по сведениям других авторов, на острове действительно обитало множество птиц. Поэтому при сопоставлении этой местности с Тендрой главное, очевидно, должно заключаться в общем содержании всей песни, где она – самое опасное и последнее препятствие перед высадкой на таврическую землю. Ведь в средние века Тендра также называлась Белобережьем (Повесть... 1950. С. 37), а в наше время Тендровский заповедник – известное место гнездовья и зимовки огромного количества разных птиц, чем, бесспорно, выделялась эта коса и в античную эпоху. Следует думать, что будто бесконечный, уходящий вдаль, вымытый морскими водами белый песчаный берег Тендры в виде ленты вследствие большой протяженности (около 100–130 км) мог создавать впечатление прекрасных стадий, которые, по этимологическим легендам, созданных для объяснения названия Ахиллов Дром, преодолевал герой как в погоне за Ифигенией, так и занимаясь со своими товарищами упражнениями в беге во время отдыха после боя в Троянской войне. Естественно, такое толкование может быть лишь гипотезой, поскольку нельзя достоверно установить,

знал ли Еврипид эти легенды и насколько он ориентировался в понтийской топонимике, не путал ли он Левку с Дромом Ахилла, тем более, что в написанной им раньше трагедии «Андромаха» «белый берег» по контексту отождествляется только с островом Левкой, что и дает право многим авторам относить к нему и вышеприведенный отрывок. Но и в предложенном варианте, как показывает сравнительный анализ свидетельств античной литературной традиции о Дроме Ахилла с археологическими, нумизматическими и эпиграфическими источниками как с Тендры, так и Ольвии при строгом и объективном подходе к их интерпретации, пока не имеется достоверных свидетельств о проведении на тендровских песках каких-либо календарно-религиозных празднеств с шонами в честь Ахилла. По синхронным данным (письменным и археологическим) можно пока уверенно считать, что на северо-западной оконечности Тендры существовало святилище Ахилла во II в. до н.э. – третьей четверти IV в. н.э., составной частью которого являлся сакральный зольник (Толстой, 1918. С. 56–59; Тункина, 2002. С. 453–472). Тендра в древности – необитаемый, опасный для мореплавателей полуостров, экологические условия и ландшафт которого не сравнимы с Дельфами и вряд ли его насыщенная рыхлым песком с размолотыми ракушками поверхность была пригодна для панэллинских состязаний как в беге, так и на колесницах (что, естественно, не исключает проведение подобных состязаний в спокойное время в более удобной местности, принадлежащей Ольвийскому полюсу, в отдельные периоды его исторического развития).

Литература

- Блавацкий, 1978. – В. Д. Блавацкий. Дионисий Ольвианский // СА, 1978. № 3.
- Диатроптов, 2001. – П. Д. Диатроптов. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001.
- Кубланов, 1957. – М. М. Кубланов. Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества // Ежегодник музея истории религии и атеизма. Л., 1957. № 1.
- Курбатов, 1982. – А. А. Курбатов. Ольвийские формы культа Ахилла (к истории полисной идеологии) // Проблемы истории античной гражданской общины. М., 1982.
- Лейтуньська, 1970. – Н. О. Лейтуньська. Про культ Ахілла в Північному Причорномор'ї // Археологія, 1970. 23.
- Откупщиков, 1965. – Ю. В. Откупщиков. О датировке трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» // Язык и стиль античных писателей. Л., 1966.
- Повесть... 1950. – Повесть временных лет. М., 1950.
- Русева, 1979. – А. С. Русева. Земледельческие культы в Ольвии допетровского периода. К., 1979.
- Русева, 1992. – А. С. Русева. Религия и культы античной эпохи. К., 1992.

- Скржинская. 1991. – М. В. Скржинская. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. К., 1991.
- Скржинская. 2004. – М. В. Скржинская. Состязания на древнегреческих праздниках в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 2.
- Скржинская. 2004 а. – М. В. Скржинская. Игры на Ахилловом Дроме // BORYSTHENIKA. Николаев, 2004.
- Толстой. 1918. – И. И. Толстой. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918.
- Тункина. 2002. – И. В. Тункина. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- Щеглов. 1972. – А. Н. Щеглов. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. З. К. Руб., IV, 41 // ВДИ. 1972. № 2.
- Hedreen. 1991. – G. Hedreen. The Cult of Achilles in the Euxine // Hesperia. 1991. 60.

А. А. Супренков

Речь Демосфена «Против Лакрита» и современные археологические реалии

Эта работа – частный и маленький сюжет на тему сопоставления двух видов исторических источников – письменных свидетельств и данных археологических раскопок. Предмет исследования – некоторые моменты политико-экономической ситуации на хоре европейской части Боспора в третьей четверти IV в. до н.э.

Среди первых до нас дошла речь, приписываемая знаменитому греческому оратору Демосфену, «Против Лакрита» (произнесена около 341 г. до н.э.). Приведём её текст в переводе В. В. Латышева: «Этот Лакрит сказал, что разбилось судно, шедшее из Пантикапея в Феодосию, и что при крушении судна погибли деньги его братьев, случайно находившиеся на судне; оно было – говорил он – нагружено солёной рыбой, коским вином и кое-чем другим; и говорили, что всё это было нагружено вместо прежнего груза и что он хотел отвезти этот новый груз в Афины, если б он не погиб при крушении судна. На судно, потерпевшее крушение, у него не было никакого векселя, а было другое лицо, ссудившее деньги из Афин под залог провозной платы в Понт и самого судна... А коское вино, т.е. 80 сосудов прокисшего вина, и солёная рыба перевозились из Пантикапея в Феодосию для какого-то земледельца, на продовольствие полевым рабочим».

Эта речь насыщена разной информацией и не раз комментировалась исследователями. Согласно В. Д. Блаватскому, существуют разные трактовки термина «εἴρηται». Некоторые исследователи делали

вывод, что он обозначает независимых земледельческих работников. Однако В. Д. Блаватский считал, что это скорее были рабы, поскольку при развитом денежном обращении на Боспоре в IV в. до н.э. представляется маловероятным, чтобы наёмные рабочие получали плату натуральным пайком, к тому же вряд ли они стали бы пить прокисшее вино. «Косское вино» - οὐβρίον τὸ Κόιον – напоминает описанное Катонем зимнее вино для рабов.

Вместе с вином была отправлена солёная рыба. Согласно Катону, низкокачественное вино с солёной закуской и хлеб составляли обычный рацион рабов (Блаватский. 1953. С. 167–171). По всей видимости, этот запас вина был рассчитан приблизительно на год, за большее время вино бы окончательно испортилось. Если посчитать приблизительный расход вина на рабов в год в Италии и сопоставить с количеством ввозимого вина, в нашем случае – 80 косских амфор, то можно сделать вывод, что на данном участке работало не меньше 18 рабов, что означает наличие в Феодосии в IV в. до н.э. средних рабовладельческих хозяйств (Блаватский. 1953. С. 167–171). Но всё это были довольно долго чисто теоретические построения, ничем не подтверждённые местной археологией.

В настоящее время наши представления о феодосийской хоре IV в. до н.э. несколько расширились. В результате работ А. В. Гаврилова выявлены многочисленные неукреплённые поселения в степной зоне региона. На основе анализа археологического материала их возникновение можно отнести к началу V в. до н.э., а гибель – к концу первой трети III в. до н.э. На начальном этапе существования Феодосия имела ближнюю хору, которая вместе с поселениями степной зоны составила её сельскохозяйственную базу. К IV в. до н.э. количество таких степных поселений достигает 60, что связано, возможно, с оседанием скифов на землю. В это же время резко возрастает феодосийский хлебный экспорт. Анализ характера сельских поселений говорит о том, что они располагались на местности бессистемно и имели кустовой характер. Среди них можно выделить три основных группы: небольшие хутора, площадью до 0,5 га, селища средних размеров от 1,0 до 10 га, сезонные стоянки пастухов. К IV в. до н.э., вследствие политической стабильности, материальная культура на всей территории европейского Боспора становится одинаковой. В целом округа Феодосии характеризуется, как сельская и основным видом деятельности населения было земледелие. Основной фон материальной культуры был преимущественно скифским, однако в этом регионе проживали и греки (Гаврилов. 2003. С. 80–87).

В целом, можно сказать, что к IV в. до н.э. на сельской округе Феодосии ещё не существовало царского землевладения с организо-

ванной системой хозяйственных комплексов, как в районе Крымского Приазовья, либо они пока не обнаружены.

Недавние работы в юго-западной части Черноморского побережья Керченского полуострова позволили выявить там некую древнюю систему размежевания полей. Аэрофотосъемка показывает, что она очень похожа на античную ортогональную систему участков, число которых около 130, площадь каждого из них 10–11 га.

На севере граница этой зоны находится почти на широте Феодосии. На востоке – она простирается на несколько километров восточнее озера Качик. Участки ориентированы по сторонам света. Валки, образующие эти наделы, просматриваются с большим трудом. На тех из них, что расположены к востоку от озера, как будто бы «читаются» дополнительные линии, идущие в меридиональном направлении, которые, быть может, соответствуют некоему внутреннему делению больших клеров. Следов усадебных строений ни на снимках, ни при ограниченных обследованиях на местности не обнаружено.

Таким образом, на сегодняшний день, картина характера землеустройства в округе Феодосии остаётся не до конца ясной и в отрывке речи «Против Лакрита», касающегося косского вина, до сих пор не понятно, кому оно могло предназначаться.

М. В. Скржинская

Предание об Эроте и Психее на Боспоре

Серия терракот, несколько ювелирных изделий и мегарских чаш дают уникальный материал об одном широко известном на Боспоре сказании об Эроте и Психее. Хотя, начиная с XIX века, интересующие нас памятники с изображением этих божеств включались в разные издания, их никогда не собирали вместе и потому не исследовали, когда и где в Северном Причерноморье распространилось греческое предание со столь популярным во многих областях Эллады сюжетом.

В античном искусстве изображения Эрота и Психей стали излюбленной темой художников эпохи эллинизма, а затем и римского времени. Эту пару божеств можно увидеть на мраморных статуях алтарях и саркофагах, на стенных росписях и мозаиках, на терракотовых статуэтках, рельефах и светильниках, а также на различных ювелирных изделиях (LIMC. 1991. Bd. 7. S. 569–585). Однако в сохранившейся античной литературе вдохновивший эти произведения рассказ уцелел лишь в изложении писателя и философа II в. н.э. Апулея. Он включил его в свой знаменитый роман «Метаморфозы» (IV, 28 – VI, 24), более из-

вестный под данным ему впоследствии названием «Золотой осел». Таким образом, греческое предание о любви Эроса и Психеи имеется сейчас на латинском языке в версии, литературно обработанной выдающимся оратором и писателем. В совершенстве владея греческим языком и прекрасно зная литературу эллинов, он, наверное, объединил в своем повествовании несколько фольклорных и литературных сюжетов об Эросе и Психее (Helm. 1959. S. 1434–1438).

Эллины издавна вкладывали в эти сюжеты переносный смысл; имя Психеи (ψυχή) по-гречески одновременно означает понятия «душа» и «бабочка» (Aristot. Hist. Anim. IV, 7). В древности душу отождествляли с чем-то летучим, и ее нередко олицетворяла бабочка или мотылек. Предания о скитаниях и страданиях Психеи, ищущей своего возлюбленного Эроса, это аллегория поисков согласия между душой и любовью в ее разных проявлениях, порой противоречащих душевным устремлениям. Недаром Апулей называет героя и Амуром, и Купидоном, то есть олицетворением любви и страсти.

На свои устные источники указал сам Апулей, назвав этот рассказ сказкой и вложив его в уста малограмотной старухи гречанки, которая хотела развлечь безутешную девушку, попавшую в плен к разбойникам. Повествование начинается с традиционного сказочного зачина: «Жил в некотором государстве царь с царницей, и было у них три дочери». Далее разворачивается один из весьма распространенных у многих народов сюжет о девушке, ставшей возлюбленной таинственного существа, которое ей запрещено видеть. Такова, например, всем нам с детства известная сказка «Аленький цветочек». Героиня сказки нарушает запрет, ее возлюбленный исчезает, а девушка отправляется его искать. Преодолев разные преграды, она находит своего суженого, и, как положено в сказке, все счастливо кончается свадьбой.

В греческом варианте сказки Психея становилась жертвой рассерженной Афродиты, позавидовавшей прелести юной красавицы, и козней своих менее удачливых сестер. Вняв их уговорам, она зажгла свечильник и рассмотрела Эроса, не разрешавшего ей его видеть; и тогда он покинул ее. Девушка преодолевала множество трудностей, разыскивая возлюбленного, а он, в конце концов, простил нарушение запрета, спас от гибели, уготованной ей Афродитой, и добился у Зевса благословения на свадьбу.

Археологические находки свидетельствуют, что боспоряне узнали предания об Эросе и Психее уже в период раннего эллинизма, то есть вскоре после распространения этого рассказа в Элладе. К древнейшим памятникам такого рода относится найденный в Артюховском кургане на Тамани перстень с камеей III в. до н.э. (Максимова. 1979. С. 66). На нем изображен ребенок Эрот, держащий бабочку; тот же сюжет представлен на терракоте из Пангиканея (ДБК. Т. 2. С. 112. Табл. 73, 4).

Стоит отметить, что перстень долго служил украшением, сменив нескольких владельцев до того, как в середине II в. до н.э. попал в погребение. Сначала камень находилась в кольце с подвижной дужкой, а затем по новой моде ее сделали щитком золотого перстня. К упомянутому кругу мифологических и аллегорических представлений о душе и любви относятся изображения Эроса, прижимающего к груди бабочку на золотой сережке из Пантикалея (ДБК. Т. 1. С. 50, Табл. 7, 8) и на терракоте из Мирмекия, относящейся уже к римскому времени, но по типу восходящей к образцам III–II в. до н.э. (Денисова. 1981, С. 122).

Гораздо более многочисленны изображения Психеи в виде девушки или девочки рядом с Эротом. Иногда за ее спиной видны крылья мотылька, которые контрастируют с птичьими крыльями Эроса. Это хорошо видно на терракотах из Пантикалея и Кеп (САИ. 1974, С. 20, 30, Табл. 14, 6; 33, 1) и на пантикапейской золотой бляшке (На краю ойкумены...2002, С. 65, № 171). Эрот изображается полностью обнаженным, а Психея либо одета в легкий хитон, либо частично обнажена. Чаще всего эти два божества представлены обнимающимися и целующимися, реже просто стоящими рядом. Это знаменует гармонию души с любовью. По изданиям мне удалось разыскать более двух десятков изображений Эроса вместе с Психеей: на мегарской чаше и золотой бляшке из Пантикалея и на двадцати терракотах из Пантикалея, Мирмекия, Тиритаки, Нимфея, Кеп, Фанагории и Гермонассы (Деревницкий, Павловский, Штерн. 1898; САИ. 1970–1974, Ч. 1–4; Денисова. 1981; Финогенова. 1992; Грач. 1999). Важно отметить, что среди терракотовых статуэток есть местные изделия из боспорской глины.

Рельефы на мегарской чаше II в. до н.э. и золотой бляшке I в. н.э. из Пантикалея иллюстрируют рассказ Апулея, хотя они исполнены гораздо раньше времени его жизни. Так подтверждается, что сказка в романе опирается на уходящую в древность традицию. На рельефе мегарской чаши Эрот склоняется к полудлежащей Психее на дугу среди трав и цветов (АГСП. 1984, С. 354, Рис. 163, 16). Это можно понять как момент, когда Психея, спасенная Эротом, приходит в себя, а может быть, это апофеоз их любви после свадьбы, когда Психее уже не запрещается видеть своего возлюбленного. На рельефе бляшки Эрот стоит на коленях около спящей Психеи, он вынимает стрелу из колчана, чтобы уколоть и разбудить девушку, усыпленную содержимым ларчика, полученного от Персефоны (Apuł. Met. VI, 21).

Сохранились также античные иллюстрации к не использованным Апулеем рассказам об Эроде и Психее. На мозаике конца III в. до н.э. из Клазомен и на более поздних камнях и терракотах неоднократно изображалось, как Эрот в присутствии Афродиты мучает Психею или связывает ей руки (Неверов. 1971, № 22, 24, 47; LIMC. 1991, Bd. 7, S. 577). Подобные сюжеты были известны и жителям Боспора. Это можно

заклЮчить по находкам на поселении Тирамба перстня с инталей на гранате (АГСП. 1984. С. 357. Табл. 166, 16) и двух серебряных чаш с рельефами в сарматском кургане на Нижнем Дону. Восемь великолепных чаш, исполненных греческими ювелирами на рубеже III-I в. до н.э., явно попали к сарматскому вождю из Эллады через Боспор. Дно этих чаш украшено рельефными медальонами. На одном, так же как на перстне из Тирамбы, представлена привязанная к колонке Психея и Эрот, прикасающийся к ней горящим факелом; а на другом рельефе наоборот Психея таким же образом мучает Эрота (Karoshina. 1963. P. 257-258; LIMC. 1991. Bd. 7. S. 577). Греки видели в подобных картинах аллегорический смысл: в них отражались телесные и душевные мучения любящего человека.

Отсутствие изображений Эрота вместе с Психеей в коллекциях археологических находок из Тиры, Ольвии и Херсонеса дает основание заключить, что устные и литературные рассказы о паре этих божеств на северных берегах Понта нашли благодарную почву только на Боспоре. Наверное, это объясняется тем, что они примыкали к кругу сказаний об Афродите; не случайно формы II - I в. до н.э. для рельефных украшений ваз и статуэток Психея найдены при раскопках святилища богини в Кепах (Соколовский. 1964. С. 109; САИ. 1974. С. 16. № 40, 43).

Афродита занимала ведущее положение в пантеоне богов Боспорского царства, а в других государствах Северного Причерноморья она не играла столь важной роли (Русева. 1986. С. 546-547). Предания об Эроте и Психее стали популярными в среде боспорян, начиная с эпохи раннего эллинизма и продолжали бытовать в римский период. Здесь, как и в Элладе, подобные рассказы воспринимались не только как сказка, а наверное, имели также аллегорическое и мистическое истолкование.

Терракотовые статуэтки и ювелирные изделия привозили в античные города Северного Причерноморья примерно из одних центров, а в отборе их сюжетов сказывались особенности культуры того полиса, куда поступал импорт. Во всех государствах на северном краю ойкумены существовало общее для эллинов представление об Эроте, как постоянном спутнике Афродиты, и как о шаловливом подростке или ребенке, способном подчинить своей прихоти богов и людей.

На примере же многочисленных изображений Эрота и Психея можно увидеть с одной стороны - отличие духовной жизни Боспорского царства от его ближних и дальних соседей в Северном Причерноморье, с другой, - удостовериться в единстве культуры многочисленных городов этого государства, ведь интересующие нас памятники почти в одинаковом количестве найдены на европейской и азиатской сторонах Боспора.

Литература

- Грач. 1999—*Н. Л. Грач*. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- Денисова. 1981—*В. И. Денисова*. Коропластика Боспора. Л., 1981.
- Деревницкий, Павловский, Штери. 1898—*А. Н. Деревницкий, А. А. Павловский, Э. Р. фон Штери*. Музей императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1898. Вып. 2. Терракоты.
- Максимова. 1979—*М. И. Максимова*. Артюховский курган. М., 1979.
- На краю ойкумены...2002— На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М., 2002.
- Неверов 1971—*О. Я. Неверов*. Античные камни в собрании Эрмитажа. Л., 1971.
- Русяева. 1986—*А. С. Русяева* Религия // Археология Украинской ССР. Т.2. Киев, 1986.
- Сокольский. 1964—*Н. И. Сокольский*. Святилище Афродиты в Кенях // Советская Археология. 1964. № 4.
- Финогенова. 1992—*С. И. Финогенова*. Терракоты Гермонассы // Археология и искусство Боспора. М., 1992. — (Сообщения ГМНИ. № 10).
- Karoshina. 1963—*S. I. Karoshina*. A Sarmatian Royal Burial at Novocherkassk // Antiquity. 1963. V. 148, 37.
- Helm. 1959—*R. Helm*. Psyche // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1959. Bd. 23, 2.

А. В. Одрин

**Растениеводство Боспора VI—III в. до н.э.:
письменные источники и археология**

Исследования растениеводства Боспора, как и его сельского хозяйства в целом, с использованием письменных и археологических (главным образом — производных от них археоботанических) источников начались уже давно (Блаватский. 1953; Кругликова. 1975). Однако, следует признать, что исследователи не в полной мере учитывали многоотраслевую структуру греческого растениеводства, служившего для боспорских эллинов образцом при формировании, становлении и развитии собственного, преимущественно ограничиваясь изучением информации, относящейся исключительно к Боспору.

В результате такого подхода к исследованиям, полученная картина растениеводства Боспора оказывается фрагментарной, поскольку и археоботанические, и письменные источники не дают сколько-нибудь полной информации о боспорском растениеводстве. Это вызвано несколькими причинами. Во-первых, многие виды культурных растений, в том числе и имевшие большое значение в греческом растениеводстве, плохо уловимы археоботанически (Sapraкі. 1992. P. 71–73), а некоторые

– и вовсе «невидимы». Кроме того, археоботаники часто самостоятельно не в состоянии дать ответ на вопрос, местными или привозными являются найденные ими растения. В результате этого, часто все находки растений средиземноморского происхождения однозначно относят к импорту (Pashkevich, 2001. S. 536), тогда как письменные источники прямо указывают на успешную акклиматизацию греками, прежде всего боспорскими, ряда средиземноморских растений (Theophr. C. P. II, 5. 3).

Во-вторых, и письменные источники о боспорском растениеводстве не отличаются полнотой. Достаточно сравнить упомянутые выше свидетельства Теофраста о растениеводстве Боспора с его подробной информацией о десятках видов культурных растений Средиземноморья, причем отнюдь не только о пресловутой «средиземноморской триаде», но и о зернобобовых (Theophr. C. P. VIII, 1–7), кормовых (Theophr. C. P. VIII, 1, 4), технических (пряильные, масличные, эфиромасличные, красильные и др. (Theophr. C. P. VI–VIII)), овощных (Theophr. C. P. VII, 1–4), плодовых (Theophr. C. P. II, 2–7) растениях. Если сравнить этот перечень с имеющейся в нашем распоряжении информацией о растениеводстве Боспора, то может показаться, что боспорские греки выращивали лишь ничтожную часть из этого списка, игнорируя целые отрасли растениеводства (например, выращивание технических культур, овощеводство). Но соответствует ли такая картина действительности? Ведь новые археоботанические данные постоянно расширяют список культурных растений, выращивавшихся на Боспоре (см., напр.: Гаврилов, Пашкевич, 2002). Кроме того, значительная часть археоботанических материалов с территории Боспора либо не обработана, либо не введена в научный оборот.

Очевидно, необходимы не только новые исследования, но и новые подходы к исследованию растениеводства Боспора, которые позволили бы рассматривать его именно как региональный, хотя и очень специфический, вариант греческого. При этом необходимо решить три задачи:

Создать системную картину греческого растениеводства, включив в нее не только основные (по общепринятому мнению), но и все его отрасли¹. Очевидно, что основой при создании такой картины будут данные письменных источников.

Определить, какие из растений, культивировавшихся в Греции, могли, а какие – не могли культивироваться на Боспоре в силу клима-

¹ К сожалению, в современных исследованиях продолжает доминировать абсолютизация «средиземноморской триады» (см., напр.: Isager, Skydsgaard, 1992. P. 19–43), хотя археоботанические исследования дают намного более объемную картину (Zohary, Hopf, 2003).

тических или эдафических причин. Результатом такой работы должна стать максимально полная (в пределах наших возможностей) картина потенциального набора культурных растений Боспора.

Дополнить полученную картину археоботаническими данными с территории Боспора, а также информацией письменных и, возможно, эпиграфических источников (малая эпиграфика). Очевидно, что последнее исследование не сможет в сколь-нибудь обозримом будущем дать окончательные результаты, поэтому необходимо говорить не только о доказанных фактах, но и потенциальных возможностях растениеводства в тех или иных районах Боспора. Последнее может указать и направление для дальнейших исследований в этой области.

Литература

- Блаватский. 1953 – *В. Д. Блаватский*. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- Гаврилов, Пашкевич. 2002 – *А. В. Гаврилов, Г. А. Пашкевич*. Палеоботанические материалы из поселения Новопокровка I и некоторые вопросы организации земледелия в сельской округе Феодосии в IV – начале III в. до н.э. // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002.
- Кругликова. 1975 – *И. Т. Кругликова*. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Isager, Skydsgaard. 1992 – *S. Isager, J. E. Skydsgaard*. Ancient Greek agriculture. New York, 1992.
- Pashkevich. 2001 – *G. A. Pashkevich*. Archaeobotanical studies on the northern coast of the Black Sea // *Eurasia Antiqua*. 2001. Bd. 7.
- Sarpaki. 1992 – *A. Sarpaki* The Palaeoethnobotanical Approach. The Mediterranean Triad or is it a Quarter?! Agriculture in Ancient Greece. Stockholm, 1992.
- Zohary, Hopf. 2000 – *D. Zohary, M. Hopf*. Domestication of Plants in the Old World. Oxford, 2000.

В. П. Былкова

О возможности использования данных декрета в честь Протогена для реконструкции исторической ситуации в Нижнем Поднепровье

Одним из самых «востребованных» эпиграфических памятников Северного Причерноморья для эпохи эллинизма остается ольвийский декрет в честь Протогена. Перечисление в этом документе этнонимов при отсутствии упоминания связанных с ними территорий вызвало различные интерпретации, основанные на анализе исторических собы-

тий и привлечении археологических данных. Предлагались варианты совмещения данных декрета с несколькими группами археологических памятников, в частности, существуют гипотезы, связывающие упомянутые в декрете народы с населением нижнеднепровского региона. В подобном случае привлечение археологических источников обязательно и целесообразно, поскольку может предоставить решающие аргументы.

Сам текст декрета не дает каких-либо оснований для выделения Нижнего Поднепровья в качестве территории, связанной с упоминаемыми в источнике событиями. Информация декрета о миксэллинах и варварских племенах, тем или иным образом связанных с Ольвией, по существу, накладывается на карту археологических памятников. Особую сложность, как известно, создает датировка декрета, установленная методами эпиграфики, поскольку она не полностью согласуется с историческим контекстом и археологическими данными.

«Вовлечение» населения нижнеднепровского региона в события, описанные в декрете, связано, в первую очередь, с представлением о постоянном существовании на указанной территории археологических памятников. Основанием для «перемещения» упомянутых в декрете миксэллинов, а также тисаматов, скифов и сандаратов на восток от Ольвии послужило изменение хронологии памятников Нижнего Побужья в результате углубленного исследования поселений ольвийской сельской округи. Проведение раскопок и разведок на известных и обнаруженных сравнительно недавно памятниках Нижнего Побужья позволило их исследователям утверждать, что синхронные декрету в честь Протогена поселения в западной и северной зонах ольвийской хоры отсутствуют. Соответственно «пограничные миксэллины» не могли быть сопоставлены с конкретными археологическими памятниками приольвийской территории и поиски места их проживания должны были переместиться на иные рубежи.

Анализируя археологическую ситуацию и совмещая ее с текстом декрета, И. А. Снытко, изучающий памятники ольвийской хоры, предложил следующий выход из сложившейся хронологической неувязки (Снытко, 1994). По его мнению, поселения левобережья Бутского лимана и побережья Днепровского лимана вплоть до устья Днепра «вполне удачно можно интерпретировать как места обитания миксэллинов времени декрета Протогена», тем более, что этот регион вполне можно считать пограничным. Развивает он также гипотезу о возможной связи населения нижнеднепровских позднескифских городищ с племенами декрета, предполагая, что эти памятники «с этнически однородными варварскими чертами» могли принадлежать скифам, тисаматам и сандаратам (Снытко, 1994).

Это мнение, как и другие попытки напрямую связать сведения декрета в честь Протогена с нижнеднепровским регионом, находятся в противоречии с имеющимися археологическими источниками. На первый план выдвигаются вопросы хронологии, хотя и другие характеристики памятников не вписываются в предложенное построение. Для рассмотрения проблемы могут быть использованы как результаты стационарных полевых исследований поселений, так и подъемный материал и фиксации случайных находок. Это необходимо отметить, поскольку для характеристики Нижнего Поднепровья как «редиктовой зоны» наличия памятников III–II в. до н.э. ссылки часто даются на единичные находки из Свода Н. А. Онайко (Онайко. 1970; Полни. 1992) или же на случайные находки нумизматического материала (Рубан, Урсалов. 1986; Saprykin. 2004. С. 83–85).

Датировки античного импорта, предложенные Н. А. Онайко, Б. Н. Граковым и первыми исследователями позднескифских городищ на Нижнем Днепре Н. Н. Погребовой, М. И. Вязьмитиной, Н. Г. Елагинной, в настоящее время естественно нуждаются в корректировке. В результате выясняется, что среди опубликованных Н. А. Онайко материалов в группе амфор остается только один артефакт, относящийся ко времени декрета Протогена. Это синопское клеймо из разведок 1954 г., найденное на левобережье в районе с. Ушкалка Верхнерогачицкого р-на Херсонской обл. (Онайко. 1970. С. 91. № 87). Клеймо ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ / ΚΛΕΟΝΙΚΟΥ / του ΜΕΝΙΟΣ / ΤΑΥΡΙΣΚΟΣ с двойной эмблемой входит в подгруппу V E и датируется началом II в. до н.э. (Соповісі. 1998. С. 37–38).

Другие виды керамики с датировкой III–II в. до н.э., упомянутые в Своде, представляют собой фрагменты сосудов с лаком «плохого качества», сосудов техники гнания, мегарских чаш и светлоглянчатых лагиносов. Следует отметить, что датировки по качеству лака в настоящее время не принимаются, техника гнания существовала еще в последней четверти IV – первой четверти III в. до н.э. (Ананьич. 2004), более подробная разработка хронологии мегарских чаш и другой эллинистической керамики демонстрирует их изготовление и использование во II–I в. до н.э., что находит отражение в соответствующих памятниках Северного Причерноморья (Внуков, Коваленко. 1998).

Обращает на себя внимание и тот факт, что накопление новых данных не дает оснований для изменения хронологических позиций. О. В. Фатеевым обработано более 300 клейм, найденных в районе Каменского и Капуловского городищ (Фатеев. 2004), но по-прежнему синопские клейма представлены только первыми тремя группами с абсолютными датами до 280 г. до н.э. (Соповісі. 1998), а херсонесские клейма относятся к подгруппам I группы и к подгруппе II A с абсолют-

ными датами до 272 г. до н.э. (Кац, 1994). Это справедливо и в отношении памятников, на которых в настоящее время проводятся раскопки.

Вывод В. В. Рубана о том, что во второй половине III – первой половине II в. до н.э. «на левобережных поселениях Бугского лимана до дельты Днепра заметны следы жизни, которые свидетельствуют либо о том, что на указанных памятниках жизнь в какой-то форме продолжалась еще с первой половины III в. до н.э., либо же о попытках восстановления хоры после галатских разорений» (Рубан, Урсалов, 1986. С. 46–47), для территории Нижнего Поднепровья базируется на датировке «Борисфенов» вплоть до середины III в. до н.э. и непроверенной информации о находке на Белозерском поселении двух ольвийских монет первой половины II в. до н.э., около 180–170 г. до н.э. (Анохин, 1989. С. 111). Даже если они действительно найдены в этом районе, что точно неизвестно, не имеется оснований для их связи с конкретным археологическим памятником. Белозерское поселение исследуется раскопками под руководством автора на протяжении более 10 лет, многочисленный материал найден также в результате разведочных работ. Завершающий период жизни на этом поселении может датироваться последними десятилетиями IV – первой четвертью III в. до н.э.

Что касается конкретных хроноиндикаторов, дающих самые поздние даты, то к княдскому клейму группы 305–280 г. до н.э. и херсонесскому клейму подгруппы I. В 280-х г. до н.э., представленным подъемном материале из разрушенного культурного слоя, в 2004 г. добавилась находка из раскопа. Среди остатков наземной постройки рядом с камнями разрушенной кладки обнаружено почти полностью сохранившееся синопское клеймо ΘΕΥΔΡΙΔΟΥ / ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ / ... ΤΕΥΟΡΑ подгруппы III C также 280-х г. до н.э. (Conovici, 1998. С. 38). Это – самое позднее клеймо, найденное в раскопе, и единственное синопское клеймо третьей хронологической группы, обнаруженное на Белозерском поселении. Аналогичная ситуация в отношении завершения жизни и конкретных хронологических индикаторов наблюдается на соседних, расположенных западнее – уже на побережье Днепровского лимана – поселениях Глубокая Пристань и Усадьба Литвиненко (Вуйкова, 2005. С. 219–220). Следует также принять во внимание и предлагаемое понижение абсолютной даты ольвийских «борисфенов» до 350–275 г. до н.э. (Демьянчук, Туровский, 1999; Туровский, 2003). Таким образом, анализ археологических данных не дает оснований связать поселения на побережье Днепровского лимана и в устье Днепра с миксалинами декрета в честь Протогена.

Остается вопрос о возможности привлечения позднескифских городищ в качестве памятников населения, упомянутого в декрете или каким-то образом связанного с ним. Археологические раскопки на этих памятниках прекратились в начале 1990-х г., некоторые из городищ

совсем не исследовались и известны только по подъемному материалу, но значительная часть полученных данных введена в научный оборот. Большой проблемой является состояние этих памятников, в связи с чем все исследователи отмечали сложность использования стратиграфических наблюдений.

Несмотря на сравнительно неплохую изученность позднескифских городищ Нижнего Днепра не решен вопрос о времени их возникновения. Сама позднескифская культура датировалась еще Н. Г. Елагинной от II в. до н.э. (Елагина. 1953), но время возникновения памятников не было предметом специального исследования, тем более, что позднескифская культура воспринималась как завершающий этап скифской и предполагалось, что Нижнее Поднепровье было заселено непрерывно. Анализ массового амфорного материала и другого керамического импорта показал, что самые ранние поступления импорта на городища относятся к I в. до н.э. – I в. н.э. (Абикулова. 1991; Абикулова. 1994), а более ранний материал представляет собой, как правило, единичные находки. Попытки уточнить дату этого раннего материала показали, что он различается на разных городищах и со временем декрета в честь Протогена соотнести его трудно. Единственным памятником, на котором явно выражены материалы II в. до н.э., является Знаменское городище. Из узко датированного материала выделяются две ручки родосской амфоры с клеймом Архемброта второй половины II в. до н.э., по уточненной хронологии этот магистрат относится приблизительно к 134–133 г. до н.э. (Finkielsztejn. 2001. С. 165, 195; Tabl. 16, 21). Остальной керамический материал узко не датируется, но, как указывалось выше, относить его к первой четверти II в. до н.э. оснований нет. Единственная риния (среднелатенская) фибула датируется даже в самой ранней системе абсолютных дат. (Каспарова. 1984) второй половиной II в. до н.э. На остальных позднескифских городищах находки первой половины II в. до н.э. не выделяются, а самые ранние материалы относятся к концу II – началу I в. до н.э. и к более позднему времени (Былкова. 1999; Вулкова. 2005). В связи с коррекцией датировок снимаются аргументы в пользу раннего возникновения позднескифских городищ на Нижнем Днепре и представляется невозможным связать массив позднескифских городищ с населением, упомянутым в декрете в честь Протогена.

Не предлагая абсолютизировать археологический источник как таковой, при рассмотрении подобных ситуаций представляется более целесообразным поставить письменные источники на подчиненное место в отношении к археологическим. Не все факты поддаются интерпретации, в частности, это касается распространения нумизматических материалов в виде случайных единичных находок, не привязанных к археологическому контексту. Тем не менее, при характеристике

исторической ситуации в определенном регионе конкретные результаты археологических исследований облегчают верификацию предложенных гипотез.

Литература

- Абикулова. 1991 – М. И. Абикулова. Экономические связи позднескифского населения Нижнего Днепра с античным миром: Разработка диссертационной темы. Херсонский краеведческий музей. Фонды археологии. Б/н.
- Абикулова. 1994 – М. И. Абикулова. Керамічна тара з пізньоскіфських пам'яток Нижнього Дніпра // Археологія. 1994. № 3.
- Аваньич. 2004 – Е. Б. Аваньич. Разнородностическая керамика гняния в коллекции Эрмитажа // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004.
- Анохин. 1989 – В. А. Анохин. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. К., 1989.
- Бышкова. 1999 – В. П. Бышкова. К вопросу о населении Нижнего Поднепровья в III–II в. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. III. Запорожье, 1999.
- Внуков, Коваленко. 1998 – С. Ю. Внуков, С. А. Коваленко. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе. // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998.
- Демьянчук, Туровский. 1999 – С. Г. Демьянчук, Е. Я. Туровский. О времени чеканки ольвийских «борисфенов» // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 1999.
- Елагина. 1953 – Н. Г. Елагина. Население Нижнего Поднепровья во II в. до н.э. – IV в. н.э.: Автореферат дисс. М., 1953.
- Каспарова. 1984 – К. В. Каспарова. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена. // АСГЭ. 1984. № 25.
- Кац. 1994 – В. И. Кац. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994.
- Онайко. 1970 – Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV – II в. до н.э. САН Д1–27. М., 1970.
- Полин. 1992 – С. В. Полин. От Скифии к Сарматии. К., 1992.
- Рубан, Урсалов. 1986 – В. В. Рубан, В. Н. Урсалов. История денежного обращения на сельской территории Борисфенды и Ольвии допетровского времени // ВДИ. 1986. № 4.
- Снытко. 1994 – И. А. Снытко. Еще раз о миксэллиниях ольвийского декрета в честь Протогена // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. II. Запорожье, 1994.
- Туровский. 2003 – Е. Я. Туровский. Некоторые актуальные вопросы ольвийской нумизматики // Древнее Причерноморье. V. Одесса, 2003.
- Фатеев. 2004 – О. В. Фатеев. Находки амфорных клейм в Нижнем Поднепровье // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. XI. Запоріжжя, 2004.
- Bylkova. 2005 – V. P. Bylkova. The Chronology of Settlements in the Lower Dnieper Region (400–100 BC) // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC. Aarhus, 2005. – (Black Sea Studies 3).

- Conovici. 1998 – *N. Conovici*. *Histria. Les resultats des fouilles. VIII. Les timbres amphoriques. 2. Sinope*. Bucarest-Paris, 1998.
- Finkielsztein. 2001 – *G. Finkielsztein*. *Chronologie detailee et revisee des eponyms amphoriques rhodiens, de 270 a 108 av. J.-C. environ: Premier bilan (BAR International Series)*. Oxford, 2001.
- Saprykin. 2004 – *S. Yu. Saprykin*. *Money Circulation on Chorai of Olbia and Tauric Chersonesus in Pre-Roman Period // Presenza e funzioni della moneta nelle chorai delle colonie greche dall'Iberia al Mar Nero*. Roma, 2004.

В.Г.Зубарев

К вопросу о локализации местности «Тафрос» (античная традиция и данные археологии)

Проблема локализации местности «Тафрос» до сих пор неоднозначно решается исследователями. Во многом это объясняется путаницей вокруг топонима «перешеек» в античной письменной традиции, связанной с наличием на Крымском полуострове нескольких сужений – «перешейков» (Перекопский, Ак-Монайский, Узунарский) и нескольких рвов.

Сопоставления сведений Геродота, Страбона, Помпония Мелы, Плиния и Клавдия Птолемея позволяет прийти к заключению, что в античной традиции под топонимом «перешеек» понимался как Перекопский перешеек, так и перешеек Узунарского вала на Керченском полуострове. В этой связи определение местоположения района Тафрос, бесспорно относящегося к Крымскому полуострову, в Присивашье между перекопом и Чонгаром далеко не однозначно.

Предпринятая нами локализация населенных пунктов в Северо-Западном, Юго-Западном и Восточном Крыму выявила явную лауну в античной географии Крымского полуострова (Зубарев, 2005). Обширный район Степного Крыма никак не обозначен географами. В то же время, судя по сведениям Страбона, Плиния и Птолемея, они знали о его существовании, указывая на четкие границы. У Страбона это стена Асандра, отгородившая земледельческий район (Strabo, VII, 4, 6). У Плиния это шесть варварских городков по северной границе предгорья (Plin., NH, IV, 85). У Птолемея – населенные пункты внутри Херсонеса Таврического, крайние западные из которых (Тафр и Сатарха) локализуются по линии Узунарского вала (Зубарев, 2005).

Определенным подтверждением наличия границы со степью служат остатки древних валов к западу от Узунарского перешейка, выявленные как с помощью аэрофотосъемки, так и в ходе археологических

разведок (Масленников. 2003; Гаврилов. 2004). Степень их изученности пока недостаточна для определения времени их функционирования, однако вполне можно предположить наличие единой системы, защищающей земледельческие районы от степняков.

Локализация страны Тафры, окруженной рвами, между Перекопом и Узундарским валом заполняет обширную лауну в античной географии Крымского полуострова, возвращая на его карту район Степного Крыма. Неточные сведения о его размерах приводили зачастую к сужению границ и даже к совмещению Перекопа с Узундарским валом, что породило впоследствии устойчивую тенденцию к отождествлению местности Тафры исключительно с районом Перекопского перешейка. Между тем, совокупный анализ античной литературной традиции позволяет говорить о том, что в ней сохранились описания как двух районов заселения поздних скифов (предгорного Крыма и Северо-Западного Крыма), так и Степного Крыма, носившего, по крайней мере, в позднесэллинистическое и римское время название Тафры.

А. Р. Панов

Восстание Кастора в Фанагории: интерпретация источников

Восстание фанагорийцев против Митридата Евпатора стало ключевым событием в ходе крушения его власти в Северном Причерноморье. Восстание было поддержано жителями других городов, а затем волнение охватило и царскую армию, в результате чего после выступления против него сына – Фирнака Митридат предпочел покончить жизнь самоубийством. Инициатором мятежа в Фанагории источники называют Кастора, что заставляет с особым интересом отнестись к тем немногим сведениям, которые сообщают о нем Аппиан и Павел Орозий.

О восстании в Фанагории Аппиан пишет, что после того, как Митридат послал туда войска, Кастор «подвергнутый некогда телесному наказанию (παιδεία) царским евнухом Трифоном, напал на Трифона, когда он входил в город, убил его и стал призывать народ вернуть себе свободу» (App., Mithr., 108 – пер. С. П. Кондратьева). Орозий же называет Кастора «префектом» (praefectus) Митридата и говорит, что ранее он «управлял» (praeserat) Фанагорией, а потом убил царских друзей и захватил крепость (Oros., VI, 5, 2). Оба автора считают Кастора бесспорным лидером восстания фанагорийцев против Митридата. При этом, судя по всему, положение, занимаемое Кастором в городе ранее,

было очень высоким, что, возможно, и предопределило широкое распространение восстания, и критические его последствия для Евпатора – Аппиан прямо называет фанагорийцев виновниками гибели Митридата (App., Mithr., 113).

Очевидно, Орозий видел в Касторе прежнего наместника города, управлявшего Фанагорией при Махаре. В связи с этим термин «κρίσιμος», используемый Аппианом применительно к Кастору, наводит на определенные размышления. Сам глагол «κρίσιμι» и формы, образованные от него, встречаются в «Римской истории» Аппиана около десяти раз, в том числе в «Митридатых войнах» трижды, включая разбираемый пассаж. Это слово может носить оттенок не просто телесного, а мучительного и опозоривающего наказания, которое применялось за преступления против самого царя, прежде всего за измену. Так в «Митридатых войнах» Аппиан впервые использует это слово, говоря о мучениях, которым подверглись перед казнью участники заговора против Митридата – Миннион и Филотим из Смирны, а также Клисфен и Асклепиодот с Лесбоса (App., Mithr., 48). То же самое относится и к заговорщикам во главе с римлянином Аттидием, которые строили планы покушения на жизнь царя – все они, кроме Аттидия, испытали перед смертью мучения, причем Митридат отпустил невредимыми вольноотпущенников, говоря, что они служили своему господину (App., Mithr., 90).

Аналогия просматривается вполне определенно. Как известно, до прибытия Митридата на Боспор царством управлял его сын Махар, пошедший на измену отцу. В ходе противоборства Митридата с Римом Махар счел за лучшее перейти на сторону римлян. Около 70 г. до н.э. он прислал к Лукуллу посольство с предложением дружбы и союза, а после заключения договора отослал к римлянам продовольствие, заготовленное для войск Митридата (Memn., XVI, LIV; App., Mithr., 83; Plut., Luc., XXIV; Liv., Per., XCVIII). Впоследствии Махар пытался оправдаться перед отцом, но это ему не помогло – Митридат сумел закрепить на Боспоре, и, поскольку Махар покончил жизнь самоубийством, то наказал его друзей. Аппиан дает интересную подробность (App., Mithr., 102), что царь казнил друзей Махара, которых сам дал ему, а приближенных своего сына, которые служили ему как личному другу, он отпустил невредимыми. Это понимается как свидетельство того, что суровым репрессиям подверглись представители понтийской знати, отобранные Митридатом для личного окружения Махара, в то время как боспорцы, занимавшие высокие должности при царском сыне, избегли наказания.

Сопоставление этих фактов позволяет выстроить предположительную цепочку событий. О происхождении Кастора ничего не известно, но имя его явно эллиское, и, вероятнее всего, Фанагория была для

него родным городом, поскольку Аппиан во всей своей «Римской истории» использует этноним «фанагориец» лишь однажды и применительно как раз таки к Кастору. Поэтому в Касторе можно видеть фанагорийца, представителя зажиточных слоев греческого населения города, который сумел какими-либо деяниями обратить на себя внимание Махара и удостоиться положения представителя царской администрации в Фанагории. К сожалению, взаимоотношения боспорских правителей с гражданскими коллективами городов – проблема, изученная слабо, прежде всего, из-за нехватки бизы источников. Тем не менее, исследователями признается, что уже со времен объединения городов при Археанактидах цари имели возможность вмешиваться в городскую жизнь лично или через специальных должностных лиц, и ничто не препятствует признать Кастора таким должностным лицом. После прибытия на Боспор Митридата положение Кастора радикально изменилось – служба Махару – предателю отца теперь стала основанием для обвинения. То, что Кастор был боспорцем, а не понтийцем, смягчило в глазах Митридата его вину и сохранило ему жизнь, но не убергло от позорного наказания, исполнителем которого стал Трифон. Как только представилась возможность отомстить своим мучителям, Кастор незамедлительно ею воспользовался, бросив призыв к восстанию.

Восстание фанагорийцев закончилось победой повстанцев, им удалось одержать победу над царским гарнизоном, находившимся в городе, и даже захватить в плен пятерых детей Митридата – сыновей Артаферна, Оксатра, Дария, Ксеркса и дочь Эвпатру. Впоследствии Кастор переслал к римлянам царских детей (Oros., VI, 5, 2), и, бесспорно, притворился к этому донесение о произошедших событиях с просьбой обратить внимание на роль Фанагории и его самого в антимиитридатском движении. Хотя после гибели Митридата его преемником стал сын Фарнак, Кастор предпочел вступить в отношения не с ним, а с римлянами. И Кастор, и Фарнак находились в равном положении и ожидали решения своей судьбы от римлян, причем в заслугу себе они могли поставить одно и то же – восстание против Митридата, которое можно было трактовать как выражение проримских симпатий. Характерно, что и Фарнак поступил так же, как и Кастор, отправив Помпею тело своего отца, заложников и дары.

Помпей удовлетворил просьбы и фанагорийцев, и Фарнака – последний стал боспорским царем, а фанагорийцы были объявлены свободными и автономными (*ελευθεροῖσι καὶ αὐτονομῶσι* – App., Mithr., 113). Понятие «свобода и автономия» имело различный характер в разные эпохи, но в рассматриваемый период дарование римлянами «свободы и автономии» отнюдь не означало, что тот или иной город становился полисом в классическом понимании – т.е. городом, не зависящим от какой-либо внешней силы. Скорее это понималось как признание

высшего суверенитета Рима, который мог даровать «свободу и автономию», но мог ее и ограничить, если городские власти проводили недружелюбную политику по отношению к Римскому государству. Там, где это им было выгодно, римляне поощряли политику сохранения «свободы и автономии», а где это им не сулило никаких выгод – ограничивали свободу. Очевидно, свобода и автономия означали для Фанагории буквально освобождение от власти боспорских владык, и за этим, безусловно, должна была стоять переориентация в своей политике на Рим.

Зачинщик же выступления Кастор был назван Помпеем другом римлян – *Ρωμαίων φίλος* (App., *Mithr.*, 114). Очевидно, что это следует понимать, как наделение Кастора официальным званием «союзник и друг римского народа». В период республики звание союзника и друга римского народа ценилось достаточно высоко. Получение звания обычно сочеталось с заключением договора о дружбе и союзе. Насколько известно, такое звание обычно получали правители союзных или зависимых от Рима государств и полностью оно звучало как *tex sociusque et amicus*, хотя не всегда античные авторы, в том числе и Аппиан, приводят полную формулировку. Ливий в одном месте поясняет римское понимание значения этого звания: в ответ на просьбу царя Вермины признать его царем, союзником и другом римского народа, был дан ответ, что звание друзей и союзников римляне дают в виде особой чести и лишь тем царям, чьи заслуги перед Римом велики и значительны (Liv., XXXI, 11, 14–16). Таким образом, здесь звание друга и союзника взаимосвязано с царским титулом. Правда, союзные общины также могли удостоиться подобного звания, но Аппиан в данном случае четко персонифицирует римского друга в лице Кастора, а не гражданского коллектива Фанагории.

Источники умалчивают о дальнейшей судьбе Кастора, однако вполне возможно, что он не только не ушел с политической сцены в тень, но и вновь занял в городе высокое положение. Доводом в пользу этого предположения является как раз его официальное звание, которое вряд ли было дано ему как частному лицу. Кроме того, Аппиан упоминает о Касторе как о друге римского народа в конце перечня монархов, оставленных римлянами на троне, что косвенно указывает, что и Кастора Аппиан причислял к правителям – союзникам Римского государства. Так, он пишет, что «из завоеванных народов он [Помпей] одних оставил автономными за оказанную военную помощь, других он подчинил римлянам, а третьих передал под власть царей», и далее идет список монархов, очевидно, в порядке их могущества, – начинается он именем армянского царя Тиграна, а заканчивается именем Кастора (App., *Mithr.*, 114). Обеспечивать сохранение союза и дружбы с Римом Кастор мог, лишь находясь у власти в Фанагории. Поэтому вполне ве-

роятно, что Кастор вновь встал во главе городского управления Фанагории, и сделано это было не без помощи римлян.

В дальнейшем Фанагория вновь была подчинена власти боспорского царя – Фарнак осадил город и одержал победу над городским ополчением (Арр., 120). Эти события предшествовали началу борьбы Фарнака против Рима, и относятся, очевидно, ко второй половине 50-х г. I в. до н.э. О Касторе Аппиан не упоминает – видимо, к тому времени фанагориец был уже мертв.

Таким образом, анализ источников позволяет предполагать, что Кастор, поднимая восстание в Фанагории, имел основания надеяться, что его призыв будет услышан благодаря тому, что ранее он стоял во главе городского управления; в последующем же его статус вновь мог быть восстановлен.

А. Я. Щетенко

К реконструкции некоторых персонажей религиозного пантеона древнеиндийской цивилизации (по данным археологии и письменных источников)

Изучение религиозных представлений древнего населения Индостана опирается на два вида источников: археологические, включающие изобразительные, и письменные. Согласно концепции ритуально-мифологических моделирующих систем, изобразительные памятники могут быть сопоставлены с традиционными мифологическими представлениями письменных источников. Для территории Индостана скульптура и роспись на керамике представляют значительный интерес при сравнении их сюжетов с данными Ригведы (РВ) и более поздней письменной традицией. Два основных феномена явились консолидирующей культурной и социальной основой индуизма: религиозные представления носителей протоиндийской (харапской) цивилизации и культы и верования кочевников-скотоводов ариев РВ. До прихода ариев почитание изображений было в обычае у носителей харапской культуры: антропоморфные фигуры в окружении адорантов представлены на печатях и амулетах. Дешифровка части протоиндийской письменности позволила выявить целую систему религиозных представлений харапцев, определить пантеон божеств, оказавший заметное влияние на мировоззрение ариев (Волчок, 1972).

Среди ученых нет единого мнения о существовании скульптурных изображений в ранневедийский период. М. Мюллер и А. Макдонелл

считают, что их не было, но Ф. Болленсен утверждает, что намеки на их изображения есть в РВ: в одном случае говорится о Рудре (II, 33, 10), в другом – об Индре: «Кто купит у меня этого Индру за десять дойных коров? \ Когда он разобьет врагов, \ То пусть отдаст мне его назад» (IV, 24, 10). Полагают, что такие изображения создавались не для почитания божества, а для совершения магических действий, когда изображение произается стрелами (убивается), что напоминает ритуалы харашцев, изученные по жертвенным надписям. Самое раннее изображение богов отмечает Панини, который называет его *атанья*, т.е. «то, что не для продажи», в отличие от упомянутого изображения Индры. Сообщает о них и «Параскара-грихьясутра» (III, 14, 8), а в Апастамба-грихьясутре (VII, 20) описан их домашний культ, который в Матсья пуране (258, 3) получает теоретическое обоснование приравниванием его к жертвоприношению. Этот главный ритуал ариев РВ, подробно описанный в брахманах, как бы свидетельствует об отсутствии почитания антропоморфных изображений. Однако в предшествующий период сосуществования ариев с местными племенами, когда еще не было создано канона скульптурных изображений, уже могла существовать традиция изображения отдельных богов, в первую очередь, Индры, Пушана, Ямы.

В этой связи особое значение приобретает клад с поселения Даймабад в Центральной Индии (Dhavalikar. 1978. P. 203–211). В его составе четыре медных предмета весом около 65 кг: колесница, запряженная двумя быками со стоящим возницей, и фигурки слона, носорога и буйвола (Рис. 1). Возница – реалистично выполненная скульптура мужчины с penisом в состоянии эрекции. У него небольшая голова с широким носом и волевым подбородком; волосы на затылке собраны в пучок; в руке – стрекало. На животе сохранился след, напоминающей отпечаток кашпона кобры, которая, вероятно, стояла на хвосте перед возничим. Платформа повозки украшена двумя парами стилизованных птиц; из передней – поднимаются перила с отогнутыми вперед концами, напоминающими головки змей. От верхней перекладины перил отходят два прута, упирающиеся в спину собаки на передке повозки. Дышло заканчивается ярмом (с рогами козла), покоящимся на шеях самцов зебу. Фигурки животных выполнены с сохранением пропорций изображаемых видов индийской фауны, представленных и на харашских печатях. Сакральный характер клада не вызывает сомнений, о чем говорят конструкция повозки (перила в виде стоящих змей, птицы, кобра, колеса в форме соларных символов), состав «стада», итифаллическое состояние возничего и стрекало в его руке.

М. К. Дхаваликар рассматривает клад как творение харашского мастера. Он не анализирует химический состав металла вещей клада и харашских артефактов, игнорируя различия стилистических фигурок животных

хараппцев, отличного от скульптур клада. Три модели бронзовых колесниц из Хараппы и Чанху-Даро сопоставимы с даймабадской повозкой, но стратиграфически они относятся к постхараппскому времени. Примесь мышьяка, а не олова (признак хараппской металлургии), характерная черта «бронзы» халколита Северного Декана и медных кладов долины Ганга. Расточительное использование меди не типично для хараппцев, но сопоставимо с весом клада (400 кг) из Гунгерии, и с большим числом предметов в Ганешваре (Щетенко. 2002. С. 72).

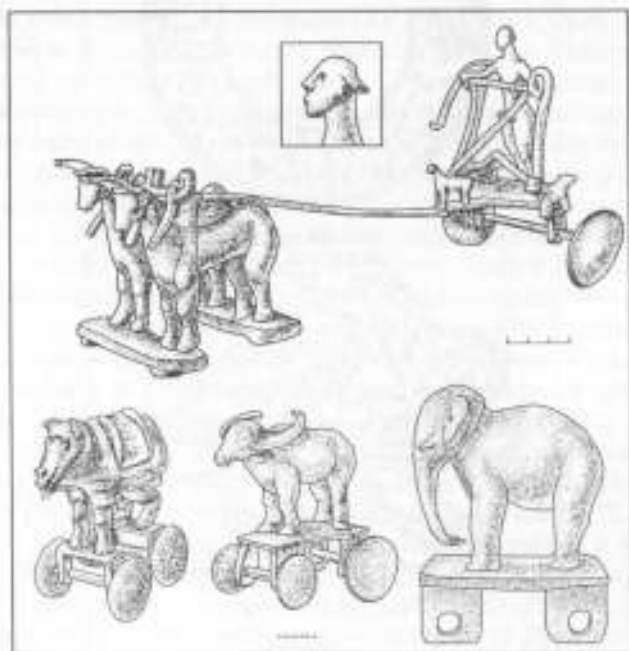

Рис. 1. Клад вещей из поселения Даймабад

Прототипом возницы М. К. Дхаваликар считает божество на печати 420 из Мохенджо-Даро, которое Дж. Маршалл трактовал как самое раннее изображение прото-Шивы в облике Пащупати (Marshall. 1931. P. 53–56), опираясь на «трехликость» бога, сидящего на «троне», в окружении буйвола, слона, носорога, тигра и двух козлов. Ю. В. Кнорозов полагал, что это верховный бог хараппцев в образе Владыки мира (Кнорозов. 1972. С. 203). За признак итифаллического состояния, ученый ошибочно принял пояс, один конец которого проходит между ног; такое одеяние (*langat*) носят в современной Индии (Maskey. 1938. P. 335). Он предположил и наличие четвертого лица у

бога в соответствии с четверкой животных – символов основных направлений розы ветров. Но, письменные источники свидетельствуют, что эти соответствия менялись от эпохи к эпохе: в Атхарваведе (АВ) востоку соответствовал бог Агни, югу – Индра, западу – Варуна, северу – Сома, а в пуранах, соответственно, – Индра, Яма, Варуна, Кубера, или Сома (Mailmann, 1963. Tab. A).

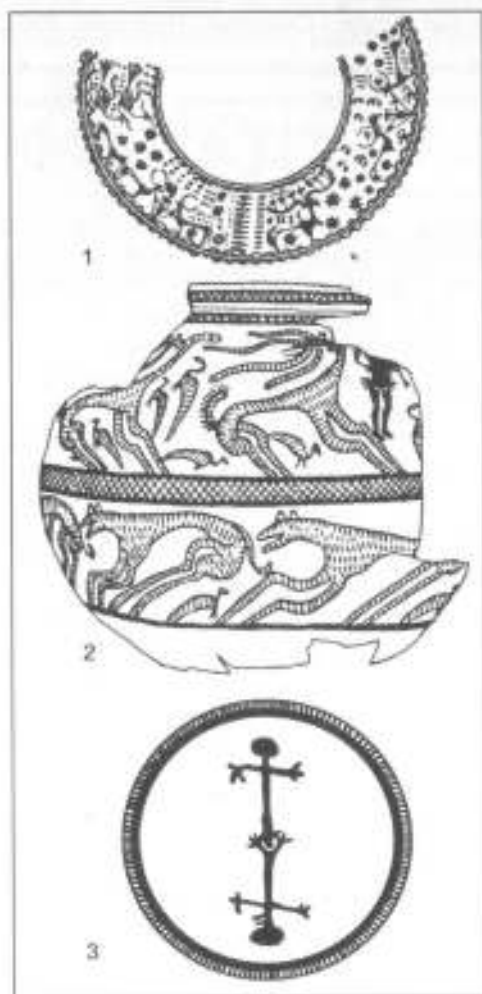

Рис. 2. Роспись на керамике. 1 – погребальная урна из могильника Н Харанпы; 2, 3 – сосуды из поселения Дайзбабал, период V

Эволюционировал и образ Шивы. Часто встречаемый в поздних ведах и пуранах эпитет Рудры и Махадэвы – *Шива* – благожелательный (*śivāh*), лишь однажды упомянут в поздней мандале РВ (X, 92, 9). Шиванты считают, что в РВ он был известен как Рудра, и как бог, обеспечивающий плодородие животных, выполнял функцию Шивы в ипостаси Пашупати. Впервые это фиксирует АВ (XI, 2,9). В пуранах немногочисленные боги РВ уступают место Брахме-творцу, Вишну-хранителю и Шиве-разрушителю миров. По идее они едины, но в жизни последователи Вишну и Шивы ведут борьбу за лидерство. А в древности Брахма был во главе триады. В Яджурведе (ЯВ) Верховное Существо говорит: «От меня родился Брахма; он превыше всего, он Питамеха, отец всех людей; он Аджа и Сваямбху, или Самосуший» (Томас, 2000, С. 41). В иконографии у Брахмы четыре головы, а первоначально было пять, пока одну из них не отрубил Шива, что отражает его победу над адептами Брахмы. В искусстве Шиву изображают в виде Махайоги-отшельника: на голове – серп луны, на лбу – третий глаз; кудри стянуты кольцом кобры, вторая змея обвивает шею, третья – служит священным шнуром. Неизменный спутник Шивы – бычок Нанди, символ его плодотворяющей мощи. Очевидно, что в иконографии Шивы нет ничего общего с изображением божества на печати 420. Следовательно, вероятно, первоначально главным арийским богом был Брахма, и если он был связан с культом верховного бога хараппцев, то последнего следовало бы именовать «прото-Брахма» (Щетенко, 2004 а). Однако, трехликость божества – фикция: две пряди торчащих волос были приняты за носы. Нет трех ликом и на малых копиях йогов (Maskey, 1937, Pl. LXXXVII, 222, 235), что отметила и Ю. В. Кнорозов (1972, С. 208). Но, у них есть «косы», как и у других божеств на печатях, и в скульптуре: на спине мужской фигурки из Мохенджо-Даро сохранилась длинная, аккуратно заплетенная коса (Wheeler, 1968, Pl. XIX, A). А самое раннее скульптурное изображение трехликого Шивы относится только к периоду Паллава (Волчок, 1972, С. 265). Культ поклонения сексуальным отношениям и их символам, признанный в индуизме, вероятно, не арийского происхождения. В РВ об этом говорится вполне определенно: «Он (*Индра* – А. Щ.) пусть торжествует над врагом из изменчивого рода! Пусть членопоклонники не просочатся в наш обряд!» (VII, 21, 5). Значит, Брахма предшествовал ипостаси Шивы-Пашупати, и только в поздневедийский период на первый план выдвинулась созидательная функция Рудры-Шивы, и символом Шивы стал лингам.

Связующим звеном между верховным божеством протоиндийцев и Рудрой-Шивой мог быть один из богов РВ Пушан, характерной чертой которого была коса (IX, 67, 12), затем борода (X, 26, 7). В пуранах, где его имя встречается очень редко, это уже старик без зубов, которые ему

выбил Шива (Томас. 2000. С. 98). Но вначале – Пушан возлюбленный дочери Солнца, посол бога солнца Сурьи (РВ VI, 58; X, 85). Ему приписывается большая мужская сила, его называют женихом своей матери и любовником сестры (VI. 55, 5), просят наделить девицами (IX. 67, 10–12). Пушан – покровитель скота, перемещается на колеснице, запряженной парой козлов или быков, погоняемых стрелалом; он охранитель дорог и кладов, провожает умерших по пути предков (X, 17). В этой ипостаси Пушан связан с царем преисподней Ямой. Возможно, хранителями преисподней уже в харашское время были змеи (Кноров. 1972. С. 194). В РВ они упоминаются часто, но только в АВ и ЯВ фиксируется их культ; в поздний ведийский период они сопровождают Яму. Голуби в поздних частях РВ трактуются как зловещие птицы, а в Агни пуране они уже спутники Ямы (Majurugia. 1977. P. 147). В РВ собаки еще считались ритуально нечистыми (Елизаренкова. 1999. С. 447), но об их сакрализации говорят поздние веды и пураны. Фигурка собаки на колеснице явно указывает на ее священные функции: она выступает помощницей Ямы при сопровождении душ умерших на небеса (РВ X, 14. 10).

Можно предположить, что возникший является изображением бога Пушана (Щетенко. 2004 б. С. 71). У харашских обнаженных мужских статуэток (их мало), где сохранились руки или пенис, они опущены вниз. По мнению джайнов, это прототипы основателей их вероучения «*тиртакхаров*». Даймабадский возникший, вероятно, отражает некую религиозно-этическую функцию: он бог производитель со стрелалом в руке. Здесь уже присутствуют атрибуты Шивы (змеи) и Ямы (собака и голуби), что указывает на ведийско-брахманский период (XII–VIII в. до н.э.) схемы Б. Б. Лала (1984. С. 118), которым можно предположительно датировать создание скульптур и их захоронение в кладе.

О том, что изображения богов становится популярным в постхарашское время, свидетельствуют сюжеты на керамике. Уже М. С. Ватс трактовал роспись одной из погребальных урн могильника «Н» (Рис. 2. 1), как иллюстрацию ведийского мифа о путешествии души умершего на небеса, сопровождаемой Ямой и его собакой (Vats. 1940. P. 234). По моему мнению, он не отметил птиц, представителей Ямы и, возможно, Пушана (персонаж между козлами), и Индру – быка-зебу с рогами, украшенными отростками-трезубцами – символами Индры, а позднее Шивы (Bhavani. 1974. P. 45–47).

В верхней части сосуда из Даймабада (Рис. 2. 2) изображены олени, бегущие вправо, и мужчина в набедренной повязке; в нижнем регистре – хищники, устремленные влево. Сцены разделены лентой, но наличие павлинов (упоминаются в поздних частях РВ), объединяет их в один сюжет. Отметим, что в Махабхарате бог Шива явился Арджуне в виде охотника (Томас. 2000. С. 81).

Иной сюжет из Даймабада представлен на дне чаши (Рис. 2. 3). Это пара в позе сексуального контакта, мистический смысл которого может пояснить РВ. Ученых смущает парадоксальность содержания строки, относящейся к матери Марутов: «Это она, Пришни, вложила зародыш ради могучего (Рудры)» (X, 66. 3). К. Ф. Гельднер допускает возможность понимания Пришни как мистического объединения мужского и женского начал, известного уже в РВ и получившего развитие в индуизме (Елизаренкова. 1995. С. 608). По одной из версий пуран, Брахма родился от Верховного Существа, когда оно соединилось со своей энергией – Майей. В индуизме единение лингама и йони олицетворяет символ *кунди* в виде фигуры мужчины-женщины Ардхаваришвары, означающей союз бога и его шакти (Бэшем А. 1977. С. 333). Вероятно, изображение на чаше из Даймабада отражает один из ранних этапов в развитии культа лингама-йони.

Итак, процесс взаимовлияний идеологий элит ариев и хараппцев проходил постепенно по мере контаминации индоарийских богов с местными божествами. Тексты РВ и данные археологии позволяют реконструировать, с определенной долей вероятности, некоторые персонажи пантеона божеств ариев, которые могут найти подтверждение в новых археологических открытиях.

Литература

- Бэшем. 1977 – А. Бэшем. Чудо, которым была Индия. М., 1977.
- Волчок. 1972 – Б. Я. Волчок. Протоиндийские божества // *Proto Indica*: 1972. М., 1972.
- Елизаренкова. 1995 – Т. Я. Елизаренкова. Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1995.
- Елизаренкова. 1999 – Т. Я. Елизаренкова. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1999.
- Кнорозов. 1972 – Ю. В. Кнорозов. Формальное описание протоиндийских изображений // *Proto Indica*: 1972. М., 1972.
- Лал. 1984 – Б. Б. Лал. Культура серой расписной керамики // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л., 1984.
- Томас. 2000 – П. Томас. Индия. Легенды, мифы и эпос Древней Индии. СПб., 2000.
- Щетенко. 2002 – А. Я. Щетенко. Клады первобытного Индостана // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.
- Щетенко. 2004 а – А. Я. Щетенко. Прото-Шива или прото-Брахма: к интерпретации изображений на печатях Мохенджо-Даро // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: Археология, история, этнология, культура. СПб., 2004.
- Щетенко. 2004 б – А. Я. Щетенко. Первое скульптурное изображение ведийского бога Пушана // Изобразительные памятники: Стиль, эпоха, композиция. СПб., 2004.

- Bhavani. 1974 – *E. Bhavani*. Decorative Designs and Craftsmanship in India // *Folk and Tribal Designs of India*. Bombay, 1974.
- Dhavalikar. 1978 – *M. K. Dhavalikar*. Proto-Pasupati in Western India // *East and West*. Vol. 28. Rome, 1978.
- Mackey. 1937. 1938 – *E. J. H. Mackey*. Further Excavations at Mohenjo-Daro. Vol. I. Delhi, 1938. Vol. II. Delhi, 1937.
- Majumuria. 1977 – *T. C. Majumuria*. Sacred and Symbolic Animals of Nepal. Kathmandu, 1977.
- Mallmann. 1963 – *M. T. Mallmann*. Les enseignements iconographiques de l'Agni-Purana. P., 1963.
- Marshall. 1931 – *J. Marshall*. Mohenjo-Daro and the Indus Civilization. Vol. I. L., 1931.
- Vats. 1940 – *M. S. Vats*. Excavations at Harappa. Vol. I. Delhi, 1940.
- Wheeler. 1968 – *R. E. M. Wheeler*. The Indus Civilization. L., 1968.

II. ЕВРОПЕЙСКИЙ И АЗИАТСКИЙ БОСПОР

А. А. Завойкин

Сатир и мышь¹

Краткие свидетельства Диодора Сицилийского по боспорской истории всегда привлекали особое внимание специалистов. И это понятно: хронологические заметки и содержательный (собственно, единственный в своем роде в литературной традиции о Боспоре) очерк событий, последовавших после кончины Перисада I, которые восходят в конечном счете к местной историографии (Ростовцев. 1925. С. 122–126)² имеют для нас исключительное значение. Исследований, основанных на разностороннем анализе материалов из «Исторической библиотеки», так много³, что может появиться иллюзия, будто наиболее значимая информация, содержащаяся в источнике, уже исчерпана. Едва ли, однако, с этим умозаключением можно согласиться. В своем докладе я попытаюсь представить вниманию коллег одну новую грань источника, интерпретация которой, видимо, небесспорна, но, как кажется, заслуживает внимания.

Нас в настоящий момент будет занимать предание о смерти Сатира II, изложенное Диодором в 26 главе XX книги. Принято считать, что Диодор пользовался двумя разными источниками по истории Боспора (это предполагал еще М. И. Ростовцев). Один из них (XX, 22–26) представлял собою excerptio связанного исторического предания, восходящего

¹ Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (№ 05-01-01225 а).

² По мнению исследователя, глубокое и детальное знание Боспора предшественником Диодора предполагает использование им местного исторического предания (Ростовцев. 1925. С. 126). Авторство этого греческого историка эллинистической поры, как считает Ростовцев (1925. С. 126, прим. 1), «не поддается определению» (некоторые предполагают, что эта часть взята Диодором из Дуриса или Эфора; ср.: Струве. 1968. С. 181–183; Каллистов. 1949. С. 169–170; Блаватский. 1985. С. 203–207; Яйленко 1990. С. 295 и прим. 100).

³ Перечислить хотя бы те из них, в которых информация Диодора играет основную роль не представляется возможным. Примера ради, укажу одну из последних содержательных разработок источника (Виноградов. 2003).

к местной боспорской историографии, по-видимому, конца IV – начала III в. до н.э. Сохранившаяся до нашего времени часть этого предания повествует о перипетиях междоусобной войны сыновей Перисада I в 310/9 – 309/8 гг. и правлению младшего из них, Эмела (309/8–304/3 гг.). Судя по смысловой нагрузке, можно предположить, что Диодор черпал информацию из сочинения идейно близкого стоической философии, в котором на конкретном историческом материале иллюстрировалась мысль о неотвратимости рока. Не исключено, впрочем, что акценты были расставлены уже самим сицилийским историком. В то же время, можно сказать, что автором первоисточника был человек весьма осведомленный, не исключено даже, очевидец, если не участник, описанных событий (Блаватский. 1985. С. 207. Прим. 2). Его симпатии (во всяком случае, изначально) на стороне законного государя – Сатира II.

Представляется весьма вероятным, что боспорский исторический материал был использован автором-посредником для иллюстрации идеи неизбежности рока (ἡ εἰραδικία) и основательности предсказаний (провидения, *τροφοί*). Эти представления немедленно вводит нас в круг стоической литературы, в которой активно разрабатывалась идея судьбы и предсказаний. Диоген Лаэртский (VII, 149) сообщает о специальных исследованиях по этой теме: «О судьбе» Хрисиппа, Зенона и Бозфора. Согласно представлениям стоиков, «Судьба есть причинная цепь всего сущего или же разум, по которому движется мир. И если есть провидение, говорят они, то имеют под собой основание и всецельские гадания; что это наука, показывают случаи их исхода (как пишут Зенон, Хрисипп во II книге “О гадании”, Афинодор, Посидоний во II книге “Рассуждения о физике” и в V книге “О гадании”...)» (пер. М. Л. Гаспарова).

Следует обратить внимание на то, что боспорский исторический материал был известен уже ранним представителям стоической школы, в частности Хрисиппу, к которому отсылает своего читателя за сведениями о Левконе I Страбон (VII, 3, 8). Между прочим, к этой же философской школе принадлежал и современник Хрисиппа Сфер Боспорский (Diog. Laert., VII, 37, 137) (см. Верлинский. 1992. С. 176).

Казалось бы, этому предположению противоречит ремарка в начале 26-й главы о наивности представлений «местных жителей» (объясняющих свершение рока на уровне вульгарной этимологии), сделанная вполне в духе эпикурейского скепсиса⁴. Ссылка на «местных жителей» предполагает, что эти слова принадлежат не боспорцу, а лицу со стороны (ср. Струве. 1968. С. 190), т. е. либо автору-посреднику, либо самому Диодору. В отношении методов работы последнего с источниками

⁴ Ср. Diog. Laert., X, 134: «...Лучше уж верить басням о богах, чем покоряться судьбе, выдуманной физиками». См. также XI, 135.

бытует мнение, будто сицилиец подходил к ним абсолютно некритически и, соответственно, напрямую от них зависел⁵. Но дело в том, что примечание в главе 26 ставит под сомнение не справедливость самого оракула, а именно наивный способ его интерпретации (оракул предостерегает Сатира II от «мышш» (μῦς) – он погибает от ранения в мышцу (μῦς); Эвмелу предписано опашаться «несущегося дома» – тот умирает от крытой повозки).

Для нашей темы наиболее существенно, что предсказание гибели Сатира II «от мышш» сформировалось на самом Боспоре, а не является плодом досужих вымыслов стоически ориентированного интеллектуала, который коллекционировал подобного рода истории ради иллюстрации философской доктрины о неотвратимости божьего промысла⁶. Насколько мне известно, никто не пытался толковать этот сюжет, или хотя бы поставить вопрос об исторической подоплеке новеллы о Сатире и мышш.

И мне эта мысль не приходила в голову, пока, во-первых, не занялся разработкой идеи, высказанной вскользь А. Н. Зографом (1951. С. 171–172), о взаимосвязи смены искомого типа лицевой стороны пантикапейских монет (голова льва – символа Аполлона, полисного патрона) новым (голова сатира) с именем основателя Боспорского государства – Сатира I (см. Анохин. 1999 С. 56–58; Болдырев, Завойкин. 2000. С. 7–9). А во-вторых, – пока не сопоставил с этим сюжетом замечательный памятник изобразительного искусства, на котором изображена сцена, невольно напомнившая предсказание гибели Сатира.

⁵ «Когда он пользуется статками, он верит предзнаменованиям и предсказаниям; когда перед ним автор рационалист, тогда он относится к ним скептически и смотрит на них, как на хитрые выдумки» (Бузескул. 1915. С. 212; Соболевский. 1960. С. 155). Следует подчеркнуть, что за последние полвека взгляды на творческие способности Диодора претерпели значительную эволюцию (Строгачевский. 1983. С. 182–185) в сторону признания самостоятельности сицилийского историка в обработке материала, стилистического и языкового единства его труда.

⁶ На то, что подобного рода подборка существовала, указывает сохранившееся Кл. Элианом предсказание о гибели Филиппа II, в котором сообщается, что македонский царь должен был погибнуть от колесницы (δρμα) – и в результате он погиб то ли от меча, рукоятку которого украшало изображение колесницы, то ли у ст. Гарма (*Ael. Var. hist.* III. 45). Вполне вероятно, что и пророчества о Сатире и Эвмеле были почерпнуты Диодором из того же источника (третьего?), а не из исторического сочинения, в котором, в действительности, нет и намёка на тему судьбы.

Речь идет о хорошо известном краснофигурном кратере из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина (инв. № Шб, 734)⁷, исследованию которого посвящена статья Н.М. Лосевой (1976. С. 151–154). Эта ваза датируется 20-ми годами V в. до н.э., происходит из мастерских Лукании (Гераклея), ее роспись приписывается руке так наз. «мастера Амикоаса» (одного из первых мастеров луканской школы вазописи). На лицевой стороне кратера представлена сцена «игры силенов»⁸ с мышью»: в центре композиции стоит высокий канделябр, на верхней площадке которого сидит мышка; напротив нее, в центре же, припал на колено лисий сатир, правой рукой касаясь хвоста животного; слева – бегущий к центру сатир, держащий в правой руке дротик; наконец, слева – осторожно ступающий к центру композиции сатир с выставленными вперед руками («поза третьего... сцена выражает опасение спугнуть мышью»)⁹. Сюжет росписи лицевой стороны кратера не находит аналогий и сколько-нибудь приемлемого объяснения. «В. Гильбиг в свое время, называл

⁷ Лучшее его изображение представлено в альбоме: *Античная расписная керамика из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина* М., 1985, кат. 54 (илл. 103, 104).

⁸ Все попытки разграничить силенов (с конскими хвостами и копытами) и сатиров (с козлиными хвостами, копытами и рожками) не удалась (Нильссон, 1998. С. 18–19 – с лит.)

⁹ На тыльной стороне представлена трафаретная сцена: трое глухо задрапированные юноши; центральная фигура опирается на посох. Изображение выполнено сухо, формалистично. Не исключено, что оборотная сторона вазы расписана «подмастерьем». Представленный здесь сюжет позволяет думать о погребальном назначении сосуда.

эту сцену игрой в каттаб, что, конечно, ошибочно. Минервини пытался найти в ней какой-то мистический смысл. Однако, вероятнее всего, игра силенов с мышью представляет собой жанровую сценку» (Лосева. 1976. С. 154).

Мастерство вазописца (ему приписывается около 160 ваз) в передаче поз и особенно жестов сатиров позволяет, как представляется, более точно прочесть сюжет и подойти к пониманию его сути (Рис. 1). Коленопреклоненный (старый) сатир осторожно, как будто с опаской, двумя пальцами правой руки берет мышшь за хвост, напряженно отставив левую назад, растопырив пальцы. Правый сатир, ступая вперед, осторожно ставит правую ногу, отклонив корпус назад и опасливо выставив перед собой раскрытые ладони, готовый убежать. Третий, напротив, настроен воинственно: он бежит, нацелив на мышшь вытянутую левую руку, готовясь занести назад для броска дротик, который зажат в правой.

Одновременно «опасливость» и «агрессия» характеризуют, скорее, враждебность, чем жестокую, но легкомысленную игру. Если, учитывая погребальное назначение вазы (см. прим. 8), предположить, что перед нами не просто беспечная игра сатиров, а сцена, исполненная скрытого от нас культового смысла, то очевидно, что мышшь, сидящая на канделябре, мишень агрессии и предмет опасений спутников Диониса, – символ их «врага» (смерти?).

Первое, что приходит в голову в этой связи – эпikleза Аполлона Губителя¹⁰ – Смирифей, «Мышиный»¹¹, насылающего мор, разя невидимыми стрелами (Нот. II. 1. 37–42). Не о древнем ли противостоянии Аполлона (гармонии) и Диониса (буйства, стихии) здесь идет речь? Отзвуки этой «вражды»¹² мы находим в мифе об Аполлоне и силене Марсии (Apollo. Bibl. I, 2) и в предании о том, как вакханки растерзали Орфея (тогда еще связанного с Аполлоном) (Тахо-Годи. 1988. С. 29).

Доказать со всей определенностью, что противостояние сатиров и мышши на кратере из Южной Италии лежит именно в этой плоскости, пожалуй, невозможно. А вот в том, что представленная на нем сцена не является плодом свободного творчества мастера «Амикоса», но имеет под собой мифологическую подоснову – вряд ли стоит сомневаться.

¹⁰ Этимологично имени бога см. (Откупщиков. 1998).

¹¹ См. (Андреев. 1999. С. 300): «В ионийских городах Малой Азии он был известен как Аполлон Смирифей – “Мышиный”, божество в облике мышши, которое оберегало от грызунов поля и амбары, но в гневе могло в несколько раз увеличить их полчища».

¹² О диалектике этого противостояния (Андреев. 1999. С. 302–303; Селиванова. 2003. С. 93–94). Примечательно, что разорванного титанами на семь частей Диониса собирает воедино Аполлон.

Мифология была тем неиссякаемым источником парадигм, из которой греки черпали по мере необходимости. По всей видимости, сцена на краснофигурном кратере из Гераклеи Луканской и предсказание, сделанное на берегах Киммерийского Боспора, разделенные более чем столетием и многими сотнями километров расстояния, восходят к общему источнику. А из этого следует, что прототип сюжета о кончине Сатира II не был плодом творчества местного оракула. Вопрос в том, почему именно этот сюжет («сатир – мышь») был реализован в «проочестве»¹³?

Имя боспорского тирана было Σάτιρος. Также звали его прадеда, основателя Боспорского территориального государства (его ядра), символический «портрет» которого, видимо уже после его кончины, вытесняет аполлонийскую символику с лицевой стороны пантиканейских монет. По всей видимости, этот акт (по сути – смена государственной символики) фиксирует начальную стадию конфликта между «Диономом и Аполлоном», т.е. между тиранией и полисом.

Заятно, что в основе конфликта этих богов, видимо изначально, лежали социально-политические причины. Утверждение культа Диониса в Аттике относится к эпохе Писистрата, тирания которого стала этапом становления демократической государственности. Там Дионис (изначально близкий крестьянству) противостоял аристократическому Аполлону. В то же время, в силу некоторых особенностей культа Вакха¹⁴, этот бог сопутствует тирании¹⁵.

На Боспоре IV в. до н.э. этот конфликт разворачивался как противостояние тирании Спартокидов и исконных полисных традиций. Открытые формы оппозиции были сломлены еще Сатиром I и Левконом I (Isoc. XVII. 5; Pz.-Apt. PPE. 77; Polyae. Strat. VI. 9, 2–3; Athen. VI. 71 (257e); см. Шелов-Коведяев. 1985. С. 115). Однако нельзя сомневаться в том, что недовольство политик новым режимом в иных формах сохранялось тогда и позднее. Одно из ярких свидетельств – негативная традиция в местной историографии (переданная Полиеном; см. Ростовцев. 1925. С. 130–132), представляющая первых Спартокидов людьми

¹³ Скорее всего, уже задним числом. К слову сказать, осознание того факта, что предначертание свершилось, соотнося «мышцу» и «мышь», требовало не только интеллектуальной изощренности, но и особой заинтересованности в том, что представителя правящего рода бог покарал. А это, как мне кажется, служит еще одним аргументом в пользу того, что, по крайней мере, в главных чертах, это предание сформировалось на Боспоре.

¹⁴ «Дионис был единственным богом, который требовал от своих почитателей полного отождествления с собой». (Селиванова. 2003. С. 111).

¹⁵ Подробнее см. (Макаров. 1997. С. 35–36; Винокуров. 2002. С. 60 сл.); как покровитель правителей Дионис выступал в аспекте божества – завоевателя и ктвста.

вероломными и жестокими. В периоды смут, когда положение династии было неустойчивым, оппозиция «поднимала голову». Об одном таком эпизоде боспорской истории рассказано Диодором (XX. 24, 4): когда Эвмел, устранив от престола старших братьев и репрессировав их семьи, он был вынужден оправдываться перед народным собранием граждан и судить им различные блага, в том числе – «отчую политику» (в данном случае не столь существенно, как трактовать это понятие).

В этой оппозиционной среде и мог родиться «оракул», согласно которому бог (Аполлон?) наказал представителя преступного рода Спартокидов¹⁶. Можно почти не сомневаться в том, что это было именно родовое проклятие: едва ли за девять месяцев своего правления, которые ушли на трагически закончившуюся борьбу с братом, Сатир II успел совершить какое-то свитотатство и получить предсказание. На мой взгляд, вполне вероятно, что проклятие изначально было адресовано Сатиру I, но реализовалось на последнем¹⁷ отпрыске старшей ветви правящего рода, носившем тоже имя.

Режим личной власти всегда выдвигал тиранов (людей, как правило, весьма неординарных – Фролов. 2004. С. 22–32) в центр общественного внимания. Их биографии, от момента рождения и до смерти, зачастую сопровождалась разного рода знаменьями, чудесами, предсказаниями и т.п. Все это (в том числе и вымыслы негативного характера наряду с официозной пропагандой) объективно способствовали формированию своего рода “божественной ауры” вокруг правителя и династии в целом (Андреев. 1999. С. 138–141). По всей видимости, с элементом такого идеологического комплекса мы и сталкиваемся в «Исторической библиотеке».

Если, хотя бы в общем виде, мы правы, рассматривая антагонизм “дионисийского” и «аполлонийского» начал на Боспоре IV века как отражение противостояния тирании и полнотных начал, то появляется дополнительное основание для того, чтобы, анализируя динамику постепенной «реставрации» аполлонийской символики на AV, пантика-

¹⁶ Разумеется, сами Спартокиды выступают ревнителями отеческих культов: судя по ряду лапидарных памятников (КБН. 6, 10, 25, 974, 1037, 1044), культ Аполлона Врача становится общепоспорским, и даже наследник престола (будущий Левкон II – КБН. 25. С. 31) исполняет функции жреца этого бога.

¹⁷ Оставляю без внимания фантастическую версию В. А. Анохина (1999. С. 92) о дальнейшей судьбе царевича Перисада, сына Сатира II, бежавшего от Эвмела к скифскому царю Агару.

пейских монет (голова Аполлона в венке), рассуждать об эволюции отношений центральной власти и полиса в III–II в. до н.э.¹⁸.

Литература

- Андреев. 1999 – Ю. В. Андреев. Цена свободы и гармонии. СПб., 1999.
- Анохин. 1999 – В. А. Анохин. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Болдырев, Завойкин. 2000 – С. И. Болдырев, А. А. Завойкин. Реформа Левкона I // Тезисы докладов VIII Всероссийской нумизматической конференции. М., 2000.
- Блаватский. 1985 – В. Д. Блаватский. Возвращения боспорского анонимного историографа конца IV в. до н.э. // Античная археология и история. М., 1985.
- Бузескул. 1915 – В. П. Бузескул. Введение в историю Греции. Изд. 3. СПб., 1915.
- Верлинский. 1992 – А. Л. Верлинский. К боспорской пронографии: сток Сфер // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Виноградов. 2003 – Ю. А. Виноградов. Усобица сыновей боспорского царя Перисада I // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар, 2003.
- Винокуров. 2002 – Н. И. Винокуров. Античный социум: культ вина и винограда // Боспорские исследования. Симферополь, 2002. Вып. II. С. 69.
- Каллистов. 1949 – Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.
- Макаров. 1997 – И. А. Макаров. Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. № 2.
- Нильссон. 1998 – М. Нильссон. Греческая народная религия. СПб., 1998.
- Откупщиков. 1998 – Ю. А. Откупщиков. АПОΛΛΩΝ (мифолого-этимологический этюд) // Античный мир. СПб., 1998.
- Ростовцев. 1925 – М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. РАИМК, 1925.
- Селиванова. 2003 – Л. Л. Селиванова. Сравнительная мифология. Ч. II. Античный мир. М., 2003.
- Соболевский. 1960 – С. И. Соболевский. Дюдор Сицилийский // История греческой литературы. М., Л., 1960. Т. III.
- Строгнецкий. 1983 – В. М. Строгнецкий. Дюдор Сицилийский и его «Историческая библиотека» в оценке историографии // ВДИ. 1983. № 4.
- Тахо-Годи. 1988 – А. А. Тахо-Годи. Античная география. Жанр и стиль. М., 1988.
- Струве. 1968 – В. В. Струве. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.

¹⁸ Тип «голова сатира» монополично господствовал до середины III в. до н.э.; и только во II в. до н.э. тип «голова Аполлона» «окончательно вытесняет» тип «голова сатира» (Зограф. 1951. С. 179).

- Фролов. 2004 – Э. Д. Фролов. Религиозная политика греческих тиранов: у истоков культа властителя // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. XIV.
- Шелов-Коведяев. 1985 – Ф. В. Шелов-Коведяев. История Боспора в VI-IV в. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР-1984 г. М., 1985.
- Яйленко. 1990 – В. П. Яйленко. Оливия и Боспор в эллинистическую эпоху: 3. Политическая история Боспорского царства в раннеэллинистическое время // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.

Н. В. Молева

Музы и музыка на Боспоре

В представлениях древних греков музыка, пение, танцы, риторика, театр являлись высшим проявлением человеческой интеллектуальной деятельности. Они именовались мусическими искусствами, и это название происходит от богинь Муз. Проявить себя в таких искусствах могли люди образованные, а главное – талантливые. А талант в Греции считался даром богов, поцелуем Муз. Считалось, что красота человеческой души наиболее ярко воплощалась в этих искусствах. Победители в мусических состязаниях были не только кумирами народа, но и получали весьма значительные суммы денег: кифарод 1500 драхм, кифарет 800 драхм, и это помимо золотых венков.

Среди богов-олимпийцев и героев древнегреческой мифологии мы видим и певцов, и танцовщиков, и музыкантов. Главным из них был Аполлон, олицетворявший собой гармонию. Помимо многих иных своих функций, он часто выступал в роли Мусагета – предводителя Муз, воплощающих искусства. Сами же Музы представлялись в виде девяти совершенных дев, сопровождавших Аполлона, поющих и танцующих вместе с ним.

«Сменными хорами песнь начинают прекрасные Музы,
Божьи дары воспевают бессмертные голосом чудным.
За руки взявшись, водить хоровод начинают веселый,
А Феб-Аполлон на кифаре играет дивно, высоко шагая»

(Гомеровы гимны. К Аполлону Пифийскому)

Музы одаряли людей талантом, учили ритму и размеру в стихах и музыке. Они обитали в местности Пизэрия у подножья Олимпа; поэтому их нередко называли Пизэридами. Вначале их было три: Мнэма (память), Азда (песня) и Мелета (размышление). Их возглавлял Дионис-Мусагет. Они произвели на свет Орфея и Сирен. Уже в VII в. до н.э. Гесиод называет девять Муз, дочерей Зевса и Мнемозины. Культ их

распространяется в Греции с рубежа VIII–VII в. до н.э., а храмы в их честь стали называть мусейонами. Старшую из Муз звали Клио, затем следовали Каллиопа, Мельпомена, Талия, Терпсихора, Эрато, Эвтерпа, Полигимния, Урания. Первая и последняя покровительствовали наукам – истории и астрономии. Остальные поэзии, театральному искусству, музыке танцам. Близкими Музам божествами считались Хариты, воплощавшие юность, радость, красоту и доброту.

На северной периферии античного мира, на берегах Понта Эвксинского обитало греческое в своей основе население, старавшееся в своем духовном и культурном развитии не отставать от метрополии. Из сотен надписей на надгробиях и постаментах памятников мы узнаем, что в Боспорском царстве были философы, поэты, учителя, музыканты, которые оставили после себя «живую память», «почетную славу» и книги. К сожалению, труды их не дошли до нашего времени. Знаем только некоторые их имена: музыкант Исидл, участник состязаний и учитель, получивший образование на родине в III в. до н.э.; Пасафиликата флейтистка, философ Стратоник и другие.

А вот стихи боспорских поэтов дошли до нас в десятках сохранившихся эпитафий. В этих творениях нередко упоминаются Музы и Хариты, что свидетельствует и об образованности боспорян, почитании ими искусств. Такие эпитафии посвящены и мужчинам, и женщинам. Причем первые воплощены в них как любимцы Муз, а вторые – сравниваются с ними. Конечно, жанр эпитафии апологетичен: в этих стихах отдается должное только добродетелям умершего. Однако именно из эпитафий мы черпаем сведения об идеале мужчины и женщины, о семье, родительской и супружеской любви. Вдохновительницами всего лучшего в человеке на Боспоре, как и в Греции, выступают Музы.

Надпись на памятнике Смикра (КБН, 118) повествует, что свойственная ему «справедливость была внедрена в уме природою от рождения и его воспитали Музы, он учил на распутиях дорог, дав согражданам наилучший образ мыслей». Эта эпитафия, записанная элегическим дистихом, представляет нам философа и учителя, жившего в III в. до н.э. Его ученость и нравственные качества были столь высокого свойства, что дать их ему, по мнению боспорян, могли только Музы.

В надгробной эпитафии Саббиона (КБН, 146) говорится, что его поразила удар судьбы, и погибло все доблестное, что жило в нем «добрый нрав, ум, расцвет... и Музы, прежде услаждавшие его, теперь плачут над несчастным». И пожелание в конце – «...но да будет легок тебе каждый камень, если при жизни ты был ласков со всеми». Это уже II в. до н.э., но тот же элегический дистих повествует о просвещенном, чутком, высоконравственном человеке, любимце Муз, заслужившем лучшую участь в загробном мире своими добродетелями.

На надгробии Феофилы (КБН, 130) второй половины I в. до н.э. эпитафия составленная ямбом и элегическим дистихом, повествует о юной девушке, оставившей в горести родителей и жениха. При жизни она обладала завидной красотой, сравнивается в эпитафии с десятой Музой и Харитой, и вместе с тем, она «являлась образцом стыдливости». Плутои, влюбившийся в нее, решил взять ее себе в жены, и «в удел она получила ложе бессмертного бога».

Еще одна надпись повествует о том, что «Зил Тарсиец, молодой муж, поставил памятник своей жене Клеопатре еще при жизни», за то, что «красота ее неповторима» и она «неподражаемая хозяйка дома», в лице которой он обладал одной из Муз-Пизрид (КБН, 144). Это вторая половина – а начало II в. н.э. В эпитафии воспеты и редкая красота, и высокие женские добродетели Клеопатры. Сравнение же ее с Музой может указывать на то, что она обладала и художественными талантами: могла играть, петь, танцевать.

Какие же человеческие качества считались на Боспоре столь достойными, что связывались в сознании населения с влиянием Муз? Для мужчин – это ум, ученость, справедливость, доблесть, добрый нрав, цветущая внешность и наилучший образ мыслей. Для женщин – прекрасная внешность, скромность, умение вести хозяйство, усладить своего мужа и быть его возлюбленной супругой. Намного ли изменились критерии в выборе жен и мужей за две с лишним тысячи лет?

Ассоциативная связь женских образов с Музами прослеживается и в боспорской ономастике. Популярность этого имени была долгой: мода на него появилась в III в. до н.э., затем в течение 500 лет, имя Муза встречается надгробных надписях, весьма лаконичных по содержанию. Из них мы узнаем о Музе, жене Полистрата, которую «смерть увела во мрак от любимой жизни (КБН, 139), О Музе, жене Тимократа (КБН, 259), о Музе, дочери Эрота (КБН, 625), Музе дочери Гемеры (КБН, 475).

Особого внимания заслуживает последняя надпись. Она происходит из Пантикапея. В ней обращает на себя внимание редкий случай отсутствия патронимика на надгробии дочери. Факт указания имени матери девочки вместо имени отца свидетельствует о том, что такового официально не было. В патриархальном древнегреческом обществе существовала только одна категория женщин, могущих позволить себе иметь детей вне брака – это гетеры. Их профессия подразумевала не только оказание сексуальных услуг мужчинам, но и развлечения их на пирах, умение играть на музыкальных инструментах и танцевать. На рисунках ваз гетеры чаще всего представлены именно в таких качествах. На Боспоре известен памятник одной из них – Пасафиликаты-флейтистки (КБН, 875). Имя музыкантши тоже без патронимика, что означает низкий социальный статус женщины. Вполне вероятно, что

одна из гетер могла назвать свою дочь Музой. Само же имя матери уникально. Ему нет ни одной аналогии в ономастике Боспора и всего Северного Причерноморья. По-гречески оно означает «день» и больше похоже на псевдоним гетеры.

Если же обратиться к внешнему виду надгробных памятников, в надписях на которых упоминаются либо богини Музы, либо боспорянки, носившие это имя, то большинство из них выполнено из мрамора, реже – из известняка хорошего качества. Часто они содержат эпитафии, что стоило дорого. Поэтому выскажем предположение, что имя Муза было распространено в зажиточных и просвещенных, но не всегда знатных, слоях боспорского общества, хорошо знакомых с мифологией и поэзией. А вот факт, что имена отцов и мужей в таких памятниках всегда греческие, проливает свет и на этнический состав семей, в которых обитали Музы.

Любовь боспорян к музыке надежно зафиксирована и в рассказе Полиэна, в котором описываются гастроли олинфского кифареда Аристоника в боспорских городах, собиравшие в театрах все городское население (Polyaen, *Strateg.* V, 44, 1). Игра на кифаре и других струнных инструментах считалась уделом людей знатных и богатых. Однако в археологических находках представлен ряд терракот из самых различных городов, где изображены персонажи, играющие на лирах, кифарах, тригонах. В Пантикапее же найдена часть бронзовой лиры, резонатор, который выполнен в виде Черенахова панциря. Гораздо чаще встречаются находки фрагментов духовых инструментов: флейт, сиринг, свистков. Фрагменты флейт различных модификаций были найдены в Пантикапее (5), а также в периферийных боспорских городах – Тиритаке (1), Танансе (2), Фанагории (2), Китее (1). Даты этих находок от IV в. до н.э. до IV в. н.э. Очень хорошо известна и роспись саркофага II н.э. из Пантикапея, на которой изображены три музыканта, играющие на двойных флейтах и органе. Кроме духовых и струнных музыкальных инструментов широко использовались и ударные типа бубнов и тамбуринов. Они довольно часто встречаются воспроизведенными в терракотовых статуэтках, причем исполнителями на них, как правило, являются женщины.

Места находок музыкальных артефактов – самые разные: городские кварталы, погребальные сооружения, сакральные комплексы. В связи с этим можно предположить, что многие стороны частной, общественной и религиозной жизни Боспора были связаны с музыкой и близкими к ней мусическими искусствами: поэзией, театром, песней.

И. Ю. Шауб

О культе Деметры на Боспоре

Боспорский культ Деметры неоднократно рассматривался исследователями (Блаватский, 1953; Кобылина, 1961; Передольская, 1962; Сапрыкин, 1983; Русева, 2001; Скражонская, 2002 и др.). Однако спорность интерпретации отдельных памятников, а главное – отсутствие ясности в вопросе о значении этого культа для боспорян, побуждают вновь обратиться к данной теме.

Устойчивое представление о земледельческом характере Деметры (а также всех божеств элевсинского круга), об обеспечении плодородия зерна как смысле ее культа базируется на прозрачной аллегории мифа о Деметре и Коре, бытовавшей еще в античности: Кора – это зерно, которое, чтобы получить новый урожай, необходимо бросить в землю. Поскольку такая трактовка мифа не согласуется со средиземноморским земледельческим календарем, М. Корнфорд (Cornford, 1913) и М. Нильссон (Nilsson, 1935) модифицировали ее таким образом, что судьба Кору оказалась аллегорией подземного хранения посевного зерна в жаркие летние месяцы. Это гораздо лучше отвечает экологическим условиям Средиземноморья, однако сами эллины никогда этот миф так не осмыслили. Поэтому В. Буркерт (Burkert, 1985) полагает, что здесь речь идет о догреческой, может быть, еще неолитической, эпохе.

Против такой сугубо материалистической трактовки подобных культов справедливо выступал еще в начале XX века выдающийся русский писатель-эрудит Д. С. Мережковский. Так, по поводу одноименного с почитанием Кору культа Адониса он писал: «Благочестивые люди еще упорно ищут смысла в мифе – жизни в трупе; но лучше б не искали: мнимый смысл хуже бессмыслицы. «Жатву созревших плодов означает убийство Адониса», по Аммиану Марцеллину, а по блаженному Иерониму, Адонис умирающий – в хлебном семени, а воскресающий – в колосе. Вся религия Адониса – только «земледельческий культ плодородия», – это неслепое кощунство останется незлыблемым от V века до XX. Ну, конечно, Адонис – хлебный знак, умирающий и воскресающий, но совсем не в том смысле, как думают «натуралисты», от бл. Иеронима до Фразера, а в том, как учит ап. Павел, «что ты сеешь, не оживет, если не умрет... Так и при воскресении мертвых... Говорю вам тайну...»» (Мережковский, 1992 (1930)).

Эту тайну попытался раскрыть талантливый религиовед Е. А. Торчинов (1997). По его мнению, ритуалы, подобные элевсинским, следует рассматривать в трансперсональном ключе как опыт переживания смерти и возрождения, имеющий интегрирующее воздейст-

ние на психику (не случайно эффектом мистерий является катартическое переживание). Поскольку «для мифологического мышления природные явления как бы несут в себе отпечаток причастности к некоему образцовому, парадигматическому событию... объяснять миф и ритуал богов смерти и воскресения через сельскохозяйственный цикл так же нелепо, как видеть причину гистеронии в головной боли...».

Представляется, что и земледельческий, и хтонический, и сотерический аспекты присутствовали в образе Деметры, причем в неразрывном единстве. Даже тогда, когда речь, казалось бы, идет о «чисто земледельческом» аспекте богини, даруемый ею урожай (постоянно взращиваемый и собираемый) сопряжен человеку (Jung, 1928). Естественно, что в зависимости от конкретных обстоятельств в разных областях ойкумены (и в разные эпохи) в ее культе какой-либо аспект мог выходить на передний план. К сожалению, на боспорском материале однозначно выделить какой-либо из этих аспектов не представляется возможным.

По свидетельству Павла Оросия (*Adv. Pag.* VI, 5), на Боспоре существовал праздник Цереры (Деметры), в котором принимал участие царь Митридат. Судя по археологическим данным, которые мы рассмотрим ниже, этот праздник существовал здесь еще задолго до Митридата. О том, что в Пантикапее этот царь, а также жители города всячески старались культивировать лавр и мирт «хотя бы для священных обрядов, но безуспешно», рассказывает Плиний (*NH* VI, 137). О гораздо более ранних попытках пантикапейцев выращивать эти растения «ради священнодействия» упоминает Теофраст (*Hist. Plant.* IV, 5, 3).

Лавр нужен был боспорянам, несомненно, для ритуалов в честь Аполлона; мирт же мог использоваться в культе как Афродиты, так и Деметры.

Археологические свидетельства о культе Деметры на Боспоре многочисленны и разнообразны.

Общепринято, что Деметра почиталась на Боспоре как подательница урожая, богиня хлеба (об этом аспекте Деметры см.: Ket. 1901), от которого в большой степени зависело благосостояние боспорян, поэтому ее популярность кажется здесь вполне естественной. Однако в связи с этим обращает на себя внимание полное отсутствие образа Деметры в боспорской нумизматике.

Кроме найденных в Пантикапее посвящений жриц Деметры (КБН. № 8, 14; обе надписи относятся к IV в. до н.э.), которые свидетельствуют о наличии в столице Боспорского царства храма этой богини, находка здесь же базы мраморного алтаря с изображением женской процессии, а также посвящение Деметре Тесмофоре (КБН. № 18; время Спартока III), позволяют сделать вывод о существовании в Пантикапее праздника Тесмофорий. Этот самый распространенный греческий

праздник (Nilsson, 1906), в котором могли принимать участие только женщины (Allen, Halliday, Sikes, 1936), был связан с земледелием, плодородием, брачной жизнью (Богаевский, 1916; Nilsson, 1967).

Очень важным памятником культа Деметры в Пантикапее, скорее всего, происходящим из ее святилища, является уникальный мраморный посвященный рельеф, вероятно, аттической работы последней трети V в. до н.э. (Саверкина, 1986), с изображением Деметры, Кору и культовой процессии (Пешлов-Биндокат (Peschlow-Bindokat, 1972) датирует данный рельеф концом V в.; Риджуэй (2000) – началом IV в. до н.э.).

Данный рельеф имеет ярко выраженные элевсинские черты, равно как и знаменитая «элевсинская пелика», обнаруженная в Павловском кургане (см. Стефанин, 1859; Mylonas, 1961; Simon, 1966). Однако, на наш взгляд, ни эта пелика, ни другие найденные в боспорских могилах вазы (и их фрагменты) со схожей тематикой, равно как и росписи трех склепов начала нашей эры, иллюстрирующие миф о Деметре и Коре, сами по себе еще не являются доказательством посвящения их владельцев в Элевсинские мистерии (ср. Скржинская, 2002).

Культе Деметры на Европейском Боспоре засвидетельствован также граффито: $\dot{\iota}\kappa\rho\nu\ \Delta\eta[\mu\eta\rho\acute{\iota}\varsigma]$ на обломке поддона чернолакового блюда V в. до н.э., обнаруженного в Пантикапее (Толстой, 1953, №167)¹⁹, и несколькими другими граффито-посвящениями из прибрежного святилища Нимфея, позволяющими предполагать, что в IV в. до н.э. Деметра стала в этом святилище одним из наиболее почитаемых божеств (Толстой, 1953, № 123, 125)²⁰.

Общепризнано, что в архаический период на Боспоре terra-cotta-статуэтки, изображавшие женщин, были связаны с широко распро-

¹⁹ Поскольку граффито $\Delta\eta$ из Пантикапее (Толстой, 1953, № 166, 168, 170, 177) лишены археологического контекста, мы не относим их к разряду посвященных. Не считаем мы посвящением и пантикапейское граффито на обломке дна чернолакового киллика: $\Delta\eta\ \text{HP}$ (Блаватский, 1962, Рис. 9), которое, правда, находит себе аналогию в граффито $\Delta\Lambda\ \text{HP}$ фрагментах рыбных блюд IV в. из Херсонеса; в этих надписях издатели видят посвящение Деметре и Гераклу (Граффито Херсонеса, 1978, № 525, 526; со ссылкой на работу Новосидский, 1887, где говорится о связи культов Деметры и Геракла). Сапрыкин (1980), не исключая такого варианта, предлагает трактовать эти граффито как посвящения Дардану и Гераклу.

²⁰ Пять других граффито на чернолаковых сосудах конца V–IV в. из Нимфея (Толстой, 1953, № 110 $\Delta\eta\mu\eta\tau[\rho\iota]$; 116 $[\Delta\eta\mu\eta\tau\rho\iota]$; 117 $\Delta\eta\mu\eta\tau[\rho\iota]$; 120 $[\Delta\eta\mu\eta\tau[\rho\iota]$; 122 $[\Delta\eta\mu\eta\tau[\rho\iota]$) отнесены издателем к посвящениям Деметре только вследствие их находки в святилище Деметры, по Худяку. Однако в этом святилище были найдены посвящения и другим богам (см. выше), поэтому граффито № 116 может быть восстановлено по аналогии с № 112 как $[\Sigma\alpha\tau\eta]\rho\iota$.

страненным земледельческим культом и изображали Деметру или Кору. Так, М. М. Кобылина пишет: «Мы считаем, что в архаический период терракотовые статуэтки, изображающие сидящую женщину, связываются на Боспоре более всего с культом Деметры. Греческая Деметра потому и получила особенно широкое распространение на Боспоре, что этот культ, принесенный сюда переселенцами-греками, встретился здесь с близким по содержанию культом местного женского божества» (1961; ср. Сапрыкин. 1983).

Действительно, Деметра, которая, будучи в историческое время по преимуществу богиней зерна, плодородия и женской жизни, выступала также как одна из иностасей Геи, сливаясь с Реей-Кибелой (Farnell. 1907), воспринималась вообще как богиня жизни и смерти (Allen, Halliday, Sikes. 1936), вследствие чего она могла вполне соответствовать религиозным потребностям обитателей Таманского п-ова. Однако, судя по полному отсутствию здесь эпиграфических свидетельств культа Деметры при многочисленных данных о культе Афродиты, можно предполагать, что многие функции Деметры на Азиатском Боспоре имела Афродита. Поэтому, судя по всему, женские терракотовые статуэтки без атрибутов должны были восприниматься прежде всего как изображения Афродиты. (Сходная ситуация – полное преобладание над прочими одного женского божества (Персефоны) – наблюдалась в это время в Сицилии (см. Zuntz. 1971)).

Следуя за М. М. Худяком в его интерпретации святилища на нижней террасе городища Нимфея как святилища Деметры, В. М. Скуднова, издавшая терракоты этого святилища, только на одном этом основании отнесла подавляющее большинство равных протом и изображений сидящей богини к культу Деметры и Кору (Скуднова. 1970).

В то же время известно, что ранние терракоты не отличаются богатством образов. Преимущественно это богини, сидящие в торжественной позе, в калафе или стефане с накинутым сверху покрывалом или погрудные изображения богинь в таких же одеяниях. Они могли иметь разные имена, в зависимости от того, какое божество особенно почиталось в том или ином городе (Силантьева. 1974). Частое отсутствие у этих богинь атрибутов, а также тот факт, что при раскопках культовых комплексов, связанных с почитанием разных божеств, встречаются однотипные терракотовые статуэтки, очень осложняет их интерпретацию²¹.

²¹ Еще Уолдстейн, публикуя терракоты из архаического святилища Геры в Аргосе, отмечал, что, поскольку в раннее время определенные атрибуты у тех или иных божеств отсутствуют, трудно отличить Геру от Деметры или Артемиду от другой богини (Waldstein. 1905).

Несомненно, что в определенных контекстах безатрибутивные протомы и статуэтки сидящей богини воспринимались как изображения элевсинских богинь. Однако, на наш взгляд, только следующие терракоты могут рассматриваться как изображение Деметры и Кору вне зависимости от каких-либо других обстоятельств. Это аттические статуэтки второй пол. V в. до н.э., изображающие стоящую Деметру, держащую на плече Кору, у которой на голове калаф. Подобные терракоты обнаружены в Пангикарее (ОАК. 1876. Табл. VI, 1) и Фанагории (Кобылина. 1970. Табл. 19, 5). Также важна статуэтка неизвестного центра 2-ой пол. V в. до н.э. из Феодосии, изображающая Деметру и Кору, которые одеты в длинные хитоны и спускающиеся с головы покрывала; они несут на плечах крылатого младенца Иакха (Кобылина. 1970. Табл. 23, 5).

Возможно, Деметру и Кору изображает найденная в Фанагории статуэтка аттического производства конца VI в. до н.э. в виде двух стоящих рядом полуобнаженных женщин. На голове каждой – стифана с рельефными розетками (Кобылина. 1974, табл. 21, 1). Полной аналогией этой статуэтке является терракота, найденная в святилище поселения Береговое 4 на Тамани. Однако, как данная статуэтка, так и ряд других обнаруженных здесь, несомненно, культовых предметов (см. Завойкин. 2002; 2003), не дают достаточных оснований для интерпретации этого объекта как святилища именно элевсинских богинь.

С культом Деметры можно связать также терракоты в виде свиней – священных животных богини (Keller. 1909). Эти родосские терракоты VI–V в. до н.э. обнаружены в Пангикарее (Кобылина. 1961).

На основании анализа двух статуэток, происходящих, вероятно, из Керчи, А. А. Передольская пришла к выводу, что эти терракоты, изображающие старух с разбитым горшком у ног, представляют участниц земледельческого обряда «всезерния» (Передольская. 1964). По ее мнению, с которым солидаризируется С. Ю. Сапрыкин (1983), данные статуэтки свидетельствуют о распространении на Боспоре этого и подобных ему земледельческих обрядов. Однако, эти статуэтки, судя по всему, являются подделками (Денисова. 1981).

По свидетельству античных авторов, в Милете существовало святилище, а также праздник Деметры Тесмофоры (Steph. Byz. s. v. Μίλητος; Parthen. VIII, 1). Близ Милета находилось святилище Деметры Элевсинии, основанное, по преданию, одним из основателей этого города (Hdt. IX, 97).

Несмотря на то, что культ богини Деметры был одним из самых популярных в греческом мире, не исключено, что почитание этой богини было принесено на Боспор из Милета. В то же время, ряд характерных особенностей боспорского культа Деметры говорит о местном его развитии. Так, многие памятники культа Деметры на Боспоре яв-

ляются частью погребального инвентаря или каким-либо образом связаны с заупокойным культом, что свидетельствует о иппичии здесь ярко выраженных хтонического и сотерического аспектов в ее культуре.

Сторонники мнения о повсеместной популярности культа Деметры на Боспоре ссылаются для доказательства своей точки зрения прежде всего на погребения кургана Большая Близница, где, по их убеждению, захоронены жрицы этой богини. Действительно, в склепе I найдены золотые бляшки с изображением Деметры и Керы, однако, как мы попытались показать в специальном исследовании, посвященном этому комплексу (Шауб. 1987), прочие находки в погребениях и тризнах этого кургана позволяют сделать иные выводы, а именно: погребенные здесь жрицы, принадлежавшие к местной сильно эллинизированной знатной семье, служили Великой местной богине, которая идентифицировалась как с Деметрой, так и с другими греческими богинями.

Полное отсутствие образа Деметры в боспорской нумизматике, на наш взгляд, может являться еще одним аргументом в пользу нашего предположения о том, что функции Деметры на Боспоре в значительной степени были «узурпированы» Афродитой (см. Шауб. 1987).

А. В. Ковальчик

Черепицы с отверстием

В произведениях античных авторов упоминается особый вид черепицы, который называется либо $\eta \text{ } \sigma\tau\alpha\iota\alpha \text{ } \kappa\epsilon\rho\alpha\tau\iota\varsigma$ (черепица, имеющая отверстие)²², либо $\tau\omicron \text{ } \sigma\tau\alpha\iota\omicron\nu$ (отверстие, окно)²³. Сохранился следующий фрагмент комедии Дифила, одного из представителей новоаттической комедии IV–III в. до н.э.: «я смотрю, выглянув через черепицу с отверстием» (Diph. Com. Fr. 84, 2). Лексикограф II в. Юлий Поллуks в «Ономастиконе» пишет: «черепицей с отверстием афиняне называли ту, которая имеет дыру ($\tau\eta\nu \text{ } \sigma\tau\eta\nu$)» (Poll. Onom. 2, 54, 4).

Черепицы, подобные вышеописанным, были найдены в ходе археологических раскопок в Фигалии (Fergusson. 1883. P. 76–77), Олимпии (Orlandos. 1966. P. 107), Калцоне (Dyggve, Rhomaïos. 1934. P. 392. Fig. 48), Эпидаре (Roux. 1961. P. 53–54), Приене (Wiegand, Schrader. 1904. S. 306–307), Помпеях (Overbeck. 1875. P. 224–225. Fig. 139, 1–3; Durr. 1905. P. 333) и Каулонии (Orlandos. 1966. P. 106). Мраморная прямоугольная черепица (длиной 0,40 м, шириной 0,20 м) с квадрат-

²² Poll., Diph. Com.

²³ IG. I, 2, 374, 127–139; Plut., Per. XIII.

ным проемом, окруженным рельефным выступом, была открыта в 1812 г. в ходе раскопок храма Аполлона в Бассае (Roux. 1961. P. 53–54). Во время археологических раскопок в Приене в 1895–1898 гг., был найден фрагмент черепицы с отверстием. Керамическая черепица несколько большим размеров, чем стандартные керамида (ширина 0,64 м при обычном 0,53 – 0,60 м) имеет круглое отверстие диаметром 0,26 м, ограниченное со всех сторон невысоким бортиком (Wiegand, Schrader. 1904. S. 306–307. Abb.330).

В Помпеях были обнаружены плоские черепицы, имеющие в центральной части круглые, прямоугольные и грушевидные проемы, для того чтобы предотвратить попадание дождевой воды на отверстия либо накладывались стеклянные пластинки, либо над проемом сооружались специальные козырьки (Overbeck. 1875. P. 224–225. Fig. 139, 1–3; Durm. 1905. P. 333. Fig. 363, 364). Таким образом, в настоящее время нам известны черепицы с отверстиями, происходящие из частных домов (Приена, Помпей, Каулония) и из храмов (храм Зевса в Олимпии, Аполлона в Бассае).

Подобные черепицы найдены также в Северном Причерноморье, в литературе они называются либо черепицей с кровельным окном (САИ. 1966. С. 40,5; Тахтай. 1940. С. 32), либо черепицей со световым отверстием (Крыжицкий. 1982. С. 76; Блаватский. 1957. С. 41).

Следует отметить, что этот вид плоской черепицы в разных городах Северного Причерноморья имеет ряд незначительных конструктивных отличий.

Нам известен фрагмент опайи, происходящий из Ольвии, который датируется концом IV в. до н.э. (САИ. 1966. С. 40). По целому ряду признаков (наличие продольных бортиков, валока, «зуба») она ничем не отличается от простых плоских черепиц. По-видимому, они имеют одинаковые размеры. Черепица имеет округлый лок в средней части и волусферическое перекрытие над ним. Отверстие и перекрытие в передней части ограничивались бортиком, который препятствовал проникновению воды внутрь.

По типу ольвийские черепицы сходны с херсонесскими (САИ. 1966. С. 47), также имеющими дугообразное перекрытие и водозащитные бортики. Известна черепица с проемом, найденная в 1937 г. на Стрелецком п-ове (около Херсонеса). Ее размеры (ширина 0,50 м, толщина 0,03 м, сохранившаяся длина 0,60 м; продольные бортики шириной 0,03 м и высотой 0,03 м (Тахтай. 1940. С. 32–33) не выходят за рамки херсонесского стандарта (САИ. 1966. С. 46). Черепица имеет перекрытие с окном спереди, максимальная ширина которого равняется 0,265 м, длина – 0,145 м.

Черепица с круглым окном была обнаружена при раскопках Пантикалея (Блаватский. 1957. С. 41–42). Она имеет, по-видимому, стан-

данные для боспорской черепицы размеры (ширина около 0,50 м, продольные бортики шириной 0,25 м). Диаметр отверстия, обрамленного бортиком высотой 0,07 м, равняется 0,265 м. По типу пантикелейская черепица – опайя ближе всего находке из Приены.

Таким образом, черепицы с отверстиями, происходящие из Северного Причерноморья, имеют значительное сходство с обнаруженными в Средиземноморье. Так, получивший наибольшее распространение в IV–III в. до н.э. в Северном Причерноморье вид черепицы с отверстием, которая имеет полусферическое защитное перекрытие-козырек, препятствующий проникновению дождевой воды во внутренние помещения домов, имеет ближайшие аналоги среди помпейских находок.

Пантикалейская черепица практически полностью тождественна находке из Приены. Отверстие этих черепиц, не имеющих козырька, по всей видимости, закрывалось при помощи специальной заслонки (ή τήλια). Подобная крышка была найдена во время раскопок в доме Филоклеона в Олифе (Ολιφθα, VIII, 1938, P. 194–195).

Сведения о существовании заслонки, при помощи которой закрывали дымоход, сохранились у Аристофана. В «Осах» (147) он пишет:

Бделиклеон
(подходит к трубе)
Владыка Посидон! Что там шумит в трубе?
Филоклеон высовывает голову.
Эй, кто ты?

Филоклеон
Это я, я вылезю, – дам.

Бделиклеон
От дров каких, скажи?

Филоклеон
Смоковницы

Бделиклеон
О Зеве!
Подлет из всех дымов вонючий самый дым.
Но ты не вылезешь! Где вышка? Прочь, назад!
(Закрывает отверстие)

О назначении черепиц, имеющих отверстие, мы можем судить на основании письменных источников.

Так, Плутарх в биографии Перикла следующим образом рассказывает о сооружении элевзинского храма: «храм для мистерий в Элевсине начал строить Кориб; он поставил колонны на полу и соединил их архитравом. После смерти его Метаген из Кеипеты поставил на них фриз и верхние колонны; а крышу с отверстием для света (τὸ δ' ὀλαῖον) на этом храме возвел Ксенокл из Холарга» (Plut. Per. XIII, 7, 6).

Таким образом, одной из функций черепицы этого вида было освещение внутренних помещений зданий (Блаватский. 1957. С. 41), они также, вероятно, могли служить для вентиляции несущей конструкции и выявления степени необходимости технического ремонта.

Константинопольский патриарх IX в. н.э. Фотий в «Лексиконе» пишет, что черепицей с отверстием называют ту, которая «имеет дымовое отверстие» (Ὀλαία κεραμίς: ἢ τὴν κάλυψιν ἔχουσα), (Phot. Lex. 341, 6).

Точно такое же определение мы встречаем у Евстафия, комментатора Гомера, жившего в XII в. н.э. Он, рассуждая об исчезновении Афины из дома Одиссея (Od. I, 320), пишет: «говорят, что она улетела вверх, или же верней, сквозь отверстие в центре крыши, которое называют дымовой трубой или дымовым отверстием. Или через черепицу, имеющую отверстие (διὰ τῆς ὀλαίας κεραμίδος). Это та самая, которая, говорят, имеет дымовое отверстие (τὴν κάλυψιν)» (Eustat. Phil. Com. Odys. I, 61, 27).

Таким образом, подобные черепицы служили также для выхода дыма из внутренних помещений, что было необходимо как в храмах с алтарем, так и в домах при приготовлении пищи на кухне.

Литература

- Блаватский. 1957 – В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапей // Пантикапей. М., 1957. – (МИА № 56).
- САИ. 1966 – Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. М., 1966. – (САИ. Вып. Г 1–20).
- Тахтай. 1940 – А. К. Тахтай. Античная черепица с кровельным оком из окрестностей Херсонеса // КСНИМК. М., Л., 1940. Вып. 4.
- Крыжовник. 1982 – С. Д. Крыжовник. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Киев, 1982.
- Durm. 1905 – J. Durm. Die Baustile historische und technische entwicklung des handbuches der architectur. Darmstadt, 1905.
- Dyggve, Rhomaios. 1934 – E. Dyggve, K. Rhomaios. Das Heroon von Kalydon. Copenhagen, 1934.
- Fergusson J. The Parthenon. L., 1883.
- Orlandos. 1966 – A. K. Orlandos. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens. P., 1966.
- Overbeck. 1875 – J. Overbeck. Pompeji in seinen Gebäuden, alterthümern und kunstwerken für kunst und alterthumsfreunde. Leipzig, 1875.

- Robinson, Graham. 1938 – *D. M. Robinson, J. W. Graham. Excavations at Olynthus. Part VIII. Baltimore, 1938.*
- Roux. 1961 – *G. Roux. L'architecture de l'Argolide aux IV et III siècle av. j. e. P., 1961.*
- Wiegand, Schrader. 1904 – *T. Wiegand, H. Schrader. Priene, Berlin, 1904.*

В. Н. Зинько

**Хора городов западного побережья Боспора Киммерийского
в IV – нач. III в. до н.э.
(по письменным и археологическим источникам)**

Период IV – начала III в. до н.э. явился для Боспора временем становления и расцвета особой формы верховной власти и территориального государства. Наследственная тирания первых Спартокидов все более приобретает черты присущие эллинистическим монархиям, одной из главнейших черт которых в области поземельных отношений является наличие особого домена – весьма обширных собственных земельных владений – «хора базилике» (Масленников, 2004. С. 25). Именно об этом периоде сохранилась большая часть античных письменных источников, содержащих довольно скупые, но очень важные для истории Боспора, сведения об устройстве сельскохозяйственных территорий и об экспорте хлеба. Это в первую очередь свидетельство Полиена о существовании на Боспоре управляющих селами (Polyaen. VI, 9, 3), Диодора – о размежевании царем Евмелом земли и выделении тысячи наделов для каллатийцев (Diod. XX, 25), Демосфена и Страбона – о вывозе хлеба боспорскими царями в Афины (Demosth., 32, Strabo, VII, 4, 6), декрет Митилены в честь царя Левкона (Жебелев, 1953. С. 133. Прим. 2). Однако они, вероятно, менее всего касаются полисных земель.

Анализируя политику Спартокидов в отношении боспорских полисов, Ю. Г. Виноградов пришел к выводу, что они не уничтожили полностью представительские органы гражданских общин полисов и поэтому не приходится говорить о полном подавлении ими полисной автономии (Виноградов, 1983. С. 415). Большинство исследователей полагают, что лишь гражданские общины Пангикалея и Феодосии пользовались правами внутреннего самоуправления (Колобова, 1953. С. 49–52; Виноградов, 1978 С. 22–25; Шелов-Коведяев, 1985. С. 165–167; Молев, 1997. С. 62–63). Об этом в частности свидетельствует тот важный факт, что правители Боспорского государства выступали по отношению к греческим городам не как цари, а как архонты, демонст-

рируя тем самым приверженность эллинистическим традициям (Подр. см.: Виноградов. 1983. С. 41–419).

Однако следует напомнить, что в титулатуре боспорских правителей IV в. до н.э. фигурирует титул «архонт Боспора и Феодосии» (КБН. № 6, 6 а, 7, 8, 10 и др.) и нет упоминания о Пантикапее или другом городском центре Боспора Киммерийского. В то же время, известно о сборе царем Евмелом в конце IV в. до н.э. в Пантикапее Народного собрания, на котором царь предоставил ателию пантикапейцам, существовавшую при его предках, и обещал освободить их от чрезвычайного военного налога (Diod., XX, 22, 1–24, 4; Гайдукевич. 1949. С. 73–75; Шелов-Коведяев. 1985. С. 149–151; Завойкин. 2001. С. 162–164). Это, вне всякого сомнения, свидетельствует об особом – полисном статусе Пантикапея в составе Боспорского царства. Судя по всему, в понятие «Боспор» в IV в. до н.э. следует включать все греческие поселения в районе Керченского пролива, так сказать исконные земли боспорских правителей (Завойкин. 2001. С. 168). Тогда можно допускать полисную автономию не только для Пантикапея, но и для других эллинистических городов. В первую очередь это касается Нимфея, тем более именно к этому времени относится боспорская надпись с упоминанием этника «нимфеец». Конечно степень этой автономии для каждого города, вероятно, была различной, но вряд ли стоит сомневаться в отсутствии одной из главнейших полисных составляющих – полисного землевладения. Поэтому на Боспоре в IV в. до н.э. следует различать, по крайней мере, три категории земель по их собственникам: полисную хору, царскую хору и территории варварских племен.

Устройство и организация, а также жилищно-хозяйственные комплексы царской хоры в Восточном Крыму в последние десятилетия довольно основательно исследованы А. А. Масленниковым (Масленников. 1998; 2004). Варварские селища и могильники в последние годы практически не изучались (Кругликова. 1975 С. 58–80; Яковенко. 1974; Масленников 1995), лишь для окрестностей Феодосии получены новые данные (Гаврилов. 2004). Значительные изменения претерпели представления о полисных землевладениях европейской части Боспора, особенно благодаря разработке вопросов организации и устройства хоры Нимфея.

В настоящее время трудно сказать что-то определенное о храмовом землевладении на Боспоре в этот период. Однако значительная роль храма Аполлона, сыгравшего решающую роль в образовании симмахии боспорских городов, позволяет предполагать, что этому храму мог быть выделен определенный земельный фонд, доход от эксплуатации которого, шел на его нужды. Интересно в связи с этим отметить, что до восшествия на престол Левкон являлся жрецом Аполлона Врача (КБН, № 25; Гайдукевич. 1949. С. 57). Судя по аналогиям,

храмовые земли нередко сдавались в аренду и приносили доход храму в 8–10% от общей стоимости земельного участка. Сходные условия аренды земли в разных районах Греции в это время позволяют предполагать, что и на Боспоре мог иметь место аналогичный или близкий к указанному порядок обработки земельного фонда, находившегося в собственности храмов (Лопухова. 1985. С. 140–160).

Многолетние археологические работы на сельской территории европейской части Боспорского государства позволили получить относительно полное представление о типах поселенческих структур IV – начала III в. до н.э. и об организации различных частей этих территорий (Крутликowa. 1975; Яковенко. 1974; Маслеников. 1998; Зинько. 2003). Всестороннее изучение археологических памятников позволяет более четко представить место той или иной категории в хозяйственно-административной системе государства и построить достоверную модель экономического развития на определенном историческом этапе (Маслеников. 1989. с.67). Без такой модели, пусть во многом гипотетической и дискуссионной, сейчас уже невозможно продолжать изучение истории и культуры любого античного государства, в том числе и Боспорского царства.

Вся территория Нимфейского полиса, охватывающая более 110 кв. км, имела довольно стратифицированную пространственную структуру, в которой, наряду с городским центром, выделяются пять крупных сельских поселений, контролирующих отдельные районы ближней и дальней хоры, более десятка средних поселений, состоящих из нескольких хозяйств различной планировки, более двух десятков отдельно стоящих усадеб, а также несколько временных стоянок, без каких-либо ярко выраженных построек. Особо следует отметить, что в рамках рассматриваемого периода можно выделить три хронологических этапа, на протяжении которых отдельные структурообразующие элементы нимфейской хоры могли претерпевать существенные изменения.

Так в первой четверти IV в. до н.э. (первый хронологический этап) хора Нимфея переживает кризис, выразившийся в разрушении жилищно-хозяйственных комплексов, как на приморских, так и на глубинных сельских поселениях. В то же время, вероятнее всего на заключительной фазе этого этапа, на юго-восточной приморской окраине хоры на поселении Героевка-1 на месте разрушенных небольших хозяйств, возводится большая укрепленная усадьба с внутренним двором и угловой башней, просуществовавшая до второй половины IV в. до н.э.

Второй хронологический этап, со второй четверти IV в. до н.э. до рубежа третьей-четвертой четвертей IV в. до н.э., характеризуется освоением дальней хоры и бурным ростом числа сельских поселений,

как на ближней, так и на дальней хоре, а также появлением нового типа жилищно-хозяйственной постройки – больших сельских усадеб, которые на некоторых поселениях приходят на смену небольшим домам. В ряде случаев эти большие усадьбы были единственной постройкой среди окрестных полей как ближней, так и дальней хоры. В то же время, на ближней известны и «архаческие» небольшие сельские комплексы, состоящие из жилой и хозяйственной землянок (поселение Героевка-2). Однако существуют они не долго, вероятно не более одного двух десятилетий, а затем им на смену приходят какие-то большие наземные постройки крытые черепицей.

В конце третьей – начале четвертой четверти IV в. до н.э. ближняя и дальняя хора Нимфея переживает какой-то кризис. Гибнет в пожаре большая усадьба «А» на поселении Южно-Чурубашское (Зинько. 2003. С. 106), разрушается усадьба с башней на поселении Героевка-1 (Горончаровский. 1991), перестает существовать поселение Героевка-2. Возможно, эти потрясения связаны с войной боспорского царя Перисада I против скифов, известной из речи Демосфена против Формиона (Зинько. 2003. С. 180). На последнем третьем этапе – последние четверть IV – первая треть III в. до н.э. на хоре Нимфея возобновляется жизнь лишь на нескольких крупных поселениях.

На хоре Пантикапея в IV в. до н.э. также происходит значительное увеличение число сельских поселений (Кругликова. 1975. С. 54). Как и для нимфейских земель здесь можно выделить ближнюю и дальнюю хору. Причем возможно ближнюю хору Пантикапея, а также наделы жителей Мирмекия, Пормфия и Тиритаки, огораживал Тиритакский вал, построенный, судя по всему, именно в это время (Маслеников. 2003. С. 217–217). Однако, несмотря на процесс интенсивного застраивания полисных земель новыми поселениями, территории ее дальней хоры в IV в. до н.э. вероятно увеличилась не на много. Северо-западная часть этой территории не претерпела изменений, т.к. не известны поселения западнее поселения Андреевка Южная, возведенного на полисных землях еще при Арханактидах (Кругликова. 1975. С. 52). Вероятно, какие-то земли могли быть присоединены на юго-западном пограничье дальней хоры, в районе современных сел Тасуново и Либкнехтовка, где И. Т. Кругликова размещает несколько поселений IV–III в. до н.э. (Кругликова. 1975. С. 263, № 96, 97, 99).

Расположенные на возвышенностях с крутыми западными склонами, эти поселения самой природой были защищены и господствовали над простирающейся на многие километры к западу низинной степной частью Керченского полуострова. Эта естественная природная граница продолжалась к югу, в сторону границ дальней хоры Нимфея, в виде возвышенностей, на одной из которых господствовало поселение Михайловка, вплоть до верховий реки впадающей в современное

озеро Тобечик. Таким образом, западная граница как пантикапейской, так и нимфейской дальней хоры в IV в. до н.э., скорее всего, имела не только хорошо визуально определяемые рельефом границы, но и в какой-то степени защищенные природой рубежи.

Для пантикапейской хоры, также как и для нимфейской, выделяется несколько хронологических этапов. В первой четверти IV в. до н.э. сельские поселения пантикапейских земель подвержены каким-то потрясениям. Гибнут в пожаре небольшие постройки на поселении Андреевка Южная. Однако уже во второй-третьей четверти IV в. до н.э. хора Пантиклиея переживает бурный рост. Осваиваются юго-западные земли дальней хоры, возникают десятки новых сельских поселений, а на старых строятся большие дома с черепичными крышами (поселение Андреевка Южная, Октябрьское).

На втором этапе на хоре Пантикапея не известны большие загородные греческие усадьбы, в то время уже существовавшие на нимфейской хоре. Возможно, это связано не только с недостаточной археологической изученностью сельских поселений Пантикапея, но и с какими-то определенными социально-экономическими различиями в структурах полисной хоры. В тоже время интенсивное и, вероятно, довольно быстрое освоение земель порождало и возврат к «архаическим» формам – возведение земляночных построек, требовавших значительно меньших затрат при строительстве. Они известны как на пантикапейских землях (поселение Госпиталь), так и на нимфейских (поселение Героевка-2). Земляночные постройки были непродолжительным этапом в функционировании этих двух сельских поселений на хоре разных боспорских полисов, вслед за которым рядом с этими постройками сооружаются типично греческие сельские усадьбы.

Этому переходу к новому этапу на хоре Пантикапея, как и на хоре Нимфея, предшествуют слои пожаров выявленные по поселениям Андреевка Южная, Госпиталь. Есть все основания связывать завершение этого этапа с уже упоминавшейся войной боспорского царя Перисада I против скифов. Ф. В. Шелов-Коведяев считает, что эта война датируется рубежом четвертого и третьего десятилетия IV в. до н.э., и может свидетельствовать о желании скифов лишить Боспор его сельских территорий, как они сделали впоследствии с дальней хорой Херсонеса в Северо-Западном Крыму (Шелов-Коведяев, 1985. С. 145–148). Несколько позднее, 20-ми годами IV в. до н.э., датирует эти военные действия С. Ю. Сапрыкин (Сапрыкин, 2000. Р. 38). Однако суть конфликта была, судя по всему, не в желании скифов лишить европейскую часть Боспора его хоры, а в необходимости остановить экспансию боспорян на запад в степные районы Восточного Крыма. Что вероятно и было сделано. Стал ли Боспор после этой войны данником особого «удельного» царства скифов, как это предполагает А. А. Масленников (Мас-

денников. 2004. С. 26–27)? Вряд ли с этим можно согласиться, ввиду отсутствия как письменных, так и археологических свидетельств.

Последствия этих событий в последней четверти IV – первой трети III в. до н.э. были различны для хоры тех или иных боспорских городов. Если на нимфейских землях на части сельских поселений жизнь в большей или меньшей степени замирает (Зинько. 2003. С. 180), то на землях Пантикапея и Мирмекия начинается строительство больших загородных усадеб.

Т. Н. Смекалова, А. А. Маслеников, С. Л. Смекалов

Ортогональные системы размежевания земель европейского Боспора и природно-демографические факторы²⁴

В период расцвета международной торговли зерном в IV в. до н.э. возделывалась, вероятно, почти вся пригодная для этого территории Боспорского государства (Блаватский. 1953. С. 176, 178). Хотя для Европейского Боспора мы располагаем очень скудными данными письменной традиции о размежевании земель, но зато, к счастью, сохранились еще физические следы существования такового. В нашей предыдущей работе была сделана попытка реконструкции ортогональных систем клеров, возможно, составлявших часть хоры крупнейших полей Европейского Боспора на основании комплекса дистанционных (аэрофотосъемки, картографии, космической съемки) и археологических методов (Смекалова, Смекалов, Попов. 2005). В данном сообщении рассматривается связь систем древних полей с природными факторами, а также даются предварительные результаты изучения динамики развития поселенческих структур на размежеванных и прилегающих территориях.

Напомним, что в основе метода выявления ортогональных систем межевания лежит предположение, что аграрные признаки различных систем использования земель в той или иной степени должны отразиться в неких существующих реалиях: на аэрофотоснимках, в сети старых и современных дорог, полей, лесополос и межей, зафиксированных на картах и космических снимках разных лет. Территория Керченского полуострова в целом, и некоторые площади в частности, с античных времен все еще содержат в себе или содержали в недавнем

²⁴ Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта РФФИ № 05-06-8009.

прошлом информацию об античном делении земель, которую можно выявить с помощью специальных методов, перечисленных выше. Исходя из опыта наших последних работ, решимся утверждать, что в условиях Европейского Боспора прямые признаки систем древних полей, можно, главным образом, наблюдать только со значительной высоты и при определенных природно-временных условиях.

Поэтому отправным пунктом реконструкции систем земельных наделов служат клеры, выявленные по аэрофотосъемке. Это – ключ ко всему дальнейшему исследованию. Двумя важнейшими признаками клеров, служат ряды прямых параллельных линий, пересекающихся под прямым углом с группой таких же параллельных линий, и метрологические данные, получающихся при этом прямоугольников.

Как известно, у Страбона (Strabo, VII, 3, 19) есть косвенное указание на то, что в Северном Причерноморье в качестве меры площади применялся плетр. Предположив, что на Боспоре, как и в Херсонесском государстве, при разделении земель использовали египетские футы (0,35 м) и плетры (равные 100 футам в квадрате, т.е. примерно 1/8 га), мы в дальнейшем получили этому полное подтверждение²⁵.

После определения по аэрофотоснимкам видимых признаков систем клеров, на картах, как старых, так и крупномасштабных новых, а также на космических снимках высокого разрешения отбирались линейные элементы, или *линии-элементы*, направление которых соответствовало направлению осей размежевания, а расстояние между ними – равно или кратно размерам одного клера. Все найденные элементы помещались на единую компьютерную топографическую основу. Такая сводная карта являлась базой для реконструкции систем клеров того или иного полиса или иной государственно-административной структуры. Последняя оговорка, как мы увидим ниже, не лишена смысла, ибо следует помнить, что раздел пахотных и иных угодий на равные или примерно равные участки вовсе не был в античное время присущ только классическим полисам, но являлся характерным элементом всякой землеустроительной практики. Вспомним хотя бы широко известную римскую традицию наделения земель новых граждан и отслуживших свой срок ветеранов.

²⁵ Имеется еще одна чрезвычайно распространенная в позднелатинистическое и римское время античная мера площади, югер, равная примерно 1/4 га. Нетрудно видеть, что плетр почти точно равен половине югера, так что эти величины можно считать достаточно близкими с точки зрения приложения их к определению площади клеров. При размежевании огромных площадей в Италии, Франции, Испании и Северной Африке размеры центурий – земельных участков равнялись 200 югерам.

На следующем этапе результаты применения дистанционных методов проверялись на местности в ходе пеших разведок. Точные географические координаты отчетливо видимых межевых валов, стенок, дорог, строений и других объектов, определялись с помощью GPS-приемников и наносились на сводную компьютерную карту исследуемого района. В некоторых случаях для выявления и изучения аномалий от запыливших межевых рвов и остатков усадеб применялась магнитная разведка.

С помощью данной комплексной методики на территории Европейского Боспора было выявлено три района предположительно сплошного ортогонального размежевания (Рис. 1).

- 1) юго, юго-западная часть Керченского полуострова (Рис. 2);
- 2) средняя часть полуострова у пролива (Рис. 3);
- 3) район к северо-востоку от Керчи, по направлению к Темир-горе (Рис. 4);
- 4) район к западу от Пантикапея.

Есть данные о возможности существования подобных же систем непосредственно в районе городов Китея и Тиритаки, но результаты исследований по этим площадям еще неполные и нуждаются в дополнительных проверках, поэтому в данном сообщении о них говорится только предположительно.

Нарезка равных участков, входящих в систему ортогонального размежевания подчинялась, прежде всего, природным факторам. Разделение земель обычно велось в пределах территорий, тяготеющих к тому или иному полюсу и ограниченных естественными географо-топографическими препятствиями: хребтами холмов, берегами морей или озер, реками, глубокими балками и т.п. Ориентировка осей размежевания выбиралась сообразно господствующему направлению склонов и одновременно подчинялась требованию наиболее короткого и удобного пути в поле (либо иной ближайший хозяйственно-административный центр) для транспортировки урожая с полей и других хозяйственных нужд. Расположение древних полей помимо особенностей ландшафта, зависело от типа почв, их увлажненности, степени каменистости местности, направления господствующих ветров. Разумеется, в соответствующих исторических реконструкциях необходимо учитывать не только современное строение рельефа местности, но и произошедшие изменения климата и гидросреды (степени обводненности рек, балок, низменных мест и заболоченных топких участков), а также постоянство или изменения розы ветров.

Первый, самый большой район предположительного ортогонального размежевания – южная часть Керченского полуострова от мыса Чауды до Узунишарского озера. Уже неоднократно писалось о том, что на аэрофотоснимках 1972 г четко видны следы не менее 130 клеров раз-

мерами 350 x 385 м, то есть, 1000 x (1000+100) футов или 100 пелетров²⁶ (Масленников, 2001; Смекалова, Масленников, Смекалов, Куликов, 2004). На картах масштаба 1:25000, так называемых «верстовках» (масштаба 1:42000) и космических снимках были выделены линейные элементы (в основном, дороги и границы полей), направление которых совпадает с направлением осей размежевания, и расстояние между которыми равно или кратно размерам клера. Общая площадь реконструированной системы наделов заметно превосходит начальную территорию, на которой мы наблюдали клеры по аэрофотосъемке. Она составляет, вероятно, около 35 тыс. га, при числе клеров не менее 2800. Самая значительная, «магистральная» дорога, проходящая с севера на юг, примерно от дер. Вулкановки до берега моря точно по границе между предполагаемыми древними участками, приблизительно по середине восточной группы клеров. Не исключено, что в конце этой дороги на берегу могло находиться портовое поселение, которое, к настоящему времени оказалось разрушено за счет быстрой абразии берега.

В природном отношении вся данная территория лежит в пределах довольно однотипного ландшафта: слабо или практически вовсе не пересеченной равнины, на которой лишь кое-где имеются холмы с пологими склонами. Единственным природным препятствием для возделывания обширных пространств являются глубокая и разветвленная балка Джанар-Берды, впадающая в Качицкое соленое озеро, само это озеро, а также урочище Котловина, которое могло быть в древности соленым озером.

Естественными границами данной системы полей с юга и юго-запада служили морские берега, на востоке – Узунарское озеро. На севере естественным пределом размежеванной площади мог служить Парначский гребень (хребет), который одновременно являлся и своего рода пограничьем, отделявшим возделанные поля от расположенной севернее территории, где, вероятно, в силу природно – климатических (а возможно и каких-то других) причин господствовал в это же время иной хозяйственно-бытовой уклад местного населения. Напомним, именно этот район полуострова в наибольшей степени насыщен разновременными курганными могильниками, образующими в ряде случаев (в частности по вершине упомянутого хребта в направлении запад-восток) практически непрерывную цепь насыпей, которая маркирует направление древних дорог. Несмотря на то, что Крымское Приптовье всегда было самой благоприятной, с точки зрения природных условий зовой для земледелия, оно в немалой степени являлось районом, свя-

²⁶ Дополнительные 100 футов могли получаться по одному из направлений в результате прокладки коммуникаций (дорог, межей, стен), и, возможно, не входило в расчет при вычислении площади.

данным преимущественно со скотоводством и полукочевым образом жизни местного населения. Разумеется, в разные исторические периоды, даже в пределах одной эпохи, эта ситуация не оставалась неизменной. Достаточно примечательно пространственно-временное соотношение упомянутых артефактов и известнейшего и крупнейшего из дошедших до нас античных сооружений – Узунарского вала.²⁷ Однако вернёмся к общей характеристике рассматриваемой зоны.

Почвенный покров представлен здесь чернозёмами слитыми солонцеватыми, луговыми и черноземно-луговыми почвами и солонцами, которые в настоящее время классифицируются как земли потенциально пригодные для земледелия, но требующие мелиоративных работ (Драгун. 2004. С. 55, 165). В древности, однако, эти угодья были, вероятно, куда более плодородны. Иначе просто невозможно понять известное свидетельство Страбона, что равнина, лежащая между Феодосией и Пантикалеем, богата хлебом и имеет селения (Strabo, VII, 4, 4). Впрочем, конец этой фразы остаётся всё же весьма загадочным, ибо с деревнями всё обстоит довольно туманно.

В археологическом отношении данная территория относится к категории наименее изученных, возможно, в силу того, что практически всё прибрежное пространство шириной до 5 км с довоенного времени закрыто для посещения, да и прежде специалисты его не баловали своим вниманием. Помимо известного по письменным источникам портового поселения Казека, расположенного предположительно у мыса Чауда, на карте, приведенной в монографии И. Т. Кругликовой (1975. С. 273), здесь указано только одно эллинистическое поселение (Карасевка) в северной части интересующей области. Да и от самой Казеки к настоящему времени мало что осталось. Разведками В. В. Веселова этот район, вероятно, вообще не был охвачен, равно как и недавними обследованиями А. В. Гаврилова, по мнению которого он не мог входить в хору Феодосии, так как слишком удален от города. Несколько иных кратких поездок 2004–2005 гг. в район мыса Чауда также не добавили информации.

По нашему мнению, выявленные здесь клеры всё же являются дальней хорой Феодосии. Сухопутное расстояние от них до города немалое (около 50 км), но не следует забывать о предпочтении греками

²⁷ Попутно заметим, что за это первенство, вероятно, с ним может поспорить ещё один, буквально только что открытый объект: вал – дамба вдоль юго-западного и южного побережья Фанталовского полуострова, что лежит по другую сторону Босфора Киммерийского. Но это уже тема для иного повествования. Что же касается Узунарского вала, то время его сооружения, согласно последним изысканиям, скорее всего, конец первой трети III в. до н.э. (Масленников. 2003. С. 145 сл.).

морского пути. Путь по заливу был короче (около 32 км), удобен и безопасен, лежал в пределах прямой видимости из Казеки в Феодосию. Настораживает, однако, то, что пока здесь не выявлены сельские усадьбы или поселения. Трудно предположить, что феодоситы ежедневно возвращались отсюда в свой полис домой! Или, может быть, Казека являлась своего рода сельским выселком Феодосии, где и обитали хозяева здешних участков? Но и этот пункт вряд ли устраивал всех гипотетических владельцев здешних клеров, во всяком случае, тех, что располагались в восточной части рассматриваемой зоны. Еще одна трудность состоит в том, что у нас нет практически никаких прямых данных о времени формирования этой системы надделов, а на т.н. Казеке не выявлены ни слои, ни даже находки, которые можно было бы отнести ко времени ранее первых веков н.э. Поэтому пока вопрос, являлись ли выявленные структуры полисными клерами или представляли собой надделы иного хозяйственно-правового статуса, остается пока открытым. Необходимы дополнительные широкие археологические исследования во всем данном районе.

Следующая предположительная область сплошного размежевания – середина восточной части полуострова, приблизительно от с. Тасуново (на севере) на десяток километров в сторону Керченского пролива. Здесь, к северу от Михайловки, в своё время путем дешифровки аэрофотоснимка Б. Г. Петерсу удалось выявить более 100 «клеров», образованных прямыми параллельными и взаимно пересекающимися под прямыми углами линиями (Петерс. 1978. С. 122). Скорректированные по крупномасштабным картам размеры участков: 350 x 390 м, (100 пестров) – то есть, они идентичны предполагаемым надделам дальней хоре Феодосии. В меридиональном направлении участки длиннее, чем в широтном, что соответствует, вероятно, положению дорог и межей в направлении к Чурбашскому озеру и проливу, а также общей ориентации форм рельефа данного района.

При рассмотрении детальных карт и космических снимков интересующей нас территории удалось выявить многочисленные линейные элементы, соответствующие прямым признакам клеров (Рис. 3). Самое примечательное, что большой, почти квадратный массив современных полей на обширном равнинном участке размерами более 3 x 3 км к юго-западу от Чурбашского озера, отмеченный почти на всех топографических картах, имеет направление осей и размеры внутреннего деления на отдельные поля, полностью совпадающие с признаками выявленных клеров. Вероятно, данная квадратная структура является продолжением системы древних полей, той же самой, что была выявлена у пос. Михайловка.

Площадь всей «размежеванной» территории этой части полуострова оказывается, таким образом, не менее 15–18 тыс. га, а количество

предположительных клеров около 1200–1400. Территориально эта система землеустройства, очевидно, тяготеет к Нимфею, хотя до сих пор считается, что граница хоры этого полнса, даже в период его расцвета, проходила всё же несколько восточнее (Зинько, 2003, С. 14). Главный аргумент в пользу значительного расширения границ земельной округи Нимфея – простирание единой системы ортогонального межевания на всей обозначенной выше области.

Здесь, как собственно и на несомненной территории хоры Нимфея (пространства между Чурбашским и Тобечикским озёрами), преимущественное направление размежевания определялось расположением естественных склонов обширного приподнятого плато, которое совпадало с длинными осями простираения этих озер и общим уклоном местности в сторону моря.

Границей ортогональной системы «клеров» вокруг Михайловки на западе служил Узуларский вал – одновременно искусственная и естественная (высоты холмов) преграда. И это вряд ли случайно. Границей же собственно хоры Нимфея на западе, юго-западе, вероятно, являлась балка Глубокая, соединяющаяся с системой балок, объединенных названием «урочище Плавни» (Ичкил-Джилга), которые, в свою очередь, «впадали» в Тобечикское озеро. Почвы в данном районе различные, в том числе местами – и одни из самых плодородных черноземов на полуострове (Драган, 2004, С. 55, 165).

На севере и северо-востоке границей хоры Нимфея, скорее всего, был берег Чурбашского озера. На северо-западе, судя по площади, занимаемой ортогональной системой «клеров», ею служила южная высокая кромка долины-впадины, в которой далее к северу находится пос. Андреевка Южная. Вдоль по этой границе, в древности, вероятно, проходил участок дороги, который маркируется цепочкой не менее чем из 11 курганов. Данная дорога, прослеживаемая и далее к западу по непрерывному ряду курганов, пересекала весь Керченский полуостров от мыса Ак-Бурун до современного Старого Крыма, следуя, таким образом, вдоль Паршачского гребня (Рис. 1).

Важные данные о системе «клеров» дают результаты археологических разведок и раскопок. Прежде всего, это работы Б. Г. Петерса к северу от Михайловки, которые, вероятно, позволяют констатировать, что нарезка земельных наделов была произведена одновременно, по единому плану, и почти синхронно с насыткой курганов, которые датируются концом IV–III в. до н.э. (Петерс, 1978, С. 122). В ряде монографий (Кругликова, 1975; Scholl, Zin'ko, 1999; Зинько, 2003) имеется информация об открытых населенных пунктах на хоре Нимфея с указанием их точного расположения. Те из них, которые возникают или продолжают существовать в IV–III в. до н.э., нанесены на карту с реконструкцией системы клеров (Рис. 3). На ней отчетливо видно, что

многие из поселений (№ 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 34, 35, 36, 97, 98, 99, 100, номера даны по (Зинько. 2003. С. 160)) примыкают к границам предполагаемых клеров, и, вполне возможно, являлись построенными на них усадьбами или «конгломератами» усадеб. Особенно интересные данные приводятся Т. Шоллем и В. Н. Зинько относительно пос. Огоньки-4 (пункт 27 на Рис. 3), где направление стен усадьбы, и ограды участка совпадает с направлением осей системы клеров. Поселения IV–III в. до н.э. тянутся непрерывно и к северо-западу от Михайловки (Рис. 3). Не исключено, что их может быть больше, чем было указано в монографии И. Т. Кругликовой (1975. С. 263). Эти территории, по нашему мнению, требуют дополнительного обследования.

Если пространственная связь между усадьбами и клерами будет доказана в ходе дальнейших исследований, то материал с усадеб можно использовать для датировки данной системы землепользования. Но уже сейчас можно предположить, что это – IV в. до н.э., так как именно к этому времени относится бурный рост числа поселений на рассматриваемой территории. Действительно, в V в. до н.э. поселения на хоре Нимфея располагались главным образом по берегам озер и моря (пункты 1–12 на Рис. 3), а в III–I в. до н.э. продолжают функционировать лишь единичные пункты 1, 6, 9 и 21.

Во многом сходная картина вырисовывается также и для северо-восточной части полуострова, к рассмотрению характера разделения земель которой мы и переходим.

Эта третья ортогональная система размежевания земель была открыта при просмотре аэрофотоснимков района Темир-горы. Она представляет собой абсолютно прямые параллельные и перпендикулярные им линии, как будто бы парящие над весьма неровной поверхностью земли. На севере границы «клеров» и линии их внутреннего деления четко видны на аэрофотоснимках до моря на территории к северо-западу от Темир-горы вплоть до мыса Тархан; на западе – до окраины дер. Бондаренково. Расстояние между границами клеров в меридиональном направлении – 370 м, в широтном – 355 м. Снова, как и в предшествовавших примерах, мы видим, что площадь одного участка равнялась примерно 100 гектарам. По крупномасштабным картам и космическим снимкам были выделены все линейные элементы, удовлетворяющие прямым признакам клеров, они наносились на сводную компьютерную карту (Рис. 4). В результате было определено, что система размежевания простирается на территорию почти всей северо-западной оконечности Керченского полуострова. На севере и юге её естественными границами фактически являются берега моря, на западе – линия, идущая на север от восточной окраины пос. Войково, на востоке – склонами морского берега от мыса Фонарь до пос. Окопины. Площадь межевания, таким образом, составляет не менее 9 тыс. га, а

количество клеров – около 700. Почвенный покров представлен здесь довольно плодородными черноземами и темно-каштановыми почвами (Драган, 2004, С. 55, 165).

Разведками В. В. Веселова и И. Т. Кругликовой здесь было выявлено довольно большое количество поселений, датируемых IV–III в. до н.э. Они нанесены на сводную карту, из которой можно заключить, что поселения, возможно, примыкали к границам клеров²⁸ (Рис. 4). Не исключено, что часть этих пунктов являлась усадьбами на участках, и тогда, вероятно, можно считать, что последние также возникли в IV в. до н.э. Немногие из этих поселений продолжают существовать и в первых веках н.э. Здесь также, как и на хоре Нимфея, налицо явное изменение в III в. до н.э. масштабов использования земель и характера сельскохозяйственного производства: от товарного к более узкому, направленному на удовлетворение потребностей внутреннего (локального) рынка. Одним из возможных объяснений произошедших резких перемен может быть нарушение природного равновесия в регионе. Действительно, в IV–III в. до н.э. в результате размежевания, огромные, прежде целинные, территории Керченского полуострова оказались распаханными, а деревья и кустарники вырубленными. Кроме того, если в VI–IV в. до н.э. здесь господствовал достаточно влажный климат, то затем, в III в. до н.э., он сменился сухим и жарким. Вполне вероятно, что сочетание климатической перемены и фактора незадернованности больших площадей, привели к экологическим трудностям или, даже, катастрофе, если иметь в виду очень высокую вероятность засух, пыльных бурь и нарушения плодородного почвенного покрова на пашне. (О вероятности экологического кризиса на Боспоре около рубежа первой трети III в. до н.э. нам уже приходилось прежде неоднократно говорить и писать.)

Центральная часть последней из рассматриваемых территорий представляет собой довольно плоскую равнину, но здесь же находится небезызвестная Темир-гора и гора Хронн, проходит глубокая и разветвленная Булганакская балка. Иными словами, встает вопрос, как и зачем проводилось межевание в условиях столь пересеченного рельефа, впрочем, равно как и на других, не менее сложных в этом отношении территориях?

Теоретически, как известно, склоны холмов являются лучшими участками для устройства на них виноградников. Поэтому, возможно, данные территории входили в особо ценимый земельный фонд и, соответственно, подвергались землеустроительным работам, о чём нам также приходилось писать уже неоднократно (См. также: Винокуров,

²⁸ Это предположение требует самых тщательных проверок разведками и раскопками.

1999, С. 85). Только верхние, скалистые края были исключены из хозяйственного использования.

И, наконец, четвертая ортогональная система, по нашему мнению, охватила земли непосредственно к западу от Пантикалея (см. Рис. 1, IV). Вся долина между двумя холмистыми грядами, на одной из которых находится г. Митридат, а на другой – знаменитый курган Кара-Оба, носит следы размежевания в виде границ современных полей, имеющих наклон примерно 5 градусов к востоку от современного направления на север. Ориентировка участков была обусловлена, на наш взгляд направлением основной дороги в Пантикеаей, являющейся продолжением Парпацкого тракта. Здесь и на современной карте масштаба 1:25000 прослеживаются две параллельные дороги, идущие по соседним склонам холмов, сообразно их простиранию. Именно это направление и было, вероятно, выбрано в качестве основного направления межевания.

Южным пограничьем данной, разделенной на участки, территории являлась цепочка курганов, маркирующая дорогу, ведущую в Нимфей, которая, как писалось выше, является северным пределом дальней хоры Нимфея. Пограничным населенным пунктом было пос. Андреевка Южная, на котором в IV в. до н.э. на месте более раннего поселения, строится монументальная сельскохозяйственная усадьба с каменной оградой участка (Кругликова. 1975, С. 48, 86–88). Ориентировка стен усадебного комплекса и ограды полностью соответствует направлению склонов холмов и дороги в Пантикеаей, и, соответственно, ориентировке осей межевания. Непосредственные следы древних межей сохранились в северной части территории, где к северу от г. Туркмен по аэрофотоснимкам можно различить прямые параллельные линии, простирающиеся под указанным углом, пересекающиеся перпендикулярными полосами. На севере размежевание продолжалось, вероятно, до Чокрак-Бабчинской котловины и Караларской антиклинали, то есть до территорий, которые, предположительно, являлись «царским доменом». Здесь границы современных полей и проселочных дорог, прослеживаемых на картах масштабов 1:25000 (1954 г. съемки) и 1:42000 (конца XIX в.), все еще подчиняются господствующему направлению, обусловленному древним межеванием. На западе граница данной территории пока не ясна, она может доходить вплоть до Узунларского вала, по крайней мере ее следы имеются к югу от Чистоволья. Тогда территория, занятая клерами, равна не менее чем 20 км x 8 км или 16 тыс. га, что соответствует примерно 1300 участкам по 100 плагтров.

Если всё вышесказанное верно, то проведенные античными землемерами работы носили столь тщательный, выверенный и грандиозный характер, а направление осей участков было выбрано настолько точно, сообразно основным коммуникационным нуждам населения и

рельефу местности, что превзойти их впоследствии не удалось. Да это, вероятно, и не требовалось, так как ничто не препятствовало обработке полей в их прежних границах сначала земледельцами средневековья (таковых, впрочем, было немного, а пастбища скотоводов не разрушали границ полей), а затем и новейшего времени. Основные античные дороги, идущие вдоль оград земельных участков, были проложены настолько продуманно, что до сих пор продолжают активно эксплуатироваться²⁹. Что же касается способов прокладывания границ полей, которые одновременно являлись и сетью дорог, то следует отметить поразительную точность и параллельность проведенных прямых «широтных» линий, и строгую ортогональность по отношению к «меридиональным» границам участков. Это свидетельствует о том, что вся кампания по разделу земель была серьезным государственным и чисто греческим (античным) мероприятием. Продуманная в деталях, она проводилась знающими и опытными специалистами своего дела, обладавшими высокой землемерной культурой, помощниками, пахарями и быками для пропашки межей, многочисленными работниками и т.д.³⁰. Без такого кардинального изменения хозяйствования невозможно было и говорить о производстве того огромного количества хлеба, которое вывозилось с Боспора в IV в. до н.э.

Необходимо отметить, что столь долгая «жизнь» античной системы размежевания земель, это не исключительный, а, скорее, нормальный факт. Нечто подобное наблюдается и в Греции, в Аттике, недалеко от Афин, и в Этрурии, где глобальные изменения ландшафта начались только после 20-х г. прошедшего века. С несколько более позднего времени можно говорить и о крупномасштабном товарном производстве зерна на Керченском полуострове. Но новые поля нередко были разбиты в старых границах, опираясь на сеть старых дорог там, где те и другие сохранились.

При сравнении всех трех рассмотренных ортогональных систем первое, что бросается в глаза – абсолютное равенство площадей отдельных участков в разных частях полуострова. Это говорит по край-

²⁹ Начало одной из этих дорог, идущей по северному берегу Чурбашского озера, затем через Южно-Чурубашское поселение и далее вдоль границы клеров, реконструированной нами, показана в монографии В.Н. Зинько (Зинько. 2003. Рис. 19. С. 43).

³⁰ Не исключено, что землемеры могли использовать устройство наподобие современного компаса при прокладке границ участков. На эту мысль нас натолкнуло совпадение ориентировки размежевания в южной части полуострова и у Темир-горы с направлением на магнитный северный полюс для эллинистической эпохи (отклонение от современного магнитного севера: примерно 6–8° к западу (Загний, Русаков. 1982. С. 76)).

ней мере о том, что на Боспоре существовала единая система мер и обмера земельных участков. Возможно, в различных полисных центрах (а их т.о. выделяется всего четыре – пять: Пантикапей, Феодосия, Нимфей и, может быть, Тиритака и Китей), права граждан на землю были одинаковыми. По греческим понятиям это были средние по величине наделы. Примечательно, что на азиатском берегу Боспора, возле Патрея, зафиксирована обширная «внешняя» межевая система, расстояние между основными линиями которой составляет также примерно 340 м, что, соответствует 1000 футам (Гарбузов, Лисецкий, Галеусов. 2004. С. 114). Вместе с тем, такое единообразие не может не вызывать, требовать объяснения.

Пока у нас нет твердых оснований для определения точного времени появления ортогональных систем землераспределения. Если бы существовала уверенность в том, что в первом случае мы действительно имеем дело с дальней хорой Феодосии, можно было бы допустить, что это размежевание случилось после присоединения города к Боспорскому царству. Вместе с тем, единообразие проведенного размежевания определенно свидетельствует о едином замысле, воле и общегосударственной организации. Думается, это произошло уже при Левконе I (или его ближайших преемниках), известном, как своими территориальными приобретениями, так и широким масштабом заморской хлебной торговли. В таком случае становится отчасти объяснимы поля вдалеке от основных городских центров, их общая планировка и площадь. Но тут же неминуемо встают новые вопросы. И среди них – основные: характер отношений собственности и источники рабочей силы. Для их решения необходимо вернуться к более детальному изучению соотношения поселенческих (и соответствующих погребальных) и землеустроительных структур на данной территории. Примечательно, что множество варварских селищ-деревень с соседними (их?) курганными могильниками IV–III в. до н.э. концентрируется вне от основных районов «размежевания» (см. карту, приведенную в монографии А. А. Масленникова (1998. С. 77) распределения наиболее изученных селищ IV–III в. до н.э. на Керченском полуострове и Рис. 1).

В настоящее время мы можем предложить следующую схему структуры земель евровейского Боспора.

Во первых, это ближняя хора городов (относительно небольшая зона традиционного античного землеустройства и землепользования вблизи городов-полисов, например хора Нимфей и Китей). В поселенческо – демографическом плане для данных территорий характерно или полное отсутствие всяких усадеб или их «кустовое» (иногда даже единоклочное) расположение, причём, в основном, на «пограничных» территориях.

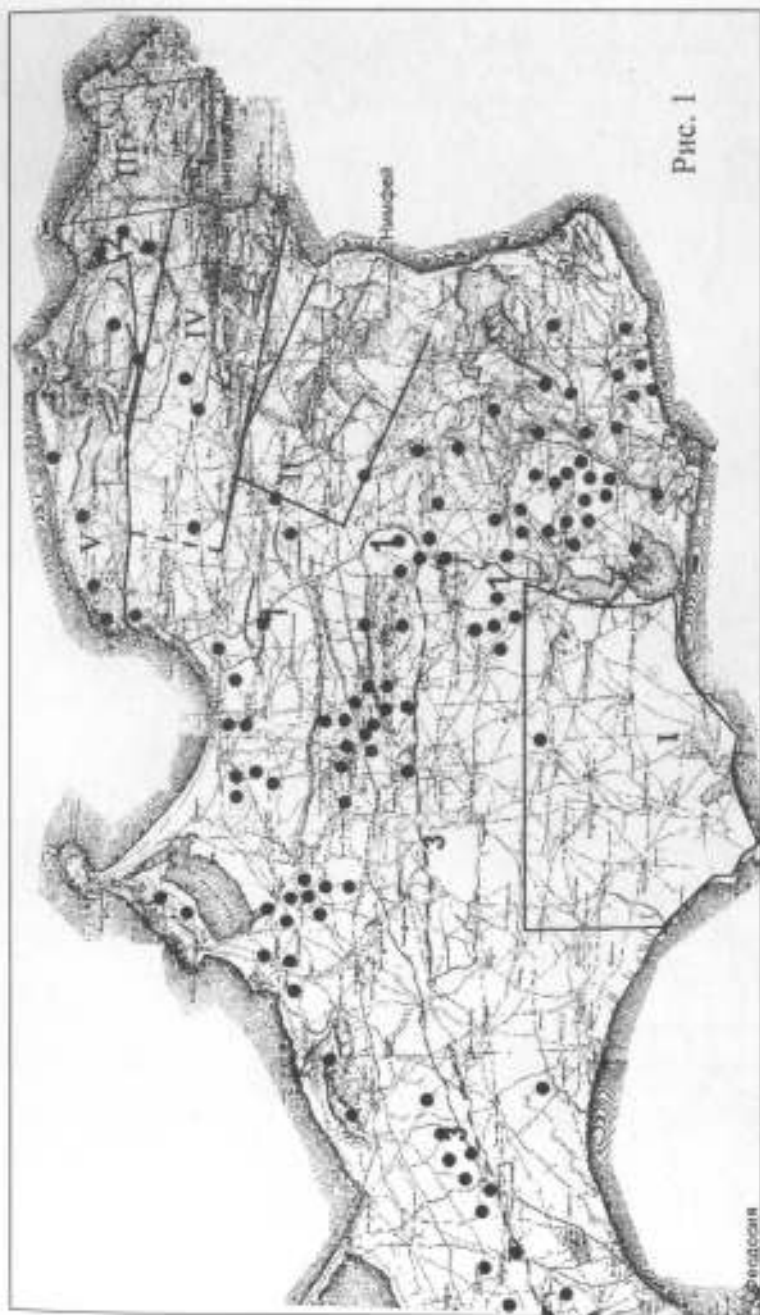

Рис. 1

Во вторых, – некие пространства явно не варварских и не поделённых на равные наделы земель с редкими, но весьма примечательными во всех отношениях поселениями – усадебными комплексами типа Генеральского-западного (Крымское Приозовье). Это, быть может, личный «домен» правящего дома Спартокидов, неделимый корпоративный и особым образом обустроенный массив наиболее плодородных и, подчеркнём, рентабельных, товарно ориентированных угодий с интенсивными формами хозяйствования и максимально возможным развитием специализации, торговых связей и денежных отношений.

В третьих, это менее удобные, но в основном, равнинные пространства, поделённые на равные участки. Зерновая (монокультурная) хозяйственная ориентация здесь очевидна. Мы предполагаем, что эти земли были дальними земельными округами соответствующих городов, однако, не исключено, что это и была собственно так называемая царская хора. Возможно, она славилась равными «долями» или числилась за кем-то. То есть, юридически имела собственников, но фактически принадлежала верховной власти. Система организации работ и жизни здесь нам менее всего известны. Именно эти земли истощались под пашнями наиболее интенсивно. И именно отсюда (вот для чего прямые дороги к морю!) вывозилась (в урожайные годы) основная масса собственно боспорского хлеба.

Ну и, наконец, 3-четвертых, территории с явно выраженными варварскими традициями в домостроении, погребальном обряде могильников и некотором другом. Это достаточно удобные для обитания (и ведения примитивного хозяйства, включившего и земледелие и скотоводство) пространства, расположенные условно к северу от Парпачского хребта и далее к северо-западу, в сторону центрального степного Крыма. Здесь практически нет следов наделов, нет поселений античного типа, зато масса курганов с захоронениями именно рассматриваемого времени и уже отмечавшихся селищ. Социально – правовой статус местного населения не ясен. Его вклад в боспорскую экономику, скорее всего, ощутим, но не решающ. Таким образом перед нами все явные признаки надполисной (протоэллинистической?) структуры, которая...

Вся эта стройная картина может мигом рассыпаться, как только удастся получить данные о датировке рассматриваемых систем «межевания». Но может и обрести ещё большую стройность.

Подпись к рисункам

Рис. 1. Керченский полуостров. Военно-топографическая карта 1862 г. (1 дюйм = 3 версты). Шпильными линиями показаны четыре области ор-

тогонального размежевания (I–III и IV – хора Пантикапея – предположительно); территория «дарского» домена (V). Кружками показаны варварские селища IV–III в. до н.э. (Масленников. 1979. С. 77). Пунктиром показаны Узукларский вал (1), т. наз. Тиритацкий вал (2) и Парпачкий гребень и его продолжение (3)

Рис. 2. Южная часть Керченского полуострова. Реконструкция ортогональной системы клеров. Сплошными линиями показаны клеры, выявленные по аэрофотосъемкам, пунктирными – на картах масштаба 1:25000, штрихпунктирными – на картах «верстовках». Размер ячейки координатной сетки – 1 км. Точками показаны GPS координаты межей, видимых на поверхности, треугольником – место проведения магнитной съемки

Рис. 3. Хора Нимфея. Реконструкция ортогональной системы клеров. Сплошными линиями показаны структуры, выявленные на аэрофотосъемках, пунктирными – на картах масштаба 1:25000 и 1:100000. Размер ячейки координатной сетки – 1 км. 1 – Нимфей; 2 – Тиритака, 38 – Ивановка; 39 – Михайловка. Кружками обозначены поселения IV–III в. до н.э., овалами – поселения, которые возникли до IV в. до н.э. и существовали в эллинистическое время. Номера рядом с кружками и овалами от 1 до 39 соответствует нумерации (Зинько. 2003. С. 160). Номера 97–176 соответствуют (Кругликова. 1975. С. 263. Треугольниками обозначены курганы (по: Зинько. 2003. С. 160)

Рис. 4. Северо-восточная часть Керченского полуострова. Реконструкция ортогональной системы клеров. 1 – Пантикапей; 2 – Мирмексий. Кружочками показаны поселения эллинистического времени. Треугольниками – поселения I–III в. н.э. (по И. Т. Кругликовой)

Литература

- Блаватский. 1983 – В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1983
- Веселов. 2005 – В. В. Веселов. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 г. Древности Боспора. Supplementum II. М., 2005.
- Винокуров. 1999 – Н. И. Винокуров. Виноделие античного Боспора. М., 1999.
- Винокуров. 2005 – Н. И. Винокуров. Агротехника древнего виноградарства в Северном Причерноморье. Боспорские исследования. Вып. IX. Симферополь-Керчь, 2005.
- Гарбузов, Лисенский, Галеусов. 2004. – Г. П. Гарбузов, Ф. Н. Лисенский, П. В. Галеусов. Древняя система землеустройства у пос. Гаркуша (Таманский полуостров) // Древности Боспора. 2004. № 7.
- Загний, Русаков. 1982 – Г. Ф. Загний, О. М. Русаков. Архейские вариации геомагнитного поля в юго-западной части СССР. Киев: Наукова думка, 1982.
- Зинько. 2003 – В. Н. Зинько. Хора боспорского города Нимфея. Боспорские исследования. Симферополь, Керчь, 2003. Вып. IV.
- Кругликова. 1975 – И. Т. Кругликова. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

- Масленников. 1998 – *А. А. Масленников*. Эдлинская хора на краю Ойкумены. М., 1998.
- Масленников. 2001 – *А. А. Масленников*. Сельские поселения европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги следований) // Боспорские исследования. Симферополь, 2001. Т. 1.
- Масленников. 2003 – *А. А. Масленников*. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.
- Петерс. 1978 – *Б. Г. Петерс*. Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М. 1978.
- Смекалова, Масленников, Смекалов, Куликов. 2004 – *Т. Н. Смекалова, А. А. Масленников, С. Л. Смекалов, А. В. Куликов*. Предварительные наблюдения о системах земледелия и землепользования античного Боспора. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004.
- Смекалова, Смекалов, Попов. 2005 – *Т. Н. Смекалова, С. Л. Смекалов, И. И. Попов*. Попытка реконструкции системы клеров городов европейского Боспора по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Период дестабилизации, катастроф. Керчь, 2005.
- Scholl, Zin'ko. 1999 – *T. Scholl, V. Zin'ko*. Archaeological map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999.

Ю. В. Горлов, М. Д. Кайтамба, А. В. Порохов

Палеоэкологический фактор в социально-экономическом развитии Боспора Киммерийского²¹

Вопросы палеоэкологии Северного Причерноморья в античную эпоху продолжают представлять интерес для решения ряда задач, связанных с детализацией схем ландшафтно-климатического развития этого региона, обоснованием моделей этнокультурного развития южнорусских степей, а также с проведением локальных ландшафтно-географических реконструкций отдельных участков Азово-Черноморского побережья для уточнения историко-географической ситуации.

О природно-климатических условиях Северного Причерноморья античная письменная традиция сохранила отрывочные или случайные сведения. Большинство из них, за редким исключением, представляют собой традиционный художественный образ этого уголка античного

²¹ Исследования проводились при поддержке гранта РФФИ 04-05-65333 и Программы Президиума РАН «Этно-культурное взаимодействие в Евразии».

мира, который сложился еще в ранней эпической традиции. Не смотря на противоречивость, а порой и фантастичность информации о северо-понтийском регионе некоторые ее детали рассматриваются в литературе, посвященной проблемам изменения климата, как реалии того времени. Основные характеристики климата региона в древности с некоторыми различиями в деталях сводятся к его континентальности, выразившейся в крайних температурах зимой и летом и связанной с понижением уровня моря. Археологические раскопки поселений архаического и классического времени подтвердили доминирование растительного и животного мира лесостепных типов над степными.

Предметом настоящей работы являются экологические изменения, которые в эллинистический период вызвали серьезные перемены в экономической жизни общества, зафиксированные археологическими, палеоботаническими и палеозоологическими исследованиями (Левковская, 1970; Щеглов, 1978; Воровай и др. 1982; Журавлев 1985; Антипина и др. 1991; Лопанов, Горлов, 1995; Кутайсов, 2002 и др.). Наши изыскания являются продолжением начатых ранее археолого-палеогеографических исследований на Азиатском Боспоре, в ходе которых нам удалось получить материалы, которые позволили сделать предварительную реконструкцию изменений ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова в эпоху позднего голоцена (Болховская и др. 2002).

Зональные типы «фанагорийских» палеофитоценозов по флористическому составу лесообразующих пород и степных сообществ оказались близкими лесостепным и степным сообществам предшествующего периода (1200–800 г. до н.э.). Свообразие «фанагорийских ландшафтов» в целом характеризовалось широким распространением в исследуемом районе азональных пойменных лесов с господством ольхи и ивы. Наиболее благоприятные места обитания, прибрежную зону моря и долину пра-Кубани, занимали леса из дуба, бука, вяза, ясеня, липы и др., а также участки смешанных хвойно-широколиственных древостоев. Флоро-фитоценотическая специфика этих ландшафтов была выражена также более значительной, чем раньше, ролью кустарниковых формаций. Эти реконструкции основываются на результатах палинологического анализа материалов из скважин в Черноморской дельте Кубани, для которого были получены C^{14} даты в интервале от 792–524 г. до н.э. до 649–820 г. н.э. Флористической и, вероятно, эдафической спецификой рассматриваемой фазы было то, что представляющие ее палиноспектры содержат самое значительное в рассматриваемый отрезок голоцена количество пыльцы культурных злаков.

В основу данного сообщения положены предварительные результаты палинологического анализа образцов, взятых из культурного слоя

верхнего плато Фанагорийского городища³². Несмотря на ограниченность фактического материала, связанную с условиями расположения памятника, стратиграфической неполнотой изученного разреза и низкой концентрацией пыльцевого материала, нам удалось получить пока только предварительную характеристику динамики ландшафтно-климатических изменений за последние 2,5 тыс. лет. Выделить несколько палинозон, которые соответствуют фазам развития растительности и климата.

Эпохе древнегреческой колонизации и началу освоения региона соответствует первая климатическая фаза, которая характеризуется доминированием степной растительности. Большинство видов и семей травяной и кустарниковой растительности, представленное антропохорами, характерными для нарушенных местообитаний, и содержание пыльцы культурных злаков *Cerealia* (7%) свидетельствуют об интенсивной хозяйственной деятельности древнегреческих переселенцев. Речь идет, в частности, о расширении распаханых земель, что характерно для переложной системы земледелия, и пастбищ. Определенная роль принадлежала лесостепным ландшафтам (около 10%), что было связано с зональными или локальными климатическими особенностями и влиянием антропогенного воздействия.

Во вторую климатическую фазу, начало которой относится к рубежу IV–III в. до н.э., зафиксирована тенденция увеличения роли древесной и кустарниковой растительности, в частности, распространением широколиственных лесов. Выявленный более разнообразный состав всех видов растительности, включая плодовые деревья, кустарники и виноград, в частности, отражает реальность происшедших перемен, вызванных климатическими изменениями и успехами в агрономии, но при этом имеет место сокращение содержания хлебных злаков до 1,5%. Обращаем внимание на ряд особенностей палиноспектра этого периода: состав широколиственных пород (дуб, граб, клен, вяз, ольха, береза, орех, лещина и др.) может свидетельствовать о вторичном относительном восстановлении лесной растительности, а широкое распространение рудеральных растений и сорняков, связанное с хозяйственной деятельностью человека, о значительном антропогенном воздействии на окружающую среду.

К сожалению, материалы третьей палинозоны, хронологически соответствующей II в. до н.э. – I в. н.э. пока недостаточно стратифицированы. Прослеживается общая тенденция значительного сокращения древесной и кустарниковой растительности, которое могло быть свя-

³² Авторы выражают благодарность В. Д. Кузнецову и В. А. Гайбову за предоставленную возможность использовать материалы археологических раскопок.

зано как с результатами интенсивной хозяйственной деятельности человека, так и с проявлениями глобального потепления и усиления сухости климата, о которых скудную информацию оставил К. Элиан. Одновременно имело место преобладание в составе древесной и кустарниковой растительности хвойных пород, следы которого начали прослеживаться еще в предыдущей климатической фазе.

Спорово-пыльцевые спектры из слоев II–III в. н.э. отражают преобладание сухих степных ландшафтов, в которых доминировали ксерофитные полынно-маревые ассоциации. На открытых естественных пространствах и антропогенно нарушенных местообитаниях произрастали злаки, шкорниковые, гречишные, астровые, ирисовые, бобовые, осоковые, разноцветные, лилейные, капустные, гвоздичные и др. В древесной и кустарниковой растительности продолжали доминировать хвойные породы.

Кратко изложенные полученные результаты носят предварительный характер, предложенная хронология не имеет жестких границ, поскольку не может абсолютно соответствовать археологической стратиграфии, однако общие тенденции в динамике ландшафтно-климатических изменений прослеживаются. Совпавшее с началом древнегреческой колонизация северных берегов Черного моря, окончание суббореальной климатической эпохи, характеризующее господством на Таманском полуострове разнотравно-злаковых и полынно-маревых степей, сменилось к рубежу IV–III в. до н.э. фазой более влажного климата, вызвавшего расширение лесостепной растительности, а позднее распространение широколиственных лесов. Эти ландшафтно-климатические изменения наряду с результатами внутреннего развития античных полисов привели к серьезной перестройке в сельскохозяйственном производстве, выразившейся в иной организации сельской территории, в появлении новых культур и агротехнологий.

Прослеженные изменения нашли отражение в информации античных авторов (Нит., IV, 28; Theoph., IV, 5,3; 14,13; Strabo, II, 1; VII, 3,18; Plin., NH, XVI, 137–138). Их уточнение и оценка их влияния на развитие Боспорского государства является предметом наших дальнейших исследований.

Литература

- Антипина, Назаров, Маслов. 1991 – *Ек. Е. Антипина, В. И. Назаров, С. П. Маслов. Насекомые из колодезя на винодельне поселения «Майка» // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991.*
- Боликовская, Горзав, Кайтамба, Мюллер, Поротов, Парунин, Фуаи. 2002 – *Н. С. Боликовская, Ю. В. Горзав, М. Д. Кайтамба, К. Мюллер, А. В. Поротов, О. Б. Парунин, Э. Фуаи. Изменения ландшафтно-*

- климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // ПИФК. 2002. Т. XII.
- Воропай, Куница, Левицкий. 1982 – Л. И. Воропай, Н. А. Куница, В. Н. Левицкий. Закономерности развития природы Среднего Приднестровья в голоцене // Международная ассоциация по изучению четвертичного периода. XI конгресс (Тезисы докладов). М., 1982.
- Журавлев. 1985 – О. П. Журавлев. Воздействие антропогенных факторов на природу Нижнего Побужья в античное время // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985.
- Кутайсов. 2002 – В. А. Кутайсов. Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья // ПИФК. 2002. Т. XII.
- Левковская. 1970 – Г. М. Левковская. Реконструкция палеогеографических условий городища Чайка по данным споро-пыльцевого анализа // КСИА. 1970. Вып. 124.
- Горлов, Лопанов. 1995 – Ю. В. Горлов, Ю. А. Лопанов. Древнейшая система мелiorации на Таманском полуострове // ВДИ. 1995. № 3.
- Щеглов. 1978 – А. Н. Щеглов. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

А. М. Бутыгин

К интерпретации зольников Мирмекии (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика)

Многометровый зольник, открытый в центральной части городища Мирмекий послужил основой для знаменитой статьи В. Ф. Гайдукевича, трактовавший его как огромный зольный алтарь – «эсхару» (Гайдукевич. 1965. С. 28–37). Источником для такой интерпретации являлись подобные сооружения, упомянутые в знаменитом сочинении Павсания, подтвержденные археологическими раскопками некоторых алтарей. Подобная интерпретация часто распространяется и на другие боспорские зольники, как аналогичные мирмекийскому, так и расположенные на склонах. В Китее весь зольный холм, расположенный в центральной части городища, интерпретировался как святилище (Молева. 2002. С. 22). В последнее время Мирмекийская археологическая экспедиция исследовала часть зольника № 1 в центральной части Мирмекии, а также открыла мощный зольный слой к западу от скалы Карантинного мыса. Кроме того, аналогичный последнему объект затронут к западу от скалы, но пока не исследован. Все эти раскопки позволяют существенно дополнить наблюдения В. Ф. Гайдукевича, а также снова обратиться к Павсанию, чтобы еще раз проверить, до

какой степени открытые зольники соответствуют описаниям последнего.

Кратко напомним сведения о зольных алтарях, содержащиеся в книге Павсания (Рашс. V. 13. 8–11; 14. 8. 10; VIII. 38. 7). Наиболее подробно описан алтарь Зевса Ликейского в Олимпии, который образован из непла бедренных костей жертвенных животных. Кроме того, туда включалась зола из очага в пританее, которая смешивалась с водой. Алтарь представлял собой холм диаметром 37,5 м, высотой 6,6 м. Павсаний упоминает, что аналогичные по размерам алтари есть и в Афинах, Пергаме, в самосском святилище Геры, в милетских Дидимах. В самой Олимпии из золы были сделаны еще алтари Геры и Геи. Данные раскопок некоторых зольных алтарей в материковой Греции и Ионии демонстрируют небольшие холмы с насыщенными золой слоями. В слоях обнаруживают множество костей, миниатюрные votивные сосуды и терракоты, фрагменты керамики с посвятельными граффити, фрагменты оружия и орудий труда. Приведенные выше данные позволили В. Ф. Гайдукевичу однозначно интерпретировать мирмекийские зольники как зольные алтари. Ученый справедливо отметил, что мирмекийский зольник превосходит по размерам алтарь Зевса Ликейского. Отметим, что зольник в Мирмекии, возможно, в 1,5 раза больше, чем представлялось в 1960-х г., а зольник в Китее еще масштабнее. Исходя из этой логики боспорские «эсары» должны быть значительно популярнее, чем алтари крупнейших святилищ Греции, функционировавшие в течение многих столетий.

В 2001 г. Мирмекийская экспедиция исследовала небольшой участок зольника I, сохранившейся после раскопок 1960-х г. Материал, полученный при раскопках, не позволил однозначно считать открытый объект культовым комплексом (Бутягин. 2002. С. 94). Наличие в слое многочисленных фрагментов святильников и единичных обломков с граффити (последние не могут быть уверенно интерпретированы как посвящения). Впрочем и первый исследователь зольника № 1 подчеркивал меньшую насыщенность слоев, чем та, которую можно наблюдать в зольнике № 2 (Гайдукевич. 1965. С. 34). При этих раскопках, которые исследовали большую часть зольника № 1, был найден только один фрагмент посвящения, обращенный к Афродите, с именем которой и связывалось функционирование культового комплекса. Учитывая, что новых посвящений богине не обнаружено, такое предположение можно считать весьма гипотетическим.

В 2002–2004 г. к западу от скалы Карантинного мыса исследовался мощный слой серого листового суглинка, в котором постоянно встречались мелкие обломки раковин мидий. Он располагался под кладками I–II в. н.э. и в верхней части носил следы выравнивания. В ходе этой инвентаризации был сделан небольшой котлован забитый злот-

ным желтым суглинком. Им же были заполнены несколько ям. На второй год исследований стало ясно, что исследуемый слой является зольником значительной плотности. В настоящее время напластования зольника исследованы на глубину более 3,5 м. Можно предполагать, что слой продолжается далее на глубину не менее 0,8 м. Таким образом, общая мощность слоя составляет не менее 4 м. Судя по всему, зольник начал формироваться в квадратной яме размерами 5x5 м, вырытой у основания скалы, возможно для этого специально подтесанной. При рытье ямы были прорезаны архаический и классический слои. Кроме того, в восточном борту котлована были обнаружены несколько трещин в скале, особый интерес из которых вызывает одна, шириной до 0,5 м. В ней открыто несколько последовательных захоронений собак, кроме того, возле нее в слое найдено несколько terra-cottовых женских протом.

Характер слоя по всей глубине не изменяется, хотя в нем встречаются редкие линзы желтого суглинка, прослойки камки, мелкие камни, а также скопления крупных камней. Найдено несколько захоронений собак различной ориентировки и сохранности. Большая часть из них аккуратна (собака лежит на боку с поджатыми лапами), но есть и разрозненные части скелета. Наиболее интересными объектами, является очаг, сложенный из двух каменных плит и расположенная почти под ним родосская амфора с захоронением младенца. Последние объекты открыты в верхних слоях зольника и относятся, скорее всего ко II в. до н.э. В слое встречаются скопления печины, которые в некоторых случаях могут быть остатками временных очагов. Кроме того, возле восточного края зольника, в самых верхних слоях был открыт клад из 723 бронзовых монет второй четверти III в. до н.э. (Бутягина, 2004 а. С. 87). Впрочем, не исключено, что клад был сокрыт в одной из трещин скалы еще до того, как она была засыпана слоем зольника, так как его верхние слои относятся к следующему столетию. С другой стороны, поверхность скалы в этом месте вполне могла быть прикрыта слоем уже в III в. до н.э., но он частично смывался вниз, пока основная масса слоя во II в. до н.э. не перекрыла трещину с кладом.

В зольнике (условно, будем называть его «западный» зольник) найден огромный керамический материал – более 40000 фрагментов. Присутствует значительная примесь архаической и раннеклассической керамики в ионийских и римской в верхних слоях. Преобладают, как и везде, амфорные фрагменты. В настоящее время число клейм, происходящих из слоя превышает сотню. В нижних слоях преобладают клейма Фаоса, Гераклеи и Синопы, в верхних – Родоса и Синопы. Вероятно, зольник функционировал в III-II в. до н.э., уточнить эти даты можно будет после окончания его исследования. Фрагменты чернолаковой и расписной эллинистической керамики из слоя достаточно

многочисленны. Их подробная характеристика не входит в задачи этого сообщения. Можно остановиться только на одном простом красноглиняном одноручном кувшинчике, подобном открытым в зольнике № 2. Граффити встречаются довольно редко, в настоящий момент их найдено менее трех десятков. Причем ни одно из них не может уверенно считаться посвященным. Можно упомянуть также четырехстрочную надпись на стенке амфоры, которая, к сожалению, сохранилась весьма фрагментарно. Особый интерес представляют терракоты. Их фрагменты встречались в слое, но число их было невелико. В этом сезоне было найдено более двадцати фрагментов женских протом различного размера. Обломки залегали на разных глубинах, но по преимуществу располагались вблизи южного борта котлована в районе трещины. Отметим, что число терракот и их концентрация в сезоне этого года рекордны, что предполагает их скопление только в нижних слоях зольника. Фрагменты светильников не слишком многочисленны, преимущественно они относятся к бытовым светильникам со следами длительного использования. Изделия из кости довольно регулярно присутствуют в зольнике, причем, среди них выделяются высококлассные резные пластины с изображением Пана и нереиды на гиппокампе. Металлические предметы также представлены в зольнике несколькими фрагментами бронзовых наконечников стрел, гвоздями. Найден также любопытный медицинский инструмент в виде раздвоенной ложечки. Монеты, в отличие от терракот встречались по преимуществу в верхних слоях зольника. Хотя их число не особенно велико. Из редких находок можно упомянуть обломок мраморной капители (?) в виде листа аканфа и фрагмент ручки каменного лутерия.

Помимо «западного» зольника, при контрольной прокопке на участке к востоку от скалы Карантинного мыса был обнаружен слой мощностью не менее 1,5 м, также насыщенный золой, который можно условно именовать «восточным» зольником. Его наличие подтверждают раскопки В. Ф. Гайдукевича на участке «Л», который отметил мощный слой без следов построек к востоку от скалы (Гайдукевич. 1958. С. 213). Можно констатировать наличие зольников на обоих склонах скалы древнего акрополя.

Таким образом, в слоях западного зольника по преимуществу отсутствует самый главный признак использования зольников как культовых комплексов – наличие значительного числа votивных приношений. Как представляется, захоронения собак не могут считаться таким признаком, так как их культовый характер неочевиден. Терракотовые протомы сконцентрированы только в нижних слоях зольника и, по всей видимости, связаны со щелью в скале, которая первоначально служила для приношений, а впоследствии для захоронений собак. Причем не исключено, что последние появились здесь уже много поз-

же терракот. Остальной материал из зольника достаточно стандартен для мусорного выброса. Вещи, которые можно связать с культовой практикой весьма немногочислены – это терракоты и фрагмент каменного таза. Последний, конечно, мог попасть в зольник и случайно. Вместе с тем, наличие захоронения младенца в амфоре, обломки терракот в верхних слоях, граффити (среди которых, впрочем, нет ни одного, которое можно было бы уверенно связать с посвящением) могут свидетельствовать о периодическом использовании территории зольника в культовых целях.

В настоящее время развитие «западного» зольника можно представить следующим образом. Вначале на этом месте находилась трещина в скале, которая служила для культовых приношений, впоследствии здесь образовывается свалка, возможно, связанная с небольшим святилищем, которое было расположено на вершине скалы Карантинного мыса. Таким же образом образовался и «восточный» зольник.

Из трех исследованных зольников на территории городища Мирмекий два («западный» и № 1) не могут считаться культовыми. Вероятно, это относится и к «восточному» зольнику. Таким образом, наибольшее количество находок, связанных с культовой практикой, относится к зольнику № 2. Тем не менее, и он не может в полной мере считаться «осхарой», подобной описанным в сочинении Павсания. Не смотря на то, что в слоях зольника присутствует относительно большое количество терракот, несколько фрагментов с посвящениями и ряд миниатюрных сосудов, которые с определенной вероятностью могут быть связаны с культовой практикой, их число, учитывая грандиозные размеры холма. Для получения объяснения попробуем обратиться к окружающим постройкам.

Участок к северу и западу от зольника не раскопан и вряд ли будет исследован в ближайшие годы. Следует внимательно рассмотреть постройки, расположенные к югу от зольника. Связь между этими постройками и зольником предполагал и сам В. Ф. Гайдукевич (Гайдукевич, 1965. С. 37), даже считая их частью построек теменоса Мирмекия. Примерно в 15 метрах к югу от зольника № 2 находились два многокамерных комплекса значительной по масштабам поселения площади³¹. Здание, расположенное западное являлось, скорее всего домом богатого горожанина, включавшим в себя винодельню. Здание расположенное восточнее, без сомнения, в течение долгого времени функционировало как святилище. Она, как минимум, однократно перестраивалась с расширением площади, на его территории открыто два алтаря. Не исключено, что святилище в этом месте было сооружено

³¹ Динамика их функционирования подробно изложена в курсовой работе Е. В. Гриник, сделанной под руководством автора.

после разрушения т.н. «святилища Деметры» расположенного непосредственно под зольником № 2. Время функционирования этого святилища примерно совпадает со временем существования рассматриваемого зольника. Весьма вероятно, что территория зольника использовалась для сброса мусора происходящего из святилища, а также для периодического отправления каких-либо обрядов, как ближайшее к святилищу пустое пространство. Таким образом, можно констатировать двойственный характер использования зольника 2 (а также и остальных зольников), как культового участка и обыкновенной свалки. На первое указывают предметы связанные с античной культовой практикой, на второе – достаточно стандартный для слоя эллинистического времени ассортимент находок. Особое положение зольника № 2 (впрочем, как и зольника № 1) объясняется, кроме всего прочего, особыми причинами его образования.

В конце VI – начале V в. до н.э. на этом месте возник дом площадью более 400 м², в одной из комнат которого был открыт каменный алтарь. Здание неоднократно перестраивалось и функционировало с перерывами до середины V в. до н.э., после чего на этом месте образовался зольник № 1 (Бутягин, 2004 б. С. 127). В первой четверти IV в. до н.э. поверх зольника № 1 строится новое святилище, т.н. «святилище Деметры». После перестройки во второй четверти столетия здание достигло весьма значительных размеров. Около середины IV в. до н.э. комплекс гибнет, а часть камня его стен выбирается, каменный алтарь сохраняется *in situ*. Через некоторое время на этом месте образовывается зольник № 2 (Чистов, 2004. С. 140–141). Оба зольника строились поверх святилищ (заметим, как и грандиозный китайский зольник). Скорее всего, после гибели святилища, в связи с какими-то неизвестными причинами их восстановление было невозможно, на пустующем участке начала образовываться свалка. В то же время, продолжалось периодическое использование участка в культовых целях, характерное в меньшей степени и для зольников расположенных на окраине городища. Такое же временное использование демонстрирует и хитгейский зольник, на котором периодически строились алтари и культовые площадки (Молева, 2002. С. 20–21). Не исключено, что здесь играло роль особое отношение греков к золе из очага, поступавшей сюда вместе с остальным мусором. О том, что мирмекийский зольник № 2 не мог являться исключительно святилищем? говорят и его грандиозные размеры, вполне сравнимые с размером алтаря Зевса Лихейского. Маловероятно, что жители Мирмекия были более богомольными, чем население Пелопоннеса, пополняемое многочисленными паломниками со всей Эллады. Не приходится сомневаться, что зольник сформировался за счет самого разнообразного мусора из окружающих домов, периодически утрамбованного глиной, в санитарных целях.

Исходя из результатов изучения мирмекийских зольников, представляется сомнительным возможность прямой аналогии представленных объектов с «эсхарами» описанными Павсанием. В связи с этим невозможно рассмотрение основной массы находок из зольников, как votivных приношений. Использование зольников для культовой практики, по всей видимости, носило временный, или даже эпизодический, характер и не может рассматриваться, как его основное предназначение.

Литература

- Бутягин. 2002 – *А. М. Бутягин*. Новые исследования раннего мирмекийского зольника // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Том I. СПб., 2002.
- Бутягин. 2004 а – *А. М. Бутягин*. Клады античного Мирмекия // СГЭ. Вып. LI. 2004.
- Бутягин. 2004 б – *А. М. Бутягин*. Дом под мирмекийскими зольниками // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004.
- Гайдужевич. 1958 – *В. Ф. Гайдужевич*. Раскопки Тиритакси и Мирмекия в 1946–1952 г. // Боспорские города. Т. 2. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 г. М., Л., 1958. – (МИА № 85).
- Гайдужевич. 1965 – *В. Ф. Гайдужевич*. Мирмекийские зольники – эсхары // КСИИ. 1965. Вып. 103.
- Молева. 2002 – *Н. В. Молева*. Китейский зольник – городское святилище // *Н. В. Молева*. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002.
- Чистов. 2004 – *Д. Е. Чистов*. Святилище Деметры в Мирмекии: попытка реконструкции комплекса // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004.

М. Ю. Вахтина

К вопросу о локализации Порфмий³⁴

Боспорский город Порфмий, относящийся к так называемым «малым городам» Европейского Боспора, традиционно отождествляют с городищем, расположенном на небольшом скальном плато на западной окраине современного пос. Жуковка (Шургая. 1984, С. 69; Кастанаян. 1983; Vachina. 2003).

³⁴ Работа над данной темой ведется при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-01-00164а.

Предположение о нахождении древнего поселения, упоминация о котором содержат сообщения древних авторов, именно в этом месте было обосновано во время строительства паромной переправы Крым-Кавказ главным инженером В. В. Веселовым (1952) и было принято исследователями-археологами. В небольшом поселении к западу от городища, соотнесенного с Порфмием, примерно в 1,5 км от него, исследователи видят еще один «малый боспорский город» – Парфений. В отличие от Порфмия, археологические раскопки которого ведутся с 1953 г., раскопки Парфения были проведены лишь один раз – в 1949 г. Боспорская экспедиция ЛОИА АН СССР заложила здесь небольшой раскол (Кастанаян, 1958. С. 254–265).

Сравнительно недавно в числе документов, введенных в научный оборот И. В. Тушкиной, в ее фундаментальном труде был издан и «план развалин городка Портмиона», составленный П. Дюбрюксом не позднее 1833 г. (Тушкина, 2002. Рис. 49). Нетрудно убедиться в том, что опубликованный план представляет собой план какого-то другого памятника, расположенного, судя по описанию, в этом же районе – на восточной оконечности Керченского полуострова – а вовсе не поселения, обычно соотносимого с Порфмием. Это заставляет нас вновь обратиться к вопросу о локализации древнего Порфмия и о том, где мог находиться «Портмион Дюбрюкса». Рассмотрим кратко те немногие данные, которыми мы располагаем.

Данные античных письменных источников. Упоминания о Порфмии и Парфении можно найти в трудах Страбона, Псевдо-Арриана (Перипл безымянного автора) и Стефана Византийского.

Самые ранние по времени данные содержатся в «Географии» Страбона (VII, 4, 5), который, описывая плавание по Киммерийскому Боспору и самой узкой его части от Пантикапея до устья Меотиды, упоминает Мирмекий в 20 стадиях от Пантикапея и за Мирмекием, на вдвое большем расстоянии, Парфений. Порфмий же впервые упомянут у Псевдо-Арриана (§ 69) в отрывке, где идет речь о точном измерении ширины самой узкой части Киммерийского Боспора. В этом контексте Портмион именуется селением на проливе у устья Меотиды в «конечном пункте Европы»; лежащий на противоположном, Азиатском, берегу Ахидлион назван селением в «конечном пункте Азии». В упомянутом отрывке эти два пункта выступают в своеобразной оппозиции – Порфмий представляет собой «пограничный» город Европейского Боспора, а Ахидлион – Азиатского; расстояние, разделявшее эти пункты, указывается как ширина самой узкой части пролива (оно, по Псевдо-Арриану, равнялось 20 стадиям, 2 $\frac{2}{3}$ милям). Псевдо-Арриан упоминает Порфмий и в достаточно подробном описании Меотиды и Киммерийского Боспора, следующем далее (§ 70–75). Указывается, что от селения Портмион до городка Мирмекий расстояние равно 60

стадиям 8 милям, а от последнего до Пантикепея – 25 стадиев 3,1/3 миши. Примечательно, что от «устья Меотиды» (где находился Танаис) «по прямому пути от Боспора» расстояние также равно 60 стадиям 8 милям, то есть расстоянию, разделявшему, по представлениям этого автора, Мирмекий и Порфмий.

Упоминание о поселении Портмна или Портмнион (Πορτμία καὶ Πορτμίον) содержится в дошедшем до нас отрывке более позднего автора – Стефана Византийского (SC. I. С. 264). Древние авторы, писавшие о Порфмии и Парфении, не причисляли их к укрепленным пунктам побережья, а называли селениями либо деревнями (κόμῆ).

Приходится признать, что данные письменных источников не содержат точных указаний, способствующих «однозначной привязке» Порфмия (как и Парфении). Однако само название этого памятника достаточно прозрачно и происходит от греческого слова «переправа» (Πορφόριον) поэтому в популярных изданиях Порфмий обычно описывается как греческий «город у переправы». Из контекста отчетливо следует, что под переправой здесь понимается переправа через Боспор Киммерийский (Керченский пролив). Логично предположить, что это название было дано греческому поселению, основанному недалеко от самой узкой части Керченского пролива, где локализуется одна из традиционных переправ (Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980).

Данные археологии. Археологические исследования позволяют утверждать, что городище, расположенное на скальном плато на западной окраине пос. Жуковка, было основано во второй половине VI в. до н.э. (вероятнее всего, примерно в середине столетия) как небольшое поселение. Вскоре после его основания здесь возводятся оборонительные стены, являющиеся (наряду с ранними оборонительными сооружениями Мирмекия) древнейшими не только в районе Киммерийского Боспора, но и всего античного Северного Причерноморья (Вахтина, Виноградов, 2001). Во второй половине III в. до н.э. была построена новая крепость: город укрепляется мощными оборонительными стенами и башнями.

Вскоре после середины I в. до н.э. крепость запустевает, жизнь здесь прекращается, так как в эпоху, следовавшую за Митридатскими войнами, значение этой крепости и ее гарнизона, по-видимому, было утрачено. Планировка городища, найденные здесь археологические материалы однозначно позволяют говорить о греческом облике этого поселения во все эпохи его существования. Открытый недавно могильник также подтверждает это мнение.

Находка граффито начала V в. до н.э. с посвящением Деве (Тохтасьев, 1993, С. 74–75) никак не может служить аргументом в пользу отождествления этого памятника с Парфением (Федосеев, 1999, С. 62).

Заметим, что, судя по данным археологии, прекращение существования городища, традиционно отождествляемого с Порфмием письменных источников, произошло вскоре после рождения Страбона – самого раннего автора, упоминавшего «малые» греческие города к востоку от Пантикапея.

Возможно, несоответствие между данными раскопок, выявивших укрепления «традиционного Порфмия», существовавшие во все периоды жизни поселения и позволяющие классифицировать его как городище, и письменных источников, именующих его селением или деревней, объясняются тем, что к моменту их написания крепость уже не функционировала и утратила свое значение. «Портмион Дюбрюкса», судя по плану и описанию, также представлял собой укрепленное поселение.

Данные топографии и некоторые общие соображения. Местоположение городища, исследуемого Порфмийским отрядом Боспорской археологической экспедицией ИИМК РАН, пожалуй, свидетельствует, скорее, в пользу традиционной точки зрения. Необходимо признать, что место для небольшой крепости в районе традиционных переправ через Керченский пролив было выбрано чрезвычайно удачно. Со скального плато, где она была основана, открывается прекрасный вид на окрестности и дороги, как сухопутные, так и морские. Виден и берег по другую сторону пролива. К северу и западу к городищу примыкают небольшие равнины с пахотными землями и родниками пресной воды. К югу и юго-востоку расположены затопляемые водой низины; возможно, в древности море подходило ближе. Берег здесь удобен для строительства гавани; недаром в 50-х г. прошлого века именно здесь был построен Порт Крым, успешно функционирующий до сих пор. На южной окраине плато, где расположен греческий город, был установлен створный маяк, на который ориентируются ночью паромы, идущие в Крым с Тамани и выходящие на фарватер.

Показательно, что во время Второй Мировой войны именно эта возвышенность была выбрана оккупационными войсками в для организации укрепленного наблюдательного пункта: южная часть городища изрезана линиями окопов.

Несколько слов необходимо сказать здесь и о гипотезе, недавно высказанной Н. Ф. Федосеевым (1999), предложившим считать «традиционный Порфмий» Парфением, а Порфмий искать в районе, указанном П. Дюбрюксом – у маяка на м. Фонарь, самой восточной оконечности Крымского полуострова. Место, указанное этим исследователем, гораздо менее удобно для поселения. Во-первых, побережье, где Н. Ф. Федосеев предлагает локализовать городище, неудобно для мореплавания из-за рифов и мелей. Об этой опасности предупреждает и сооруженный на м. Фонарь маяк, очевидно, существовавший здесь с

незапамятных времен и давший название этому мысу. Основное назначение сигнальных огней в этом месте – обеспечить безопасное плавание из Черного моря в Азовское (а вовсе не на Тамань, очертания которой различимы даже в темное время суток). Вероятно, сигнальные огни разжигали здесь и в античную эпоху, так как водный путь из Боспора в Танаис был прекрасно известен. Конечно, не исключено (и находит подтверждение в данных археологии, в основном, разведок) и существование в районе маяка каких-то греческих селений (Веселов. 2005. С. 12–13; Федосеев. 1999. С. 64), однако, для строительства «опорного» укрепленного греческого поселения это место представляется во всех отношениях гораздо менее удачным.

Впрочем, все наши рассуждения не снимают вопроса о том, что же видел, описал и зафиксировал на своем плане такой замечательный исследователь античных древностей Восточного Крыма, каким был Поль Дюбрюкс. Он, несомненно, видел в районе м. Фонарь и бывш. маяка Еникале объекты, которые счел руинами большого античного городища, достойными того, чтобы описать их и снять план. Напомним, что П. Дюбрюксом были составлены планы таких замечательных и ярких памятников, как Пантикапей, Мирмекий, Нимфей, Китей.

Судя по дошедшим до нас плану и описанию, «Портмюн Дюбрюкса» представлял собой довольно большое городище, укрепленное системой валов, площадь которого значительно превышает размеры «традиционного Порфмня». Локализовать этот замечательный, но пока не известный археологам памятник (если, конечно, остатки его сохранились до нашего времени), возможно, помогут планомерные целенаправленные разведки на мысе Фонарь, а также изучение данных аэрофото съемки.

Литература

- Вахтина, Виноградов, Рогов. 1980 – М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Е. Я. Рогов. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДН. 1980. № 4.
- Вахтина, Виноградов. 2001 – М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Колонизация региона. Становление полисов. Возникновение Государства. Тез. докл. Научной конференции. Ч. 1. СПб., 2001.
- Веселов. 1952 – В. В. Веселов. Древние городища в районе Сипягино (к вопросу о местоположении Парфения и Порфмня) // Археология и история Боспора. Т. 1. Симферополь, 1952.
- Веселов. 2005 – В. В. Веселов. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 г. // Древности Боспора. Suppl. II. М., 2005.

- Кастаньян. 1983 – *E. F. Castagnan*. Порфмий. Centre d'archeologie Mediterra-
neenne de l'Academie Polonaise des Sciences. Etudes et Travaux. 1983.
XIII.
- Тохтасьев. 1993 – *С. Р. Тохтасьев*. Покровительное граффито из Порфмия //
Краткие сообщения Одесского Археологического Общества. Одесса,
1993
- Тулкина. 2002 – *И. В. Тулкина*. Русская наука о классических древностях юга
России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- Шургая. 1984 – *И. Г. Шургая*. Порфмий // Античные государства Северного
Причерноморья. Археология СССР. М., 1984.
- Федосеев. 1999 – *И. Ф. Федосеев*. Еще раз о переправе через Боспор Кимме-
рийский // Археология и история Боспора. Т. III. Керчь, 1999
- Vachtina. 2003 – *M. Vachtina*. Archaic Buildings of Porthmion //The Cauldron of
Ariantas. Black Sea Studies. Aarhus, 2003, Vol. I.

В. М. Стародубцев

Ак-Бурунский некрополь в документах инженерного департамента

Древний некрополь, располагавшийся на мысе Ак-Бурун в четырёх километрах к юго-востоку от Пантиканея, известен благодаря находкам, сделанным здесь в XIX веке. Большую часть информации о нём мы черпаем из археологических отчётов периода 1857–1877 годов, то есть времени строительства крепости на территории, занимаемой некрополем. Если быть точнее, из отчётов директора Керченского музея древностей А. Е. Люценко, зафиксировавшего обстоятельства сделанных тогда открытий. Ранее, с 1824 по 1827 год, этот район исследовал Поль Добрюке, оставив нам единственное описание обширного городища.

Позднее упоминания о некрополе встречаются в научных трудах М. И. Ростовцева (Ростовцев. 1925), Г. А. Цветаевой (Цветаева. 1968) и других учёных. Но работы этих исследователей, сделав памятник более известным, не добавили новой информации о некрополе. И, несмотря на то, что в последние годы возможности для изучения Ак-Буруна расширились (Стародубцев. 2004. С. 156), до сих пор актуальным остаётся вопрос, поднятый Ю. А. Виноградовым, о неизученности этого, казалось бы, широко известного памятника (Виноградов. 2001. С. 311–315). Желая привлечь интерес специалистов к этому интересному участку, автор вновь, и более детально, предлагает нашему вниманию сведения об Ак-Бурунском некрополе, обнаруженные среди

документов инженерного департамента, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве.

Прежде всего, необходимо уточнить границы описываемой площади. По-видимому, разные авторы по-разному воспринимают границы Ак-Буруна. Так в 1850 году Э. Г. фон Муральт (Муральт. 1850), публикуя сведения о «тридцати гробах» на Ак-Буруне, вероятнее всего, рассматривает участок, лежащий восточнее дороги, ведущей из Старого Карантина в Керчь. Дорога, несомненно, исполняла роль естественной границы этого участка побережья. Поль Дюбрюкс, описывая наблюдавшиеся им на Ак-Буруне остатки древнего поселения, ведёт нас по этой же дороге и территории, лежащей к востоку от нее (Дюбрюкс. 1858. С. 3–84). Позднейшие разведки подтвердили существования в древности на этой территории поселений (Семёнов, Куни. 1962. С. 257–262; Шестаков. 1999. С. 103–110). В середине девятнадцатого века здесь построили крепость, границы которой диктовали географическое положение мыса и ландшафт прилегающей местности. Можно говорить об исторической практике выделения Ак-Бурунского урочища. Да и географически границу мыса следует провести по линии, соединяющей берега прилегающих бухт, с севера Керченской, а с юга – Камышбурунской.

На картах XVIII и XIX веков в этих границах, действительно, можно насчитать до тридцати курганных насыпей. Из этого количества более пятнадцати размещались по гребню Юз-Обинской гряды, и до четырнадцати курганов можно насчитать на оконечности Ак-Буруна. Вероятно, о них и пишет Э. Г. фон Муральт, опираясь на сведения П. Дюбрюкса.

Самый известный из курганов этой местности – Павловский курган. С него начинается знаменитая Юз-Обинская гряда курганов. Раскопки Павловского кургана, произведённые в 1858 году, хорошо описаны А. Е. Люценко (ОАК. 1859). Следующий крупный курган, или «главный курган», как его называли строители крепости в 1860 году, лежал западнее по гряде. Археологических сведений о нём не сохранилось, но наличие на этой вершине в древности захоронения подтверждается сведениями из отчёта военного инженера (РГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Дело 5401. Л. 18). Сомнений в том, что в древности здесь возвышался величественный курган, не возникает, если взглянуть на Юз-Обинскую гряду из разных уголков древнего Боспора. Эта возвышенность (115 м), на склонах которой разместились главные укрепления форта Тотлебен, хорошо видна из Пантикапея, Мирмекия, Нимфея, и даже с расстояния тридцати километров к югу и юго-западу она чётко просматривается. Мотив «величественности» в выборе места захоронения, несомненно, в древние времена играл не последнюю роль.

Но большинство авторов, писавших об Ак-Бурунском некрополе, имеют в виду только участок, лежащий на оконечности мыса. Он как бы обособился в полукилометре на северо-восток от Павловского кургана, заняв уютное плато оконечности Ак-Буруна. Здесь нет скальных выступов, и сама площадь глинистого плато невелика – длина оси, по которой были размещены курганы, менее полутора километров.

Рис. 1

На карте, составленной в 1835 году топографом второго класса Литвиненко (ЖГИКЗ. Топографическая карта окрестностей города Керчи, снятая в 1835 году. КМТИ-2475), здесь обозначено восемь заметных курганов и шесть небольших. Четыре из них отмечены на самом обрыве северного берега, и дальнейшая участь их понятна. Оползневые процессы на мысу отмечались и в XVIII и в XIX веке, очень активно продолжают их и сейчас.

Известные карты начала XIX века дополняет хранящийся в РГВИА «План местности у Павловского мыса и Ак-Буруна с показанием размещения казарм и других сводчатых строений на верхней позиции, а также очерка предполагаемых там напольных укреплений», начерченный в 1857 году (РГВИА. Ф.349. Оп.18. Дело 109. Л. 1). Он показывает ситуацию на местности в первый год строительства крепо-

сти. Мелкие курганы на этом плане не изображены, возможно, к этому времени они не сохранились, но восемь более крупных курганов обозначены. Пять из них, традиционной штриховкой, а места трёх остальных можно определить по обозначенным на плане «напольным укреплениям», в которые они должны будут превратиться. Возможно, к моменту составления плана они уже были разрушены.

Рис. 2

Главная ценность для нас этого плана, пожалуй, в том, что он позволил расшифровать запись, сделанную А. Е. Люценко в 1862 году (ОАК. 1862). Описывая находки конского захоронения в кургане, расположенном на оконечности мыса, он называет его пятым. Рассматривая план, естественно предположить, что счёт Ак-Бурунским курганам Люценко ведёт от западной границы уже активно возводимых в 1862 году Ак-Бурунских укреплений. В таком случае, соседний с ним курган – место находки знаменитого золотого шлема-шлоса – курган № 4. В непосредственной близости к этому кургану в 1875 году ведутся земляные работы – строится офицерский клуб, что отмечено А. Е. Люценко при описании обстоятельств находки (ОАК. 1875). Подтверждает это предположение отчёт по земляным работам в 1875 году (РГВИА. Ф. 349. Оп. 18. Дело 1844. Л. 1), и схема размещения зданий в крепости (РГВИА. Ф. 349. Оп. 18. Дело 2247. Л. 1).

Курганы этой части некрополя, по-видимому, были невелики по размерам. А. Е. Люценко, описывая курган, раскопки которого производились в 1875 году, отмечает его высоту в три сажени. Вероятно, что и соседний третий курган мог быть такой же высоты. По крайней мере, на плане они обозначены одинаково. И такой курган, высотой около шести метров, и сейчас стоит на территории Ак-Буруна.

Факт сохранения одного из курганов на территории, подвергшейся во время строительства укреплений значительной перестройке, довольно неожидан. И конечно требует доказательств. Но после нескольких вариантов совмещения плана 1857 года и более поздних схем, карт и планов этой местности, у автора не осталось сомнений в том, что курган номер три сохранился.

План 1857 года дополняет и сведения об обстоятельствах раскопки Павловского кургана. В частности, о перестройке кургана во время Крымской войны в батарейную позицию. На плане хорошо прорисован бастион, построенный на вершине кургана французами в 1855 году. Такие же бастионы нарисованы на месте «главного кургана» и кургана № 5. И если на два первых кургана-бастиона подъём обозначен с территории обширного французского лагеря, то курган № 5 был превращён в самостоятельный укрепленный пункт, подход к которому с суши преграждал вырытый неприятелем ров. Наверняка курган на оконечности мыса получил при этом значительные повреждения. Тем не менее, в его «остатках» в 1862 году сделаны интересные для науки находки.

Уместно напомнить, что и знаменитый золотой шлем-пилос был найден в уже раскопанном ранее грабителями кургане № 4. Факты ценных научных наблюдений, сделанных даже на подвергнутых разграблению и разрушению памятниках, позволяют надеяться, что Ак-Бурунский некрополь ещё пополнит наши знания о прошлом. Один из путей исследования древнего памятника – изучение истории строительства укреплений крепости Керчь.

Литература

- Виноградов. 2001 – Ю. А. Виноградов. Из истории археологических раскопок на мысе Ак-Бурун под Керчью. // Археологические Вести 2001. Вып. 8.
- Дюбрюкс. 1858 – П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Чёрном море // ЗООИД. 1858. Т. 4.
- Ростовцев. 1925 – М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. РАИМК, 1925.

- Семенов, Кунин. 1962 – С. А. Семёнов, В. Э. Кунин. Разведки на Керченском полуострове // Археология и история Боспора Керчь, 1962. Вып. 2.
- Стародубцев. 2004 – В. М. Стародубцев. Новые возможности археологических исследований на мысе Ак-Бурун // Боспорский феномен. СПб., 2004.
- Цветаева. 1968 – Г. А. Цветаева. Сокровища причерноморских курганов. М., 1968.
- Шестаков. 1999 – С. А. Шестаков. К вопросу о локализации Боспорского города Гермисия // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Вып. 3.

М. М. Ахмадеева

Динамика состава керамического комплекса поселения Заветное-5

Античное сельское поселение Заветное-5 расположено в 1 км к северо-западу от с. Заветное Ленинского района Республики Крым на плато между озером Тобечик на севере и северо-западе и берегом Керченского пролива на востоке и относится к хоре городища у с. Заветное, предположительно определяемого как античная Акра. Археологические раскопки поселения проводились Античной Комплексной Археологической Экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством С. Л. Соловьева в 2002–2004 г. (Соловьев, 2003; Шенко, Куликов, Соловьев, 2003; Соловьев, Шенко, 2004; Соловьев, 2004; Соловьев, 2005). В ходе работ было открыто две полуземлянки – первой половины IV (СК 2) и начала III в. до н.э. (СК 1), вымощенная камнями и фрагментами керамики площадка для просушки зерна последней четверти IV в. до н.э. (СК 3), развал стены конца IV в. до н.э. (СК 4), а также 58 хозяйственных ям второй половины V – первой половины – середины IV в. до н.э. (Соловьев, Шенко, 2004). Все открытые объекты можно условно распределить на три хронологические группы:

1. Вторая половина V в. до н.э.: 24 хозяйственные ямы.
2. Первая половина – середина IV в. до н.э.: полуземлянка СК 2 и связанный с ней культурный слой, а также 30 хозяйственных ям.
3. Последняя четверть IV в. до н.э. – начало III в. до н.э.: полуземлянка СК 1, вымощенная площадка СК 3 и развал стены СК 4.

Все обнаруженные при раскопках фрагменты керамики подчитывались соответственно следующим категориям: строительная керамика – обломки черепиц; пифосы, толстостенная хозяйственная керамика – лутерин; амфорная тара; столовая керамика (в эту категорию вошли

нонийская, чернолаковая, расписная, красноглиняная и сероглиняная керамика); кухонная керамика (здесь были учтены фрагменты круговых сосудов, использовавшихся для приготовления пищи); лепная керамика. Для определения соотношений категорий керамики был использован способ подсчета по фрагментам, так как только такая методика возможна при работе с архивными материалами раскопок. Мы посчитали целесообразным включить в подсчет стенки сосудов, так как малочисленные категории часто представлены только стенками, и исключение этих фрагментов из общего количества исказило бы общую картину состава комплекса. Далее более детальному анализу подверглась категория амфорной тары – здесь была определена доля каждого центра производства. Для этого учитывались все профильные части сосудов того или иного центра, – венчики, ручки и ножки. В вопросе о том, как именно следует вести подсчет фрагментов амфор, нет единого мнения. И. Б. Брашинский (Брашинский. 1984) считал единственно верным подсчет амфор по целым ножкам; И. С. Каменецкий (Каменецкий. 1969) предлагал учитывать профильные части; В. И. Кшч, С. Ю. Монахов и А. Н. Щеглов (Кшч, Monachov, Stolba, Scheglov. 2003) успешно использовали метод условно-целого сосуда, предложенный С. М. Коляковым (Коляков. 1975). Наиболее убедительным представляется последний метод, однако, при работе с архивными материалами он, к сожалению, не применим.

Соотношения категорий керамики и центров производства амфор в трех периодах сравнивались путем сопоставления доверительных интервалов¹⁵. Величина доверительного интервала находится в прямой зависимости от частоты (то есть доли, которую занимает та или иная категория в комплексе) и в обратной – от объема выборки. То есть, чем большим количеством фрагментов представлена выборка, тем меньшим будет тот отрезок на числовой прямой, в пределы которого с вероятностью 95% попадет среднее значение доли данной категории в комплексе. Для выражения в процентах использовалась формула:

$$ДВ = \pm 200 \sqrt{\frac{w(1-w)}{n}}, \text{ где}$$

n – объем выборки, т.е. общее количество фрагментов; w – частота, то есть отношение количества фрагментов данной категории к общему количеству фрагментов выборки.

¹⁵ Данная методика была успешно применена на материалах Танаиса (Каменецкий. 1969) и городища Чайка (Внуков. 1984).

Таблица 1

Распределение фрагментов керамики по хронологическим группам
(абсолютное количество)

Период/категория		1 группа вт. пол. V в. до н.э.		2 группа пер. пол. – сер. IV в.		3 группа 4-я четв. IV в. – нач. III в.	
черепица		1		33		125	
тифосы		1		3		2	
лутерия		6		17		18	
амфоры		5773		6595		5940	
столовая	красногл.	269	85	329	139	72	48
	серогл.		40		109		20
	чернолак.		122		73		3
	ионийск.		22		8		1
круговая							
кухонная		35		28		2	
лестная		406		355		36	
всего		6491		7360		6193	

Таблица 2

Процентное соотношение категорий керамики по
хронологическим группам

Период/категория		1 группа вт. пол. V в. до н.э.		2 группа пер. пол. – сер. IV в.		3 группа 4-я четв. IV в. – нач. III в.	
черепица		0,15		0,45± 0,15	0,3– 0,6	2,02± 0,35	1,67– 2,37
тифосы		0,09± 0,06	0,03– 0,15	0,04		0,03	
лутерия		0,015		0,23± 0,11	0,12– 0,34	0,3± 0,12	0,18– 0,42
амфоры		88,94± 0,78	88,16– 89,72	89,6± 0,7	88,9– 90,3	95,91± 0,5	95,41– 96,41
столовая	красногл.	4,14±	31,6±	4,47±	42,25±	1,16±	66,67±
		0,5 /	5,67 /	0,48 /	5,45 /	0,27 \	11,11 /
		3,64–	25,93–	3,99–	36,8–	0,89–	55,56–
		4,64	37,27	4,95	47,7	1,43	77,78
	серогл.		14,87±		33,13±		27,78±
			4,34 /	10,53– 19,21		5,19 / 27,94– 38,32	
черно-		45,35±		22,19±			
		6,07 /		4,58 /		4,17	

	лак.		39,28– 51,42		17,67– 26,77		
	ю- ннийск.						
кухонная круговая	0,54± 0,18	0,36– 0,72	0,38± 0,14	0,24– 0,52	0,03		
лепная	6,25± 0,6	5,65– 6,85	4,82± 0,5	4,32– 5,32	0,58± 0,19	0,39– 0,77	

Таблица 3
Распределение фрагментов амфор по центрам производства
(абсолютное количество / %)

Период/центр	вт. пол. V в. до н.э.		пер. пол. – сер. IV в.		4-я четв. IV в. – нач. III в.	
Хиос	290	60,67	250	35,11	274	29,12
Менда	50	10,46	26	3,65	54	5,74
Фасос	49	10,25	48	6,74	92	9,78
Круг Фасоса	31	6,49	12	1,69	3	0,32
Гераклея	13	2,72	239	33,57	281	29,86
Синопа	2	0,42	94	13,2	150	15,94
Протофасос	8	1,67	2	0,28	10	1,06
Лесбос	10	2,09	8	1,12	19	2,02
Книд	1	0,21	4	0,56	1	0,1
Херсонес			11	1,54	7	0,74
Пепарет			5	0,7	8	0,85
Солоха I			4	0,56	2	0,21
Колхида			2	0,28	19	2,02
Кос			4	0,56	5	0,53
Родос					2	0,21
Другие центры			3	0,42	2	0,21
Незн. центры	24	5,02			12	1,27
Всего	478	100	712	100	941	100

1. Вторая половина V в. до н.э. (Таб. 1–3). Ко времени второй половины V в. до н.э. относится 24 хозяйственные ямы. Керамический комплекс этих объектов характеризуется следующими особенностями. Практически не представлена среди находок строительная керамика и пифосы, также довольно низка доля хозяйственной керамики – дутериев. Обломки амфор составляют почти 90% комплекса, отсюда – низкое содержание других категорий. Относительно мало найдено столовой посуды – всего 4%, чуть больше – кухонной посуды – 6,5%, причем в ее составе абсолютно преобладает лепная керамика. Керамический комплекс поселения в целом и ям первой хронологической груп-

пы в частности отличается очень большим количеством лепной керамики – таких фрагментов всегда больше, чем всей столовой посуды, и доля лепной среди неамфорной керамики стабильно больше половины. В составе столовой посуды заметно преобладание чернотерракотовых сосудов, простая красноглиняная керамика занимает почти треть комплекса, кроме того, значительно присутствие фрагментов ионийской керамики – 8%. В комплексе керамической тары очевидно абсолютное доминирование амфор Хиоса – их более 60%, затем следуют амфоры северозегейских центров: Менды – 10,5%, Фасоса – 10% и Круга Фасоса – 6,5%. Чтобы получить более точную картину импорта товаров в амфорах на поселение необходимо также учитывать разницу в объемах сосудов различных центров. Поскольку в подсчет мы включили фрагменты сосудов, а не условно-целые сосуды, то подобная поправка будет очень приблизительной. Для этого используем лишь самые распространенные группы: сосуды Хиоса, Фасоса и Менды. Амфоры Хиоса в рассматриваемый период представлены в основном вариантами: позднепухлогорлым III–С (Монахов, 2003, Табл. 7) и с прямым горлом – нимфейским IV–А (Монахов, 2003, Табл. 8). Объем этих сосудов в среднем был равен около 21 л. Амфоры Менды пифонидного варианта I–А (Монахов, 2003, Табл. 60–61) и раннего на рюмкообразной ножке II–А (Монахов, 2003, Табл. 62) вмещали 16 и 19 л соответственно. Амфоры Фасоса коническо-биконического типа фанагорийской серии II–А (Монахов, 2003, Таб. 39–41) имели объем в 23, 16 и 13 л. Самые приблизительные вычисления показывают, что с учетом емкости амфор, продукция Хиоса составляла около 70%.

2. Первая половина – середина IV в. до н.э. (Таб. 1 – 3). К этому периоду относятся 30 хозяйственных ям, землянка СК 2 и связанный с ней культурный слой. Керамический комплекс хозяйственных ям в первой половине IV в. до н.э. в целом не изменил свою структуру: так же доля амфор составляет почти 90%, процент столовой посуды остался на уровне 4,5%, немного снизилась доля лепной посуды – до 5%, количество круговой кухонной посуды уменьшилось. Можно лишь отметить определенно возросшее присутствие строительной и толсто-стенной хозяйственной керамики. Однако в составе столовой посуды произошли значительные изменения: количество чернотерракотовой керамики уменьшилось вдвое, в полтора раза выросло число красноглиняной керамики и два – сероглиняной. Кардинальные перемены коснулись и состава комплекса керамической тары. Количество амфор Хиоса, Менды, Фасоса и Круга Фасоса по сравнению с предыдущим периодом сократилось приблизительно в два раза, доля же амфор Гераклеи увеличилась более чем в 10 раз. Кроме того, появились сосуды Синопы, сразу занявшие 13% комплекса амфорной тары. Однако если принять в расчет вместимость амфор трех наиболее распространенных

центров – Хиоса (прямогорлые вариант ботрос IV–V и конические варианты с протоколпачковой и колпачковой ножкой V–A и B) (Монахов. 2003. Табл. 9–11), Гераклен (Монахов. 2003. Табл. 88–94, 98–99) и Синопы (Монахов. 2003. Табл. 102–104), то окажется, что совокупный объем импорта Синопы и Гераклен все же уступает импорту Хиоса, несмотря на численное превосходство фрагментов сосудов. Кроме того, расширился круг центров, чья продукция представлена на поселении – появились амфоры Херсонеса, Книда, Коса, Пепарета.

Соотношение категорий находок из полуземлянки СК 2 и связанного с ней культурного слоя в целом повторяет вышеописанную ситуацию в комплексе хозяйственных ям, обращает на себя внимание лишь повышенный процент черепицы в заполнении СК 2.

3. Последняя четверть IV в. до н.э. – начало III в. до н.э. (Таб. 1–3). Третья хронологическая группа представлена остатками строительных комплексов – СК 1, СК 3 и СК 4. Материалы полуземлянки СК 1 не могут привлекаться для сравнительного анализа в полной мере ввиду их малочисленности. Сооружения СК 3 – вымощенная площадка и СК 4 – развал стены конструктивно близки и материал, найденный при их разборке, можно рассматривать суммарно. Специфика этих объектов определила и некоторые особенности керамического комплекса, такие, как повышенное содержание обломков амфор, достигающее 96%, и черепицы (2,3% против среднего для предыдущего периода значения в 0,3%). На этом фоне фиксируется пониженное значение доли столовой посуды (1,2% против обычных 4–5%) и особенно лепной керамики (0,5–0,7% против 5–6%). В составе комплекса столовой посуды мы видим дальнейшее снижение процента чернолаковой и расширение присутствия простой красноглиняной керамики. Состав находок фрагментов амфор существенно не отличается от предшествующего периода, можно лишь отметить незначительное снижение доли амфор Хиоса и увеличение процента амфор Синопы.

Анализ состава керамического комплекса позволил определить динамику поступления импортных товаров на поселение. Выяснилось, что во второй половине V в. до н.э. абсолютно доминирует ввоз товаров, которые могут быть связаны с торговой деятельностью Афин. Это, в первую очередь, вино с острова Хиос – крупнейшего и принадлежавшего члена первого Афинского морского союза, а также с острова Фасос и из центров Северной Эгеиды (Менда и центр – производитель амфор Круга Фасоса), также входящих в орбиту влияния Афин. Кроме того, к атическому импорту относится значительное количество чернолаковой керамики. Такая картина полностью согласуется с выводами И. Б. Брашинского (Брашинский. 1963) о том, что в период Пелопоннесской войны афинский импорт в Северное Причерноморье в целом, и на Боспор в частности, достиг небывалых размеров и абсо-

лютию преобладал. Ситуация меняется на рубеже V–IV в. до н.э., когда вывоз по всем вышеперечисленным статьям (вино Хиоса, Менды, Фасоса и Крута Фасоса, а также чернолаковая керамика) сокращается приблизительно в два раза. В это же время прочные позиции на рынке быстро завоевывают центры южного Причерноморья – Гераклея и Синоп. Освободившуюся долю чернолаковой керамики занимает простая красно- и сероглиняная посуда, что, возможно, связано с развитием гончарного производства на Боспоре³⁶. Вероятно, эти изменения можно связать с поражением Афины в Пелопоннесской войне и потерей ими контроля над Черноморскими проливами.

Литература

- Брашинский. 1963 – *И. Б. Брашинский*. Афины и Северное Причерноморье в VI – II вв до н.э. М., 1963.
- Брашинский. 1984 – *И. Б. Брашинский*. Методы исследования античной торговли. Л., 1984.
- Внуков. 1984 – *С.Ю. Внуков*. Скифские слои городища Чайка // СА. 1984. № 2.
- Каменецкий. 1969 – *И. С. Каменецкий*. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // Античные древности Подонья – Приазовья. МИА. 1969. №154.
- Коляков, 1975 – *С. М. Коляков*. Амфоры городища Чайка (применение метода пересчета в условно-целые сосуды при исследовании керамического комплекса) // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975.
- Монахов, 2003 – *С. Ю. Монахов*. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.- Саратов, 2003
- Соловьев. 2003 – *С. Л. Соловьев*. Античная комплексная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа в 2002г // ОАСГЭ за 2002г. СПб., 2003.
- Соловьев. 2004 – *С. Л. Соловьев* Античная комплексная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа в 2003г // ОАСГЭ за 2003г. СПб., 2004.
- Соловьев, Шенко. 2004 – *С. Л. Соловьев, Л. Г. Шенко*. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Завестное-5. Итоги работ Античной комплексной археологической экспедиции 2002 г. СПб., 2004.
- Соловьев. 2005 – *С. Л. Соловьев*. Античная комплексная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа в 2004г // ОАСГЭ за 2004г. СПб., 2005.

³⁶ В данном случае, однако, необходимо заметить, что боспорское происхождение всей простой столовой красно- и сероглиняной посуды не может считаться твердо установленным.

- Шенко, Куликов, Соловьев. 2003 – Л. Г. Шенко, А. В. Куликов, С. Л. Соловьев. Землянки на хоре Акры // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.
- Кас, Monachov, Stolba, Scheglov. 2003 – V. I. Kas, S. Yu. Monachov, V. F. Stolba, A. N. Scheglov. Tiles and ceramic containers // Panskoeye I. Vol. I. The monumental building U 6. Aarhus, 2003.

В. А. Христановский

Некрополь Илурата: общее и особенное

«Греки этого периода не хоронили своих умерших под курганами, в каменных склепах с "египетскими" сводами, в роскошных саркофагах; они также давно не устраивали кровавых жертвоприношений и великолепных погребальных трапез»
М. И. Ростовцев

Чсть открытия городища и некрополя Илурата принадлежит Полю Дюбрюксу. В 1827 году в четырех с половиной верстах к западу от озера Чурбаш или Камышбуруна и в 16 верстах от Керчи он обнаружил развалины «большого акрополиса или укрепленного замка», описал его, составил планы. На территории, примыкающей с юга и юго-востока к этому «дворцу царей Босфорских», за крепостной стеной Дюбрюкс видел развалины передовых укреплений внешней стены, множества башен и следы селения. А в 200 саженях к югу от трех последних зданий – кладбище, судя по всему, того же селения. «Могилы высечены горизонтально в скале, в виде гротов, но над ними нет курганов. Я провел линию на плане, чтобы указать на место этого кладбища, хотя и не сохранил должного расстояния, не желая без пользы увеличивать план» – писал Дюбрюкс. (Дюбрюкс. 1858. С. 60; Гайдукевич. 1950. С. 176. Рис. 1 а; Тункина, 2002. Рис. 54).

В 1947 году, примерно в 300 м к юго-востоку от южной башни городища и в 600 м к северо-востоку от «катакомбного» могильника, отмеченного на «Плане городка или города, защищаемого акрополем Кермеш-Келечик» Дюбрюксом, на краю илуратского плато, отрядом Ленинградского Педагогического института им. А. И. Герцена, возглавляемым М. М. Кублановым, был открыт склеп № 1 и, соответственно, северный участок некрополя. В том же году в южной части плато, неподалеку от «катакомбного» некрополя Дюбрюкса, была открыта

катакомба с захоронением лошади (Кубланов. 1948. С. 27–54; Гайдукевич. 1958. С. 139–140).

Систематические раскопки некрополя Илурата были возобновлены лишь через двадцать лет в 1968 году экспедицией Музея истории религии под руководством М. М. Кубланова. Археологические исследования 1968–2005 г. позволили установить, что на прилегающей к городу с юга и юго-востока территории, от склена № 1 до «катакомбного» могильника Дюбрюкса и дальше к южной оконечности плато, на котором стоит Илурат, расположен синхронный городу обширный некрополь.

За 28 полевых сезонов на некрополе Илурата было открыто и исследовано около 220 археологических объектов – погребальных и поминальных комплексов, представленных ниже в виде сводных таблиц.

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Тип погребального сооружения	Порядковые № (курсив – детские погребения)	Всего	Примечания
Грунтовые могилы	58–60, 71–79, 85–87, 89, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 98, 99, 100, 104, 105, 107, 108, 109, 110, 112, 113, 114, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 125, 126, 129, 130, 132, 133, 134–136, 145–147, 150, 152, 155, 156, 157, 158, 164, 165–167, 168, 169, 171, 172, 176–179, 182–184, 187, 188, 190–195, 196, 198–200	80 (из них 32 детских)	В тех случаях, когда это можно было установить, могилы были перекрыты грубо обколотыми плитами известняка
Грунтовые погребения, границы могил которых не были установлены	42, 51, 56, 64, 65, 127, 128, 185, 186, 217	10	Погребения № 42 и 56 – скорченные
Грунтовые скле-	143, 170	2	

пты с камерой, вырубленной в материковом суглинке			
Плитовые могилы	38, 41, 46–48, 49, 50, 53, 54, 57, 61, 68, 69, 82, 84, 88, 97, 116, 131, 138, 139, 140, 148, 149, 153, 154, 175, 189, 202–204, 207, 208, 209, 210, 219	36 (из них 11 детских)	В тех случаях, когда это можно было установить, могилы перекрывались несколькими более или менее тщательно обработанными плитами известняка
Разрушенные погребальные комплексы или комплексы неопределенного типа	151, 163, 174, 201	4	
Саркофаги, вырубленные в известняке	39, 40, 62, 94	4 (все детские)	
Вырубные могилы	14–17, 20, 30, 33, 34, 35, 181	10 (из них 3 детские)	
Вырубные скелеты	8, 11, 22, 24, 25, 31, 160, 180, 211	9	В некоторых случаях (скелеты № 22, 24) можно предположить, что они были надстроены и перекрыты полуцилиндрическим сводом
Вырубные скелеты-катакомбы с пещеровидной камерой, вырубленной в скальном массиве	3–7, 9, 10, 12, 13, 19, 21, 26, 36, 37, 215, 216, 218	17	
Скелеты со стенами из притесанных блоков и плит известняка и полуциркулярным сводом	1, 18, 206, 213, 220	5	
Скелеты со стенами из притесанных блоков и плит известняка и	32	1	Над этим скелетом, и, возможно, над некоторыми другими были возведены не-

уступчатым (ложноегипетским) сводом			большие курганы
Склепы из блоков и плит известняка с неустановленным сводом	2, 52, 137, 205	4	

ПОМИНАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И СЛЕДЫ СОПУТСТВУЮЩИХ ПОМИНАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Тип поминальной конструкции	Порядковый №	Примечания
Ритуальная площадка с зольником и следами тризны	23, 27, 214	Расположены в межмогильных промежутках и в непосредственной близости от склепов. Еще несколько аналогичных ритуальных площадок, не получивших отдельных номеров, было открыто, как в южной части некрополя (возле склепов № 22, 32), так и в северной – вокруг склепа № 52
Грунтовая жертвенная яма (ботрос)	101, 115, 122, 124, 141, 142, 144, 173, 212	Расположены в межмогильных промежутках, в большей или меньшей близости от могилы или склепа
Камера для жертвоприношений (или при) погребальном сооружении	37, 211, 213	№ 37 – пристроена к погребальной камере катакомбы; № 211 – внутри камеры склепа; № 213 – пристроена с внешней стороны стены камеры склепа. (Назначение камер в склепах № 211 и 213 до конца остается неясным и к «камерам для жертвоприношений» они отнесены условно)
Святылище, вырубленное в скальном массиве, надстроенной кладкой из камней	67, 102, 103, 161, 162	№ 67, 102, 161 имели в плане круг, № 103 – овал, № 162 – прямоугольник со скругленными углами. На территории некрополя имеется еще 3 близких по типу конструкции, не получившие отдельных номеров
Захоронение лошади (целые туши)	5, 29, 63, 66, 70, 80, 81, 83, 106, 111, 215	Захоронения лошадей № 63, 66, 70 находились на ритуальных площадках у склепа № 52. Захоронения лошади в дромосе катакомбы № 5, и двух лошадей в

		камере катакомбы № 215 не получили отдельные номера
Захоронение головы лошади (иногда вместе с нижними конечностями)	29 а, 108, 163, 217	Следов шкуры лошади с черепом и костями ног археологически не зафиксировано. № 108 – в комплексе с детской могилой I-II в. до н.э.; № 217 – в комплексе погребения XIII в. Еще не менее 4 захоронений лошадиных голов, не получивших отдельных номеров, находились на ритуальных площадках у склепа № 52
Захоронение собаки, головы и нижних частей ног лошади	159	Комплексе расположен возле детской грунтовой могилы № 158
Захоронение собаки	28, 43–45, 55	Захоронения собаки № 28 находилось на краю ритуальной площадки с тризной № 27, между склепами № 11, 31 и вырубной могилой № 30; № 43–45, 55 – на таких же ритуальных площадках у склепа № 52

Подавляющее большинство погребальных сооружений илуратского некрополя (136) – обычные для некрополей римского времени могилы: грунтовые, плитовые, типа «каменного ящика» и вырубные. Отличительной особенностью его с полным основанием могут считаться склепы, над многими из которых имелись курганные насыпи (Кубланов. 1973. С. 22). К настоящему времени их насчитывается 38. Среди них представлены практически все известные на Боспоре типы склепов: грунтовые (датируются I – началом II в. н.э.), вырубные – склепы-катакомбы с пещеровидными камерами (I–III в. н.э.), вырубные – склепы-катакомбы с пещеровидными камерами (I–III в. н.э.), вырубные с неустановленным (плоским?) перекрытием (I–III в. н.э.), вырубные с надстроенными стенами и полуциркульным сводом (I–III в. н.э.), сложенные насухо из блоков известняка с полуциркульным сводом (I–III в. н.э.), с уступчатым сводом (II–III в. н.э.). Примечательно, что здесь почти одновременно сосуществовали типы, исторически сменявшие друг друга. Так, уступчатые склепы появляются на Боспоре с конца V в. и существуют на протяжении IV в. до н.э. В III в. до н.э. получают распространение склепы с полуциркульными сводами. С первых веков новой эры, при сохранении последних, преобладают начинающие вырубные склепы-катакомбы (Савостина. 1984. С. 11).

Уже после полевых сезонов 60–70-х годов погребальная архитектура некрополя, контрастируя с городской застройкой, провоцировала вопрос об этнокультурной составляющей и социальной структуре его обитателей, функциональном назначении самого Илурата (Кубланов, 1973. С. 22; Кубланов, 1983. С. 128). Раскопки последних десятилетий и, особенно, поражающие своими размерами и архитектурными изысками такие памятники погребальной архитектуры как катакомбы № 37, 115, 116, склепы с полуциркулярными сводами № 206, 213, 220 оставляют его открытым и ждущим ответа.

Еще одной особенностью илуратского некрополя является необычайное количество и разнообразие типов поминальных сооружений: от простых ритуальных площадок и грунтовых жертвенных ям – ботросов, до специальных конструкций внутри погребального сооружения или за их пределами в виде специально выстроенных потайных камер и святилищ – «тризниц» (Ханутина, Хршановский, 2003. С. 315–321; Хршановский, 1999. С. 52–57).

Многочисленные следы жертвоприношений животных и птиц, захоронения лошадей, черепов лошадей и собак (Хршановский 2000. С. 241–252) существенно дополняют картину совершавшихся здесь некогда погребально-поминальных обрядов и усиливают варварский «колорит» илуратского некрополя, отмечавшийся уже первым его исследователем (Кубланов, 1973. С. 21).

Литература

- Дюбрюкс. 1858 – *П. Дюбрюкс*. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка, до горы Опук включительно, при Черном море / Пер. А. Г. Дюбрюкса // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса. 1858. Т IV. Отд. 1.
- Гайдукевич. 1950 – *В. Ф. Гайдукевич*. Боспорский город Илурат // Советская археология XIII. М., Л., 1950.
- Гайдукевич. 1958 – *В. Ф. Гайдукевич*. Илурат // Боспорские города. Т. 2. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 г. М., 1958. – (МИА № 85).
- Кубланов. 1948 – *М. М. Кубланов*. Итоги археологических изысканий в районе деревни Инановка (Керченский полуостров) в 1947 году. // УЗЛПИ. Л., 1948. Т. 68.
- Кубланов. 1973 – *М. М. Кубланов*. К вопросу об этно-культурной и социальной характеристике илуратцев (по материалам некрополя) // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Краткие тезисы докладов к научной конференции. Л., 1973.
- Кубланов. 1983 – *М. М. Кубланов*. Раскопки некрополя Илурата: Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях. Сборник научных трудов ГМИРА. Л., 1983.

- Савостина. 1984 – *Е. А. Савостина*. Боспорские скелеты (Типология, эволюция, историческая интерпретация). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1984.
- Тункина. 2002 – *И. В. Тункина* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- Ханутина, Христановский. 2003 – *З. В. Ханутина, В. А. Христановский*. Ритуальные сооружения на некрополе Илурата // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь, 2003.
- Христановский. 1999 – *В. А. Христановский*. «Башни», «круги», «святннщца» // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Международная научная конференция. Материалы. СПб., 1999.
- Христановский. 2000 – *В. А. Христановский*. Жертвоприношение в погребально-поминальной обрядности Европейского Боспора II в. до н.э. – IV в. н.э. (по материалам археологических раскопок некрополей Илурата и Китя) // Жертвоприношение: ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М., 2000.

Д. В. Журавлев, Т. А. Ильина, Г. А. Ломтадзе, Н. И. Сударев

Комплекс кургана 17(18) некрополя Кеп

Памяти Н. П. Сорокиной

В 1977–1978 году Н. П. Сорокиной был исследован курган № 17(18) некрополя Кеп (Сорокина. 1977. Л. 19–25; Сорокина. 1978. Л. 15–26). Раскопки его были впервые произведены за сто лет до этого в 1878 году Н. П. Кондаковым (ОАК 1878–1879. С. XI–XII). При этом, из этого богатого и интереснейшего погребального комплекса, опубликованы были только терракотовые статуэтки (Усачева. 1983). В обобщающей работе Я. М. Паромова, посвященной курганному некрополю Кеп, дана весьма подробная информация по истории исследования и результатам раскопок кургана 17(18), а также приведено суммарное описание находок без их подробного рассмотрения (Паромов. 2003. С. 241, 255–256).

Частично, в связи с разрушением, этот курган исследовался В. С. Долгоруковым в 1976 г. (Долгоруков. 1976) Им была раскопана каменный ящик в юго-восточной поле насыпи кургана (погребение 1). В 1977–1978 г. Н. П. Сорокиной было исследовано еще восемь погребений.

Погребение № 2. Представляло собой каменный ящик, сложенный из хорошо обработанных плит плотного известняка и перекрытый так же тщательно подогнанными плитами. В нем было исследовано два

захоронения детей (девочки и мальчика) в возрасте 5–7 лет, лежавшими вытянуто, головой на восток, без всяких подстилок, прямо на земляном полу.

В захоронении девочки были обнаружены: на груди – веноч с 18 золотыми листьями, две золотые серьги, золотой перстень, четыре золотые бляшки-нашивки, золотая бусина, бронзовый браслет, пряжка-бляха с биконическим стержнем и серебряная пантикапейская монета.

Второй костяк принадлежал мальчику. Он занимал западную часть могилы. Его тело было положено так, что голова покоилась на тазу девочки. При погребении мальчика находились: железный меч, два наконечники стрел, нож, крючок от колчана, стригили, бронзовое зеркало, бронзовые бляшки, костяная фишка, каменная точильная плита, дигниос на плите, бальзамарни и краснолаковое блюдо.

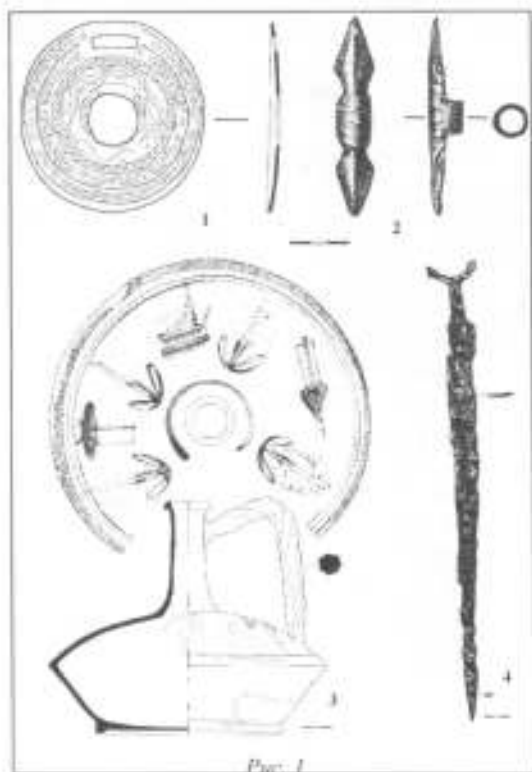

Рис. 1

Из находок хотелось бы остановиться только на некоторых. Уникальнейшая бронзовая «бляха-пряжка» из погребения девочки (Рис. 1, 1–2). Точных аналогий ей найти не удалось. Тем не менее, можно указать на

ряд близких по времени причерноморских аналогий орнаментации этой пряжки, любезно подсказанных Ю. П. Зайцевым (Сымонович, 1983. Табл. XVII, 6; Зайцев, Мордвинцева, 2004. Рис. 8, 3).

Важной является находка меча в погребении мальчика (Рис. 1, 4). По А. С. Скрипкину (Скрипкин, 1990. С. 119–120) он относится ко второму типу. К. Ф. Смирнов относил этот клинок к поздним северокавказским дериватам ранних кавказских мечей, которые развивались под влиянием прохоровского типа (Смирнов, 1980. С. 44. Рис. 3, II).

В целом оружие в погребениях Боспора III–I вв. до н.э. встречается крайне редко. В грунтовом некрополе Кеи эллинистического периода оружие встречено только в одном погребении 413/5 – 2 копьа очень плохой сохранности. (Сорокина, Сударев, 2002. С. 279–284). В курганном некрополе Кеи оружие встречается только в погребениях IV в. до н.э. Следует отметить, что находки мечей в погребениях в II в. до н.э. чаще встречаются у ранних сарматов (Смирнов, 1961. С. 70).

Датирует это погребение серебряная пантикапейская монета 200 – 110 г. до н.э. (Зограф, Табл. XLII, 3) и расписной лагинос второй половины II – начала I в. до н.э. (Рис. 1, 3).

Погребение № 3. Было совершено в каменном ящике, ориентированном по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. В нем находилось не менее трех последовательных погребений. Для захоронения последнего костяка кости предыдущего костяка были сдвинуты к восточной стенке могилы. Другая группа костей находилась в северо-западном углу погребального сооружения. Последнее погребение – женское располагалось в ящике в положении «вытянуто на спине» с вытянутыми конечностями, головой на юго-запад. К нему относились: деревянный ларец с костяными обкладками, 18 терракотовых статуэток, которые стояли на крышке ларца, бусы. Справа в области таза находились: золотой конус (от кисти), золотой перстень с сердечковидной вставкой, нити от парчовой одежды или покрывала, два небольших железных ножа и бронзовая пантикапейская монета. В северо-восточном углу могилы находилась группа керамики: родосский лагинос с клеймом на ручке, черниолаковая крышка леканы, солонка, горшочек с ручкой и два сероглиняных флакона.

Стоит отдельно остановиться на комплексе терракот женского погребения (Рис. 2). Напомним, что в ногах погребенной, среди истлевших остатков деревянного ларца с костяными накладками, было открыто 19 терракотовых статуэток (Усачева, 1983. С. 80). Среди них тринадцать терракот целые, четыре с утратами и одна женская головка. Плохо обожженные статуэтки рассыпались со временем.

Обращает на себя внимание сюжетное разнообразие терракот. Это изображения божеств (Артемиды, Кору-Персефоны), кифаристок и танцовщиц, девушек в гиматии, детей с птицами и животными. Они

представляют иконографические типы широко распространенные как в боспорских (Пантикапей, Фанагория, Кеп), так и в малоазиатских (Мирна, Смирна) эллинистических мастерских.

Рис. 2

Глина и технология изготовления этих терракот характерны для коропластики как Кеп, так и Фанагории (Сокольский, 1968, С. 268). Однако наличие среди статуэток необожженных, выполненных на

месте в той же манере фрагментов, указывает на их кепское производство. Исключение составляет изображение юноши и девушки на ложе (Рис. 2, 8), формованное из плотной мелкозернистой розовой глины с примесями слюды. Высокое качество производства и аналогии среди терракот Мирины позволяют говорить о его малоазийском происхождении.

Статуэтки девушек, подражающие танагрским фигуркам (Рис. 2, 10, 11), отличаются от терракот комплекса удлинненными пропорциями тела, объемностью и естественной передачей движения. Подобная тенденция прослеживается в боспорских терракотах III–II в. до н.э. Для остальных статуэток (Рис. 2, 2, 3, 5–7), напротив, характерна плоскостность изображения и суммарная обработка поверхности, проявляющаяся в терракотах второй половины II в. до н.э. – первой половины I в. н.э. (Соколов. 1999. С. 394). Представленные на них сюжеты, в частности, изображения детей с птицами и животными проникают в Северное Причерноморье не ранее середины II в. до н.э. (Николаева. 1974. С. 15–16. Табл. 11, 1–3). Учитывая общие черты развития боспорской коропластики и время распространения отдельных иконографических типов в местном производстве, комплекс терракот следует датировать второй половиной II в. до н.э.

Рассматриваемый погребальный инвентарь, по количеству терракотовых статуэток является редким для Северного Причерноморья. Из 380 захоронений Кепского эллинистического некрополя терракоты (всего 18 экземпляров) были открыты еще в девяти погребениях. В каждом из них было найдено от двух до четырех статуэток, в некоторых случаях – по одной (Сорокина. 1974. IV, С. 16). Близкий по набору комплекс терракот был открыт в земляной гробнице антикапейского некрополя (Шкорпил. 1909. С. 74). Вокруг костяка, обращенного головой на восток, начиная от кисти правой руки и заканчивая кистью левой было положено 12 терракотовых фигурок.

Широкое распространение рассмотренных типов терракот, наличие их в материалах городища не позволяет однозначно говорить об их исконном назначении. Исключения составляют необожженные статуэтки, созданные непосредственно перед погребением.

Нельзя не отметить костяные детали обкладки шкатулки, относящиеся к этому же погребению (Рис. 3). Помимо фрагментов обкладок и шарниров для крепления крышки (Рис. 3, 3) были найдены 8 фрагментированных полуколонн, или пилеастр, 7 капителей пилеастр коринфского ордера, возможно оформлявшие углы шкатулки (Рис. 3, 4), а также 2 миниатюрные фигурки (Рис. 3, 1–2). Первая фигурка изображает стоящего Эрота, вторая – стоящего анфас персонажа. Обратная сторона фигурок плоская, имеет насечки для лучшего крепления

на стенки (при помощи клея). Подобные насечки сделаны и на других костяных пластинках от шкатулки

Сохранились три линии шарниров, сохранившаяся длина которых примерно равна (18,2; 15,2 и 19,0 см). Это дает нам возможность осторожно предполагать, что у шкатулки было три откидные крышки, т.е. она могла быть трехъярусной. Шарниры крепились поочередно к крышке шкатулке и к ее корпусу при помощи небольших деревянных штырьков, один из которых сохранился (см. подобную реконструкцию: Соколовский. 1971. С. 127. Рис. 39, 3).

Учитывая высоту сохранившихся пластин обкладки, а также пилестр и капителей, можно предположить, что высота нижнего яруса

шкатулки была сравнительно небольшой, около 10–10,5 см. Возможно, два другие размера накладок могли бы определить высоту второго и третьего яруса шкатулке (например: 2,8 и 3,9 см.), но до ее полной реставрации все это остается в области предположений.

Погребение № 4. Погребение представляло собой каменный ящик, ориентированный по линии север-юг. В погребении было обнаружено два костяка: женский и мужской. Оба умерших лежали головами на юг. Захоронения были совершены последовательно. Первой была похоронена женщина. К женскому погребению относились сердоликовые бусины, располагавшиеся около черепа и в области ног. К мужскому погребению относились стригиль располагавшийся в районе груди, и вток и втулка от копыя. Кроме того, в погребении встречен небольшой обивочный гвоздик и колечко со шпильком.

С восточной стороны от ящика, было совершено конское захоронение (погребение 4 а). Забитая лошадь была положена на брюхо, с согнутыми передними и задними конечностями, уложенными вдоль тела. Головой животное было обращено на восток. Около скелета, между ним и ящиком располагались два предмета очень плохой сохранности: бронзовая тонкая пластинка и железный, обломанный с обоих концов стержень.

Погребение № 5 располагалось в восточной части кургана и представляло собой каменный ящик. Для обкладок северной, южной и западной стенок могилы были использованы части составного жертвенника или алтарика в сочетании с плохо отесанными камнями. Скелет ребенка не сохранился. На месте головы и груди лежал мелкий цилиндрический бисер, отдельные глазчатые бусины, одна биполушарная золотая бусина, золотая сережка с утраченной петлей, металлическая трубочка и бронзовая пантикапейская монета. В ногах был расположен глиняный горшочек, небольшой кувшинчик и миска. Там же был обнаружен бронзовый колокольчик с железным язычком.

Погребение 6 находилось в юго-восточной части кургана, в 0,5 м к югу от погребения 5. Это погребение представляло собой остижки кремации «на стороне» (тип. III (Сударев. 2004. С.208–219). В качестве урны был использован кувшин, врытый в вертикальном положении в материк. Вероятно, кувшин датируется позднелленистическим временем по аналогии с подобными сосудами из некрополя Кеф (погр. 45/16).

Погребения 7 располагалась в северной части кургана. Представляла собой детские захоронение в верхней части родосской амфоры. Сама амфора не сохранилась, за исключением двух ручек с плохо читаемыми круглыми клеймами. Н. П. Сорокина относил амфору к позней разновидности родосской керамической тары, аналогичной типу «Зест. 1960. Табл. XXIII, 49 в» (Сорокина. 1978. С. 24).

Погребение 8 располагалось в северной части кургана. Оно представляло собой захоронение в косской амфоре. С северной стороны сосуд был прикрыт эсхарой в виде прямоугольной плиты высеченной из известняка-ракушечника.

Погребение 9. Представляло собой детское захоронение в тулове родосской амфоры. К западу, почти в непосредственной близости от родосской амфоры обнаружены крупные обломки тулова красноглиняной амфоры и один небольшой обломок известняка-ракушечника. Инвентарь отсутствовал, амфоры не сохранилась.

Следует отметить, что детские погребения в амфорах, характерны для грунтового некрополя Кеп на всем протяжении существования города. Они встречаются и в его курганном некрополе, однако в значительно меньшем числе и только с позднеэллинистического времени. По данному параметру курганный некрополь Кеп находит аналогии в некрополе Пантикалея, где детские захоронения в амфорах известны только в эллинистический период и в ограниченном числе (Сорокина, Сударев. 2000. С.193 – 204).

В этой же связи интересно присутствие в рассматриваемом нами кургане погребений в каменных ящиках. В курганном некрополе Кеп распространен тип IV/1А каменных ящиков (Сударев. 2005. С. 14). К этому типу мы относим каменные ящики, стенки которых сложены из обработанных и тщательно подогнанных плит известняка. Перекрытия у таких ящиков чаще всего каменные. Данный тип погребальных сооружений довольно широко распространен на Боспоре, особенно на Европейском, что вполне объясняется большим количеством там пригодного для их сооружения камня. Однако, несмотря на малое количество камня на Таманском полуострове³⁷, этот тип погребальных сооружений получает распространение и там, особенно с IV в. до н.э. Подобные погребения встречены в курганном некрополе Кеп не менее 18 раз, причем они там появляются уже в IV в. до н.э. В то же время, в грунтовом некрополе Кеп каменные ящики не встречаются совсем (Сорокина, Сударев. 2004. С. 253 – 262). По этому параметру курганный некрополь Кеп также ближе к некрополю Пантикалея, а не к своему грунтовому некрополю.

Практически во всех случаях погребенные в кургане 18 захоронены по обряду ингумации, и лишь в одном случае – по обряду кремации (тип III, кремация на стороне, с последующим захоронением в урне) (Сударев. 2004. С.208 – 219). Важно, что кремация в грунтовом некрополе Кеп почти не встречается, известно только два таких захоронения и позднеэллинистическое время. Однако в курганном некрополе такие

³⁷ Правда, следует отметить, что камень на Таманском полуострове есть, хотя и худшего качества.

захоронения известны, причем уже с IV в. до н.э. (например, в курганах 1878, 1880 г.). В первую очередь курганы являлись семейными усыпальницами зажиточных слоев населения, которые не только имели больше финансовых возможностей для совершения кремаций, но, вероятно имели тесные связи с Пантикапеем, в котором среди знати кремация всегда занимала существенное место. Иными словами, появление кремаций в курганном некрополе Кеи в IV в. до н.э., при почти полном отсутствии ее в грунтовом некрополе, вероятно связано с включением последних в состав Боспорского царства, а также, быть может, проливает свет на происхождение верхушки кеицкого полуса с IV в. до н.э.

Сходную картину мы наблюдаем и в некрополях Фанагории и Гермонассы, где в IV веке кремации известны исключительно в подкурганных захоронениях. На наш взгляд такая картина подтверждает мнение, что верхушка в этих городах не только имела большой достаток (что и так ясно), который позволял им производить погребения по обряду кремации, но и находилась в тесной связи с Пантикапеем³⁸. Особенно ярко это видно на фоне почти полного отсутствия кремаций во всех грунтовых некрополях Таманского полуострова в VI–V в. до н.э.

Следует также отметить захоронение в могиле 2. Оно выделяется своим соотношением длины и ширины (3,5:1 и более). Сооружения с таким соотношением длины к ширине крайне редки (тип III по типологии В. С. Ольховского): они известны в Елизаветовском курганном могильнике на Нижнем Дону и в раннесарматских комплексах Поволжья и Приуралья (Ольховский, 1991. С. 22; Смирнов, 1975. С. 159; Сударев, 1995. С. 197); это особенно интересно в связи с находками в данном погребении вещей раннесарматского облика. Изредка такие ямы встречаются и в греческих некрополях Боспора, в том числе и в Танаисе и Фанагории (Сударев, 1995. С. 197). Отметим, что для Кеицкого некрополя в целом было характерно частое использование эсхар и трапедз в погребальном ритуале (Сорокина, 1997).

Список архивных материалов

- Долгоруков, 1976. – В. С. Долгоруков. Отчет о работах Фанагорийской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА РАН Р-1. № 5877.
 Сокольский, 1968. – Н. И. Сокольский. Отчет о раскопках некрополя Кеи в 1968 г. // Архив ИА РАН Р-1. № 3710

³⁸ Нам представляется вполне правдоподобной ситуация, при которой, Пантикапеем, покорив города Азиатского Боспора, насаждал в них своих ставленников, и принесших с собой, после почти двухвекового забвения, этот обряд.

- Сорокина. 1977. – *Н. П. Сорокина*. Отчет о раскопках городища «Румянское-2» в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6810.
- Сорокина. 1978. – *Н. П. Сорокина*. Отчет о раскопках Ахтинговского отряда Таманской экспедиции в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11551.

Литература

- Зайцев, Мордавицева. 2004. – *Ю. П. Зайцев, В. И. Мордавицева*. Варварские погребения 2 в. до н.э. – 1 в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.
- Зеест. 1960. – *И. Б. Зеест*. Керамическая тара Боспора. М., 1960. – (МИА. Вып. 83).
- Зограф. 1951. – *А. Н. Зограф*. Античные монеты. М., Л., 1951. – (МИА. Вып. 16).
- Николаева. 1974. – *Э. Я. Николаева*. Терракоты города Кеп // САИ. 1974. Вып. Г1–11. Часть IV.
- ОАК 1878–1879 – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1878 и 1879 годы СПб., 1881.
- Паромов. 2002. – *Я. М. Паромов*. Курганный некрополь Кеп // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. СПб., 2002.
- Скрипкин. 1990. – *А. С. Скрипкин*. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
- Смирнов. 1980. – *К. Ф. Смирнов*. О мечях скифо-меотского типа // КСИА. Вып. 162.
- Смирнов. 1961 – *К. Ф. Смирнов*. Вооружение савроматов. М., 1961. – (МИА. Вып. 101).
- Соколов. 1999. – *Г. И. Соколов*. Искусство Боспорского царства. М., 1999.
- Сокольский. 1968. – *Н. И. Сокольский*. Керамическая мастерская в Кехах // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Сокольский. 1971. – *Н. И. Сокольский*. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. – (МИА. Вып. 178).
- Сорокина. 1974 – *Н. П. Сорокина*. Терракоты из некрополя Кеп // САИ. 1974. IV.
- Сорокина, Сударев. 2000. – *Н. П. Сорокина, Н. И. Сударев*. Детские погребения Северного Причерноморья VI–III в. до н.э. // Stratum plus. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2000. № 3.
- Сорокина, Сударев. 2004. – *Н. П. Сорокина, Н. И. Сударев*. Погребальные сооружения некрополя Кеп VI–II в. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004.
- Сударев 1995. – *Н. И. Сударев*. Создание базы данных по античному грунтово-му некрополю Фанагории // Базы данных в археологии. М., 1995.

- Сударев, 2004. – *Н. И. Сударев*. Кремашия на Боспоре в VI–II в. до н.э. // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки. Материалы международной конференции. СПб., 2004.
- Сударев, 2005. – *Н. И. Сударев*. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II в. до н.э. как исторический источник // Автореферат дисс. ... канд ист. наук. М., 2005.
- Сымонович, 1983. – *Э. А. Сымонович*. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983.
- Усачева, 1983. – *О. Н. Усачева*. Терракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеп // КСИА. 1983. Вып. 174.
- Шкорпил, 1909. – *В. В. Шкорпил*. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 году в г. Керчи и его окрестностях (с 28 рис.) // ИАК. 1909. Вып. 30.

Д. В. Григорьев

О некоторых вопросах военного дела Боспора

В последнее время вопросы военного дела Боспора разрабатываются очень активно. Это связано с накоплением находок оружия, а также с попытками нового осмысления литературных и изобразительных источников.

Одним из наиболее темных и спорных вопросов в истории военного дела является использование тактики фаланги греками боспорских городов в ранний период их существования. Литературная традиция дает нам свидетельства о наличии фаланги на Боспоре только для IV в. до н.э. (Polyen. VI, 9; Diod. XX, 22–23). Археологические источники противоречивы. Логически, до прибытия в Северное Причерноморье, тактика помимо фаланги для греков чужда.

Необходимо отметить, что время и район появления фаланги в Греции продолжают оставаться дискуссионными вопросами. Очевидно, период формирования военного строя граждан-гоплитов шел во взаимосвязи с рождением полиса и завершился в VI в. до н.э. (Нефедкин, 2004, С. 464). В конце VII – начале VI в. до н.э. Милет и другие крупные полисы Ионии имели аристократическую форму правления. Это позволяет предполагать, что фаланга у них находилась в стадии становления, возможно, начальной. Следовательно, первые греческие переселенцы на Боспоре, не в силу своей малочисленности, а в силу особенностей социально-политического устройства своих метрополий, не владели еще искусством фаланги. Ее развитые формы должны были привезти следующие волны колонистов. Например, тесоны основавшие Фанагорию. Выселение всего города, в какой бы спешке оно ни происходило, говорит об определенном уровне гражданской солидар-

ности. При заселении Абдер теосцам пришлось выдержать тяжелую войну с фракийцами (Pind. Pac. 2. 59–70). На Боспоре появился уже сплоченный коллектив, способный успешно противостоять первооседелцам и проводить активную политику по отношению к соседям. Захоронения с оружием в некрополях боспорских городов появились также не ранее второй половины VI в. до н.э.

В науке существует стойкое убеждение, что боспорские греки заимствовали скифский тип меча – акинак. Действительно, мечи из греческих некрополей имеют типичный облик: сердцевидные, бабочковидные перекрестья, волотообразные, когтевидные навершия. При этом мы не задумывались о том, как сами эллины воспринимали используемое оружие. К сожалению, в нашем распоряжении нет собственно боспорских литературных произведений. В языке всегда отражаются те формы, в которых выражается восприятие действительности и предметов. Тем не менее, мы можем обратить внимание на словоупотребление греческих писателей. У Геродота, «акинак» имеет четкое значение – «скифский меч» (Hdt. IV, 62), причем, являющийся сакральным предметом. Страбон, независимо от того, кому принадлежит оружие и каковы его функции (меч жреца в Лациуме – V, 3, 12; меч скифов, поматов – VII, 3, 7; меч роксоланов – VII, 3, 17), все мечи называет «ксифос». Возможно, в его время слово «акинак», как этнический определитель, употреблялось редко или вообще вышло из употребления. Но совсем отрицать знание Страбона о существовании особого скифского меча, мы не можем. Диодор использовал материалы боспорской традиции, хотя, вероятно, и через вторые руки, мог обратить внимание на специфические названия предметов, если бы они употреблялись. Однако, меч боспорского царя Евмела назван «ксифос» (Diod. XX, 24). Таким образом, можно осторожно предположить, что для греков «акинак» – это скифский короткий меч с какими-то определенными функциями. Свои же мечи, независимо от внешнего оформления, они считали ксифосами, которые имели определенную длину (50–60 см) и функции колюще-рубящего оружия как наступательного, так и оборонительного действия.

Замечания можно сделать и по отдельным экземплярам мечей. Например, меч без перекрестья и навершия, с широким (до 7,5 см) клинком, ромбовидным в сечении из 2-го Семибратнего кургана относится к скифским с когтевидным навершием (Черненко, 1973. С. 68). Но все перечисленные признаки не противоречат его определению как раннего скифо-меотского. Датировка комплекса началом второй половины V в. до н.э., в принципе, не противоречит этому. Тем более, что этническая принадлежность Семибратних курганов остается спорной (Власова, 2001, С. 129).

На знаменитом фрагменте фриза с битвой, обнаруженном на усадьбе Юбилейное I, присутствуют изображение мечей меотского типа. На основании особенностей данного оружия (брусковидное навершие, ребро вдоль клинка), оно отнесено к группе ранних и предложена дата рельефа – конец V – первая половина IV в. до н.э. (Ольховский, 2001. С.150). Но существуют находки мечей с такими же характеристиками в комплексе второй половины IV – начала III в. до н.э. из погребения у хут. Красный Курган (Салов, 1985. С.57). Таким образом, фриз может датироваться и второй половиной IV в. до н.э.

Литература

- Власова, 2001 – *Е. В. Власова*. Семьбратние курганы // Боспорский феномен. СПб., 2001. Ч. II.
- Нефедкин, 2004 – *А. К. Нефедкин*. Изучение феномена фаланги и историографии новейшего времени // МНЕМОН. СПб., 2004. Вып. 3.
- Ольховский, 2001 – *В. С. Ольховский*. Рельеф с поселения Юбилейное I: этнографические и фольклорные реалии // Боспорский рельеф со славной сражения («Амазономахия»?); М., 2001.
- Салов, 1985 – *А. И. Салов*. Случайные находки у хут. Красный Курган в 1971 и 1972 гг. // КСИА. 1985. Вып. 182.
- Черненко, 1973 – *Е. В. Черненко*. Оружие из Семьбратних курганов // Скифские древности. Киев, 1973.

В. А. Горинчаровский, Т. С. Тихонова

Короткие мечи I–II в. н.э. из раскопок некрополя Горгинии

В разработке вопросов, связанных с историей и культурой Боспорского царства первых веков н.э. изучению военного дела принадлежит особое место, но, к сожалению, в наших знаниях по данной проблеме до сих пор наблюдаются значительные лакуны, во многом обусловленные состоянием имеющихся источников. Прежде всего, это касается римского влияния на военное дело Боспора в тот период, когда он оказался в сфере влияния империи. Отчасти достижения римского военного искусства были восприняты здесь уже в финале Митридатских войн. Мы знаем, что отборную часть войска Митридата VI Евпатора, собранного им на Боспоре в 63 г. до н.э. для продолжения военных действий против Рима, составляли шестьдесят отрядов по 600 человек в каждом (App. Mithr., 108). Возможно, именно с этого времени создавая по образцу когорты сира стал основной тактической

единицей регулярных частей боспорской армии³⁹, которые, как можно предполагать, дублировали соответствующую римскую организационную структуру (Зубарь 1994. С. 84). Что касается использования в них оружия римского образца, то оно не получило широкого распространения на территории Боспорского царства, хотя упоминание об оснащенных им с помощью римлян местных воинах⁴⁰ мы находим у Тацита в описании войны 45–49 г. н.э. с мятежным царем Митридатом VIII (Tac. Ann. XII, 16).

Недавно число редких для Северного Причерноморья находок предметов римского наступательного вооружения пополнил гладус из погребения конца I – начала II в. н.э., обнаруженного в некрополе Горгишши (Рис. 1, 1)⁴¹. Штырь его рукоятки, постепенно расширяющийся к основанию клинка, имеет длину 13,8 см. От самой рукоятки, изготовленной из дерева (сохранились следы тлена), остался фрагмент бронзовой обкладки, зафиксировавший ее ширину – 3 см. Сам клинок практически одинаковой ширины (4–4,4 см) при сохранившейся длине 27,8 см первоначально имел явно большие размеры, не менее 40–55 см. Об этом можно судить по положению скреплявших ножны двух гладких бронзовых скоб с кольцами для подвешивания, расположенными на расстоянии 11,2 см друг от друга. Все кольца из бронзового, ромбовидного в сечении, прута имеют внешний диаметр 2,1 см и внутренний – 1,6 см. Общая длина одной из скоб, сохранившейся целиком, составляет 5,4 см, а ширина – 0,8 см. Судя по ее форме и фиксирующей ширине ножен, меч относится к т.н. «помпейскому» типу и датируется серединой-концом I в. н.э. (Cicile. 1911. P. 183; Braat. 1967. Bd. 48. S. 56–61. Taf. 2,3; Ilbert. 1969. Bd. 47. S. 196. Taf. 17, 21). Кисть левой руки, судя по положению фаланг пальцев, лежала на рукоятки меча, расположенного вдоль бедренной кости. Размещение гладуса с левой стороны не соответствует общепринятой традиции ношения та-

³⁹ Впервые Митридат VI пытался использовать тактику римлян еще в 69 г. до н.э., распределяя переданные ему Титраном Великим войска на отряды и спэры (App. Mithr. 87). Наличие в армии понтийского царя римских перебежчиков, способных заняться обучением воинов, вполне позволяло это сделать. В этой связи интересно отметить упоминание в одной из пантакпейских надписей I в. до н.э. спэраха Гатниана (КБН, № 263).

⁴⁰ Ср. с ситуацией, сложившейся на территории Понтийского царства после превращения его при Нероне в римскую провинцию, когда гарнизон Трапезунда получил, по словам Тацита, «значки и оружие, принятые в нашей армии» (Tac. Hist. III, 47).

⁴¹ Погребение 1а в раскопе по ул. Терская, 84 было обнаружено Т. С. Тихоновой в 2002 г. Отсюда происходят фрагмент погребального венка из золотой фольги и бронзовая прямоугольная пряжка с подлинным язычком, которую можно датировать концом I – первой половиной II вв. н.э.

кого оружия у римлян, которая, впрочем, со второй половины I в. н.э. не всегда строго соблюдалась⁴².

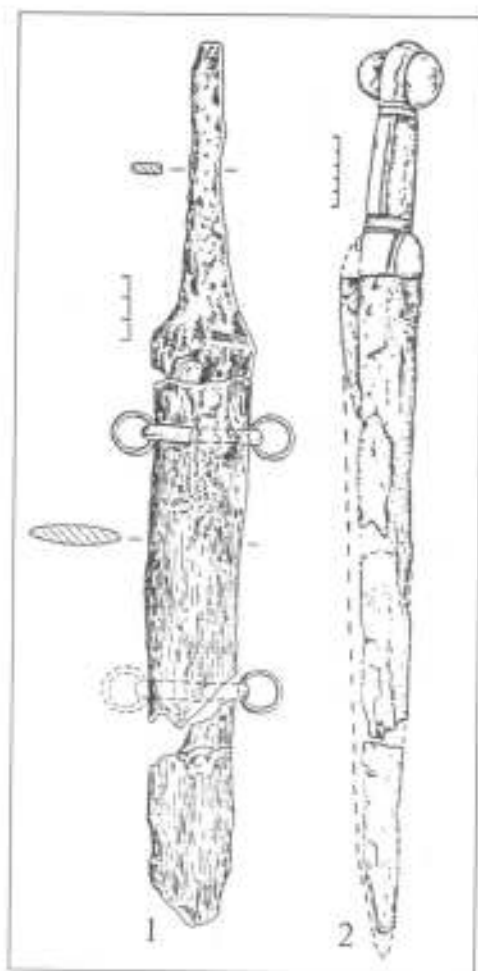

Рис. 1

⁴² Отступление от нее у римских солдат зафиксировано Постифом Флавием для периода Иудейской войны 66–70 г.: «Пешие воины... на каждом боку имеют по мечу, из которых более длинный расположен слева...» (Jos. Fl. Bell. Jud. III. 5).

Отметим близость к типу гладиуса другого короткого меча I–II в. из горгиппийского некрополя, найденного вместе с фрагментами костяных ножен (Кругликова, 1982. С. 120–121. Рис. 3, 1). Частично сохранившийся остроконечный клинок имел длину около 50 см при ширине 5 см у основания (рис. 1, 2). Левая рука погребенного покоилась на костяной рукояти меча, имеющей наверху трехчастной формы. В дшиной связи определенный интерес представляет рельеф I в. н.э., изображающий триаду пальмирских богов в виде военачальников высокого ранга. Их одежда и вооружение римского образца переданы детально и с большой тщательностью. Каждый из персонажей держит левую руку на рукояти меча с навершием, по форме напоминающим горгиппийское. При этом меч, размещенный слева, имеет на ножнах крепления из двух скоб с кольцами подобно гладиусу (Чубова и др. 1985. С. 95. Рис. 45).

Ранее использование на Боспоре мечей типа римских гладиусов было засвидетельствовано только в росписи начала II в. из Стасовского склепа 1872 г (АДЖ, Табл. LXXXI, 2). Там представлены на марше пехотинцы, у которых короткие мечи находятся справа, и это не единственная деталь, демонстрирующая римское влияние. Во главе отряда шествует знаменосец, в руках которого вексиллум – войсковой штандарт, использовавшийся во вспомогательных войсках в качестве знака когорты (Колобов, 2001. С. 38–44). В отношении распространения в Причерноморье римского времени практики использования подобных эмблем интересно сообщение Луция Флора о том, фракийский царь Реметалк, пришедший к власти в II г. до н.э., «приучил варваров и к военным знакам, и к дисциплине, и даже к римскому оружию» (Flor. XXVII, 17).

Возможно, в рассмотренной сцене представлены воины какого-то элитного подразделения, размещавшегося в Пантикапее, например, фракийской сперы, упомянутой в эпитафии Диза, сына Бифия (II в. н.э.), где сказано, что он был *κευτήριον ὁ καὶ πρίγκιψ* (КБН, № 666). В свое время это считалось свидетельством временного пребывания на Боспоре римских войск, хотя еще М. И. Ростовцев высказался в пользу местного происхождения этого воинского формирования (Ростовцев, 1911. С. 39). Дополнительным указанием на принадлежность фракийской сперы к боспорской армии служит упоминание о командовании ею в одной из пантикапейских надписей при перечислении этапов воинской карьеры чествуемого лица из окружения царя Савромата I (Vipogradov, 1994. P. 74).

Существование на Боспоре воинских частей римского образца облегчало взаимодействие с подразделениями императорской армии в случае возникновения потенциальной угрозы интересам Рима в северо-причерноморском регионе в тот период, когда отношения между

двумя государствами в военно-политической сфере окончательно устоялись. Такие операции должны были согласовываться с администрацией римских провинций или непосредственно с императором и могли сопровождаться поставками оружия боспорским царям.

Литература

- Зубарь. 1994 – *В. М. Зубарь*. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1994.
 Колобов. 2001 – *А. В. Колобов*. Штандарты римской армии эпохи принципата // ПИФК. 2001. Вып. X.
 Крутшикова. 1982 – *И. Т. Крутшикова*. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 г. // Горизонты. Краснодар, 1982. Т. II.
 Ростовцев. 1911 – *М. И. Ростовцев*. Святители фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 1911. Вып. 40.
 Чубова и др. 1985 – Искусство Восточного Средиземноморья I–IV веков. М. 1985.
 Braat. 1967 – *W. C. Braat*. Römische Schwerter und Dolche im Rijksmuseum van Oudheden. Oudheidkde. Mededel, 1967.
 Curle. 1911 – *J. Curle*. A Roman Frontier Post and its People. The Fort of Newstead in the Parish of Melrose. Glasgow, 1911.
 Ulbert. 1969 – *J. Ulbert*. Gladii aus Pompeji // Germania. 1969. Bd. 47.
 Vinogradov. 1994 – *J. G. Vinogradov*. Greek Epigraphy of the Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985–1990) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1994. Vol. I.

С. И. Финогорова

Архаические слои Гермонассы (по материалам раскопок последних лет)

Гермонасса неоднократно упоминается древними авторами. Но их сведения зачастую или скупы, или неясны, или не конкретны. Сложность интерпретации в значительной степени объясняется изменением географической карты Таманского полуострова. В связи с этим была даже сделана попытка пересмотреть локализацию всех античных городов, расположенных на Азиатском Боспоре (Зубарев, 1999. С. 123–146). Гермонасса упоминается Страбоном в одном ряду с Фанагорией, названной «значительным городом» (Strabo. XI, 2, 10). Вероятно и Гермонасса была не менее значительной. Важным моментом в подтверждении этого предположения являются материалы раскопок, особенно касающиеся ранней истории города. Сведения об этом периоде его жизни чрезвычайно скудны. До недавнего времени исследователи ориентировались только на материалы, открытые И. Б. Зеест в 1957 г. на

Восточном раскопе (Зеест. 1961. С. 53). Отсутствие строительных остатков на нем и бедный керамический материал дали весьма скудные сведения об этом периоде жизни города. Данные раскопок последних шестнадцати лет, проведенных в северо-восточной части городища (северо-восточный раскоп), позволяют расширить наши знания о раннем этапе его существования.

Самые древние строительные остатки на северо-восточном раскопе представлены полуземляничным сооружением, от которого сохранились глинобитный пол, обгоревший в пожаре, следы от легких тростниковых стен, обозначенных границей черной копоти, и очаг, от которого осталась площадка диаметром не более 1,2 м, состоявшая из обгоревшей растрескавшейся глины. Общая площадь полуземлянки составляла около 16–17 м². Находок немного, и она полностью представлена керамикой родосско-ионийской группы первой половины VI в. до н.э.

Вблизи полуземлянки было обнаружено три ямы, впущенные в материк и заполненные мусорными остатками. Особый интерес вызывает художественная керамика, представленная в многочисленных фрагментах, к сожалению, в большинстве случаев разбитой на мелкие кусочки. Наиболее многочисленна группа родосско-ионийских сосудов второй четверти VI в. до н.э., известная по многочисленным находкам в античных городах Северного Причерноморья. Это двуручные чаши с розетками из точек и группой тонких вертикальных или «гвоздеобразных» палочек (реже — шетком лотоса), тарелки, украшенные по краю полосами меандра. Несколько фрагментов принадлежит расписным вазам с изображением горных козлов-эгагров, относящимся к керамике класса Камира. Особый интерес представляет фрагментированная крышка леканы с изображением двух пантер с повернутыми к зрителю головами. Стиль росписи, близкий коринфской, имеет, вместе с тем, отличия, не позволяющие отнести ее к коринфским сосудам. Скорее всего, ее можно отнести к редким в Северном Причерноморье аттико-коринфским изделиям, подражающим распространенной в VI в. до н.э. коринфской керамике.

Среди ямного материала многочисленную группу составляют фрагменты клазоменских сосудов, украшенные не только традиционным чешуйчатым орнаментом, но и силуэтными изображениями, близкими по характеру чернофигурной росписи. Эти нарядные сосуды были привезены в Гермонассу в конце VI в. до н.э.

Как в ямах, так и в предматериковой слое многочисленны фрагменты чернолаковых аттических киликов с поясками пурпура внутри и обломки мелкофигурных киликов с изображениями по краю. Среди них есть экземпляры, отличающиеся высоким мастерством исполнения. С этой точки зрения особенно интересен один фрагмент послед-

ней четверти VI в. до н.э. с изображением квадриги с необычайно тонкой прорисовкой силуэтов лошадей, выполненной лаком и гравировкой с дополнительной раскраской пурпуром и накладной белой краской.

Как уже отмечено многими исследователями, во второй половине VI в. до н.э. увеличивается импорт аттической продукции, среди которой есть не только высокохудожественные изделия, как, например, червофигурный килик, относящийся к группе, именуемой чашами Сиана, но и керамика рядовых мастеров, часто выполненная бегло и небрежно. Это глубокие килики, скифосы, лекифы, реже амфоры. Наряду с процветанием торговли, интенсивно развивалось и ремесленное производство (Шелов-Коведяев, 1984. С. 78).

К сожалению, археологические раскопки не дают сведений о городской планировке, жилых и общественных сооружениях города в архаическое время. Однако, как показывают материалы и последних, и более ранних исследований в V в. до н.э. кладки почти всех сооружений имели одинаковое направление по линии северо-восток – юго-запад. Можно предположить, что такая регулярность была заложена в более раннее время. Ведь не зря же Дионисий Перизгет характеризует Гермонассу «прекрасно построенным городом» (Dion. Per. 541–553).

Раскопками выявлено постепенное расширение границ города. Так, например, из всех исследованных к настоящему времени участков архаические слои выявлены в восточной части городища, на западных раскопах они отсутствуют, несмотря на наличие там архаической керамики. На основании полученного в результате последних раскопок материала датой основания Гермонассы можно считать вторую четверть VI в. до н.э.

Литература

- Зест. 1961 – *И. Б. Зест*. Архаические слои Гермонассы // КСИА. М., 1961. Вып. 83.
- Зубарев. 1999 – *В. Г. Зубарев*. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции // Древности Боспора. 1999. 2.
- Шелов-Коведяев. 1984 – *Ф. В. Шелов-Коведяев*. История Боспора в VI–I в. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1984.

В. Н. Чхидзе

Гермонасса – Тома – Таматарха: позднеантичный и раннесредневековый город на Боспоре

Время последующее за гуннским нашествием в 70-х г. IV в., характеризуется угасанием античной культуры, общим кризисом распадающегося Боспорского государства, ставшего второстепенной провинцией Византийской империи.

Гермонасса, находившаяся в стороне от главных дорог, избежала участи других городов Боспора, судя по отсутствию характерных следов пожара, гунны, скорее всего, сюда даже не заходили (Плетнева, 1963. С. 63; Коровина, 1998. С. 21, 28; 2002. С. 89, 94). Однако дальнейшая судьба города, вследствие отсутствия письменных источников и эпиграфических памятников, характеризуется лишь на основании археологических материалов. Последние позволяют утверждать, что, по крайней мере, до второй четверти VI в. жизнь в городе не только не прекратилась, но и не претерпела существенных изменений (Плетнева, 1963. С. 63; Сазанов, 1989. С. 57).

Так на городище выявлены слои от второй половины – конца IV в. до 570–580 г. (Сазанов, 1999. Табл. 10). На двух раскопах – «Нагорном» и «Северном» открыты остатки фундаментов и цоколей V–VI в., из рваного камня на глиняном растворе. Их ориентация по сторонам света, совпадает с ориентацией построек предшествующего времени III–IV в., на развалах которых они и сложены (Коровина, 1992. С. 31; 1998. С. 20–21; 1999. С. 59; 2002. С. 88–89).

Вещевой комплекс характеризуется краснолаковой керамикой конца IV–VI в. (Плетнева, 1963. С. 33–35. Рис. 19; 2003. С. 176; Коровина, 1987. С. 65; 1992. С. 31. Рис. 18; 1998. С. 24–27; Рис. 6, 7; 1999. С. 60; 2002. С. 91–93. Рис. 47), в частности мисками группы «Late Roman C» формы 3 по Дж. Хейсу датированными концом IV – третьей четвертью VI в. (Сазанов, 1989. Табл. 2.5, 5.2.5), а так же группы «Late Roman D» и «African red slip ware» датированные третьей четвертью VI в. – 570–580 г. (Сазанов, 2000. С. 234–235. Рис. 20). Тарная керамика: узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F по Д.Б. Шелову, красноглиняные типов 96 и 97 по И.Б. Зеест – конца IV – третьей четверти VI в. (Сазанов, 1989. Табл. 2.5, 5.2.5). Амфоры типа «Carottes», типа 5 по I херсонесской классификации, коричневоглиняные «с перехватом» и красноглиняные типов 96 и 97, датированные третьей четверти VI в. – 570–580 г. (Коровина, 1992. С. 31. Рис. 17; 1998. С. 22–23. Рис. 3, 4; 1999. С. 59; 2002. С. 90–91. Рис. 46; Сазанов, 2000. С. 231–234. Рис. 20). Многочисленные стеклянные сосуды этого же времени (Сорокина, 1963. С. 134–170; Плетнева, 2003. С. 178).

Из индивидуальных находок отмечаются две мраморные капители колонн V в. и часть рельефа V–VI в. с изображением ангела, держащего плат, что может свидетельствовать о существовании в городе уже в V в. христианского храма (Коровина, 1992. С. 32; 1998. С. 27; 1999. С. 60; 2002. С. 93. Рис. 48, 49).

Население боспорских городов в это время было представлено разноязычной смесью греков, синодо-меотов, сарматов, готов, алан, евреев и остатков кочевых, и полукочевых гуннов; греческий язык, очевидно, оставался официальным языком Боспора (Плетнева, 1963. С. 64; Коровина, 1992. С. 32; 2002. С. 95; Болгов, 1999. С. 253). Поэтому весьма вероятно, что Гермонасса продолжала сохранять свое античное название.

В 20-х г. VI в. Гермонасса, по всей вероятности вместе с Боспором, приняла византийское подданство (Плетнева, 1963. С. 63, 66; Коровина, 1992. С. 32; 1998. С. 19; 2002. С. 93–94). Об этом позволяют судить события связанные с вхождением боспорских городов в состав византийской империи в правление Юстиниана I (518–527), о чем говорится в надписи царя Тиберия-Юлия Дилтуна (522 г.). Это событие вызвало недовольство гуннов, которые напали на Боспор и, убив трибуна, захватили город (Якобсон, 1958. С. 460–461). Тогда же были «взяты и разрушены» (Прокопий, 1996. С. 25) города Кепы и Фанагория. Для возвращения городов, около 527/529 г. Юстиниан I (527–565) отправил к проливу наемную армию во главе с комитом Иоанном, усиленную вспомогательным войском готов, Боспор, был возвращен и укреплен стенами (Прокопий, 1996. С. 224). По-видимому, были возвращены и Кепы с Фанагорией (Артамонов, 1962. С. 88–91), на что указывает, найденный в 1893 году на Таманском полуострове фрагмент строительной надписи 533 г. с именем Юстиниана (Латышев, 1896. С. 98–105).

Между тем в изученных слоях Гермонассы существует разрыв между 570–580 г. и началом VII в. (Сазанов, 1999. Табл. 10), что без сомнения указывает на события, связанные с тюркским походом на Боспор и Крым, известные по сообщению Менандра Протектора: когда, во время войны, начатой против Византии, войсками тюркютов Бохана и утигуров Анштея, в 576 г., после осады был взят Боспор (Менандр, 2003. Отрывок 47. С. 302). Как известно, события закончились миром с Византией и после смерти кагана Арсилы, империи удалось восстановить свою власть над проливом, о чем сообщает обнаруженная в 1803 г. П. И. Сумароковым в Тамани, греческая надпись Евнатория (590 г.), показывающая, что Боспор в это время был административно подчинен Херсону, находясь под управлением стратигата и дукса – военачальника провинции и пограничных мест. Однако основные центры Боспора после тюркского погрома уже не восстанавливаются

(Сазанов. 1999. С. 36–37). По всей видимости, одним из таких центров являлась и Гермонасса, так как судьба города в конце VI – первой половине VII в. нам почти неизвестна. Видимо жизнь на городище в это время оборвалась (Коровина. 1992. С. 32).

Однако уже в VII в., со времени вхождения Степного Предкавказья, включая Низовья Кубани, в политическую систему Хазарского каганата, Гермонасса получает новое тюркское наименование Тумен-тархан (Түмен-тархан), что буквально означает «место ставки военачальника (тархана) – главы округа, выставляющего десять тысяч воинов – “тумен”, или “тыма” в русской транскрипции» (Готье. 1930. С. 79; Артамонов. 1962. С. 431. Сноска 16; Гадлю. 1968. С. 61; Подосинов. 1997. С. 157. Сноска 2).

Конечно, вряд ли дислоцировавшийся в городе хазарский тумен насчитывал такое количество воинов, поскольку вся армия Хазар-тархана во время войны с арабами в 738 г. насчитывала сорок тысяч человек (Артамонов. 1962. С. 206, 219; Тортика. 2002. С. 250–251).

Вместе с тем, на местах могла сохраняться и прежняя византийская администрация, так на данной территории первоначально могла осуществляться система кондоминиума – византийско-хазарского «двоевластия» (Сазанов. 1999. С. 40; Науменко, 2001. С. 346, 350; Сорочан. 2002. С. 512, 522). Судя по всему именно название Тумен-тархан явилось производным для последующего наименования города – Таматарха, известного в византийских источниках и продолжающего сохраняться вплоть до конца X в.

Между тем, по мнению ряда исследователей, именно этот поселок, названный Томи (Тоμν по Феофану, Тоτν по Никифору) упомянут в рассказе 704/705 г. о Юстиниане II, который, в Фанагории задушив присланных каганом убийц, бежал в «приморское селение» Томи, нашел там снаряженный корабль, на котором и отплыл к Херсону (Феофан Исповедник. 1980. С. 39–40/63. Сноска 16. Примечание 318; Никифор. 1980. С. 155/163. Сноска 4. Примечания 102, 103; Кулаковский. 1996. С. 271–274, 282; Мэпп. 1935. С. 182; Gregoire. 1952. P. 288–292; Гадлю. 1968. С. 61; Айбабин. 1999. С. 195).

Также именно VII в. характеризуется появлением новых строительных традиций на городище, прежде всего ранее неизвестных строительных приемов (кладка «ёлочка»). Складывается новая планировка жилых кварталов, дома VII–IX в., выстроены уже на основе стен IV–VI в. (Якобсон. 1958. С. 479; 1964. С. 39; 1970. С. 120; Плетнева. 1967. С. 49, 63; Богословская, Богословский. 1992. С. 8; Айбабин. 1999. С. 188). Вновь появляются поселенческие комплексы, датированные концом VII – началом VIII в. (Сазанов. 1999. С. 39. Табл. 10). До середины VIII в. меняется весь керамический комплекс – возникает и начинает активно развиваться приазовский вариант салтово-маяцкой

культуры, теперь уже остающийся доминирующим вплоть до XIII в. (Богословская, Богословский, 1992. С. 8, 11).

Литература

- Менандр. 2003 – *Менандр Византиец*. Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой // Византийские историки. Дексипп, Эвнаний, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003.
- Никифор. 1980 – *Н. С. Чичуров*. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1980.
- Проконий. 1996 – *Проконий Кесарийский*. Война с готами. О постройках. П. М., 1996.
- Феофан Исповедник. 1980 – *Н. С. Чичуров*. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1980.
- Айбабин. 1999 – *А. И. Айбабин*. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Артамонов. 1962 – *М. И. Артамонов*. История хазар. М., 1962.
- Богословская, Богословский. 1992 – *И. И. Богословская, О. В. Богословский*. Исследование средневековых слоев Таманского городища // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992.
- Болгов. 1999 – *И. И. Болгов*. Поздний Боспор и варварские королевства как политический феномен переходной эпохи (V–VI в.) // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции, декабрь 1999. СПб., 1999.
- Гадло. 1968 – *А. В. Гадло*. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X в. // Вестник ЛГУ, № 14. Л., 1968.
- Готье. 1930 – *Ю. В. Готье*. Железный век в Восточной Европе. М.–Л., 1930.
- Коровина. 1987 – *А. К. Коровина*. Винодельни Гермонассы // КСИА. Вып. 191. М., 1987.
- Коровина. 1992 – *А. К. Коровина*. История исследования Таманского городища // Археология и искусство Боспора. Сообщения Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Выпуск десятый. М., 1992.
- Коровина. 1998 – *А. К. Коровина*. Гермонасса в раннесредневековый период // Таманская старина. Выпуск 1. СПб., 1998.
- Коровина. 1999 – *А. К. Коровина*. Раннесредневековая Гермонасса // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. М., 1999.
- Коровина. 2002 – *А. К. Коровина*. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М., 2002.
- Кулаковский. 1996 – *Ю.А. Кулаковский*. История Византии. Том III. СПб., 1996.
- Латышев. 1896 – *В.В. Латышев*. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.

- Март. 1935 – *Н. Я. Март*. Этно- и глоттогония Восточной Европы // Избранные работы. М., 1935. Том V.
- Науменко. 2001 – *В. Е. Науменко*. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь, 2001.
- Плетнева. 1963 – *С. А. Плетнева*. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Плетнева. 1967 – *С. А. Плетнева*. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА, № 142. М., 1967.
- Плетнева. 2003 – *С. А. Плетнева*. Таматарха-Тмутаракань // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М., 2003.
- Подосинов. 1997 – *А. В. Подосинов*. Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия. Харьков, 1997.
- Сазанов. 1989 – *А. В. Сазанов*. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА, № 4. М., 1989.
- Сазанов. 1999 – *А. В. Сазанов*. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.
- Сазанов. 2000 – *А. В. Сазанов*. Керамические комплексы Боспора 570–580 г. // ДБ. 3. М., 2000.
- Сорокина. 1963 – *Н. П. Сорокина*. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Сорочан. 2002 – *С. Б. Сорочан*. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М.–Магнитогорск, 2002.
- Тортиха. 2002 – *А. А. Тортиха*. Экологически возможная численность кочевого населения Великой Болгарии (Старой Болгарии, Болгарии Кубрата) – вторая четверть VII в. н.э. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев–Судак, 2002.
- Яковсон. 1958 – *А. Л. Яковсон*. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Боспорские города II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 г. МИА, № 85. М., 1958.
- Яковсон. 1964 – *А. Л. Яковсон*. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.–Л., 1964.
- Яковсон. 1970 – *А. Л. Яковсон*. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. № 168. М., 1970.
- Gregoire. 1952 – *H. Gregoire*. Le Nom de la ville Tmutarakan // *Nouveaux Clés*. 4. Paris, 1952.

Н. Н. Болгов

К вопросу о христианской топографии Боспора V–VI в.⁴³

Как известно, Боспорское государство, сохранившееся в эпоху Великого переселения народов и включенное в состав Византийской империи в 30-е г. VI в. (Болгов, 1996), постепенно христианизировалось, начиная с III в. Здесь, в условиях отсутствия прямой политической власти империи, процесс постепенного утверждения христианства начался достаточно рано, но полной победы достиг лишь при Юстиниане I (Зубарь, Хворостяный, 2000). Соответственно, начинаются изменения в сакральной топографии боспорских городов и поселений. Проблемы сакральной топографии являются, как известно, одними из наиболее важных в византийской археологии и являются одной из заметных тем ранневизантийской истории (Краутхаймер, 2000). Прежде всего, речь идет о появлении христианских храмов и погребений внутри городской территории как основных феноменов новой сакральной топографии.

К сожалению, в отличие от Херсонеса, для Боспора у нас практически нет письменных источников по данной проблеме. Однако, Херсонес дает хорошие примеры отождествления ряда храмов на основании письменных источников, в том числе агнографии. Можно отметить, что, несмотря на небесспорность такого подхода и наличие различных интерпретаций, других возможностей определения названия храма и его местоположения вне археологического контекста, у нас нет.

Христианских храмов в Северном Причерноморье, построенных ранее V в., не известно. На Боспоре они появляются первоначально, судя по тому, что нам об этом известно, не за городом, как это было в крупных старых городах империи, а сразу в городской черте. Единственное относительное исключение – это Царский курган к северу от Пантикалея с его знаменитыми крестами, в которых многие ученые видят памятник «катакомбной» поры христианства в регионе. Однако, нам ничего конкретно не известно о гонениях христиан на Боспоре. Культ Бога Высочайшего, несмотря на поддержку со стороны государства, оставался в целом культом, который отирашился частными союзами. Поэтому интерпретация крестов Царского кургана как свидетельства *тайного* отправления христианского культа небесспорна. Если это и скрытое место культа, то вряд ли угроза ему исходила от государства.

⁴³ Работа подготовлена при поддержке внутривузовского гранта БелГУ 2005 г. ВКГ 122-05.

Судя по имеющимся материалам, христианские храмы начали беспрепятственно, в удобных местах появляться в городах Боспора (Болгов, 2002), включаясь в их топографию. Приходские храмы при этом, по всей видимости, возникали непосредственно внутри городских стен. По мере приобретения епископом светских управленческих функций размещение храмов в городе должно было стать наиболее удобным и доступным. Христианский храм включался как составная часть в единую инфраструктуру общественного места города наряду с рыночной площадью (агорой), кладбищем.

Первая керченская базилика, известная по археологическим исследованиям, располагалась в районе нового общественного центра первых веков н.э. – так называемой Второй агоры (Нижний город) – несколько севернее внешнего храма Иоанна Предтечи. Этот храм относится, скорее всего, к VI в. (Макарова, 1998). Здесь существовал обширный базиликальный комплекс с крещальней (раскопки 1964 г.). Этот комплекс был значительным – два храма на расстоянии 40 м друг от друга. Позднейший храм Иоанна Предтечи был построен прямо на остатках этой базилики, диаметр апсиды которой несколько не совпадал с диаметром апсиды нового храма. Об этом говорят и использование в фундаменте храма мраморных блоков от полностью разобранный древней постройки, и сборный характер колонн и капителей в его интерьере, а также обломки мрамора вокруг храма. Уровень древнего пола храма был определен в 1889 г. Н. П. Кондаковым.

В центре города Пантиканея в позднеантичное время постепенно начинают совершаться захоронения. Они продвигаются с западной стороны горы Митридат к ее центру. В VI в. погребения (как одиночные грунтовые, так и в склепах) уже покрывают чересполосно и северный склон горы, под которым возникает несколько систем склепов, в том числе расписных, активно исследуемых в последние годы.

Появление захоронений в городской черте было прежде всего проявлением ментальных изменений – изменений в отношении к мертвым. Христиане в отличие от язычников не боялись покойных и потенциально исходящего от них вреда. Жизнь земная и жизнь вечная были теперь связаны неразрывной цепью.

Некоторой относительной иллюстрацией к первым прецедентам таких захоронений может служить известная из Константина Багрянородного (Об управлении империей, 53) легенда о херсонеситке Гикии, впервые за особые заслуги перед государством (христианский аспект в тексте отсутствует) получившей исключительную награду – право на погребение в городской (сакральной!) черте.

Таким образом, прежняя общепринятая трактовка появления захоронений на горе Митридат как проявление кризиса и упадка города, изменения его античной топографической доминанты – акрополя на г.

Митридат – должна быть ныне полностью оставлена. Общая площадь города и, видимо, численность его населения в позднеантичное время (IV–VI в.), не сократились.

Кроме того, в христианстве с самых ранних времен возникает практика совершения захоронений на участках близ некоторых храмов. На Боспоре, как и в Херсонесе, эта практика не является исключением.

В Тиритаке в 1936 г. В. Ф. Гайдукевич открыл остатки трехнефной базилики с колоннадой и датировал ее концом V – началом VI в. Это – наиболее известный и наиболее сохранившийся ранневизантийский храм на Боспоре. От базилики сохранились остатки фундаментов и обломки деталей (Гайдукевич. 1940). Храм располагался внутри городской территории, в центре жилой застройки, заняв достаточно видное место в его топографии. Базилика была сильно разрушена, просуществовав сравнительно недолго.

Как показывают находки 90-х гг., в V–VI в. в Гермонассе имелся христианский храм. На это указывают капитель ранневизантийской мраморной колонны и часть рельефа с изображением ангела, держащего плат (V–VI в.). Однако, фундаментов, позволивших бы точно говорить о плане храма и его местонахождении, к сожалению, не обнаружено. Если это был действительно храм, то в общей топографии города его место должно было быть достаточно заметным.

В Китее, на раскопе II (зольник) был открыт слой, датированный III–IV в. мощностью в 9 штыков. Кладка 35, соединяющаяся с полукруглой кладкой 11 по форме дает, по мнению Е. А. Молева, апсиду, т.е., по нашему мнению, здание типа базилики. Среди материала есть обломки стекла с синими каплями, что позволяет передатировать комплекс на V в., а также монеты IV в., обращавшиеся, как известно, и позднее. Все указанное делает реальной интерпретацию этих строительных остатков как базилики в Китее. Хотя В. М. Зубарь предостерегает от отождествления каждой апсидальной постройки с базиликой (на примере поздней Тирь) (Зубарь. 2004), но в данном случае речь идет именно о позднеантичном слое. Кроме того, надо учесть, что за XIX–XX в. кладки боспорских городов в огромной степени пострадали от выборки камня местным населением.

Предполагаемая китейская базилика занимала топографический центр города, наиболее высокий холм, доминирующий в городской черте (ныне – еще и над обрывом в море, которое значительно придвинулось в сторону суши), наследуя важнейшее античное сакральное место – зольник-эсхару, возможно, близ храмового комплекса, остатки которого, скорее всего, уже обрушились в море. Холм по своим топографическим характеристикам вполне мог выполнять роль китейского

акрополя, но в литературе подобные интерпретации не обосновывались.

Христианские храмы были построены также и в малых городках и крепостях позднего Боспора. В Ильичевской крепости (Фантшловский п-ов Тамани) об этом свидетельствуют открытые на территории городища мраморные архитектурные детали: обломки карнизов, капители шпандра, барабан колонны, а также фрагменты пяти плоских мраморных блюв. В этой крепости открыты и маленькие молельни в отдельных помещениях.

На поселении Зеленый Мыс в Крымском Приазовье в позднеантичное время найден ряд предметов мраморной декорации, которые могли иметь отношение к христианскому храму. Гипотетически можно предполагать наличие базилики на этом поселении (набор деталей аналогичен ильичевскому), которое гибнет в 570–580-е г. Особое значение имеет тот факт, что капитель (по стилистике – V в.) была незавершенным изделием (не проработаны стреловидные листья, нет отверстия для крепления с телом колонны).

Следовательно, крепости и крупные поселения позднего Боспора так же, как и города имели в VI в. хотя бы небольшие храмы на своей территории.

Погребения внутри городской территории на Боспоре постепенно появляются и вне Пантикалея. Их немного, и бесспорно христианский их характер не явствует со всей определенностью из погребального инвентаря, но в силу указанных выше ментальных изменений наиболее вероятной интерпретацией их может быть христианская.

Таким образом, на Боспоре процесс утверждения христианства сопровождался формированием элементов новой сакральной топографии городов, включая небольшие опорные крепости и крупные поселения. Одним из доминирующих элементов топографии боспорских городов и поселений становятся христианские храмы-базилики. Преимущественно в Пантикалее отмечается еще одна важнейшая черта новой, христианской топографии города: погребения проникают на территорию бывшего общественного и сакрального центра. При этом можно достаточно определенно говорить о некоторой преемственности в размещении сакральных мест в общем контексте культурно-идеологического континуитета. Ближайшие аналоги такой преемственности мы наблюдаем в ближайшем к Боспору ранневизантийском центре – Херсонесе Таврическом, где после завершения периода массового храмового строительства сформировалась новая топографическая доминанта (Сорожан, 2004).

Таким образом, в Северном Причерноморье позднеантичного и ранневизантийского времени происходит формирование христианской сакральной топографии города. Памятники Боспора этого рода сохра-

нились очень плохо, однако, общие закономерности и херсонесские аналогии заставляют видеть и на Боспоре проявление общих процессов изменения топографии в городах ранневизантийского времени.

Кроме указанных, в городах империи происходили следующие важнейшие топографические изменения: территория города, окруженная стеной, сократилась до крепости (кастрои); остальной посад остался фактически неукрепленным. На Боспоре этот процесс не происходил до конца VI в., что объясняется прежде всего прочными консервативными традициями.

Литература

- Болгов. 1996. – *Н. Н. Болгов*. Закат античного Боспора. Белгород, 1996.
- Болгов. 2002. – *Н. Н. Болгов*. Базилики Боспора // Боспорский феномен. СПб., 2002. Т. 1.
- Гайдукевич. 1940 – *В. Ф. Гайдукевич*. Памятники раннего средневековья в Тиритике // СА. 1940. Т. VI.
- Зубарь. 2004. *В. М. Зубарь*. По поводу раннехристианской базилики в Тире // Боспор Кизмерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004.
- Зубарь, Хворостяной. 2000 – *В. М. Зубарь, А. И. Хворостяной*. От язычества к христианству. Киев, 2000.
- Краутхаймер. 2000 – *Р. Краутхаймер*. Три христианские столицы. М.; СПб., 2000.
- Макарова. 1998 – *Т. И. Макарова*. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Т. VI.
- Сорочан. 2004 – *С. Б. Сорочан*. Об источниках финансирования и причинах «архитектурного бума» в византийском Херсоне конца VI – начала VII в. // Юг России в прошлом и настоящем. Ч. 1. Белгород, 2004.

III. АНТИЧНЫЙ МИР СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

Т. Л. Самойлова

Некоторые замечания о состоянии экономики доримской Тира и его отражение в письменных источниках

Тира, один из крупных античных полисов Северо-Западного Причерноморья, тем не менее, обладает очень скудной эпиграфической базой и еще более скудной литературной традицией. Да и сам памятник сохранился достаточно плохо. Остатки античного города в своей значительной части находятся под постройками современного города, а также под остатками средневековой крепости. Как ближайшая, так и дальняя хора застроены современными домами. До сих пор не найден ни один производственный комплекс доримского времени. Все это крайне осложняет реконструкцию экономики Тира. Тем не менее, существует определенный объем материалов: это и керамические материалы, и памятники керамической эпиграфики, и остатки орудий труда и предметов, связанных с тем или иным производством, которые позволяют в какой-то степени представить экономику данного центра. В этой ситуации большое значение приобретают письменные источники, в том числе и эпиграфические, которые позволяют сделать определенные выводы, относящиеся к той или иной стороне экономики города.

Основание Тира можно отнести, исходя из конкретного археологического материала и общенсторической ситуации, к самому концу VI в. до н.э. (Карышковский, 1966; Самойлова, 1988). Ко времени ее основания в Северном и Северо-Западном Причерноморье уже существовали такие крупные греческие колонии как Ольвия, Истрия и др., которые уже заняли определенное место в экономической структуре региона. До сих пор не выявлены слои и строительные остатки раннего периода истории Тира. Столь же неизвестным остается и состояние ее экономики.

Тем не менее, есть несколько позиций, которые позволяют наметить некоторые черты экономического облика этого поселения. Так, известно, что Тира, в отличие от других античных центров Северо-

Западного Причерноморья, на раннем этапе и вплоть до IV в. до н.э. не имела системы поселений, которые составили бы ее большую хору. Она сравнительно поздно – в середине IV в. до н.э. – начинает чеканить свою монету. Нет никаких данных о развитии ремесла, торговля представляется достаточно неразвитой в связи с незначительным количеством находок керамики ионийского круга, Аттики, Хиоса и других центров. Второстепенность торговли подтверждается и почти полным отсутствием населения в степной зоне в Буго-Днестровском и Днестро-Дунайском регионе, с которым было бы можно торговать. Все это должно было бы говорить в пользу того, что Тира до IV в. должна была быть незначительным пунктом в ряду других античных апойкии Нижнего Поднепровья.

Тем не менее, один из имеющихся в нашем распоряжении письменных источников – список денежных взносов (форосов), которые вносили союзники Афин в общую казну для покрытия военных расходов, датированный 425–424 г. до н.э., дает возможность осмыслить эту ситуацию более углубленно. Сохранилось три обломка мраморной плиты, содержащих перечень «городов на Эвксине». На них можно прочесть буквы ΤΤ ΤΥ... и ΧΧ ΝΙΚ..., которые восстанавливаются как ΤΥΡΑΣ (Тира) и ΝΙΚΟΝΙΑ (Никоний). П. О. Карышковский вполне обоснованно полагал, что в надписи содержатся имена Тира и Никоний, которые платили форосы в размере 2 талантов и 3000 драхм (1/2 таланта) соответственно (Карышковский. 1959. С. 111). Эта надпись интересна не только тем, что не только дает возможность считать эти два города Нижнего Поднепровья членами Афинской архе, но и показывают, что уже к последней четверти V в. до н.э. Тира была значительнее Никония, о чем свидетельствует размер фороса. Соответственно, состояние экономики Тирасского полиса было достаточным для уплаты столь значительного фороса. Подтверждается высокий экономический уровень, достигнутый Тирой к третьей четверти V в. до н.э., и постройкой в это же время мощной системы оборонительных сооружений. Таким образом, данные письменного источника, которые, на первый взгляд, должны были входить в противоречие с ситуацией в Нижнем Поднепровье в V в. до н.э., тем не менее, отражают реальное положение дел.

В связи с этим возникает вопрос, за счет каких источников Тира стала играть доминирующую роль в регионе уже к третьей четверти V в. до н.э. Существовала ли к этому времени та база, на основе которой Тира столь быстро достигла расцвета? Проблематично, что это могло быть свое сельскохозяйственное производство. Так, даже в таком крупном античном центре как Ольвия, который обладал в VI – первой трети V в. до н.э. обширной хорой с сетью сельских поселений, сельскохозяйственное производство не давало значительных объемов то-

варного хлеба (Крижицкий, Щеглов. 1991; Пашкевич. 1990. С. 116–118). Еще более проблематично обстояло дело с ремесленным производством, которое в Тире скорее всего в основном было направлено на обеспечение потребностей граждан полиса. Тем более, оно не могло составить конкуренцию развитому ремесленному производству Ольвии, которые поставляла металлические изделия оседлым и кочевым скифам. Остается предположить, что в V в. до н.э. торговля стала развиваться достаточно быстрыми темпами.

Контакты с греческим миром имели место с момента основания колоний в Нижнем Поднестровье. Почти полное отсутствие источников, за исключением керамики из средиземноморских центров, не позволяют составить сколько-нибудь связное представление о торговле, ее формах и объемах в этот период. Но представляется, что каботажное плавание вдоль западного берега Понта в сторону Ольвии должно было чисто автоматически включать Тир в регулярные торговые отношения со Средиземноморьем.

Естественно возникает вопрос о том, что продавалось в обмен на привозные товары жителями Офиуссы-Тира. Традиционной долгое время была точка зрения, что через античные центры Северного и Северо-Западного Причерноморья в средиземноморские полисы вывозился хлеб, рабы, продукты скотоводства, рыба (АГСИ. С. 175; Виноградов. 1983. С. 393; Жебелев. 1958. С. 116–158 и др.). Тезис о том, что северная часть Причерноморья являлась поставщиком именно зерна базировалась на сведениях некоторых древних авторов (Herod. IV. 17; VII. 147; Strabo. VII. 4; XI. 2; Polyb. IV. 38; etc.). Дальнейшие исследования показали, что сведения древних авторов не касаются центров Северо-Западного Причерноморья, а только Крыма. И если Боспор можно рассматривать как важного экспортера зерна, то в отношении Ольвии и, уж тем более, античных колоний Поднестровья, это утверждение не может считаться достоверным. Нельзя, конечно, отрицать в первоначальный период торговлю античных поселений Нижнего Поднестровья, в том числе и Тира, с варварскими племенами. В степной зоне еще не было значительного скифского населения. Правда, были племена, проживавшие выше по течению Днестра. Амфоры конца VI–V в. до н.э. (Хиос, Лесбос, Самос, Клазомены, Менде, Фасос, Гераклея Понтийская) встречены на 21 памятнике Буго-Карпатского региона, куда они поступали из античных центров в числе которых была и Тира (Mateevici. 2004. P. 11–12, 31). Особый интерес в плане развития торгово-обменных отношений с варварами представляет собой поселение Чобручи 1, расположенное между г. Слободзея и с. Чобручи (Молдова). Оно появилось еще XI–X в. до н.э. и существовало по III–IV в. н.э. (Никулциц, Фидельски. 2004. С. 190). Поселение было расположено в очень удобном месте, возле переправы через реку и в период сущест-

вовании античных центров в Нижнем Поднестровье являло собой крупный торговый посреднический центр, игравший роль, сходную с ролью Каменского или Капуловского городищ. На поселении Чобручи были найдены фрагменты привозной греческой парадной посуды, обломки клазоменских, хиосских амфор VI–V в. до н.э., терракоты (Никулциз, Фидельски. 2004. С. 190). Палеоботанические исследования на поселении показали, что в этом регионе уже в VI в. до н.э. возделывались зерновые. Большое значение в хозяйстве поселения имело скотоводство, найдены многочисленные остатки быков, овец, коз, свиней, лошадей, собак. Одним из направлений развития скотоводства этого поселения, особенно в V в. до н.э., было коневодство (Кишлярук. 2004. С. 231–233), не исключено, лошади были одной из категорий экспортруемых товаров. О развитии коневодства у фракийских племен говорят и античные авторы (Тис. II. 96, 1; Just. IX. 2, 16; Арт. I. 3,5). Но был еще один товар, игравший большую роль в экономике античного общества того времени. Речь идет о рабах. Именно работорговля была одним из выгоднейших видов торговли того времени (Гаврилюк. 1999. С. 270).

Источники свидетельствуют, что уже в VI–V в. до н.э. Греция была одним из значительных потребителей рабов (Доватур. 1980). Еще в VI в. до н.э. рабы из Скифии известны в Аттике (Граков. 1939. С. 231). Одним из центров, откуда рабы поступали в греческие центры Средиземноморья, была Ольвия (Гаврилюк. 1999. С. 273). Известное березанское письмо Ахиллодора свидетельствует о присутствии рабов на греческих центрах Нижнего Побужья уже в конце VI в. до н.э. (Виноградов. 1971). Ситуация в Тире была несколько иной и не только вследствие того, что это поселение было меньше Ольвии. В конце VI – первой половине V в. до н.э. кочевое, скифское население, которое и было одним из поставщиков рабов в Средиземноморье через Ольвию, в междуречье Днестра и Дуная практически отсутствовало. Но материалы исследований поселений, расположенных на территории современной Молдовы, как мы указывали выше, говорят о поступлении импортных греческих товаров в регион, а, следовательно, и о наличии торгово-обменных отношений. Т. Д. Златковская, анализируя античные литературные источники, указывала на развитие работорговли у фракийцев (Златковская. 1971. С. 54–64). Причем она отмечала слабое применение рабской силы самими фракийцами при достаточно широком экспорте рабов-фракийцев. Продажу фракийцами детей в рабство зафиксировал еще Геродот (Herod., V, 6). Правда, он указывал, что этот обычай не касался тетов. Но соседство и связи северных фракийцев с южными, которые стояли по уровню социально-экономического развития выше прочих, естественно приводили к вовлечению и их в такое выгодное дело, как работорговля.

В V в. до н.э. увеличивается кочевническое скифское население в междуречье Днепра-Днестра и к западу от Днестра. Находки хиосских, аттической, самосской амфор V в. до н.э. были обнаружены на временной стоянке у с. Новонекрасовка, в немногочисленных погребениях у с. Дивизия, Виноградовка, Николаевка I; в захоронении у с. Червоный Яр был обнаружен чернофигурный лекиф (Борзник, Манзура, Левницкий. 1983. С. 26; Гудкова. 1978; Мелюкова. 1984; Охотников. 1990. С. 53; Шмаглей, Черняков. 1965. С. 217). Есть точка зрения о том, что Никоний попал под протекторат скифских царей, о чем могут свидетельствовать монеты Никония с именем царя Скида (Карышковский, Клейман. 1985. С. 44). Тира в этом случае не могла не испытывать определенную зависимость от скифских владык. Активизация политики nomadov приводила к военным действиям, в результате которых появлялось определенное количество пленных, обращаемых в рабов, столь необходимых развивающимся городам Причерноморья и греческим центрам Средиземноморья. Это позволяет прийти к выводу, что в середине V в. до н.э. основной составляющей греко-скифской торговли и в Нижнем Поднестровье была работорговля.

Литература

- Борзник, Манзура, Левницкий. 1983 — *Н. А. Борзник, И. В. Манзура, О. Г. Левницкий*. Коржеские курганы // АИМ 1979–1980, Кишинев, 1983.
- Виноградов. 1983 — *Ю. Г. Виноградов*. Поиски в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. I.
- Виноградов. 1971 — *Ю. Г. Виноградов*. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. 1971. № 1.
- Гаврилюк. 1999 — *Н. А. Гаврилюк*. История экономики степной Скифии. VI–III в. до н.э. Киев, 1999.
- Граков. 1939 — *Б. Н. Граков*. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.
- Гудкова. 1978 — *А. В. Гудкова*. Раскопки кургана у с. Червоный Яр на Нижнем Поднестровье // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978.
- Доватур. 1980 — *А. И. Доватур*. Рабство в Аттике VI–V в. до н.э. Л., 1980.
- Жебелев. 1953 — *С. А. Жебелев*. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М., Л., 1953.
- Златковская. 1971 — *Т. Д. Златковская*. О характере рабства во Фракии в VII–V в. до н.э. // ВДИ. 1971. № 1.
- Карышковский. 1959 — *П. О. Карышковский*. Надписи Тира // ВДИ. 1959. № 4.
- Карышковский. 1966 — *П. О. Карышковский*. К вопросу о древнем названии Роксоланского городища // МАСП. 1966. Вып. 5.
- Карышковский, Клейман. 1985 — *П. О. Карышковский, И. Б. Клейман*. Античный город Тира. Киев, 1985.

- Кишлярук. 2004 – В. Кишлярук. Природная среда как фактор развития земледелия и скотоводства в Нижнем Поднестровье во второй половине I тыс. до н.э. // *Tracians and Circumponic world*. Chişinău, 2004.
- Крыжницкий, Русалева, Крапивина, Лейтунская, Скрыжовская, Анохин. 1999 – С. Д. Крыжницкий, А. С. Русалева, В. В. Крапивина, Н. А. Лейтунская, М. В. Скрыжовская, В. А. Анохин. Ольвия – античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999.
- Крыжницкий, Щеглов. 1991 – С. Д. Крыжницкий, О. М. Щеглов. Про зерновой потенциал античных держав Північного Причорномор'я // *Археологія*. 1991. № 1.
- Мелюкова. 1984 – А. И. Мелюкова. Курганы скифских кочевников у с. Николаевка // *Ранний железный век в Северо-Западном Причерноморье*. Киев, 1984.
- Никулицэ, Фидельски. 2004 – И. Никулицэ, С. Фидельски. Чобручи – многослойное поселение на Днестре // *Tracians and Circumponic world*. Chişinău, 2004.
- Охотников. 1990 – С. Б. Охотников. Нижнее Поднестровье в VI–V в. до н.э. Киев, 1990.
- Пашкевич. 1990 – Г. А. Пашкевич. Состав культурных и сорных растений из раскопок поселений сельской округи Ольвии // С. Д. Крыжницкий, С. Б. Буйских, В. М. Отрепико. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990.
- Самойлова. 1988 – Т. Л. Самойлова. Тира в VI–I в. до н.э. Киев, 1988.
- Шмаглій, Черняков. 1965 – М. М. Шмаглій, І. Т. Черняков. Археологічні розвідки 1964 р. у пониззі Дуная // *Археологія*. 1965. № 19.
- Mateevici. 2004 – N. Mateevici. Importul amforelor greceşti în sec. VI– începutul sec. II a. Chr. – Autoref. al tez. doc. în ist. Chişinău, 2004.

И. В. Бруско

Структура сельской округи античных городов Северного Причерноморья (на примере Нижнего Поднестровья)

Сельская округи античных центров Северного Причерноморья почти широтно понимается как некая структура, состоящая из двух соподчиненных звеньев – полис + сельские поселения. При этом содержание термина «сельские поселения» раскрывается редко. Сюда, как правило, зачисляются все местонахождения, локализованные на хоре конкретного полиса. Без большого риска ошибиться, можно сформулировать некое усредненное толкование понятия «сельское поселение» как место постоянного обитания общественной группы (до 100–200 чел.), занятой в аграрном секторе и самодостаточной в плане

обеспечения своей жизнедеятельности. Вместе с тем, очевидно, что при бесспорном приоритете сельского хозяйства в жизни колонистов, оно не исчерпывает (не могло и не должно было исчерпывать) всего разнообразия хозяйственной деятельности, и, соответственно, не обеспечивает искомой самодостаточности.

Иногда, как правило, в монографических исследованиях посвященных крупному античному центру, располагающему более или менее обширной округой, предлагается видеть в организационной структуре хоры и некоторые другие, более мелкие единицы (загоны для скота, рыболовецкие или ремесленные выселки). Обычно, в эту категорию попадают археологически «невзрачные» местонахождения. При этом, не всегда понятно, распространяется ли на эти пункты термин «сельское поселение», либо в них нужно видеть поселенческие структуры еще одного уровня.

Более или менее точно определить характер таких местонахождений можно лишь при условии их максимальной (желательно полной) изученности. Понятно, что это условие по своей реализации приближено к нереальному. Разведки, шурфовки и даже раскопки на ограниченной площади картину чаще всего не проясняют, так как непонятно какими особыми признаками материальной культуры должно обладать каждое из таких звеньев.

К решению данной проблемы можно попытаться подойти с другой стороны идя от общего к конкретному. Такую возможность предоставляет методика пространственного анализа поселенческих структур хорошо и давно известная в англоязычной литературе как «*territorial approach*». В основе лежит теоретический принцип преимущественной хозяйственной экспансии одного конкретного (не обязательно древнего) поселения на прилегающей территории с радиусом в 5 км центром которого и является данное поселение (подробнее см. Бруйко, 1999, С. 86 и сл.; с литературой). Достаточно очевидно при этом, что находки в пределах этого радиуса (т.н. «*site territory*») еще одного, таксономически подобного местонахождения весьма маловероятно. Причем, эта вероятность стремится к нулю по мере приближения к центру данного микрорайона¹.

По данным археологических разведок хорошо известно, что подчас места находок двух разных поселений разделяет несколько сотен метров. С позиций указанного метода экономической географии – это явное противоречие. Оно может быть разрешено двумя путями. Первый – самый очевидный – оба условных античных поселения

¹ В случае, если зоны хозяйственной экспансии соседних поселений пересекаются, граница между ними проводится по прямой линии, проходящей через точки пересечения 5 км окружностей (Рис 1).

функционировали в разное время. Уловить эту разницу по подъёмному материалу часто бывает невозможно (например, в рамках какого-то одного, скажем, IV столетия до Р.Х.). Второй вариант решения заключается в том, также достаточно очевидном факте, что хозяйственные функции этих двух (на этот раз уже синхронных) посёлков могли быть различными. Если предположить (имея для этого какие-то основания в виде результатов археологических исследований), что один из них является полноценным сельским поселением, подчинённым в хозяйственном отношении непосредственно полису, то тогда второй пункт должен был быть в известной подчинённости к первому и нести какие-то иные (возможно и неаграрные) функции. Тогда, в региональной модели полис-периферия (сельские поселения), намечается уже, по меньшей мере, трёхуровневая пространственная схема: 1 – полис; 2 – сельские поселения; 3 – поселения «вторичной» периферии. При этом поселки третьего уровня могли быть временными либо постоянными, а их обитатели – заниматься какой-то неаграрной хозяйственной или ремесленной деятельностью.

Визуально наиболее крупные поселения, чаще всего, таковыми и оказываются по итогам археологических раскопок. Однако, помимо итогов длительных полевых исследований есть один признак по которому поселения второго уровня определяются абсолютно точно. Это следы размежевки полей в окрестностях поселения. Правда, на собственном опыте могу сказать, что часто следы наделов не фиксируются на аэрофотоснимках. Причем, даже вблизи тех поселений (раскопанных), где, казалось бы, они просто должны быть. Конечно, не исключены погрешности в дешифровке. Однако, они вряд ли способны «закрывать тему», если учесть, что в Нижнем Поднестровье следы наделов обнаружены лишь в районе нескольких сельских поселений – Надлиманское городище, городище у с. Пиваленное и, вероятно, Гермонактова деревня (Затока-I). В таком случае, остается предположить, что обитатели других поселений, возможно, применяли переложно-залежную систему земледользования, которая, в отличие от двупольной, практически не оставляет следов, фиксируемых аэрофотосъёмкой.

В соответствии с теоретической составляющей «территориального подхода» рассмотрим ситуацию, сложившуюся на сегодняшний день в одном из колонизационных анклавов Северного Причерноморья – бассейне Днестровского лимана. Понятно, что необходимым условием применения метода пространственного анализа является сплошное археологическое обследование конкретного района и картографирование памятников интересующей нас эпохи. Для Нижнего Поднестровья, это условие полностью соблюдено благодаря наличию соответствующей, весьма обстоятельной и подробной работы С. Б. Охотникова (Охотников, 1983).

Сразу же следует оговорить, что античные поселения, которыми мы будем иллюстрировать указанный метод датируются суммарно IV – первой половиной III в. до Р.Х. (Рис. 1)

Итак, на правом берегу лимана располагаются остатки античной Тиря, полисный статус которой не подлежит сомнению. Примерно в 15 км к северу и к югу от Тиря находятся крупные поселения Нивденное и Заток-I. Зоны хозяйственной экспансии этих трех населенных пунктов не пересекаются друг с другом, оставляя, таким образом, место еще, как минимум для 2 местонахождений 2-го уровня (= сельских поселений). С экономико-географической точки зрения их наиболее вероятная локализация – районы современных сел Молога-Суходужье и Шабо. В первом («северном») микрорайоне по данным разведок отмечено 5 местонахождений, во втором («южном») – 3 пункта (Охотников. 1983; Бружко. 1989). Очевидно, что в этих агломерациях следует искать «недостающие» поселения второго уровня. При условии их локализации, остальные пункты могут быть причислены к 3 уровню.

Причем, имеющиеся на сегодня данные позволяют несколько конкретизировать ситуацию в «северном» микрорайоне. Так, можно полагать, что на территории современного с.Сухолужье располагалось какое-то весьма крупное поселение (площадь распространения подъемного материала – 300 x 350 м, при мощности культурного слоя до 1,5 м). Одновременно, 1 из местонахождений у с.Молога (поселение Молога-III) по данным шурфовок, скорее всего представляло собой поселение усадебного (неукрепленного) типа, датируемое эллинистическим временем.

Юго-западный радиус *site territory* поселения Затока-I (Гермонактова деревня) охватывает бассейн Шаболатского лимана, на правом берегу которого по логике используемого нами метода, должна находиться граница хозяйственного радиуса еще одного какого-то крупного поселения. Однако в этом микрорайоне раскопки не проводились. И, тем не менее, по данным разведок мы можем с очень большой вероятностью указать на место нахождения такого (сельского) поселения. Это поселение у с.Косовка, с культурным слоем мощностью до 1 м, который фиксируется в береговом обрыве на протяжении 100–150 м.

Далее, в юго-западном секторе зоны хозяйственной экспансии Гермонактовой деревни, по-видимому, самого крупного пополисного населенного пункта в Нижнем Поднестровье, находится 2 «поселения», расстояние между которыми составляет несколько сотен метров (Беленькое-I и II). А в зоне предполагаемого сельского поселения у с.Косовка – 4 местонахождения. Соответственно, все эти пункты могут составлять так называемую «вторичную» периферию двух указанных поселений. Опять-таки, по визуальным наблюдениям (в ряде случаев – шурфовкам), эти поселки вполне можно отнести к категории археологически «невзрачных». Хотя, учитывая тот факт, что хозяйственные зоны поселений Затока-I и Косовка не пересекаются, не исключено, что среди 4 местонахождений расположенных северовосточнее Косовки, находится еще 1 сельское поселение. Причем, юго-западнее Косовки поселений античного времени как будто бы уже нет.

Весьма любопытная ситуация складывается в низовьях Днестровского лимана на его левобережье. Полисным центром здесь является Никошия. К югу (юго-востоку) от Никошии по разведкам известно 2 крупных поселения (Бугаз-IV и VI), удаленных друг от друга на расстоянии ок.1–1,5 км. Хозяйственные зоны полиса и 2 сельских (?) поселений настолько «теснят» друг друга, что при условии синхронной жизнедеятельности всех трех населенных пунктов их обитатели должны были ощущать явный дефицит хозяйственных площадей. Кроме того, в пределах *«site territory»* этих крупных поселков находится еще

10 местонахождений античного времени². В такой ситуации напрашиваются следующие выводы. Во-первых, поселений 2-го уровня, южнее Никонония вплоть до морского побережья, вероятно, быть уже не должно. Во-вторых, скорее всего, поселения Бугаз-IV и VI – памятники асинхронные, существовавшие впрочем, в пределах указанного периода IV – первой половины (треть) III в. до Р.Х.³ Наконец, в-третьих, отмеченные 10 местонахождений по-видимому, можно отнести к поселкам 3-го уровня («вторичной» периферии).

Севернее Никонония располагается 3 крупные поселения, известные по стационарным раскопкам – Овидиополь-II, Николаевка и Надднманское городище. Все эти пункты (включая Никононий), равноудалены друг от друга. Пожалуй, лишь на участке побережья лимана между поселениями Овидиополь-II и Николаевка можно рассчитывать на локализацию еще одного поселения 2-го уровня.

Таким образом, исходя из используемой палеоэкономической методики и при условии, что все отмеченные поселения существовали синхронно, получается, что на левом берегу Днестровского лимана, вряд ли стоит ожидать открытия какого-либо крупного (сельского) поселения. Все остальные пункты, зафиксированные разведками на участке побережья лимана между Надднманским городищем и морем (поселения Бугаз-IV и VI), общим числом 35–40 единиц, можно отнести к поселкам третьего уровня.

Однако, с учетом фактора асинхронности количество сельских поселений может и возрасти. Насколько существенно – зависит от решения вопроса о продолжительности функционирования того или иного сельского поселения. В этом уравнении мы имеем лишь одно достоверное значение – период существования сельской округи в целом, то есть IV (конец V) – первая половина (треть) III в. до Р.Х. Хронология раскопанных поселений, на современном уровне практически не разработана. Тем не менее, по некоторым моим наблюдениям и тем данным, которыми располагают мои коллеги, можно предположить, что такие поселения, как Николаевка и Овидиополь существовали в пределах 60–70 лет. Принимая этот условный временной отрезок, легко просчитать, что число сельских поселений левого берега Днестровского лимана реально может быть больше в 2 раза. И искать их можно либо рядом с уже известными античными населенными пунктами, либо, если их обитатели практиковали переложно-залежную систему землепользования – где-то на границе (или даже за ней) условного 5 км радиуса.

² Только одно из них (Роксолана-I), вероятно позднеархаического времени.

³ Такую суммарную дату дают материалы разведок, при том, что на поселениях есть и материалы позднеархаического времени.

Интересно, что и на левом и на правом берегах примерно на одинаковом расстоянии от обоих полисов к северу располагаются городища – Надлиманское и Пивденное. Данных о каких-либо других укрепленных поселениях на Днестровском лимане до сих пор нет. Известно, что Пивденное считается памятником преимущественно фракийского (гетского) населения, а Надлиманское – скифского. Каких-либо неудобств в связи с отнесением памятников варварского населения к структуре хоры возникать не должно. Вряд ли, обитатели этих поселков вели абсолютно автономную от полиса хозяйственно-экономическую деятельность. И мало того, учитывая укрепленный характер этих поселений и их удаленность от Тиры и Никония, можно предположить, что появление этих городищ – результат вполне сознательной политики направленной на укрепление (структуризацию) всей системы сельской периферии, путем привлечения на нее местных варваров. В принципе, это можно рассматривать и как некий, ранний эквивалент политики федерализма – включения какой-то части варварского населения в экономико-политическую систему – которая впоследствии императорским Римом была возведена в ранг государственной.

Район Нижнего Поднестровья был взят в качестве иллюстрации данной темы исключительно по соображениям субъективного порядка. Идтише говорить о том, что метод «территориального подхода» является моделью, которая может быть применена и к другим районам скопления античных памятников⁴. Высокой разрешающей способностью данный метод будет обладать в тех районах, которые изучены наиболее полно, хотя бы при помощи сплошных наземных (визуальных) обследований (разведок).

Весьма перспективным в этом отношении должен быть, к примеру, район Юго-Восточного Крыма. Весьма тщательное обследование этой области в высшей степени скрупулезно отражено в только что вышедшей монографии А. В. Гаврилова (Гаврилов, 2004). Автор не ставил перед собой задачи пространственного анализа всего того массива античных поселений, которые были когда-либо зафиксированы в Юго-Восточном Крыму. Тем не менее, он, скорее по инерции, предложил деление этой, довольно большой группы местонахождений по их функционально-хозяйственному назначению. Понимая предельную условность такого деления, отмечу все же одно обстоятельство, кото-

⁴ И не только античных. Данный метод впервые был весьма успешно опробован в ареалах раннеземледельческих цивилизаций Балкан и Ближнего Востока (Vita-Finzi, Higgs, 1970; Higgs, Vita-Finzi, 1972; Dettel, Webley, 1975). Позднее, он применялся и для пространственного анализа раннесредневековых поселенческих агломераций юга России (Афанасьев, 1989).

рое должно способствовать внедрению «территориального подхода» для системного анализа античных памятников этой области. Так, соотношение местонахождений Феодосийской хоры предложенное А. В. Гавриловым – 68 неукрепленных селищ, (*resp.* сельских поселений) и 2 пастушеские стоянки – уже должно настораживать. Хотя, с другой стороны, соответствие между теми же 68 сельскими поселениями и 10 укрепленными (городищами) – выглядит вполне достоверно⁵.

Повторюсь, что мы не можем пока четко обозначить критерии выделения мелких хозяйственных единиц – (загоны для скота, рыболовецкие или ремесленные выселки, сезонные хутора связанные с сельскохозяйственной деятельностью, карьеры по добыче глины или камня, сезонные торжища). Однако, ясно что их должно быть больше, и вероятно, намного больше, чем собственно сельских поселений. В этом отношении небезынтересными кажутся наблюдения над хозяйственной периферией некоторых современных сел из такого, вполне этнографического района Северо-Западного Причерноморья, каким является Южная Бессарабия. К примеру, с.Ораловка на Нижнем Дунае, вблизи которой расположены остатки известного римского укрепления. Здесь, исключая объекты, связанные с механизаторской деятельностью и товарным животноводством в 5 км радиусе от административного центра села находится: примерно 10 загонов где в весенне-летний период на постоянном выпасе находится мелкий рогатый скот, 2 рыболовных причала, полтора десятка глиниц (+1 кустарный кирпичный завод), песчаный и каменный карьеры ручной добычи, большое число мест сезонного кратковременного обитания связанного с аграрной деятельностью (шалашы-полуземлянки, наземные плетневые сторожки и пр.) Вокруг всех этих пунктов непременно группируются объекты, сопутствующие всякой, самой кратковременной человеческой деятельности – мусорные и выгребные ямы. «Археологизация» этого микрорайона позволила бы нам абсолютно безошибочно определить лишь центральное звено всей этой пространственно организован-

⁵ Весьма продуктивно в данном случае, будет и параллельное использование данных аэрофотосъемки. К примеру, даже на тех снимках, которые опубликованы в монографии А. А. Масленикова, объективно потерявших в результате полиграфического воспроизведения немалую толику информации, видно все же, что в 3 км северо-западнее пос.Приморский определенно есть следы размеженки (Маслеников, 2003, Рис. 13). Если предположить, что это следы полей античного времени, то тогда статус «сельского поселения» закрепляется за ближайшим античным поселком абсолютно надежно. Правда, таких пунктов, в хозяйственный радиус которых попадают эти наделы, может быть несколько. Это поселения в районе Владиславовка, Фронтное и Береговое (Гаврилов, 2004, Рис. 3)

ной хозяйственной структуры. Остальные пункты представляли бы в наше распоряжение лишь более или менее репрезентативный набор предметов материальной культуры и заглубленные в грунт «закрытые комплексы». Сочетание подобного рода признаков – явление в археологической практике не столь уж и редкое. Зачастую, оно, своей неприглядностью порождает чувство уныния у исследователей, хотя фактически, в этом случае перед ними как раз и может быть то самое, искомое звено, тщательное выявление и фиксация которого позволяет детализировать, наполняя новым конкретным содержанием, структуру хоры античных полисов Северного Причерноморья.

Литература

- Афанасьев. 1989 – *Г. Е. Афанасьев*. Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ // КСИА. 1989. Вып. 196.
- Брушко. 1989 – *И. В. Брушко*. Новые археологические памятники Южного Бужака // ТДК («Воспитание истории»). Одесса, 1989.
- Брушко. 1999 – *И. В. Брушко*. Очерки экономической истории населения Северо-Западного Причерноморья в VII–III в. до Р.Х. Волжск, 1999.
- Гаврилов. 2004 – *А. В. Гаврилов*. Округа античной Феоодосии. Симферополь, 2004.
- Масленников. 2004 – *А. А. Масленников*. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.
- Охотников. 1983 – *С. Б. Охотников*. Археологическая карта Нижнего Поднепровья в античную эпоху (VI–III в. до н.э.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983.
- Dennel, Webley. 1975 – *R. W. Dennel, D. Webley*. Prehistoric settlement and land use in Southern Bulgaria // *Palaeoeconomy*. Camb. Univ., 1975.
- Higgs, Vita-Finzi. 1972 – *E. S. Higgs, C. Vita-Finzi*. Prehistory economics: a territorial approach/Papers in economic prehistory. Camb. Univ., 1972.
- Vita-Finzi, Higgs. 1970 – *C. Vita-Finzi E. S. Higgs*. Prehistoric economy in the mouth Carmel area of Palestine: site catchment analysis // *PPS*. 1970. Vol. 36.

А. О. Добролюбовский, А. В. Краснюжон

Топохронология, стратиграфия и периодизация поселения «Приморский бульвар» в Одессе

Поселение и могильник античного времени «Приморский бульвар» были открыты в 1810–20-х г. И. П. Бларамбергом и И. А. Стенниковским. В 1960–70-х г. их существование было подтверждено Э. И. Дьямантом. Было установлено, что культурный слой по-

селения мощностью до 1,5 м занимает южную часть самого бульвара между памятниками Пушкину и Ришелье. Были получены данные о том, что в поселении «были каменные здания, крытые черепицей с глиняными очагами». Сам же некрополь простирается от Театрального переулка и Оперного театра до Греческой площади. Поселение и могильник датируются V–III в. до н.э. Характер археологических находок позволяет предполагать здесь существование крупного античного центра (Добролюбский, Красножон. 2002. С. 18–24). В противоположной, северной части Приморского бульвара, у Воронцовского дворца, авторы этих строк в 1996 г. обнаружили культурный слой мощностью до 2 м, который датируется второй половиной VI – первой четвертью V в. до н.э. (Рис. 1, А). Этот слой в большей своей части оказался разрушенным более поздними строительными работами. Открыты две землянки и восемь зерновых и хозяйственных ям этого времени. Все ямы округлые или овальные в плане, колоколовидные, диаметры по дну – от 1,5 до 2 м, они относятся к двум разным строительным периодам (Рис. 2, Б).

Оба выделенных слоя – стратиграфических периода (Рис. 2, А) – различаются по цвету и рыхлости, в некоторых случаях между ними прослеживается четкая граница в виде глинистой прослойки или мелкого камня-ракушечника (Добролюбский. 2005. С. 12–20). В верхнем слое найден бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы V в. до н.э. Выделенные периоды определяются и по остаткам двух каменных кладок, которые были впущены в заполнение упомянутых землянок (Добролюбский, Губарь, Красножон. 2002. С. 108–109).

Эти две землянки и ямы относятся к нижнему, раннему периоду. Они оказались заплывшими землей, а на образовавшемся заполнении были уложены фундаменты двух каменных кладок. К этому же раннему периоду относятся еще четыре ямы, представлявшие собой погреба для хранения утвари и зольник для сжигания мусора (Рис. 2, Б, объекты 3, 5, 6, 8). В одной из ям имелись ступеньки. Горловина другой ямы (объект 6) была аккуратно обложена камнями по кругу. На дне ее лежал «клад рыбака»: свернутый в бухту рыболовный невод, от которого сохранились лишь каменные и керамические грузила (около 100 шт.) с пазом общим весом около 15 кг. Рядом находились раздавленные рыбные блюда с костями, солонка, несколько фрагментированных лепных сосудов, железные нож и прут (видимо, вертел), точильный камень, а также кусок слюды с обработанной плоскостью и пазом для крепления к какой-то основе. Названные предметы были помещены в яму явно сознательно – для сбережения их до «лучших времен». Яма была перекрыта закладом известковых камней, который просел в ее заполнение. Ямы, относящиеся к первому периоду, были намеренно

засыпаны их создателями, которые после этого покинули свой поселок на какое-то время.

Три другие ямы, относящиеся к верхнему, более позднему, периоду оказались зернохранилищами, – их стенки глубоко врезаны в скалу и обмазаны известью. Днища обожжены кострищем, после чего на слой пепла выстилалась солома. Горловины перекрыты большими плоскими камнями. Эти три зерновые ямы были заброшены, – об этом свидетельствуют их обрушившиеся стенки и затечные слои в заполнении (Рис. 2, Б, объекты 1, 4, 7). После их гибели колонисты сюда более не возвращались. Одна из ям верхнего периода перерезала яму нижнего периода (Рис. 2, Б, объекты 7, 8). Это означает, что поселенцы второго периода, повторно заселившие этот участок, не видели остатков жизнедеятельности своих недавних предшественников.

В коллекции керамики (около 6 тыс. экз.) преобладают обломки амфорной тары, преимущественно из Хиоса, Клазомен, Милета, Самоса, Лесбоса. Сероглиняная посуда представлена обломками кратеровидных сосудов, киликов, открытых двухрожковых светильников, мисок с вогнутым венчиком, ойнохой. Широко представлены фрагменты лепных сосудов местного производства: банковидных горшков «скифо-фракийского» типа, мисок, солонок, чаш. Большинство из них украшено ямочно-пальцевым орнаментом по венчику или стенкам. Также разнообразны типы каменных лутериев.

Ионийская керамика представлена киликами на низком кольцевом поддоне, с концентрическим орнаментом бурого и белого лака на стенках; ангобированными мисками, фрагментами хиосских кубков, кувшинов с концентрическими бурыми полосами лака на тулове, светильников. Чернофигурная и расписная керамика представлена фрагментами тонкостенных киликов аттического производства, чернофигурных киликов на низком поддоне, скифосов, амфориска, обломком чернофигурного сосуда с рисунком человека во фригийской шапке и фрагментом сосуда с изображением воинов со щитами. Кухонная посуда составляет незначительный процент и представлена обломками кастрюль.

Из всей совокупности керамического материала на изученном участке выделяется немногочисленная группа фрагментов чернолощенной лепной керамики, а также обломки сосудов эпохи поздней бронзы. Тесто чернолощенных сосудов (преимущественно, мисок) плотное, зернистое, с примесью песка, хорошо отмучено. Лощение тщательное, до блеска. На внешнем крае венчика одной из таких мисок имеется волнообразный орнамент. Такая керамика имеет гето-фракийское (позднегальштатское?) происхождение и датируется концом VII–VI в. до н.э. (Рис. 1, Б).

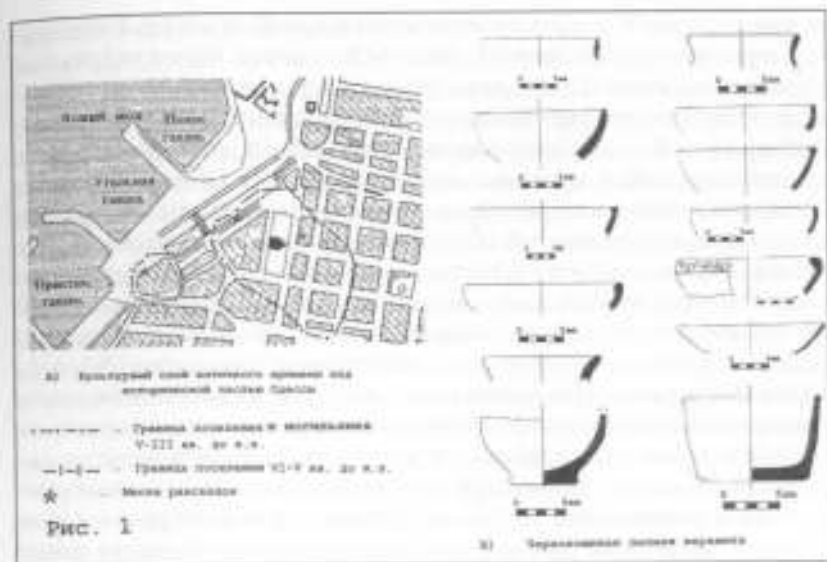

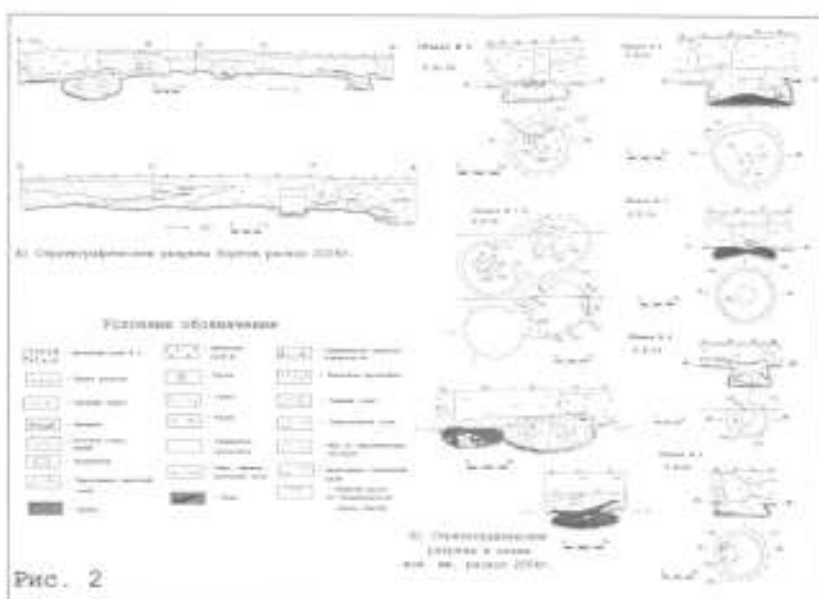
Рис. 1

В целом, состав керамической коллекции сопоставим, и, пожалуй, адекватен материалам других синхронных памятников Северозападного Причерноморья. Все закрытые комплексы и слои поселения у Воронцовского дворца совокупно датируются серединой-второй половиной VI в. до н.э. — первой четвертью V в. до н.э. Выделение двух строительных периодов в этих хронологических рамках может означать, что строительство на этом участке связано с жизнедеятельностью, как минимум, двух поколений колонистов. Нижний слой (пять ям и землянки) был оставлен первым поколением. Очевидно, он датируется второй половиной VI в. до н.э. Верхний слой маркируется остатками каменных кладок, втушенных в заполнение землянок, а также тремя зерновыми ямами. Этот слой может быть датирован самым концом VI — первой четвертью V в. до н.э.

Фрагменты чернолосенных лепных мисок, а также посуды эпохи поздней бронзы встречены в переотложенном виде как в составе всего слоя, так и в описанных ямах равного периода. Это означает, что ямы были втушены в еще более ранний, предшествующий слой. Значит, греческая выселка середины VI в. до н.э. оказалась здесь на обжитом месте.

Приведенные топохронологические и стратиграфические наблюдения позволяют выделить на поселении «Приморский бульвар» четыре хронологических периода. Это, на северной стороне бульвара: 1) гето-фракийский поселок VI в. до н.э.; 2) апоикия архаического времени (середина — конец VI в. до н.э.); 3) вторичная апоикия (конец VI —

первая четверть V в. до н.э.). А на южной, противоположной стороне бульвара: 4) поселение и могильник V–III в. до н.э. (Рис. 1, А). Таким образом, поселение «Приморский бульвар» состоит из двух отстоящих друг от друга «топохронологических» участков. Вся южная часть Приморского бульвара и примыкающий к ней район Оперного театра представляют собой крупное (видимо, городского типа) поселение и богатый некрополь, которые датируются серединой V – III в. до н.э. На противоположной, северной части бульвара, у Воронцовского дворца расположен более ранний поселок второй половины VI – первой четверти V в. до н.э. Оба участка отстоят друг от друга примерно на 0,5 км. Эти наблюдения вполне согласуются с историческими сведениями. Так, археологическое обнаружение гето-фракийского поселка VI в. до н.э. на Приморском бульваре полностью подтверждается известными о существовании на этом месте гавани гето-фракийского племени истриан. Это – показания утраченных периплов эллинистического времени, сохранившихся у Арриана (§ 31) и не. Арриана (§ 87), а также упоминание в сокращенной Юстином «Истории» Помпея Трога о войне скифов с истрианами (около 340 г. до н.э.), возглавлявшимся своим царем (Карышковский, Клейман, 1985, С. 40).

Возникновение на этом же месте греческой секулярной двойки жителями Истрии в середине VI в. до н.э., как и всех других подобных

поселений в Северо-Западном Причерноморье, связывается с массовым переселением эллинов из Милета, который в то время, как и вся Иония, постоянно подвергался разорениям и грабежам (лидийцами, киммерийцами, а затем и персами). Эта шпийка представлена здесь двумя землянками, а также пятью ямами-погребями. Ямы консервируются в конце VI в. до н.э. Очевидно, владельцы спрятанной утвари рассчитывали вскоре за ней вернуться. Время вынужденной «консервации» поселка соответствует походу персидской армии Дария в эту местность (между 519 и 505 г. до н.э.). Не исключено, что жителей забрали в эту армию. На месте покинутого поселка образуется стерильная прослойка. Этим временем и завершается первый, «аперсидский» период. После ухода Дария население сюда возвращается. Но вернувшиеся жители уже не могли отыскать свое прежнее имущество. Или же вернулись иные люди, которые не знали, где находятся землянки и ямы первого периода. Жизнь здесь возрождается уже после образования стерильной прослойки. Второй строительный период с тремя ямами и каменными кладками в заполнении прежних землянок датируется самым концом VI — первой четвертью V в. до н.э. Зерновые ямы второго, «постперсидского» периода просуществовали около четверти столетия. Затем жители забросили свои ямы и снова покинули поселок, но уже навсегда. Это может объясняться нарастающей опасностью нападений со стороны скифов после победы над Дарием.

Действительно, после резкого усиления скифов в конце VI в. до н.э. сельские греческие поселения архаического периода приходят в упадок или вообще исчезают. К концу первой трети V в. до н.э. из нескольких десятков поселений хоры Ольвии остаются единицы. В самой же Ольвии не наблюдается никаких признаков упадка — в городе очевиден расцвет многих сторон жизни. Скифская угроза обусловила отток сельских жителей в столицу (Виноградов, 1989, С. 81–83). Сходная картина наблюдается и на поселении Приморский бульвар. Сельское поселение у Воронцовского дворца с конца VI в. до н.э. приходит в упадок, а к концу первой четверти V в. до н.э. полностью исчезает с этого места. В то же время на противоположной стороне бульвара и у Оперного театра расцветает другое, куда более обширное поселение, которое по всем первичным археологическим признакам (новсеместное каменное домостроительство, богатство некрополя) являлось городом. Этот город в V–III вв. до н.э. переживал несомненный расцвет. Таким образом, в условиях постоянной скифской угрозы жители поселка у Воронцовского дворца постепенно, на протяжении второй четверти V в. до н.э. переселяются в более крупный ближайший город — на южную сторону Приморского бульвара. Особенность поселка у Воронцовского дворца можно видеть в том, что здесь найдены в полной сохранности закрытые комплексы VI в. до н.э., которые при этом дос-

товерно разделяются по двум строительно-хронологическим периодам – до нашествия Дария и после него. Это обстоятельство позволяет видеть в поселении «Приморский бульвар» чрезвычайно раритетный памятник, дальнейшие раскопки которого создают новые возможности изучения всего круга этой проблематики.

Литература

- Добролюбовский, Красножон. 2002 – *А. О. Добролюбовский, А. В. Красножон.* Некрополь античного поселения «Приморский бульвар» в Одессе // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Часть 2.
- Добролюбовский. 2005 – *А. О. Добролюбовский.* Отчет о раскопках поселения «Приморский бульвар» в Одессе в 2004 году // Архив Музея археологии Одессы Южноукраинского педагогического университета. № 1/2005.
- Добролюбовский, Губарь, Красножон, 2002 – *А. О. Добролюбовский, О. И. Губарь, А. В. Красножон.* Борисфен – Хаджибей – Одесса. Одесса, Книжник, 2002.
- Карышковский, Клейман, 1985 – *П. О. Карышковский, И. Б. Клейман.* Древний город Тира. Киев, 1985.
- Виноградов, 1989 – *Ю. Г. Виноградов.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I в. до н.э. М., 1989.

В. В. Назаров, А. Г. Кузьмищев

К проблеме интерпретации одной позднеархаической полуземлики на о. Березань

Во время археологических исследований, проводившихся экспедицией ИА НАНУ под руководством В. В. Назарова на о. Березань в 2003–2004 годах на участке «Г» (Геменос) был выявлен и полностью раскрыт позднеархаический комплекс. Он представляет из себя углубление овальной формы диаметром приблизительно 3,25 x 4,00 метра и глубиной от уровня почвы – 0,70–0,88 м – что позволяет интерпретировать его как полуземлику (Крыжицкий, 1993, С. 42). Грунт заполнения полуземлики на разных уровнях различается по цвету, составу и степени плотности. В верхней части заполнения, выявленной на уровне 0,35–0,50 м от основания дороги, построенной в начале XX в., грунт сероглинистый, ниже, вплоть до дна котлована, грунт желтоглинистый различных оттенков и с различными включениями и прослойками. Практически повсеместно в заполнении присутствует мел-

кий бут. Уникальным является то, что по центру данной полуземлянки, кроме небольшого углубления (глубина 29 см), располагалась широкая внутренняя яма, диаметр которой составил 1,70–1,90 метров и глубина 43–47 см. На дне ямы было выявлено 8 располагавшихся по периметру небольших углублений (20–30 см в ширину и 7–9 см глубиной), а весь пол ямы покрыт плотным слоем ржавчины с большим количеством шлака и железных фрагментов, в том числе там была обнаружена часть рукоятки меча либо большого ножа, а также металлический предмет в форме стержня. Изделия из бронзы представлены двумя монетами-стрелками и двумя трехлопастными наконечниками стрел. Кроме того, во внутренней яме зафиксировано большое количество древесного угля (встречались достаточно крупные экземпляры), также были найдены обломки законченных керамических изделий, в том числе лепная посуда. Среди находок необходимо особо выделить найденную в придонной части заполнения, на глубине 0,43 м от верха ямы, у ее западной стенки, фигурную ручку от бронзового зеркала в форме пантеры, относящегося к т.н. «ольвийскому» либо «скифскому» типу (в зависимости от трактовки исследователей: Маньчев, Назаров, Недопако, Паньков. 2004. С. 37). Аналогичная находка на острове Березань происходит из раскопок экспедиции Эрмитажа в 1980 г. на участке «С-3». Она была найдена в заполнении одной из архаических полуземлянок (Копейкина. 1981. С. 263–264). Также в 10 см слева от ручки зеркала была обнаружена пронизь в форме скарабея (Маньчев, Назаров, Недопако, Паньков. 2004). В самой землянке было зафиксировано много фрагментов печины, а также разнообразный керамический материал, в т.ч. практически целый красноглиняный одноручный кувшин и осколки расписной восточногреческой посуды. (Назаров, Паньков, Назарова, Рудич. 2004).

На основании всех вышеперечисленных находок, в основном благодаря профильным деталям амфор, а также фрагментам расписной восточногреческой посуды, комплекс уверенно датируется второй половиной VI века до н.э. В. В. Назаровым было высказано предположение о том, что данный комплекс непосредственно связан с железоделательным производством. Поводом к такому предположению служит наличие необычайно большого количества железного шлака, угля, а также характер покрытия дна внутренней ямы (монокристаллический слой ржавчины), что дает основание сделать вывод о вероятной железоделательной функции данного комплекса. Полуземлянка, судя по всему, предшествовала постройке храмового участка, на что указывает ее более низкое расположение по сравнению с храмовой оградой.

Важно отметить, что на территории участка «Т» в 2000 году была обнаружена достаточно схожая землянка⁶, а в 2002 году вскрыта хозяйственная яма с производственным браком местного гончарного производства, что, возможно, свидетельствует о существовании на данном участке до появления Теменоса единого общепроизводственного комплекса.

Литература

- Крыжакшич. 1993 – *С. Д. Крыжакшич*. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. – К.: «Наукова думка», 1993.
- Назаров, Паныков, Назарова, Рудич. 2003 – *В. В. Назаров, С. В. Паныков, Т. А. Назарова, Т. А. Рудич*. Отчет о работе березанской экспедиции 2003 г.
- Манышев, Назаров, Недопатко, Паныков. 2004 – *В. И. Манышев, В. В. Назаров, Д. П. Недопатко, С. В. Паныков*. Новая находка бронзового зеркала на о. Березань // BORYSTHENIKA-2004. Материалы международной научной конференции к 100-летию начала исследований острова Березань Э. Р. фон Штерном, Николаев, 2004.
- Копейкина. 1981 – *Л. В. Копейкина*. Результаты работ Березанской экспедиции // АО 1980 года. М., 1981.
- Доманский. 1985 – *И. В. Доманский*. Работы Березанской экспедиции // АО 1983 года. М., 1985.

В. В. Крутилов

Основные итоги раскопок на о. Березань (участок «Т») в 2005 г.⁷

Главными задачами археологических исследований на участке «Т» полевого сезона 2005 г. были планомерные раскопки территории теменоса и дальнейшее раскрытие так называемой «северной ограды» священного участка. Для этого к северо-восточному борту раскопа

⁶ Кроме того, схожая полуземлянка была раскрыта Я. В. Доманским в 1983 году. Она была датирована первой половиной – третьей четвертью VI в. до н.э. и представляла собой, очевидно, производственный комплекс, связанный с металлургией железа. В центре этой землянки находилось округлое углубление, на дне которого был выявлен плотный слой ржавчины с кусками кричного железа.

⁷ Работа выполнена в рамках украинно-российского проекта: «Античный и варварский мир на юге Украины и России: Ольвия, Боспор, Скифия. Опыт сравнительной характеристики».

2004 г. была сделана прирезка размерами: 15,00 (С–Ю) x 5,00 (З–В) м. Общая площадь прирезки составила 75 м². В результате работ были выявлены остатки археологических комплексов первого и второго строительных этапов древнегреческого поселения на о. Березань.

В южной части прирезки были доследованы частично раскрытые в 2004 г. В. В. Назаровым две землянки, относящиеся к первому строительному периоду поселения. Первая, западная, имела овальную в плане форму, размерами: 3,00 (С–Ю) x 2,25 (З–В) м, глубиной 0,60 м, и была вырыта в материке. С востока ее прорезала вторая землянка округлой в плане формы, размерами: 2,50 (С–Ю) x 2,25 (З–В) м, глубиной 0,90 м, также вырытая в материке. По центру второй землянки прослежена ямка от центрального столба перекрытия диаметром 0,25 м. Следует отметить, что дно западной землянки плавно переходит в стенку восточной, т.е., скорее всего, на определенном этапе обе землянки сосуществовали, и первая служила лежанкой второй. Это доказывает и идентичный материал заполнения землянок, относящийся к концу второй – третьей четверти VI в. до н.э. Здесь присутствуют фрагменты лесбосских красноглиняных амфор архаического типа, клазоменских и милетских амфор третьей четверти VI в. до н.э. (Монахов, 2003), фрагменты амфор в стиле *Fikellura* (второй половины VI в. до н.э.), хиосских кувшинчиков (первой половины VI в. до н.э.), североионийских тарелок середины VI в. до н.э.

Еще одна землянка раскрыта в северной части прирезки, ниже грабительского покая. Она выявлена сегментом, размерами: 3,00 (З–В) x 1,55–2,40 (С–Ю) м, уходит в северный и восточный борты раскопа. Землянка прослежена с уровня полевки, ее глубина – 0,65 м. На расстоянии 0,93–1,15 м от восточного борта раскопа и 1,05 м от северного, на полу землянки выявлен фрагмент открытой печи (жаровни), размером: 0,56–0,80 x 0,50–0,62 м, представляющей собой под с бортиками высотой 0,06–0,19 м (толщина стенок 0,07–0,13 м, при толщине пола – до 0,07 м.). Печь (жаровня) была укреплена снизу орфостатно стоящими обломками известняковых плит. В южной части землянки раскрыта полукруглая ниша длиной 0,77 м, глубиной 0,20 м. Материал из заполнения землянки датируется концом второй – третьей четверти VI в. до н.э. Это фрагменты лесбосских сероглиняных, красноглиняных амфор, протофасосских, милетской, клазоменских, хиосских вуллогорных амфор, большое количество фрагментов североионийской посуды, амфор в стиле *Fikellura* (вторая половина VI в. до н.э.) и *Late Wild Goat* (первая половина VI в. до н.э.). Найдено также одинадцать монет-дельфинчиков.

Ко второму строительному периоду в районе священного участка относятся остатки так называемой «северной ограды» теменоса и производственное помещение с сырцово-кирпичной оградой, которые относятся к

концу VI в. до н.э. Кладка северной ограды теменоса на исследуемой территории практически полностью уничтожена грабительским шурфом – от нее остался останец длиной 0,87 м, шириной 0,62 м, высотой до 0,45 м. Он отстоит от западной сохранившейся части (раскопанной ранее) на 2,50 м к востоку. Кладка рядовая, постелистая, одно-трехслойная, двудесятая, сложена из обломков известняковых плит, крупного и среднего известнякового бута.

В центральной части прирезки раскрыто помещение с сырцово-оградой, явно производственного характера, размером: 5,00–5,75 (С–Ю) x 3,88–5,38 (З–В) м. Общая раскрытая площадь помещения – 26,25 м², уходит в восточный борт раскопа. Оно ориентировано также, как храм Афродиты и северная ограда теменоса, по оси СЗ – ЮВ и следовательно является частью городской застройки этого времени. Сырцовая ограда, раскрытой шириной 0,50–0,88 м, высотой 0,37–0,48 м, поставлена прямо на поделку. Южная стена ограды на длину 1,70 м в месте проседания (яма?) выложена кладкой из обломков известняковых плит, крупного и среднего известнякового бута. Кладка рядовая, орфостатно-постелистая, одно-двухслойная. Сохранилось один – два ряда кладки, высотой до 0,28 м.

На расстоянии 1,37 м от западной стенки ограды раскрыта овальная в плане яма, размером: 1,88 (С–Ю) x 1,38 (З–В) м, глубиной 0,65 м. Яма была заполнена фрагментами печины (встречается с бортиками), железными изделиями и шлаками. Дно ямы было устлано железным шлаком. Керамический материал из ямы датируется последней четвертью – концом VI в. до н.э. К западу от вышеописанной ямы раскрыто множество мелких ямок от деревянно-столбовых конструкций, заполненных пеньковым грунтом. Все это дает нам право предполагать производственное назначение помещения с сырцово-оградой, связанное, по всей видимости, с железоделательным производством.

Таким образом, археологические исследования 2005 г. на участке «Т» проливают свет на два этапа существования этой части городища – ранний, с жилищами землянками конца второй – третьей четверти VI в. до н.э., и более поздний, конца VI в. до н.э., где наряду с храмовым комплексом существуют производственные – керамический (открытая В. В. Назаровым в 2002 г. яма с керамическим браком) и железоделательный.

Литература

Монахов, 2003 – С. Ю. Монахов. Греческие амфоры в Причерноморье. Москва, Саратов, 2003.

*А. В. Буйских***Новая землянка VI в. до н.э. в Ольвии:
новый взгляд на старые проблемы**

В течение двух полевых сезонов – 1999 и 2005 г. в юго-восточной части Ольвии (участок Р-25, раскопки В. В. Крапивной и автора), под несколькими метрами культурных напластований, отражающих тысячелетнюю жизнь памятника, было исследовано сооружение, представляющее исключительный интерес своим неординарным заполнением, а также кругом проблем, непосредственно связанных с интерпретацией этого комплекса.

Сооружение было вырезано в материке от уровня древнего гумуса на краю верхней террасы. Его размеры в 2,7 (С–Ю) x 3,1 (З–В) м и глубина в 2,10–2,15 м позволяют уверенно определить его как землянку. Землянка имела прямоугольный план с сильно закругленными углами, небрежно вырезанными стенами котлована, на которых были прослежены следы инструмента. Материковое дно землянки также оказалось неровным, не имело обычных земляных промазок, характерных для уровней полов, а, вероятно, с целью выравнивания было утрамбовано рыхлым сырьевым грунтом. Уже только этот факт заслуживает внимания, поскольку на территории Ольвии землянка такой глубины зафиксирована впервые. Кроме того, материалы ее заполнения резко отличаются от всех известных нам на сегодняшний день аналогичных строительных комплексов.

Заполнение землянки состояло преимущественно из последовательно залегавших по всей ее площади темных сероолистых прослоек с редкими включениями желтой материковой глины, насыщенных золой, пеплом, древесным углем, бесформенными фрагментами сырьевой глины или обломками кирпичей, а также аналогичными обгоревшими фрагментами. Из заполнения было извлечено около 3-х кг железных и силикатных шлаков, куски железа, бракованные (?) или незавершенные железные изделия, среди которых определенно поддаются лезвие ножа и гвоздь, а также литейная форма из зеленоватого сланца для отливки мелких свинцовых (?) изделий типа прыслиц. Вне всякого сомнения, исследованная землянка имела ярко выраженный производственный характер, связанный с выпуском предметов ежедневного обихода.

Не меньший интерес представляет керамический комплекс землянки. Керамическая тара составляет 66,32% всех керамических находок. Столовая и кухонная керамика без учета амфор распределяется следующим образом: восточногреческая керамика – 40,53%, сероолищенная – 19,45%, лепная – 14%, красноглинная – 12,45%, аттическая

чернофигурная – 7,08%, кухонная – 5,53%, толстостенная керамика (лутерин) – 0,17%, керамические поделки – 0,95% находок. В заполнении также встречены обточенная костяная пластина и терракота – голова богини в покрывале. В целом, такое процентное распределение находок характерно для наиболее ранних ольвийских комплексов (Буйских А. 2004). Однако, если абсолютное превалирование восточногреческой столовой посуды всех типов, а также серолощеной и красноглиняной керамики стабильно, аттической – также минимально, то внутри групп кухонной кружалной и лειной посуды наблюдаются подвижки, тем не менее, редко превышающие в сумме 20–25% от всех керамических находок без учета амфор.

В хронологическом отношении абсолютное большинство находок относится ко второй четверти – не позднее середины VI в. до н.э. с отдельными фрагментами первой и третьей четвертей этого столетия. Керамическая тара представлена профильными частями и крупными фрагментами амфор различных центров северной Эгеиды – Хиоса с белой обмазкой, расписанных красной и коричневой красками (Монахов. 2003. Табл. 2), лесбосских сероглиняных и красноглиняных, так называемых протофасосских на сложнопрофилированной ножке (Монахов. 2003. Табл. 23). Обильны находки клазоменских амфор (Монахов. 2003. Табл. 32), встречены также и профильные части – венчик и двустовальная ручка – амфоры Милета.

Североионийская расписная керамика представлена находками археологически целой формы и значительного количества крупных фрагментов тарелок с разорванным меандром по краю и цветком лотоса в центре, фрагментами закрытых сосудов стиля LWG (для Ольвии находки таких сосудов, проницающие из закрытых комплексов, все еще являются редкостью), столовых амфор с концентрическими окружностями по плечам, а также несколькими десятками киликов с точечными розеттами и одним киликом с лотосами. К керамической продукции Клазомен относятся несколько фрагментов столовых амфор, выполненных в чернофигурной технике и покрытых чешуйчатым орнаментом. Расписная столовая посуда милетского производства представлена фрагментами нескольких закрытых сосудов стиля Фикелдура. Особо следует отметить находки ранних форм так называемых ионийских киликов с расписанными по внутренней стороне венчиков полосами лака, которые по материалам Токры датируются от последней четверти VII в. до н.э. (Тоста I, 771; Тоста II, 2042) До сих пор находки таких сосудов в Ольвии не встречались, а наиболее ранние ионийские килики, происходящие с Ягорлыцкого поселения, датировались концом VII – первой половиной VI в. до н.э. (Рубан. 1980). Следует выделить и находку впервые встречаемого в Ольвии крупного фрагмента восточнодорийской (Родос?) тарелки начала – первой поло-

ины VI в. до н.э. с изображением женской фигуры в хитоне и пеплосе, держащей в руке птицу (по определению У. Шлотцхауэра). Отметим также и находки мелких фрагментов хосских чернофигурных кубков и ранних типов миниатюрных кувшинчиков с широкими оранжевыми полосами.

Значительный интерес представляют и находки аттической чернофигурной керамики. Это крупные фрагменты нескольких *Band cup*, один из которых с фризом пасущихся животных, датируется не позднее 40-х г. VI в. до н.э., мелкий фрагмент *Droop cup* с изображением петухов, фрагмент *Lip cup*, а также чаша с изображением пляшущих комастов с масками на головах и Медузой в медальоне, датирующаяся в пределах середины столетия, и фрагмент медальона с изображением всадника от *Siana* или *Lip cup*. Фрагменты аттических чернофигурных киликов и дают наиболее точное время прекращения функционирования всего комплекса. Его появление следует относить ко второй четверти VI в. до н.э. (не позднее начала 60-х г., а возможно, и ранее), конец – ко времени не позднее 40-х г. этого столетия.

Помимо фрагментов импортных расписных сосудов, в заполнении землянки были обнаружены археологически целая бракованная в процессе обжига (пережженная) и деформированная красноглиняная тарелка, расписанная полосами по внутренней поверхности, а также пережженные фрагменты от еще нескольких аналогичных тарелок. Кроме того, были найдены и фрагменты готовых тарелок, расписанных по тому же принципу полосами красной краски по внутренней стенке и наружной части краев. Значение этих находок трудно переоценить. Перед нами – пожалуй, первое археологически зафиксированное свидетельство наличия собственного керамического производства в архаической Ольвии.

Исследованная землянка позволяет не только пересмотреть многие выводы, касающиеся хронологии ранней Ольвии и поступления в нее керамических импортов, что уже само по себе имеет первостепенное значение для уточнения ранней истории и археологии памятника. Этот комплекс имеет большое значение и для ревизии многочисленных сделанных ранее выводов, касающихся взаимоотношения двух центров, основанных в процессе греческой колонизации в Нижнем Побужье – Борисфена и Ольвии. До сих пор следы металлургического (Domanskij, Marčenko, 2003) и керамического (раскопки В. В. Назарова) производств были зафиксированы лишь на Березани. Новая ольвийская землянка позволяет уверенно говорить о синхронном начале этих производств в обоих центрах. Это обстоятельство самым тесным образом связано с необходимостью пересмотра проблемы «импорты – полисы» в Нижнем Побужье, поскольку совокупность имеющихся на сегодняшний день данных не позволяет однозначно

трактовать поселение на о. Березань как варварский эмпорий, переросший позднее в античный полис, или раннюю Ольвию как рядовое поселение или пример эмпория по Геродоту.

В. В. Крапивина

О соотношении письменных и археологических источников на примере Ольвии I в. до н.э. – III в.н.э.⁸

Корреляция письменных и археологических источников, как правило, сопряжена с определенными сложностями и далеко не всегда имеет однозначное решение. С этими проблемами сталкиваются многие исследователи. Тем не менее, именно сопоставление этих источников дает возможность подняться на новый уровень осмысления и воссоздания происходивших исторических процессов.

При фактическом совпадении письменных источников и археологических данных исторические выводы становятся неоспоримыми, приобретают характер аксиомы и могут быть использованы при построении исторических гипотез следующего уровня, что повышает их достоверность. К сожалению, из-за недостаточности, прежде всего письменных источников, исследователи бывают вынуждены прибегать к многоступенчатым гипотетическим построениям, что значительно понижает, а иногда и уничтожает их историческую достоверность.

При несоответствии письменных и археологических источников главным является поиск причины этого несоответствия. На мой взгляд, ведущую роль при этом должны играть археологические артефакты, как объективное отражение существовавшей реальности. Если письменные источники им не соответствуют, этому тоже всегда есть объяснение, которое, чаще всего, не легко понять, но которое всегда отражает определенные исторические коллизии. Однако не следует путать археологический артефакт (фактор объективный) и его интерпретацию исследователями (фактор субъективный). Последняя, т.е. интерпретация, как раз и может быть откорректирована историческим источником. При этом следует помнить, что субъективность или ограниченность письменного источника, ведущая к его субъективности, существует практически всегда, однако степень ее различна. В связи с этим необходимо проведение источникововедческого анализа. Объек-

⁸ Работа выполнена в рамках украинно-российского проекта: «Античный и варварский мир на юге Украины и России: Ольвия, Боспор, Скифия. Опыт сравнительной характеристики».

тивность же в оценке письменного источника различными исследователями в конечном итоге зависит от их квалификации и преследуемых ими целей.

Письменные источники по истории Ольвии состоят из сообщений древних авторов и эпиграфических памятников. Первые крайне немногочисленны, вторые – неравномерно охватывают различные периоды истории города, а для начального и финального его этапов они вообще отсутствуют. В связи с этим, основным остается археологический источник, пополняющий к тому же и эпиграфическую базу. Однако в случаях корреляции данных археологии, эпиграфики и сообщений античных авторов, возможности воссоздания страниц истории значительно повышаются. Не ставя целью рассмотрение всех письменных и археологических источников по истории Ольвии I в. до н.э. – III в.н.э., останавливаясь только на некоторых аспектах, подтверждающих изложенные выше общие положения.

Основной письменный источник по истории города в I в. до н.э. – I в.н.э. – это Борисфенитская (XXXVI) речь ратора из Вифинии Диона Хрисостома, побывавшего здесь в конце I в.н.э. Ее источниковедческие проблемы уже освещались в литературе (Трофимова. 1959. С. 151–162; Подосинов. 1984. С. 150–153; Браунд. 1991. С. 26; Крапивина. 1993. С. 140–144). Тем не менее, анализ этой речи, а также ее корреляция с эпиграфическими и археологическими источниками, позволяют восстановить некоторые моменты истории города. В частности, именно благодаря информации Диона Хрисостома мы знаем о разгроме Ольвии и городов Западного Понта гетами в середине I в. до н.э. Наличие лакуны в истории города находит подтверждение в отсутствии культурного слоя, эпиграфических и нумизматических материалов второй половины I в. до н.э. С гетским разгромом связывается развал оборонительной стены, раскрытой на центральной возвышенности города (Крапивина. 1988. С. 12–19).

Дион Хрисостом писал также, что город после восстановления занимал только часть своей прежней территории, был застроен небольшими домишками и обнесен изъёмной и непрочной оборонительной стеной, на большом расстоянии от которой находились башни догетской Ольвии (Ог., XXXVI). Эти описания практически полностью подтвердились археологическими исследованиями.

Однако не все сведения, сообщаемые Дионом, столь однозначны, о чем уже неоднократно писали исследователи (см. выше). В частности, им значительно преувеличена варваризация населения Ольвии в I в.н.э., что не находит археологического подтверждения. Не следует также абсолютизировать мнение Диона Хрисостома, сообщающего, что, *на его взгляд*, город был восстановлен по желанию окружающих скифов, нуждающихся в торговле с эллинами, но не умевших устроить

торговое место по эллиническому образцу (Or., XXXVI) (подробнее – см. Крапивина, 1993. С. 141–142).

Дион Хрисостом упомянул также неоднократные разорения города варварами, предшествовавшие гетскому разгрому (Or., XXXVI), которые подтверждаются эпиграфическими и археологическими источниками. В ольвийском декрете в честь Никерата, сына Папия конца II в. до н.э. упоминаются постоянно устремляющиеся на город враги, в результате чего часть жителей переправляется в Гилею, а сам Никерат был убит (IOSPE, I², № 34). По археологическим данным в Ольвии в это время наблюдается упадок строительной деятельности, фиксируются разрушенные здания в центральной части Верхнего города и южной части Нижнего города (Фармаковский, 1915. С. 10, 23; Леви, 1985. С. 27, 37, 43, 45, 61, 151). Все храмы Восточного теменоса уже не функционируют. Плиты мраморной облицовки главного алтаря города и мраморные стелы с декретами были разбиты еще раньше (Леви, 1956. С. 113 и далее; Карасев, 1964. С. 46). При этом А. Н. Карасев подчеркивал, что в соответствии с археологическим контекстом все храмы были именно разобраны, а не разрушены (Карасев, 1964. С. 46).

Этот его вывод подтвердился двадцатью годами позже, в результате раскопок автора на Центральной возвышенности Ольвии (участок P-19). Здесь, в развале оборонительной стены, было найдено значительное количество архитектурных деталей ионического и дорического ордера, а также четыре постаumenta для бронзовых статуй с посвящениями Аполлону Дельфинию, Зевсу Олимпийскому, Зевсу Элевтерию и Всем Богам (Крашівіна, 1988.). Они, безусловно, были взяты с Восточного теменоса, так как именно там были открыты остатки двух главных храмов города – Аполлона Дельфиния и Зевса, первый – ионического, а второй – дорического ордера. Постаменты датируются IV – первой половиной II в. до н.э. (Виноградов, 1989. С. 262; Русяева, Крапивина, 1992. С. 31). Вызывал некоторое сомнение только факт разборки храмов самими ольвиополитами и использование их остатков, а также постаментов, посвященных богам, при укреплении оборонительных стен. Объяснение этому было найдено позднее.

В 2002 году в юго-восточной части Верхнего города Ольвии на территории цитадели римского времени (участок P-25) был найден постамент белого мрамора с надписью. Согласно этой надписи, при царе Митридате VI Евпаторе, его стратег и наместник в полисе посвятил куртину оборонительной стены Матери богов в 220 г. понтийской эры (78/77 г. до н.э.) (Крапивина, Диатроптов, 2005). Эта надпись является второй в ольвийской эпиграфике, где фигурирует имя Митридата VI Евпатора. Из первой надписи – декрета в честь амисенского кибернета (IOSPE, I², № 35), мы знаем о размещении в Ольвии гарнизона понтийского царя. Именно гарнизон предпринял работы по укре-

плению оборонительных сооружений города, о чем свидетельствует надпись наместника Митридата VI Евпатора.

Следующий письменный источник по истории Ольвии – это свидетельство Юлия Капитолина о нападении на Ольвию «тавро-скифов». Ольвиополиты сами были не в силах отразить нападение и обратились за помощью к римлянам. Антонин Пий (138–161) выслал войска, которые потеснили «тавро-скифов», вынудили их заключить выгодный для Ольвии мир и дать заложников (SHA, *Ant. Pius*, 9,9). Можно связать с этими событиями две ольвийские надписи, датирующиеся в пределах II в.н.э., в одной из которых упоминается «трофейная победа на толпы супостатов, которую все отечество празднует жертвоприношениями» (IOSPE, I², № 175), а во второй речь идет о благодарственном жертвоприношении за мир и спасение города (IOSPE, I², № 162). Археологически следы разрушений прослеживаются на всех приольвийских городищах, иногда здесь выявляют сарматские железные трехлопастные наконечники стрел II в.н.э., что дает возможность предполагать, что так называемые тавро-скифы скорее были сарматами (Буйских. 1991. С. 134). О том, что термин «тавро-скифы» мог не отвечать истинному названию племен, напавших на Ольвию, уже отмечалось исследователями, наряду с другими погрешностями используемого источника (Syme. 1968. P. 70, 73–74).

На мой взгляд, в данном контексте название «тавро-скифы» достаточно условное, это может быть не этническое определение, а географическое, т.е. население, пришедшее со стороны Таврики. Юлий Капитолин жил значительно позднее и явно пользовался более ранними источниками. Во II и особенно III в.н.э. для Северного Причерноморья характерен пестрый, достаточно часто меняющийся этнический состав населения, что приводит древних авторов к большой терминологической путанице. Например, войны III в.н.э. они называют как «скифскими», так и «готскими».

При Антонине Пие в Ольвию был введен римский отряд, состоявший из солдат трех мезийских легионов: I Итальянского, V Македонского, XI Клавдиева (IOSPE, I², № 236, 237, 322), а при Септимиусе Севере (193–211) она вошла в состав провинции Нижняя Мезия.

В отличие от греческих надписей, которые достаточно многочисленны именно для периода второй половины II – первой половины III в.н.э., латинские надписи, обнаруженные в ходе многолетних раскопок Ольвии, представлены небольшим количеством, их всего 19: 18 латинских надписей и фрагмент военного диплома на бронзовой пластине. До недавнего времени они ограничивались 10 латинскими надписями, изданным еще В. В. Латышевым (IOSPE, I², 167, 171, 234, 235, 236, 237, 238, 322, 323, 324). Шесть надписей изданы в последние 6 лет (Зубарь, Крапивина. 1999. С. 76–83; Зубарь, Козуб. 2002. С. 102–109;

2004; Zubar, Kozub. 2002. P. 199–210, Зубар, Козуб. 2004), одна – крайне фрагментарная, пока не издана. Еще одно надгробие и фрагмент военного диплома найдены во время полевого сезона Ольвийской экспедиции Института археологии НАН Украины в 2004 году и готовятся к публикации. Все эти надписи связаны с присутствием в городе римских военнослужащих и их семей, а не собственно граждан Ольвии. Поэтому они в большей или меньшей степени характеризуют взаимоотношения Ольвии с Римом и отражают особенности пребывания здесь римского гарнизона. Эпиграфические памятники дополняются археологическими данными и могут быть коррелированы письменными источниками по истории Римской империи.

Например, уточнение даты вхождения Ольвии в состав Римской империи было возможно только на основании анализа сведений по истории последней. Серия ольвийских монет обычного провинциального типа, на аверсах которых были изображены портреты императоров и членов их семей, послужила основанием для вывода о подчинении ее при Септимии Севере верховной власти Рима (Уваров, Кёне, Карышковский. 1988. С. 125–126; Анохин. 1989. С. 73). Подтверждением вхождения Ольвии в состав провинции Нижняя Мезия явились находки надписей этого времени с упоминанием наместников провинции, посольств к императорам, а также статуй, культовых и общественных построек, возведенных в честь императоров (IOSPE, I², № 54, 174, 184, 199; НО. № 42, 45; Яйленко. 1985. С. 192). Однако вопрос о конкретной дате этого события решается не столь однозначно (историографию вопроса см.: Крапивина. 1994. С. 150). В надписи IOSPE, I², № 174 правитель епархии Косконий Гентриан, упомянут перед отцом города Каллисфеном, сыном Каллисфена и архонтами, что, безусловно, свидетельствует о подчиненном отношении Ольвии к правителю провинции. Имя этого правителя, а также упоминание Каракаллы с титулом августа, позволяет уточнить дату окончательного подчинения Ольвии Риму. Это произошло до 20 июля 198 г., когда легатом Нижней Мезии был уже Овиний Тертулл (см.: Карышковский. 1986. С. 32). Вряд ли описываемое событие могло также иметь место ранее конца 197 г., так как в 193–196 г. Септимий Север был занят борьбой с Песценнием Нигером, а в 197 г. – с Клодием Альбином (Крапивина. 1994. С. 150).

На основании латинских эпитафий первой половины III в.н.э., свидетельствующих о присутствии в Ольвии вместе с римскими военнослужащими или лицами, связанными с римским гарнизоном, членов их семей, был сделан вывод, что они, вероятно, жили в специально отведенном для этого районе, своеобразной канабе (Зубар, Козуб. 2004 С. 24–25). Однако известно, что при Септимии Севере земли легионов перестали существовать, а канабам, которые располагались на них,

был дан статус города. Таким образом, к моменту включения Ольвии в состав провинции Римской империи канаб уже не было и применение этого термина даже в предположительном значении некорректно.

Исключается также возможность существования поселений ветеранов-легионеров на хоре Ольвии. Основанием для подобного предположения послужило использование на Козырьском городище и на городище Скелька приемов римской строительной техники, характерной для пунктов размещения римских войск в середине II – середине III в. н.э. (Буйских. 1991. С. 136–137). Однако в соответствии с практикой Римской империи выведение ветеранских колоний было возможно только на легионные земли, которые, как уже указывалось выше, были ликвидированы при Септимии Севере, т.е. практически одновременно с вхождением Ольвии в состав Римской провинции. Кроме того, каждый ветеран в Римской империи получал военный диплом, удостоверявший предоставление ему римского гражданства и право на брак. Ни один из подобных дипломов на хоре Ольвии найден не был. Таким образом, высказанная гипотеза опровергается письменными источниками Римской империи.

Литература

- Анохин. 1989 – В. А. Анохин. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
- Браунд. 1991 – Д. Браунд. Діон Хрисостом, торгівля Ольвії та Ольвійська «Тавро-скіфська війна» // Археологія. 1991. № 3. С. 25–30.
- Буйских. 1991 – С. Б. Буйских. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев, 1991.
- Виноградов. 1989 – Ю. Г. Виноградов. Политическая история Ольвийского полиса VII–I в. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. Москва, 1989.
- Зубар, Козуб. 2002 – В. М. Зубар, Ю. І. Козуб. Нова спіафія римського легіонера з Ольвії // Археологія. 2002. № 2.
- Зубар, Козуб. 2004 – В. М. Зубар, Ю. І. Козуб. Нові надгробки з латинськими епітафіями з Ольвії // Археологія. 2004. № 3.
- Зубарь, Крапивина. 1999 – В. М. Зубарь, В. В. Крапивина. О римском гарнизоне Ольвии в середине III века // Vita Antiqua. 1999. № 2.
- Карасев. 1964 – А. Н. Карасев. Монументальные памятники Ольвийского теменища // Ольвия: теменное и агора. М., Л., 1964.
- Карышковский. 1986 – П. О. Карышковский. Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев, 1986.
- Карышковский. 1988 – П. О. Карышковский. Монеты Ольвии. Киев, 1988.
- Краті віна. 1988 – В. В. Крапивіна. До політичної історії Ольвії середини I ст. до н.е. // Археологія. 1988. Вип. 63.

- Крапивина. 1993 – В. В. Крапивина. Ольвия. Материальная культура I–IV в. н.э. Киев, 1993.
- Крапивина, Диатроптов. 2005 – В. В. Крапивина, П. Д. Диатроптов. Надпись заместника Митридата VI Евпатора из Ольвии // ВДИ. 2005. № 1.
- Леви. 1956 – Е. И. Леви. Ольвийская агора // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. М., Л., 1956. – (МИА. № 50).
- Леви. 1985 – Е. И. Леви. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Ленинград, 1985.
- Подосинов. 1984 – А. В. Подосинов. Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. Москва, 1984.
- Русяева, Крапивина. 1992 – А. С. Русяева, В. В. Крапивина. До історії Ольвії в IV–I ст. до н.е. // Археологія. 1992. № 4.
- Трофимова. 1959 – М. К. Трофимова. О некоторых источниковедческих проблемах XXXVI (Борисфенитской) речи Диона Хрисостома // ВДИ. 1959. № 3.
- Фармаковский. 1915 – Б. В. Фармаковский. Ольвия. Петроград, 1915.
- Явленко. 1985 – В. П. Явленко. Материалы к «Корпусу латинских надписей Ольвии» Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1985.
- Суте. 1968 – R. Sute. Amniani and the Historia Augusta. Oxford, 1968.
- Zubar, Kozub. 2002 – V. M. Zubar, Yu. I. Kozub. A New Tombstone with Latin Epitaph from Olbia // ACSS. 2002. 8. № 3–4.

С. Н. Ляшко, В. А. Папанова

«В самой крепости жила только меньшая часть ольвийцев...»

Исследователи, побывавшие в Ольвии в первой половине XIX века, писали, что они видели на некрополе развалины жилых построек.

Так в 1807 году Ольвию посетил профессор Харьковского университета И. С. Рижский, который в своей статье «О городище Ольвии и другие примечания» писал, что все пространство от села Ильинского до городка усеяно холмами, которые перекрывают разрушенные здания (Тункина. 2002. С. 430). А в рукописи книги «Ольвия. Древний город на реке Буг» академика П. И. Кеннена в пятой главе мы читаем «... в самой крепости жила только меньшая часть ольвийцев; гораздо большее число оных населяло без сомнения всё пространство или урочище по множеству курганов на оном находящихся, называемое ныне сто могила».

Здесь, от Широкой балки почти до нынешнего села Ильинского (или не более 1/2 версты от оногo), в длину на две версты с половиною и более, а в ширину разстоянием от Буга версты на полуторы, – в ок-

ружности ее всего слишком на шесть верст, – везде еще приметны следы прежних жилищ» (Кеппен. V. 715. С. 62; Паланова. 2003. С. 74).

О развалинах древних сооружений за городом написал и А. С. Уваров в своей работе «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря» (Уваров. 1851. С. 35–38). Об этих строительных остатках со ссылкой на А. С. Уварова упоминал и профессор В. В. Латышев в книге «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии» (Латышев. 1887. С. 105). В свое время сообщение В. В. Латышева поставил под сомнение А. М. Карасев. Правда он в своей статье «Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города» все же отметил, что эти строительные остатки на ольвийском некрополе видел и П. И. Кеппен (Карасев. 1956. С. 26).

Раскопки на некрополе Ольвии во второй половине XX ст. подтвердили правильность сообщений И. Рижского, П. Кеппена и А. Уварова. В 60–90-х годах Ю. И. Козуб раскопал на западном склоне Заячьей балки жилые и культовые комплексы ольвийского предместья (Козуб. 1975; 1985а; 1985б).

Отметим, что о предместье упоминал и П. Кеппен: «Когда я в 1817 и 1819 годах был на развалинах Ольвии, то имел случай удостовериться в пространстве сего города, и видеть как самую крепость, так и места занимаемые некогда сим *предместием* (выделено авт.)» (Кеппен. V. 715. С. 61)

Остатки жилья раскопаны и на других участках некрополя. Так к северу от города раскопали землянку, датированную концом IV – началом III в. до н.э., которую перекрывала курганная земляная насыпь над склепом Евресиния и Ареты II в. н.э. (Паланова. 2003. С. 76). К сожалению, землянку полностью не смогли открыть, так как уровень ее пола находился ниже уровня подсыпки фундамента крепиды кургана.

В последнее десятилетие к югу от города были открыты два новых участка со строительными остатками. Первый располагался на северном склоне Широкой балки к западу от 4-й Южной дороги. На нем раскопали строительные остатки (пять кладок), датируемые второй половиной IV в. до н.э. Кладка № 1 – наземная, однослойная, ориентированная по линии запад – восток с отклонением в 15 градусов на юг, однолицевая (лицевой фасад – юго-юго – восток), приближается к рядовой, постелистой, на глинистом растворе, в средней ее части один камень уложили на высоту полутора – двух слоев, а в углах использовали вставки мелким бутом. Камни кладки – бут и обломки рваных по слою и грубо околотых по лицевой фасада плиты песчаника и известняка трапециевидной и подтреугольной формы. Швы между камнями по фасаду до 0,04 м. Она располагалась под прямым углом к кладке № 2.

Кладка № 2 – однолицевая, двух-трех слойная, наземная, постелистая, рядовая, на глиняном растворе, сложенная из мелкого бута и обломков, рваных по слою и грубо околотых по фасаду плит песчаника и ракушечника. На южном окончании кладки была орфостатно установлена необработанная плита песчаника подпрямоугольной формы. Лицевой фасад кладки № 2 – северо-восточный. Северо-западный ее фасад сложили из мелкого бута и поэтому камни выступали за линию фасада кладки. Кроме того, здесь использовали обломки мелкого бута и обломки экзотов (галька). Кладка № 2 ориентированна по линии северо-восток-юго-запад с отклонением в 40 градусов на восток. По структуре, фасаду и материалу она близка к кладке № 3.

Кладка № 3 – наземная, бутовая, одно-двухслойная, двулицевая, рядовая, постелистая, сложенная из обломков среднего бута и обломков рваных по слою грубо околотых по фасаду плит. Подравнивание рядов кладки, особенно первого и третьего осуществили при помощи глинистого раствора. Кладка № 3 ориентированна по линии запад-восток с отклонением в 20 градусов к югу. В юго-восточном окончании она просела на 0,1 м к юго-востоку.

Кладка № 3 была пристроена к кладке № 2. Между ее западным окончанием и восточным фасадом кладки № 2, в верхней части на высоту трех рядов находилась щель (0,1 м), которую заложили вертикально поставленными крупными фрагментами амфорных стенок.

Кладка № 4, примыкающая к северному окончанию кладки № 2, была ориентированна по линии запад-восток с отклонением в 40 градусов к югу. Одно-двухслойная, иррегулярная, из больших, необработанных камней на глиняном растворе. Фасады не выделены. Пространство между западной и восточной частями кладки было заполнено лесовым грунтом и глинистым раствором. Большинство камней в западной части кладки уложили постелисто.

Таким образом, кладки № 1, 2 и 3 образуют небольшое помещение, а кладки № 2 и 4 – восточный угол второго помещения. В восточном углу второго помещения на глубине 0,6 м от верха кладки № 2 раскрыты, залегающие постелисто в желтоглинистом слое, с небольшим наклоном к югу две плиты и обработанный блок (Папанова. 1996. С. 3–8).

Керамический материал из засыпи квадрата представлен сероглиняной керамикой (венчики, ручки, стенки и донья кухонных кувшинов и тарелок), венчики светлоглиняных и красноглиняных лутериев, лепных горшков с защипами и амфорными ножками. Это ножки от синопской амфоры варианта I-D-1 конца третьей четверти IV в. до н.э. (Монахов. 2003. С. 147, Табл. 101,2), фасосской амфоры веретенообразного типа III середины-третьей четверти III в. до н.э. (Монахов. 2003. С. 74, Табл. 51, 4) и от двух херсонесских амфор первой половины IV в. до

н.э. (Брашинский. 1984. Табл. XXIV, 4, 5). Необычна плечевая часть и колпачковая ножка хиосской конической амфоры близкой к варианту V-B середины – третьей четверти IV в. до н.э. (Монахов. 2003. С. 20–21. Табл. 12, 2). Особенность этой амфоры в том, что ее горло не столь высокое как обычно у амфор данного типа, очень маленькая ямка на подошве, форма колпачка «соскообразная», а цвет глины розовый. Также найден небольшой фрагмент терракоты в виде лап хищного животного кошачьей породы, стоящих на постаменте, а из металла – слиток свинца полуовальной формы, гвоздь бронзовый и обломки двух железных гвоздей. Монет найдено две – дельфинчик и «ольвийка». На аверсе последней нечеткое изображение головы Аполлона, а на реверсе – зерна и дельфина. Данный тип монет датируется 330–300 г. до н.э. (Анохин. 1989. С. 35–36, 106–107. № 124).

Второй участок находился на юго-запад от городища, расположенный между 1-й западной дорогой (Карасев. 1956. С. 9–34) и северо-восточным отрогом Широкой балки в 2 км от городских стен. За два года раскопок (2003–2004 г.) на этом участке исследована площадь в 600 м² на которой выявлены остатки жилого строительного комплекса, состоящего из семи помещений, помещения-загородки, культового объекта – зольника второй половины IV в. до н.э. и полуземлянки первой половины IV в. до н.э. (Рис. 1).

Рис. 1. Полуземлянка

Полуземлянка (Крыжицкий, 1982, С. 12) для сооружения которой, использовали естественный восточный склон пласта, была открыта под восточной частью зольника на глубине 1,3 м от уровня современной поверхности. Она имела в плане прямоугольную форму (3,5 x 4,7 x 1 м) с углами ориентированными по сторонам света. Северо-восточная стенка длиной 3,6 м имела сложную конструкцию. В южную ее часть (0,8 м), вырезали в материке, а северную часть сложили из глыбки, полуобработанных известняковых и четырех мраморных камней (1,93 x 0,22–0,51 x 0,13–0,36 м). Вдоль юго-восточная стенка (2,5 м) вырезали материковый уступ (2,1 x 0,17–0,334 x 0,15–0,17 м). Южный угол закругленный (хорда 0,2 м) и в нем находилась овальной формы яма (1 x 0,4 x 0,1 м), заполненная золой и небольшими фрагментами обожженной керамики и кости. Северо-западную (3,2 м) и юго-западную (2,8 м) стенки также вырезали в материке. Полуземлянку разделили перегородкой длиной 2,3 м по линии восток-северо-восток-запад-юго-запад на две половины – северную и южную. По всей видимости, перегородка она была из сырцово-кирпичной стены, облицованной камнем в нижней части.

Подобная конструкция была прослежена и на поселении Широкая балка (Русьев, Мазарати, 1986). Южная половина полуземлянки шириной 2,8 м имела вход (1,2 м) со ступенькой (0,53 x 0,26 м) в западном углу. Пол, покрытый несколькими слоями обмазки, понижался с ЗЮЗ на ВСВ. В этой части помещения выявлены и пятнадцать ямок разных размеров, которые прорезали обмазку, возможно, они появились при вторичном использовании помещения. В северной части полуземлянки пол находился на глубине 2,4–2,6 м от уровня современной поверхности. Обмазка пола в этой части не зафиксирована.

В этой половине полуземлянки на расстоянии 0,1–0,5 м от перегородки находилась и Г-образная траншея. Длинная сторона этой траншеи, располагалась параллельно перегородке (2,65 м), короткая (1,2 м) – параллельно северо-восточной стороне помещения. Обе части траншеи в разрезе имели трапецевидную форму (0,45 x 0,3–0,35 м). Эту траншею неплотно забутовали мелкими и средними камнями (ракушняка, известняк) без определенной системы и связывающего раствора. Отдельные камни из забутовки имели следы горения. В средней части каменного заполнения траншеи находились фрагменты амфор. В том числе и две амфорных ручки с синопскими клеймами астинома Посейдона начала IV в. до н.э., которые могут служить отправной датой сооружения полуземлянки. Края траншеи с каменным заполнением промазали желтой глиной, аналогичной обмазке пола, а дно зеленоватой. Назначение этой траншеи не определено.

Вдоль северо-западной стенки полуземлянки находилась «кухня» (1,3 x 0,98 x 2,11 м) с очагом овальной формы (2x1,3 м, толщина горе-

лого слоя 0,42 м), четырьмя небольшими ямками (0,08 x 0,1 м) и одной большой по центру (0,28 x 0,28 x 0,1 м). Относительно заполнения насыпи полуземлянки, то наблюдается интересная картина. Ее южная часть была заполнена темноглинистым грунтом, камнями, фрагментами керамики и костями животных, с преобладанием крупного рогатого скота, а большая часть камней была обнаружена в северо-западной части. Очевидно, что с этой стороны в полуземлянку упали камни от помещений усадьбы, после того как в ней прекратилась жизнь. Заполнение в северной половине полуземлянки – грунт смешанный с золой и камнями. В северном углу полуземлянки находилось много мелких камней и амфорных стенок со следами горения, костей животных (Ляшко, Папанова, 2004). Комплекс, раскопанный на территории ольвийского некрополя – двухслойный (два хронологических горизонта). С первым (первая половина IV в. до н.э.) связана полуземлянка, а со вторым (первая треть – 30-е годы IV в. до н.э.) – строительство комплекса помещений (условно – усадьба). С этим временем исследователи связывают появление приольвийских усадеб единичного пользования (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, С. 121; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с.42). Как мы уже ранее писали, до настоящего времени была известна только одна усадьба, находившаяся к югу от городища за ольвийским некрополем на Широкой балке (Русяева, Мазарати, 1986, С. 47; Ляшко, Папанова, 2004, С. 95), большинство же известных усадеб находились на север от города (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, С. 150). На территории ольвийского некрополя остатки такого жилого строительного комплекса обнаружены впервые. Датировка времени существования усадьбы совпадает с периодом жизнедеятельности всех ольвийских усадеб (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, С. 150; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, С. 42; Крыжицкий, Русяева, Кранивина, Лейпунская, 1999, С. 112).

Раскопки на этом участке некрополя еще не завершены. Однако предварительные результаты раскопок этого строительного комплекса интересны в плане постановки нескольких проблем. Во-первых, выяснения характера и назначения постройки, получившей условное название «усадьба». Во-вторых, хронологическое соотношение захоронений на некрополе и под курганами с комплексом построек усадьбы. В третьих, нахождение большого количества костей крупного рогатого скота и зольнике, примыкающем к усадьбе, позволяет поставить вопрос о способе содержания скота и типе скотоводства. Таким образом, действительно ольвиополиты жили не только в городе, а и в непосредственной близости вокруг него. После того, как они оставляли свои жилища, через некоторое время на этом месте начинали хоронить.

Литература

- Анохин. 1989 – В. А. Анохин. Монеты античных городов Северо-западного Причерноморья. Киев, 1989.
- Брашнинский. 1984 – И. Б. Брашнинский. Методы исследования античной торговли. Л., 1984.
- Карасев. 1956 – А. Н. Карасев. Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. М., Л., 1956. – (МИА. № 50).
- Кеппен. – П. И. Кеппен. Ольвия. Древний город на реке Буг // Рукописный відділ Центральної наукової бібліотеки України. V. 715.
- Козуб. 1975 – Ю. И. Козуб. Древнейшие святилища Ольвии // Ольвия. Киев, 1975.
- Козуб. 1985 а – Ю. И. Козуб. Исследование предместья и некрополя Ольвии // Археологические открытия 1983 года. М., 1985.
- Козуб. 1985 б – Ю. И. Козуб. История развития западной окрестности Ольвии (предградье и некрополь: конец VI в. до н.э. – середина III в. н.э.) // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино, 1985.
- Крыжицкий. 1982 – С. Д. Крыжицкий. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI – IV в. до н.э.). Киев, 1982.
- Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко. 1989 – С. Д. Крыжицкий, С. Б. Буйских, А. В. Бураков, В. М. Отрешко. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Крыжицкий, Буйских, Отрешко. 1990. – С. Д. Крыжицкий, С. Б. Буйских, В. М. Отрешко. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990.
- Крыжицкий, Русяева, Крапивина, Лейпунская. 1999 – С. Д. Крыжицкий, А. С. Русяева, В. В. Крапивина, Н. А. Лейпунская и др. Ольвия: античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999.
- Латышев. 1887 – В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.
- Ляшко, Папанова. 2004 – С. Н. Ляшко, В. А. Папанова. Исследование ольвийской усадьбы // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Мат. междунауч. конфер. СПб., 2004. Т. 2.
- Ляшко, Папанова. 2004 – С. Н. Ляшко, В. А. Папанова. Отчет. Некрополь Ольвии: охранные раскопки (усадьба) // Научный архив института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев, 2004.
- Монахов. 2003 – С. Ю. Монахов. Греческие амфоры в Причерноморье. – Москва-Саратов, 2003.
- Папанова. 1996 – В. А. Папанова. Охранные раскопки на северном склоне Широкой балки в 1996 году // Научный архив института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев, 1996/8а.
- Папанова. 2003 – В. А. Папанова. Академик П. И. Кеппен и Ольвия // «О древностях кожного берега Крыма и гор Таврийских» (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П. И. Кеппена). Киев, 2003.

- Рубан.1982 – В. В. Рубан. Литое свинцовое изображение группы фигур из поселения Кателово 1 // Новые памятники древней и средневековой культуры. Киев, 1982.
- Русьева, Мазарати. 1986 – А. С. Русьева, С. Н. Мазарати. Археологические исследования у Широкой балки близ Ольвии // Ольвия и ее округа. Киев, 1986.
- Тужкина. 2002 – Н. В. Тужкина. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) СПб., 2002.
- Уваров.1891 – А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851.

А. В. Карика

К вопросу об оборонительных сооружениях в Нижнем городе Ольвии в эллинистическое время

Раскоп НГС был заложен в 1985 году в северной части Нижнего города Ольвии. Одной из целей работ на этом участке были поиски продолжения северной оборонительной линии города, открытой в Верхнем городе на вершине южного склона Северной балки, на участке «И».

В 1993–1997 гг. в северо-западной части участка был открыт большой желтоглинистый массив со следами пожара, распространившегося дальше к югу. Оказалось возможным определить время пожара – последняя четверть IV в. до н.э. и связать его с осадой Зопирона. Этот массив, ориентированный по линии запад – восток, находился практически в створе с направлением предполагаемой оборонительной линии (Лейпунская. 2001).

При работах на участке расположенном восточнее массива, в 2003 году были обнаружены в естественном разрезе берегового обрыва довольно мощные слоистые основания, размером 3,80 x 1,70 м. В этом же году была выявлена их южная граница. Как оказалось, она уходила прямой в плане линией почти перпендикулярно береговому обрыву по линии запад – восток, и была прослежена на отрезке 7,80 м.

Основной целью работ 2005 года было максимально полное раскрытие слоистых оснований, выяснение стратиграфической ситуации. Была выявлена в плане и в разрезе траншея, прокопанная для слоистых оснований, выявлен в плане верхний уровень самих слоистых оснований, прослежена их северная граница, исследовалось их восточное окончание.

Верхний уровень слоистых оснований был полностью перекрыт массивом рыхлого темного серо- и коричневоглинистого грунта силь-

но насыщенного известняковой щебенкой, относящейся, вероятно, к следам разбора самой городской стены.

По восточному разрезу прослежено до 10 слоев на общую высоту до 1,70 м. Золистые слои толщиной 0,12–0,16 м., глинистые 0,18–0,24 м., таким образом, золистые прослойки меньше глинистых.

Была выявлена траншея, устроенная для слоевых оснований. Ее ширина 3,70–3,80 м в верхней части, немного сужалась книзу.

Северный фасад траншеи оснований прослежен на общую длину до 12 м. в направлении запад – восток. Необходимо отметить, что по стратиграфическим наблюдениям северного разреза явная в восточной части золистая прослойка, постепенно сужаясь, сходит на нет (прослежена на протяжении 5,20 м). Далее пространство траншеи полностью заполнялось желтоглинистой трамбовкой слоистой структуры. Это может объясняться целенаправленным глиняным укреплением основания стены еще в древности.

Шурфовкой слоевых оснований было установлено, что они представляют собой сплошной однородный массив (так называемую «площадку») и не могли относиться к основанию башни, т.к. слоевые основания, как правило, сооружались лишь непосредственно под стенами.

Горизонтальная поверхность слоевых оснований заметно понижалась к северу, что может свидетельствовать о подверженности данного участка оползевым процессам еще в древности.

Относительно немногочисленные керамические материалы, обнаруженные при прокопке слоевых оснований, датируются не позднее последних десятилетий IV – начала III в. до н.э., что позволяет отнести сооружение стены к началу эллинистической эпохи.

Необходимо отметить, что северный внешний край оснований близок створу с заплывшей траншеей (?) на восточном склоне надпойменной террасы непосредственно к западу от раскопа, вероятно возникшей в результате разбора стены. Желтоглинистые массивы, обнаруженные в ранние годы раскопок, также близки расположению этой траншеи.

Таким образом, в результате проведенных исследований в северной части раскопа НГС в Ольвии подтверждается, что северная граница городской застройки эллинистического времени была в непосредственной близости от северного края раскопа. К северу от нее располагались городские оборонительные стены, вероятно, спускавшиеся по северо-восточному склону надпойменной террасы (вдоль края Северной балки). Основанием данной стены служили слоевые основания, местами замененные мощной глинистой трамбовкой для укрепления и устойчивости к эрозионным процессам.

Л. В. Носова

Греческие культы на западной окраине ольвийского полуса

Взаимоотношения и взаимовлияния греческих колонистов и местного населения на окраинах ойкумены – интересная и сложная проблема, охватывающая все сферы жизнедеятельности двух миров – эллинского и варварского. Критериями для отнесения того или иного памятника к миру эллинизма обычно служат наличие наземного каменного домостроительства, эпиграфических и нумизматических материалов, анализ керамического комплекса и т.д. Что касается области культа, то даже сакральные объекты, расположенные в упоминаемых древними авторами центрах с высоким уровнем урбанизации, преобладанием кружаловой керамики и иных составляющих «греческого образца», порой интерпретируются как памятники варварской ритуальной практики или, что более логично, как места совместного (греками и варварами) отправления культа.

В категорию «совместных» памятников включают зольники. Свообразие последних заключается в трудности дифференцировать (Бутягин. 2002. С. 90–91), в каком случае исследователи имеют дело с обычной, а в каком – со «священной помойкой». Например, Мирмекийский зольник 1, в котором нет терракот и очень мало граффити, интерпретируется как культовый (Гайдукевич. 1987; Бутягин. 2002), в то же время зольники в районе Западных ворот Ольвии считаются мусорной свалкой (Лейлунская. 1979. С. 358; Крыжицкой, Лейлунская. 1988. С. 13–14). Однако характеристика этих ольвийских зольников (структура культурного слоя; периодическое перекрывание зольника отложенной тонкими слоями глины; наличие у Восточного зольника глинобитно-сырцово-оград; высокий процент парадной посуды в самом раннем Восточном зольнике; многочисленные граффити на чернолаковых обломках; находки в «мусорных слоях» не столь уж частых для Ольвии культовых изделий из свинца), как кажется, дает основания предполагать существование в этой части города сакрального участка.

Возможно, неоднозначные трактовки зольников в какой-то мере обусловлены общепризнанным фактом большей, по сравнению с полисами Северо-Западного Причерноморья, роли местного населения в политической и религиозной жизни Боспора. Не вызывающий же сомнения эллинский характер культуры таких городов, как Ольвия, заставляет с осторожностью относиться к интерпретации спорных объектов. Принадлежность к греческому миру поселений сельскохозяйственной округи Ольвии часто допускается лишь с точки зрения вхож-

ления их в государственную структуру полиса, поэтому определение зольников ольвийской периферии как культовых памятников не вызывает возражений. Но насколько кардинально отличались религиозные представления и культовая практика жителей самой Ольвии и населения её хоры?

Зольник Кошарского городища (конец V–III в. до н.э.), расположенного на западной окраине Ольвийского полиса, обладает всеми признаками (Русанова, 1997) сакрального объекта (Носова, 2002; 2004). Принадлежали почитавшиеся здесь боги к греческому пантеону или же это были варварские божества, чьи имена нам неизвестны?

Авторы раскопок, отмечая гетерогенность этнического состава населения, все же считают Кошарское городище в культурно-этническом плане скорее греческим (Диама́нт, Лезина 1991. С. 93; Редина, 1994). Такая характеристика, а также несомненное присутствие среди обитателей городища греков (Диама́нт, 1989) позволяют предположить отправление на зольнике эллинических культов.

В связи с вопросом о культовой практике греческого или значительно эллинизированного варварского населения представляет интерес довольно типичная для священного участка городища категория находок, относящаяся к сфере домашних ремесел, – глиняные пирамидальные грузила для ткацких станков. Обычные для жилых и сакральных комплексов греческих городов и поселений их хоры IV–III в. до н.э., эти изделия не характерны для варварских памятников. В VI–IV в. до н.э. степные скифы использовали лишь примитивные ткацкие приспособления (Гаврилюк, 1989. С. 91). Наличие развитого прядения у гетов Днестровско-Карпатского региона подтверждают многочисленные пряслища на синхронных Кошарскому гетских поселениях, наличие ткачества – только следы отпечатков тканей на днищах лепных сосудов (Никулицэ, 1984. С. 92–94). Археологических свидетельств использования вертикального ткацкого станка греческого образца здесь также нет, как нет их и в украинской лесостепи.

Таким образом, находки ткацких грузил могут служить косвенным показателем: а) присутствия греков; б) степени эллинизованности местного компонента; в) укоренения широко распространенной в эллинистическом мире традиции приношения *ex voto* данной категории вещей.

Качество происходящих из сакральных объектов подвесок различно: от тщательно изготовленных и обожженных, покрытых цветным ангобом грузил с оттисками гемм, монограммами и т.п. до небрежно сделанных, подобно кошарским, экземпляров. Использование грузил как вотивов, кроме прямых доказательств (посвятительные граффити), подтверждают: серийность находок; часто невозможность их практического применения (отсутствие обжига, отверстия для нити); присутствие на грузилах мужских имен; изготовление из свинца –

металла, использовавшегося для отливки вотивов, – миниатюрных грузил, полностью имитирующих аналоги из глины (Соломоник. 1994. С. 143; Лейлууська. 1988. С. 70–71). Когда археологический контекст позволяет соотнести грузила с конкретным культом, оказывается, что чаще их посвящали представителям женской половины греческого пантеона, что естественно, так как мифологическая традиция относит женские хозяйственные занятия ткачество и прядение к ведению женского божества. У греков символика ткачества, по-видимому, во многом совпадала с символикой прядения и тесно переплеталась с мотивами плодородия, судьбы, рождения, жизни, смерти (Томсон. 1958. С. 336–340; Горан. 1990. С. 76, 88, 146). Неслучайно «у Орфея Кора, которая является хранительницей всякого посева, изображается за ткацким станком» (Porph. Ant. 14). Ассоциация ткачества с психологическим архетипом Великой Богини делает вероятным посвящение грузил практически любому женскому божеству греческого пантеона.

Что при выборе вотива было основным – его практическое или символическое назначение, – возможно, определялось целями дарителя и «сферой деятельности» божества, которому делалось подношение. Принесенные в храм Афины грузила, по-видимому, должны были обеспечить успех в ткацком ремесле (Гайдукевич. 1952. С. 401; Брашнинский. 1968. С. 63; Лопухова. 1989. С. 121; Weinberg. 1979).

На грузилах из Херсонеса встречаются посвящения Афродите (Соломоник. 1994. С. 148, №12). Ткацкие подвески и костяной конус обнаружены в предполагаемом святилище Афродиты в Нимфее (Худяк. 1962. С. 26). Хотя столь прямая символично-морфологическая зависимость сомнительна, гипотетически можно предположить обусловленность выбора вотива его формой (пирамида, конус). Конические камни были символом плодородия во многих восточных и средиземноморских религиях древности. Конус в святилище Афродиты в Пафосе – наиболее известная в греческом мире аналогия-форма (Lubsen-Admiral, Hoffman. 1995. P. 77).

Аббревиации на грузилах ГЛУК, МЕΛΙ (клейма в Коринфе и в храме Посейдона на Истме) и ГΛΥ (граффито в Херсонесе) исследователи переводят как слова «сладкий» и «мед», полагая, что глиняные поделки сопровождали дар в храм сладкого вина или же служили для обращения к богам с просьбой об изобилии вина и меда (Брашнинский. 1968. С. 263; Соломоник. 1994. С. 141). Но ольвийская эпиклеза Афродиты «Гликейя» (НО. № 68, 69), эпитеты богини Μελιχρη и Μελινοια (Roscher. 1893. S.56, 66) не исключают, что указанные аббревиации были дедикациями Афродите.

Как посвящения Деметре и Матери богов можно трактовать некоторые граффиты на грузилах из Херсонеса (Соломоник. 1994. С. 143, 148). Много подвесок (в том числе и миниатюрных) обнаружено в свя-

тищце на акрополе Митилены, которое по характерному материалу интерпретируется как святилище Деметры, а глиняные грузила – как votивы этой богини. Находки граффити ΔΑΜΑΤΡΟΟ и ΜΑΤΡΟΟ(Ν) на том же участке акрополя и статуэтки Кибелы в нижней части города дали основания говорить о совместном почитании в святилище Деметры и Матери Богов и даже о синкретизме их культов (Williams. 1989. P. 176–177; 1991. P. 176). Фиксируемый археологией синкретизм отражен в греческой письменной традиции (Кереньи. 2000. С. 148; Отто. 2000. С. 258).

В Северном Причерноморье ткацкие подвески обнаружены в эсхарах Глубокой Пристанн (Буйских. 1989. С. 80), Мирмекия (Гайдукевич. 1987. С. 93), в Китейском святилище (Молева. 1999. С. 123). На последнем памятнике засвидетельствовано отправление культов Деметры, Кору, Кибелы, Афродиты, причем посвящения Деметре и Матери Богов зафиксированы на одном и том же участке (Молева. 2002. С. 152; Молев. 2002. С. 149).

Из Кошарского зольника, кроме значительного количества грузил, происходят обломок протомы Кору-Персефоны и два буквенных граффити в лигатуре, которые предположительно могут быть расшифрованы как ΜΗΤΡΙ и ΔΗΜΗΤΡΙ. Палеоботанический материал – остатки жертвоприношений сожжением – можно связать как с почитанием Деметры и Кору-Персефоны, так и Великой Матери богов. На «теменосе» городища найден обломок терракоты сидящей на троне богини; в погребениях Кошарского некрополя – целая терракота богини на троне и серьги с изображением, по мнению авторов раскопок, Деметры и Кору-Персефоны (Редина, Папучи-Владыко. 2002. С. 60).

Изготовление статуэток в виде сидящих Деметры и Кору-Персефоны прекращается в городах Ионии и Аттике со второй половины V в. до н.э. Кибела в древнегреческой короношпалке имела только статуарное изображение: сидящая на троне женщина с атрибутами, присущими Матери богов (Русяева. 1982. С. 37; 1988. С. 81–88). Возможно, фрагмент и целая статуэтка из Кошар изображали Кибелу, культ которой в эпоху эллинизма становится особенно популярным в Ольвии (Русяева. 1979. С. 60). Совместное почитание Деметры, Кору-Персефоны и Кибелы прослеживается в Ольвии с периода поздней архаики до эллинизма (Русяева. 1979. С. 58–60, 71). Находки из Кошар позволяют предположить, что совместное почитание этих богинь имело место и на этом окраинном городище Ольвийского полиса.

С культурами Деметры, Кору – Персефоны и Кибелы у эллинов тесно переплетался культ Диониса. В Северном Причерноморье в Нимфее, судя по посвященным граффити, «более чем вероятно, что... Дионис и Деметра были ΦΕΟΙ ΣΥΝΝΑΟΙ и имели общий храм» (Виноградов, Тохтасьев. 1998. С. 36). На связь жертвоприношений

Дионису с культом Деметры указывает контекст археологических находок в зольном святилище Китя (Молева. 2002. С. 152–153).

О почитании Диониса в Ольвии известно по письменным, эпиграфическим и археологическим источникам. Как свидетельства почитания Диониса древними жителями Кошарского городища могут быть интерпретированы некоторые находки из зольника (фаллоидная и зооморфная поделки из глины, пелика «керченского стиля») и культовых ям (кратер «керченского стиля» со сценой амазономахии; статуэтка пьяного Геракла, аналогичная терракоте из кургана Большая Близица) в зоне жилой застройки (Левина. 1989; Носова. 2004).

С культом Диониса хтонического связывают типичные для Ольвии (район Западных ворот, Западный теменос, некрополь) и поселений её хоры эпохи поздней классики – эллинизма свинцовые букрании и лабрисы (Зайцева. 1971; Русьева. 1978; Русьева. 1991. С. 134; Лейпуньска. 1988). Интересные данные получены при раскопках святилища в предместье Ольвии (Козуб. 2002). В непосредственной близости от алтаря, на котором лежали лабрисы и букрании, обнаружены стоявшая *in situ* краснофигурная пелика-ботрос со сценой амазономахии и характерные для святилищ Деметры (Книд, Родос, Митилена) свинцовые свитки-письма. Рядом с другим жертвенником, кроме свинцовых свитков-писем, букрания и лабриса, найдены обломки терракоты сидящей на троне фигуры (Кибела?) и протома Деметры (Козуб. 2002. С. 21–22).

Достаточно выразительные памятники, свидетельствующие о совместном почитании Диониса, Деметры и Кора-Персефона, в Ольвии пока отсутствуют (Русьева. 1979. С. 84). Однако описанное сочетание вещей на сакральных объектах не исключает вероятности того, что в рассматриваемый период в Ольвии (и Кошарах?) в качестве женского коррелята Диониса выступали Деметра/Кибела и/или Кора-Персефона (божественная триада?).

Как для Западного ольвийского (Русьева. 1992. С. 162), так и для Кошарского «теменоса» типичны находки разнообразных по форме дисковых камней. Среди зооморфных каменных конкреций часто попадаются «букрании». Серийность формы указывает на её неслучайный характер и позволяет гипотетически соотнести каменные «букрании» со свинцовыми вотивами Дионису (Носова. 2004). Не менее типичны для зольника изготовленные из керамических обломков и плоской морской гальки так называемые «намотки». Предположение об их культовом/магическом назначении небезосновательно (Русьева. 1979. С. 50; Марченко, Доманский. 1999. С. 69). В зольнике бедного парадной греческой керамикой позднеархаического поселения Куцуруб-1 обнаружены «намотки» из обломков чернолаковых аттических сосудов (Марченко, Доманский. 1985. С. 39). «Намотка» из фрагмента

чернофигурного сосуда и изготовленные из фрагментов чернофигурной, чернолаковой и сероглиняной керамики остраконы (на одном графито-посвящение Деметре) найдены в позднеархаической полуземлянке в Ольвии (Крижицкий, Русяева. 1978. С. 9). На керамических «намотках» были прочерчены ольвийские посвящения Коре-Персефоне (Русяева. 1979. С. 48–50, рис. 28, 6–8), а на костяной пластине, повторяющей форму «намотки», – знаки и изображение бегущего коня, связанные, по мнению А.С. Русяевой, с культом Диониса (1978. С. 89, рис. 6, 5). Примечательное графито происходит из зольника Бельского городища: судя по публикации, лабрис прочерчен на костяной пластине имеющей форму «намотки» (Шрамко. 1996. С. 32, табл. II, 7). Прочерченные на керамике лабрисы – символ орфического Диониса-Загряя – известны в Ольвии (Русяева. 1992. С. 97). Возможно, «намотки» являлись в ритуале семантическим повторением лабрисов и использовались в тех же целях – были скромными подношениями Дионису или иному божеству, для которого характерен дуализм с оппозициями (верх – низ, смерть – жизнь и т.д.). Гипотезе не противоречат прочерченные на «намотках» дедикации Коре-Персефоне, ведь она «одна – и жизнь, и смерть для людей многобедных» (Orph. XXIX.15).

Как представляется, материалы из Кошар позволяют поставить вопрос о почитании древними обитателями городища Деметры/Кибелы, Коре-Персефоны, Диониса. Эти предположения, базирующиеся на пока малочисленных данных и спорных интерпретациях, подтверждает или опровергнут дальнейшие исследования. Не исключено, что характеристика, данная Афинам (Семина. 1993. С. 220), в известной степени применима и к Ольвии: поселения её хоры могут рассматриваться как мини-полисы, копирующие религиозную жизнь Ольвии, только в меньшем масштабе. Подобные Кошарскому зольники-святилища, служа заменителями полисного теменоса для населения того или иного региона Ольвийского государства, использовались как жертвенники всем богам; косвенное подтверждение тому – посвящение Аполлону Врачу в эсхаре на восточной окраине хоры Ольвии (Буйских. 1989).

Существует точка зрения на зольники как памятники местного культа Великой Богини (Денисова. 1981. С. 108; Шауб. 1999). Так как рамки настоящего издания не позволяют рассмотреть материал из Кошар в этом ракурсе, ограничусь лишь одним замечанием. Сомнения в отпадении на античных зольных жертвенниках эллинических культов нелогичны уже потому, что ставят под сомнение само присутствие греков в Северном Причерноморье.

P. Guldager Bilde

The Olbia *situla* revisited

In the necropolis of Olbia, a spectacular bucket shaped clay *situla* was found in 1899 (Fig. 1). The vessel is today kept in the Hermitage (St Petersburg). It was first mentioned by E. von Stern in 1899 and published in detail by the same author in 1902, but since then, it has not occasioned much discussion (фон Штерн. 1899. С. 123–125. Рис. 235; фон Штерн. 1902; Schwabacher. 1941. P. 191. № 4; Finoguenova. 1991. P. 132–133; Самойлова, Барнсгар. 1994. С. 90).

The vase is made of fine, light orange clay having a thin black coat with a slight metallic sheen. The coat is of an uneven thickness, which occasionally reveals the colour of the clay. The height of the vase is 22.5 cm and it is very well preserved. It was made from a very fresh mould, and no similar vase is known. It is very richly decorated with relief scenes in no less than seven individual registers: Frieze 1: Ovolo; Frieze 2: Bead and reel; Frieze 3: 21 figural scenes in a continuous frieze, repeated three times; Frieze 4: Myrtle wreath with berries; Frieze 5: Alternating scenes, (i) two Erotes placed heraldically around a tall vegetal element consisting of an acanthus calyx with a floral element, and (ii) an Erot with a thyrsos riding a feline side-saddle; Frieze 6: Continuous battle scenes showing Greeks fighting Amazons; Frieze 7: Pair of Erotes placed heraldically around a crater, repeated.

The shape reproduces bronze vessels of the ovoid, bucket shaped *situla* type, which probably originated in Macedonia or Thrace in the 5th century BC and became quite common in the late Classical and Hellenistic courts and noble households throughout the Mediterranean (Barr-Sharrar. 1982. P. 127–131, notes 21 and 25; Archibald. 1998. P. 189–190; 275–278).

As well, the Ionian kymation frieze placed beneath the rim (Frieze 1+2) is inspired by the bronze models. Only the double, moveable handles of the bronze original could not be imitated in clay, so the vessel, accordingly, lacks handles.

Some of the bronze vessels had a decoration either incised or in relief, most commonly confined to the handle zone. Clay imitations of *situlae* are known in ancient vase production, but few belong, as does the Olbia *situla*, to the pottery class of the so-called Megarian, or following S. Rotroff's more adequate nomenclature, Mouldmade vases (Rotroff. 1982. P. 2–3).

This type of pottery was first made in Athens around c. 230 BC and it was soon copied all over the Greek (and Italic) world (Guldager Bilde. 1993). The shapes were predominantly a hemispherical bowl, but some

workshops particularly in the peripheries excelled in a more inventive repertoire of shape (Guldager Bilde. 1993, note 12)⁹. Mouldmade bowls were produced in many localities in the Greek cities in the Black Sea region, and they were even imitated by the Getes (Guldager Bilde. 1993, 2003 with references). S. Finogenova has suggested the fabric of the Olbia *situla* to be Pergamene (Finogenova. 1991. P. 132–133).

As none of the scenes found in the vessel's key frieze (Frieze 3), which have a wide distribution in the Mediterranean and in the Black Sea regions (see below), however, have been found among the otherwise well documented Pergamene relief ware production (Hübner. 1993). I believe that we can exclude this origin. The closest parallels can be found on two groups of interrelated «Ionian» bowls unearthed in Delos and classified by A. Laumonier as *Atelier des belles Méduses* (mostly red but also grey fabric) and *Atelier des vases gris* (predominantly grey fabric) respectively (1977). Here we find the same Amazonomachy frieze and the same plump Erotes. Moreover, the last-mentioned «workshop» uses a number of large shapes, in particular crater and amphora. Not least, a crater found in a grave in Rheneia employing the same combination of an Erot frieze and a similar Amazonomachy frieze should be mentioned (Laumonier. 1977. № 6201. Pl. 22). In Delos a single clay *situla* has been found. It is made of grey clay and decorated with overlapping leaves (Laumonier 1977. № 6174. Pl. 109). It is not attributed to a workshop by Laumonier, but since the fabric is grey, it may belong to his *Atelier des vases gris*.

The production place of the two workshops, *Atelier des belles Méduses* and *Atelier des vases gris*, has not been suggested by Laumonier. He only notes that he is reminded of the grey Ephesian and Knidian lamps (Laumonier. 1977. P. 95).

In Delos, the two ateliers count among the minor workshops constituting ca. 2% each of the more than 6,500 vases published by Laumonier. In general, the quality and output volume of Hellenistic Black Sea region fine ware pottery is underrated even though moulds attest to a high quality production (e.g. Мальмберг. 1892).

Taking into account that Mouldmade vases with grey fabric as well as Mouldmade vases of larger shapes were very popular in the northern Black Sea region, it is to my mind likely that there is a connection between these Delian vases on the one hand and on the other hand, the local production of

⁹ This is fully confirmed in Olbia, where we find amphorae (e.g. of Kirbei production), cups and lagynoi (Zahn. 1908), craters (Самойлова, Барнар. 1994; unpublished fragments from Sector NGS), as well as other large vessels (unpublished fragments from Sector NGS). The unpublished fragments will be published by the author in *The Lower City of Olbia in the 5th century BC – 4th century AD* (the sector NGS).

Mouldmade vases in the Black Sea region. In addition, it should be mentioned that fragments of two almost identical craters belonging to the same workshop as the Delian crater mentioned above, have been found in Olbia (Самойлова. 1990)¹⁰ and one in Tyras (Самойлова. 1984, Рис. 4. 11. С. 127; Самойлова. 1988. Табл. 23. 6).

To my mind, this supports the hypothesis of local production. Further investigations may show whether the mentioned Delian vases as well as the situla were, in fact, made locally in the northwestern Black Sea region, perhaps even in Olbia. In general, the Mouldmade bowls in Delos are dated to the period between 166–88/69 BC. If my suggestion coupling the Olbia situla to the Delian vases can be accepted, I would propose that the situla is early in the series (in the Belles Méduses «workshop», which Laumonier believes precedes the Vases gris), perhaps from the second third of the 2nd century BC. The reason that I became interested in the vase is the presence of Frieze 3 on the vessel. This frieze imitates a group of small terracotta altars found in considerable numbers first of all in the Black Sea region, but also in large parts of the Mediterranean (Guldager Bilde forthcoming).

The altars were created around 250 BC and were produced for perhaps as much as 100 years. They feature four figural groups: three two-figure groups and one three-figure group (Figs. 1–2): *Scene A*: reveals a standing female (A 1) with a pony-tail. She wears a chiton and a himation. Her left arm is wrapped in the himation, and with her right hand she extends a wreath towards a *tropaion* (A 2). The *tropaion* is erected on a wooden pole supported by a heap of boulders. It consists of a Corinthian helmet, a round shield, a cuirass, and a spear.

Scene B: shows a female (B 1) standing frontally. She is clad in a peplos and carries in her right hand a closed vessel, whereas her left hand is raised to the shoulder in a gesture of female modesty. She turns very slightly towards a standing man (B 2). His upper torso is naked, but his lower torso and left shoulder are wrapped in a himation. He carries a long-shafted object in the left hand, and he places his right hand possessively on the woman's left shoulder.

Scene C: features a young male (C 1) sitting on a rock. His left thigh is covered by a mantle, which is further draped over the rock. On his head he wears a wreath. He is playing a chitara and is facing a standing female (C 2). She is dressed in a chiton and a himation with a veil and a low *polos* on her head. The female holds a long-shafted object in her right hand.

Scene D: discloses in the centre a standing male (D 2) wearing boots and a garment or garland across the chest, with his left shoulder covered by

¹⁰Published as one crater, but with certainty belonging to two different vessels. Olbia sector NGS. The fragments will be republished by the author in *The Lower City of Olbia in the 5th century BC–4th century AD* (the sector NGS).

a cloak. He turns back to receive a kiss from a standing female (D 1) clad in a chiton and a himation. She extends forward her arms to embrace D 2. A smaller standing naked youth (D 3) supports D 2 from behind.

Fig. 1. The Olbia situla. St. Petersburg. The State Hermitage

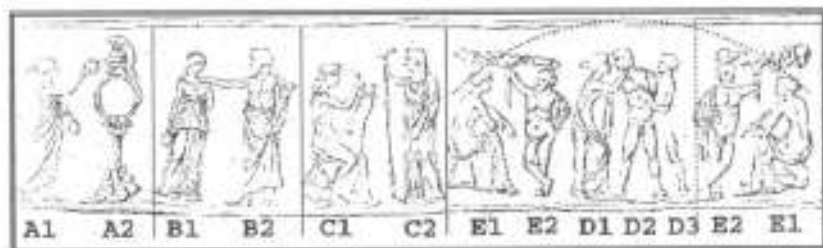

Fig. 2. Frieze 3. First sequence with divisions into scenes. Modified after
Фигур Штефф. 1902. Табл. XV

The immense popularity of the altars is also illustrated by the fact that they were soon copied on Mouldmade bowls (Fig. 3). In the Athenian Agora alone, no less than 22 bowls and two fragmentary moulds with one or more of the altar scenes have been found, the majority belonging to the production's earliest phases (*Workshop of Bion* and *Workshop A*, 225–175 BC), so there can be no doubt that at least some of the bowls with altar scenes were produced in Athens (Athen. Agora P24234: Rotroff. 1982. Cat. 277; or P. 24814: Rotroff. 1982. Cat. 278).

Fig. 3. Mouldmade bowl (Athens Agora. P. 28100)
and terracotta altar from Tarentum

However, a mould fragment and a stamp for producing such moulds have been found in Argos and in Corinth respectively showing that the Athenian production of bowls with altar scenes was not an isolated phenomenon (Argos: Siebert. 1987. P. 352. Cat. M28. Pl. 24; Corinth: Edwards. 1986. Pl. 396. № 57. Pl. 90), and though rare, they are also encountered among the «Ionian» bowls found in Delos.

In Olbia, not just altars, but also vases with mouldmade decoration employing the altar scenes have been found. In the lower city (Sector NGS) fragments of at least three such bowls have been unearthed, probably all local products¹¹. There can, accordingly, be no doubt about the popularity of the altar scenes in Olbia. In general, the Mouldmade bowls show an eclectic use of the altar scenes, and some (the earliest) even emulate the architectural framework of the altars. This eclecticism has caused researchers to dismiss any intended meaning behind the scenes pronouncing them to be merely genre scenes (e.g. Thompson. 1962. P. 259; Vermeule. 1966. P. 111; Merker. 2000. Pl. 270).

It is, I believe, a methodological error to project back our own lack of understanding of a given object. And I believe that a careful reading of the Olbia situla can provide us with a better understanding not only of the situla itself, but also of the altars. Let us therefore return to Frieze 3 with the altar scenes and its interpretation.

¹¹ 1993-0675 and 1993-0910 (same bowl; workshop probably related to Vases gris); 1993-267, 1993-0684, all unpublished; will be published by the author in *The Lower City of Olbia in the 5th century BC-4th century AD (the sector NGS)*.

The situla features as mentioned seven registers of decoration. The highest of these and the one with the most conspicuous location is Frieze 3. Here 21 figural groups are depicted in a continuous frieze. 15 of these are identical to the four altar scenes and even copy the rhythm of the altars, but Scene D on the situla is further emphasized, since it is enclosed by yet another figural group depicted symmetrically and mirror-reversed at each side of it¹². This figural group, Scene E, features a female sitting on a rock (E 1). She is dressed with a cloak draped around her lower body. Next to her and leaning against a tree is an elderly, fattish male (E 2) with a mantle over his left shoulder. These three groups (E, D, and E reversed) make up a unity, and it is not difficult to interpret the central scene as Dionysos (D 2) supported by his young favorite Ampelos (D 3) and kissing Ariadne (D 1).

This scene is probably the frieze's central scene being enriched, as it is, by the framing of the same mirror-reversed group of two further followers of Dionysos, a Maenad or a Nymph and a Silenos. Scene D's kissing-scene, which was a transformation of an older scene showing Dionysos supported by a Satyr, was to become extremely popular (Willers, 1986; Pochmarski, 1990) and as I argue elsewhere, it depicts the apotheosis of Ariadne in her mystic union with Dionysos, her anagogé (Guldager Bilde, 2005; Guldager Bilde forthcoming). Scene A has been the cause of little discussion, whereas the following two scenes, Scene B and C, have been met with several interpretations. In general, Western researchers follow slavishly the interpretation, which was proposed by W. Deonna in 1907. He viewed Scene B as a depiction of Poseidon and Amymone, and Scene C as showing Apollon and his mother, Leto. Eastern researchers on the other hand mostly interpret B1 as Amphitrite instead of Amymone, while a few view the couple as Hebe or Hera and Zeus. Finally, the interpretation of the last scene, Scene C, is interpreted variously in the West and in the East, as eastern scholars follow von Stern's interpretation of C 2 as Artemis¹³.

The main reason why the interpretation of Scene B has varied is that the attribute of B 2 is changeable on the Mouldmade vases: sometimes it is shown as a short-shafted trident, and sometimes it is shown as a sceptre as on the Olbia situla. The changing attribute may suggest an ambivalent interpretation of B 2. However, on the altars, the attribute can exclusively be recognised as a trident whenever it is preserved. The only exception seems to be on the Delos mould (Schürmann, 1989, Pl. 112, Cat. 692), but it must be taken into account that this because of its context must belong to the latest phase in the production of the altars, probably after 166 BC. I therefore

¹² The same idea of emphasizing this Dionysiac group by adding a mirror-reversed figure (of Pan) at each side, is also found on a Mouldmade bowl attributed to the Atelier des belles Méduses: Laumonier, 1977, № 3247, Pl. 20.

¹³ All references in Guldager Bilde, forthcoming.

follow Deonna's identification of B 2 as Poseidon, and from this it follows that B 1, as he suggested, must be Amymone. A closely related variant of the scene is depicted on a number of late Roman mosaics from Chania in Crete, from Amphipolis in Macedonia, and from Apamea in Syria. In all three mosaics, B 2 is depicted with trident, and in the last-named two mosaics the female is identified with certainty as Amymone due to the presence of an inscription (Simon. 1981. № 29–30, 83)¹⁴.

Amymone was one of King Danaos' 50 daughters, who gained notoriety when on their wedding night with the exception of Hypermnestra they killed their husbands. For this deed they were condemned to eternal punishment in Tartaros, where they were obliged to pour water into a bottomless container. Amymone escaped this fate as she became Poseidon's *paramour*. Iconographically, she commonly occurs in a Dionysiac context and Dionysos was even named as her suitor but lost her hand to Poseidon (Nonnos. *Dionysiaca*. 43, 34).

More importantly, Amymone was also the spring, which emptied itself into the marches of Lerna, personified by the nine-headed monster killed by Herakles. This was one of the ancient world's passages to the Underworld. Here Hades descended with Kore and here Dionysos went down to bring back his dead mother, Semele. As late as the end of the 4th century AD, an initiation cult devoted to Dionysos, Demeter and Persephone was celebrated at the site (Pausanias. 2, 36, 7; 2, 37, 1; CIL. IV. 666; CIL. VI. 1779, 1780, 2145 = ILS. 1259–61. L).

Eastern and Western scholars, as mentioned, agree that C 1 is Apollon, and there is only disagreement about the interpretation of C 2 as either his mother, Leto, or his sister, Artemis. However, both interpretations take it for granted that C 1 is Apollon. There are, though, other possible identifications of the figure, first of all as Orpheus, who is frequently shown as an Apollon clone (Garezou. 1994). If C 1 is Orpheus rather than Apollon, there is no reason why C 2 should be either Leto or Artemis. A matronly deity with polos and veil and with torch or sceptre is more likely to be Persephone. This identification would also explain why the altar scenes appear on votive terracotta *poloi* from the Sanctuary of Demeter and Kore in Corinth, which have so far escaped an adequate interpretation (Merker. 2000. P. 270–271)¹⁵.

¹⁴ <http://homepage.univie.ac.at/elisabeth.trinkl/forum/forum0999/12mosgr.htm>.

¹⁵ It should also be noted that on one of the *poloi*, the B2 figure is coupled with C2 placing her hand on her shoulder. Unfortunately, the attribute of B2 is not preserved, but he may in the present context have been reinterpreted as Hades laying his hand possessingly on the shoulder of Persephone, and I wonder whether B2 with a sceptre on many Mouldmade vases shows an ambivalence in the representation between the

After three identical repetitions of the six stamps in the rhythm Scene D (framed at both sides by Scene E)/Scene A/Scene B/Scene C, space ran out for the *situla* craftsman. Which stamps did he pick for filling the final gap? Did he bluntly continue the sequence starting it over again a fourth time? It takes three stamps to fill the gap. Should he have continued the sequence, it would have been with Scenes E, D, and E reversed. That would have given these scenes repeated twice in the sequence. Instead he chose: A, D and C.

Together, they provide, I believe, the essence of the frieze: the turning point of the death (Scene A), the passage to the Nether World where Persephone reigns and where Orpheus is sitting on a rock playing the *chitara* as depicted in Polygnotos' *Nekyia* painting in the *Lesche* of the Cnicians in Delphi (Scene C; Paus. 10, 30, 6–7), and the return to the light and the heavenly bliss promised by Dionysos to his followers, of which Ariadne and her apotheosis is the paradigmatic model (Scene D)¹⁶. Only for Scene B showing the passage through the gates of the Underworld marked by Amymon and the Father god, Poseidon-Hades was there no room left¹⁷.

If this interpretation can be accepted, the Olbia *situla* provides a coherent narrative showing the power of Dionysos over Death, not one of eclecticism and missing meaning. In fact, not only Frieze 3 features Dionysiac symbolism: the entire *situla* is pervaded by Dionysian connotations: the myrtle wreath was in antiquity associated with Dionysos and funerary rites, not as today with marriage, and the two friezes with Erotes are equally Dionysian. Frieze 7 demonstrates this most clearly with the two Erotes adoring the crater, but it can also be seen in the Erotes of Frieze 5 celebrating the deity's vegetative power (the plant ornament) and not least in the Erot riding a feline imitating Dionysos himself, as seen in for example the almost contemporary mosaics in the House of Dionysos in Delos¹⁸. Indeed even the very context of the frieze: the vase itself, a fine piece of symposium equipment, is Dionysian.

Olbia was, as it is well known, the home of a popular Dionysos cult. Not only Herodotos' moralising story of King Skyles and his initiation into the city's Dionysos *Bakchaios* cult is evidence hereof (4, 79–80), but also

two brothers, Poseidon and Hades. On iconographical coupling of Orpheus and Amymon, see Philostratos. *Life of Apollonius of Tyana* 1, 25.

¹⁶ Two altars, one from Cumae (Levi. 1926. P. 114 cat. № 498) and one from Tarentum (Fröhner. 1899. P. 41. Cat. № 122. Pl. IX) show a similar focus on the scenes A and D as these two scenes occur twice on each altar.

¹⁷ On several altars, the entire scene or B2 is obliterated intentionally, see Guldager *Bilde*, forthcoming.

¹⁸ Winged (!) Dionysos riding a tiger: Bruneau. 1972. P. 289–293. The subject is found in several versions on the island: Bruneau & Ducat. 1983. P. 91. Fig. 90.

the early finds from the town and from the city's necropolis (Русева. 1978; Zmud'. 1992).

The find spots of the terracotta altars provide us with valuable information for the milieu and social status of the adherents of this cult, as they are found primarily in rich houses and farmhouses (Guldager Bilde forthcoming). The *situla* points to the same social environment in Olbia.

References

- Мальмберг. 1892 – В. К. Мальмберг. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах // МАР. 1892. № 7.
- Русева. 1978 – А. С. Русева. Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ. 1978. № 1.
- Самойлова. 1984 – Т. Л. Самойлова. Рельефная керамика эллинистического времени из раскопок Тира // Северное Причерноморье (Материалы по археологии). К., 1984.
- Самойлова. 1988 – Т. Л. Самойлова. Тира в VI-I в. до н.э. К., 1988.
- Самойлова. 1990 – Т. Л. Самойлова. Эллинистический рельефный сосуд из Ольвии // Древнее Причерноморье. IV-е чтения памяти профессора Карышковского. Одесса, 1990.
- Самойлова, Батисаг. 1994 – Т. Л. Самойлова, Г. Б. Батисаг. Рельефные сосуды из Ольвии с изображением кораблей // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1994.
- фон Штерн. 1899 – ОАК за 1899 г. СПб., 1902.
- фон Штерн. 1902 – Э. Р. фон Штерн. Ваза с рельефными украшениями из Ольвии // ИАК. 1902. Вып. 3.
- Archibald. 1998 – Z. H. Archibald. The Odrysian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked. Oxford, 1998.
- Barr-Sharrar. 1982 – B. Barr-Sharrar. Macedonian Metal Vases in Perspective: Some Observations on Context and Tradition // B. Barr-Sharrar & E. Borza (eds.), Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times. Studies in the History of Art 10. 1982.
- Bruneau. 1972 – Ph. Bruneau. Exploitation archéologique de Délos XXIX. Les mosaïques. Paris, 1972.
- Bruneau, Ducat. 1983 – Ph. Bruneau, J. Ducat, Guide de Délos. Paris, 1983.
- Deonna. 1907 – W. Deonna. Brûle-parfums en terre-cuite // Rev. Arch. 1907. 10.
- Deonna. 1934 – W. Deonna. Mobilier délien // BCH, 1934. 58.
- Edwards. 1986 – C. M. Edwards. Corinthian Moldmade Bowls: the 1926 Reservoir // Hesperia. 55. 1986.
- Finoguenova. 1991 – S. Finoguenova. Les petites autels en terre cuite au nord de la Mer Noire // R. Étienne & M.-Th. Le Dinahet. L'espace sacrificiel. Paris, 1991.
- Fröhner. 1899 – W. Fröhner. Collection H. Hoffmann, antiquités (vente à l'Hotel Druot). Paris, 1899.
- Garezou. 1994 – M.-X. Garezou. Orpheus, LIMC VII. Zürich & München, 1994. 81–105.

- Guldager Bilde. 1993 – *P. Guldager Bilde*. Mouldmade Bowls, Centres and Peripheries in the Hellenistic World, in: P. Bilde et al., Centre and Periphery in the Hellenistic World. Studies in Hellenistic Civilisation. 1993. 4.
- Guldager Bilde. 2005 – *P. Guldager Bilde*. Roadmap to salvation? Reflections on a group of Hellenistic terracotta altars // Abstract for the 11th International Symposium on the Ancient History and Archaeology of the Black Sea Area. Vani, September 2005.
- Guldager Bilde. Forthcoming – *P. Guldager Bilde*. Struggling with Death. Eschatological Currents in the Northwestern Black Sea Region and Beyond // Black Sea Studies 6. Aarhus.
- Hübner. 1993 – *G. Hübner*. Die Applikenkeramik von Pergamon. Eine Bildersprache im Dienst des Herrscherkultes // Pergamenische Forschungen Berlin, 1993. 7.
- Laumonier. 1977– *A. Laumonier*. La céramique hellénistique a reliefs. Ateliers «Ioniens» // Délos XXXI. Paris, 1977.
- Levi. 1926 – *A. Levi*. Le terrecotte figurate del Museo Nazionale di Napoli. Firenze, 1926.
- Merker. 2000 – *G. Merker*. The Sanctuary of Demeter and Kore. Terracotta Figurines of the Classical, Hellenistic, and Roman Periods // Corinth XVIII.4. Ann Arbor. 2000.
- Pochmarski. 1990 – *E. Pochmarski*. Dionysische Gruppen. Eine typologische Untersuchung zur Geschichte des Stützmotivs // Österreichischen Archäologischen Institut in Wien. Sonderschriften XIX. Wien, 1990.
- Rotroff. 1982 – *S. Rotroff*. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Mouldmade Bowls // The Athenian Agora. Princeton, 1982.
- Schürmann. 1989 – *W. Schürmann*. Katalog der antiken Terrakotten im Badischen Landesmuseum Karlsruhe. SIMA LXXXIV. Göteborg, 1989.
- Siebert. 1978 – *G. Siebert*. Recherches sur les ateliers de bols a reliefs du Péloponnèse a l'époque hellénistique, BEFAR 233. Paris, 1978.
- Simon, E. 1981 – *E. Simon*. Amymon. LIMC I. Zürich & München, 1981.
- Thompson. 1962 – *D. B. Thompson*. Three Centuries of Hellenistic Terracottas // Hesperia. 1962. 31.
- Vermeule. 1966 – *C. Vermeule*. Small Sculptures in the Museum of Fine Arts, Boston // Classical Journal. 1966. 62.
- Willers. 1986 – *D. Willers*. Typus und Motiv. Aus der hellenistischen Entwicklungsgeschichte einer Zweifigurengruppe // AntK. 1986. 29.
- Zahn. 1908 – *R. Zahn*. Hellenistische Reliefgefäße aus Südrussland // Jdl. 1908. 23.
- Zrud'. 1992 – *L. Zrud'*. Orphism and Graffiti from Olbia // Hermes. 1992. 120.

В. М. Зубарь

Об особенностях отправления культа Кибелы в Херсонесе Таврическом

Культ Фригийской матери – Кибелы – богини всепорождающей и всепоглощающей, владычицы жизни и смерти, всего сущего, на территории Эллады проник из Малой Азии еще в архаический период (Burkert. 1985. P. 163). Она выступала защитницей животного мира, основательницей и покровительницей городов, земледелия и растительного мира, символизировала плодородие (Русяева. 1979. С. 101–114). Ее синкретический культ, впитавший черты Рен, Деметры, Артемиды, Исиды, распространяется особенно широко с III в. до н.э. Кибела представлялась богиней животного мира и плодородия. В тоже время для ее культа были характерны и хтонические функции (ср.: Barnett. 1956. P. 219); популярность Кибелы в самых широких слоях населения античного мира росла в связи с развитием представлений о бессмертии (Русяева. 1979. С. 101–102). В Риме ее культ был учрежден уже в 204 г. до н.э. (Simon. 1990. S. 146).

В Херсонесе изображения Кибелы на монетах отсутствуют на протяжении всего античного периода. Памятники этого культа не представлены и в латиндарной эпиграфике, что не позволяет пока предполагать его отправление от имени гражданской общины.

Однако наиболее ранние памятники, связанные с культом Кибелы, известны в Херсонесе уже с конца V в. до н.э. Это мраморная голова богини, стилистически близкая фрагментам базы статуй Немесиды в Рамунте (АСХ. 1976. С. 26. № 44). Не исключено, что фрагмент терракоты V в. до н.э., представлявший богиню в высоком головном уборе, интерпретированный как изображение Деметры (Шевченко. 1998. С. 58. № 9б. Табл. II, 8), мог быть изображением Кибелы (ср.: Русяева. 1982. С. 82–83). К IV–III в. до н.э. относятся граффити с посвящениями этой богине из Херсонеса (Граффити. 1978. С. 89–91. № 1170, 1172–1201) и с античных памятников Северо-Западной Таврики (Соломоник. 1984. С. 52. № 166; С. 85. № 425; Бондаренко. 2003. С. 102–105), вероятно, связанные с домашними святилищами. А в керамических мастерских Херсонеса, датирующихся эллинистическим периодом, найдена форма для изготовления терракоты сидящей Кибелы (Борисова. 1966. С. 28–29. № 77, 78, 101). К этому же времени относятся терракотовая статуэтка Кибелы со львом на коленях (Белов. 1930. С. 234. № 26. Рис. 20) и терракотовое изображение Кибелы в могиле III в. до н.э. (Белов. 1930. С. 234–235. № 27; 1970. С. 74. № 23. Табл. 12, 7; ср.: Шевченко. 2000. С. 28–32. № 40–52; 2003. С. 14; Попова. 2000. С. 136–137).

В Ольвии культ Кибелы отправился в святилище, расположенном на Западном теменосе, с конца VI в. до н.э. и, следовательно, носил общеполитеный характер. И это неудивительно, так как этот культ в ионийских колониях становится особенно популярным уже с VI в. до н.э. (Русяева. 1982. С. 144). В более позднее время, вплоть до II в. до н.э., Кибела достаточно широко чтится ольвиополитами (Русяева. 1979. С. 71). Наибольшее число памятников, связанных с этим культом, относится к III–II в. до н.э. (Русяева. 1979. С. 111).

На Боспоре культ Кибелы был распространен уже с V в. до н.э. (КБН. № 21, 23). А с III в. до н.э. она чтится на Боспоре, в частности, в азиатской части государства. Здесь были расположены святилища, и получил развитие культ Афродиты Урании – Владычицы Апатура, которая рассматривалась в качестве верховного женского божества, покровительницы плодородия, и по своим функциям была достаточно близка малоазийской Кибеле (Харко. 1941. С. 81–93; Иванова. 1950. С. 104–109; Марченко. 1960. С. 101–107; 1963. С. 86–90; 1977. С. 121–122; Чуйстова. 1962. С. 181–186; Сокольский. 1964. С. 101–118; 1973. С. 88–90; 1976. С. 94). В это время культы Деметры и Кору-Персефоны несколько утратили свою популярность, а культ Кибелы, напротив, стал широко распространяться среди боспорян (Кобылина. 1978. С. 5–10; Сапрыкин, Масленников. 1998. С. 419). В близком контексте воспринимался и культ так называемой «мирмекийской богини», в которой причудливо переплелись черты Кибелы, Афродиты, Артемиды и малоазийских божеств (Гайдужевич. 1965. С. 36–37; 1987. С. 66–98; ср.: Виноградов. 1981. С. 79–80; Денисова. 1981. С. 106–110). Во II–I в. до н.э. Афродита, Кибела и Великая Мать на Боспоре постепенно стали превалировать над культурами других женских божеств (Сапрыкин, Масленников. 1998. С. 421–425), хотя до конца их и не вытеснили.

Следовательно, культ Кибелы был хорошо известен в целом ряде центров Северного Причерноморья и оказал довольно заметное влияние на религиозные представления греческого населения (ср.: Русяева. 1972. С. 35–45). В Херсонесе в сравнении с другими регионами, судя по имеющимся в настоящее время материалам, культ Кибелы не получил такого широкого распространения вплоть до II в. до н.э. (Шевченко. 2003. С. 14). Это, видимо, следует объяснить определенным своеобразием религиозных представлений херсонеситов, которые в своей массе были дорийцами. В эллинистический период функциями Кибелы, впрочем, как и Деметры, были наделены верховные божества покровители – Партенос и Геракл. Учитывая сочетание черт, присущих Кибеле и архаической Артемиде, который зафиксирован в Ольвии и ряде центров Причерноморья (Русяева. 1979. С. 101), можно предполагать, что в Херсонесе функции этой богини перешли к Партенос. Весьма показательным и то, что на Боспоре во II в. н.э. существовал храм бо-

гини Ма и Партенос, близких по своим функциям Кибеле (Лурье. 1948. С. 204–221; Сапрыкин, Масленников. 1998. С. 420–421).

К первым векам н.э. относится группа votивных рельефов с изображением Кибелы и львов, ее статуэток и рельефов (АСХ. 1976. С. 27–29. № 45–56; Нессель. 2004. С. 280–283), граффити МА, МН, МНТ на краснолаковых сосудах (ИЗХТ. Инв. № 523/35655; 21/35745; 61/35901; 33/36857; 23/36914), а также остатки святилища, открытого на хоре Херсонеса (Нессель. 2003. С. 21–26). Однако, несмотря на заметное влияние на идеологическую жизнь Херсонеса Рима, где культ Кибелы получил значительное распространение (Simon. 1990. S. 146–151), данные о его отправлении от имени гражданской общины по-прежнему отсутствуют. Вероятно, как и ранее, он отправлялся в домашних святилищах сравнительно ограниченным кругом лиц (Мещеряков. 1980. С. 11; Нессель. 2003. С. 21–26), а рост со II в. до н.э. количества памятников, связанных с почитанием Кибелы (Шевченко. 2003. С. 14), в сравнении с предшествующим периодом, в основном связан с выходцами из Малой Азии и Восточных провинций Римской империи, с которыми Херсонес поддерживал оживленные и разносторонние связи (Кадева. 1981. С. 103–106; Зубарь. 1987. С. 100). Основная же масса греческого населения Херсонеса, видимо, придерживалась традиционных взглядов и чтила Партенос, которая по своим функциям была близка Кибеле. В этом, очевидно, следует видеть одну из особенностей религиозного мировоззрения херсонеситов на протяжении античной эпохи.

Литература

- Белов. 1930 – Г. Д. Белов. Терракоты Херсонеса из раскопок 1908–1914 г. // Хсб. 1930. Вып. 3.
- Белов. 1970 – Г. Д. Белов. Терракоты из Херсонеса // САИ. 1970. Вып. Г1–1.
- Бондаренко. 2003 – М. Е. Бондаренко. Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003.
- Борисова. 1966 – В. В. Борисова. Херсонес: Керамическое производство // САИ. 1966. Вып. Г1–20.
- Виноградов. 1981 – Ю. А. Виноградов. К вопросу о мирмекийском зольнике // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. Тезисы докладов. К., 1981.
- Гайдукевич. 1965 – В. Ф. Гайдукевич. Мирмекийские зольники эсхары // КСИА. 1965. Вып. 103.
- Гайдукевич. 1987 – В. Ф. Гайдукевич. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.
- Граффити. 1978 – Граффити античного Херсонеса. К., 1978.
- Денисова. 1981 – В. И. Денисова. Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л., 1981.

- Зубарь. 1987 – В. М. Зубарь. Этнический состав населения Херсонеса Таврического в первые века н.э. (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. К., 1987.
- Иванова. 1950 – А. П. Иванова. К вопросу о культуре Афродиты на Боспоре // ВДИ. 1950. № 3.
- Кадеев. 1981 – В. И. Кадеев. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981.
- Кобылина. 1978 – М. М. Кобылина. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978.
- Лурье. 1948 – С. Я. Лурье. Культ Матери и Девы в Боспорском царстве // ВДИ. 1948. № 3.
- Марченко. 1960 – И. Д. Марченко. К вопросу о культах Азиатского Боспора // ВДИ. 1960. № 2.
- Марченко. 1963 – И. Д. Марченко. Некоторые итоги раскопок на Майской горе // КСИИМК. 1963. Вып. 95.
- Марченко. 1977 – И. Д. Марченко. О культуре Афродиты на Тамани // История и культура античного мира. М., 1977.
- Мещеряков. 1980 – В. Ф. Мещеряков. Религия и культы Херсонеса Таврического I–IV в. Автореф... канд. ист. наук. М., 1980.
- Нессель. 2003 – В. А. Нессель. Домашнее святилище первых веков н.э. на Гераклеийском полуострове // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003.
- Попова. 2000 – Е. А. Попова. Терракоты с городища «Чайка» в Евпатории // РА. 2000. № 1.
- Русяева. 1972 – А. С. Русяева. Культ Кибели в Ольвии // Археология. 1972. Вып. 7.
- Русяева. 1979 – А. С. Русяева. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. К., 1979.
- Русяева. 1982 – А. С. Русяева. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I в. до н.э.). К., 1982.
- Сапрыкин, Маслеников. 1998 – С. Ю. Сапрыкин, А. А. Маслеников. Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире. М., 1998.
- Сокольский. 1964 – Н. И. Сокольский. Святилище Афродиты в Кепях // СА. 1964. № 4.
- Сокольский. 1973 – Н. И. Сокольский. Культ Афродиты в Кепях конца VI – V в. до н.э. // ВДИ. 1973. № 4.
- Сокольский. 1976 – Н. И. Сокольский. Таманский Толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.
- Соломонович. 1984 – Э. И. Соломонович. Граффити с хоры Херсонеса. К., 1984.
- Харко. 1941 – Л. П. Харко. Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской // СА. 1941. Т. 7.
- Чуйстова. 1962 – Л. Г. Чуйстова. Святилище Афродиты в Пантикалее // АП УРСР. 1962. Т. 11.
- Шевченко. 1998 – А. В. Шевченко. Культовые терракоты раннего Херсонеса (V – первая половина IV в. до н.э.) // ВДИ. 1998. № 3.

- Шевченко. 2000 – *А. В. Шевченко*. Терракоты античного Херсонеса // МАИЭТ. 2000. 7.
- Шевченко. 2003 – *А. В. Шевченко*. Восточные культы в эллинистическом Херсонесе // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003.
- Barnett. 1956 – *R. D. Barnett*. Ancient oriental influences on archaic Greece // The Aegean and Near East. New York, 1956.
- Burkert. 1985 – *W. Burkert*. Greek Religion: Archaic and Classical. Oxford, 1985.
- Simon. 1990 – *E. Simon*. Die Gotter der Romer. Munchen, 1990.

Т. Н. Шевченко

Захоронение умершего как составная часть семейных культов в Херсонесе Таврическом

Источником информации о погребальном обряде в Херсонесе являются погребения, погребальный инвентарь, надписи и изображения на надгробиях, в склепах, на сосудах, обнаруженных в могилах, а также предметы, связанные с другими семейными культами. Последние включали погребальный культ, ведь погребение было делом не общеполитическим, но и не личным, к нему имели отношение все родственники. В Херсонесе до сих пор не найдено материалов, позволяющих выяснить, насколько широким был круг участников погребального обряда.

Например, в классических Афинах закон ограничивал участие в погребальной процессии женщины – дальних родственниц (Garland. 2001. P. 22–24), а в Кеосе закон разрешал участие не более пяти женщин-родственниц, кроме членов семьи (Romero. 1997. P. 106). То есть, каким бы не было количество участников, главным принципом их участия в этом обряде были кровные узы. Несмотря на особенности развития каждого полиса, а соответственно, конкретно-исторической обстановки, в которой протекала религиозная жизнь, можно говорить если не о семейном, то о родственном или родовом характере погребального культа на всей территории Элады. Таким образом, в Херсонесе погребение тоже считалось делом семьи, хотя пока трудно установить, насколько широко нужно понимать саму «семью» – как малую или расширенную по вертикали и горизонтали структуру кровных родственников. В любом случае, погребение касалось более узкого круга, чем община, и являлось составной частью семейного культа.

«Семейными» культами, которые отправлялись у домашнего очага, на могилах и т. п., в литературе называют довольно редко. Чаще используется понятие «личных культов» (см. напр. Мещеряков. 1980. 6–

10), которое не совсем точно. Ведь «личное» касается отдельной личности, ценность и возвышение которой проявляется довольно поздно (Арьес. 1992. С. 46). Что касается территориально отдаленного от основных античных центров Херсонеса, где в основном сохранялись греческие традиции предков (Plin., NH, 85), здесь речь должна все еще идти о значении семьи в погребальном ритуале.

Материалы, касающиеся других семейных культов, тоже могут давать информацию о погребальном культе и представлениях о загробном мире. Все эти культы построены на общей основе – идее цикличности жизни: рождении, браке, смерти, взаимозаменяющихся и составляющих непрерывность существования. Исследователи указывают на взаимосвязь этих элементов жизни: наличие черт одного ритуала в другом, например, на связь погребальной процессии со свадебной, погребального инвентаря со свадебными подарками и символами готовности к браку (Smith. 1976. P. 68), представления о загрязнении при рождении и смерти (Ромею. 1997. P. 107), а отсюда – о сакральном очищении в каждом из этих обрядов (Smith. 1976. P. 86–87), и т.д. Такое взаимопроникновение элементов ритуалов говорит о наличии этих элементов в представлениях о таких важных событиях. Эсхатологические представления, соответственно, могли отображаться не только в погребении. Свидетельством о почитании умерших могут быть и каменные алтари, найденные на территории жилых домов, где приносились символические жертвы покровителям дома, которыми становились героизированные предки. Особое внимание следует обратить на алтари со змеями, которые отождествлялись с умершими, и были связаны с культами плодородия (Бабинов. 1967. С. 17).

Большинство исследователей согласны с тем, что погребальный культ, как и сам процесс погребения, был делом семьи и рода. Чтобы эти заключения не строились только на аналогиях из других античных центров, стоит подробнее проанализировать, что именно позволяет делать такое заключение в отношении религиозной жизни Херсонеса. О принадлежности обрядов захоронения к категории семейных культов могут свидетельствовать такие черты погребальной традиции как: 1) консервативность, независимость от исторических или политических изменений, влиявших на культы общины; 2) вариантность, неоднородность погребального обряда в рамках одного хронологического отрезка времени; 3) наличие семейных погребений и изображений членов семьи на погребальных памятниках, а также 4) наличие амулетов, оберегов и других атрибутов верований узкого круга лиц.

Консервативность следует понимать как невосприимчивость жителей Херсонеса к влияниям со стороны варварского окружения (Рогов. 1992. С. 38), и соседних античных центров (Белов. 1981. С. 167), как и строгость погребальных норм. Например, в отличие от других

некрополей, где фиксируются разные виды погребальных конструкций, в херсонесском до периода эллинизма преобладают простые грунтовые могилы (Рогов. 1992. С. 39). Здесь дольше, чем в других некрополях, фиксируется положение погребенных головой на восток. До позднего времени доживают скорченные погребения; в могилах мало сопровождающих вещей; констатируется устойчивое сосуществование кремаций и ингумаций; сохраняется устойчивая традиция погребений детей в амфорах и др. Эта устойчивость наблюдается на фоне экономических и политических контактов с окружающим миром, что объясняется идеологической консервативностью населения, основанной на земледельческих представлениях (Липавский. 1988. С. 36), и наличием в погребальном обряде пережитков мировоззрения родового строя (Зубарь. 1982. С. 62). Такая устойчивость хорошо согласуется с культами и обрядами, которые отправлялись в рамках семьи, как основы традиционного общества, и относятся к области семейно-родовой религии. Соответственно, более глобальные изменения, новые религиозные веяния, менее всего касались образа жизни, семейных обрядов, передаваемых из поколения в поколение. Именно поэтому целый ряд традиционных религиозных обрядов в Херсонесе прослеживается с V–IV в. до н.э. до IV–V в. н.э. (Мещеряков. 1980. С. 13).

Однако, в рамках одного исторического периода, погребальный культ не был абсолютно однородным. В этнически однородной среде населения Херсонеса существовали разные представления о посмертной судьбе. Какими бы статичными они не были, все же можно говорить об их индивидуальном характере в каждой отдельной группе населения. Вариантность со временем увеличивалась, что свидетельствует о сужении круга участников обряда до ограниченного количества членов семьи умершего, от имущественного положения которой в конечном счете зависело количество затрат на погребение. Например, уже со II в. н.э. фиксируются не только грунтовые ямы, но и погребальные сооружениями, обложенные черепицей, каменными плитами, деревом (Белов. 1948. С. 157). Разнообразнее становится ориентировка умерших, погребальный инвентарь. На протяжении всей античной эпохи сосуществуют оба способа погребения: ингумация и кремация, как в урнах, так и без них, урнами при этом являлись сосуды различных типов (Белов. 1948. С. 162). Разнообразны и надгробия: от «антропоморфных примитивов», ставившихся над могилами с конца V в. до н.э. до III–IV в. н.э. (Колесникова. 1977. С. 93), до больших мраморных надгробных памятников с рельефами и надписями. По-разному размещались монеты в могилах (так называемая «плата Харону») – в руке, во рту, возле головы, при этом клали их далеко не во все могилы (Белов. 1948. С. 159). О семейном характере обряда захоронения свидетельствует также то, что с классического периода лучше всего устро-

енными являются детские погребения. Ведь для общества большую ценность представляли не дети, а взрослые мужчины-граждане. В ситуации, связанной со смертью, действия погребальной группы (семьи) были обусловлены не культурной средой, а главным образом эмоциями. Вариантность указывает не на варварские влияния или веяния религиозной моды, а на семейные традиции, зависевшие от верований и конкретных представлений той или иной семьи.

Семейных гробниц классического и эллинистического периодов немного, но причина этого – тонкий наскальный слой на территории некрополя, что не позволяло без очень значительных затрат строить большие подземные склепы (Белов. 1981. С. 166). Но уже в первые века н.э. склепы, вырубленные в скале, становятся обычным явлением (Зубарь. 1982. С. 119), что отображает античные представления о воссоединении семьи в загробном мире (Smith. 1976. P. 169). Эти же идеи воплощались в изображениях усопших во время трапезы в круту семьи на надгробиях. Основной персонаж располагался в центре, а его близкие – вокруг него, зачастую меньших размеров, с подношениями в руках. На херсонесских надгробиях этот сюжет появляется в первые века н.э. и связывается с культом героизированных умерших (АСХ. С. 8–9).

С рубежа н.э. распространяется традиция помещения в могилы амулетов и оберегов, что может рассматриваться как отражение особенностей верований очень узкого круга лиц и их субъективных религиозных взглядов. Такие предметы, с точки зрения херсонеситов, служили апотропеями, отгонявшими всякое зло от усопшего (Пятышева. 1948. С. 204). Терракоты в погребениях также были оберегами (Кобылина. 1970. С. 13). Их сюжеты часто дионисийские, связанные с культами других хтонических божеств. Амулетами, вероятно, служили и черепки с сокращенными надписями-посвящениями божествам (Соломонок. 1976. С. 129–130). Так же трактуются и антропоморфные подвески (Зубарь. 1982. С. 100), золотые лицевые пластины, камни и стеклянные изделия с дырочками для подвешивания (Зубарь, Мещеряков. 1983. С. 97–103). С хтоническими культами связывают находки изображений животных, птиц, кукол с подвижными конечностями (Шевченко. 1998. С. 63–64). А апотропеями считаются амулеты, использовавшиеся при жизни, а после смерти помещавшиеся в могилу с телом умершего (Аграфонов. 1999. С. 15).

Амулеты, как и другие особенности погребального культа, свидетельствуют, что захоронение умершего в Херсонесе было делом каждой отдельной семьи. Это позволяет рассматривать Херсонес как центр, для которого, несмотря на определенное своеобразие, в области семейных культов были характерны те же тенденции религиозной жизни, что и в других районах античного мира.

Литература

- Аграфонов. 1999 – П. Г. Аграфонов. Культ Геракла в Херсонесском государстве (IV в. до н.э. – III в. н.э.): Автореф. диссерт. канд. ист. наук. М., 1999.
- Аръес. 1992 – Ф. Аръес. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
- Бабинов. 1967 – Ю. А. Бабинов. Религиозные культы и обряды античного Херсонеса (конец V–II в. до н.э.): Автореф. диссерт. канд. ист. наук. М. 1967.
- Белов. 1948 – Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи // ВДИ. 1948. № 1.
- Белов. 1981 – Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классич. эпохи // СА. 1981. № 3.
- Зубарь. 1982 – В. М. Зубарь. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV в. н.э. Киев, 1982.
- Зубарь, Мещеряков. 1983 – В. М. Зубарь В. Ф. Мещеряков. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса // Население и культура Крыма в I-е века н.э. Киев, 1983.
- Кобылина. 1970 – М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. – (САИ. Вып. Г1–11).
- Колесникова. 1977 – Л. Г. Колесникова. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса // СА. 1977. № 2.
- Литавський. 1988 – С. О. Литавський. Про роль орієнтації похованих при вивченні етнічного складу населення Північного Причорномор'я // Археологія. 1988. № 63.
- Мещеряков. 1980 – В. Ф. Мещеряков. Религия и культы Херсонеса Таврического в I–IV в. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М, 1980.
- Пятыхева. 1948 – Н. В. Пятыхева. О культе Геракла в Херсонесе // ВДИ. 1948. № 2.
- Рогов. 1992 – Е. Я. Рогов. О некрополе Херсонеса V–IV в. до н.э. // Межполистные взаимоотношения в Причерноморье. Севастополь, 1992.
- Соломоник. 1976 – Э. И. Соломоник. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3.
- Шевченко. 1998 – А. В. Шевченко. Культовые терракоты раннего Херсонеса (V – первая половина IV в. до н.э.) // ВДИ. 1998. № 3.
- Garland. 2001 – R. Garland. The Greek Way of Death. Ithaca, New York, 2001.
- Pomeroy. 1997 – S. B. Pomeroy. Death and the Family // Pomeroy S.B. Families in Classical and Hellenistic Greece. Oxford, 1997.
- Smith. 1976 – H. R. W. Smith. Funerary Symbolism in Apulian Vase-Painting. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1976.

С. Б. Ланцов

К вопросу о контроле за каботажным плаванием вблизи Судака на рубеже эр

Особый международный научный интерес к Сугдее – Солдае возник в середине XIX в. в связи с обнаружением на о. Халка в Эгейском море в православном монастыре святой Троицы Халки, так называемого, Судакского синаксарнона (богослужебной книги) и его публикацией архимандритом Антонием в 1863 г. На полях этого выдающегося нарративного источника, очевидно, средневековыми монахами, были сделаны пометки. Одна из таких записей гласила, что в 5720 г. от сотворения мира (1212 г. Р. Х.) горожане отметили тысячелетие своего города. Таким образом, мы имеем летописную, пусть и легендарную, дату основания города, или, скорее всего, небольшой первоначальной крепости на его месте – 212 г. н.э. Это сообщение на долгие годы озадачило исследователей новейшего времени, поскольку традиционно считалось, что город возникает не ранее VI в. н.э., что, в целом, подтверждается и археологическими раскопками.

Однако отдельные находки относятся еще к античному времени. Среди них два фрагмента латинских эпиграфических надписей III в. н.э., в одной из которых упомянуто имя боспорского царя Фарнака, бронзовая накладка на некое крупное изделие, в виде женской головы с серебряными глазами, аналогичная изделию из комплекса гибели Помпей. Несколько монет первых веков новой эры обнаружено в портовой части Судака. К сожалению, все перечисленные вещи происходят из культурных отложений средневекового периода существования города.

Вместе с тем, около заповедника Судакская крепость, только под гребнем выклинивания Таракташ, вблизи современного поселка Дачное (северо-восточная оконечность Судака) с начала XIX в. обнаружено не менее трех кладов II – III в. н.э., содержащих около 5000 экземпляров монет. Столько указано в профессиональной археологической литературе, а сколько найдено местными жителями и грабителями вообще не известно. Здесь же, на горе Таракташ, совсем недавно благодаря совместным усилиям сотрудников Крымского филиала ИА НАН Украины и Государственного Эрмитажа были открыты поселение с регулярной застройкой (возможно крепость) I в. до н.э. – III в. н.э. (руководитель М. Б. Щукин) и несколько святилищ позднеантичного времени. В 12 км от современного города в приморской зоне с. Веселое на западном отроге г. Караул-Оба за последние 15 лет почти полностью исследован боспорский форт второй половины I в. до н.э., так называемая Кутлакская крепость.

Ознакомление с материалами фондов Судакского заповедника показало, что в Судаке найдены фрагменты 2–3 светлоглиняных амфор с двустольными ручками I в. до н.э. – I в. н.э. Они обнаружены на морском дне, т.е. попали туда в результате кораблекрушений. Здесь же в фондах хранятся и несколько археологически целых ионийских и аттических чернолаковых сосудов позднеклассического и раннеэллинистического времени. Их подарил коллекционер М. А. Спендиарова, дочь известного композитора. Они происходят, судя по записи в книге поступлений, якобы из могильника, уничтоженного при строительстве санатория «Львовский железнодорожник» в Уютненской долине г. Судака. Однако эта информация вызывает серьезные сомнения. Убежден, что античная керамика привезена в музей с Керченского полуострова.

В окрестностях Судака, в его долине и поселке Новый Свет, соответственно, найдены клад, в основном, боспорских монет IV–II в. до н.э. и очень редкий боспорский статер архонта Гигзенопта (приблизительно, III–II в. до н.э.), купленный в начале XX в. Львом Голицыным у рабочих на винограднике за дюжину бутылок шампанского. Вышеперечисленные материалы в некоторой степени свидетельствуют о вхождении района современного г. Судака в боспорские владения уже в эллинистическое время. Еще два клада из этого района состоят из позднебоспорских и римских монет.

Арриан (II в. н.э.), упомянув побережье от Феодосии до Херсонеса, сообщает: «Отсюда двести стадиев до покинутого порта скифо-тавров» (An. P. Rom., 30). В более позднем перише анонимного автора V в. приведено и название пункта: «От Феодосии до пустынной гавани Афинсеона или гавани скифо-тавров 200 стадиев, 26,6 мили; здесь спокойная стоянка для кораблей» (Anonym., P. Rom., 76(50); 78(52); 82(56)). Если использовать при расчетах различные величины стадия, это расстояние будет составлять от 32 до 42 км. В зависимости от маршрута плавания на таком расстоянии от Феодосии находятся современные поселки Курортное и Коктебель. Ряд исследователей считал, что Афинсеон следует искать на территории средневековой Сугдаи, но до сих пор здесь не выявлены ни слой, ни постройки античного времени.

Тем не менее, имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что летописная дата основания Сугдака (предположительно, первое название пункта) может оказаться вполне реальной, учитывая слабую археологическую изученность его территории (всего 5% площади). Построить здесь что-либо регулярное могли только боспоряне, носители античных строительных традиций.

До недавнего времени считалось, что западная граница Боспора проходила где-то в окрестностях Феодосии – Старого Крыма.

Благодаря исследованиям последних лет появились материалы позволяющие предполагать, что европейская часть этого государства в первые века новой эры простиралась вплоть до г. Аю-Даг (совр. Ялта). Основой экономики Боспора, одного из крупнейших государств античного мира являлось сельское хозяйство и, в первую очередь, выращивание хлеба, которым была «вскормлена античная цивилизация». Во всяком случае, до III в. до н.э. Боспор был основным поставщиком зерна в Аттику, а затем он, наряду с Египтом и другими государствами, снабжал хлебом материковую Грецию. Зачем же Боспору, доминантой экономики которого всегда было хлеборобство, понадобилось осваивать гористую территорию Юго-Восточного Крыма. Очевидно из-за того, чтобы пресечь морской прибрежный разбой тавро-скифов, населявших эту местность и являвшихся потомками легендарных тавров, отличавшихся, по единодушной оценке древних авторов, исключительной кровожадностью. Они были пиратами, грабителями, убийцами, каннибалами и т.п. (Herod., 103; Strabo, VII, 4, 2; Diod., IV, 43, 5 и др.).

Однако почти 200 лет поисков в этих местах не увенчались обнаружением не только античного прибрежного поселения, но и сколько-нибудь значительного количества отдельных находок, датирующихся временем до начала второй трети II в. н.э., т.е. ранее экспедиции Арриана.

Учитывая вышесказанное, очевидно, что только Кутлакская крепость около с. Веселое, хотя и находится в 60 км от Феодосии, а не в 32–42 км, как у Арриана, является единственным известным античным пунктом на побережье Юго-Восточного Крыма, существовавшим до составления перипла Понта Эвксинского. Других синхронных поселений между Феодосией и Севастополем не обнаружено. Примечательно, что в перипле Феодосия и Афинеон названы тоже рядом. Стоящий на высоком береговом обрыве форт должен был быть хорошо виден с корабля и являлся прекрасным ориентиром для каботажного плавания, достойным упоминания мореплавателя. В приведенных выше письменных источниках отмечается покинутость, пустыньность Афинеона. Это хорошо согласуется с результатами раскопок памятника. Ко времени плавания экспедиции Арриана крепость уже век как была заброшена и разрушена. Хотя ее руины, учитывая нынешнюю сохранность объекта, могли выглядеть весьма внушительно. Оба перипла называют Афинеон скифо-таврским, а Аноним сообщает, что от него «до Кит живут скифы. Затем следует Киммерийский боспор» (Anonim. P. Pop., 76, 50). Это, вероятно, нужно понимать так, что пункт располагался в скифо-таврской земле, на границе между которой и Боспором и находится памятник.

Вся фортификационная и строительная техника Кутлакской крепости свидетельствует о существовании единого предварительного плана строительства и о значительном профессионализме военного инженера. Наличие построек казарменного типа позволяет предполагать регулярность воинского контингента гарнизона. Очевидно, крепость не могла принадлежать ни поздним скифам, ни таврам. Она принадлежала Боспору, столица которого Пантикапей находился около 150 км восточнее этого крайнего западного пограничного форта государства для второй половины I в. до н.э.

Численность Кутлакского гарнизона, предположительно, составляла около 100 человек. Представляется, что возведение крепости следует связывать со строительной деятельностью боспорского диктатора Асандра (приблизительно 47–17 г. до н.э.). Период его правления отличался относительной стабильностью, благоприятствовавшей успешному проведению на Боспоре крупных долговременных фортификационных работ. При нем сооружается грандиозный оборонительный рубеж – Асандров вал (Strabo, VII, 4, 6), восстанавливается цитадель Пантикапея, создаются многочисленные укрепления в европейской и азиатской частях государства. Приступить к выполнению столь широкой фортификационной программы Асандр мог не раньше конца 45 – начала 44 г. до н.э., только после окончания вооруженной борьбы с Фарнаком II и ставленником Рима на Боспорский престол Митридатом VII Пергамским (Bell. Alex., 78; Strabo XI, 2, 17; XIII, 4, 3; App. Mithr., 120, 121; Cass. Dio, XLII, 9, 46).

Форт был построен в соответствии с общими нормами античной эллинистической фортификации. Подобные укрепления, в определенной степени копирующие ранние персидские образцы, появляются в Греции с VI в. до н.э. и продолжают возводиться, судя по Кутлакской крепости, до конца эллинизма. Сооружение крепости в Кутлакской бухте было, вероятно, вызвано стремлением Боспора контролировать маршрут каботажного плавания на участке между городами Боспора Киммерийского и Херсонесом Таврическим, связано и с противодействием морскому разбою варваров. Об активности флота Асандра в борьбе с пиратами якобы косвенно свидетельствуют эпиграфические (КБН, № 30) и нумизматические материалы. Любопытно, что гора, на западном отроге которой расположен указанный археологический памятник, называется Караул-Оба (Караульная гора). С нее прекрасно видно все побережье Юго-Восточного Крыма от мыса Меганом до горы Аю-Даг, где имеются удобные для пиратских стоянок маленькие бухты. Наличие, характер, размеры подтесок на скальной вершине г. Караул-Обы и находки у ее подножия позднеэллинистической керамики позволяют очень

осторожно предполагать возможность размещения здесь сторожевой башни, связанной с Кутлакской крепостью.

Другой основной функцией укрепления, являвшегося форпостом западной границы царской хоры в военно-административной системе Боспора, был, очевидно, контроль за окрестной территорией и сбор налогов с населения.

В конце I в. до н.э. крепость в Кутлакской бухте была превращена в руины и в дальнейшем не восстанавливалась, гарнизон выведен. Унесли все ценные вещи, в том числе и оружие. Следов штурма или насильственного захвата крепости при раскопках не зафиксировано. Она либо была сдана без боя, либо воинский контингент по каким-то причинам был эвакуирован отсюда. Разрушение (или разборка) построек укрепления было, очевидно, вызвано стремлением воспрепятствовать, в будущем, возможности оказания здесь сопротивления. Прекращение существования форта предположительно могло явиться одним из следствий многочисленных разгромов боспорских городов и поселений, учиненных ставленником Рима на Боспорский престол Полемоном I (приблизительно 14–8 г. до н.э.).

Очевидно, укрепление в Кутлакской бухте является древнейшим конкретным свидетельством государственного контроля со стороны Боспорского царства за морским путем вдоль Южного Берега Крыма.

А. В. Лысенко

Новое поселение римского времени на Южном берегу Крыма

В 2004 г. Горно-Крымская экспедиция КФ ИА НАНУ проводила исследования в Кучук-Ламбатском «каменном хаосе» (Сунен-Кая, Чугунун-Кая) (Рис. 1. П). Этот природный объект представляет собой обширное (около 1 км²), поросшее лесом нагромождение обломков скал (верхнеюрский известняк), образовавшееся, вероятно, при разрушении крупной скалы-отторженца в результате землетрясения (Фирсов, 1990, С. 89). О наличии здесь памятников археологии было известно еще в XIX – начале XX в. (Dubois de Montpéroux, 1843, Pl. XXIII; Славич-Сосногорова, 1880, С. 79; Ставровский, 1910, С. 772). В 2001 г. подъемный материал римского времени обнаружен на северо-западном краю Хаоса, где при разработке нескольких (ныне заброшенных) карьеров вскрыты соответствующие культурные напластования (Тесленко, Лысенко, 2001, С. 10–11).

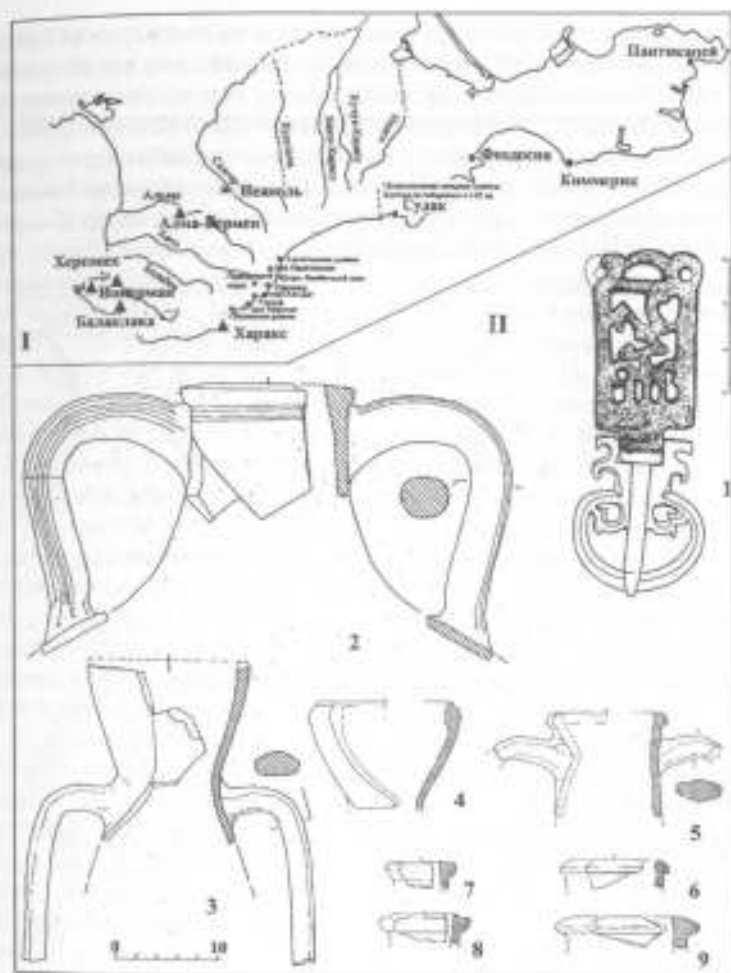

Рис. 1. I – местоположение Кучук-Ламбатского хаоса, II – находки из поселения в верхней части Кучук-Ламбатского хаоса: 1 – шпиг бронзовой пряжки; 2, 5 – красноглиняные амфоры; 3, 4, 9 – розовоглиняные амфоры; 6–8 – светлоглиняные амфоры

В 2004 г. при осмотре бровок карьеров помимо прочего были найдены обломок медного римского дупондия императора Траяна (определение В. К. Голенко) и поврежденный в древности литой шпиг бронзовой пряжки (Рис. 1. II. 1), украшенный «тамгой» боспорского правителя Тиберия Юлия Эватора (Латышев. 1892. С. 64; Соломоник. 1959. С. 133. № 76; Драчук. 1975. С. 67–68. Табл. XIII. Рис. 1, 18;

Яценко, 2001. С. 52 и др.). Подобные пряжки, видимо, производились в пределах Боспора. Некоторые специалисты считают, что их выпускали в царских мастерских как «наградные», предназначавшиеся для отличившихся солдат и офицеров (Трейстер, 2000; Яценко, 2001. С. 51). По классификации провинциально-римских пряжек А. А. Труфанова такие предметы относятся к типу 4 («укороченные», восточноевропейские) варианту «А» (вторая четверть – конец II в. н.э.) (Труфанов, 2004. С. 167–169. Рис. 5, 2).

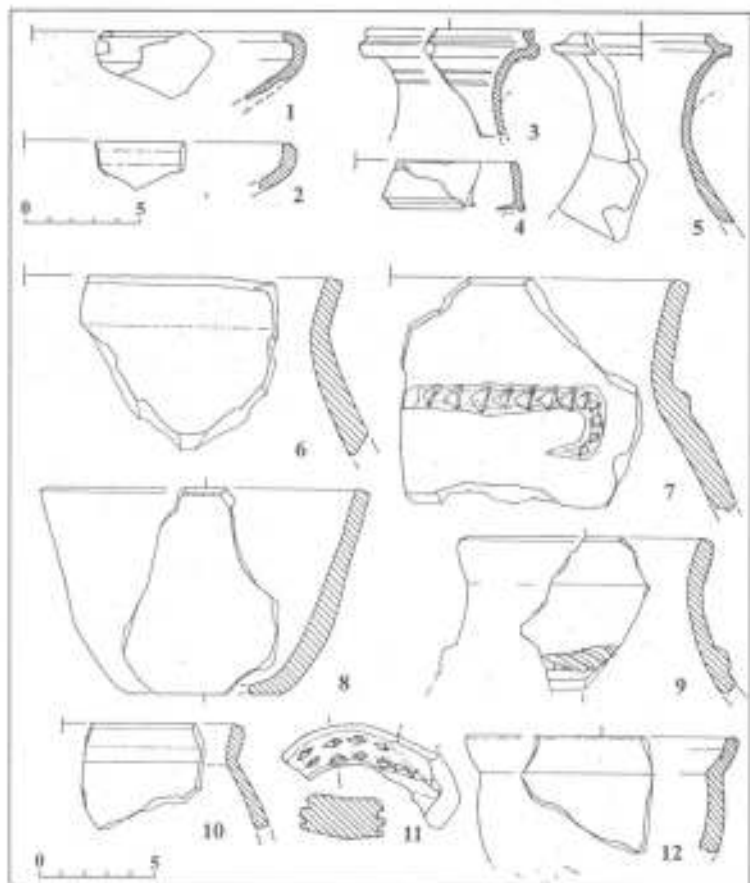

Рис. 2. Находки из поселения в верхней части Кучук-Ламбатского ханса: 1–5 – краснолаковая посуда; 6–12 – деревянные сосуды

В 100 м от места находки выявлен грабительский шурф, который был зачищен и расширен. Вскрыта площадь 10,6 м² на глубину до 2,2 м. Изученная пачка культурных напластований заполнила пространство между четырьмя крупными обломками скалы. Прослежено 3 слоя. Сверху залежали обломки известняка с небольшим количеством грунта, многочисленными фрагментами гончарной и лепной керамики римского времени, частицами железистого шлака, отдельными обломками костей животных и створками морских моллюсков. Среди находок преобладают фрагменты амфор (розовоглиняных с воронковидным горлом (Зеест. 1960. Табл. XXXVII – 906; Уженцев, Юрочкин. 1998. С. 103. Вар. II) (Рис. 1. П. 3, 4), красноглиняных ((Зеест. 1960. Табл. XXX – 73д, XXXII – 806) и др.) (Рис. 1. П. 2, 5), светлоглиняных ((Шелов. 1978. Рис. 6) и др. (Рис. 1. П. 6–8)) и лепных сосудов (плоскдонные горшки (Рис. 2. 6, 7, 10–12), миски (Рис. 2. 8), кувшины (Рис. 2. 9), в основном с уплощенными венчиками и прямоугольными в сечении ручками, некоторые украшены налепными валиками (Рис. 2. 7, 9), украшенными насечками, большинство – нелощеные или слегка подлощены). Встречены, также, обломки нескольких краснолаковых кувшинов (Рис. 2. 3, 5) и чашек (Рис. 2. 1, 2, 4), фрагмент биконического пряслища, оселки из песчаника, обломок диоритового шлифованного топора с длинным цилиндрическим обухом (эпоха бронзы). Вероятно, эти отложения образовались в процессе разрушения скалы, на которой находился культурный слой римского времени.

Стратиграфически ниже зафиксирован слой плотного (утоптанного?) темно-коричневого грунта с деловием известняков, угольками, большим количеством мелких обломков глиняной обмазки, фрагментов гончарной и лепной керамики римского времени, костей животных (в том числе рыб), створок морских моллюсков, частиц железистого шлака. Эти напластования сохранились, в основном, на плоских гранях крупных обломков скалы, залегающих под различными углами к горизонту. Керамический материал по составу соответствует найденному в вышележащих отложениях и может быть датирован II – началом III в. н.э. Видимо, слой сформировался на горизонтальной поверхности, а затем подстилавшие его обломки скалы сместились под действием естественных сил (землетрясение?). Под ним располагался залегающий на материке слой рыхлого темно-коричневого грунта с деловием известняков, костями животных и отдельными фрагментами лепных сосудов «кизил-кобинского» облика.

Полученные при раскопках данные позволяют предположить, что в римское время в верхней части Кучук-Ламбатского хаоса существовало поселение. Судя по археологическому материалу (монета, пряжка, амфоры, краснолаковая посуда) оно возникло не ранее II в. н.э. Не ис-

ключено, также, что его жители каким-то образом были связаны с Боспорским государством.

Близкие по времени появления объекты в пределах Южнобережья известны в Алуштинской долине (Мыц, 1989; Мыц и др. 1997. С. 218–221), на склоне горы Парагильмен (Тесленко, Лысенко. 2002. С. 249–251), на горе Шарха, в Партените (Махнева. 1972), на мысе Мартьян (Рис. 1. I). Пытаясь выяснить обстоятельства формирования этих памятников необходимо учесть следующее. В надписи времени правления боспорского царя Савромата II сообщается о том, что он завоевал сираков и скифов, а Таврику «присоединил по договору» (КБН. № 1237). В более позднем эпиграфическом документе времени Рескупорида II (см. (Зубарь. 2003. С. 145, прим. 2)) правитель назван царем Боспора и тавро-скифов (КБН. № 1008). Возможно несколько ранее тот же народ под именем «скифотавров» Плиний Старший локализовал на Главной гряде Крымских гор (см. (Скржинская. 1977. С. 96–97)). Есть основания полагать, что в конце II в. н.э., произошел раздел территории Таврики, часть которой оказалась под контролем римской военной администрации и Херсонеса (Зубарь. 1994. С. 111–112), а часть перешла к боспорским правителям (Зубарь. 1991. С. 127–129; Пуздровский. 1992. С. 132). Определяя границы «сфер влияния» на Южном берегу следует принять во внимание археологические материалы, косвенно указывающие на политическую принадлежность территории. Впервые их значение оценил А. Л. Бертье-Делагард, анализируя монеты I–IV в. н.э. из Ауткинского святилища (Ялтинская долина) и сопоставляя их с монетами Харакса (I–III в. н.э.). На крепости найдены исключительно римские и херсонесские монеты, в то время как на капище в десятке километров восточнее были еще и боспорские, втрое превышавшие по численности херсонесские. Исходя из этого ученый сделал вывод о том, что Харакс с начала своего существования служил пограничным пунктом владений Херсонеса, а восточнее простиралась зона влияния Боспорского государства (Бертье-Делагард. 1907. С. 24–26). В дальнейшем это предположение подтвердилось открытием восточнее Ялтинской долины нумизматических комплексов со значительным количеством боспорских монет: IV в. до н.э. – III в. н.э. на западном склоне Аю-Дага (Голенко. 1963. С. 112) и I в. до н.э. – IV в. н.э. на святилище у перевала Гурзуфское седло (Новиченкова. 1994. С. 54–55). Находки херсонесских монет в этом регионе единичны. В то же время боспорские монеты I – сер. III в. на побережье западнее Харакса пока не известны. Показательны также фрагмент плиты из Партенита с посвящением Савромата II в честь римской императрицы (КБН. № 955), фибула I в. н.э. с процарапанной на ней тамгой Тиберия Юлия Эвпатора из Гурзуфа (Ebert. 1909. S. 69–73) и публикуемый шток от пряжки (Рис. 1. I). Таким образом, не исключено, что эти поселения, в том числе и

Кучук-Ламбатское, возникли в процессе освоения новых территорий выходцами из Боспорского государства.

Литература

- Бертье-Делагард. 1907 – *А. Л. Бертье-Делагард*. Случайная находка древностей близ Ялты // ЗООИД. – 1907. Т. XXVII. Ч. V.
- Голенко 1963 – *К. В. Голенко*. Находка монет у подножия горы Аю-Даг // ИЭ. 1963. Вып. IV.
- Зест. 1960 – *И. Б. Зест*. Керамическая тара Боспора. М., 1960. – (МИА. № 83).
- Зубар. 1991 – *В. М. Зубар*. Новый латинский надпись из Болгарии і деякі питання історії Таврики // Археологія. 1991. № 1.
- Зубарь. 1994 – *В. М. Зубарь*. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994.
- Зубарь. 2003 – *В. М. Зубарь*. Римское военное присутствие и население Таврики во II – первой половине III в. // Vita Antiqua. 2003. № 5–6.
- Латышев. 1892 – *В. В. Латышев*. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 г. // МАР. 1892. № 9.
- Махнева. 1972 – *О. А. Махнева*. Новое античное поселение в пос. Фрунзенском // Археологические исследования на Украине в 1969 г. 1972. Вып. IV.
- Мыц. 1989 – *В. Л. Мыц*. Позднеантичные памятники Алуштинской долины // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989.
- Мыц и др. 1997 – *В. Л. Мыц, А. В. Лысенко, С. В. Семин, И. Б. Тесленко, М. Б. Щукин*. Исследования Чатырдагского некрополя // АИК. 1994 год. Симферополь, 1997.
- Новиченкова. 1994 – *Н. Г. Новиченкова*. О контактах населения Горного Крыма с Боспором по материалам святилища у перевала Гурзуфское Седло // БС. 1994. Вып. 4.
- Пудровський. 1992 – *О. С. Пудровський*. Кримська Скiфія в кінці II ст. до н. е. – перш. Пол. III ст. н. е. // Археологія. 1992. № 2.
- Скрябинская. 1977 – *М. В. Скрябинская*. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
- Соломоник. 1959 – *Э. И. Соломоник*. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.
- Сосногорова-Славич. 1880 – *М. А. Сосногорова-Славич*. Путеводитель по Крыму. Одесса, 1880.
- Ставровский. 1910 – *Я. Ф. Ставровский*. Горный Крым и Керченский полуостров // Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1910. Т. XIV.
- Тесленко, Лысенко. 2001 – *И. Б. Тесленко, А. В. Лысенко*. Отчет о разведках на территории Алуштинского горсовета в 2000–2001 г. Симферополь, 2001. НА КФ ИА НАНУ. Инв. № 706 а. Папка 1121 а.
- Тесленко, Лысенко. 2002 – *И. Б. Тесленко, А. В. Лысенко*. Археологические разведки в Горном Крыму // АБУ 2000–2001 р. Киев, 2002.
- Трейстер. 2000 – *М. Ю. Трейстер*. Местные подражания деталям римского военного костюма на Боспоре // РА. 2000. № 3.

- Труфанов. 2004 – *А. А. Труфанов*. Прэжки ринних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 3.
- Уженцев, Юрочкин. 1998 – *В. Б. Уженцев, В. Ю. Юрочкин*. Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья // Хсб. 1998. Вып. IX.
- Шелов. 1978 – *Д. Б. Шелов*. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА АН СССР. 1978. Вып. 156.
- Яценко. 2001 – *С. А. Яценко*. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Ebert. 1909 – *M. Ebert*. Die frühmittelalterlichen Spangenhelme vom Baldenheimer Typus. // Praehistorische Zeitschrift. Berlin, 1909. Bd. 1.
- Dubois de Montpéroux. 1843 – *F. Dubois de Montpéroux*. Voyage au Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Atlas. V Série de geologie. Paris, 1843.

IV. ВАРВАРСКИЙ МИР СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

David Braund

The creator of the Scythian archers at Athens and the Eurymedon Vase

The evidence on the creation of the Scythian force is both limited and very familiar. I do not propose to examine it in detail, for that has been done many times before. Instead I wish to draw attention to a single detail, the name of the man who is said to have organised the force for the first time. A scholiast on Aristophanes and the lexicographer Julius Pollux tell us that his name was Speusis or Peusis and that (a reasonable guess) he was a politically-active individual. Pollux wrote in the second century AD, while the origin of his material remains obscure. Meanwhile, the date of the Aristophanic scholiast is doubtless later: the origin of his information is also beyond our knowledge. But these two texts provide rather different accounts (later repeated by others), which tends to suggest that the name Speusis or Peusis is more than simple invention. In fact it would be a peculiar invention, because neither name is otherwise known at Athens. Fortunately, Greek names have in recent years been the subject of intensive study, especially in association with the project known as The Lexicon of Greek Personal Names, based in Oxford, but with extensive international connections, including of course Russia. We are now able to make a little progress with the name of the creator of the Scythian force.

It has been observed (most recently by Prof. Anna Morpurgo Davies) that names ending in «-is» are often shortened forms of names ending in «-ippos». That is why, for example, Zexusi the painter can be called Zeuxippos. Similarly, a Dexis might be also a Dexippos (He too may well be a Black Sea man, from Heraclea Pontica, though the matter is not certain). This seems to have been especially a practice among the Athenians.

The names Speusis and Peusis are peculiar. However, the name Speusippos is not peculiar at all (Peusippos remains odd and is best forgotten). There is a significant possibility that the creator of the Scythian force at Athens was called not only Speusis but also Speusippos.

If we proceed on that assumption, we notice an interesting coincidence, which may be more than a coincidence. The name Speusippos is not very

common at Athens: the family of Speusippos the philosopher also contains the name Eurymedon, which is also uncommon. In view of the conservative nature of Athenian naming-practices, we may well suppose that the names Speusippos (or Speusis) and Eurymedon recurred across generations of the family. The coincidence is that the name Eurymedon also has a connection with Scythian archers, also in the mid-fifth century at Athens.

For the famous «Eurymedon Vase» was produced in the mid-fifth century at about the time when the Athenians (Speusippos ?) established the Scythian force. The interpretation of its scene is very controversial, but there is no doubt that it is comic and that it involves an individual (probably a Greek male) and an archer who is often taken to be Scythian (though he could be Persian).

Does this vase make fun of the relationships between Scythian archers and the family of Eurymedon and Speusippos? We cannot be sure, of course. But we can at least be sure that the creation of the force of 300 Scythian archers to enforce order (under Athenian command) within the democracy must have been a remarkable event at the time. It is easy to imagine that the creation of this force caused serious political discussion and also comic responses, which we may have in the Eurymedon Vase.

А. П. Медведев

Когда и как появилась «Великая Скифия»?

Хорошо известно, что ни одно свидетельство древних авторов не остается без последователей и продолжателей среди наших современников, особенно, если оно касается славного исторического (а чаще всего – мифологического) прошлого своего народа. В последние годы в исследованиях ряда украинских, а затем российских археологов приобрело популярность название «Великая Скифия». На это уже обратила внимание Н. А. Гавришук в критической статье «"Великая Скифия" как показатель состояния терминосистемы скифологии» (2001). К сожалению, до сих пор ее работа не нашла должного отклика у скифологов. Во всяком случае, через год было опубликовано учебное пособие «Великая Скифия», составленное ведущими украинскими скифологами. Его название говорит само за себя. А между тем, поднятые в статье Н. А. Гавришук вопросы представляются исключительно важными, поскольку не просто касаются состояния современной отечественной и украинской скифологии, но, прежде всего, ее самых фундаментальных представлений и даже социальной функции этой субдисциплины. От точности научных понятий, от степени их соответствия историко-

культурным реалиям во многом зависят конечные результаты исследования, так как любое научное понятие – само по себе уже всегда парадигма, задающая определенное направление научного поиска и в какой-то мере предопределяющая его конечные результаты. Одно из важнейших свойств научных понятий заключается в том, что раз появившись, они дальше как бы живут «своей» жизнью, продолжают использоваться по привычке, в то время как содержание их может измениться весьма радикально.

Украинская исследовательница считает термин «Великая Скифия» неологизмом и связывает его появление с именем И. И. Артеменко, в свое время упомянувшего «Большую Скифию» в качестве метафоры в предисловии к книге В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина. Далее ею называются имена В. Ю. Мурзина, С. В. Махортых и других известных скифологов, принявших термин «Великая Скифия» для обозначения скифского политического образования в Причерноморье V–IV в. до н.э. Можно добавить, что еще раньше Б. Н. Мозолевский весьма смело отнес время ее формирования к эпохе поздней бронзы (сабатиновская и белозерская эпохи). «Именно отмеченная территория (т.е. «Старая Скифия» от Трансильвании до Каркинитиды – А. М.) и ее древнее население, а не временное политическое образование во главе с кочевыми скотодами, и есть та Великая, она же исконная Скуфь, имя которой пережив само это образование дожило до письменной истории Древней Руси» (Тереножкин, Мозолевский. 1988. С. 228). Так постепенно условность термина «Великая Скифия» незаметно переросла в уверенность ее реального исторического существования со ссылками на авторитет ПВЛ именно как Великой, древние корни которой уходят в эпоху бронзы. К концу XX в. термин «Великая Скифия» окончательно приживается в украинской скифологии, о чем свидетельствует его использование в названии целого раздела в официальном академическом издании (Давня історія України. 1999. С. 47–197), а также в первом томе 15-ти томной научно-популярной серии «Україна крізь віки» (Мурзін. 1998. С. 112, 152). Сейчас украинские философы и культурологи обосновывают необходимость смены национальной парадигмы «Історія України – Руси» М. Грушевского на «Історія Великої Скіфії – України» (Петрук. 2001). Справедливости ради надо сказать, что термин «Великая Скифия» в последние годы sporadически появляется и в работах российских скифологов. Так он иногда используется как синоним Европейской Скифии времени ее наивысшего расцвета (Виноградов, Марченко. 1997; Виноградов. 1999. С. 59–62; Алексеев. 2003. С. 238, 251). Сейчас некоторые историки смело отождествляют «Великую Скифию» даже не с геродотовой Причерноморской Скифией, а со всей свитой археологических культур, входивших в так называемое «скифо-сибирское единство» от Алтая до Дуная, утверждая, что всю

огромную территорию Северной Азии в древности занимал один и тот же народ – скифы.

Между тем, «Великой Скифии» не находится места в Степном Причерноморье. Н. А. Гаврилюк справедливо обратила внимание исследователей на то, что история античных центров Северного Причерноморья, как и тексты Геродота, не дают указаний на существование в степи в V–IV в. до н.э. государства с таким названием. Я бы добавил, что ее просто и не могло быть в силу устойчивой закономерности образования подобных оронимов, о чем речь ниже.

Действительно, ни в одном аутентичном источнике «Великая Скифия» не отмечена. Есть только «Скифия», вероятно, впервые у поэта конца VII в. до н.э. Алкея, упомянувшего «Ахилла – владыку Скифской земли» (Bergk Th. Fr. 49), позже у Гекатея «Скифия» также встречается как название страны (Fr. 157). У Геродота помимо ее упоминается еще «Старая Скифия» (Hdt., IV, 99). Со временем появляется «Малая Скифия»: первоначально – земля тавров в Крыму (Strabo, VII, 4, 5), затем после расселения скифов на равнинах Добруджи, эта страна также получила название «Малой Скифии» (Strabo, VII, 5, 12), наконец, «Азиатская Скифия» (Ptolem., VIII, 8, 32) после окончательного исчезновения с исторической карты Восточной Европы «Скифии Европейской». На месте ее уже давно была Европейская Сарматия.

И, тем не менее, термин «Великая Скифия» нельзя в полной мере назвать неологизмом конца XX в. Действительно, ни греческая, ни римская литература его не знала, что дополнительно показала проверка с помощью поисковой системы в электронном издании классических авторов MUSAIOS 2002 А. Однако, как это не покажется парадоксальным, «Великая Скифия» появляется сразу, как только закончилась античная эпоха. Ороним «Великая Скифия» впервые встречается у готского историка Иордана – автора середины VI в. н.э. В его «Гетике», § 62 содержится весьма пуганый рассказ о героическом прошлом гетов (в его представлении – готов), в частности о походе массагетской царицы Томирис после победы над Киром вплоть до балканской Мезии, «которая, восприняв имя от Великой Скифии, ныне называется Малой Скифией» (*quae nunc a magna Scythia nomen mutuatum minor Scythia appellatur*). Здесь она якобы построила город ее имени – Томи. Из текста «Гетико» видно, что «Великая Скифия» Иордана – это вовсе даже не Геродотова Скифия, а более обширная страна, охватывающая Северную Азию чуть ли не до Восточного Океана. Его представления об этой Скифии более чем смутны и неопределенны. Но Иордан хорошо знал «Малую Скифию» (с конца III в. римскую провинцию *Scythia Minor*) – свою «историческую» родину, где не одно поколение проживали его предки (Скрябинская. 2001. С. 232). По логике готского историка его родная «Малая Скифия» являлась производной от вышеописанной

санной «Великой Скифии». Известно употребление этого искусственного оронима и другими раннесредневековыми авторами¹. У одного из них он был заимствован автором «Повести Временных лет» и включен в описание земли восточных славян: «И бе множество их; сядяху бо прежде по Бугу и по Днепру, оли до моря и суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грьк «Великая Скуфь» (ПВЛ. I. С. 14).

Вообще появление названий самых разных стран с неизменным эпитетом «Великая» (*Magna Graecia*, *Magna Hungaria*, Великая Моравия, Великобритания, Великороссия и т. п.) подчиняется почти стандартной культурно-топонимической модели, давно установленной лингвистами. О. Н. Трубочев предложил условно именовать ее «Великая страна» (Трубочев, 2003, С. 165–166). Сама по себе эта модель образования новых географических названий на основе старых этнонимов никакого проявления великодержавности и тем более шовинизма, как иногда думают, изначально не несет. Она всегда лишь выражает ориентацию «новой страны» относительно «старой», реальной или мифической: Великая Греция на юге Италии относительно ее метрополии Эллады на Балканском полуострове, *Magna Hungaria* (легендарная восточная прародина венгров) относительно Венгрии в Карпатской котловине, Великобритания относительно более ранней римской Британии, Великороссия относительно Руси Древней, большая часть территории которой со временем стала называться русскими Украиной, а затем Малороссией т. д. Во-вторых, все названия с эпитетом «Великий» исторически являются более поздними в сравнении с таковыми без этого эпитета. В полном согласии с этой топонимической моделью появилась и иорданова «Великая Скифия»: Скифия → «Малая Скифия» → «Великая Скифия».

Совершенно очевидно, что она «возникла» как чисто умозрительная антитеза «Малой Скифии», чему способствовали несоизмеримо большие размеры первой. Спустя полутысячелетие через какое-то раннесредневековое литературное посредство появилась «Великая Скуфь», название которой в наше время пришлось по душе некоторым русским и, как теперь выясняется, не только русским ученым, интеллектуалам и политикам. Сколь правомерно применять последнее чисто умозрительное, да к тому же позднее название к исторической Скифии V–IV в. до н.э. — судить читателю. Я же думаю, что современная ски-

¹ Географ Равенский включает в число скифских владений и Скандинавию, говоря: *Magna insula antiqua Scythia... quam Jornandes Scanziam appellat*. Он помещает Великую Скифию, в которой жили хазары и славяне новгородские, между мурман, финнов, карпов и роксолан. «Великая Скифия», вероятно, оставила след и в географических представлениях народов европейского Севера (Мельникова, 1986, С. 65).

фология не нуждается в таком «научном» термине. За этой Скифией закрепились более адекватные названия – Классическая, Геродотова, Европейская Северопричерноморская и т.п.

Литература

- Алексеев. 2003 – *А. Ю. Алексеев*. Хронография Европейской Скифии. СПб.
 Великая Скифия. 2002 – Великая Скифия. (Курс лекций). Запорожье, 2002.
 Виноградов. 1999 – *Ю. Г. Виноградов*. Разгром сарматами Великой Скифии: следы орды ведут в Тавриду // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). III Граковские чтения. Запорожье, 1999.
 Виноградов, Марченко. 1999 – *Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко*. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. № 3.
 Гаврилюк. 2001 – *Н. А. Гаврилюк*. «Великая Скифия» как показатель состояния терминосистемы скифологии // РА. 2001. № 2.
 Давня історія України. Київ, 1999.
 Мельникова. 1986 – *Е. А. Мельникова*. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986.
 Мурзин. 1999 – *В. Ю. Мурзин*. Народи України за скифських часів // На світанку історії. Київ. 1998. Т. 1.
 Петрук. 2001 – *В. Петрук*. Велика Скифія—Україна. Київ, 2001.
 Тереножкин, Мозолевский. 1988 – *А. И. Тереножкин, Б. Н. Мозолевский*. Мелитопольский курган. Киев, 1988.
 Трубачев. 2003 – *О. Н. Трубачев*. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003.
 Скражинская. 1999 – *Е. Ч. Скражинская*. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гот. СПб., 2001.

Е. Е. Физико

Скифские амазонки по письменным и археологическим источникам

*«Рати легких амазонок,
Дев, бестрепетных и бото...»
Эсхил. Прикованный Прометей*

Амазонки, как историческое явление, вызывают двойственную реакцию. С одной стороны – неугасающий интерес. Вряд ли можно отыскать другой такой феномен, с равным постоянством будоражащий человеческий ум и воображение. Ведь только литературная история

легенды об амазонках насчитывает около 25 столетий. Предания об амазонках представлены как в фольклорной традиции многих народов, так и в географической, исторической и даже художественной литературе. С другой стороны – откровенный скепсис и недоверие. Посвященные амазонкам материалы достаточно обширны и разнообразны. Но главным в них, начиная со времен античности, и по сей день остается вопрос: реально ли существовали амазонки либо в виде самостоятельного и независимого «народа женщин», либо в виде народа, у которого женщины играли главенствующую, а мужчины – второстепенную роль. Сколько существует этот вопрос, столько же бытуют и два варианта ответа на него. Раскопочный бум второй половины XX столетия охватил и территории юга Украины, заселенной некогда древними номадами – киммерийцами, скифами, сарматами. В результате были получены ценнейшие материалы, что, в свою очередь, дало возможность вновь обратиться к решению проблемы амазонства, но теперь уже не теоретически, а скорее практически. Стало очевидным, что в среде кочевников действительно существовали женщины, которые подобно мужчинам, а, возможно, и наравне с ними носили оружие и принимали участие в военных столкновениях, и потому были погребены, как и мужчины-воины.

Информацию о скифских амазонках содержат источники двух видов – письменные и археологические. Естественно, они не равноценны и по значимости, и по «удельному весу». Но для нас важно, даже делая поправку на временное их расхождение, насколько эти источники соответствуют друг другу.

1. Нарративные источники. Об амазонках писали многие древние авторы – Геродот, Гиппократ, Лисий, Палефат, Страбон, Диодор Сицилийский, Помпей Трог, Плутарх и многие другие. Пересказывать каждого из них вряд ли стоит, тем более что некоторые сообщения повторяются в очевидно позаимствованном виде. Из описаний мы выберем наиболее интересную для нас информацию.

Кто такие амазонки? Суть этого исторического явления античная литературная традиция передает в двух вариантах: 1. наиболее часто упоминаются представительницы воинственного племени – равные мужчинам, принимающие активное участие в военных походах, но до определенного времени – до замужества; 2. реже речь идет о царстве женщин-мужеубийц, где мужчины либо нет вовсе, либо они занимают подчиненное положение и используются лишь для продолжения рода. Амазонки – дочери бога войны Ареса и наяды Гармонии (ApoII. Rođ. II, 990; Philostr. III), которые поклонялись Аресу – богу войны и Артемиде – богине охоты (Diod. II, 46). За счет добычи от своих походов царицы амазонок воздвигали храмы этим богам. Кроме того, они поклонялись Зевсу, Посейдону и Гепесту (Callisth. III, 25).

Происхождение и появление в Скифии. 1. Обитали амазонки, как сообщают несколько авторов, на северо-востоке Малой Азии (между городами Синопа и Трапезунт), в Каппадокии, на берегах реки Фермодонт у города Фемискира. 2. После битвы с греками корабли с пленными амазонками прибило к берегу Меотийского озера, у гавани Кремны – земле скифов. Сойдя на берег, амазонки отправились вглубь страны, захватили табун коней и стали грабить скифские земли. Через какое-то время они, наконец, стали лагерем. С начала скифы принимали их за мужчин (Eust. Epirh. 653). А по прошествии некоторого времени, после сближения с молодыми скифами, они вместе ушли за Танаис, где стали называться савроматами (Herod. IV, 110 – 116).

Образ жизни и обычаи. Амазонки «ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях» (Нр., 24). Девочек с рождения «...приучали не к безделью или обработке шерсти, а к оружию, лошадям и охоте...» (Trog. I, 4, 10 – 11). Не обученные женским работам (Herod. IV, 114), они «...занимаются теми же делами, что и мужчины, не освобождаются от военной службы. Мужчины служат в пехоте и в сражении мечут стрелы, а женщины вступают в конные стычки и сражаются не железным оружием, а накидывают на врагов арканы и умерщвляют их затягиванием» (Mela I, 19, 114). Большую часть года девушки исполняют все работы сами – пахут, сеют, занимаются садоводством, ухаживают за своими стадами, в особенности, за лошадьми. Самые сильные из них, по утверждению Страбона, «занимаются главным образом охотой на лошадях и военными упражнениями» (Strab.). Часть описаний носит двойственный характер. В рассказе о скифах Помпей Трог, очевидно, имея в виду амазонок, писал, что «...доблестями мужей они прославились не более, чем женщины: в самом деле, сами они были родоначальниками парфян и бактрийцев, а жены их основали царство амазонок, так что, если разбирать подвиги мужчин и женщин, то останется неизвестным, который пол был у них славнее» (Trog. II, 1, 2 – 4). Близкую, но еще менее ясную, информацию оставил и Николай Дамасский: «...У них женщины не менее воинственны, чем мужчины, и в случае надобности воюют вместе с ними. И поэтому амазонки чрезвычайно мужественны, так что некогда дошли походом до Афин и Киликии, так как жили рядом с этими млекопитающими близ Меотийского озера...» (Nic. Dam. 3). Не безинтересен и еще один пассаж Помпея Трога. После смерти мужей «...Жены их, видя, что к изгнанию прибавилось сиротство, сами взяли за оружие и стали защищать свои владения сначала оборонительными войнами, а потом наступательными. ...Представляя единственный в своем роде для всех веков пример, они решились править государством без мужчин и даже с презрением к ним...» (Trog. II, 4).

Паноплия. Вооружены они луком со стрелами, топором, дротиком и копьем. Кроме того, как рассказывал Помпоний Мела, амазонки и в бою, и на охоте ловко управляют арканом. Из защитного вооружения упоминаются только небольшие легкие щиты в форме полумесяца.

Облик и одежда. Александр Македонский в письме матери писал, что «...амазонки, значительно превосходящие ростом прочих женщины, отличающиеся красотой и здоровьем, ... сообразительностью и остроумием...» (Callisth. III, 27). А Диодор Сицилийский отмечал отличную силу, ум, военные таланты и красоту этих женщины (Diod. II, 44, 45; XVII, 77, 2). Несколько противоречива информация относительно одежды воинственных дев. Так, по Геродоту, амазонки носили мужскую одежду (Herod. IV, 116), при этом она была цветной (Callisth. III, 27). Из шкур диких зверей они изготавливали себе шлемы, плащи и пояса (Strab. V, 1). У Евсевия Иеронима, в отличие от предыдущих авторов, амазонки «...с выставленной на показ грудью и голыми руками и коленами, вызывающие на состязание сладострастия идущих против них мужчин» (Hier. II, 37). А Палефат в книге «О невероятном» утверждает, что они «...носили хитоны до пят, а на головах – митры...» (Palaeoph. XXXII).

Замужество. Замуж девушки могли выйти, как сообщает большинство древних авторов, только после того, как убьют трех врагов. Некоторые так и доживают до старости в девичестве, потому что не смогли выполнить этого требования. А, выйдя замуж, амазонка по сведениям Гиппократов «перестает ездить верхом, пока не явится необходимость поголовно выступать в поход».

2. Археологические источники. К числу этих источников отнесены погребальные комплексы и произведения античного искусства. В сравнении с предыдущим, этот вид источников более скуп и отрывочен. Накопившиеся в последние годы археологические материалы свидетельствуют о том, что в скифское время погребения женщин с оружием достаточно широко распространены по всей территории юга Восточной Европы.

Кто такие амазонки? По отношению к общему числу скифских погребений с оружием могилы женщины-воительниц составляют четвертую часть (Бунятян. 1982). А это значит, что каждым четвертым воином у скифов Северного Причерноморья была женщина. Археологические источники молчат о том, каким кумирам поклонялись амазонки. Но свидетельствуют о социальном раслоении (в письменных источниках упоминались только царицы). Об этом говорят различия в размерах погребальных сооружений и ассортименте сопутствующего инвентаря. В большинстве же это были представительницы так называемого среднего сословия (Филко. 1991).

Происхождение и появление в Скифии. 1. Что касается первоначального обитания амазонок, то считается, что город Фемискира находился в Малой Азии, при устье реки Фермодонт (или Термодонт по другим источникам), которая отождествляется с речкой Терме-Чай, впадающей в Черное море.

2. Территориально могилы вооруженных женщины V – середины IV в. до н.э. в Понтийских степях распадаются на три основных скопления. Значительная их часть сосредоточена в северо-западном Приазовье – в низовьях реки Молочной (недалеко от гавани Кремны); небольшая группа локализуется в левобережье Нижнего Днепра; а наибольшее скопление концентрируется вдоль правого берега Днепра, на участке от нижней кромки порогов до устья реки Базавлук (Фялко, 1991, рис. 7).

Много погребений вооруженных женщины этого периода известно и в Подонье (Смирнов, 1964; Мирошина, 1990).

Паноплия. Ассортимент оружия ограничен. Практически каждая амазонка имела лук с набором стрел, кроме того, у многих было копьё или дротик (или то и другое вместе). Железные мечи встречены только в трех могилах. Не было у них и защитного доспеха, равно как и боевых поясов. Такой набор оружия и отсутствие защитного облачения, скорее всего, свидетельствуют о том, что женщины принимали участие в легко вооруженных отрядах кавалерии. В то же время, ни разу вооруженную женщину не похоронили вместе с боевым конем. И только в одном погребении найдены металлические детали конской упряжки.

Облик и одежда. Антропологические исследования не дали каких-либо сведений о росте и физической силе амазонок. Антропологический тип их не отличен от остального населения Скифии, никак не выделялся и обряд захоронения. Об облике амазонок позволяют судить произведения античного искусства. Изображенные в камне – в статуях или на барельефах храмов – амазонки, как правило, молоды, с развивающимися длинными волосами либо в легких шлемах, в коротких полупрозрачных одеяниях греческого типа. В вазовой живописи они ближе персонажам Геродота, одетым в мужской «персидский» костюм. Как правило, это юная дева в мужском наряде – одежда (кафтан и узкие штаны с лампасами) облегает стройную фигуру; ступни ног либо босые, либо в мягких коротких сапожках (скификах); на голове мягкая шапочка в форме колпака, иногда со свисающими сзади и по обеим сторонам защитными «клатанами». И всегда с оружием – либо это лук и колчан со стрелами, либо копьё или дротик. Часто присутствует на рисунках и щит, обычно овальной формы. Чаще встречаются изображения сражающихся амазонок, как в конном, так и в пешем бою. Но достаточно много и статичных изображений вооруженных дев рядом с конем или грифоном, а иногда и просто их голов.

Замужество. Вооруженные женщины не составляли единой возрастной группы – их возраст колебался от 16 до 60 лет. Но все же половина из них – молодые женщины 25–35 лет. Захоронения практически всегда были одиночными. Лишь в четырех могилах рядом с молодой женщиной был похоронен грудной ребенок. При этом десятая часть погребенных женщин с оружием – шестидесятилетние (для скифской эпохи это более чем преклонный возраст) и, судя по наличию оружия, незамужние. Возможно, подобная ситуация отражала относительно спокойный период скифской истории, во время которого не представлялось возможности проявить себя в бою и убить врага.

Вряд ли можно говорить о том, что в Северном Причерноморье существовала страна амазонок. Археологические источники не дают представления о непримиримых мужеубийцах. Однако, при сопоставлении описаний античных авторов с археологическими материалами вполне очевиден ряд совпадений. Письменные источники освещают ранний период скифской истории, археологические дают представление о времени расцвета Скифии. Несмотря на это, они в значительной степени взаимно дополняются и корректируются. В поисках ответа на вопрос о реальности существования института амазонок у скифов археологические источники пусть не прямо, но подтверждают в определенной степени более раннюю письменную традицию.

Я. М. Паромов

Ледовые походы скифов

«Геродот, может быть, лжековерек, но его честность никогда не вызвала сомнений. Он писал о персидских войнах, основываясь на рассказах свидетелей; но ученые, зараженные модным скептицизмом, поехали в Маратон, чтобы проверить его данные, и доказали, что Геродот неправильно описал эту битву».

А. Хокарт. Критерии оценки свидетельств // Цари и советники. 1936.

«Мысль изреченная есть ложь». Этот афоризм с полным правом может быть отнесен и к мысли, занесенной на свиток, пергамент, бумагу, а также старательно вырезанной на камне, керамической или бронзовой табличке. Тем не менее, наше доверие к так называемым письменным источникам трепетно и безгранично. Более того, зачастую мы сами способствуем безмерному усилению этой лжи, накручивая на нее собственные измышления, как бесконечную нить на веретене.

но. В этом смысле, одним из наиболее показательных моментов ранней истории Боспора являются «ледовые походы скифов» через Боспор Киммерийский.

Двумя главными причинами объединения боспорских городов под властью Археонактидов, по мнению ряда авторов, являлись необходимость в расширении земельного фонда, связанная с ростом населения, а также угроза скифской экспансии против греческих полисов Боспора и местных племен, прежде всего – синдов, на Азиатском Боспоре (Виноградов. 1983. С. 400–406; Толстикова. 1984; Шеллов-Коведяев. 1985. С. 65–78). Оставляя в стороне гипотетическую проблему нехватки земли (стенохории) на Европейском Боспоре, о Таманском полуострове следует сказать, что здесь подобной проблемы просто не существовало. Даже на более поздних этапах и во времена максимального развития и расцвета античной системы расселения в этом регионе (IV–II в. до н.э.), как мы увидим это далее, его селитебная емкость не была исчерпана полностью.

Скифская угроза выводится, прежде всего, из сообщения Геродота (IV. 28) о том, что: «Море здесь и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы, живущие по эту сторону рва, выступают в поход по льду и на своих повозках переезжают на ту сторону до земли синдов». Практически всеми авторами это сообщение воспринимается на веру, как свидетельство, хотя и по-разному. Если Ю. Г. Виноградов уверен, что «скифы совершают регулярные зимние походы через Боспор, имея целью внеэкономическую эксплуатацию синдов, а вместе с тем устройство удобных зимников в кубанских плавнях» (1983. С. 402), то Ф. В. Шеллов-Коведяев говорит лишь о «зимних набегах скифов на эту область с целью внеэкономической эксплуатации ее жителей», решительно отказываясь «видеть здесь регулярные сезонные перекочевки» и отвергая версию о зимниках хотя бы потому, что «перекочевка по льду со скотом обрекла бы последний на гибель» (1985. С. 66). Его оговорка основана на знании местных условий, а именно того, что лед в проливе держится максимум около 40 дней. Следует уточнить, что не менее половины этих дней уходит на образование и таяние льда, когда он особо опасен. Следует добавить также, что не всякий год пролив покрывается льдом. И можно ли вообще говорить об устройстве зимников на одну неделю или даже несколько дней? Между тем, сам Геродот не относил свое сообщение к категории свидетельства. В четвертой книге «Истории» оно помещено там, где он рассказывает «в точности и как можно обстоятельнее все, что, хотя и понаслышке, довелось узнать об этих северных странах» (Hdt., IV, 16) и, завершая свой рассказ, говорит: «Вот сведения, которые у нас есть о самых отдаленных странах» (Hdt., IV, 31). Недаром он предваряет рассматриваемое сообщение словами: «Во всех названных странах зима

столь сурова, что восемь месяцев там стоит невыносимая стужа», и, заключая его, повторяет вновь: «Такие холода продолжаются в тех странах сплошь восемь месяцев, да и остальные четыре месяца не тепло» (Hdt., IV, 28). Напомним, что речь идет «о странах», где и в античное время, и в наши дни вызревают виноград, персики и другие теплолюбивые фрукты. Ситуация на Таманском полуострове в рассматриваемое время, характер и темпы развития античной системы расселения на его территории не позволяют безоговорочно принять сообщение Геродота о ледовых походах скифов. По крайней мере, следует присоединиться к точке зрения А. Н. Васильева, что это сообщение слишком неопределенно, чтобы на его основе делать выводы, к которым приходят исследователи (1992. С. 116). Следует отметить, что в своем мнении А. Н. Васильев не одинок. Близкое по смыслу суждение было высказано также при рассмотрении источников, касающихся меот и греческой колонизации, И. С. Каменецким (1988. С. 87). Подробно и всесторонне этот вопрос рассмотрен А. А. Масленниковым, отрицающим всякую реальность ледовых походов скифов (2001. С. 309–317).

Анализируя общую картину развития античной системы расселения на Таманском полуострове в конце VI – первой половине V в. до н.э., следует прежде всего отметить, что ее формирование происходило в свободных условиях, без какого-либо давления или насильственного ограничения. Это выразилось в беспрепятственном освоении глубинной территории и побережья отдельных островов, в сохранении и совершенствовании сухопутных и водных путей сообщения, в заметном обогащении внутренних связей, из чего можно заключить, что развитие античной культуры в этом регионе протекало при мирных, скорее даже, благоприятных обстоятельствах. В эту картину никак не вписываются регулярные перекочевки кочевников через возделываемые поля.

Литература

- Васильев. 1992 – А. Н. Васильев. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Виноградов. 1983 – Ю. Г. Виноградов. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. I.
- Каменецкий. 1988 – И. С. Каменецкий. Меоты и греческая колонизация // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV в. до н.э. Тбилиси, 1988.
- Масленников. 2001 – А. А. Масленников. Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // ДБ. М., 2001. Вып. 4.

- Толстикова. 1984 – *В. П. Толстикова*. К проблеме образования боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3.
- Шеллов-Коведяев. 1985 – *Ф. В. Шеллов-Коведяев*. История Боспора в VI–IV в. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1985.

А. Б. Белинский, С. Л. Дударев

Хронология могильника Клин-яр III

Материалы могильника Клин-яр III (р-н г. Кисловодска) имеют ключевое значение, прежде всего, для периодизации и хронологии предскифского времени Северного Кавказа, Юго-Восточной и Центральной Европы, поскольку имеют культурно-хронологические связи с памятниками этих регионов, а также древностями эпохи киммерийских походов Западного Закавказья и Западной Азии (Berezin, Dudarev. 1999; Дударев. 1999; Лесков, Эрлих. 1999). В данном докладе нами будут изложены основные подходы к хронологическому членению наиболее важных в диагностирующем отношении комплексов памятника.

Прежде всего, установлено, что диагностирующие комплексы предскифского времени достаточно четко располагаются между Белозеркой и периодом скифской архаики (Belinsky, Dudarev. 2002, P. 257–258).

Хронология I группы (X – начало IX в. до н.э.) основана на параллелях керамике (кубок из погр. 179) и предметам вооружения (платник и молоток из погр. 135 и 192) в белозерской культуре, культуре Козия-Сахарна и раннекобанских памятниках Центрального Предкавказья и опирается на субмикенские аналогии XII–X в. арочным фибулам Северного Причерноморья и Кавказа (в т.ч. фибулам Панталлича II) в Средиземноморье (Ванчугов. 1999. С. 76. Рис. 29, 15–16, 19–20; Билжонев, Козенкова. 1980. С. 227; Деоник, Крупинов. 1961. С. 29. Рис. 8, 8; Тереножкин. 1976. С. 196–197; Козенкова. 1996. С. 37; Смирнова. 1985. С. 43–47; Кашуба. 2000. С. 320. Рис. XXVIII, 18).

Погребения 2 группы (IX – первая половина VIII в. до н.э.) маркируются находками наиболее ранних черногоровских (втульчатые наконечники стрел из погр. 127 и 325), и новочеркасских (двукольчатые рифленые удила из погр. 280) типов оружия и конской сбруи иногда в сочетании с архаичными кавказско-переднеазиатскими образцами (черешковий наконечник из погр. 325) (Мартirosян. 1969. Табл. XXV, 26,

35; Negahban. 1995. P. 83. Pl.XII, 152), свойственными для периода поздней бронзы – раннего железа, а также форм, имеющих параллели в культурах Подунавья NaV_2 и NaV_3 (биметаллический конжал с однорядной орнаментацией рукоятки из погр. 303, железный топор из погр.320) (Pare. 1999. Weilage V, 20; Patek. 1993. S. 24. Abb. 11).

Примечательно, что некоторые типы украшений из могил 2 группы (бляха с соларной орнаментацией из погр.182) диагностируются близкими им совместными находками с конской сбруей IX в. до н.э. в Западном Закавказье (Лайлаши) (Козенкова, 1998. С. 62), дата которой опирается на параллели в памятниках Ирана (Хасанлу IV) (De Schauensee. 1989. P. 49. Fig. 23).

Сложнее всего обстоит дело с датировкой 3 группы могил (вторая половина VIII – первая половина VII в. до н.э.), распадающейся на три подгруппы – «А» (погр. 18, 20, 23 раскопок Я. Б. Березина, погр. 164, 184, 297, 309, 313 раскопок А. Б. Белинского), «Б» (погр. 186, раскопок А.Б. Белинского, погр.14, разрушенное погребение воина 1987 г., погр. 16 раскопок Я. Б. Березина), «В» (погр.121 раскопок В. С. Флерова, погр. 194 и 294 раскопок А. Б. Белинского и др.).

Диагностирующим в хронологическом плане признаком для комплексов подгруппы «А» (вторая половина VIII – рубеж VIII–VII в. до н.э.) является сочетание черноголовских и «предклассических» новочеркасских элементов с элементами новочеркасской «классики» (двукольчатые удила с двурядно-прямоугольным рельефом и шпатами и псалми типа Баксан-Фидишиновская и Березовский-26 из погр.18, 20,23; стремечковидные (треугольно-конечные) удила, звено двукольчатых удила с перемычкой и псалми типа Фарс-25 из погр. 313; и др.). (Белинский, Вальчак.1998. С. 159; Махортих. 1992. С. 24; Вальчак. 1997. С. 91; Дударев. 1999. С. 159,108, 252; и др.).

В комплексах подгруппы «Б» встречаются предметы защитного вооружения закавказско-переднеазатского типа (шлемы, остатки чешуйчатых панцирей, некторали), сочетающиеся с «предклассической» новочеркасской сбруей (псалми типа Фарс-14) (погр.186). Примечательно, что в некоторых других вещевых наборах из Питигорья с панцирем южного облика, последняя встречена уже с деталями конского снаряжения только «классического» новочеркасского типа (Лермонтовский разъезд, клад с г. Бештау), и в сочетании с предметами, (бронзовый котел, овальная пряжка с рамочным выступом) и архаичским акинском без навершия), маркирующими проникновение на Северный Кавказ древнейшего скифского элемента.

Особое значение имеет вопрос о реперности комплексов с предметами защитного вооружения закавказско-переднеазатского типа (Эрлих,1997. С. 32). Представленная в докладе колонка клин-ярсских комплексов с предметами панциря закавказско-переднеазатского типа,

наряду с ранее исследованными диагностирующими комплексами из Пятигорья, содержащими подобные изделия (Дударев. 1999. С. 162–168), позволяет уверенно относить их к концу VIII – началу VII в. до н.э. Эти хронологические рамки основаны как на изучении особенностей защитного вооружения (особенно шлемов), историко-культурного контекста содержащих его комплексов, так и исторической ситуации указанной эпохи. Приведены и новые параллели конской сбруе «предклассического» новочеркасского типа из комплексов подгруппы «Б» группы 3 (погр. 14 раскопок Я. Б. Березина). Дата псалев с конскими головками из погр. 14, найденных совместно с бронзовой пекторалью, устанавливается по параллелям в гробнице 3 могильника Алтын-тепе (Анатолия) времени Аргишти II (713–685 г. до н.э.) (Yildirim. 1987. 486, 489). Попытки объявить данные находки (шлемы, панцири и пр.) относящимися к X–IX в. до н.э. (Иванчик. 2000. С. 203–224; 2001. С. 123–136, 228–262) являются слабо обоснованными (Дударев. 2001. С. 88–90; Дударев. 2002. С. 27–32; Белинский. 2004. С. 20; Эрлих. 2005. С. 40).

Погребения подгруппы «В» (конец VIII – первая половина VII в. до н.э.), которые представляют уже «классический» новочеркасский период, сравнительно немногочисленны. Здесь уже нет ни элементов вооружения и конской сбруи более раннего времени, ни паноплии южного облика. Датировка ряда поздних комплексов предскифского периода (погр. 174, 196, 300, 316) укладывается в рамки второй половины VIII – первой половины VII в. до н.э. в целом, поскольку найденные в этих могилах новочеркасские наконечники стрел², бронзовые двуколычатые удила, молоток с солярной орнаментацией на «нащечниках» не могут сейчас датироваться более точно. Кроме того, те или иные могилы могут быть помещены в рамки VIII – первой половины VII в. до н.э. (погр. 261), или VIII–VII в. до н.э. (погр. 227, 262, 311 и др.).

Необходимо особо подчеркнуть, что специфика периода второй половины VIII – первой половины VII в. до н.э. на территории Каминовод (и это особенно ярко отражено в материалах 3 группы захоронений Клинь-яра III) состоит в его «переходности», которая сопровождалась прямым сочетанием в одних и тех же комплексах ряда элемен-

² Наконечник стрелы новочеркасского типа был найден в конском захоронении на могильнике «Индустрия I» совместно со «строгими» однокольчатыми удилами, трехпестельчатыми псалиями (тип Фарс-14, по С. Б. Вальчаку, Терезе-З – Белореченский – 32, по С. Л. Дудареву) и панцирными чешуйками. Комплекс датирован нами концом VIII – началом VII в. до н.э. с возможным углублением во вторую половину VIII в. до н.э. (Дударев, Белинский. 2004. С. 9–11).

тов вооружения и конской сбруи черноговоровского и новочеркасского (как «предклассического», так и «классического» – sic!) типа.

Четвертая хронологическая группа могильника Клин-яр III (погр. 79, 80, 81, 83, 126, 138 и др.) содержит ряд опорно-хронологических находок, датированных В. С. Флеровым и О. Р. Дубовской не позднее VII в. до н.э. (двулопастные удлинненно-ромбические, трехгранные и пудевидные наконечники стрел скифского типа, акинак с брусковидным навершием, железная секира, костяные грибовидные «столбики» и др.) на основании аналогий в памятниках Арханческой Скифии (Староселье, Семеновка, Подгородное, кург.1 у хут. Красное Знамя, Новоалександровка, Аксютинцы и др.) (Флеров, Дубовская. 1993. С. 282). Приведенные нами дополнительные аналогии наконечникам стрел (особенно образцам I отдела, типа 1, варианта 2, в том числе из гробницы VIII Карраса и погр.2 Кызыл-калы) (Козенкова. 1995. С. 138, Д. 3, 5; К, 1, 3), акинаку (Gavlik. 1998. S. 58. Tabl. II, 2), топору (Галанина. 1977. С. 38, 40. Табл.19, 4) и др. позволяют несколько расширить хронологические рамки 4 группы и обозначить ее верхнюю грань началом VI в. до н.э. Таким образом, в целом датировка 4 группы кобанских погребений Клин-яра III может быть обозначена серединой VII – началом VI в. до н.э.

Немаловажно и то, что в результате нашего анализа был выделен ряд, так сказать, ординарных погребений VII в. до н.э., не имеющих ярких датирующих «привязок», подобных найденным в погр.79, 81, 83 и др. Материальный облик этого важного, переходного, столетия все более наполняется историко-культурной конкретикой.

Выделенные нами группы захоронений могильника Клин-яр III отражают специфику историко-культурных процессов, происходивших на Кавминводах в предскифское и раннескифское время и поэтому не во всех своих компонентах совпадают с хронологическими группами протомеотской общности VIII–VII в. до н.э. (Эрлих. 2005). Они имеют более сложную структуру сочетаний предметов-хроноиндикаторов в погребальных комплексах, что, прежде всего, относится к группе 3.

Предложенная нами схема хронологического членения многочисленных захоронений могильника Клин-яр III, вероятно, не лишена дискуссионных моментов. Но она, надеемся, послужит определенной основой для дальнейшей разработки периодизации и хронологии материальной культуры раннежелезного века Центрального Предкавказья и в деле усовершенствования системы хронологических связей культур Северного Кавказа начала раннего железа с окружающим миром.

- Белинский, Вальчик. 1998 – *А. Б. Белинский, С. Б. Вальчик*. Оригинальная группа предскифских уздечных комплексов Северного Кавказа: европейские и кавказские параллели // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология*. Ставрополь, 1998. Вып. 1.
- Белинский. 2004 – *А. Б. Белинский*. Могильник Клин-ар III как источник по изучению культуры населения Кавминвод в раннем железном веке / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Биджиев, Козенкова. 1980 – *Х. Х. Биджиев, В. Н. Козенкова*. Предметы кобанской культуры из сел. Терезе (Карачаево-Черкесия) // *СА*. 1980. № 3.
- Ванчугов. 1990 – *В. П. Ванчугов*. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.
- Вальчик. 1997 – *С. Б. Вальчик*. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплексы с трехплетчатыми плетениями (классификация и хронология) // *Древности Евразии*. М., 1997.
- Галанина. 1977 – *Л. К. Галанина*. Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). М., 1977. – (САИ. Вып. Д1–33).
- Деоппк, Крупнов. 1961 – *Д. В. Деоппк, Е. И. Крупнов*. Змейское поселение кобанской культуры // *Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии*. Т. 1. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.
- Дударев. 1999 – *С. Л. Дударев*. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999.
- Дударев. 2001 – *С. Л. Дударев*. О дискуссионных вопросах изучения предскифского периода на Северном Кавказе и в Юго-Восточной Европе // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. II. Археология. Антропология. Палеоклиматография. М., 2001.
- Дударев. 2002 – *С. Л. Дударев*. Еще раз о времени появления на Кавказе шлемов ассирийского типа // *Античная цивилизация и варварский мир* (Материалы 8-го археологического семинара. Краснодар, 13–15 июня 2001 г.). Краснодар, 2002.
- Дударев, Белинский. 2004 – *С. Л. Дударев, А. Б. Белинский*. Конское погребение предскифского времени из могильника «Индустрия 1» (предварительное сообщение) // *Одннадцатые чтения по археологии Средней Кубани* (краткое содержание докладов). Армавир, 2004.
- Иванчик. 2000 – *А. И. Иванчик*. О так называемых «передневожосточных» шлемах, найденных на Кавказе // *Археология, палеоэволюция и палеодемография Евразии*. М., 2000.
- Иванчик. 2001 – *А. И. Иванчик*. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001.
- Кашуба. 2000 – *М. Т. Кашуба*. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Котля-Сахарна) // *STRATUM plus*. Культурная ан-

- тропология. Археология. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест. 2000. № 3.
- Козенкова. 1975 – В. И. Козенкова. К вопросу о ранней дате некоторых коняков так называемого кабардино-пятигорского типа // *Studia Thracica*. I. Фрако-скифские культурные связи. София, 1975.
- Козенкова. 1995 – В. И. Козенкова. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2–5. – М., 1995.
- Козенкова. 1996 – В. И. Козенкова. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
- Лесков, Эрлих. 1999 – А. М. Лесков, В. Р. Эрлих. Могильник Фарс/Клады. М., 1999.
- Мартirosian. 1969 – А. А. Мартirosian. Поселения и могильники эпохи поздней бронзы. Ереван, 1969.
- Махортих. 1992 – С. В. Махортих. Пам'ятки типу Новочеркаського скарбу (за матеріалами Північного Кавказу) // Археологія. 1992. № 1.
- Смирнова. 1985 – Г. И. Смирнова. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. № 4.
- Тереновский. 1976 – А. И. Тереновский. Киммерийцы. Киев, 1976.
- Флеров, Дубовская. 1993 – В. С. Флеров, О. Р. Дубовская. Мужские погребения кобанского могильника Клин-яр III в г. Кисловодске // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. М., 1993. Вып. 1.
- Эрлих. 1997 – В. Р. Эрлих. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // Памятники предскифского и скифского времени на Юге Восточной Европы. М., 1997.
- Эрлих. 2005 – В. Р. Эрлих. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2005.
- Berezin, Dudarev. 1999 – J. B. Berezin, S. L. Dudarev. Neue präskythische Funde aus der Umgebund von Pjatigorsk, Nordkaukasien // *Eurasia Antiqua*. Berlin., 1999. Band 5.
- Belinsky, Dudarev. 2002 – A. Belinsky, S. Dudarev. On the chronology of Klin-Yar III cemetery (North Caucasus) // 8th EAA Annual Meeting. Abstracts Book. 24–29 September 2002. Thessaloniki, Hellas. 2002.
- Gavlik. 1998 – A. Gavlik. Znaleziiska scytyskie na Wyzyne Moldawskiej i Besarabskiej // *Materiały i spawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*. T. XIX. Rzeszów-Krosno-Tarnów, 1998.
- Negahban. 1995 – E. O. Negahban. Weapons from Marlik. *Archaeologische Mitteilungen aus Iran*. Ergänzungsband 16. Berlin, 1995.
- Pare. 1999 – Ch. Pare. Beiträge zum Übergang Von Der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum*. Mainz. 45. Jahrgang. 1998. Mainz, 1999. Teil 1.
- de Schauensee. 1989 – M. de Schauensee. Horse gear from Hasanlu // *Expedition*. 1989. Vol.31. № 2–3.

*М. Н. Дараган***Античная керамика из Хотовского городища скифской эпохи³**

Хотовское городище, расположенное на южной окраине г. Киева, является самым северным лесостепным городищем скифского времени. Археологические исследования на памятнике проводила в 1948 г. Е. Ф. Покровская, в 1965–1967 г. Е. Н. Петровская. Памятник был датирован по находкам античной керамики VI–V в. до н.э. (Покровская, 1952, С. 12–20; Петровская, 1970 С. 129–145; Ковчаненко, Бессонова, Скорый, 1983, С. 139). В 2004 г. архитектурно-археологическая экспедиция ИА НАН Украины провела комплексное геофизическое обследование городища с последующей проверкой выявленных аномалий раскопками, что позволило определить планиграфию памятника и идентифицировать постройки. Памятник однослойный. Культурный слой фиксируется не на всей площади памятника. Он мощнее на участках, прилегающим к валам, и соответственно уменьшается к центральной части памятника. Мощность культурного слоя вне археологических объектов около 0,25 м. При этом магнитограммы центральной части памятника и шурфовка здесь свидетельствует о слабой насыщенности культурного слоя и полном отсутствии следов домостроительных конструкций. Были проверены различные типы аномалий для идентификации их с археологическими объектами и в результате определена малочисленность последних. По предварительным данным общее количество археологических объектов, которые можно было бы соотнести с наземными жилищами или землянками, на общей площади 31 га вряд ли достигает 20. На месте положительных изометрических аномалий исследованы две погребенные в огне каркасно-глинобитные постройки, с погребенными культурными остатками, представленными в основном местной лепной керамикой и античной (Ивакин, Дараган, 2005, С. 325). К данному исследованию привлечены материалы из трех синхронных сгоревших глинобитных построек, сохранивших античную керамику: две – из раскопок 2004 г. архитектурно-археологической экспедиции ИА НАНУ и одна – из раскопок 1965 г. Е. А. Петровской (Петровская, 1970, С. 129–145). Все они являются археологически закрытыми комплексами, а их синхронность определяется по комплексу местной керамики, идентичной во всех постройках. Это характерные обломки лепных горшков с налепными валиками и наколами с внешней стороны под валиком, обломки чер-

³ Работа выполнена в рамках украинно-российского проекта: «Античный и варварский мир на юге Украины и России: Ольвия, Боспор, Скифия. Опыт сравнительной характеристики».

положенных мисок с выраженным ребром-перегибом и прямо срезанным загнутым во внутрь краем бортика, корчаг, грушевидных черпаков и плоских крышек (Рис. 1–4, 20–23, 25–28, 30).

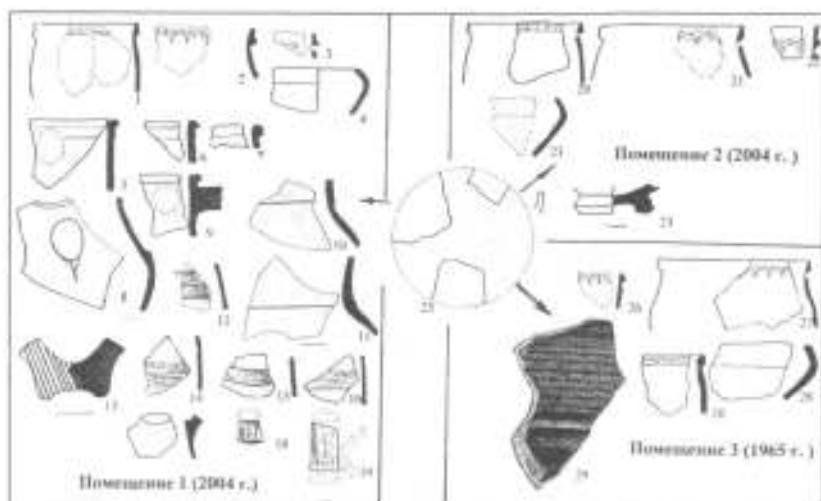
Поскольку античная керамика в Украинской Лесостепи начиная с середины VII в. до н.э. является основой для хронологических построений, а существование городища на большей части хронологического диапазона соответствует «темному периоду» в скифской истории (Алексеев. 2003. С. 153), надеюсь, что анализируемые материалы позволяют детализировать хронологическую схему Лесостепи скифского времени и более надежно реконструировать историческую ситуацию в регионе⁴.

1. Помещение № 1 (2004 г.) в северной части городища представляло собой завал глиняной обмазки в форме овала диаметром 2,80 м по оси С–Ю и 2,30 м по оси З–В. Краями он лежал на древней дневной поверхности, постепенно углубляясь к центру на максимальную глубину 0,30 м от ее уровня. Мощность завала составляла 0,40–0,60 м. Его подошва лежала на стерильном предматериковом сутлинке на глубине до 0,80 м. Слой завала и заполнение углубления состояло из разных по размеру обломков сильно пережеванной стеновой обмазки со следами выгоревших прутьев, фрагментов лепной керамики скифского времени (корчаги, горшки, черпаки, миски), фрагментов античных амфор. И керамика, и обмазка имеют следы воздействия высоких температур. По этой причине первоначальный цвет глины значительно искажен. Керамическая тара из этого комплекса представлена фрагментами эолийских, клазоменских и самосских амфор.

Самос. К производству Самоса отнесены фрагменты горла, на которых на месте стыка горла с плечом имеется небольшой уступ (Рис. 1, 10, 11), а также фрагменты венчиков уплощенной валикообразной формы (Рис. 1, 7). Цвет глины на всех фрагментах искажен за счет горения, но в глине присутствуют блестки, известняковые включения и пироксен. Уступы (валики или рубчики) в основании горла – характерная черта самосских амфор. Однако, если валики являются архаической чертой и характерны для амфор конца VII – середины – третьей четверти VI в. до н.э. (тип I – варианты I-A и I-B по Монахову), то на амфорах классического типа (тип II по Монахову), появление которых относится к рубежу 3–4 четвертей VI в. до н.э., вместо валика оформлен уступ (Монахов. 2003. С. 27). В то же время именно уступы оформлены на самосских амфорах из некрополей *Montalto di Castro* и

⁴ При обработке античных материалов памятника неоценимую помощь мне оказали В. П. Котылов, С. В. Полин и в особенности А. В. Буйских. Привожу им свою благодарность.

Cerveteri датируемых первой половиной VI в. до н.э. (Rizzo. Fig. 354, 352, 351), но не позже второй – третьей четверти VI в. до н.э. (Rizzo. Fig. 356). Предположительно к производству Самоса отнесен и обломок ножки. Диаметр ножки – 45 мм, высота внутреннего заполнения – 15 мм, а глубина выемки снизу – 7 мм. Наблюдается большой разлет стенок. Глина с большим включением слюды (Рис. 13). В целом такая характеристика ближе всего к ножкам самосских амфор архаического типа 1 варианта 1-B (черветери). Их диаметр также около 45 мм, а глубина выемки – 9–10 мм. Датируются не позже конца третьей четверти VI в. до н.э. (Монахов. 2003. С. 27. Табл.15,3).

Эолия (Лесбос). К эолийским красноглиняным амфорам относятся три фрагмента горла, несколько венчиков и ручек. Фрагменты из Хотовского городища имеют круглые в сечении ручки, с характерным налетом на месте нижнего прикрепления («красный хвост») и наличием ребра или уступа под венчиком (Рис. 1, 5–6, 8–9). Венчики округлые, валикообразные. Глина красноватых оттенков, хотя из-за сильной пережженности цвет глины отчасти искажен. В глине присутствуют включения песка и слюды. Диаметры всех венчиков, реконструируемый по фрагментам, – 13 см. Хронологическим показателем выступает такой признак, как расстояние от нижнего предела венчика до горизонтального уступа на стенке верхней горловины. Если у ранних образцов второй половины VII – середины VI в. до н.э. это расстояние составляет 17–21 мм, то на амфорах второй половины VI – первой половины V в. до н.э. уступ находится на расстоянии 5–9 мм от венчика (Рубан. 1990. С. 14; Абрамов. 1993. С. 26). На хотовских эк-

землярах это расстояние от нижнего края венчика 12–13 мм, а от верхнего – 21, что может свидетельствовать в пользу датировки хотовских экземпляров VI в. до н.э., ближе к его середине.

Клазомены. С клазоменскими амфорами связаны находки овальных в сечении ручек, уплощенных, украшенных с внешней стороны полосой красной лакообразной краской шириной 20 мм, фрагменты стенок, украшенных двойными полосами такой же краски (Рис. 1, 12, 14–19) (Монахов. 2003. С. 51). Хронология клазоменских амфор не выходит за пределы начала V в. до н.э. (Абрамов. 1993. С. 29; Монахов. 2003. С. 51). В совокупности материалы из комплекса могут датироваться в пределах середины – третьей четверти VI в. до н.э.

2. Помещение № 2 (2004 г.) представляло собой углубленную в материк от уровня древней дневной поверхности на 0,9 м (1,40 м от современной поверхности) конструкцию площадью 20–22 м², ориентированную по длине ССВ–ЮЮЗ. На древней дневной поверхности по продольным западной и восточной сторонам постройки были сооружены каркасно-глинобитные стены, которые и создали после падения соответствующие завалы обвалки. С севера в полу помещения был вырыта яма (Ивакин, Дараган. 2005). Из амфорных обломков на дне помещения был обнаружен неопределимый фрагмент стенки с ручкой и фрагмент ножки. Диаметр ножки 70 мм, высота 16 мм, соотношение диаметра ножки к ее высоте – 4,4. Поддон отделен от корпуса полосой подрезки (Рис. 1, 24). Ножки с такими морфологическими и метрическими показателями занимают промежуточное положение между 1-м и 2-м типами милетских амфор по Рубану, датирующихся соответственно второй половиной VII – первой половиной VI в. до н.э. и второй половиной VI в. до н.э. (Рубан. 1991. С. 191). По типологии милетских амфор Монахова они могут датироваться в второй половиной VI в. до н.э., но вероятно не позднее третьей четверти VI в. до н.э. (Монахов. 2003. С. 33). С другой стороны аналогичные метрические параметры имеют ножки самосских амфор некрополя Vulci (погребения 61 и 81), датированные 600–575 г. до н.э. (Rizzo. 1990. Fig. 351, 352). Следует отметить, что именно на ножках архаических амфор, относимых как к милетским, так и самосским, иногда имеется подрезка (Рубан. 1991. Рис. 2, 7; Rizzo. 1990. Fig. 351).

3. Помещение № 3 (1965 г.). Представляло собой разрушенное каркасно-глинобитное наземное жилище неопределенной конструкции (Петровская. 1970. С. 132–143). В помещении были обнаружены три фрагмента античной керамики, диагностичным из которых является обломок венчика чернолаковой чашки, орнаментированной продольными полосами (Рис. 29) (Петровская. 1966. С. 5. Илл. 10). Е. Вальтер-Кариди относит такие фрагменты к типичным самосским изделиям

«Samische Kleinmeisterschalen» и датирует не позднее середины VI в. до н.э. (Walter-Karydi. 1981. P. 13. № 58–71).

Таким образом, учитывая, что мы оперировали материалами синхронных построек, вполне вероятно, что все три постройки с идентичным местным материалом погибли одновременно и это могло произойти в пределах середины – третьей четверти VI в. до н.э. То, что городище не переживает VI в. до н.э. подтверждается и находками наконечников стрел, представленных келермесскими, существовавшими не позднее середины VI в. до н.э. и базисными, которые появляются еще в первой половине VI в. до н.э. (Полін. 1987. С. 20–36). Об этом же свидетельствует и тот факт, что на городище отсутствуют типы лепной керамики, характерные для V в. до н.э. (Петренко. 1967. С. 11–12). Следует отметить, что по итогам предварительного изучения керамических материалов раскопок всех лет Хотовского городища его материал представляется очень монолитным. В нем практически отсутствуют ощутимые динамические изменения и складывается впечатление, что памятник существовал очень непродолжительное время – по предварительным данным в пределах первой-третьей четверти VI в. до н.э.

Литература

- Абрамов. 1993 – А. П. Абрамов. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 1993. № 3.
- Алексеев. 2003 – А. Ю. Алексеев. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
- Иванюк, Дараган, Орлюк, Кравченко, Куприй. 2005 – Г. Ю. Иванюк, М. Н. Дараган, М. И. Орлюк, Э. А. Кравченко, С. А. Куприй. Геофизические и археологические исследования на Хотовском городище // Археологические исследования в Украине в 2004 г. К., 2005.
- Ковпащенко, Бессонова, Скорый. 1989 – Г. Т. Ковпащенко, С. С. Бессонова, С. А. Скорый. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного правобережья. Киев, 1989.
- Монахов. 2003 – С. Ю. Монахов. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология: каталог-определитель. Москва, Саратов, 2003.
- Петренко. 1967 – В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III в. до н.э. М., 1967. – (САИ. Вып. Д1–4).
- Петровська. 1970 – С. О. Петровська. Разноскіфські пам'ятки на південній околиці Києва // Археологія. 1970. Т. 24.
- Покровська. 1952 – С. Ф. Покровська. Хотівське городище // АП УРСР. 1952. Т. 4.
- Полін. 1987 – С. В. Полін. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59.
- Рубан. 1990 – В. В. Рубан. О хронологии красноглиняных амфор с коническими ножками VII–V в. до н.э. // КСИА. 1990. Вып. 197.

- Рубан. 1991 – *B. B. Ruban*. Опыт классификации так называемых мисетских амфор из Нижнего Побужья // *СА*. 1991. № 2.
- Rizzo. 1990 – *M. A. Rizzo*. *Complessi tombali dall'Etruria Meridionale*. Roma, 1990.
- Walter-Karydi. 1982 – *E. Walter-Karydi*. *Ostgriechische Keramik* // *Alt-Ägina*. 1982. Band II, 1.

И. А. Костюк

Реставрация керамического комплекса раннескифского времени из Большого кургана у с. Иванковичи на Киевщине

Кухонная лепная керамика является значительной по количеству группой археологического материала, встречающегося практически во всех культурах, начиная с эпохи неолита. Ее археологическое происхождение и технологические особенности изготовления, а именно: приготовление глинистой массы, как правило из низкообжиговых глин с добавлением кварцевого песка, шамота и органических примесей; поспешная ручная формовка; обжиг при низких температурах от +300°С – обуславливают причины деструкции этого материала. К видам повреждений лепной керамики относятся нестойкие и стойкие загрязнения (въевшиеся в поры черепка пыле-грязевые наслоения, засоленность, заизвесткованность и др.), повреждения микробиологического характера, которые, кроме своего естественного происхождения могут быть спровоцированы непрофессиональной расчисткой и нарушением правил хранения. К повреждениям относятся также разрыхление черепка, фрагментарность, кроме того, деформации и разрывные трещины, вызванные причинами нескольких порядков. Такими причинами могут быть нарушения технологии изготовления, пожары во время бытования, многовековое давление грунта, а также непрофессиональное извлечение из грунта и первоначальная камеральная обработка, несоблюдение температурно-влажностного режима, в том числе хранение на сквозняках или при прямом попадании солнечных лучей на артефакт. Значительное количество лепняка в виду фрагментарности и плохой сохранности только фиксируется при археологических раскопках и не попадает в руки реставратора. Таким образом, целый пласт этого материала остается неисследованным или хранится в записниках музеев, ожидая своей реставрации в последнюю очередь из-за сложной и трудоемкой работы с ним. В этой публикации предлагаются некоторые практическо-методические советы по реставрации и консервации археологической керамики.

Три лепных кухонных сосуда эпохи скифской архаики из коллекции Национального музея истории Украины поступили на реставрацию в 2003 г. Сосуды были найдены летом 1994 г. во время исследова-

ния кургана конца VII – начала VI в. до н.э. у с. Иванковичи Васильковского района Киевской области экспедицией Отдела охраны памятников Киевского областного управления культуры под руководством О. Б. Солтыса (Скорый, Солтыс, Белан, 2001. С. 124–137). Первый из сосудов – большой лентной горшок (Ина. № Б 8513) тюльпано-видной формы, декорированный у венчика и по плечикам наклепными валиками, расчлененными пальцевыми вдавлениями, дополнительно под верхним валиком – округлыми наконечниками, поступил в виде развала из 220 фрагментов. Фрагменты были вымыты в полевых условиях, донные части стенок склеены между собой клеем ПВА. Этот клей используется археологами, во-первых, как самый доступный, во-вторых, чтобы при проведении монтажа большого количества частей была возможность путем прогрева исправить вероятную деформацию формы. Хочется предостеречь археологов от употребления марок ПВА, так как клей необратим, ввиду своего химического состава трудноудаляем без повреждения артефакта, к тому же имеет низкую прочность и термостойкость. Полимеризованный ПВА полностью растворяется при погружении на несколько часов в этиловый спирт, но при больших объемах склейки такое удаление клея бывает проблематичным. Традиционное погружение в теплую воду склеенных частей может привести к частичному или полному разрушению артефакта.

В данном случае, учитывая объем старой склейки, после предварительного укрепления фрагментов 3% раствором ПВБ в этиловом спирте, демонтаж склеенных частей был проведен при воздействии тонкой струи пара на швы склейки. Затем дальнейшая расчистка от незначительных почвенных наслоений и остатков клея проводилась локально с использованием спиртовых и водно-спиртовых компрессов, тампонов, глазного скальпеля, иглы и мягкой кисти. При расчистке артефакта не было возможности ограничиться только сухой расчисткой, поэтому перед данным этапом работы были проведены тесты на агрессивность водной среды и спирта к черенку. Принимая во внимание большое количество фрагментов, утраты по швам разломов и то, что результатом даже самой точной склейки могла бы стать ступенчатая деформация формы горшка, был выбран менее прочный и термостойкий, чем полимерный клей ПВБ – клей ПБМА для того, чтобы путем прогрева можно было бы подкорректировать склейку. На последнем этапе монтажа горшок был прогрет до 40°С для точного совмещения всех швов склейки и временно зафиксирован липкой лентой. Мастиковка всех швов, имеющих значительные утраты, была проведена гипсом Г-10. После того, как горшок приобрел прочность, была удалена лента при помощи мягкой кисти и этилового спирта. Утраты, составлявшие приблизительно 10% всей поверхности были восполнены тем же гипсом. Горшок имеет очень пеструю цветовую гамму

(светло-бежевый, черный, серый тона, разные оттенки коричневого), поэтому решено было на реставрационном совете музея, утраты тонировать в цвета сосуда, но на тон светлее. При тонировке использовались титановые поливинилацетатные белила и акварель «Ленинград».

Второй из сосудов – плоскодонная лещная кружка (Инв. № Б 8512) в виде прямостенной банки с прямым слегка отогнутым венчиком с небольшим округлением в середине тулова и плавным сужением ко дну. На расстоянии 2 см от дна и 1 см от венчика – следы шликерного крепления ручки. Имелся фрагмент ручки – 1/6 ее часть. Обжиг черепка неравномерный. Цвет – от бежевого до темного, местами красно-коричневый. Черепок тонкий, крупнозернистый, глухой. Структура черепка неоднородная с примесями кварцевого песка, слюды и дресвы. На внутренней стороне черепка – горизонтальные расчесы. Склейка из 33 фрагментов, выполненная во время предыдущей полевой реставрации – неточная, на основе ПВА. Утраты непрофессионально восполнены гипсом. Загрязнения – пыле-грязевые, клеевые, гипсовые, пластилиновые. Сохранность формы сосуда составляет 75%. Все этапы реставрации проводились по методике реставрации горшка, кроме склейки (здесь применялся 10% раствор ПВБ в этиловом спирте). Реконструкция ручки была согласована с авторами находки.

Третий сосуд лещной яйцевидный (Инв. № Б 8511). Венчик горизонтальный, имеет форму срезанного конуса, расширяющегося кверху, с резким переходом к округлому тулову, плавно переходящему в яйцевидное дно. Черепок массивный, переженный, по составу примесей и цвету подобный черепкам двух первых сосудов. Реставрирован в полевых условиях. Склеен ПВА относительно точно из 15 фрагментов. Около 60% утрат восполнены гипсом. В целом восполнение не исказило авторскую форму, но выполнено непрофессионально. Загрязнения пыле-грязевые, гипсовые, клеевые, пластилиновые. Учитывая хрупкость сосуда и для того, чтобы не принести ему большого вреда, решено было провести реставрацию без демонтажа. Сосуд был укреплен 3% раствором ПВБ в этиловом спирте. После расчистки, проведенной тем же способом, которым расчищались два первых сосуда, была механически обработана первоначальная доделка (дорезана и отшлифована). Швы замasticованы гипсом Г-10. Восполненные утраты затонированы, как и в двух первых случаях на тон светлее тонов цветовой гаммы сосуда.

До реставрации авторы находок атрибутировали сосуды, в процессе же реставрации были сделаны некоторые наблюдения относительно функционального использования предметов. В горшке заметны значительные потертости на внешней стороне дна и на всей внутренней поверхности, тогда как внешняя сторона стенок имеет меньше подобных повреждений. Вероятно, горшок стоял почти стационарно с

какими-нибудь сыпучими продуктами, лишь изредка передвигался с места на место. Под венчиком имеются на небольшом расстоянии друг от друга два просверленных после обжига отверстия (вероятно, для шнура, посредством которого сосуд фиксировался для устойчивости, или для фиксации крышки, изготовленной из более легкого материала, чем керамика). Кружка, судя по подобным повреждениям, но по всей поверхности, могла использоваться как емкость или, возможно, мерка для сыпучих продуктов. Скорее всего эти два сосуда не использовались для подогрева пищи, о чем свидетельствует отсутствие характерных пережженных мест на их поверхностях. На яйцевидном сосуде, как раз, поверхность перепалена местами, особенно в донной части, ошлакована. Вероятно, сосуд использовался для подогрева или приготовления пищи на раскаленных углях, что подтверждает и вполне приспособленная для этой цели его форма.

После реставрации стало возможным снять точные размеры сосудов и создать точную графическую реконструкцию горшка. Была также реконструирована форма ручки у кружки и вся форма яйцевидного сосуда. В результате реставрации сосуды приобрели целостный экспозиционный вид и могут пополнить экспозицию Национального музея истории Украины периода скифской архаики Правобережного лесостепного Поднепровья.

Ю. А. Виноградов

Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана

В 1914 г. во время раскопок одного из Елизаветинских курганов в Прикубанье (в настоящее время ему присвоен № 6) был обнаружен нагрудник греческого бронзового панциря с рельефным изображением головы горгоны Медузы (ОАК. 1913–1915. С. 155; Веселовский. 1918). Этот нагрудник до сих пор является самой эффектной находкой подобного рода из сделанных в регионе Причерноморских степей.

Его размеры – 44 x 41 см, толщина бронзового листа – до 1 мм, подкладкой нагруднику служил слой толстой кожи (Черненко. 1968. С. 51–52). Автор находки датировал ее концом V или началом IV в. до н.э. (Веселовский. 1918. С. 8), и, надо признать, что до сих пор почти все исследователи придерживаются этой, предложенной 90 лет назад хронологической атрибуции. Правда, порой нагрудник относят к V–IV в. до н.э. (Петере. 1984. С. 270. Табл. LXXXI, 14), IV в. до н.э. (Античная художественная бронза, 1973. С. 29–30. № 76) или даже IV–III в. до н.э. (Черненко. 1968. С. 50–52, 177). М. И. Артамонов считал, что он

принадлежит к концу V в. до н.э. (1966. С. 41), такого же мнения придерживается Л. К. Галанина (2003. С. 94). Однако, даже эта относительно ранняя датировка представляется явно завышенной. Пышная орнаментация защитного вооружения в Древней Греции была обычной не в V в. до н.э. и, тем более, не в IV в. до н.э. Шлемы, панцири и поножи часто украшались во время архаики или эллинизма (см. Конноди. 2000. С. 59; Jarva. 1995. P. 25 ff.; Snodgrass. 1999. P. 92; Künzl. 1997). Великолепно украшенное вооружение, которое можно видеть на аттических вазах V в. до н.э., конечно, является результатом идеализации образа гошпита, а не отражением реальности того времени (Hanson. 1999. P. 18).

Наиболее ранним типом греческих панцирей, как известно, были так называемые «колоколовидные». Самая ранняя находка подобного рода – бронзовый панцирь из Аргоса, который можно датировать не позднее начала последней четверти VIII в. до н.э. (Snodgrass. 1964. P. 73, Pl. 30–31; Jarva. 1995. P. 24). «Колоколовидные» панцири состояли из двух половин (передней и задней), соединившихся между собой с помощью особых приспособлений. Орнаментация имеется уже на аргосском доспехе: на его лицевой стороне довольно условно воспроизведены мышцы груди и живота, а на задней – мышцы спины. Вскоре «колоколовидные» панцири получили более пышные украшения в виде рельефных изображений львов, коней и т.д. Среди греческих орнаментированных доспехов следует назвать замечательную находку из Олимпии – заднюю часть бронзового панциря с гранированными изображениями, относящуюся к третьей четверти VII в. до н.э. (Jarva. 1995. P. 21, 23, fig. 2; Die Funde aus Olympia. 1980. S. 97). На богато орнаментированных панцирях, датирующихся третьей четвертью VII – началом VI в. до н.э., контурные линии порой оформлялись в виде змей (Hoffmann. 1972. PP. 41–46, 50–53; см. также Огнепова. 1961. P. 510, 514–515). Дальнейшее развитие орнаментации панцирей на протяжении VI в. до н.э. документируется изображениями на бронзовых статуэтках воинов и на чернофигурных вазах; она, как представляется, состояла из разного рода спиралей и завитков (Jarva. 1995. P. 25). К концу VI в. до н.э. изображение мышц человеческого тела приобрело вполне реалистическое воплощение, хотя решающий шаг к такому «натурализму», скорее всего, был сделан ранее, вероятно, еще до середины VI в. до н.э. (Jarva. 1995. P. 26). Греческий панцирь теряет свое «колоколовидное» завершение в нижней части, на место которого приходит юбочка из вытнутых подвесок (так называемый «птерюгион»), и таким образом появляется классическая «мускулистая кираса».

Рис. 1. Бронзовый панцирный нагрудник из Шестого Елизаветинского кургана

Елизаветинский доспех нельзя считать «колоколовидным», поскольку в его нижней части, по всей видимости, крепились подвески (Черненко, 1968. С. 52). К сожалению, хороших аналогий ему среди находок греческих панцирей нет, и по этой причине для определения времени его изготовления можно опираться исключительно на стилистические особенности орнамента. На нагруднике в невысоком рельефе представлена личина Медузы, все подробности изображения которой, по выражению Н. И. Веселовского, «имеют целью производить устрашающее, отталкивающее впечатление» (Веселовский, 1918. С. 3). Мандалевидные глаза чудовища широко открыты, курносый нос приплюснут, щеки неестественно раздуты, зубы оскалены, из широко растянутого рта высунут язык, справа и слева торчат по паре изогнутых клыков, из волос выползают восемь бородатых змей. Такое изображение, конечно, служило для того, чтобы оберечь владельца панциря от всяческих нападений, отвести от него удары вражеских мечей, копий и т.д. (Деопта, 1939. Р. 224–235).

Вся стилистика украшений нагрудника вполне соответствует архаическому, устрашающему виду Горгоны, который начал смягчаться

уже в классическое время и постепенно превратился в строгий и красивый, так называемый «прекрасный» тип времени эллинизма (см. LIMC. IV, S. 295–296). Для большей убедительности можно указать на сходство Медузы нашего доспеха с хрестоматийно известным изображением на фронтоне храма Артемиды в Керкире, который относится приблизительно к рубежу VII–VI в. до н.э. (Вишпер. 1972. С. 113; Колпинский. 1988. С. 70). Все устрашающие особенности лица горгоны Медузы представлены там очень отчетливо. Волосы чудовища, как и на елизаветинском нагруднике, расчесаны на прямой пробор, справа и слева на плечи свешиваются по четыре свитых в виде веревочек косички, над лбом уложены орнаментально исполненные завитки, представляющие собой свернувшихся змей (см. Колпинский. 1988. Табл. 57, 61).

М. И. Ростовцев, упоминая о находке панцирного нагрудника в Елизаветинском кургане, отнес его орнаментацию к архаическому типу (1925. С. 323). Любопытно, что Н. И. Веселовский также признавал наличие здесь архаических черт, но не счел возможным отнести находку к раннему времени по той причине, что придерживался мнения об отсутствии на архаических изображениях Медуз змей в волосах (Веселовский. 1918. С. 8). Это, однако, не совсем так. Уже говорилось, что они присутствуют у Медузы на фронтоне храма Артемиды в Керкире.

Можно указать и на то, что Н. И. Веселовский в своей публикации воспроизвел фотографию мраморного архаического торса Афины, на котором прекрасно видно, что украшающий эгиду богини горгоной окружен сверлинками, в которых явно крепились бронзовые (?) змеи, как бы вылезавшие из головы чудовища (Веселовский. 1918. С. 6, рис. 3; см. также Fuchs, Floren. 1987. Taf. 13, 5; 27, 6). Горгона Медуза со змеями в волосах хорошо известна не только на памятниках архаической монументальной скульптуры, но и на произведениях малых форм, к примеру, на золотых накладках из Дельф, датирующихся 560 г. до н.э. (Themelis. 1991. P. 69, pl. 47).

Нет сомнения, что вся стилистика изображения на панцирном нагруднике соответствует времени архаики, а совсем не классики. Но нельзя ли ее связывать, так сказать, с архаизирующей манерой работы мастера? Как известно, монструозность головы Медузы можно видеть на некоторых золотых бляшках, происходящих из курганов второй половины V в. до н.э.: Семibratних (Артамонов. 1966. С. 27, рис. 45; Уильямс, Огден. 1995. С. 131, рис. 74) и Нимфейских (Артамонов. 1966. С. 23, рис. 35 г; табл. 103, 104). Однако мастера, изготавливавшие золотые бляшки, как представляется, прототипы для них часто заимствовали с изображений на монетах, перстнях с резными камнями и т.д. Эти прототипы, естественно, могли быть сравнительно ранними.

В отношении панциря подобное предположение не выглядит убедительным, поскольку, как представляется, на таком довольно крупном произведении стилистика эпохи, современной времени жизни изготовившего его мастера, нашла бы свое отражение в тех или иных конкретных деталях. На нагруднике таких деталей немало, но все они вряд ли соответствуют концу V в. до н.э. Прежде всего, в его центральной части между изгибами двух самых крупных змей представлен бутон лотоса. Этот орнаментальный мотив, как хорошо известно, был очень характерен для ориентализирующего стиля эпохи арханки (Cook, 1960. P. 123, fig. 19; Cook, Dupont, 1998. P. 46, fig. 8.13)). В V в. до н.э. художник, скорее всего, изобразил бы здесь крупную пальметку, а в конце IV в. до н.э. — завитки листьев аканфа.

Змеи присутствуют в орнаментации многочисленных металлических изделий Древней Греции VII–VI в. до н.э., среди них представлены и неизвестные в природе бородастые экземпляры. Считается, что таким образом художники отличали мужских особей от женских (Küster, 1913. S. 49–50). Вполне ориентализирующим (египетским) мотивом является исполнение нижних век глаз горгоны, в обоих случаях от века к виску тянется рельефная линия с завитком на конце. Такая вытянутость контура глаза характерна для искусства времени арханки (см. Cook, Dupont, 1998. P. 76, fig. 9.3), но завиток на конце линии, вероятно, является плодом творческой фантазии мастера нашего доспеха.

Еще две детали изображения — серьги в ушах Медузы и ожерелье на ее шее — можно считать элементами материальной культуры, синхронными с временем изготовления панциря. В принципе, можно попытаться найти им аналогию в археологических реалиях Древней Греции.

Ожерелье, состоящее из бусин с зерновидными подвесками, казалось бы, должно находить аналогию в многочисленных образцах подобного рода украшений IV в. до н.э., происходящих из Северного Причерноморья (см. Саверкина, 2001, С. 95 сл.). Однако те отличаются сложностью устройства, небольшими размерами деталей, подвески на них расположены близко одна к другой и т.д. Ожерелье на шее Медузы, конечно, входит в типологическую схему развития этих украшений, но относится к более раннему времени. Близкой ему аналогией является ожерелье, состоящее из крупных бусин с редкими подвесками, которое происходит из II Семибратнего кургана (Артамонов, 1966. С. 26, 36, рис. 41; Уильямс, Огден, 1995. С. 129, рис. 71). Этот курган датируется 450–425 г. до н.э., но ожерелье, имеющее следы изношенности (Уильямс, Огден, 1995. С. 129), было явно изготовлено раньше этого времени. Может быть, этот тип украшения возник уже во время поздней арханки.

Серьги в ушах Медузы имеют вид сильно вытянутой перевернутой пирамидки или конуса с шариком в нижней части. В Греции пирамидки из небольших шариков довольно часто наплавлялись на кольцо серьги, но по форме и размерам они очень сильно отличаются от интересующих нас украшений (Hadaczek. 1903. S. 16–18). Любопытно, что серьги в виде конусов, которые можно поставить в типологическую связь с нашими, существовали в Трансильвании, начиная с VI в. до н.э. (Vasiliev. 1970. P. 50–52, fig. 2, 1–2). Позднее они появляются в Скифии, к примеру, в курганах Посульской группы первой половины V в. до н.э. (Петренко. 1978. С. 28, табл. 17, 27–29). Для современного человека изображение серег трансильванского типа в ушах древнегреческого кровожадного чудовища может показаться глубоко символическим или, может быть, несколько нарочитым, но вряд ли понятные нам ассоциации были столь же понятны мастеру, изготовившему доспех.

Подводя итог сказанному, можно признать, что на панцире нет ни единой детали, которая позволила бы датировать его концом V в. до н.э. Вся совокупность признаков уверенно указывает на время поздней архаики, безусловно, не ранее середины VI в. до н.э. (Jarva, 1995. P. 27–28), вероятнее всего, на последнюю его треть или даже начало V в. до н.э.

В. Д. Хансон правильно указывает, что столь пышно декорированный доспех мог принадлежать только богатому человеку и, вероятно, использовался в специальных, может быть, погребальных церемониях (Hanson, 1999. P. 19). Практически нет сомнений и в том, что в руки варварского вождя, погребенного в прикубанском кургане, доспех пошел с Боспора, возможно, в виде дорогого (дипломатического?) подарка.

Хороших аналогий елизаветинскому нагруднику среди имеющихся находок греческих панцирей, как уже говорилось, найти не удастся (см. Jarva, 1995. P. 17 ff.). Наиболее близкими ему по стилю орнаментации являются поножи, обнаруженные в 1838 г. в так называемом «кургане Ащика» (см. Виноградов, 2004). Они тоже украшены личной горгоны Медузы и завитками, заканчивающимися головами бородатых змей. В отечественной литературе их, как и интересующий нас нагрудник, датируют IV в. до н.э., хотя они безусловно относятся к второй половине VI в. до н.э., вероятно, к последней его трети (Виноградов, 2004. С. 53–54). Близкое сходство двух названных предметов по стилистике исполнения, на мой взгляд, вполне очевидно, но предполагать, что они когда-то входили в один комплект защитного вооружения или же были изготовлены в одной мастерской (на Боспоре?) пока преждевременно.

«Курган Ащика» был сооружен в конце первой четверти IV в. до н.э. (Виноградов, 2004. С. 51). Елизаветинский курган № 6, в котором

был найден бронзовый нагрудник, вероятнее всего, относится к третьей – последней четвертям IV в. до н.э. (Галанина. 2003. С. 94). Как видим, два относительно близких по времени памятника, один из которых находится в Прикубанье, а другой в Восточном Крыму, содержали редчайшие предметы греческого защитного вооружения архаического времени. Случайно ли это? Возможно, нет.

В истории Боспора конца V – начала IV в. до н.э., чрезвычайно богатой военными событиями, как представляется, можно найти моменты, позволяющие предполагать пути попадания этих ценнейших предметов вооружения к варварам. Из «Стратегем» Полиэна мы знаем об истории меотянки Тиргатао (VIII. 55). Неудачное вмешательство боспорского правителя Сатира в дела Синдики, как известно, привело к серьезному военному конфликту с прикубанскими варварами. Сатир, впав в отчаяние от обрушившихся на него несчастий, умер; войну сумел прекратить его сын и преемник Горгиии, давший Тиргатао «величайшие дары». Кто знает, может быть, в состав этих даров входил и бронзовый панцирь, помещенный позднее в курган одного из местных царьков.

Из другого рассказа Полиэна известно о борьбе Левкона I против гераклеотей и о поддержке, которую ему оказали скифы (VI. 9,4). Нет сомнения, что эта поддержка стоила правителю Боспора достаточно дорого, и, возможно, в состав платы скифам, в частности, вошли дорогие поножи, попавшие затем в погребение «кургана Ашика».

Где боспорские тираны могли взять эти старинные, дорогие вещи? Не исключено, что они являлись семейным достоянием Спартокидов и передавались по наследству из поколения в поколение. Естественно, допустимы и иные объяснения. К примеру, вполне возможно, что в трудный момент Горгиии и Левкон могли получить их из храмовых сокровищниц.

Литература

- Анфимов. 1987 – *Н. В. Анфимов*. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.
- Артамонов. 1966 – *М. И. Артамонов*. Сокровища скифских курганов. Прага–Ленинград, 1966.
- Веселовский. 1918 – *Н. И. Веселовский*. Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы // ИАК. 1918. Вып. 65.
- Виноградов. 2004 – *Ю. А. Виноградов*. О так называемом кургане Ашика (1838 г.) // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию А. А. Формозова. СПб., 2004.
- Витпер. 1972 – *Б. Р. Витпер*. Искусство Древней Греции. М., 1972.
- Галанина. 2003 – *Л. К. Галанина*. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. 2003. Вып. 36.

- Колчинский. 1988 – Ю. Д. Колчинский. Великое наследие античной Эллады. М., 1988.
- Конволи. 2000 – П. Конволи. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.
- Петерс. 1984 – Б. Г. Петерс. Военное дело // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- Петренко. 1978 – В. Г. Петренко. Украшения Скифов VII–III в. до н.э. М., 1978. – (САИ. Д 4–5).
- Ростовцев. 1925 – М. И. Ростовцев. 1925. Скифия и Боспор. РАИМК, 1925.
- Саверкина. 2001 – И. И. Саверкина. Греческие ожерелья на рубеже классики и эллинизма // Ювелирное искусство и матерьяльная культура. СПб., 2001.
- Уильямс, Огден. 1995 – Д. Уильямс, Д. Огден. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV в. до н.э. СПб., 1995.
- Черненко. 1968 – Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968.
- Cook. 1960 – R. M. Cook. Greek Painted Pottery. London, 1960.
- Cook, Dupont. 1998 – R. M. Cook, P. Dupont. East Greek Pottery. London and New York, 1998.
- Deonna. 1939 – W. Deonna. Le genou, siège de force et vie et sa protection magique // Revue archéologique. 1939. T. XIII.
- Fuchs, Floren. 1987 – W. Fuchs, J. Floren. Die Griechische Plastik. Band I. Die geometrische und archaische Plastik. München. 1987.
- Die Funde aus Olympia. 1980. Ergebnisse hundertjähriger Ausgrabungstätigkeit. Athen, 1980.
- Hadaczek 1903 – K. Hadaczek. Der Ofirschmuck der Griechen und Etrusker. Wien, 1903.
- Hanson. 1999 – V. D. Hanson. The Wars of the Ancient Greeks and Their Invention of Western Military Culture. Cassell, 1999.
- Hoffmann. 1972 – H. Hoffmann. Early Cretan armorers. Mainz on Rhine, 1972.
- Künzl. 1997 – E. Künzl. Waffendekor im Hellenismus // Journal of Roman Military Equipment Studies. 1997. № 8.
- Küster. 1913 – E. Küster. Die Schlange in der griechischen Kunst. Naumburg, 1913.
- Ognenova. 1961 – L. Ognenova. Les cuirassés de bronze trouvés en Thrace // BCH. 1961. Vol. 85. 2.
- Snodgrass. 1964 – A. M. Snodgrass. Early Greek Armor and Weapon. Edinburg, 1964.
- Snodgrass. 1999 – A. M. Snodgrass. Arms and Armor of the Greeks. Baltimore and London, 1999.
- Themelis. 1991 – P. G. Themelis. Delphi. The Archaeological site and the Museum. Athens, 1991.
- Vasiliev. 1970 – V. Vasiliev. Podoabe de metal prețios din morminte scitice în Transilvania // Acta musei Napocensis. 1970. T. VII.
- Jarva. 1995 – E. Jarva. Archaologia on Archaic Greek Body Armour. Rovaniemi, 1995.

Н. де Груммонд, С. В. Полин, Л. А. Черных, М. Глеба, М. Н. Даралан

Первый год доисследования Александропольского кургана

В 2003 г. по Соглашению между Институтом археологии НАН Украины и Университетом штата Флорида (США) в рамках American-Ukrainian Scythian Kurhan Project было начато доисследование Александропольского кургана у с. Петриковка Солонянского р-на Днепропетровской обл.

Александропольский курган (Луговая Могила) высотой более 20 м, один из крупнейших степных скифских шарских курганов, был первым курганом в Северном Причерноморье, раскопанным с научными целями, четко сформулированными Л. А. Перовским. На протяжении 1852–1855 г. М. Бухтеев, А. В. Терещенко и А. Е. Люценко полностью раскопали насыпь, а в 1855–1856 г. А. Е. Люценко исследовал многочисленные подземные сооружения кургана (Бухтеев. 1852; ДГС. I. С. 1–25. Рис. на с. 1, 23, 24; Атлас. Табл. А, I–XXI; Лазаревский. 1894). Насыпь кургана, в отличие от всех остальных курганов, исследованных в XIX – начале XX ст., была раскопана полностью и, как полагал М. И. Ростовцев, образцово для того времени (Ростовцев. 1925. С. 428–429).

Восточный характер ряда находок и сходство антропологического типа нескольких «царских» черепов из Александропольского кургана с савроматским из Нижнего Поволжья (Фирштейн. 1966) послужили основой для достаточно радикальных гипотез. М. И. Ростовцев отметил несколько вещей из Александрополя нового типа и стиля. В этой связи он полагал, что «Александропольский курган закрывает старую скифскую серию и открывает новую, с новым притоком восточных элементов, иного типа чем те, которые господствовали на юге России в скифский период» (Ростовцев 1926/1993. С. 40). Т. Сулимирский на основе ряда находок в скифских курганах Северного Причерноморья, как он считал, восточного типа, материалов нижнеднепровских поселений, которые по его данным были разрушены в самом конце V или начале IV в. до н.э. (что совершенно неверно), а также антропологических материалов из Александропольского кургана, полагал, что в начале IV в. до н.э. в Причерноморской Скифии произошла замена скифской правящей верхушки продвинувшимися сюда сарматами (савроматами) из Нижнего Поволжья, которые подчинили рядовое скифское население и постепенно смешались с ним (Sulimirski. 1970. P. 100–111). Весьма своеобразный восточный стиль некоторых уздечных наборов из Александрополя по мнению А. Ю. Алексеева свидетельствует о новом направлении контактов со Средней Азией, сложившихся в

Причерноморской Скифии в конце IV в. до н.э. в связи с походами Александра Великого (Алексеев. 1993. С. 72–75).

По традиции, идущей от М. И. Ростовцева, Александропольский курган считается наиболее поздним среди курганов высшей скифской знати Северного Причерноморья. М. И. Ростовцев датировал комплекс по чернолаковой пиксиде из Центральной гробницы первой половиной III в. до н.э., позднее – началом III в. до н.э. (Ростовцев. 1912. С. 149; 1925. С. 432; 1926/1993. С. 40). Кроме пиксиды в Центральной гробнице были найдены две горловины гераклеийских амфор, одна из которых имела клеймо АΥΟΓΟ. Во впускной Северо-восточной гробнице найдены еще две гераклеийских амфоры с клеймами ΕΥΥ | ΜΟΥ и ΜΗ.

Со временем назрела необходимость удренения кургана, обусловленная более ранней датировкой найденных в нем вещей. И. Б. Брашинский по амфорам и клеймам датировал курган первой четвертью III в. до н.э. (Брашинский. 1965. С. 102). М. И. Артамонов отнес Александрополь ко времени около 300 г. до н.э. (Артамонов. 1966. С. 58). Н. А. Онайко датировала клейма амфор из кургана не позднее конца IV в. до н.э., пиксиду – концом IV – началом III в. до н.э., а различные вещи из кургана в пределах IV в. до н.э. (Онайко. 1970. № 202 со ссылкой на № 192, 358, 412, 429, 452, 466 со ссылкой на 461, 497). В. И. Пругло на основании находок аналогичных клейм в зольнике в Мирмекии отнесла Александрополь к третьей четверти IV в., не позднее 320 г. до н.э. (Пругло. 1972. С. 17). А. И. Мелюкова, с учетом изменений в датировке керамических клейм, пришла к выводу о том, что основное погребение Александрополя с подзахоронением соответствует общим датировкам скифских памятников середины-второй половины IV в. до н.э. и только боковое погребение кургана может считаться одним из самых поздних в царских курганах Нижнего Приднепровья и датироваться в пределах конца IV – первой четверти III в. до н.э. (Мелюкова. 1981. С. 102). Позднее А. Ю. Алексеев датировал керамику из кургана последней третью IV в., не позднее рубежа IV–III в. до н.э. и датировал курган в пределах последней трети, больше склоняясь к последней четверти столетия. Исходя из собственной поздней датировки центральной гробницы Чертомлыка 329/328 г. до н.э. (по «историко-биографическому методу»), он полагает, что первичное захоронение Александрополя было совершено через какой-то непродолжительный промежуток времени после этой даты, около 320 г. до н.э., а последнее погребение в Александрополе – в конце IV в. до н.э., около 300 г. до н.э. (Алексеев. 1986. С. 37; 1996. С. 103; 2000. С. 303; 2003. С. 270).

В свое время С. Ю. Монахов разделял точку зрения В. И. Пругло на хронологию мирмекийского зольника и датировал александропольские клейма, а соответственно и курган, 330-ми г. до н.э. (Монахов.

1993. С. 68–70). Позднее он отнес амфоры из впускного погребения ко II или к III типу гераклейской тары и нашел им аналогии в комплексах середины столетия – третьей – начала последней четверти IV в. до н.э., где они имеют другие клейма. Клейма Апсога, нанесенные одним штампом на амфорах II типа, в последнее время обнаружены в ряде курганов, что дает основание для их широкой датировки в пределах второй половины IV в. до н.э. Клеймо МН до сих пор остается чрезвычайно редким и в комплексных находках неизвестно. Значительно больше известно находок клейм Эптома, нанесенных различными штампами, хотя на сегодняшний день и нельзя установить каким из них было нанесено клеймо на александропольской амфоре. Известен и ряд комплексных находок, которые, по мнению С. Ю. Монахова, указывают на датировку клейм Апсога и Эптома второй половиной последней четверти IV в. до н.э. (Монахов, 1999. С. 434–438). В последнее время С. Ю. Монахов выделил группу находок поздних гераклейских амфор типа II-A-2 с клеймами Эптома разных штампов. В комплексе № XII Беглицкого некрополя клеймо Эптома синхронизируется с херсонесским клеймом магистрата Аполлониды-I самой ранней группы херсонесских клейм, благодаря чему время деятельности Эптома не выходит за пределы IV в. до н.э. В целом С. Ю. Монахов полагает, что группа амфор с клеймами Эптома по всей совокупности материалов датируется в пределах конца IV – начала III в. до н.э. (Монахов, 2002. С. 172–174; 2003. С. 137–138).

Однако, в кургане № 4 (1909 г.) Елизаветовского могильника амфора с клеймом ЕТУ|МОУ сопровождалась большим набором чернолаковой керамики, в свое время датированным И. Б. Брагинским рубежом IV–III в. На сегодняшний день он датируется не позднее середины – третьей четверти IV в. до н.э. (Монахов, 1999. С. 436). В комплексе № XII Беглицкого некрополя клейма Апсога и Эптома найдены совместно с херсонесским клеймом Аполлониды группы I-A, датирующейся в пределах 325–315 г. до н.э. по В.И.Кашу (Монахов, 1999. С. 432. Табл. 188).

Таким образом, дата Александропольского кургана, в зависимости от датировок керамических находок, определяется в достаточно широких пределах второй половины IV – начала III в. до н.э. Учитывая тесную связь комплекса находок из кургана с другими дарскими скифскими курганами Северного Причерноморья, в настоящее время твердо датируемых серединой-третьей четвертью IV в. до н.э., очень важно уточнение даты Александрополя. Такое уточнение может быть сделано на основании открытия тризны кургана, находящейся в его рву, который так и остался неисследованным. Возможны также какие-то находки и в погребальных сооружениях кургана, хотя надежд на это немного. Судя по всему, А. Е. Люценко весьма основательно исследо-

вал всю подкурганную поверхность. Во всяком случае, уровень современной поверхности в пределах старого раскопа на Александропольском кургане углублен в материк более чем на 1 м.

На сегодня остатки Александропольского кургана представляют собой округлую в плане чашу раскопа 1852–1856 г. около 80 м в поперечнике, изрытого многочисленными разновременными ямами.

Старый раскоп окружен кольцевым отвалом высотой до 6 м и шириной 50–80 м. Максимальной ширины он достигнет на юге, где, по-видимому, объединяется с отвалами Долгой Могилы, также раскопанной в 1856 г. П. С. Савельевым в составе экспедиции А. Е. Люценко. С юго-восточной стороны в отвалах сохранился заплывший проход для вывоза земли в период раскопок 1852–1856 г. шириной около 15 м по верху, который, судя по описаниям, должен был находиться на месте восточного прохода во рву и внешнем валу, опоясывавших курган. Однако, это не подтвердилось, – в траншее № 8, заложенной здесь, также был обнаружен ров. Позднее, после приборной съемки кургана с помощью тахеометра и GPS, выяснилось значительное смещение этого прохода к югу, что больше соответствует местонахождению так называемого «водопровода» А. Е. Люценко, который на протяжении раскопок кургана в 1855–1856 г. на юге сохранял специальную траншею для отвода талых и дождевых вод с кургана в осенне-зимний период. Если это действительно «водопровод», то можно предполагать значительное смещение ориентировки на чертежах А. Е. Люценко по отношению к погребальным сооружениям кургана.

На Александропольском кургане в 2004 г. были проведены топографическая съемка и разведочные раскопки для определения границ памятника. Мы искали ров, а также внешний земляной вал, некогда окружавшие курган и упомянутые во всех описаниях XIX в. Для этого по краям чаши старого раскопа (от края чаши и далее, врезаюсь в отвалы) мы вручную пробили 8 траншей шириной 2 м и протяженностью от 10 до 30 м, ориентированных радиально от условного центра кургана по всем направлениям. В 6 из заложенных 8 траншей обнаружен ров шириной 4,0–4,5 м и глубиной 2,0–2,5 м в материке, 3 м от уровня древнего горизонта. В 5 траншеях в верхнем слое заполнения рва, помимо многочисленных мелких камней, осыпавшихся из крепиды, найдены единичные обломки амфор и кости животных (лошадь, овца, бык по определению О. П. Журавлева). Следует отметить, что ров во всех траншеях ко времени совершения тризны был заполнен земляным затеком более чем наполовину. Остатки тризны и обвалы камней из крепиды на всех исследованных участках рва залегали на одном уровне на этом слое затека. Такая картина залегания тризны прослежена практически во всех скифских курганах. На основании полученных данных

диаметр рва Александропольского кургана вычисляется в пределах 110 м.

В юго-западной траншее № 5 во рву на той же глубине найден череп лошади и полный развал гераклейской амфоры с клеймом ΕΥΤΥ ΜΟΥ (Рис. 2, 4) (идентичная найденной А. Е. Люценко в северо-восточной впускной гробнице кургана), сопровождавшиеся единичными обломками других амфор, среди которых присутствует фрагментированная ножка амфоры гераклейского типа, изготовленная из характерного синопского теста. В той же траншее за пределами рва, по-видимому, под валом, окружающим курган (читался в стенках траншеи очень неуверенно), на уровне материка обнаружено захоронение молодого мужчины 20–30 лет (определение А. Д. Козак), вытянутое на спине, головой на юго-запад, сопровождавшееся двумя бронзовыми трехгранными наконечниками стрел со скрытой итулкой. Такие наконечники отсутствуют среди известных наконечников стрел Александропольского кургана (Алексеев. 2000. С. 297. Табл. II). Тем не менее, они массово представлены в захоронениях рядового населения Причерноморской Скифии середины – второй половины IV в. до н.э. Поэтому связь данного погребения с поминальным комплексом Александропольского кургана представляется вполне вероятной. Возраст и пол погребенного также вполне соответствует сопровождающим захоронениям в скифских царских курганах.

Во рву в траншеях № 1 и 8 найдены ножка и придонная часть амфор с рюмкообразной ножкой производства Менды (Рис. 2, 3).

В траншее № 3 мы попали, по-видимому, на западный проход во рву. Здесь в районе, где предполагался ров, обнаружены обильные остатки тризны – обломки амфор и разрозненные кости животных, нередко расколотые. Помимо упомянутых видов, здесь обнаружены еще и несколько костей домашней свиньи. Все находки лежали сплошным тонким горизонтальным слоем на уровне древней поверхности на протяжении более 15 м. Слой тризны перекрыт черноземным оплывом насыпи кургана, который в свою очередь накрыт многочисленными слоями грунта, вывозившегося с кургана в период его раскопок. В общей сложности здесь собраны фрагменты более восьмидесяти амфор. Следует отметить, что амфоры были предварительно разбиты и уложены отдельными кусками, не составлявшими полные развалы. Из найденных фрагментов склеиваются крупные части амфор, до половины, двух третей сосудов. Здесь же найдены 5 фрагментов лепной скифской керамики.

Площадь, на которой совершалась поминальная тризна в районе западного прохода во рву и валу кургана, выходит далеко за их пределы в поле. В настоящее время вся эта территория перекрыта слоем отвала толщиной до 5–6 м. Таким образом, в будущем предстоит исследовать

дование тризны по всей площади ее распространения, как внутри рва, так и за пределами кургана. Примеры распространения тризны за пределы рвов больших курганов с западной стороны хорошо известны. Тризны выходили далеко за пределы рвов в поле возле Бабиной и Водяной могил. В Гаймановой Могиле, где ров отсутствовал, также зафиксировано распространение тризны с западной стороны далеко за пределы кургана в поле. Во всех этих курганах такие участки были разрушены многолетней распашкой поля. Возле Желтокаменской Толстой Могилы по рассказам старожилов крупные части амфор выпахивались во время посадки деревьев лесополосы в середине 1950 г., на расстоянии около 50 м от рва кургана. Во время раскопок кургана в 1974–1975 г. этот участок, заросший многолетними деревьями, остался недоступным для исследований. Возможно, на Александропольском кургане впервые представится возможность исследования тризны скифского царского кургана в полном объеме.

В целом во всех наших разведочных траншеях найдены остатки не менее 88 амфор. Уверенно опознаются фрагменты поздних биконических гераклеиских амфор малой емкости (Рис. 1, 12, 17), две ножки и фрагменты гераклеиских амфор более раннего типа (Рис. 1, 4, 6, 7), ножка хносской колпачковой амфоры (Рис. 2, 2), ножка амфоры с рюмкообразной ножкой (Менда) (Рис. 2, 1), фрагменты большой шифонидной амфоры типа Солоха-I с грибовидным венчиком (Рис. 1, 5), ножка довольно своеобразных очертаний производства неустановленного центра в Средиземноморье (Рис. 2, 5). По тесту ряд фрагментов амфор может быть отнесен к продукции Синопы, а также Пепарета (Солоха II). Обнаружен также мелкий фрагмент нечитаемого гераклеиского клейма на стенке горловины. Значительное число амфор, весьма разнообразных по составу теста, принадлежит к типу пантикапейских или боспорских, которые С. Ю. Монахов в свое время отнес к ранней продукции Херсонеса, тип I-A (Монахов. 1979. С. 43–50), и сейчас определяет как продукцию неустановленных средиземноморских центров второй-третьей четвертей IV в. до н.э. (Рис. 1, 1–3; 2, 6–9). Распределение по центрам следующее: Гераклея – 23, Синопа – 8, Менда – 3, Пепарет (Солоха II) – 1, с грибовидным венцом (Солоха I) – 1, Средиземноморье, неустановленный центр – 1, Пантикапей/ранний Херсонес/Средиземноморье, неустановленный центр – 9, Хиос – 1, неопределенные – 41.

При всей предварительности каких-либо суждений, комплекс фрагментов амфор 2004 г. тяготеет к началу хронологического диапазона датировки Александропольского кургана. По нашей просьбе с амфорными материалами из раскопок Александропольского кургана 2004 г. ознакомился С. Ю. Монахов. По его мнению, амфорные материалы в совокупности относятся к середине – третьей четверти IV в.

до н.э. В целом, учитывая находку большой чернолаковой пиксиды с позолоченным орнаментом в Центральной гробнице кургана, наиболее реальной датой будет третья четверть IV в. до н.э.

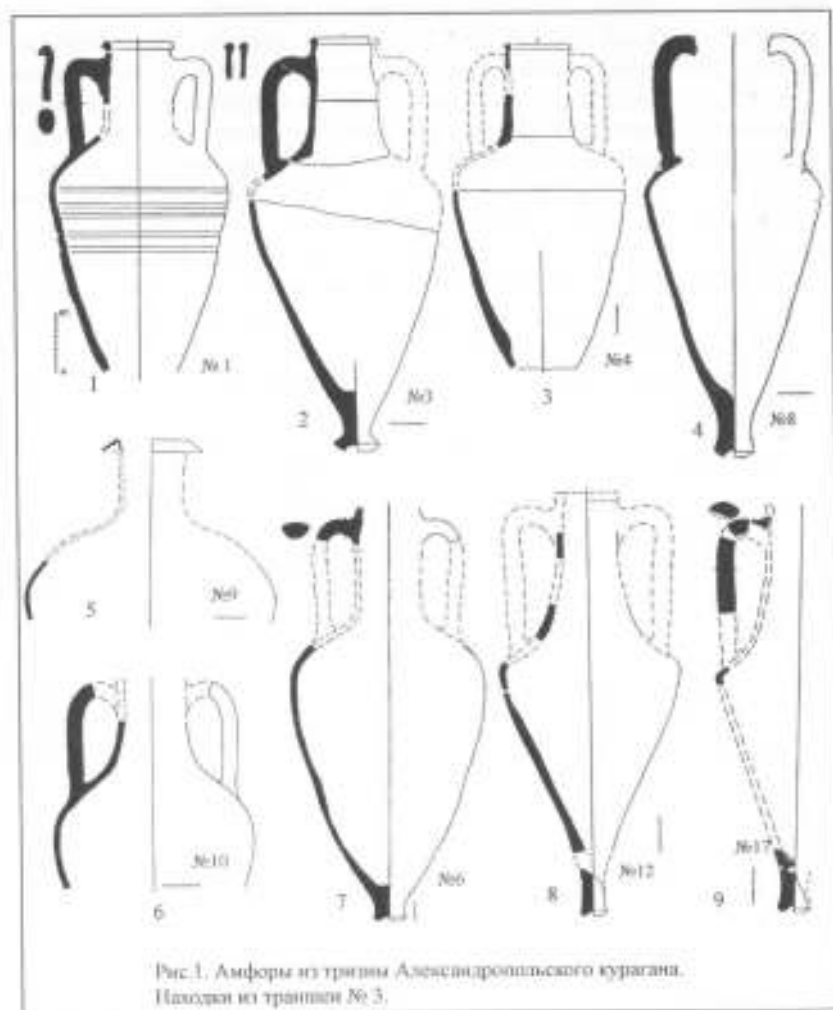

Рис. 1. Амфоры из третины Александропольского кургана. Находки из траншеи № 3.

Необходимо также упомянуть еще об одной старой, давно забытой находке из Александропольского кургана, имеющей чрезвычайно важное значение в связи с новыми находками 2004 г. В отчете А. Е. Люценко о раскопках Александропольского кургана и в описи находок за 1856 г. отмечено, что при раскопках останков кургана око-

до его западного края найдено клеймо АΥΟΓ (Люценко. 1856. Л. 40-44; 1856 а. Л. 71^{об}). Эту находку описал только Я. Лазаревский и отметил его идентичность клейму, найденному в Центральной гробнице кургана (Лазаревский. 1894. С. 31, 41). В описании кургана в ДГС оно отсутствует. Это клеймо не учли И. Б. Брашинский (Брашинский. 1965. С. 102) и С. Ю. Моныхов (Моныхов. 1993; 1999. С. 432).

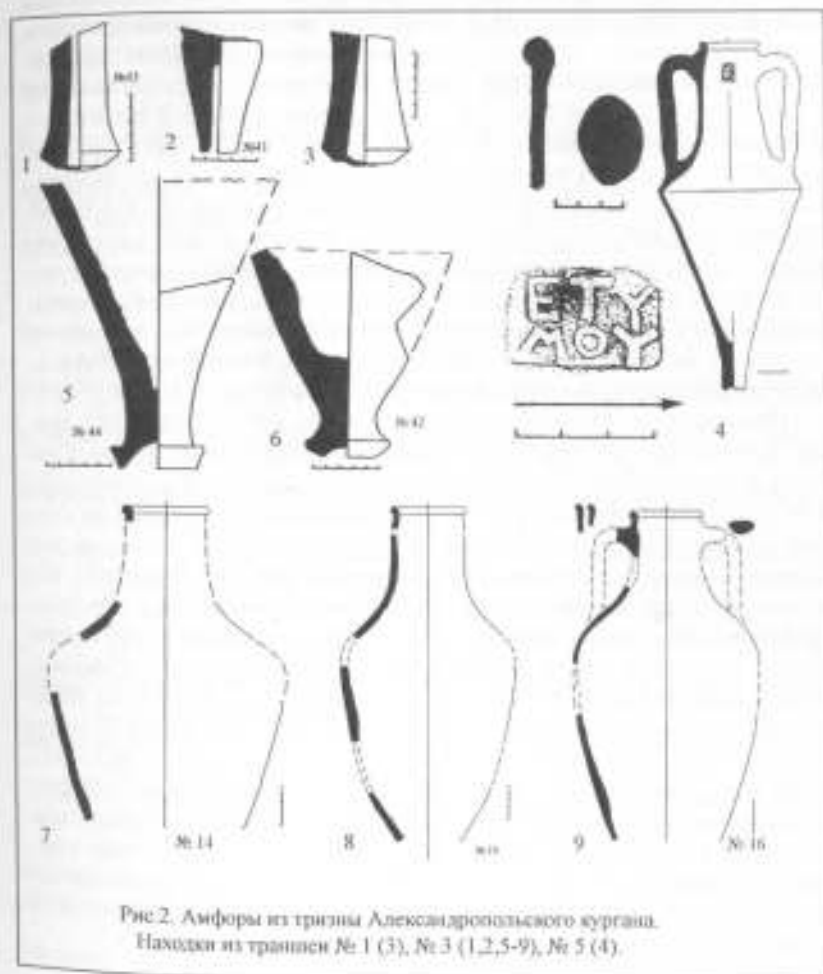

Рис 2. Амфоры из трезны Александропольского кургана.
Находки из траншеи № 1 (3), № 3 (1,2,5-9), № 5 (4).

А. Ю. Алексева отметил это клеймо в первичной публикации керамических материалов из Александропольского кургана (Алексева. 1986. С. 35), но в более поздних работах оно уже не упоминается

(Алексеев, 1992. С. 154; 2003. С. 270). Это привело к неверному выводу о существовании хронологического разрыва между датировками центральной и северо-восточной гробницами кургана (Алексеев, 2000. С. 302). Между тем, эта находка имеет весьма важное значение, как для понимания хронологии погребальных сооружений кургана, так и хронологии гераклеийских клейм, в нем обнаруженных. Эти клейма являются гончарными и не означают один год выпуска. Их датировка является достаточно широкой и охватывает время функционирования мастерской гончара – 5–10 лет, возможно больше. Особенно справедливо это в отношении клейма Эптома, известного в двух написаниях (ΕΤΥ]ΜΟΥ и ΕΤΥ]ΜΟΣ) и в не менее десятка вариантов оттисков с шрифтами разного размера. В целом находки клейм ΑΥΟΓ в Центральной гробнице и в крещиде, связанной с позднейшим захоронением в кургане (северо-восточной гробницей), амфор с клеймами ΕΤΥ]ΜΟΥ в северо-восточной гробнице и в трине во рву, также связанной с позднейшим захоронением в кургане, свидетельствуют, с одной стороны о совпадении хронологических диапазонов клейм гончаров ΕΤΥ]ΜΟΥ и ΑΥΟΓ (по крайней мере частичном), и с другой – о достаточно тесной временной сопряженности всех захоронений Александропольского кургана в пределах третьей четверти IV в. до н.э.

Несколько слов нужно сказать о находках костей домашней свиньи, помимо костей других домашних животных, среди фрагментов амфор в траншее № 3. Геродот не упоминает свинью среди животных, разводившихся скифами в V в. до н.э., утверждает, что свиньи не входили в состав жертвенных животных у степных скифов и что они вообще не хотят разводить их в своей стране (Hdt., IV, 28–30, 63). По археологическим данным в скифских курганах степей Северного Причерноморья второй половины V–IV в. кости свиньи в общем-то отсутствуют. Но на поселениях Нижнего Поднепровья IV в. до н.э., связанных с речной долиной, где свиньи обеспечивались достаточным количеством необходимых кормов, их кости обнаружены на Каменском городище и в Первомаевке (Гаврилюк, 1999. С. 136, 141, 147–149). Кости трех особей домашней свиньи также найдены среди костей прочих домашних и диких животных среди остатков номинальной тринны в крещиде, а также во входной яме Северной Могила скифского царского кургана Чертомлык. Домашняя свинья, судя по находкам на Трахтемировском городище, была известна в лесостепной Скифии с архаического времени (Журавлев, 1991. С. 349, 351, 361).

Литература

- Алексеев, 1986 – А. Ю. Алексеев. Греческая керамика Александропольского кургана // СГЭ. № 51. 1986.

- Алексеев. 1992 – *А. Ю. Алексеев*. Скифская хроника. Скифы в VII–IV в. до н.э.: историко-археологический очерк. СПб., 1992.
- Алексеев. 1993 – *А. Ю. Алексеев*. Уникальные украшения конской узда из Александропольского кургана // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. СПб., 1993. – (ПАВ. Вып. 6).
- Алексеев. 1996 – *А. Ю. Алексеев*. Скифские цари и "царские" курганы V–IV в. до н.э. // ВДИ. 1996. № 3.
- Алексеев. 2000 – *А. Ю. Алексеев*. Наконечники стрел из Александропольского кургана и их значение для истории скифских древностей IV в. до н.э. // ΣΥΣΣΕΙΡΑ. Памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000.
- Алексеев. 2001 – *А. Ю. Алексеев*. Греческие амфоры из Краснокутского кургана // РА. 2001. № 4.
- Алексеев. 2003 – *А. Ю. Алексеев*. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
- Артамонов. 1966 – *М. И. Артамонов*. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага, Ленинград, 1966.
- Брашнинский. 1965 – *И. Б. Брашнинский*. Новые материалы к датировке скифской племенной знати Северного Причерноморья // EIRENE. Praha, 1965. IV.
- Брашнинский. 1980 – *И. Б. Брашнинский*. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III в. до н.э. Л., 1980.
- Брашнинский. 1984 – *И. Б. Брашнинский*. Методы исследования античной торговли. Л., 1984.
- Бухтеев. 1852 – *М. Бухтеев*. Александропольский курган // ЗООИД. – 1852. – Т. 3.
- Гаврилюк. 1999 – *Н. А. Гаврилюк*. История экономики степной Скифии IV–III в. до н.э. Киев, 1999.
- Журавлев. 1991 – *О. П. Журавлев*. Костные остатки млекопитающих из курганной группы Чертомлыка // *А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурзин, Р. Ролле*. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991.
- Зеест. 1960 – *И. Б. Зеест*. Керамическая тара Боспора М., 1960. – (МИА. № 83).
- Лазаревский. 1894 – *Я. Лазаревский*. Александропольский курган. Могила скифского царя // ЗРАО. 1894. Т. 7. Вып. 1–2.
- Людченко. 1856 – *А. Е. Людченко*. По расследованию Александропольского кургана 1856 г. // РА ИИМК. Ф. 9. Д. 52.
- Людченко. 1856 и – *А. Е. Людченко*. Записка об окончательных раскопках Александропольского кургана, произведенных в 1856 г. // РА ИИМК. Ф. 9. Д. 51.
- Мелюкова. 1981 – *А. И. Мелюкова*. Краснокутский курган. М., 1981.
- Монахов. 1989 – *С. Ю. Монахов*. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II в. до н.э. Саратов, 1989.
- Монахов. 1993 – *С. Ю. Монахов*. К хронологии Александропольского кургана // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1993.
- Монахов. 1999 – *С. Ю. Монахов*. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II в. до н.э. Саратов, 1999.

- Монахов. 2002 – С. Ю. Монахов. «Поздние» серии гераклейских амфор (конца IV – первой трети III в. до н.э. // АМА. Вып. 11. 2002.
- Монахов. 2003 – С. Ю. Монахов. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва, Саратов, 2003.
- Ошайко. 1970 – Н. А. Ошайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II в. до н.э. М., 1970.
- Пругло. 1972 – В. И. Пругло. Эпиграфические клейма Гераклен Понтийской из Мирмекия // КСИА. 1972. № 130.
- Ростовцев. 1912 – М. И. Ростовцев. Пиксиды расписного стекла кургана Васюринной горы // ЗООИД. 1912. Т. 30.
- Ростовцев. 1925 – М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. РАНМК, 1925.
- Ростовцев. 1926/1993 – М. И. Ростовцев. Сарматские и индо-скифские древности // Словик. Избранные работы академика М. И. Ростовцева. СПб., 1993. – (ПАВ. Вып. 5).
- Фирштейн. 1966 – Б. В. Фирштейн. Черепа из Александропольского скифского кургана. // Вопросы антропологии. 1966. Вып. 22.
- Sulimirski. 1970 – T. Sulimirski. The Sarmatians. Thames and Hudson, 1970.

Н. А. Гаврилюк

Клипки из ственных скифских погребений³

Геродот нередко описывает скифские обряды и обычаи, которые получили археологические подтверждения. Иногда для проведения этих обрядов использовались предметы греческой материальной культуры. Нас будет в дальнейшем интересовать некоторые виды греческой парадной посуды, воспринятые скифской погребальной практикой, а также другие археологические соответствия письменных источников и материальной культуры ственных скифов. В частности, кодовой фразой может служить такая: «Один раз в год каждый начальник округа в своем округе наполняет вином кратер, из которого пьют скифы, убившие врага.... А все те из них, кто убили очень много мужей, имеют по два клипка и пьют из обоих» (Hdt., IV, 66). Этому обычаю имеется аналогия с употреблением вина из богатырской чаши в нартском эпосе, приведенная в комментарии к этому отрывку (Доватур, Каллистов, Шишова, 1982. С. 123, 304). Геродотом в этой фразе указано на следующий греческий импорт – вино, кратеры, клипки. И если

³ Работа выполнена в рамках украинно-российского проекта: «Античный и варварский мир на юге Украины и России: Ольвия, Боспор, Скифия. Опыт сравнительной характеристики».

кратпра в скифских погребениях еще не встречены, то находки киликов все же встречаются. Экстраполируя свидетельство Геродота на заключительную фазу земного пути скифского героя – на обряд погребения, можно ожидать парных находок киликов в скифских именно мужских погребениях.

Как известно, вторая половина V–IV в. до н.э. характеризуется массовым поступлением греческих товаров в скифские земли. Характеристика основных групп античного импорта в материалах скифских степных и лесостепных археологических памятниках позволяет не только определить уровень развития хозяйства, быта и культуры скифских племен, но и проследить динамику развития греко-варварской торговли и происшедшие в ней перемены. Среди основных категорий древнегреческого импорта первое место принадлежит амфорам. Однако, большое значение имела также столовая (краснофигурная, чернолаковая, сероглиняная и красноглиняная) керамика. Если вспомнить количество известных на сегодняшний день скифских погребений в степной зоне Северного Причерноморья (более 4000) и сравнить с ним количество киликов из погребений (17), то можно заключить, что сведения Геродота сильно преувеличены. И все же в степной зоне Северного Причерноморья килики встречаются чаще, чем в лесостепи.

Наиболее ранней находкой в степных скифских погребениях чернолакового сосуда аттического производства является килик на невысокой тонкой ножке, с неглубокой чашей с вертикальным бортиком (поддон не сохранился) из погребения 1 кургана 9 у с. Васильевка Снегиревского р-на Николаевской обл. (Побужье). Сосуд найден в северной нише мужского погребения вместе с вкопанной в дно ниши амфорой, чернолаковым скифосом и лепным светильником с четырьмя рожками (Гребенников, Ребедаило, 1991. С. 120, 121. Рис. 1, 11). Аналогичные по форме два чернофигурных килика на ножках найдены в памятниках лесостепного правобережья – в курганах 400 и 401 у с. Журовка. Н. А. Онайко датирует их началом – первой половиной V в. до н.э. (Онайко, 1970. С. 58). А. Ю. Алексеев относит эти погребения к рубежу первой и второй четвертей V в. до н.э. (Алексеев, 1991. С. 47). Второй четвертью V в. до н.э. датирует погребение знатной колхидянки у селения Вани, в котором найден чернолаковый килик, аналогичный по форме находке из Васильевки О. Д. Лордкипанидзе (1976. С. 143. Рис. 5). Наиболее близкой аналогией килику из Васильевки имеются в материалах Афинской агоры (Sparkes, Talcott, 1970. № 435).

Килики с валиком-венчиком «heavy-walled» (тяжелостенные). Это глубокие сосуды на невысокой профилированной ножке, покрытые лаком высокого качества (12 экземпляров). Все они аттического происхождения. Большинство из них имеют штампованный орнамент на внутренней поверхности дна в виде четырех крестообразно располо-

женных пальметок (группа Солохи у с. Великая Знаменка Каменко-Днепровского р-на Запорожской обл., курган 75, погребение 3 (Мельникова, 1999, С. 69), погребения 3 Трехбратнего кургана в Восточном Крыму (Бессонова, 1973, С. 247), (курган 14, погребение 1 Рогачикского могильника (Фиалко, 2004, С. 88), килик из погребения 9 кургана 7 у с. Кут Никопольского р-на Днепронетровской обл. (Березовещь, 1960, С. 54) и курган 4, погребение 1 у с. Первомайск Верхнерогачикский р-н Херсонская обл. (Евдокимов, Фридман, 1987, С. 102, 103). Пальметки в орнаментации последнего сосуда обрамлены двумя концентрическими окружностями, пространство между ними заполнено овами. Четыре пальметки в орнаментации килика из кургана Солоха расположены вокруг кольца, заполненного семью овами (Манцевич, 1987, С. 23, 95, Ив. № Дн 1913 1/22).

На дне килика из погребения 1 кургана 4 у с. Плавни Ренийского р-на Одесской обл. – штампованный орнамент из шести пальметок, соединенных дугами (Суничук, Фокеев, 1984, С. 108). Две концентрические окружности, промежутки между которыми заполнены овами, окружают семь пальметок на внутренней поверхности дна килика из кургана 3, погребения 1 у с. Богдановка Каховского р-на Херсонской обл. (Битковский, Полин, 1987, С. 76, 79). Орнаментация сосуда из Богдановки ближе всего к орнаментам конца V в. до н.э. «болсалов» (bolsal) Афинской агоры (Sparkes, Talcott, 1970, Part. 1, P. 108, Part 2, № 548).

Килики с валикообразным венчиком происходят из курганов, расположенных на правом берегу Днепра, два – из Восточного Крыма – Астанино Ленинского р-на курган 16, погребение 3 (Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, С. 171) и уже упоминавшийся килик из Трехбратнего кургана. Один сосуд этого типа происходит из скифского погребения на самой западной окраине распространения скифской культуры – из Подунавья (упомянутый курган 4 у с. Плавни), остальные шесть – из погребений Днепровского Правобережья. Килики с валикообразным венчиком имеют аналоги в материалах Афинской агоры (Sparkes, Talcott, 1970, Part. 1, P. 111–112, 280, № 621, Fig. 6, 621, Pl. 27, 621). Они встречаются в некрополях Истрии и Олифии (Robinson, 1933, Pl. 151, 534). По материалам Аволлонии они относятся к VII типу и датируются серединой IV в. до н.э. (Иванов, 1963, С. 184). Это обычная находка в материалах античных памятников Северного Причерноморья. Тяжелостенные килики с «длтым венчиком» встречаются в материалах семейно-родового участка ольвийского некрополя, где датируются около 380 г. до н.э. (Пашанова, 2000, С. 196, 207, Рис. 8, а, б). По материалам Ольвийского некрополя такие килики относятся к шестому типу киликов (Козуб, 1974, С. 47, Рис. 6, 8, 9). В некрополе Панское 1 такие килики – самая многочисленная группа

киликов (Рогов, Тункина. 1998. С. 163. № 58–67. Рис. 5). Пять киликов найдено в материалах могильника Николаевка на Днестре. (Мелюкова. 1975. С. 161–162. Рис. 43, 8–10, 44, 1, 3, 6). В материалах Елизаветовского могильника такие килики (ближайшая аналогия – в кургане 13 1910 г.) датируются серединой–третьей четвертью IV в. до н.э. (Брагинский. 1980. С. 129, 222, табл. 14, 171). Наиболее северными памятниками, в которых встречаются килики с валикообразным венчиком, являются курганы лесостепного правобережья (Онайко. 1970. № 325–327, 348).

По материалам могильника Панское 1 выделяются более ранние и более поздние килики с венчиком в виде валика (Монахов, Рогов. 1990. С. 141–143). Наиболее ранний сосуд киликов этой группы найден в кургане 3, погребения 1 у с. Богдановка датируется последней четвертью V в. до н.э. (Битковский, Полин. 1987. С. 83). Концом V – первой половиной IV в. до н.э. датируются килики с валиком из кургана Содоха и погребения 3 кургана 75 Содохского курганного поля. Они датируются концом (Манцевич. 1987. С. 95). А. Ю. Алексеев, правда, относит эти сосуды к 400–380 г. до н.э. (Алексеев. 1992. С. 147). Другие килики с валикообразным венчиком из степных скифских погребений датируются в пределах первой половины IV в. до н.э.

По материалам Афинской агоры эти сосуды начали производиться во второй четверти V в. до н.э. и просуществовали почти без изменений до первой четверти IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott. 1970. С. 102. № 469–472). Если судить по археологическим материалам, в Степную Скифию килики описанного типа стали поступать с последней четверти V и продолжали использоваться всю первую половину IV в. до н.э.

Килики тонкостенные (легкостенные) с отогнутым тонким краем с глубокой чашей на невысоком профилированном поддоне найдены в женском погребении 1 кургана 18, погребение 1 у с. Львово Бериславского р-на Херсонской обл. (Кубышев, Николова, Полин. 1982. С. 140) и в мужском погребении 1 кургана 6 у пос. Ленино Ленинский р-н АРК (Яковенко, Черненко, Корпусова. 1970. С. 157). Фрагментированный килик такого типа происходит из Акташского могильника Семёновка Ленинского р-на (детское погребение 1 в кургане 20 (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк. 1988). Орнаментирован лишь сосуд из Львово – штампованным орнаментом, состоящим из широкого кольца насечек и четырех крестообразно расположенных пальметок в центре.

В погребении 1 кургана 18 у с. Львово килик стоял отдельно от других сосудов – у правого плеча погребенной. В ее ногах найдены сероглиняный кувшинчик с прилицем и левой горшочек (Кубышев, Николова, Полин. 1982. С. 140). В мужском погребении из кургана 6 у пос. Ленино килик стоял в северо-восточном углу склепа рядом с амфорой. (Яковенко, Черненко, Корпусова. 1970. С. 157). Один сосуд

найден в Днепровского Правобережья, два последних – в Восточном Крыму.

Килики аналогичные по форме нашим широко представлены в античных памятниках Северного Причерноморья. При описании материалов ольвийского некрополя Ю. И. Козуб относит такие сосуды к 5 типу описанных ею и датирует их первой половиной IV–III в. до н.э. (Козуб, 1974. С. 46. Рис. 6, 7). В. А. Папанова, основываясь на датировке орнамента, относит эти килики к первой трети IV в. до н.э. (Папанова, 2000. С. 196, 202. Рис. 4). В Тире такие килики относятся к киликам «с чашей трюпановидной формы пятого типа» (Самойлова, 1988. С. 46. Рис. 6,7). В некрополе Панское I ближайшей аналогией описанным выше сосудам является килик № 68, который датируется второй четвертью IV в. до н.э. (Рогов, Тункина, 1998. С. 168. Рис. 5, 1).

Погребение I кургана 18 у с. Львов по всему комплексу находок датируется концом первой четверти IV в. до н.э. (Кубышев, Николаева, Полин, 1982. С. 147). Этому не противоречит датировка других погребений с легкостенными киликами.

Выпуск таких сосудов начался в Аттике в третьей четверти V в. до н.э. Некоторые исследователи считают, что они бытуют в Северном Причерноморье до конца IV в. до н.э. Однако, по-видимому, следует согласиться с мнением Е. Я. Рогова и И. В. Тункиной, что поступление таких сосудов на рынки Причерноморья прекращается не позднее середины IV в. до н.э. (Рогов, Тункина, 1998. С. 165).

Наиболее многочисленна в Степной Скифии группа канфаровидных киликов, которая представлена 16 сосудами. Чаще всего это сосуды с утолщенным клювовидным венчиком, приземистым корпусом и невысокой ножкой. По форме они ближе к канфарам. Но горизонтально расположенные ручки позволяют называть их канфаро-киликами. Десять канфаровидных киликов имели штампованный орнамент. Как правило, это четыре пальметки, соединенные дугами, окруженные двумя-тремя кругами из косых насечек (пять сосудов). Орнаментация канфаровидного килика из кургана I погребения 1 у с. Ильинка состоит из 6 пальметок, соединенных дугами. Один сосуд был украшен на дне орнаментом из двух кругов строганных и двоясных насечек (курган 143 могильника Мамай-Гора (Андрух, Тошева, 2004. С. 29–46).

Аналогичные сосуды найдены в античных памятниках Северного Причерноморья. В материалах Николаевского могильника их всего два. Канфаровидный килик с клювовидным венчиком из погребения 2 аналогичен большинству описанных выше сосудам (Мелюкова, 1975. С. 68, 242. Рис. 44, 4). Они относятся к 10 типу киликов по классификации В. Иванова и датируются серединой – второй половиной IV в. до н.э. Килик из погребения 4 этого могильника (Мелюкова, 1975. С. 68, 242. Рис. 44, 2) близок по форме к килику из кургана 4, погребения

2 у с. Ильника. Это килик 9 типа по классификации В. Иванова и датируется такие сосуды серединой- третьей четвертью IV в. до н.э. (Иванов, 1963, С. 186). Канфаровидный килик из материалов семейно-родового некрополя относится к третьей четверти IV в. до н.э. (Пашнова, 2000, С. 210). Канфаровидный килик с клювовидным венчиком происходит из кургана 43 некрополя Панское 1, где датируется третьей четвертью IV в. до н.э. (Монахов, Рогов, 1990, С. 149, Табл. 12, 69).

Выпуск сосудов этой серии начался в Аттике в начале IV в. до н.э. и продолжался на протяжении трех четвертей столетия. Аналогичные сосуды происходят из материалов Афинской агоры, где датируются второй четвертью – серединой IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970, Pl. 28, № 658). Ближайшей аналогией описанным сосудам по формам является сосуды № 652, 653 (Sparkes, Talcott, 1970, P. 118–119, № 652, 653, 659, Pl. 53, 559, Pl. 56, 659). Датируется эта группа сосудов 390–380 г. до н.э. Сосуды с орнаментом в виде четырех-шести пальметок, соединенных дугами в концентрических кругах, выполненных косыми насечками, появились в Аттике конце V в. до н.э. и просуществовали весь IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970, P. 118–119, № 560).

В этой группе керамики особняком стоит канфаровидный килик из погребения 9 кургана 1 у г. Каменка-Днепровская (Гаврилюк, Рассмакин, Отрошенко, 2005, С. 339). Это пока единственный шумящий сосуд из степных скифских погребений. А. В. Круглов справедливо отметил, что в археологических экспедициях в силу отсутствия специального интереса к подобным вещам, такие предметы не отслеживаются (Круглов, 2004, С. 104).

Возможно, основная особенность канфаровидного килика из погребения 9 кургана 1 у г. Каменка-Днепровская, связана с ритуальной функцией. Наиболее ранние шумящие сосуды – аттического производства, у которых в пустотелой ножке еще до обжига было включено несколько керамических шариков. Наиболее ранними в этой группе являются чернофигурные килики на ножках типа А по Beazley's Group (Vickers, 1980, P. 183–184, Pl. 29). Чернолаковые шумящие килики представлены сосудами из отдела античности музея в Оксфорде, (килик из Vienna-Cup group, датируемый 475–450 г. до н.э.) и из университетской коллекции Дублина, килики типа С из Ленинграда, Осло и Торонто, а также сосуд из Американской частной коллекции (Vickers, 1973, P. 196–197, Pl. 40; 1974, P. 429–430, Pl. 88). В Северном Причерноморье находки шумящих сосудов известны по материалам Нимфея (Круглов, 2004, С. 104).

А. В. Круглов, вслед за М. Викаерсом, отмечает, что с IV в. до н.э. шарики стали помещать в полые венчики канфаров, что и произошло с канфаровидным киликом из погребения 9 кургана 1 у г. Каменка-

Днепровская. Он найден отдельно от групп погребального инвентаря, связанных с потреблением пищи или питьем (обе группы здесь присутствуют). Сосуд лежал на боку справа от погребенной, за пределами погребальных носилок женщины, в правой руке которой находилось зеркало. Все это позволяет предположить ритуальный, а не «питьевой» смысл находки. Вспомним также «шумящую» особенность сосуда. Известно, что в состав украшений погребального кортежа богатых скифов входили «шумящие» напершия (Бессонова, 1982, С. 105). По-видимому, в случае с погребением 9 из кургана 1 у г. Каменка-Днепровская, функцию шумящих наперший, отпугивающих злых духов, выполнял сосуд. Возможно, работа с керамикой в Фондах Института археологии или других музеев расширит группу «шумящих» чернолаковых сосудов, найденных в скифских степных погребениях.

Все килики происходят из погребальных камер. Только один сосуд — из кургана 158 могильника Мамай-Гора у с. Великая Знаменка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. найден в западном секторе рва кургана (Андрух, Тошев, 2004, С. 61–62).

Существует определенная закономерность в принадлежности киликов к той или иной группе инвентаря в женских и мужских погребениях.

Тяжелостенные килики встречены в двух мужских погребениях — в заполнении входной ямы основного погребение (1) в кургане 3 у с. Богдановка (Битковский, Полин, 1987, С. 76, 79) и среди серебряных сосудов у правой руки скелета В в кургане Солоха (Манцевич, 1987, С. 23, 94, 96. Инв. № Дн 1913 1/22). Канфаровидные килики также найдены лишь в двух погребениях. В мужском погребении 2 кургана 4 у с. Ильника (Великая Знаменка) канфаровидный килик стоял вместе с серебряным киликом и фасосской амфорой, то есть, в наборе для питья (Плещивенко, 1991, С. 63). В погребении 2 кургана 13 у с. Виноградово Сакского р-на Крыма, канфаровидный килик найден у входа в погребальную камеру (Колотухин, 2000, С. 49, рис.28,6). Можно утверждать, что килики входили в группу сосудов для употребления вина. В группах инвентаря в погребении 2 кургана 4 у с. Ильника и в кургане Солоха вторым сосудом для питья был серебряный килик. То есть, в богатых мужских погребениях сочетание чернолакового и серебряного килика можно рассматривать в качестве подтверждения сообщения Геродота.

В ином качестве использовались чернолаковые килики всех типов (как, впрочем, и другие чернолаковые сосуды) в женских погребениях Степной Скифии. Они происходят из групп инвентаря, не связанных с питьем вина или заупокойной пищей. Так, в женском погребении 1 кургана 5 у с. Чкаловка килик найден на меловом пятне рядом с двумя свинцовыми пряслицами (Ковалева, 1999, С. 131), в богатом погребении

нии женщины с оружием из погребения 9 кургана 7 у с. Кут килик стоял у головы вместе с двумя свинцовыми пряслицами, деревянной пиксидой, фрагментом костяного наборного веретена (в публикации – ручка пиксиды) (Березовец. 1960. С. 54), в погребении 3 кургана 75 курганной группы Солохи килик стоял в ногах погребенной вместе с свинцовым коническим пряслицем. Под киликом – остатки деревянного предмета с окисью железа, севернее – кусочек серы (Мелюкова. 1999. С. 69). В, по-видимому, женском погребении 2 кургана 4 килик найден с фрагментами зеркала, лепным сосудом, глиняным пряслицем слева от головы погребенной (Суничук, Фокеев. 1984. С. 105). Только в погребении 1 кургана 4 группы Носаки у с. Балки Васильевского р-на Запорожской обл. (на подписи к рисунку в публикации – погребение 3), килик не сопровождался другими находками – стоял на войлоке у ног погребенной (Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский. 1977. С. 116, 117). Канфар-килик в погребении 3 кургана 4 группы 5 у с. Первомаевка Верхнерогачикского р-на Херсонской обл. сосуд стоял отдельно от другого инвентаря, у левого плеча погребенной. (Евдокимов, Фридман. 1991. С. 92–93). В женском погребении 1 кургана 1 группы 2 у с. Капуловка Никопольского р-на Днепропетровской обл., сосуд стоял за черепом. Рядом с ним найдено железное шило, глиняное пряслице (Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский. 1973. С. 128. Рис. 15, 16).

Семь киликов происходит из детских погребений Степной Скифии. В компоновке погребального инвентаря соблюдался признак половой принадлежности. По-видимому, погребениями мальчиков были погребение 6 кургана 4 у с. Ильинка (Великая Знаменка), где канфаровидный килик найден вместе с колчаном со стрелами. (Плещивенко. 1991. С. 70), погребение 1 кургана 13 группы 1 у с. Капуловка, где канфаровидный килик найден в группе с подносом, амфорой (Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский. 1973. С. 122. Рис. 10, 6). Погребением девочки могло быть захоронение в кургане у с. Владимировка Джанкойского р-на Крыма, в котором канфаровидный килик стоял рядом с бусами, подвеской египетского фаянса, обломком железного браслета, лепным горшком. (Колотухин. 2000. С. 11, 14).

В парном детском погребении 3 кургана 7 у с. Кут Никопольского р-на Днепропетровской обл. рядом с канфаровидным киликом найдены белила, остатки деревянной пиксиды, плоского камня для растирания белил и бронзовый стержень (шиллька?) (Березовец. 1960. С. 52), что может свидетельствовать, что одним из погребенных была девочка. В парном погребении из погребения 2 кургана 143 могильника Мамай-Гора за черепами костяков стояли чернолаковый килик, сероглиняный гончарный кувшинчик, лепной кувшинчик. Между киликом и

кувшинчиком лежал оселок (Андрух, Тоцев, 2004, С. 29–46). Скорее всего, одним из погребенных был мальчик.

Шесть канфаровидных киликов происходит из коллективных погребений Крыма, ограбленных погребений степного Приднепровья. Связать эти находки с какой-нибудь группой инвентаря не представляется возможным. Происходят канфаровидные килики в основном из скифских погребений Днепровского левобережья (7 экземпляров) и Степного Крыма (6 экземпляров). Лишь три сосуда найдено в степных памятниках Днепровского правобережья. Таким образом, из греческих сосудов, упоминаемых Геродотом в скифских погребениях найдены лишь килики, кратеры не встречались.

Из сказанного вытекают следующие выводы. В целом, распространение чернолаковых киликов в варварской среде ограничивается ареалом степных скифских памятников. При этом, повышенная встречаемость чернолаковых аттических киликов в могильниках Днепровского Левобережья, расположенных вблизи Каменского городища (Ильинский, Первомаевский, Верхнерогачикский, Мамай-Гора), позволяют предположить, что основными потребителями этого товара в скифской среде стали обитатели Каменского палеозоолого-экономического района. Находки киликов в Капуловском, Вышетарасовском, Кутяиском могильниках могут свидетельствуют о поступлении этого товара также к населению Капуловского палеозоолого-экономического района.

Исследование положения киликов в мужских и женских погребениях позволяет во-первых, произвести оценку длительности бытования парадной посуды (на примере килика) в скифской среде. Длительность использования этих сосудов не превышала одного поколения (не более 20–30 лет). Во-вторых, – судить о варибельности их функционального предназначения. Представляется вероятным, что вначале килик использовался по прямому назначению – мужчинами для питья вина. В некоторых богатых мужских погребениях действительно найдено, как писал Геродот, по два килика – серебряный и чернוליковый. Возможно, это погребения воинов, которые «убили многих мужей». Однако в женских погребениях килики меняли свое первоначальное функциональное («питейное») предназначение. Они приобретают более выраженное сакральное значение и участвуют в погребальном обряде вместе с веретенами, пряслицами, зеркалами, модернизируя и обогащая традиционный семантический круг скифского погребального обряда.

Важным является то обстоятельство, что некоторые сосуды найдены в перевернутом состоянии. Считается, что в переворачивании предмета наблюдается простейший случай символизации предмета, его переход в иное физическое состояние (Толстой, 1990, С. 126), ана-

логичное переходу из живого состояния в мертвое. Впрочем, можно говорить и об ином ритуальном действии – об отпугивании злых духов. Эту функцию, аналогичную функции шумящих наверх, мог выполнять шумящий сосуд. В целом же, учитывая «жреческий» характер некоторых упомянутых женских захоронений, можно предположить, что в скифской среде чернолаковые килики ценились особо как предметы погребального инвентаря.

Таким образом, на примере изучения чернолаковых киликов из степных скифских погребений показано, как сведения из письменного источника нашли частичное подтверждение в археологическом материале.

Литература

- Алексеев. 1991. – *А. Ю. Алексеев*. Хронология и хронография Причерноморской Скифии // АСГЭ. 1991, № 31.
- Алексеев. 1992. – *А. Ю. Алексеев*. Скифская хроника. СПб., 1992.
- Андрух, Тошев. 2004. – *С. И. Андрух, Г. Н. Тошев*. Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2004. Книга 3.
- Березовец. 1960. – *Д. Т. Березовец*. Разкопки курганного могильника эпохи бронзы та скифского часу біля с. Кут // АП УРСР. 1960. Т. 9.
- Бессонова. 1973. – *С. С. Бессонова*. Погребение IV в. до н.э. из Трехбратнего кургана // Скифские древности. Киев, 1973.
- Бессонова. 1982. – *С. С. Бессонова*. О скифских повозках // Древности Степной Скифии. Киев, 1982.
- Бессонова, Бунятян, Гаврилюк. 1988. – *С. С. Бессонова, Е. П. Бунятян, Н. А. Гаврилюк*. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988.
- Бидзля, Болтрик, Мозолевский, Савовский. 1977. – *В. И. Бидзля, Ю. В. Болтрик, Б. Н. Мозолевский, И. П. Савовский*. Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев, 1977.
- Битковский, Полин. 1987. – *О. В. Битковский, С. В. Полин*. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине (к проблеме хронологии памятников V–IV в. до н.э.) // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
- Брашневский. 1980. – *И. Б. Брашневский*. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III в. до н.э. Л., 1980.
- Гаврилюк, Рассамкин, Отрощенко. 2005. – *Н. А. Гаврилюк, Ю. Я. Рассамкин, В. В. Отрощенко*. Шумящий сосуд из скифского погребения // Археологічні дослідження в Україні. Київ, 2005.
- Гребенников, Ребедаило. 1991. – *Ю. С. Гребенников, Г. П. Ребедаило*. Скифское погребение V в. до н.э. на Ингульце // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.
- Доватур, Каллистов, Шнизова. 1982. – *А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, И. А. Шнизова*. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

- Евдокимов, Фридман. 1987 – Г. Л. Евдокимов, М. И. Фридман. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
- Евдокимов, Фридман. 1991 – Г. Л. Евдокимов, М. И. Фридман. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.
- Иванов. 1963 – В. Иванов. Аполония. Разкопки в некрополе на Аполония през 1947–1949 г. София, 1963.
- Ковалева. 1999 – И. Ф. Ковалева. Скифские погребения Правобережного Предстепья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999.
- Козуб. 1974 – Ю. I. Козуб. Некрополь Ольвии V–IV ст. до н.э. Київ, 1974.
- Колотухин, 2000 – В. А. Колотухин. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь, 2000.
- Крузлов. 2004 – А. В. Крузлов. Необычные античные вазы // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004.
- Кубышев, Николова, Полин. 1982 – А. И. Кубышев, А. В. Николова, С. В. Полин. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
- Лордкипанидзе. 1976 – О. Д. Лордкипанидзе. Новые материалы к истории связей Афин с Колхидой // Художественная культура и археология античного мира. Москва, 1976.
- Манцевич. 1987 – А. П. Манцевич. Курган Солоха. Л., 1987.
- Мелюкова. 1975 – А. И. Мелюкова. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М., 1975.
- Мелюкова. 1999 – А. И. Мелюкова. Скифские курганы возле Солохи (раскопки 1961–1962 г.) // Евразийский древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. Москва, 1999.
- Монахов, Рогов. 1990 – С. Ю. Монахов, Е. Я. Рогов. Керамические комплексы некрополя Павское // АМА. 1990. Вып. 4.
- Онайко. 1970 – Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II в. до н.э. Москва, 1970.
- Папанова. 2000 – В. А. Папанова. Чернолаковая керамика из семейно-родового участка некрополя Ольвии // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запорожжя, 2000. Вып. 8.
- Плещивенко. 1991 – А. Г. Плещивенко. Скифский курган у Белозерского лимана // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.
- Рогов, Тункина. 1998 – Е. Я. Рогов, И. В. Тункина. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Павское 1 // АВ. 1998. № 5.
- Самойлова. 1988 – Т. Л. Самойлова. Тира VI–I в. до н.э. Киев, 1988.
- Суничук, Фокеев. 1984 – Е. Ф. Суничук, М. М. Фокиев. Скифский могильник Плавни 1 в Низовьях Дуная // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984.
- Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозоловский. 1973 – А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, Е. В. Черненко, Б. Н. Мозоловский. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев, 1973.

- Толстой. 1990 – Н. И. Толстой. Перевооруживание в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. Москва, 1990.
- Физалко. 2004 – Е. Е. Физалко. Чернотерракотовая керамика в погребальном обряде скифов (по материалам Рогачинского могильника) // Від Киммерії до Сарматії. Київ, 2004.
- Яковенко, Черненко, Корпусова. 1970 – Э. В. Яковенко, Е. В. Черненко, В. И. Корпусова. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. 1970.
- Robinson. 1933 – D. M. Robinson. Excavation at Olynthus. Baltimore, 1933. Vol. 5.
- Sparkes, Talcott. 1970 – B. A. Sparkes, L. Talcott. Black and plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC. The Athenian Agora. New Jersey. 1970. Vol. XII.
- Vickers. 1973 – M. Vickers. An ex-rattling cup in Oxford // AJA. 1973. № 2. Vol. 77.
- Vickers. 1974 – M. Vickers. Two More Rattling Cups? // AJA. 1974. № 4. Vol. 78.
- Vickers. 1980 – M. Vickers. Another Dirty Trick Vase // AJA. 1980. № 2. Vol. 84.

С. Н. Сенаторов

К вопросу о происхождении Восточно-Крымской керамики айвазовского типа

Письменные свидетельства античных авторов являются бесценным источником по истории древних народов и племен Крымского полуострова. По сообщению Геродота гористую часть Таврики занимало племя тавров (Herod., IV, 99, 3), а на территории выше Таврики и в области к западу от Боспора Киммерийского живут уже скифы (Herod., IV, 100). Таким образом, к V в. до н.э. (далее все даты до н.э.) на территории Европейского Боспора, обитали только скифские племена (Ольховский. 1981. С. 53–54; Щеглов. 1988. С. 56–57; Столба. 1993. С. 56–57). В то же время на основании археологических источников, в частности по материалам лепной керамики античных городов Европейского Боспора, исследователями выявляется более сложный этнокультурный состав местного варварского населения второй четверти VI – первой трети III в. К настоящему времени наиболее полную этнокультурную характеристику лепной посуды Европейского Боспора, и в частности Нимфея, предложил С. Г. Колтухов (Колтухов. 2004. С. 78, 83). По мнению исследователя в указанный период здесь известна лепная орнаментированная керамика: 1) визил-кобинской (тавроской) культуры (Лесков. 1961. С. 262; Кастанаян. 1981. С. 17; Колтухин. 1996. С. 83; Butjagin. 1998. P. 64; Сенаторов. 1999. С. 65; Он же. 2000. С. 85–89); 2) скифских племен (Худяк. 1962. С. 16; Скудюва.

1954, С. 308, 315–316; Яковенко 1978, С. 41); 3) синдо-меотских племен (Корпусова, Орлов, 1978, С. 75; Виноградов, 1991, С. 15; Он же, 1994, С. 60; Бутягин, 1998, С. 143); 4) местного варварского Восточно-Крымского населения (Масленников, 1995, С. 61; Сенаторов, 2004, С. 148–151); 5) смешанного скифо-кизил-кобинского населения (Гаврилов, Крамаровский, 2001, С. 35).

Сложность этнокультурного определения лепной посуды Боспора обусловлена несколькими причинами. Во-первых, сравнительно мало изучены местные памятники эпохи поздней бронзы. Наиболее полно опубликованы пока лишь материалы двух поселений: Каменка и Кировское. Остальные памятники известны в меньшей степени (Масленников, 2001, С. 293, 299). Лишь в последнее время А. В. Гавриловым были опубликованы некоторые материалы поселения Узун-Сырт начала V – первой трети III в. Это поселение автор связывает с таврами (кизил-кобинская археологическая культура). При этом предполагается, что некоторые типы бронзовых украшений, найденные на этом поселении, «в определенной степени... указывают на проживание здесь смешанного тавро-скифского населения». Интересно отметить также, что на поселении пока не найдены сосуды с вдавленным орнаментом, а вся лепная посуда с резным декором отнесена автором к кизил-кобинской культуре (Гаврилов, 2004, С. 206, 209). Во-вторых, требуют самого тщательного изучения материалы из хозяйственных ям Нимфея 1948–1949 г., являющиеся предметом неутихающих споров исследователей. В-третьих, пока, видимо, в достаточной степени не представлены сравнительные характеристики лепной посуды Восточно-Крымского типа и Кизил-Кобинской культуры.

Появление на Боспоре посуды Восточно-Крымского типа, как совершенно справедливо отмечает С. Г. Колтухов, пока не имеет однозначного объяснения. По предположению исследователя посуда «с резным декором восточно-крымского облика ... скорее всего, ... связана с керамикой, характерной для варварского населения территории, примыкающих к [Керченскому] проливу с востока» (Колтухов, 2004, С. 83). С моей же точки зрения, определенные наблюдения, все-таки позволяют искать истоки происхождения Восточно-Крымской керамики именно в кизил-кобинских орнаментальных традициях (Сенаторов, 2002 г. С. 93, 96).

В настоящей работе предлагается рассмотреть один из наиболее показательных комплексов второй половины VI – начала V в. из раскопок Нимфея, в котором встречены совместные находки керамики с резным орнаментом кизил-кобинского и Восточно-Крымского типов. В 1952 г. М. М. Худяком при раскопках в Нимфее около оборонительной башни, открытой еще в 1941 г., под желто-глинястым слоем с материалами VI–V в. была найдена хозяйственная яма. Эта яма распола-

гадась в материке на глубине 1,45 м от подошвы оборонительной стены. Ее глубина составляла 1 м, а своими контурами в плане уходила под оборонительную стену (Худяк. 1952. С. 13). В заполнении ямы у «башни» найдено 413 обломков керамики, 3 кремневых фрагмента, 1 раковина и 21 кость животных (Полевой список № 33; коллекция ГЭ № Н.52. 361–372⁶). Судя по обломкам греческого керамического импорта, заполнение ямы может датироваться второй половиной VI – первой третью V в. до н.э. Среди общего керамического массива обломки амфор составляют 81 % (334 фрагмента). К ним относятся: 15 обломков горловин (1 – хноская с приплюснутым горлом), 16 фрагментов ручек, 3 – днищ и 300 обломков стенок амфор (с одним или двумя поясками, с поясками «под углом» и с широким пояском). Без учета амфорных обломков вся посуда (79 экз.) распадается на следующие категории: 37 % (29 экз.) составляет чернолаковая посуда; по 13 % (по 10 экз.) – ионийская столовая с поясками и красноглиняная кухонная; по 4 % (по 3 экз.) – чернофигурная и сероглиняная; 2 % приходится на светлоглиняную (2 экз.) и лутерий (1 экз.). Наконец, лепная посуда составляет 27 % (21 экз.).

В состав коллекции лепной посуды из заполнения ямы «у башни» входят обломки трех горшков и одного кубка. Горшки представлены: 1) Верхней частью сосуда с плавно отогнутым венчиком, переходящим в выпуклое тулово. Диаметр венчика составляет 16 см. Внешняя поверхность сосуда черного цвета грубо обработана, внутренняя – заглажена, серого цвета. Тесто с примесью толченых раковин. По краю венчика горшок украшен пальцевыми вдавлениями (Рис. 1, 4). Такой орнамент имеет широкое распространение и, как правило, связывается исследователями со скифской культурой (Лесков. 1965. С. 178–179. Рис. 40, 4–6). Однако в Горном и Предгорном Крыму хозяйственные сосуды с таким орнаментом являются составной частью керамических комплексов поселений 2 – 4 этапов кизил-кобинской культуры VIII – первой трети III в. (Сенаторов. 2002б. С. 15, 22, вид № 190). 2) Обломком части плавно отогнутого венчика диаметром 18 см. Внешняя поверхность фрагмента грубо обработана, серого цвета. Его внутренняя часть заглажена, бурого цвета. С внешней стороны под краем венчика расположен орнамент в виде горизонтального ряда округлых и полукруглых пальцевых вдавлений (Рис. 1, 2). Аналогичный орнамент не получил распространения в синхронных керамических материалах кизил-кобинской культуры. Мне известно всего два фрагмента с таким видом орнамента. Один из них был найден на поселении Нейзац (КРис. 1981. С. 90. Табл. 10,2), а другой – на поселении Штурмовое

⁶ Выражаю искреннюю благодарность О. Ю. Соколовой за возможность использовать неопубликованные материалы и помощь в моей работе.

(выражаю искреннюю благодарность О.Я.Савеле за возможность использовать неопубликованные материалы из его раскопок). Оба фрагмента были найдены преимущественно вместе с посудой украшенной резным орнаментом второго этапа кизил-кобинской культуры VIII – первой половины VI в. (Сенаторов, 2002б, С. 16–18). Не исключено, что орнамент в виде вдавлений на внешней стороне венчика хозяйственных сосудов является специфической особенностью именно местного варварского Восточно-Крымского населения. 3) Фрагментом (Рис. 1, 1) раструбовидного венчика диаметром 24 см с частью слабо выраженного плеча сосуда. Его внешняя и внутренняя поверхности лощеные черного цвета. Между горлом и верхней частью плеча прослеживается горизонтальный уступ (или бортик). Ниже уступа на плече сосуда расположен резной орнамент в виде заштрихованных треугольников вершиной вниз (Яковенко, 1978, С. 39, Рис. 5, 3), характерный для второго этапа кизил-кобинской культуры (Сенаторов, 2002б, С. 16–18, 22, Вид № 111). Интересной особенностью данного фрагмента сосуда являются его нестандартные характеристики. С одной стороны, по своим морфологическим характеристикам (слабо выпуклое тулово) фрагмент относится к категории горшков отдела хозяйственной посуды, а с другой – по своим качественным признакам (отличное лощение, резной орнамент) такой обломок может относиться к категории кувшинов отдела столовой посуды. Таким образом, данный фрагмент является ярким, но не многочисленным примером условности разделения лепного керамического материала на хозяйственную и столовую посуду. Наконец, кубок (Рис. 1, 3) представлен обломком S-видного профиля без придонной части. Венчик сосуда диаметром 12 см хорошо выражен и плавно переходит в округлое тулово. Обе поверхности прекрасного лощения черного цвета. Всю внешнюю сторону кубка занимает орнаментальная композиция из резных треугольников. Резная горизонтальная линия, идущая по плечу сосуда, разделяет всю композицию на две части. Верхняя часть, расположенная на горле и венчике сосуда, состоит из двух параллельных наклонных линий, образующих непрерывный ряд треугольников вершиной вверх. Нижняя часть композиции занимает всю поверхность тулова сосуда. Она состоит из редко (одна две линии) заштрихованных вытянутых треугольников, опускающихся от резной горизонтальной линии вершиной вниз (Скудова, 1954, С. 317, Табл. I, 3; Худяк, 1962, Табл. 3, 4; Яковенко, 1978, С. 41, Рис. 8; Колтухов, 2004, С. 79, Рис. 1, 7). Такой орнамент характерен для Восточно-Крымской керамики айвазовского типа второй половины VI – первой трети III в. (Сенаторов, 1999 б, С. 298).

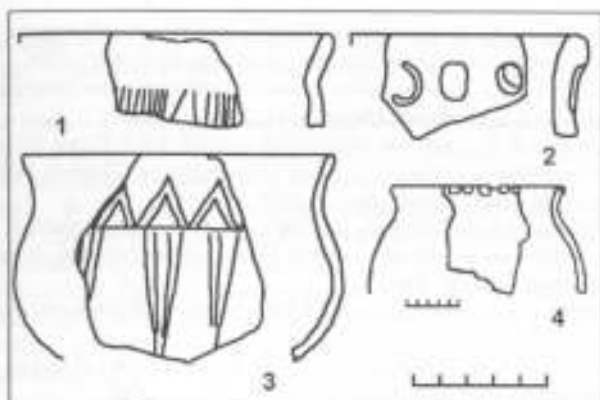

Рис. 1. Лепная керамика из хозяйственной ямы «у башни» Нимфея 1952 г.

Таким образом, в Нимфее в одном керамическом комплексе найдена более ранняя лепная посуда с резным орнаментом кизил-кобинской культуры и сосуды Восточно-Крымского типа, синхронные греческому импорту второй половины VI – первой трети V в. Важно отметить, что в единичных случаях в Горном и Предгорном Крыму в керамических комплексах варварских памятников, например в яме № 2 поселения на пятом км Балаклавского шоссе, известны совместные находки сосудов с резным (Савеля. 1997. С. 94. Рис. 2, 10) и гребенчатым орнаментом первого типа (Савеля. 1997. С. 94. Рис. 2, 1–7, 11–14), относящихся соответственно ко второму и третьему этапам кизил-кобинской культуры (Сенаторов. 2002. С. 16–18). Вероятно, в отдельных случаях относительно ранняя кизил-кобинская керамика с резным орнаментом могла некоторое время сосуществовать в Горном и Предгорном Крыму совместно с посудой, украшенной гребенчатым орнаментом. Отсюда можно предположить, что и на памятниках Боспора керамика с резным орнаментом кизил-кобинской культуры в редких случаях, видимо, сосуществовала с Восточно-Крымской посудой айвазовского типа. Таким образом, приведенные выше данные позволяют более наглядно представить формирование и состав керамической орнаментальной традиции варварского населения Европейского Боспора в позднеархаическое время.

Литература

- Бутягин. 1998 – А. М. Бутягин. Варвары на поселениях архаического Боспора: по материалам лепной керамики из равнинных комплексов Нимфея и Мирмекия // Поселения: Среда, культура, социум. СПб., 1998.

- Виноградов. 1991 – Ю. А. Виноградов. Ранние комплексы Мирмекии // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж, Белгород, 1991.
- Виноградов. 1994 – Ю. А. Виноградов. Еще одна архаическая полужемлянка из Мирмекии // Боспорский сборник. М., 1994. Вып. 4.
- Гаврилов. 2004 – А. В. Гаврилов. Античное селище Узун Сырт (Подножье) в Юго-Восточном Крыму // У Понта Евксинского (Памяти Павла Николаевича Шульца). Симферополь, 2004.
- Гаврилов, Крамаровский. 2001 – А. В. Гаврилов, М. Г. Крамаровский. Курган у села Крипички в Юго-Восточном Крыму // Боспорские исследования. Симферополь, 2001. Вып. 1.
- Кастанаян. 1981 – Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
- Колотухин. 1996 – В. А. Колотухин. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев, 1996.
- Колтухов. 2004 – С. Г. Колтухов. Лепная керамика скифского населения степного и предгорного Крыма // Херсонесский сборник. Севастополь, 2004. Вып. XIII.
- Корпусова, Орлов. 1975 – В. Н. Корпусова, Р. С. Орлов. Могильник VI–IV ст. до н.э. на Керченском полуострове // Археология. 1978. № 28.
- Крис. 1981 – Х. Н. Крис. Кизил-кобинская культура и тавры. М., 1981.
- Лесков. 1961 – А. М. Лесков. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове // СА. 1961. № 1.
- Лесков. 1965 – А. М. Лесков. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965.
- Масленников. 1995 – А. А. Масленников. Каменные ящики Восточного Крыма: (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI – I в. до н.э.) // Боспорский сборник. М., 1995. Вып. 8.
- Масленников. 2001 – А. А. Масленников. Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // Древности Боспора. М., 2001. Вып. 4.
- Ольховский. 1981 – В. С. Ольховский. Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3.
- Савеля. 1997 – О. Я. Савеля. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990 – 1995 г. // Херсонесский сборник. Севастополь, 1997. Вып. VIII.
- Сенаторов. 1999 а – С. Н. Сенаторов. О лепной керамике варварского поселения на месте Нимфея // Боспорский город Нимфей. СПб., 1999.
- Сенаторов. 1999 б – С. Н. Сенаторов. О Восточно-Крымской лепной керамике середины VI – первой трети III в. до н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.
- Сенаторов. 2000 – С. Н. Сенаторов. Кизил-кобинская керамика VIII – первой половины VI в. до н.э. из Нимфея // Таманская старина. СПб., 2000. Вып. 3.
- Сенаторов. 2002 а – С. Н. Сенаторов. Лепная керамика с резным орнаментом из погребений Восточного и Юго-Восточного Крыма второй половины VI – начала III в. до н.э. // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Ч. 2.

- Сенаторов. 2002 б – С. Н. Сенаторов. Лепная керамика изгил-кобинской культуры: Типология и хронология: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
- Сенаторов. 2004 – С. Н. Сенаторов. Лепная керамика айвазовского типа второй половины VI – начала III в. до н.э. из Нимфея // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. 1.
- Столба. 1993 – В. Ф. Столба. Демографическая ситуация в Крыму в V – II в. до н.э.: По данным письменных источников // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. № 6.
- Худяк. 1952 – М. М. Худяк. Отчет о раскопках в Нимфея за 1952 г. // Архив ГЭ.
- Худяк. 1962 – М. М. Худяк. Из истории Нимфея VI–III веков до н.э. Л., 1962.
- Щеглов. 1988 – А. Н. Щеглов. Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII – IV в. до н.э. Тбилиси, 1988.
- Яковенко. 1978 – Е. В. Яковенко. Липна керамика VI – V ст. до н.э. з Нимфея // Археологія. Київ, 1978. № 27.
- Butjagin. 1998 – A. M. Butjagin. Archaic dug-outs at Nymphaion // Archeologia. Warszawa, 1998. Vol. XLVIII.

Э. А. Кравченко

Материалы эпохи раннего железа с поселения Уч-Баш в Юго-Западном Крыму

Северное побережье Черного моря или Понта Эвксинского, вероятно, было известно античным мореплавателям еще задолго до появления тут греческих поселений (Gec., fr. 153, Steph. Byz.; fr. 163, App. Marc., XXII, 8; подр. см.: Кравченко. 2002). Античная литературная традиция, зародившаяся задолго до знакомства греков с местным варварским населением Крыма, основываясь на древних мифологических представлениях, создала в общественной мысли эллинов стереотипное представление о жителях Горной Таврики, как о диких жестоких племенах, связав с ними свой миф об Ифигении (подр. см.: Толстой. 1918; Сержинская. 1991; Русяева, Русяева. 1999; Кравченко. 2002). Такой перенос аллегорического смысла на реально существующий народ не был случаен. С конца VI в. до н.э. античные философы начинают научно адаптировать и объяснять древние поэмы, эпосы и мифы (Шпет. 1989. С. 232). На такое смешение мифа с объективной реальностью указывал еще Страбон, говоря, что эллинические историки не смогли сообщить ничего достоверного в силу своей наивности и любви к мифам. «Они решили сделать свои сочинения приятными, рассказывая под видом истории то, чего никогда не видели и о чем не слышали или во всяком случае слышали не от людей осведомленных, стремясь к тому,

чтобы доставить удовольствие или вызвать удивление» (Strabo, XI, 6: 2, 3; пер.: Пьянков. 1997. С. 8). Подобной точки зрения придерживался и Фукидид, критикуя логографов, которые «множили свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха» (Тисс., I, 21, 1; пер.: Пьянков. 1997. С. 9). Как писал А. И. Немировский, античный историк отличался от мифографа тем, что он не просто излагал предания, а высказывал собственный взгляд на события, которые сохранились в форме мифов (Немировский. 1982. С. 61). Однако это лишь отчасти помогает отделить реальные события от исторического мифа. Иными словами, сочинения античных авторов в первую очередь являются источниками по истории общественной мысли древних греков и римлян. Данные же, приводимые в отношении варварских народов окраины ойкумены, нуждаются в проверке иными видами исторических источников, наиболее достоверными из которых являются археологические. Таврика, как географическое название, впервые применено к Крыму Геродотом. Под ней он понимает территорию от Керченитиды (совр. Евпатория) до Скалистого (Керченского) полуострова и называет страной тавров, выше, т. е. севернее которых он размещает скифов (Hdt., IV, 99). В соответствии с последними исследованиями, вся хронология кизил-кобинской культуры, понятие связываемой некоторыми исследователями с таврами письменных источников, существенно изменилась в сторону ее удревнения. Ранний ее этап, сейчас на основе исследований керамического комплекса поселения Уч-Баш может быть поделен на три фазы. Первая ограничивается XI – первой половиной X в. до н.э., синхронна белозерской культуре причерноморской степи и фазе Бабадаг III Придунавья (Кравченко. 2004; 2004 а). Вторая соответствует черноторовской ступени предскифской культуры в степи и памятникам типа сахарна-солончаны на западе и укладывается во вторую половину X–IX в. до н.э. На первую половину VIII в. до н.э. (Смирнова. 1985. С. 43; Дараган. 2004. С. 32–65) приходится завершающий этап предскифской культуры Крыма, определившийся ранее началом среднего этапа кизил-кобинской культуры VII–VI (V) в. до н.э. Типологический анализ материальной культуры и ее хронологическое определение позволили констатировать отсутствие кардинальных изменений в культурном типе местного населения региона с рубежа VII–VI до рубежа V–IV – середины IV в. до н.э. Однако синхронизация материальных комплексов отдельных этапов, выделенных в археологических культурах, существующих в широком хронологическом диапазоне, всегда вызывала серьезные трудности.

В данной публикации представлен материал, репрезентирующий финальную стадию предскифского периода Крыма – постройку 3 поселения Уч-Баш в Юго-Западном Крыму (Стржелешкай, Д. 690/1.

Д. 47–54; Д. 690/а; 690/б; 1321), публиковавшегося и анализировавшегося недостаточно полно (Лесков. 1965. С. 20; Крис. 1981; Колотухин. 1996. С. 56. Рис. 43, 44). Этот материал происходит из закрытого комплекса и потому приводится в полном объеме. Основные принципы и методика изучения, применимые на рассматриваемом материале Уч-Баша, направлены на типологическое и хронологическое определение отдельных комплексов поселения и их синхронизацию, как в рамках поселения, так и с другими комплексами Крыма и Северного Причерноморья. Такой подход предполагает смещение основного акцента в изучении памятника с его этнической и культурной принадлежности на более детальное изучение отдельных этапов его существования, что представляется нам чрезвычайно важным в сложившейся ситуации, связанной с изучением как древностей предскифского периода (Дарган. 2004. С. 211–216; Капшуба. 2000; Махортых. 2003), так и корреляции хронологических схем скифского времени по отношению к древней истории античных памятников.

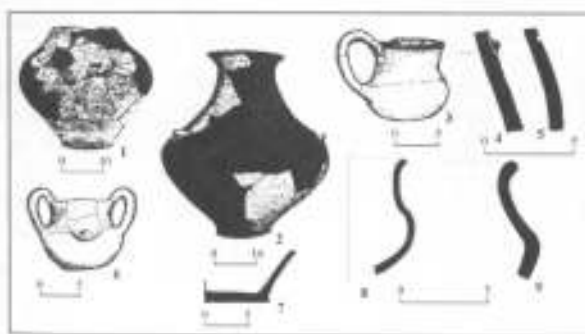

Рис. 1. Керамика из постройки 3 поселения Уч-Баш (прорисовки)

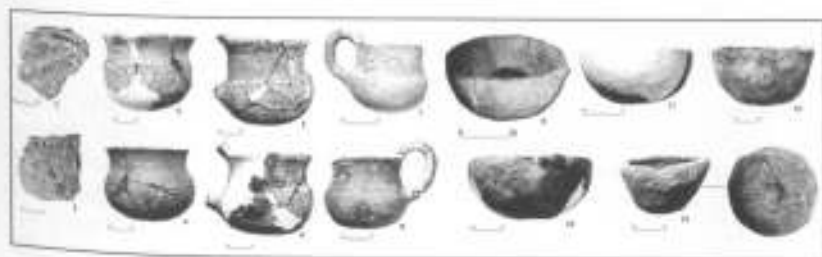

Рис. 2. Керамика из постройки 3 поселения Уч-Баш (фото)

Нелощенная (кухонная) керамика представлена двумя фрагментами стенок от разных сосудов (Рис. 1: 4, 5; 2: 1, 2). Орнамент широко известен на керамике эпохи поздней бронзы – раннего железа и в силу фрагментарности источника более точной датировке не поддается. Лощеная (столовая) керамика (группа типов А1) представлена классическим набором: корчаги, черпаки, кубки, миски, чашки (Рис. 1: 1–3, 6–9; 2: 3–13). Корчаги представлены двумя реконструированными экземплярами и одним донцем (Рис. 1: 1, 2, 7). Корчаги таких типов встречаются на памятниках гальштатского круга, известны их находки и на территории Украины. В культуре Бабадаг они датируются фазой Бабадаг III (Торолэану, Jugănară, 1995. Fig. VI: 3, 4). В культурах полей погребений дунайского региона они появляются несколько раньше и доживают до HaC и скифского времени (Patek, 1968. S. 90). Генезис сосудов данного типа, несомненно, восходит к гальштатским культурам. Круг приведенных аналогий указывает на датировку временем HaC, вероятно, раннюю его фазу около 800–750 г. до н.э. (Тереножкин, 1976. С. 206; Дараган, 2005. С. 283–290). Черпаки/кубки помещения 3 представлены 8-ю целыми и археологически целыми экземплярами и двумя фрагментами (Рис. 1: 3, 6, 8, 9; 2: 3–8). Орнаментация представлена пальцевыми вдавлениями (от трех до пяти) под ребром на стенке, противоположной ручке (Рис. 1: 3; 2: 5–8). Близкие аналоги предоставляет материал одного из поселений у с. Непоротово на Среднем Днестре (Крушельницька, 1985. С. 109–111, Рис. 33: 1, 6–10) и сосуд из погребения кургана 98 Б у с. Парканы (Махортых, 2003. Рис. 36: 18). Подобная форма черпаков и кубков начинает превалировать в культурах восточнобалканского круга с появлением памятников типа басараби. На поселении Бабадаг аналогичные уч-башским формы появляются в комплексах, относимых к фазе III одноименной культуры (Morintz, 1987. P. 52; Торолэану, Jugănară, 1995. Fig. VIII: 2–4). В материале Бабадаг III также встречаются ближайšie аналоги двуручному черпаку (Рис. 1: 6) (Morintz, 1987. Fig. 9: 10, 12, 14). Такой круг аналогий подтверждает датировку временем HaC, самым его началом. Миски и чашки представлены пятью экземплярами (Рис. 2: 9–13). По тесту и манере изготовления они не отличаются от черпаков и кубков. Миски и чашки подобной формы распространены очень широко, как в гальштатских культурах, так и в культурах Северного Причерноморья и Предкавказья. Небольшие вертикально опущенные от закраины отрезки валика встречаются на керамике культур кинелированного гальштата, а также предскифских и раннескифских памятниках украинской лесостепи (Patek, 1968. Taf. XC VII: 16, Крушельницька, 1976. Рис. 37: 16; 1985. Рис. 34: 31; Смирнова, 1984. Рис. 6: 7). В Крыму такая орнаментация на мисках кроме нескольких комплексов Уч-Баши встречается на материале поселений Кизил-Коба и Дружное I (Колоту-

хис. 1996. Рис. 26: 18, 23; 31: 10). Отдельно выделяется миниатюрная чашечка конической формы, нелощенная, непропорционально вылепленная, с омфалом на дне (Рис. 2: 13). В культурах каннелированного гальштата такие чашечки встречаются главным образом в составе инвентаря погребений на довольно широком хронологическом промежутке (см. напр.: Rutek, 1968. Taff. XVI: 1–10, XXI: 1–25; Стоянов, 1997. Табл. V: 41–46), что позволяет предположить их некую обрядную функцию.

К датирующим вещам материала постройки 3 относится также сильно пострадавший в пожаре каменный оселок подпрямоугольной формы с отверстием на конце, сверление которого не было закончено (Инв. № 17/36346). Такие оселки характерны для разных черноморских погребений, но продолжают встречаться и среди инвентаря среднего (переходного) этапа черноморской культуры по О. Р. Дубовской (1996. С. 115–118, см. рисунок; Махортых, 2003. Рис. 2: 2; 11: 11; 21: 9). Вся совокупность аналогий к материалу постройки 3 позволяет предложить датировку этого комплекса в пределах начального этапа Нас. В пределах Уч-башского поселения данный комплекс синхронизируется по особенностям орнамента на керамике с керамическими комплексами шести ям (ямы 5 и 7 – на основе полных аналогий; ямы 3, 4, 44 и 65, возможно, прекратили существование несколько ранее, а так же яма 2 поселения Сахарная головка с идентичным материалом), фрагменты сосудов представленных типов встречаются также в материале верхних слоев, перекрывающих остатки постройки 1, и среди материала постройки 2, не являющейся закрытым комплексом. Как показывает материал, существенные различия в материальной культуре и, прежде всего, в керамическом комплексе разных этапов кизилкобинской культуры не позволяют распространить на нее этноним «тавары», впервые употребляемый в античных источниках Геродотом в V в. до н.э., которым следует именовать население только реально синхронного колонизации этапа. При этом следует все же допускать временное сосуществование предыдущего и вновь инфильтрованного населения по обособленным ландшафтными зонам, что вполне уместно для горной местности.

Материал поселения Уч-Баш представляет собой как минимум три хронологических горизонта предскифского времени. Первый, ранний, рассмотрен нами при публикации постройки 1 этого поселения (Кравченко, 2004. С. 52–66). Материал постройки 3, вероятно, маркирует финальную фазу предскифского периода в Крыму, будучи частично синхронным фазе РСК-1 украинской лесостепи (Дараган, 2004. С. 111–113). Он также определяет финал раннего этапа так называемой кизилкобинской культуры и маркирует то самое изменение в культурных типах, в том числе и керамике, вполне резонно связываемое исследо-

вателями с изменением исторической ситуации в причерноморской степи. Следует предположить, что последующее появление подкурганых захоронений вытянуто на спине с широтной ориентировкой в долине р. Салгир связано именно с этими изменениями.

Литература

- Дараган. 2004 – М. Н. Дараган. Хронология Жаботинского поселения // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. 2.
- Дараган. 2005 – М. Н. Дараган. О финале культуры позднего чернолесья в Среднем Поднпровье // На пошану Софії Станіславівни Березанської (збірка наукових праць). К., 2005.
- Дубовская. 1996 – О. Р. Дубовская. Этапы черниговской культуры (в плане относительной хронологии) // Между Европой и Азией. Кавказ в IV–I тис. до н.э. М-лы конф., посвященной 100-летию со дня рождения А. А. Нессена. СПб., 1996.
- Кашуба. 2000 – М. Т. Кашуба. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура козья-сахарна) // STRATUM plus. 2000. № 3.
- Колотухин. 1996 – В. А. Колотухин. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. К., 1996.
- Кравченко. 2002 – Е. А. Кравченко. Південний Крим за античними джерелами та легенда про таврів // Наукові записки НаУКМА. Історичні науки. К., 2002. Т. 20. Читання пам'яті М. Браїчевського. Ч. 1.
- Кравченко. 2004 – Е. А. Кравченко. О методике датировки керамики кизил-кобинской культуры // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. М-лы II Сулакской междунар. конф. (12–16 сентября 2004 г.). Киев, Судак, 2004. Ч. 1.
- Кравченко. 2004 а – Е. А. Кравченко. Матеріали доби пізньої бронзи з поселення Уч-Баш // Археологія. 2004. № 4.
- Крис. 1981 – Х. И. Крис. Кизил-кобинская культура и тавры М., 1981. – (САИ. Вып. Д 1–7).
- Крушельницька. 1976 – Л. І. Крушельницька. Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза. К., 1976.
- Крушельницька. 1985 – Л. І. Крушельницька. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. К., 1985.
- Лесков. 1965 – А. М. Лесков. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. К., 1965.
- Махортых. 2003 – С. В. Махортых. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. К., 2003.
- Немировский. 1982 – А. И. Немировский. Теоретические аспекты античной историографии // ВИ. 1982. № 2.
- Пьянков. 1997 – И. В. Пьянков. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997.
- Русяева, Русяева. 1999 – А. С. Русяева, М. В. Русяева. Верховная богиня античной Тавриды. К., 1999.

- Скрябинская. 1991 – М. В. Скрябинская. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. К., 1991.
- Смирнова. 1984 – Г. И. Смирнова. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре. На материалах поселения Днестровка-Лука // АСГЭ. Д., 1984. № 25.
- Стоянов. 1997 – Т. Стоянов. Могилен некропол от ранножелезната епоха. «Сборяново» I. София, 1997.
- Тереножкин. 1976 – А. И. Тереножкин. Киммерийцы. К., 1976.
- Толстой. 1918 – И. И. Толстой. Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте. Пг., 1918.
- Шпет. 1990 – Г. Г. Шпет. Герменентика и ее проблемы // Контекст за 1989 г. М., 1990.
- Mornitz. 1976 – S. Mornitz. Hallstattul timpuriu și mijlociul în zona istro-pontică // Thraco-Dacica. 1987. T. 8.
- Topoleanu, Jugănaru. 1995 – F. Topoleanu, G. Jugănaru. Așezarea de tip Babadag de la Niculițel-«Cornet» (Județul Tulcea). Săpăturile de salvare efectuate în 1988 // Peuce. 1995. T. XI.
- Patek. 1968 – E. Patek. Die Urnenfelderkultur in Transdanubien. Budapest, 1968.
- С. Ф. Стржелецкий. Отчет о раскопках раннеставровского поселения Уч-Баш. Севастополь, 1953 г. // НА НЗХТ. Д. 690/1.
- С. Ф. Стржелецкий. Дневник и фотографии к отчету // НА НЗХТ. Д. 690/1 а.
- С. Ф. Стржелецкий. Дневник // НА НЗХТ. Д. 690/1 б.
- С. Ф. Стржелецкий. Черновой материал // НА НЗХТ. Д. 1321.

К. Б. Фирсов

Богатый курган скифского времени у с. Покровка Таврической губернии (1897 г.)[†]

В 1897 г. крестьянами Ф. Чистиковым и М. Остапенко совместно с четырьмя односельчанами был «разрыт... в нескольких местах» курган у с. Покровка Мелитопольского уезда Таврической губернии. Грабителями были найдены различные древние металлические предметы, впоследствии переданные Таврическим губернатором Лазаревым в Императорскую Археологическую комиссию, откуда в свою очередь в 1906 г. поступили в ГИМ (Отношение ИАК от 28 июля 1906 г. № 921). ИАК была предпринята попытка доследовать курган, в котором «тамошние крестьяне... нашли различные древности». Дальнейшее изучение кургана было поручено в 1897 г. заведующему Керченским музеем древностей К. Е. Думбергу. Несмотря на то, что были выделены сред-

[†] Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 04-01-00246а).

ства на путевые расходы и производство работ, исследование Покровского кургана не состоялось и было отложено «до более благоприятного времени» (Подробно об истории изучения кургана у с. Покровка см. Фирсов. 2005. С. 322–327). Таким образом, в настоящее время для анализа материалов из кургана мы располагаем металлическими предметами, происходящими из грабительских раскопок, и отдельными отрывочными сведениями о размерах насыпи и погребальном обряде, выявленными в архивных документах. Коллекция предметов скифского времени, найденных в кургане, хранится в ГИМ (Инв. № 43933. Оп. Б 256), а материалы, освещающие историю открытия этого погребального памятника, находятся в научном архиве ИИМК РАН (Архив ИИМК РАН. Фонд № 1. Д. № 76/ 1897 г.; Д. № 51/ 1897 г.).

В ряде архивных документов содержится информация, важная для интерпретации найденных в кургане захоронений. Курган «почти одинаковой величины с Деевым курганом⁸... Катакомбы в нем, очевидно, не имеется и вещи... были найдены в гробнице, находившейся сейчас под курганною насыпью» (Д. № 51/ 1897 г. Л. 85). Вещи из конских погребений были найдены крестьянами в «небольшом кургане» «в открывшемся на глубине трех аршин туннеле» (около 2,13 м) (Д. № 76/ 1897 г. Л. 1, об.). Из имеющихся сведений мы можем заключить, что по внешним параметрам курган у с. Покровка, вероятно, был близок к Дееву. Коллекция предметов из кургана насчитывает не менее 64 предметов из железа, бронзы, серебра и золота, записанных под 13 номерами. В фонде хранится также большое количество фрагментов вещей, в частности, круглых серебряных блях. Впервые о находке этих предметов сообщается в Отчете ИАК за 1897 г. (ОАК за 1897 г. С. 169). Краткая публикация материалов Покровского кургана в числе других серогозских древностей (в том числе и Деева кургана) принадлежит А. А. Спицыну (Спицын. 1906. С. 172–174). Отдельные предметы из кургана были опубликованы в различных научных статьях и музейных каталогах (см. например: Канторович. 1996. С. 49. Рис. 2, 19; Кош и всадник. 2003. С. 34. Кат. 53–54; Hoddinot. 1990. P. 140. Fig. 3⁹).

Сохранилось 7 фрагментов золотых седельных украшений, которые складываются в две пластины. Одна из пластин собирается полностью (Рис. 1, 2), другая частично – недостает нескольких фрагментов

⁸ Диаметр Деева кургана – 70 сажень (около 149 м), высота – 2 сажени (около 4,3 м).

⁹ R. F. Hoddinot ошибочно указывает, что налобник с головой коня происходит из Александровского кургана, в то время как он найден в кургане у с. Покровка.

(Рис. 1, 1). Пластины вырезаны (вырублены ?¹⁰) из тонкого листового золота и имеют фигурные выступы в форме лепестков или язычков и отверстия для крепления по краям. У целой пластины 7 выступов, у другой их осталось 5. Длина пластины – до 26,2 см, высота выступов – 4–8,2 см.

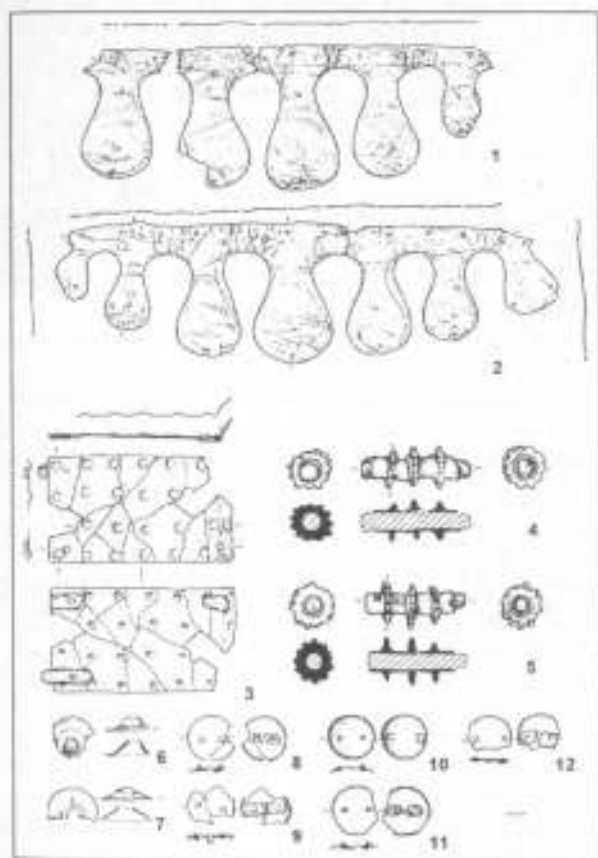

Рис. 1. Предметы конского убора из кургана у с. Покровка Таврической губернии: 1–2 – седельные украшения; 3 – пластины; 4–5 – фрагменты удили; 6–7 – борзарики; 8–12 – блики – украшения оголовья. 1–2 – золото; 3 – серебро, железо; 4–5 – бронза, железо; 6–7 – серебро; 8–12 – серебро, бронза

¹⁰ По краям пластины, особенно на фигурных выступах, хорошо видны следы работы тонкого неширокого инструмента.

На пластинах прослеживается первоначальная разметка листового золота в виде прочерченных линий. Накладки подобного назначения и близкого облика известны в Александропольском кургане, Чертомлыке, Козле, Огузе, Желтокаменке (Алексеев, Мурзин, Ролле. 1991. С. 93, Кат. 48–50; Переводчикова, Фирсов. 2005). Они, как правило, имеют различную конфигурацию и количество фигурных выступов. Так, в Чертомлыке и Козле подобные пластины имеют по 4 выступа в форме гриба с широкой шляпкой. Выступы расположены от большего к меньшему. Отверстия на этих пластинах находятся по краю «длинки» каждого выступа, а также по длинному краю пластины. Кроме этого пластины имеют изогнутую форму. В Покровском же кургане напротив, выступы имеют форму лепестков или язычков без шляпок, в центре пластины расположены наиболее крупные выступы, а к краям они уменьшаются в размерах. Пластины не изогнуты. На нижнем крае «лепестков» расположено только по 1 отверстию (в одном случае – 2). Края пластин косо срезаны.

В коллекции присутствует один комплект железных двухсоставных витых удил с псалнями и дополнительными петлями для поводка¹¹. Псални S-видные с восьмеркообразным расширением и двумя отверстиями в центре, на концах псалней – утолщения. Петли для поводка имеют восьмеркообразную форму. Похожие псални найдены в Краснокутском кургане (Мелюкова. 1981. С. 60. Рис. 15, 7). Известны подобные удила и псални и во Фракии. S-видные псални происходят из Agighiol (Berciu. 1969. Fig. 39, 42; Berciu. 1974. Fig. 79) и Панагюрище (Венедиков. 1957. Обр. 7). Близкие покровским восьмеркообразные кольца найдены как в Краснокутском кургане, так и в Тырговище и Панагюрище (Венедиков. 1957. Обр. 6, а; 7; Мелюкова. 1981. Рис. 17, 3; 16, 6). Среди предметов из Покровки хранятся также 2 железных стержня с надетыми на них бронзовыми зубчатыми колесиками и бронзовыми цилиндрическими трубочками-муфтами между ними (по 3 колесика на каждом) (Рис. 1, 4–5) (длина – 5,6 и 6,2 см, диаметр колесиков – до 2,4 см, диаметр стержня – 0,6–1,2 см), а также 2 отдельных зубчатых колесика (диаметр – 2,1 и 2,3 см). Колесики и муфты литые и встречены в двух вариантах: отдельные колесики и колесики, отлитые вместе с муфтой (в центре или по ее краю). Очевидно, это фрагменты строгих удил редкого типа. На территории Скифии они встречены, кроме Покровки, только в Краснокутском кургане (в 3 экз.) и в кургане IV в. до н.э. у с. Ладьжичи (Мелюкова. 1981. С. 54. Рис. 16, 4; 17, 8). Более известны подобные сложные двухсоставные удила во Фракии, где они встречены в Сопоте, в погребении в районе Бухареста и других

¹¹ В настоящее время предмет находится на реставрации (изображение отсутствует).

(Венедиков, 1957. Обр. 14, 24; Мелюкова, 1981. С. 57. Рис. 16, 5, 7). Появляются они на этой территории в конце V в. до н.э. и существуют в различных вариантах до первых веков нашей эры (Венедиков, 1957. Обр. 35). Найдены подобные предметы и в Agighiol, однако там колесики надеты на стержень удила без цилиндрических трубочек-муфт, непосредственно одно к одному (Berciu, 1969. Fig. 39, 5; 41, 8; 42; Berciu, 1974. Fig. 27, 3; 31; 79). Здесь такие удила находятся в комплекте с S-видными пашнями (Berciu, 1969. Fig. 39; 42; Berciu, 1974. Fig. 79).

В фонде находится большое количество серебрянных круглых блях различного диаметра и их фрагментов (Рис. 1, 8–12; 2, 7, 11–14). Они, вероятно, являются украшениями оголовья коней. Всего насчитывается 27 экз. целых и частично фрагментированных блях и около 70 фрагментов. Бляхи гладкие, слегка выпуклые с загнутым по окружности бортиком и, с выступающими на лицевой стороне заклепками, которые служат для крепления медных пластинчатых петель на обороте. Петли изготовлены из тонких подпрямоугольных медных пластинок шириной до 0,8 см. Выделяется 3 размерные группы по диаметру: 2,4–2,6 см (Рис. 1, 8–12); 3,4–3,6 см (Рис. 2, 11–14); 4,3–4,5 см (Рис. 2, 7). Подобные украшения узды известны из фракийских памятников Agighiol и Craiova (Berciu, 1969. Fig. 41, 1, 3; 47, 3; 102; Berciu, 1974. Fig. 32, 11; 69). На территории Скифии очень похожие бляхи найдены в комплексах украшений оголовья фракийского облика из конских погребений Хоминной Могилы. У каждого коня присутствовали по 2 такие бляхи (диаметр – 4,5–4,7 см), имеющие петлю на обороте из серебрянной пластины (Мозолевский, 1973. С. 213. Рис. 27; 30). В скифских царских курганах круглые бляхи также нередко присутствуют в составе украшений конского оголовья (в основном, от 2 до 6 блях в каждом комплексе) и, хотя некоторые из них и имеют сопоставимые размеры с бляхами из Покровки, все они, тем не менее, относятся к абсолютно иным типам (Ильинская, 1973. Рис. 5, 8–9; 8, 3, 6; Мелюкова, 1981. Рис. 20, 8–11; 21, 4–7; 22, 2; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. С. 87. Рис. 56, 1, 3, 4; 6; Кат. 22; 24; Переводчикова, Фирсов, 2005).

В кургане было найдено 2 серебрянные ворварки (диаметр основания – до 2,8 см, высота – 0,8 см), которые сохранились во фрагментах (Рис. 1, 6–7). Они имеют усеченно-коническую форму без граней и немного приплюснуты к основанию. Ворварки, вероятно, входили в комплект конской упряжи. На территории Скифии нередки находки подобных предметов, немного различающихся по форме (Ильинская, 1973. Рис. 5, 3; 8, 2; Мелюкова, 1981. Рис. 20, 12; 21, 8–9; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. С. 85. Рис. 60. Кат. 11, 44, 46, 48, 50–55; Переводчикова, Фирсов, 2005). Обычно в состав уздечного набора каждой лошади входило по 2 ворварки.

В Покровском кургане были обнаружены 3 ажурные литые серебряные бляхи с изображением лежащих оленей с длинными рогами (Рис. 2, 8–10) (длина – 3–3,6 см; высота – 2,3–2,8 см), вероятно, также являющиеся украшениями оголовья лошади. На обороте каждой бляхи – вертикально расположенная массивная литая петля. На двух предметах изображены олени, смотрящие направо (Рис. 2, 8–9), еще на одном – налево (Рис. 2, 10).

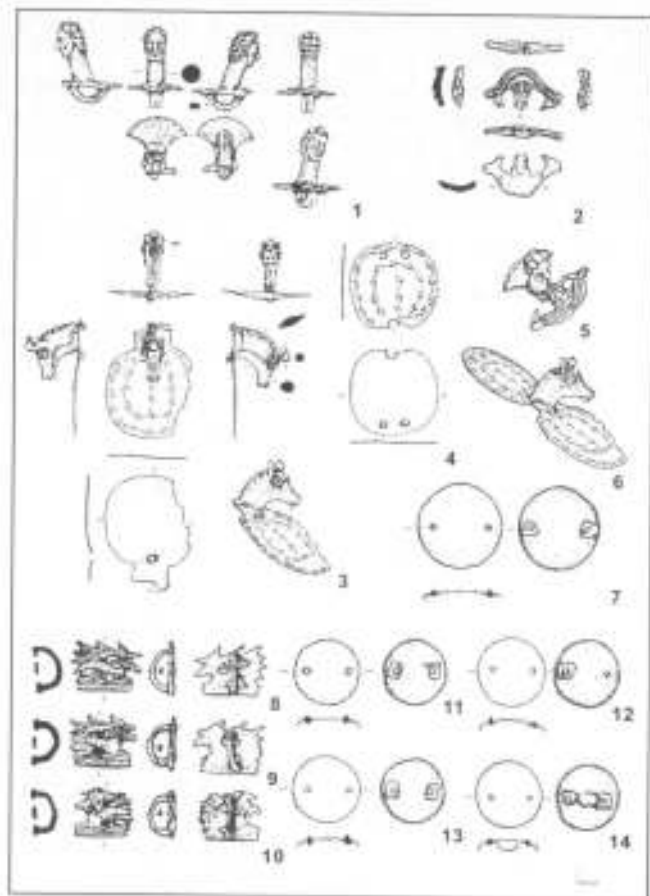

Рис. 2. Предметы конского убора из кургана у с. Покровка Таврической губернии: 1–6 – налобники (наносинки); 7, 11–14 – бляхи – украшения оголовья; 8–10 – бляхи с изображением оленей. 1–6, 8–10 – серебро; 7, 11–14 – серебро, бронза

На отдельных участках блях сохранился орнамент в виде вертикальных или косых углубленных насечек. Тема лежащего оленя была широко распространена в искусстве Степной Скифии. Известные изображения этих животных из скифских памятников были собраны А. Р. Канторовичем в специальной работе (Канторович, 1996). Относя Покровские бляхи к группе изображений лежащих оленей 2 половины IV в. до н.э., автор статьи отмечает их чрезвычайный схематизм и считает, что они в целом представляются маргинальными в данной группе (Канторович, 1996. С. 49, 56. Прим. 9).

Среди предметов, найденных в кургане у с. Покровка, находились многочисленные фрагменты серебряных тонких листовых пластин, украшенных выпуклостями. Из них удалось частично собрать прямоугольную пластину (длина – 10,4 см, ширина – 5,9–6 см) (Рис. 1, 3), которая в 6–7 см от края одной из ее коротких сторон была загнута вверх под углом около 45°. Еще по крайней мере одна такая же пластина собирается частично. Каждый предмет украшен 7 рядами «жемчужин» по 4 выпуклости в каждом (всего 28), выдавленными с тыльной стороны. На обороте одной из пластин сохранились фрагменты железных полосок, очевидно, первоначально проходивших по краям двух длинных сторон предмета. Они закреплены на пластине в районе ее углов серебряными заклепками, которые выходят на лицевую сторону. Риску предположить применение подобных предметов в качестве конских нащечников (налобников) или деталей нагрудного убора. В качестве отдаленных аналогий подобным предметам пока можно назвать лишь предметы из уздечного набора № 2 Хоминной Могилы, где орнаментированные подпрямоугольные пластины из листового серебра выполняли роль нащечников. К ремням узды украшения крепились при помощи железных петель, соединенных с бляхами серебряными заклепками (Мозолевский, 1973. С. 220. Рис. 30, 31). В Краснокутском кургане в уздечном наборе четвертой лошади в качестве нащечников служили тонкие пластины четырехугольной формы с гравированным орнаментом (на обороте – серебряные петли) размерами 8,4 x 6,4 см (Мелюкова, 1981. С. 75–76. Рис. 22, 3). Орнамент пластин из Покровки, состоящий из рядов «жемчужин», находит аналогию в памятниках Скифии и Фракии (Александропольский курган, Панагюрище, Хоминя Могилы, Краснокутский курган и другие) (Мозолевский, 1973. Рис. 30; Мелюкова, 1981. Рис. 20, 2–7; Переводчикова, Фирсов, Яценко, 2002. С. 145–149; Переводчикова, Фирсов, 2004).

В составе коллекции находятся также фрагменты серебряного фигурного нащечника¹², украшенного углубленными линиями, про-

¹² В настоящее время предмет находится на реставрации (изображение отсутствует).

странство между которыми заштриховано. Такой орнамент в виде рифленой полосы характерен для произведений фракийского искусства и находит многочисленные аналогии (Мелюкова. 1976. Рис. 7, 9–12; 8; Мелюкова. 1981. Рис. 19, 2–3; 27, 1, 9, 124; Berciu. 1969. Fig. 45, 1–2). Также в кургане были найдены серебряный конский налобник с пластинчатым основанием и с, расположенным перпендикулярно по отношению к основанию, объемным изображением головы лошади (Рис. 2, 3), и серебряная пластина, считавшаяся фрагментом другого налобника (Рис. 2, 4). При ближайшем рассмотрении они оказались частями одного предмета (Рис. 2, 6) (длина – 10,4 см, высота – до 3,5 см). Основание имеет восьмерковидную форму и состоит из 2 округлых частей, соединенных перемычкой. На задней части пластины расположены 2 отверстия для крепления. Пластины украшены орнаментом, состоящим из кружков с точкой в центре, соединенных линиями. В «перемычке» сделаны 2 отверстия, куда вставлена и приклепана снизу скульптурная головка лошади, тщательно проработанная в деталях. Поверхность фигурки в отдельных местах украшена углубленными линиями (в частности, ими показана грива). Сверху головы лошади находится округлый выступ. Подобные изображения лошадей известны во фракийском искусстве (Fol, Marazov. 1977. P. 42; 106–107; Die Thraker. 2004. Kat. № 206 i; 246 k; 246 i). Трактовка лошадиной головы на налобнике из Покровки близка к оформлению голов коней на фракийских ритонах (показан выступ на голове лошади) (Marazov. 1978. С. 38. Обр. 30; Die Thraker. 2004. P. 195. Kat. № 226 c). Также в фонде хранятся серебряный налобник со скульптурным хорошо моделированным изображением головы человека (мужчины) с кудрявыми волосами и с длинной шеей (Рис. 2, 1) и другое фрагментированное изображение головы человека (женщины?), держащегося за волосы руками (Рис. 2, 2). После тщательного изучения этих предметов оказалось, что они представляют собой единое целое – серебряный конский налобник (длина – 4 см, высота – 4,3 см). В результате получилась композиция из двух соединенных человеческих фигур (мужчины и женщины), смотрящих друг на друга и расположенных под углом друг к другу (Рис. 2, 5). Сзади налобник имеет пластинчатое основание в виде сегмента круга, украшенное углубленными линиями. Снизу расположена массивная литая петля с углубленной бороздкой посередине. Композиция налобника является уникальной. Вообще, антропоморфные сюжеты на конских налобниках редки. Назову лишь близкое изображение головы человека на налобнике из Свишар (Berciu. 1974. Fig. 75; Мелюкова. 1976. Рис. 5, 2). Обычно на подобных предметах помещались фигуры фантастических животных (см. например, Мелюкова. 1976. Рис. 3–5; Манцевич. 1980. Рис. 6). Близкие по стилю изображения головы мужчины с кудрявыми волосами известны во Фракии

(бюст из Перету, поножи из Agighiol и т.д.) (Die Daker. 1980. Fig. 34; Орретманн. 1984. S. 129. Fig. 65; Маразов. 1994. Обр. 83, X). Фрагмент налобника в виде женской головы с типичной прической находит аналогии на сосудах из Рогозенского клада, Стрелча (Маразов. 1994. Обр. 24а; 27; 30; 32б; Die Thraker. 2004. Кат. № 228; 230 а), нашечниках из Огуза (Маневич. 1980. Рис. 3, 3) и в других памятниках. В поисках параллелей сюжету изображения на налобнике из Покровки обратимся к фракийской мифологии. Наиболее близким нашему предмету представляется изображение на одной из аппликаций клада из Летница (Fol, Marazov. 1977. P. 38; Маразов. 1994. Обр. 17; Die Thraker. 2004. Кат. № 246I). Здесь показана сцена хieroгамии («Священного брака»): физический союз богини-дочери и героя-сына. Позади них стоит Великая Богиня. Это изображение относится к группе сюжетов, в основе которых лежат мифы, связанные с инициацией молодых индоевропейских воинов (Fol, Marazov. 1977. P. 38; Маразов. 1994. С. 41–42). Не исключено, что на налобнике из Покровки представлена такая же сцена «Святой свадьбы»¹³.

По некоторым сведениям, содержащимся в архивных документах, в коллекции могли присутствовать еще 7 золотых бляшек в виде полуцилиндров с головками кабана (Спидын. 1906. С. 172). Однако эти предметы никогда не передавались и не поступали в ГИМ. В дальнейшем предстоит разобраться в происхождении этих бляшек и их наличии или отсутствии в Покровском комплексе (подробнее по этому вопросу см. Фирсов. 2005. С. 322–327).

Подводя итог вышесказанному, отмечу, что курган у с. Покровка как по внешним параметрам, так и по характеру и составу погребального инвентаря, принадлежит к серии погребений скифской знати IV в. до н.э. Вероятно, в кургане было захоронено не менее двух лошадей, а, возможно, и больше, учитывая количество круглых блях. Серебряные и золотые предметы из Покровки, как показал проведенный рентгено-флуорисцентный анализ (РФА), выполнены из высокопробных металлов. Комплекс вещей конского убора имеет выраженный фракийский облик. Металлические предметы из этого захоронения находят аналогии как во фракийских памятниках, так и в ряде скифских курганов Северного Причерноморья. Наиболее близкими, как представляется, являются комплексы из Краснокутского кургана и Хоминьей Могилы, а также из Александропольского кургана, Огуза, Чертомлыка, Козла и других.

¹³ Развивая вышеперечисленные соображения, гипотетически можем предположить, что конь, у которого была узда с таким налобником, мог принадлежать воину, только что перешедшему порог совершеннолетия и прошедшему ритуал инициации.

Литература

- Алексеев, Мурзин, Ролле. 1991 – *А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурзин, Р. Ролле*. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.). К., 1991.
- Венедиков. 1957 – *Ив. Венедиков*. Тракийската юзда // Известия на Археологическия институт. XXI. София, 1957.
- Ильинская. 1973 – *В. А. Ильинская*. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. К., 1973.
- Канторович. 1996 – *А. Р. Канторович*. «Летящие» и лежащие олени в искусстве звериного стиля Степной Скифии // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Армавир, М., 1996. Вып. 2.
- Конь и всадник. 2003 – *Конь и всадник. Взгляд сквозь века*. Буклет выставки. 21 марта – 29 сентября 2003 г. М., 2003.
- Манцевич. 1980 – *А. П. Манцевич*. Об уздечках фракийского типа из кургана Огуз // Actes du 11e Congrès international de Thracologie (Bucarest, 4–10 sept. 1976). Bucaresti, 1980.
- Мелокова. 1976 – *А. И. Мелокова*. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- Мелокова. 1981 – *А. И. Мелокова*. Краснокутский курган. М., 1981.
- Мозолевский. 1973 – *Б. Н. Мозолевский*. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе из Днепропетровщины // Скифские древности. К., 1973.
- ОАК за 1897 г. – ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
- Переводчикова, Фирсов. 2004 – *Е. В. Переводчикова, К. Б. Фирсов*. Орнаментированный предмет из кургана Козёл: пережиточный гальштатский стиль в скифских царских курганах? // Археологические вести. СПб., 2004. Вып. 13.
- Переводчикова, Фирсов. 2005 – *Е. В. Переводчикова, К. Б. Фирсов*. К реконструкции убора коней из кургана Козёл // Сборник памяти В.С. Озидовского. М. (в печати).
- Переводчикова, Фирсов, Яценко. 2002 – *Е. В. Переводчикова, К. Б. Фирсов, Н. В. Яценко*. Фрагменты орнаментированного предмета из кургана Козёл // Боспорский феномен: погребальные памятники и святыни. Материалы международной научной конференции. СПб. Часть II.
- Спицын. 1906 – *А. А. Спицын*. Сероготские курганы // Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб. Вып. 19.
- Фирсов. 2005 – *К. Б. Фирсов*. К истории изучения кургана у с. Покровка Таврической губернии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф. VI. Боспорские чтения. Керчь, 2005.
- Berciu. 1969 – *D. Berciu*. Arta Traco-Getică // Biblioteca de Arheologie. XIV. Bucuresti, 1969.
- Berciu. 1974 – *D. Berciu*. Contribution à l'étude de l'art Thracico-Gète // Bibliotheca Historica Romaniae. Monographies. XIII. Bucuresti, 1974.
- Die Daker. 1980 – *Die Daker*. Archäologie in Rumänien. Mainz am Rhein, 1980.

- Die Thraker. 2004 – Die Thraker. Das goldene Reich des Orpheus. 23 Juli – 28 November 2004. Bonn, 2004.
- Fol, Marazov. 1977 – *A. Fol, I. Marazov. Thrace & Thracians*. London, 1977.
- Hodddinott. 1990 – *R. F. Hodddinott. Les Thraces*. Paris, 1990.
- Маразов. 1978 – *И. Маразов. Ритоните в древна Тракия*. София, 1978.
- Маразов. 1994 – *И. Маразов. Митология на траките*. София, 1994.
- Oppermann. 1984 – *M. Oppermann. Thraker zwischen Karpatenbogen und Ägäis*. Leipzig, Berlin, 1984.

А. Е. Пуздровский

Клиновое оружие Крымской Скифии I–III в. н.э.

До недавнего времени находки мечей и кинжалов в позднескифских могильниках Крыма первых в. н.э. были нечастым событием и известны всего на нескольких памятниках: Неаполе, Заветном, Скалестом III, Бельбеке I и IV, Усть-Альме. Они достаточно подробно проанализированы (Симошенко. 1984; 1986; Simonenko. 2001; Бабенчиков. 1949; Богданова. 1989; Симонович. 1983; Богданова, Гущина, Лобода. 1976; Гущина. 1974; 1982; Высотская. 1979; 1994; Дашевская. 1991). Раскопки последних десятилетий, в первую очередь Усть-Альминского некрополя, значительно пополнили эту категорию погребального инвентаря, что в сочетании с другими данными привело к пересмотру ряда устоявшихся представлений о военном деле Крымской Скифии в I–III в. н.э. Выяснилось, что основное влияние на его развитие оказали сарматский мир и Боспор.

Мечи и кинжалы с кольцевым навершием. Классификация, технология, территория распространения и генезис данного типа оружия имеют обширную историографию. В Северном Причерноморье данный тип оружия известен с конца II в. до н.э. и доживает до II–III в. н.э. (Симошенко. 1984. С. 141, 142). В некрополе Неаполя меч с навершием на ручку-птырь кольцевым навершием найден в воинском захоронении первой половины III в. н.э. (Бабенчиков. 1949. С. 116–118 Рис. 7 б), а в Бельбеке IV – в погребении конца II – первой половины III в. (Гущина, Журавлев. 1999. С. 164). В Битакском могильнике короткий меч (Рис. 2, 3) происходит из воинского захоронения начала II в. н.э. (Пуздровский. 2001. С. 134–139. Рис. 10, 2). Два меча и два кинжала обнаружены в Заветном в погребениях I, II и II–III в. (Богданова. 1989. С. 57–59, 65, 66. Табл. XXII, 1, 2).

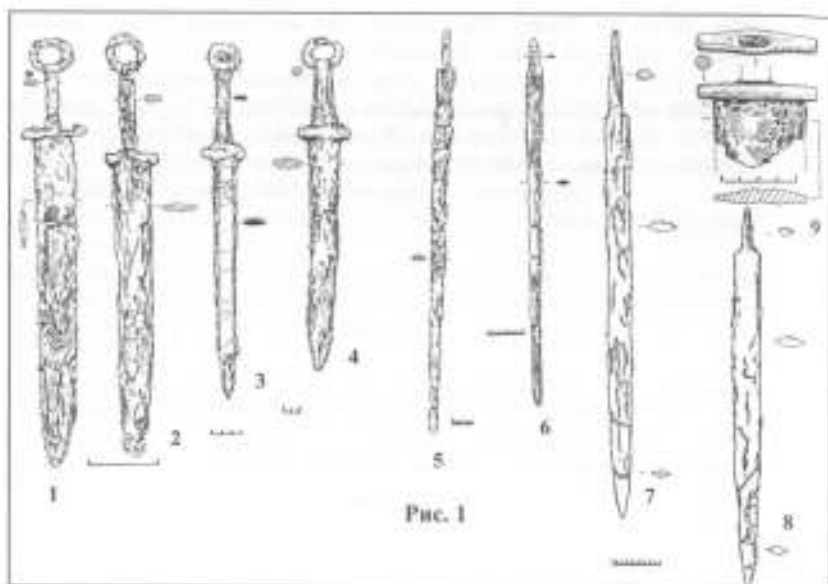

Рис. 1

Рис. 1. Мечи и кинжалы из позднескифских могильников Крыма. Усть-Альма: 1 – склеп 612, п. 1; 2 – склеп 612, п. 3; 3 – склеп 620, п. 2; 4 – склеп 619, п. 4; 5 – склеп 619, п. 1; 7 – склеп 439, п. 26; 8 – склеп 439, п. 20; 9 – из грабительских раскопок. Битая: 6 – могила 68

Наиболее представительна серия из Усть-Альминского некрополя (Высотская. 1994. С. 86–88. Рис. 28, 1–3. Табл. 31, 33; 39, 13; 43, 34), особенно пополнявшаяся в результате охранных раскопок 1993–2004 г. Сейчас уже известно более 30 находок мечей и кинжалов рассматриваемого типа¹⁴. Наиболее яркие и хорошо сохранившиеся экземпляры клинков происходят из захоронений второй половины I в. н.э. Так в нижнем ярусе склепа 590 (около середины I в. н.э.) в мужском погребении 21 вместе с комплектом вооружения из двух луков и колчанного набора из 50 стрел найден кинжал в деревянных ножнах, обтянутых тонкой красной кожей. В богатых воинских захоронениях склепа 612 середины I в. н.э., найдены два меча (Рис. 1. 1, 2). Тем же временем датируются воинские погребения с мечами этого типа в склепе 777 (Рис. 2. 1, 2). В склепе 620 середины – третьей четверти I в. н.э. меч-кинжал находился в деревянных ножнах, которые украшала прямоугольная полоска золотой фольги (Рис. 1. 3). Наиболее близко оформ-

¹⁴ Неизвестно, какое количество комплексов с оружием уничтожено грабителями.

ление золотой накладки на ножны в форме ивового листа меча из кургана 17/1 Барановки, датирующегося не позже рубежа I-II в. н.э. (Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1989. С. 43, 44. Рис. 26). В могиле 700 (первой половины II в. н.э.) найден парадный меч в деревянных ножнах с четырьмя лопастями у перекрестия и в нижней части клинка, украшенными бронзовыми бляхами с позолотой (Рис. 2, 4). Наиболее хронологически близкие параллели оформлению ножен – на Дону, в могильнике Центральный VI (курган 16, погр. 8), где лопасти несохранившихся деревянных ножен были украшены крупными серебряными полусферическими бляшками (Безуглов. 1988. С. 103. Рис. 1, 1; 2, 14). Богато орнаментированные ножны и лопасти известны в сарматских погребениях I в. н.э.: курган № 1 у Зубовского хутора (Гушина, Засецкая, 1989. С. 73, 74, 115, 116. Табл. XI, 118, 119, 124), погребение 4 в Тыши-Тепе (Сарианиди. 1983. С. 80–88. Рис. 45–50; 1989), курган у г. Азова (Беспалый. 1992. С. 185–187. Рис. 11, 12), Косика (Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1993. С. 157. Рис. 10), Горгиппия (Шедевры... 1987. С. 68. Рис. XLVI. Кат. № 250). Большинство исследователей видит прототипы таких ножен в деревянных моделях погребений Горного Алтая (Скрипкин. 1990. С. 206, 207; Симоненко, Лобай. 1991. С. 40–41; Беспалый. 1992. С. 190).

Мечи и кинжалы без металлического навершия и перекрестия. Этому типу клинков также посвящено много работ. А. В. Симоненко на территории Северного Причерноморья выделяет такое оружие в тип мечей и кинжалов с рукоятью-штырем (1984. С. 142–145) и полагает, что у поздних скифов они широко распространяются с I в. н.э., получив развитие от латенских образцов (1986, с. 52). Для сарматских территорий генезис этого оружия разработан К. Ф. Смирновым (1980. С. 40–43), допускается влияние «синдо-меотской» традиции на формирование мечей без навершия у сарматов, когда они контактировали с мётами в Прикубанье (Симоненко. 1986. С. 53). В позднескифских могильниках раннего этапа это оружие встречается нечасто. В качестве прототипов обычно называют мечи конца I в. до н.э. – рубежа н.э. из ящика XXXII мавзолея (Погребова. 1961. Рис. 34, 1) и сарма 38 Беджуса (Дашевская. 1991. Табл. 61, 10). Как меч из мавзолея, так и фрагмент из Кольчугино, связываются с влиянием сарматских традиций (Погребова. 1961. С. 116; Храпунов, Масякин, Мульд. 1997. С. 97, 98. Рис. 19, 3). Единичность таких находок и сомнительность их эволюции от латенских экземпляров не позволяют считать данный тип мечей «позднескифским» (Симоненко. 1986. С. 52, 55, 56), тем более, что длинные мечи без навершия и перекрестия известны в раннесарматских погребениях I в. до н.э. (Раев. 1979. С. 200–262; Симоненко. 1984. С. 145) и более раннего времени (Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1989. С. 103. Рис. 80, 8). Значительно возрастает количество

рассматриваемых мечей после середины I в. н.э. В Неапольском могильнике один экземпляр обнаружен в комплексе II в. н.э. (Сымонович. 1983. С. 73. Табл. XIV, 6), в Битакском – длинный меч (Рис. 1, 6) и два кинжала – в воинских и детском захоронениях начала II в. н.э. (Пуздровский. 2001. С. 124–133. Рис. 3, 2; 5, 3; 7, 10). Тем же временем датируется погребение «аланского военачальника» с коротким мечом (Высотская. 1979. С. 201–203)¹⁵. В Заветном такое оружие обнаружено в трех погребениях II в. (Богданова. 1989. С. 59, 65. Табл. XXII, 3, 4), тем же временем датируются кинжалы из могильника Бельбек IV (Гушина. 1982. С. 26. Рис. 10, 49; Ахмедов, Гушина, Журавлев. 2001. С. 183. Рис. 9, 1, 2).

Достаточно представительная серия происходит из Усть-Альмы (Высотская. 1994. С. 88. Табл. 2, 21). В последнее десятилетие количество находок клинков этого типа достигло уже двух десятков. Наиболее ранние экземпляры мечей обнаружены в нижнем ярусе склепа 439 и датируются около середины I в. н.э. (Рис. 1, 7, 8). Клинок длиной 109 см (с ручкой) найден в верхнем ярусе склепа 619 – начала II в. н.э. (Рис. 1, 5). В склепе 703 было три захоронения начала II в. н.э., причем одно – женское. В мужских найдены меч и кинжал, в женском – кинжал. Наиболее поздние экземпляры (середина III в. н.э.) происходят из захоронения сармато-аланского воина на Усть-Альминском городище (Высотская. 1994. С. 145. Рис. 42) и погребения всадника с бронзовыми шпорами и деталями конской узда из могилы 28 могильника Скалистое III (Богданова, Гушина, Лобода. 1976. С. 146. Рис. 8, 52). Такое оружие характерно для сармато-алан погребений втор. пол. III–IV в. н.э. (Бельбек I, Инкерман, Черная речка, Озерное III и др.). Таким образом, хотя позднескифские мечи без металлического навершия и перекрестия появляются еще на раннем этапе (Беляус; Неаполь, мавзолей), заметное увеличение количества такого оружия происходит лишь со второй половины I в. н.э. Большая же часть мечей и кинжалов датируется временем после рубежа I–II в., а их конструкция и основное направление развития было таким же, как у сарматов и на Боспоре (Сокольский. 1954. С. 154; Хазанов. 1971. С. 15–27).

Мечи и кинжалы с перекрестием и без навершия. Количество такого оружия невелико, но показательно. Пока все известные экземпляры происходят из раскопок Усть-Альминского некрополя (Высотская. 1994. С. 88. Табл. 38, 21). Меч с прямым перекрестием найден в нижнем ярусе склепа 449 конца I в. н.э. У кинжала с прямым перекрестием из нижнего яруса склепа 618 второй половины I в. н.э. ручка могла быть подвергнута починке, а кольцевое навершие утрачено (Рис. 2, 6).

¹⁵ На верхний край ручки-штыря, вероятно, был наварен поперечный стержень для крепления рукояти.

Наибольший интерес представляет находка в склепе 777. Здесь, у правого бедра погребения 1 лежал меч с кольцевым навершием (Рис. 2, 2), а вдоль левой стороны туловища – длинный меч (92 см) с рукоятью-штырем и ромбовидным перекрестием (Рис. 2, 7).

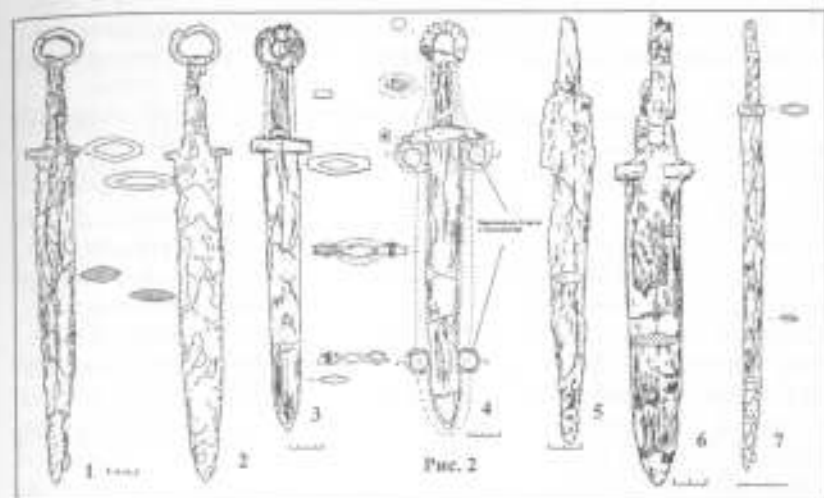

Рис. 2. Мечи и кинжалы из поддонецких могильников Крыма. Усть-Альме: 1 – склеп 777, п. 2; 2 – склеп 777, п. 1; 4 – могила 700; 5 – склеп 438, п. 7; 6 – склеп 618, п. 2; 7 – склеп 777, п. 1. Битак: 3 – могила 172

Меч находился в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет. Рядом найден железный нож, очевидно, крепившийся к ножнам, а у рукояти – железная пряжка и янтарные бусы дисковидной формы – конструктивные детали портупей. Эту группу оружия недавно подробно рассмотрел А. С. Скрипкин и пришел к выводу, что его древнейшими прототипами являются образцы китайского клинкового оружия, а в эпоху Хань, начиная со II-I в. до н.э. оно поступало к окружающим кочевым народам, либо изготавливалось по китайским образцам (2000. С. 17–24). Альминская находка чрезвычайно близка как некоторым экземплярам, найденным в сарматских комплексах, так и на сопредельных территориях, особенно с асимметрично посаженной ручкой (Скрипкин, 2000. Рис. 1, 1, 6, 7, 13, 14, 19; 2, 2, 6). Территориально наиболее близкий меч происходит из нижнеднепровского могильника Золотая Балка (Вязьмитина, 1972. С. 121). Редкий экземпляр биметаллического оружия обнаружен на Усть-Альме в 1996 г. Среди отвалов грабительских раскопок был поднят обломок меча с литым бронзовым брусковидным перекрестием. Ширина клинка у основания

5 см и, надо полагать, его общая длина была не менее 50 см (Рис. 2. 9). Биметаллическое оружие с золотообразным наконечником известно в позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья, в т.ч. один кинжал – с бронзовым перекрестием (Скрипкин, Мамонтов. 1977. С. 285–287; Федоров-Давыдов. 1980. С. 235–238; Скрипкин, 1990. С. 126), а длинные мечи с бронзовым ромбовидным перекрестием датируются преимущественно среднесарматским временем (Скрипкин. 1990. С. 130–132).

Рассмотренные материалы достаточно ярко отражают те изменения, которые произошли в Крымской Скифии в I–III в. н.э. Изучение комплексов с клинковым оружием показывает, что оно в подавляющем большинстве случаев сопровождало воинские захоронения, в т.ч. «аристократические» – с бронзовой и серебряной римской посудой, золотыми украшениями, наборами парадной конской упряжи, комплектами оружия других типов (колчанные наборы, наконечники копий), поясами и портупейными гарнитурами (Loboda, Puzdrovskij, Zajcev. 2002; Puzdrovskij, Zajcev. 2004). Характерным отличием альминских элитных комплексов являются сопровождающие конские захоронения в отдельных могилах, рядом со склепами. Привлекая данные погребального обряда и инвентаря в целом, можно сказать, что эти захоронения знати принадлежали сарматам. Есть основания полагать, что развитие военного дела на территории Крымской Скифии в I–III в. н.э. происходило под влиянием сарматских вождей и их окружения, а основные типы клинкового оружия либо принесены извне, либо их производство было налажено по образцам. Изучение археологических комплексов показывает, что в I–II в. н.э. в крупных административных центрах сформировалась военная прослойка (дружина), погребения представителей которой, хотя и уступают по богатству элитным захоронениям, но выделяются специфическим набором инвентаря (оружие, конская упряжь, амфоры и др.). В рядовых погребениях находки оружия, в т.ч. клинкового, немногочисленны, что свидетельствует об изменениях в социальной сфере. Очевидно, из рядового населения городов и сел сформировалось, преимущественно, пешее ополчение (лучники, копейщики) и вспомогательные отряды.

Литература

- Ахмедов, Гуцана, Журавлев. 2001 – *И. Р. Ахмедов, И. И. Гуцана, Д. В. Журавлев.* Богатое погребение II в. н.э. из могильника Бельбек IV // *Поздние скифы Крыма.* М., 2001. – (Тр. ГИМ. Вып. 118).
- Бабенчиков. 1949 – *В. П. Бабенчиков.* Новый участок некрополя Неаполя Скифского // *ВДИ.* 1949. № 1.
- Безуглов. 1988 – *С. И. Безуглов.* Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // *СА.* 1988. № 4.

- Беспалый. 1992 – *Е. И. Беспалый*. Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1992. № 1.
- Богданова. 1989 – *Н. А. Богданова*. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // АИЮВЕ. М., 1989. – (Тр. ГИМ. Вып. 70).
- Богданова, Гуцица, Лобода. 1976 – *Н. А. Богданова, И. И. Гуцица, И. И. Лобода*. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III в. н.э.) // СА. 1976. № 4.
- Высотская. 1979 – *Т. Н. Высотская*. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
- Высотская. 1994 – *Т. Н. Высотская*. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
- Вязьмитина. 1972 – *М. И. Вязьмитина*. Золотобалковский могильник. Киев, 1972.
- Гуцица. 1974 – *И. И. Гуцица*. Население сарматского времени в долине р. Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // АИЮВЕ. М., 1974.
- Гуцица. 1982 – *И. И. Гуцица*. О локальных особенностях населения Бельбекской долины Крыма в первые века нашей эры // АИЮВЕ. М., 1982. – Тр. ГИМ. Вып. 54.
- Гуцица, Журавлев. 1999 – *И. И. Гуцица, Д. В. Журавлев*. Погребения с бронзовой посудой из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // РА. 1999. № 2.
- Гуцица, Засецкая. 1989 – *И. И. Гуцица, И. П. Засецкая*. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье // АИЮВЕ. М., 1989. – (Тр. ГИМ. Вып. 70).
- Дашевская. 1991 – *О. Д. Дашевская*. Поздние скифы в Крыму // САИ. М., 1991. Вып. Д 1–7.
- Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1989 – *В. В. Дворниченко, Г. А. Федоров-Давыдов*. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
- Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1993 – *В. В. Дворниченко, Г. А. Федоров-Давыдов*. Сарматское погребение скелетуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.
- Погребова. 1961 – *Н. Н. Погребова*. Погребения в мавзолее Неаполи Скифского // МПА. 1961. № 96.
- Пуздровский. 2001 – *А. Е. Пуздровский*. Погребения Битакского могильника первых веков н.э. с оружием и конской упряжкой // Поздние скифы Крыма. М., 2001. – Тр. ГИМ. Вып. 118.
- Раев. 1979 – *Б. А. Раев*. Сарматское погребение из кургана у х. Арпачин // СА. 1979. № 1.
- Сарианиди. 1983 – *В. И. Сарианиди*. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983.
- Сарианиди. 1989 – *В. И. Сарианиди*. Храм и некрополь Тилля-тепе. М., 1989.
- Симонович. 1984 – *А. В. Симонович*. Сарматские мечи и княжаль на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

- Симоненко, 1986 – *А. В. Симоненко*. Военное дело населения Степного Причерноморья в III в. до н.э. – III в. н.э. Дисс. ... канд. ист. наук // ИА НАНУ. Ф. 12. № 669.
- Симоненко, Лобай. 1991 – *А. В. Симоненко, Б. И. Лобай*. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991.
- Скрипкин. 1990 – *А. С. Скрипкин*. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
- Скрипкин. 2000 – *А. С. Скрипкин*. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3.
- Скрипкин, Мамонтов. 1977 – *А. С. Скрипкин, В. И. Мамонтов*. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов // СА. 1977. № 4.
- Смирнов. 1980 – *К. Ф. Смирнов*. О мечях синдо-меотского типа // КСИА. 1980. Вып. 162.
- Сокольский. 1954 – *Н. И. Сокольский*. Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33.
- Симонович. 1983 – *Э. А. Симонович*. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983.
- Федоров-Давыдов. 1980 – *Г. А. Федоров-Давыдов*. Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника // СА. 1980. № 2.
- Хазанов. 1971 – *А. М. Хазанов*. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Храпунов, Масякин, Мульд. 1997 – *И. Н. Храпунов, В. В. Масякин, С. А. Мульд*. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I.
- Шедеры ... 1987 – Шедеры древнего искусства Кубани. М., 1987.
- Loboda, Puzdrovskij, Zajcev. 2002 – *I. I. Loboda, A. E. Puzdrovskij, J. P. Zajcev*. Prunkbestattungen des I Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996 // Eurasia antiqua. Berlin, 2002. Bd. 8.
- Puzdrovskij, Zajcev. 2004 – *A. E. Puzdrovskij, J. P. Zajcev*. Prunkbestattungen des I Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999 // Eurasia antiqua. Berlin, 2004. Bd. 10.
- Simonenko. 2001 – *A. V. Simonenko*. Bewaffnung und Kriegswesen der Sar-maten und späten Skythen im nordischen Schwarzmeergebiet // Eurasia anti-qua. Berlin, 2001. Bd. 7.

М. Ю. Трейстер

Сарматские воины Фарнака Боспорского (к вопросу об исторической интерпретации погребения в Косике)

Анализ находок из погребения № 1, обнаруженного у с. Косика к северу от Астрахани в 1984 г., и датируемого до сих пор временем около середины I в. н.э. (Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1993. С. 141–179), заставляет усомниться в датировке, прямо основанной на интер-

престации тамги на серебряной ложке из погребения, как «тамги Аспурга» (Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1993. С. 151 сл., 154 сл. Рис. 9, 1), косвенно обоснованной исторической интерпретацией, предложенной Ю. Г. Виноградовым (1994, 151–170), считавшим косикский комплекс погребением сарматского скептуха, участвовавшего в событиях конца 30-х – начала 40-х гг. I в. н.э. в Армении, нашедших отражение в *Анналах Тацита* (Ann. VI, 31–33). У нас есть основания считать бронзовые сосуды из косикского погребения ковш типа *Pescate* (Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1993. С. 151, 154. Рис. 8), а также бронзовый таз с атташем лировидной формы (Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1993. С. 151 сл. Рис. 6), выполненными в позднелатенском стиле в итальянских мастерских начала – первой четверти I в. до н.э. (см. о датировке ковшей типа *Pescate* первой половиной, скорее всего началом I в. до н.э.: Castoldi, Feugère. 1991. P. 63 ff.; ср. Sgouroudis. 2000. P. 108–109; см. шилогичный атташ, например, на бронзовой амфоре из римского лагеря из *Cáceres el Viejo* в Испании – контекст находки дает *terminus ante quem* 80/79 г. до н.э.: Ulbert. 1984, S. 218, Taf. 13; 60, 77). Интересно, что бронзовая посуда позднелатенского круга первой половины I в. до н.э. вообще получила достаточно широкое распространение в сарматских комплексах именно Прикубанья второй половины I в. до н.э. (Раев. 1993. С. 160 сл. С. 172 сл. Рис. 8; Марченко, 1996. С. 33–37). Не исключено, что форма одного из этих сосудов, миски или таза с на кольцевом поддоне, с отогнутым краем и подвижными ручками с атташами послужила образцом для серебряного таза работы торецта Амсалака (Трейстер. 1994. С. 175. Рис. 3; с. 178 сл. Рис. 6; Fedorov-Davydov. 2001, P. 13, 113. Pl. 20; P. 146. № 5). Косвенным аргументом в пользу возможности датировки временем около середины I в. до н.э. набора серебряных сосудов из Косики, исполненных в одной техники (гравированные изображения, плакировка золотом в пределах контура изображений) является изображение на руках персонажей кубка (Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1993. С. 148–151. Рис. 5; Трейстер. 1994. С. 176–198. Рис. 1, 7–11; Fedorov-Davydov. 2001, 13f. Abb. 6; 114f. Taf. 22–26; 146 № 7) – браслетов-наручей, типа найденного в Косике. Браслет-наручь из Косики (Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1993. С. 170–173. Рис. 18; Fedorov-Davydov. 2001. P. 145, № 3, Pl. 17–18) датируется не IV–III в. до н.э., как предполагали авторы раскопок, а судя по стилистическим признакам и элементам декора, относится к этому же времени и был изготовлен либо сарматским мастером в Прикубанье, либо в боспорской мастерской, изделия которой получили широкое распространение в Прикубанье во второй – первой половине I в. до н.э. (Treister. 2002 a. P. 29–72).

Изделия, украшенные в технике клуазонне, найденные в Косике (Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1993. С. 144. Рис. 3, 6–8; С. 147) по

стилистическим и технологическим признакам обнаруживают близость к предметам, выполненными в данной технике, найденными в Артоховском кургане (Treister, 2004). Вряд ли можно на основании близости тамги, прочерченной на косикской ложке, тамге на монетах Аспурга приписывать данную тамгу только Аспургу (тамги не идентичны!). Вероятно, этот знак следует все же считать скорее всего родовым знаком новой династии Боспора, начало которой положил Асандр (КБН. 40). Есть тем более оснований считать так называемую тамгу Аспурга, прочерченную на ложке из Косики, тамгой рода Асандра, если учесть, что до того как Асандр был оставлен Фарнаком наместником на Боспоре в период малоазийского похода Фарнака (Dio Cass., XLII, 46, 5), Асандр был этиархом (Ps.-Luc., Macr., 17) и вероятно имел особые контакты с варварскими племенами азиатской части Боспора. Наконец, немаловажен и тот факт, что тамга, близкая изображенной на ложке из Косики, присутствует только на медных монетах одной серии, причем самой ранней серии, выпущенной вероятнее всего незадолго до смерти Августа в 14 г.н.э. (Анохин, 1986, табл. XII, 318; 40, 46; Фролова, 1997, с. 67 сл. Табл. XVII, 8–14). На более поздних монетах Аспурга, ни на золотых, ни на медных – этой тамги нет. Форма черпака и особенности декора ручки косикской ложки находят ближайшую параллель в комплексе второй половины I в. до н.э. из Закубанья: серебряной ложке из погребения № 10/1979 в кургане у х. Песчаный (Ждановский, 1990, с. 112. Рис. 34, 6; Cat. Paris, 2001, № 192). Данные наблюдения, а также отсутствие среди находок из Косики предметов, которые можно было бы однозначно датировать временем только позднее середины I в. до н.э., позволяет с известными оговорками приведенными выше, с наибольшей вероятностью датировать погребение в рамках второй половины I в. до н.э., скорее всего ближе к середине столетия. Косвенно, предлагаемая датировка погребения № 1 в Косике подтверждается находками из полностью сохранившегося женское погребения № 2, обнаруженного рядом с погребением № 1 (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 11 сл.), в котором наряду с керамикой прикубанского типа была найдена бронзовая сковородка типа Айлесфюрд (Демиденко, 1997, с. 125), датирующаяся вероятнее всего в рамках второй трети I в. до н.э. (Petrovszky, 1993, S. 25f., Taf. 1, I, 1). Таким образом, и в погребении № 2 был найден италийский бронзовый сосуд позднелатенского типа, а другие находки из погребения, в данном случае керамика отражают связи с Прикубаньем. Предлагаемая датировка погребения № 1 в Косике, а также проявляющиеся в наборе погребального инвентаря очевидные связи с Прикубаньем позволяют предложить новую интерпретацию его исторического контекста.

Артавазд, упомянутый в надписи на серебряном тазу (Виноградов, 1994. С. 156 сл., Рис. 1–2; Supplementum epigraphicum graecum XLIV, 660, 662; Bulletin Épigraphique. 1996, № 307; ср. Klochkov. 1996. P. 47, Note 35), с наибольшей вероятностью является сыном Тигрина Великого, армянским царем Артаваздом II, правившим между 55 и 34 г. до н.э., а не неизвестным по письменным источникам царем Армении, правившим между 37 и 41 г. н.э., как это предполагал Ю. Г. Виноградов. Очевидные прикубанские контакты погребенного в Косике, с одной стороны, набор серебряной посуды, на одном из предметов которого имеется надпись с упоминанием царя Армении, скорее всего правившего в середине-третьей четверти I в. до н.э., с другой, а также находки в погребении ближневосточной и ахеменидской цилиндрических печатей с большой долей вероятности позволяют видеть в погребенном царя или знатного представителя одного из сарматских племен, участвовавшего в походе сына Митридата VI, боспорского царя Фарнака в Малую Азию. В этом походе, начавшемся вероятнее всего не позднее конца 50 – начала 49 г. до н.э. (Сапрыкин, 2002. С. 38–40), Фарнак с декабря 48 по лето 47 г. до н.э. захватил и опустошил Колхиду¹⁶, Малую Армению, Каппадокию и почти все области бывшего царства Понт, т.е. Понтийскую Каппадокию и Пафлагонию, пока 2 августа 47 г. до н.э. не был разбит Цезарем при Зеле, который позволил Фарнаку отступить с тысячей всадников (Magie, 1950. P. 407 ff., 1262 ff.; Olshausen. 1980. S. 908. Anm. 18 (mit Lit.); Sytne. 1995. P. 167–174; Сапрыкин, 2002. С. 45–50). О том, что Армения со своими богатыми традициями обработки драгоценных металлов могла быть тем местом, где мог быть изготовлен набор серебряной

¹⁶ Наглядной иллюстрацией этого является находка фиалы из святилища Аполлона в Фазисе, в кургане № 1 у Зубовского хутора (Думберг, 1901, 98–100. Рис. 18 a–b; Strong, 1966. P. 75f. Pl. 14 B; Гушина, Засецкая, 1989. С. 115, № 120. Табл. XII; Treister, 2002 b, 355. Fig. 3). Предполагалось, фиал стал добычей сарматов во время III Митридатовой войны 74–64 г. до н.э. (Rostovtzeff, 1922. P. 128; Смирнов, 1953. С. 20; Капошина, 1967. С. 149; Sergackov, 1994. P. 272); во время похода Фарнака в 49–48 г. до н.э. в Малую Азию (Щукин, 1994. С. 177) или значительно позднее, во время походов аланов в Закавказье 72 г. н.э. (Raev, 1986. P. 68). Впрочем последняя точка зрения маловероятна, учитывая компактную датировку погребений зубовско-воздвиженской группы в рамках второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. (Щукин, 1992. С. 104–112; Щукин, 1994. С. 177; Абрамова, 2000. С. 123–128), в частности, датировку мужского погребения, в котором был найден фиал в рамках второй половины I в. до н.э. (Гушина, Засецкая, 1989. С. 87–88). Более правдоподобной представляется вторая версия, особенно в связи с известным сообщением о разрушении Фарнаком святилища Ино-Левкоте в Колхиде (Strabo XI, 2, 7) (Braund, 1994. P. 174; Сапрыкин, 1996. С. 298).

посуды, украшенном в стиле отражающим определенные заимствования традиций торевтики Восточного Средиземноморья и Парфии, я уже писал (Трейстер, 1994, С. 197 сл.) – удвение датировки возможного изготовления сосудов принципиально ничего не меняет.

В связи с предполагаемыми сармато-армянскими контактами в середине I в. до н.э. следует вспомнить о находках из так называемого книжеского погребения в Сисиане в Армении двух полусферических золотых наперший, украшенных вставками бирюзы (Аракелян, 1976, С. 82f. Табл. 19, 1–2; Cat. Nantes. 1996, № 239), подобных тем, которые украшали боковые выступы ножен мечей, найденных в Тилля-Теле (см., например: Sarianidi, 1985, Cat. 4, 8. Pls. 160–161) и Дачах (Бесшый, 1992, С. 185 сл., № 8. Рис. 11–12; Cat. Paris. 2001, № 238). Интересно, что подобные умбоны были найдены в кургане № 1 у Зубовского хутора (ГЭ, инв. 2234/25; Думберг, 1901, С. 95. Рис. 2 а/б; Гушина, Засецкая, 1989, 115, № 119, табл. XI. – Берлин, Античное собрание. Инв. № 30219, 1095; Greifenhagen, 1969, S. 49–52. Abb. 1–3; 1970, S. 61, Taf. 36, 6–8). Помимо комплекса из Сисиана, единственный достоверный комплекс, в котором были найдены подобные фалары, Зубовский курган № 1 – тот самый комплекс, в котором был найден фиал из храма Аполлона в Фазисе. Тот факт, что в Зубовском кургане № 1 была найдена бронзовая италийская кружка типа Идрия (Гушина, Засецкая, 1989, С. 84, 116, № 126, Табл. XII; Раев, 1993, С. 164 f. Рис. 2, 1)¹⁷ и сочетании с находкой фиалы, ранее находившейся в храме на побережье Колхиды, дает дополнительное основание для датировки комплекса из Сисиана временем около середины I в. до н.э.¹⁸ и для нашей исторической реконструкции с одной стороны, а с другой служит дополнительным аргументом в пользу предположения о распространении италийской посуды позднеереспубликанского времени в сарматских комплексах Прикубанья через Малую Азию (Раев, 1993, С. 174). В отличие от предложенной Б.А.Раевым (1993, С. 174 сл.) связи распространения этой посуды с событиями времени Митридата VI Евпатора, мы предполагаем, что хронологический пласт погребений с находками бронзовой посуды позднеереспубликанских типов италийского производства, может связываться и с походом Фарнака в Малую Азию. Если предположить, что перечисление войск сарматских племен, упомянутых Страбонem (Strabo, XI, 5, 8), было связано с подготовкой похода

¹⁷ В этом же комплексе была найдена бронзовая фибула типа Алезия второй половины I в. до н.э. (Гушина, Засецкая, 1989, С. 87, 116, №; 123, Табл. XII; Щукин, 1989, С. 68).

¹⁸ Среди монет, найденных в Сисианской гробнице наиболее поздними являются монеты парфийского царя Орода II, 57–37 г. до н.э.: Периханян, 1971, С. 78.

Фарнака в Малую Азию, а для этого предположения имеются все основания, то в походе Фарнака принимали участие сиракские воины, выставленные их царем Абеаком, ворсы, выставленные их царем Спадином, но большее количество войск было выставлено верхними аорсими, которые, согласно Страбону «занимали обширную область, владея большей частью побережья Каспийского моря» и контролировали караванную торговлю (ср. Виноградов. 1994. С. 161, прим. 64) «индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидян».

«Антикварные» ближневосточные печати, сервиз, выполненный по заказу армянского царя сарматским тюретом для сарматского скуп-туха, а также прикубанские и боспорские изделия, в том числе парадная золотая наручь и серебряная ложка с тамгой рода Асандра-Аспурга, могли с наибольшей вероятностью быть во владении участника малоазийского похода Фарнака, сирака из Прикубанья. Трудно представить, что серебряная ложка с тамгообразным знаком могла попасть к воину, погребенному в Косике, «в результате торгового обмена», как предполагает С. Ю. Сапрыкин (2002. С. 215). Учитывая возраст погребенного в Косике¹⁹, захоронение состоялось вряд ли значительно позже 47 г. до н.э., а скорее всего непосредственно после бесславного окончания похода и последующего поражения Фарнака, вернувшегося на Боспор с 1000 всадников без коней, убитых в Синопе, не умевших сражаться в пешем строю, от пешего войска Асандра (App., *Mithr.*, 120; 121; Dio Cass., XLII, 9; 46; 47; Strabo, XIII, 4, 3), происшедшего вероятно в конце 47 или в начале 46 г. до н.э. (Нобел. 1969. С. 24 г., 27 г.; Synt. 1995. P. 134; Сапрыкин. 2002. С. 61 сл.). Таким образом, реконструкция предполагаемого исторического контекста позволяет установить для погребения № 1 в Косике – *terminus post quem* 47–46 г. до н.э. И. И. Марченко (1996. С. 129 сл.) связывает с поражением Фарнака и его союзников сираков от Асандра, а также с активной деятельностью Асандра по укреплению Таманского полуострова, исчезновение богатых сарматских комплексов на правобережье Нижней Кубани и перемещение их в междуречье Лабы и Кубани во второй половине I в. до н.э. Возможно, какая-то группа сираков откочевала еще дальше на северо-востока в район Нижнего Поволжья, где и был похоронен один из вероятных участников похода Фарнака. Не исключено, что еще одним участником (участницей?) похода в Малую Азию был погребенный в кургане № 13/1996 группы Шаумяна, в котором наряду с фрагментированным серебряным позолоченным канфаром, бронзо-

¹⁹ Кости скелета принадлежали физически развитому мужчине ростом ок. 172 см в возрасте ок. 35 лет (Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1993. С. 143. Прим. 3).

вым черпаком типа Песчате, керамикой кубанского типа, был найден любопытный набор бронзовых монет, включающий обол Амастрии Понтийской ок. 105–90 г. до н.э.; пантикапейский обол первой трети I в. до н.э. и пантикапейский обол, чеканенный Асандром в период 49–44 г. до н.э., все монеты с надчеканками с изображением 8-лучевой звезды времени начала правления Асандра (Безуглов. 2001. С. 57–61; Глебов. 2002. С. 31. № 7. Рис. 2, 4).

Литература

- Абрамова. 2000 – *М. П. Абрамова*. О погребенных зубовско-воздвиженской группы (историографический обзор) // НАВ. 2000. Вып. 3.
- Анохин. 1986 – *В. А. Анохин*. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Аракелян. 1976 – *Б. Н. Аракелян*. Очерки по истории искусства древней Армении. Ереван, 1976.
- Безуглов. 2001 – *С. И. Безуглов*. Находки античных монет в погребенных кочевников на Нижнем Дону // Донская археология. 2001. № 1–2.
- Беспалый. 1992 – *Е. И. Беспалый*, Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1992. № 1.
- Виноградов. 1994 – *Ю. Г. Виноградов*. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2.
- Глебов. 2002 – *В. П. Глебов*. Погребение с монетами из могильника Шаумяна и вопросы хронологии среднесарматской культуры // Донская археология. 2002. № 1–2.
- Гушина, Засецкая. 1989 – *Н. И. Гушина, Н. П. Засецкая*. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы М., 1989. (Тр. ГИМ. Вып. 70).
- Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1989 – *В. В. Дворниченко, Г. А. Федоров-Давыдов*. Памятник сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
- Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1993 – *В. В. Дворниченко, Г. А. Федоров-Давыдов*. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.
- Демиденко. 1997 – *С. В. Демиденко*. Типология литых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии. М., 1997.
- Думберг. 1901 – *К. Думберг*. Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области // ИАК. 1901. Вып. 1.
- Ждановский. 1990 – *А. М. Ждановский*. Новое погребение кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Капошина. 1967 – *С. И. Капошина*. Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н.э. и в первые века нашей эры // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967.
- Марченко. 1996 – *И. И. Марченко*. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.

- Перихания. 1971 – А. Г. Перихания. Арамейская надпись на серебряной чаше из Сиссана // Историко-филологический журнал. 1971. № 3 (54).
- Раев. 1993 – Б. А. Раев. Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии // АМА. Саратов, 1993. Вып. 9.
- Сапрыкин. 1996 – С. Ю. Сапрыкин. Понтийское царство. М., 1996.
- Сапрыкин. 2002 – С. Ю. Сапрыкин. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- Смирнов. 1953 – К. Ф. Смирнов. Северский курган. М., 1953. – (Памятники культуры. Вып. XI).
- Трейстер. 1994 – М. Ю. Трейстер. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косног) // ВДИ. 1994. № 3.
- Фролова. 1997 – Н. А. Фролова. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). М., 1997. Ч. I.
- Щукин. 1989 – М. Б. Щукин. Фибулы типа «Аленя» из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры // СА. 1989. № 3.
- Щукин. 1992 – М. Б. Щукин. Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблема ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III Археологического семинара. Новочеркасск, 1992. Часть I.
- Щукин. 1994 – М. Б. Щукин. На рубеже эр. СПб., 1994.
- Braund. 1994 – D. Braund. Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia, 550 BC – AD 562. Oxford, 1994.
- Castoldi, Feugère. 1991 – M. Castoldi, M. Feugère. Les simpulums // La vaisselle tardo-républicaine en bronze. Dijon, 1991.
- Cat. Nantes. 1996 – J. Santrot (ed.) Arménie. Trésors de l'Arménie ancienne des origines au IVe siècle. Paris, 1996.
- Cat. Paris. 2001 – V. Schiltz (ed.) L'or des Amazones. Paris, 2001.
- Fedorov-Davydov. 2001 – G. A. Fedorov-Davydov. The Silk Road and the Cities of the Golden Horde. Berkeley, 2001.
- Greifenhagen. 1969 – A. Greifenhagen. Ein skythisches Zierstück // Archäologischer Anzeiger. 1969.
- Greifenhagen. 1970 – A. Greifenhagen. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. I. Berlin, 1970.
- Hoben. 1969 – W. Hoben. Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischen Dynasten in der Machtkämpfen der ausgehenden Römischen Republik. Mainz, 1969.
- Klochkov. 1996 – I. S. Klochkov. Two cylinder Seals from a Sarmatian Grave near Kosika // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1996. V. 3. № 1.
- Magie. 1950 – D. Magie. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950.
- Olshausen. 1980 – E. Olshausen. Pontos und Rom (63 v. Chr. – 64 n. Chr.) // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Berlin, New York, 1980. Bd. II. 7. 2.
- Petrovsky. 1993 – R. Petrovsky. Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln. Espelkamp, 1993.
- Raev. 1986 – B. A. Raev. Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986. – (British Archaeological Reports, International Series. Vol. 278).

- Rostovtzeff. 1922 – *M. I. Rostovtzeff*. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922.
- Sarianidi. 1985 – *V. I. Sarianidi*. *Baktrisches Gold*. Leningrad, 1985.
- Sergackov. 1994 – *I. V. Sergackov*. *The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992. Napoli 1994. – (Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di studi asiatici, Series Minor. XLIV).*
- Sgouroudis. 2000 – *A. P. Sgouroudis*. *Kleinbronzen aus Gitane, der hellenistischen Hauptstadt Thesprotiens/Epirus // Antike Bronzen. Werkstattkreise, Figuren und Geräte. Akten des 14. Internationalen Kongresses für antike Bronzen. Köln, 2002. – (Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 2000. Bd. 33).*
- Strong. 1966 – *D. E. Strong*. *Greek and Roman Gold and Silver Plate*. London, 1966.
- Syme. 1995 – *R. Syme*. *Anatolica: Studies in Strabo*. Oxford, 1995.
- Treister. 2002 a – *M. Y. Treister*. *Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms) // Silk Road Art and Archaeology. 2002. Vol. 8.*
- Treister. 2002 b – *M. Y. Treister*. *Metal vessels from Dardanos // I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi. Montagnac, 2002. (Instrumentum Monographies. 21).*
- Treister. 2004 – *M. Y. Treister*. *Cloisonné and champlevé-decoration in the Gold Work of the Late Hellenistic-Early Imperial Periods // Acta Archaeologica. 2004. Vol. 75.*
- Ulbert. 1984 – *G. Ulbert*. *Cáceres el Viejo. Ein spätrepublikanischer Legionslager in Spanisch-Extremadura*. Madrid, 1984. – (Madridrer Beiträge. Bd. 11).

О. К. Савельев

Аланы в Северо-Западном Причерноморье (письменные источники и археологические соответствия)

Вопросы, связанные с проникновением аланов в Северо-Западное Причерноморье, определение времени последнего, и, соответственно, отождествления с ними археологических памятников, являются одними из наиболее сложных и дискуссионных в сарматологии. Сравнительно недавно была предпринята попытка показать, что первую фиксацию этих племен в Северном Причерноморье следует относить к I в. до н.э. (Щеглов. 2002. С. 350–352). Автор, сопоставив ряд данных об аланах, содержащихся в трудах древних писателей, полагает правомерным поставить вопрос о возможности их возведения к единому общему источнику, а именно к Посидонию (ок. 135–51 г. до н.э.). Сразу же стоит отметить, что у нас пока нет веских аргументов в пользу того,

что, во-первых, сведения об аланах содержались уже в трудах Посидония, а во-вторых, что интересующие нас данные были затем скомпилированы более поздними авторами. Известно, что, например, Плиний и Помпоний Мела использовали источники, восходящие к древнеионийской этногеографической традиции. Однако наряду с этим, данные авторы, несомненно, использовали и сведения, относящиеся уже к римскому времени (Подосинов. 2002. С. 25–31). Предложенная Д. А. Щегловым, безусловно, интересная гипотеза археологически также вряд ли доказуема. Небольшая группа сарматских погребений II–I в. до н.э. между Доном и Днепром соответствует сообщению Страбона о расселении здесь в это время роксоланов (Симоненко. 2000 б. С. 159–160). В Северо-Западном Причерноморье известно всего несколько комплексов, которые могут быть сопоставлены с роксоланами митридатской эпохи, либо с какими-то сарматами, столкнувшимися с римлянами в 16 г. до н.э. на Дунае (Щукин. 1994. С. 197; Диговский. 2003. С. 69–73). Вот, пожалуй, и все археологические свидетельства сарматского присутствия в Северном Причерноморье до рубежа эр²⁰.

По мнению большинства исследователей, наиболее ранние сведения об аланах в Северо-Западном Причерноморье содержатся в трудах Сенеки, Лукана и Плиния. Лучший Анней Сенека (ок. 4 г. до н.э. – 65 г. н.э.) был известным государственным деятелем, воспитателем молодого Нерона, а по воцелении последнего на престол, вместе с префектом преторианцев Бурром руководил всей внешней и внутренней политикой. Марк Анней Лукан (39 – 65 г. н.э.) был племянником Сенеки и входил в круг друзей Нерона. Плиний Старший (23/24 – 79 г. н.э.) – командующий флотом в Мизене, состоял в тесных связях с династией Флавиев. Как видим, все они занимали далеко не последние должности в государственном аппарате, а, следовательно, получали информацию из «первых рук» и были в курсе современных им событий, как в империи, так и за ее пределами, что, в свою очередь, дает все основания относиться к их произведениям достаточно серьезно. Один из героев пьесы Сенеки «Фивест» говорит: «... тут Истр, представляющий путь к бегству диким аланам» (Sen. Thyest. 630). Лукан дважды упоминает аланов в своей исторической поэме «Bellum civile» (VIII, 215–225; X, 450–455). Он же помещает племена «массагетов» в районе нижнего Дуная, в которых, без труда, можно видеть аланов (Яценко. 2001. С. 116–117). И, наконец, Плиний в своей этнокарте северного Понта, перечисляет аланов наряду с другими кочевыми племенами в этом регионе (Plin., NH., IV, 80). Этим сообщениям имеются и археологиче-

²⁰ Здесь мы не касаемся сложных и спорных вопросов этнической идентификации Тираспольской курганный группы и так называемых «странных» комплексов.

ские соответствия. Аланскими, по всей видимости, можно считать богатые «княжеские» захоронения Северо-Западного Причерноморья середины – второй половины I в. н.э. (Пороги к. 2 п. 1, Ковалевка к. 1 п. 3, Козырка 1918 (?), Весняное, Казаклия к. 10 п. 1, Мокра, Грушка. См. об этом: Скрипкин. 1996. С. 165; Глебов. 2001. С. 199; Дзиговский. 2003. С. 97–102; Симоненко. 2003. С. 54; Савельев. 2005).

Эти памятники характеризуются исключительно аристократической субкультурой, имеющие явно «восточную» окраску, о чем свидетельствуют родовые тамги, множество дорогих ювелирных изделий, вещи средние – и центрально-азиатского происхождения и пр. Таким образом, кроме предположения о том, что сведения об аланах у писателей I в. н.э. были заимствованы ими из источников более раннего времени, у нас пока нет, по сути, никаких иных оснований датировать появление аланов в Северном Причерноморье до рубежа эр²¹.

Напротив, отмеченные выше письменные и археологические источники хорошо согласуются между собой и говорят о середине I в. н.э. как о времени реального появления аланов в Северо-Западном Причерноморье. При этом, разумеется, возникает целый ряд вопросов, связанных с дальнейшим пребыванием как самих аланов, так и их ближайших соседей на этих землях; какие памятники Северо-Западного Причерноморья соответствуют аорсам и роксоланам Плиния, как именно складывались их отношения с аланами, как соотносятся богатые аланские погребения с «диагональными» захоронениями более восточных регионов (напомним, что в Северо-Западном Причерноморье таковых нет) и пр., на что уже, вполне справедливо, обращалось внимание (см.: Симоненко. 2000 в. С. 187–204; 2000 д. С. 134–138; 2003. С. 53–57).

На наш взгляд стоит очень кратко остановиться еще на одном эпизоде, который определенным образом может быть связан с интересующим нас вопросом. Из текста декрета, найденного под Мангузом, мы узнаем, что неизвестный гражданин (скорее всего ольвиополит) «совершил посольство к наместникам Мезии Сабину и Элиану, у которых просил помощи, и сообщил им о серьезных, нависших тяжелым бременем обстоятельствах» (Виноградов. 1995. С. 167. Прим. 91–97). Чем увенчалась эта просьба, и как развивались в дальнейшем события,

²¹ Если же признать предположение о том, что роксоланы, также как и аланы были выходцами из сако-массагетского мира племен и в какой-то степени близки между собой (Мачневский. 1974. С. 127; Шукун. 1994. С. 144–146), то первые действительно известны в Северном Причерноморье до рубежа эр, начиная с их активного участия в жизни региона, связанной с политикой полднекопфского царства, Митридата Евпатора и пр. Однако речь идет не о роксоланах, а об аланах.

известно из текста эпитафии в честь Плавтия Сильвана, найденной в Тибуре. Из нее следует, что наместник в числе прочих действий «подавил начинающееся движение сарматов... неизвестных раньше или враждебных народу римскому царей он привел к берегу, который он защищал, чтобы они почтили римские значки; (причем) царь скифов был отогнан от осаждавшегося им Херсонеса, что за Борустином» (Кудрявцев. 1957. С. 174. Прим. 22; см. об этом: Виноградов. 1994). Есть все основания считать, что «неизвестным раньше народом» были аланы (Скрипкин. 1996. С. 168; Яценко. 2001. С. 115–117), царь которых Фарзой, чеканивший в Ольвии свою монету, по всей видимости был захвачен в плен римлянами (Карышковский. 1961; Щукин. 1994. С. 212–216; Дзиговский. 2003. С. 97–102). Некоторыми авторами предполагается, что в осаде Херсонеса вместе со скифами могли принимать участие сарматы, и даже аланы (Пуздровский. 1995. С. 400; Колтухов, Юрочкин. 2004. С. 89). Согласно В. М. Зубарю, в это время на территории Крымской Скифии прочно укрепилась сарматская правящая верхушка, которая сллилась с местной аристократией или уничтожила ее и заняла господствующее положение в управленческой структуре (Зубарь. 2003. С. 31). По мнению А. Е. Пуздровского, очередная волна сарматов проникла в Крым в результате римско-боспорской войны и выхода на политическую арену аланских племен (вторая половина I – начало II в. н.э.) (Пуздровский. 1995. С. 402). В то же время, И. Н. Храпунов считает не совсем удачными попытки проследить этапы или волны сарматских миграций в Крым и утверждает, что всплески активности мигрантов уловить не удастся (до середины III в. н.э.) (Храпунов. 2003. С. 45).

Вполне вероятно, что это и так, однако, на наш взгляд, точка зрения А. Е. Пуздровского не лишена правомерности, и некоторые данные все же указывают на приток нового кочевого населения в Крым в середине I в. н.э. В частности об этом свидетельствуют материалы погребений в катакомбах позднескифского могильника Усть-Альма (Loboda, Puzdrovskij, Zajcev. 2002. P. 295–346), исследованные недавно²². Вне всякого сомнения, открытые здесь захоронения в этнокультурном плане родственны «княжеским» погребениям Северного Причерноморья, а также богатым катакомбным могилам «Золотого кладбища» на Кубани. Эти и другие данные позволяют поставить вопрос: «могли ли погребенные в богатых катакомбах усть-альминского некрополя,

²² В. М. Зубарь предполагает, что Усть-Альминское городище, расположенное рядом с отмеченным выше могильником, могло быть «ставкой» варварского объединения (Зубарь. 2003. С. 32). Вероятно в это же время появляются изображения тамг на штукатурке стен метарона А Неаполя скифского, который существовал предположительно во второй половине I–II в. н.э.

иметь какое-либо отношение к осаде Херсонеса, и не с ними ли имел дело Плавтий Сильван Эдиан во время освобождения города от варваров»²³? Однако это предмет отдельного исследования. Разумеется, до полных раскопок, публикации и детального изучения памятника, вряд ли можно делать какие-либо историко-культурные реконструкции, тем не менее, такая версия вполне возможна.

Литература

- Виноградов. 1994 – Ю. Г. Виноградов. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2.
- Глебов. 2001 – В. П. Глебов. Сарматы и Боспор на рубеже эр // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. 2.
- Дашевская. 1962 – О. Д. Дашевская. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском // СА. 1962. № 1.
- Дзиговский. 2003 – А. Н. Дзиговский. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003.
- Зайцев. 2003 – Ю. П. Зайцев. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь, 2003.
- Зубар. 1988 – В. М. Зубар. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. № 63.
- Зубар. 2003 – В. М. Зубар. Сармати, населення Таврики і Херсонес у I ст. н.е. // Археологія. 2003. № 2.
- Каршиковской. 1961 – П. Я. Каршиковской. З історії греко-скифських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї (про монети Фарзів та Іненсімея, карбовані в Ольвії) // АП УРСР. 1961. Т. XI.
- Колтухов, Юрочкин. 2004 – С. Г. Колтухов, В. Ю. Юрочкин. От Скифии к Гетии. Симферополь, 2004.
- Кудрявцев. 1957 – О. В. Кудрявцев. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957.
- Мачинский. 1974 – Д. А. Мачинский. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСТЭ. 1974. Вып. 16.
- Подосинов. 2002 – А. В. Подосинов. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 2002.
- Пуздровский. 1995 – А. Е. Пуздровский. О сарматах в Крыму // МАНЭТ. 1995. Т. IV.

(Зайцев. 2003. С. 34). Некоторые из них находят почти полные аналоги среди тамг, изображенных на одном из мраморных львов, найденных в Ольвии (Дашевская. 1962. С. 188).

²³ К этому времени относятся следы разрушений и пожаров на ряде городищ Юго-Западного Крыма, связанных с военными действиями римлян (Зубар. 1988. С. 23–24).

- Савельев. 2005 – О. К. Савельев. О возможных причинах появления аланов в Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. // Кондаковские чтения – I. Проблемы культурной преемственности. Белгород, 2005.
- Симоненко. 2000 а – А. В. Симоненко. Могильник Днепроводострой и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье // НАВ. 2000. Вып. 3.
- Симоненко. 2000 б – А. В. Симоненко. Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья // Раннесарматская культура. Формирование, развитие, хронология. Самара, 2000. Вып. 1.
- Симоненко. 2000 в – А. В. Симоненко. Соотношение ранне- и среднесарматской культур в Северном Причерноморье // Раннесарматская культура. Формирование, развитие, хронология. Самара, 2000. Вып. 2.
- Симоненко. 2003 – А. В. Симоненко. Китайские и центральноеазиатские элементы в сарматской культуре Северного Причерноморья // НАВ. 2003. Вып. 6.
- Скрипкин. 1996 – А. С. Скрипкин. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1.
- Храпунов. 2003 – И. Н. Храпунов. Сарматизация предгорного Крыма (до середины III в. н.э.) // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
- Щеглов. 2002 – Д. А. Щеглов. Датировка появления алан в Северном Причерноморье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.). Тирасполь, 2002.
- Щукин. 1994 – М. Б. Щукин. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
- Яценко. 2001 – С. А. Яценко. Об этносе-противнике Плавтия Сильвана в Северо-Западном Причерноморье около 62 г. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 2001.
- Loboda, Puzdrovskij, Zajcev. 2002 – I. I. Loboda, A. E. Puzdrovskij, J. P. Zajcev. Prunkbestatungen des. I Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust-AI'ma auf der Krim // Eurasia Antiqua. 2002. Band 8.

Э. Иштванович, В. Кульчар

Северопричерноморские (?) золотые ювелирные изделия в культуре сарматов Карнатского бассейна²⁴

Судя по письменным источникам, первые сарматы – языги – появились на Венгерской низменности (Алфёльд) где-то в первой половине I века н.э. (подробно о проблематике первых мигрантов см. Иштванович, 2002).

²⁴ Работа была выполнена при поддержке гранта Т 232778 венгерского Национального фонда научных исследований (ОТКА).

нович, Кульчар, 2000). О точном времени и маршруте их миграции вот уже семьдесят лет как идут споры. К наиболее раннему кругу сарматских находок Карпатского бассейна принято относить так называемый «золотой горизонт»: это комплексы, состоящие из нашивных бляшек из золотой фольги, подковообразных и ведекообразных подвесок, серег, гривен и пр. Хронология, происхождение и пути проникновения этих вещей в Карпатский бассейн имеют решающее значение с точки зрения ранней истории сарматов Венгерской низменности. Со времен Михая Пардуца, первого исследователя сарматских древностей в Венгрии, в литературе общепринято, что эти украшения попали на территорию Венгрии из Северного Причерноморья.

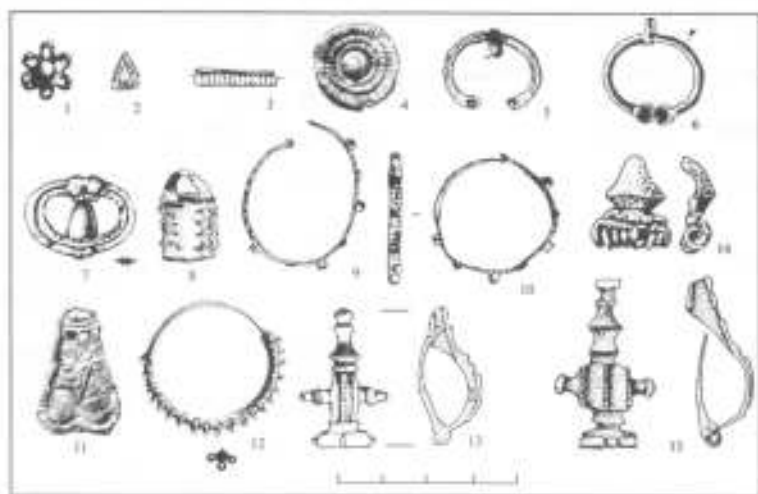

Рис. 1. Золотые украшения и фибулы раннего горизонта

Несколько слов о том, какими типами вещей представлены эти ювелирные изделия. Прежде всего, это штампованные нашивные бляшки из золотой фольги. Подавляющее большинство нашивных украшений составляют всякие разновидности розеток: тут попадаются четырех- и шестилепестковые; многолепестковые, оттиснутые на круглых бляшках; встречаются также круглые бляшки, украшенные концентрическими кругами из псевдозерни; треугольные и ромбические (Рис. 1, 1, 2). В I–II в. они повсеместно известны в сарматском мире Нижнего Поволжья и Кубани, Северного Причерноморья (Гушина, Засецкая, 1994, С. 15), а также в античных древностях, обязательно представлены в таких знатных погребениях, как Соколова Могила (Ковпаненко, 1986, Рис. 39) или Пороги (Симоненко, Лобай, 1991, Рис.

19, 3, 4). Эти нашивные украшения есть, в частности, и на землях, близлежащих к границе Римской империи, между Днестром, Прутом и Серетом, на подступах к провинции Дакия. Вместе с нашивными украшениями часто находят проволочные трубочки с ребристым орнаментом (Рис. 1, 2), которые были в моде в северопонтийском регионе начиная с эллинизма и продолжали бытовать в раннеримское время. Во многих случаях их находят вместе с четырёхлепестковыми или крестовидными розетками (Новочерквск, Соколова Могила – Ковшаниенко 1986. С. 43), или в погребении 612 усть-альминского могильника (Loboda, Puzdrovskij, Zajcev. 2002. Abb. 9, 7). На Венгерской низменности редко, но попадаются и фигурные украшения – в виде шквал (Рис. 1, 11), птиц. В наборе ранних сарматских украшений Карпатского бассейна есть и единичные экземпляры, аналоги которым не удалось найти ни в Венгрии, ни на восточных сарматских территориях.

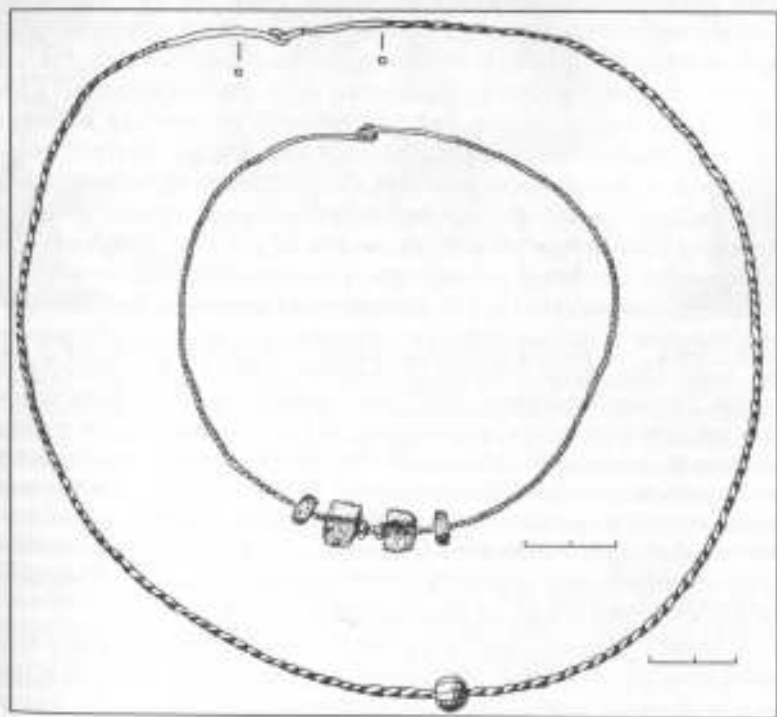

Рис. 2. Золотые гривны раннего горизонта

Один из наиболее характерных типов «золотого горизонта» – подвески-лунулы. Несколько лунниц литые (Рис. 1, 6), большинство же

вырезано из золотых пластин (Рис. 1, 5, 7), и концы, а иногда вся поверхность украшены вставками из синего стекла. Аналогии найдены весьма sporadически, рассыпанные на огромной территории (по одному экземпляру из междуречья Волги и Дона, Нижнего Поволжья и Прикубанья). Характерно, что автор одной из публикаций (Авдоловский могильник) подчеркивает наличие большого числа венгерских параллелей (Сергацков. 1998. С. 156). Так же поступил автор статьи, в которой публикуется одна из немногих румынских находок таких лунниц (Vichig, 1977. С. 184). Это понятно, принимая во внимание, что на Венгерской низменности эти украшения концентрируются на относительно небольшой территории в большом количестве. Это одно из тех явлений, которые требуют объяснения. Большое разнообразие подтипов, а также часто небрежная выделка наталкивают на предположение, что украшения, хотя бы частично, были изготовлены не причерноморскими ювелирами, а местными мастерами. Ответ на этот вопрос мы надеемся получить в близком будущем путем анализа золота, который может определить его геологическое происхождение.

Другой характерный тип сарматских украшений Алфёльда – серьги. Наиболее распространен вид, украшенный зернью или зернью и вставками из камня или стекла (Рис. 1, 9–10). Так же, как в случае с лунницами, наблюдается стремление к полихромии, возможно даже – к подражанию «бирюзово-золотому стилю». Однако точных по форме аналогий в понтийском регионе нам найти не удалось. К более редкому виду серег относятся экземпляры, украшенные деталями из полукруглой проволоки (Рис. 1, 12). Большинство известных нам аналогий были найдены в позднескифских могильниках: Заветное (Богданова. 1989. С. 41. Рис. 12, 4), Бельбек IV (Гушина. 1982. С. 23), Усть-Альма (Loboda, Puzdrovskij, Zajcev. 2002. Abb. 9, 8), а один экземпляр происходит из Одесской области: речь идет о богатом погребении из Михайловки (Дзиговский. 1993. С. 75, Рис. 43, 6). К наименее характерным золотым украшениям относятся витые гривны, снабженные обычно петлей и крючком (Рис. 2). В Венгрии их известно всего пять. Этот тип ювелирных изделий хорошо представлен в античных, в частности, и в сарматских древностях, наиболее характерен для Северного Кавказа и Боспора (Гушина, Засецкая. 1994. С. 16).

В связи с так называемым «золотым горизонтом» возникает множество проблем. В первую очередь это вопросы происхождения и хронологии. К сожалению, большинство комплексов происходит из старых, плохо или вообще не документированных раскопок, много случайных находок, об обстоятельствах которых ничего не известно. Гораздо хуже, что – за некоторыми редкими исключениями – вместе с перечисленными выше золотыми украшениями не было никаких датирующих вещей. К исключениям относятся материалы трех современ-

ных раскопок (Уйсишваш (Újszilvás-Gólyajárás) – Tari. 1994, Мезэчат (Mezőcsát-Hörsögdös) – Vaday. 1984 и Фюзешабонь (Füzesabony-Kastélydűlő) – Farkas. 2000). Здесь в погребениях были найдены фибулы. Две из них – шарнирные (Рис. 1, 13, 15), которые датируются второй половиной I века н.э. (Vaday. 1884. С. 177). Третья представляет собой обломок сильнопрофилированной фибулы (Рис. 1, 14), тип которой был широко распространен в середине I века н.э. (Peškař. 1972. С. 77–78).

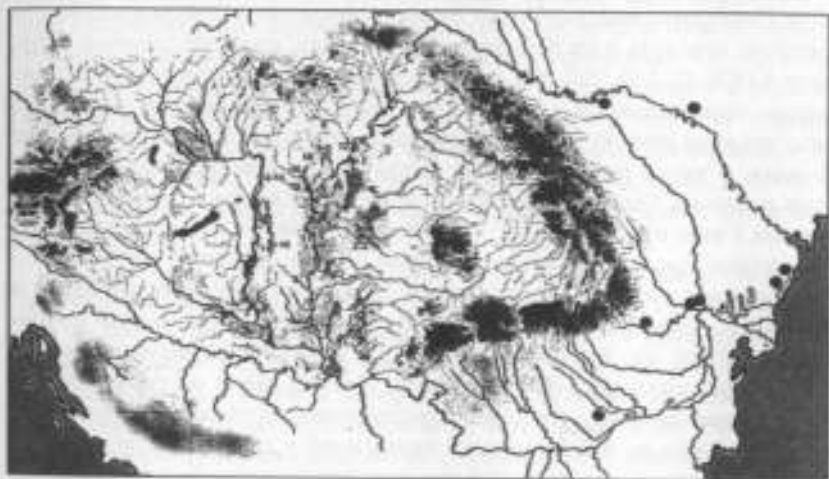

Рис. 3. Карта распространения «листья» золотых фибул. 1 – Атань (Átány) (Párducz. 1941. Taf. XXIX); 2 – Окрестности г. Бекешчаба (Békéscsaba környéke) (Párducz. 1941. Taf. X); 3 – Бекешчаба-Осёлёк (Békéscsaba-Öszölök) (Kőhegyi. 1985. С. 268); 4 – Окрестности г. Эгер (Eger vidéke) (Kőhegyi. 1985. С. 271; Párducz. 1941. Taf. XXXI); 5 – Фюзешабонь-Каштейдлолэ (Füzesabony-Kastély-dűlő) (Farkas. 2000); 6 – Фюзешабонь-Кеттёшхалом (Füzesabony-Kettőshalom) (Kőhegyi. 1985. С. 304); 7 – Кецел-Чукашто (Kecel-Csukástó) (Kőhegyi. 1985. С. 277); 8 – Келебиа-Вермесийараш (Kelebia-Vermesjárás) (Kőhegyi. 1985. С. 279); 9 – Кишкёрёш-Чукашто (Rácz-kút) (Kiskőrös-Csukástó) (Kőhegyi. 1985. С. 300; Párducz. 1941. Taf. XXIV); 10 – Кишкёрёш-Вагохиди долэ – Шерегёйеш (Kiskőrös-Vágóhídi dűlő – Seregélyes) (Kőhegyi. 1985. С. 310; Párducz. 1941. Taf. XXIX); 11 – Кишкунфелдьхата, Кечкемети ут (Kiskunfélegyháza, Kecskeméti út) (Kőhegyi. 1985. С. 286; Párducz. 1941. Taf. XXXI); 12 – Мезэчат-Хёрчёрёш (Mezőcsát-Hörsögdös) (Vaday. 1984); 13 – Монор-Чевнуста (Monor-Csév puszta) (Kőhegyi. 1985. С. 316; Párducz. 1941. С. 123); 14 – Монор (Monor) (Kőhegyi. 1985. С. 292); 15 – Надькёрю (Nagykőrű) (Kőhegyi. 1985. С. 295); 16 – Пустамоностор (Pusztamonostor) (Kőhegyi. 1985. С. 297); 17 – Солнок, Сёлёши-халом (Szolnok, Szőlősi-halom) (Kőhegyi. 1985. С. 300); 18 – Тарнамера – Урак-долэ (Tarnaméra – Urak-dűlő) (Kőhegyi. 1985. С.

323); 19 – Тапноселе – Сумрак (Tápiószele – Szumrák (Köbhegyi. 1985, С. 301); 20 – Тенк-Хомокбánya (Tenk-homokbánya) (Köbhegyi. 1985, С. 303). * – находки нашивных золотых бляшек в сарматских памятниках, близлежащих к Карпатскому бассейну (Babes. 1999)

Обращаясь теперь к происхождению золотых украшений и подводя итоги сказанному о восточных связях наиболее раннего сарматского материала Карпатского бассейна, мы получаем достаточно сложную картину. Часть предметов – в первую очередь это относится к нашивным бляшкам – действительно находит аналогии в северопонтийском регионе: они есть и на Кубани (см., например, сводную таблицу Марченко 1996, С. 230. Таб. 11), и на черноморском побережье, и на территории, примыкающей к Восточным Карпатам. К таковым относятся всякого вида розетки, трубочки-проници, часто встречающиеся вместе с ними, а также ромбические и трёхугольные бляшки, ведркообразные подвески. Они особенно часты и многочисленны в богатых погребениях I века н.э. (это вновь обращает внимание на то, что венгерские комплексы происходят предположительно из погребений элиты).

Бросается в глаза, что в Нижнем Подунавье – буджакской степи и Молдове – золотые нашивные украшения встречаются только спорадически (Рис. 3). Это озадачивает, ведь именно этот регион принято считать исходной территорией языгов. В то же время заслуживает особого внимания факт, что серьги, украшенные вставками и зернью, и лунулы почти не имеют точных параллелей у сарматов к востоку от Карпат. Лунулы с цветными вставками чрезвычайно редки (отличные по форме, но сходные по технике – использование синих вставок, зерни – подвески известны из позднескифских погребений Крыма: Высотская. 1994, С. 106).

Аналогий серьгам, украшенным вставками и зернью, нам вовсе не удалось найти ни в материале античных городов, ни среди сарматских находок. Не обнаружались их прототипы и в эллинистических ювелирных традициях. Возможно, часть драгоценностей была не принесена языгами в Карпатский бассейн, а изготовлялась на месте (небрежность технологии и невыдержанность типовых признаков указывает как раз на это). Происхождение этих вещей ключевой вопрос с точки зрения ранней истории сарматов Венгерской низменности. Множество признаков указывают на определенную связь с так называемыми позднескифскими могильниками Крыма. Формальное сходство в первую очередь обнаруживается с погребениями могильника Усть-Альма, где, в частности, часто встречаются проници-трубочки из золотой фольги (Loboda, Puzdrovskij, Zajcev. 2002, погребение 603.: Abb. 3, 9, погребение 620: Abb. 15, 23), золотые ведркообразные подвески (погребение 603: Abb. 3, 19; погребение 620: Abb. 22), бляшки в виде четырехлепне-

стковых розеток (погребение 612: Abb. 9, 7, погребение 620: Abb. 14, 7). В большинстве недавно опубликованных знатных погребений были найдены золотые листья погребальных венков, которые родственны (скорее по содержанию, чем по форме) золотым пластинам из Кишкёрёш (Kiskőrös, Vágóhid) (об их функции см.: Köhegyi. 1985. С. 329–330).

Авторы публикации усть-альминских материалов считают могильник погребальным местом знати и датируют его серединой – третьей четвертью I в. н.э. Южная ориентировка, часто характеризующая позднескифские погребения, ещё один аргумент в пользу определенного родства крымских и алфёльдских древностей (у сарматов Карпатского бассейна южная ориентировка господствовала в течение всей их истории). Забегая вперед во времени, отметим, что самыми типичными находками второй сарматской волны, появившейся на Венгерской низменности уже после Маркоманских войн, в конце II века, являются кольца с шишечками, весьма характерные для крымских находок.

Неизвестно, какой путь выбрали языги для проникновения в Карпатский бассейн. Если южный – то они продвигались от Нижнего Дуная по долине реки. Если северный – то они должны были преодолеть перевалы Восточных Карпат (как это сделал примерно 800 лет спустя другой восточный кочевой народ – венгры). К сожалению имеющиеся у нас данные не позволяют ответить на этот вопрос. Если взглянуть на карту распространения памятников с золотыми украшениями (Рис. 3), мы обнаруживаем, что они относительно равномерно рассыпаны по всей территории междуречья Дуная и Тисы.

Не помогает в этом вопросе и нанесение на карту наиболее западных находок нашивных бляшек и других характерных украшений, найденных в сарматских погребениях Молдовы и Нижнего Подунавья – ничто не указывает на особенную концентрацию этих вещей в том или ином районе, и, таким образом, аргументы для решения вопроса о маршруте продвижения языгов следует искать другим методом.

Литература

- Богданова. 1989 – *Н. А. Богданова*. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. – (Труды ГИМ. Вып. 70).
- Высотская. 1994 – *Т. Н. Высотская*. Усть-альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
- Дзиговський. 1993 – *О. М. Дзиговський*. Сармати на заході степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н.е. – першій половині IV ст. н.е. Київ, 1993.

- Гушина. 1982 – *И. И. Гушина*. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Клыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. – (Труды ГИМ. Вып. 54).
- Гушина, Засецкая. 1994 – *И. И. Гушина, И. П. Засецкая*. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
- Иштванович, Кульчар. 2000 – *Э. Иштванович, В. Кульчар*. Проблематика «первого поколения» в изучении сарматов Карпатского бассейна // Раннесарматская культура. Формирование, развитие, хронология. Самара 2000. Вып. 2.
- Ковпаненко. 1986 – *Г. Т. Ковпаненко*. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев, 1986.
- Марченко. 1996 – *И. И. Марченко*. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
- Сергачков. 1998 – *И. В. Сергачков*. Сарматское погребение с римским импортom в низовьях Иловли // РА. 1998. № 4.
- Симоненко, Лобай. 1991 – *А. В. Симоненко, Б. И. Лобай*. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев, 1991.
- Babes. 1999 – *M. Babes*. Ein Tamga-Zeichen aus der dakischen Siedlung von Ocnița (Buridava). // *Transilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt*. Hrg. Nikolaus Boroffka – Tudor Sorocanu. Verlag Marie Leidorf GmbH, Rahden/West. 1999.
- Bichir. 1977 – *Gh. Bichir*. Les sarmates au Bas-Danube. // *Dacia*. 1977. XXI.
- Farkas. 2000 – *Cs. Farkas*. Kora szarmata sírok Füzesabony határában (Füzesabony–Kastély dűlő I.) // *Heves Megyei Régészeti Közlemények*. Eger, 2000. 2.
- Kőhegyi. 1985. – *M. Kőhegyi*. Kora szarmata aranyeleletes női sírok az Alföldön. // *A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve 1982*. Debrecen, 1985.
- Loboda, Puzdrowskij, Zajcev. 2002 – *I. I. Loboda, A. E. Puzdrowskij, J. P. Zajcev*. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. // *Eurasia Antiqua*. 2002. 8.
- Párducz. 1941 – *M. Párducz*. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. Budapest, 1941. I.
- Peškaf. 1972. – *J. Peškaf*. Fibeln aus der römischen Kaiserzeit in Mähren. Prag, 1972.
- Tari. 1994 – *E. Tari*. Korai szarmata sír Újszilváson. // *A kőkortól a középkorig*. Szeged, 1994.
- Vaday. 1984 – *A. H. Vaday*. Das Gräberfeld der Jazyges Metanastae in Mezöcsát-Hörsöngös. // *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften 12–13*. 1982–1983. (1984).

А. А. Васильев

О времени появления германских дружин на Боспоре

Согласно данным письменных источников (SHA, Зосим, Георгий Синкел, Иоанн Зонара) в 50-х – 70-х г. III в. Боспор становится исходным пунктом варварских набегов на Римскую империю. Археологическим свидетельством германского нашествия, в результате которого был подчинен Боспор, считались разрушения и прекращения жизни на городищах Крымской Скифии, городах и сельских поселениях Европейского и Азиатского Боспора, городищах Нижнего Дона, а также многочисленные монетные клады открытые в очерченном ареале. В качестве эталонного памятника, маркирующего готское нашествие, рассматривался Танаис, где в слоях разрушения, датированных монетами середины III в., были найдены умбоны от германских щитов (Яценко. 1997. С. 156–157; Скрипкин. 1984; Айбабин. 1999). В последнее время были предложены иные интерпретации археологических материалов положенных в основу этой концепции. По мнению С. А. Яценко, к которому присоединились и другие исследователи, Танаис, Горгоппия, городища Нижнего Дона были разрушены не германцами и северокавказскими аланами (Яценко. 1997; Мошкова, Малашев. 1999; Малашев. 2000; Безуглов. 2000). Находки умбонов лишь свидетельствуют о присутствии германцев, которые могли выступать как на стороне аланов, так и на стороне защитников города (Яценко. 1997). Решающий удар Крымской Скифии был нанесен Херсонесом и Боспором при поддержке Рима между 186 и 193 г., а фатальной для её центра – Неаполя – стала карательная акция проведенная боспорянами ок. 218 г. (Труфанов, Юрочкин. 1999; Уженцев, Юрочкин. 2000). Разрушения, зафиксированные на Боспоре, помимо антропогенного, могут иметь и сейсмическое происхождение (Винокуров, Никонов. 2004). М. М. Казанский проанализировав древности германского происхождения на Боспоре пришел к выводу, что к настоящему времени среди них нет находок «связанных с первой волной прорвавшихся сюда в пятидесятые годы III века варваров (бораны, готы, герулы)» (Казанский. 1999. С. 280).

Вместе с тем, с территории Боспора и из Центрального Крыма происходит сравнительно небольшая, но весьма выразительная в этнокультурном плане, серия предметов воинской экипировки германского происхождения, которые датируются второй половиной II – первой половиной III в. (Васильев. 2005) Наиболее ранней находкой вещей этого круга является умбон из склепа Кааллисефена (Рис. 1. 2), который

близок скандинавским формам этапа В2_b и начала С1_a²⁵. Умбон из погребения 152/2 могильника Нейзац (Рис. 1. 2) и шпоры из погребения 28 могильника Скалистое (Рис. 1. 3) датируются, вероятнее всего, в рамках периодов С1_a и С1_a/С1_b. Особо следует остановиться на тананисских умбонах (Рис. 1. 4–8). На наш взгляд экземпляр найденный в 1989 г. (Рис. 1. 4) относится к типу Ян-5, который датируется в основном в рамках периодов В1_c и В2 но может встречаться и позднее (Каргопольцев, Бажан 1992, Рис. 2. 1 б).

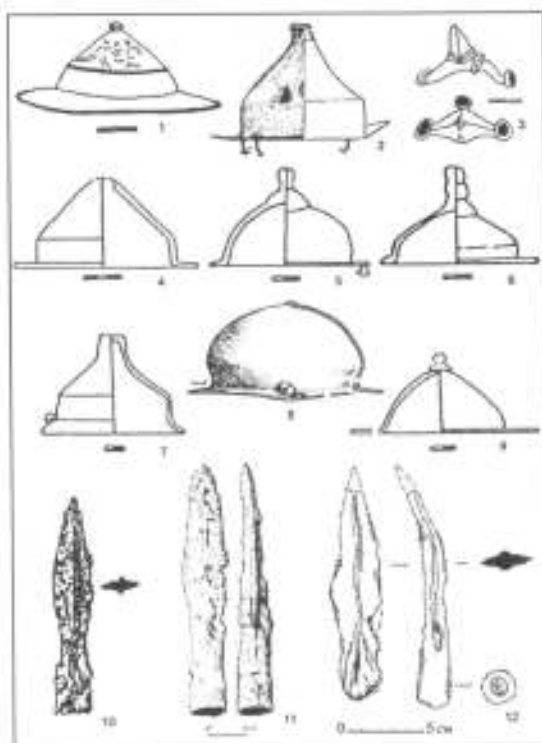

Рис. 1. 1 – Склеп Каллифна (Kazanski, 1994); 2 – Нейзац, 152/1 (Храпутов, 2003); 3 – Скалистое, 28 (Kazanski, 1994); 4 – 7 Тананис (Kazanski, 1994); 8 – Тананис (Арсеньева, Науменко, 2001); 9 – Южно-Донузлавское гор. (Kazanski, 1994); 10 – Тананис (Арсеньева, Науменко, 1989); 11 – Тананис (Коровина, Шелов, 1965); 12 – Неаполь Скифский (Зайцев, 2003)

²⁵ Здесь и далее хронология германского оружия за исключением оговоренных случаев по Godłowski, 1994 и Пкягг, 1990.

Умбоны типа Хорула в Скандинавии датируются этапом $C1_a/C1_b$, а в пшеворской культуре еще и большей частью этапа $C1_b$, также датируются и умбоны типа Конни. Наиболее поздним является умбон из подвала Д (Рис. 1. 8), который находит аналогии в скандинавских формах этапа $C1_b$.

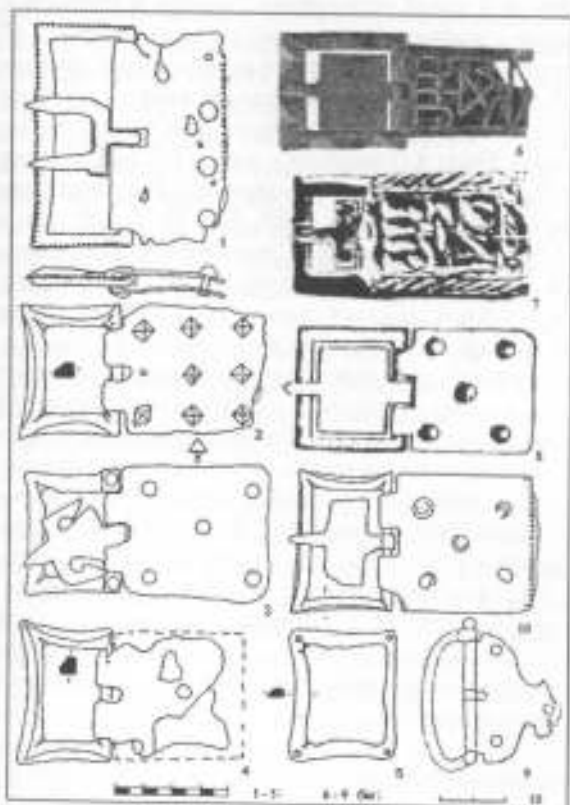

Рис. 2. 1 – Керчь, депаспортизированная находка; 2–4 – раскопки В. В. Шкорпила 19.XI.1902, 10.II.1903 и 12.VI.1914; 5 – Керчь, депаспортизированная находка; 6 – по: Соломоник. 1959. № 80; 7 – по: Бяковская. 2004. Фото 8; 8 – по: Бич. 1959; 9 – раскопки В. В. Шкорпила. Мог. 37/1900 на Алж имушкайской ул.; 10 – по: Малашев, Обломский. 2000

Таким образом, численно преобладают в Танаисе умбоны тех типов, которые к моменту гибели города практически вышли из употребления, что отмечал еще К. Годловский (Godłowski. 1994, С. 175).

Если использовать центрально-европейскую и скандинавскую шкалы, то следует признать, что период взаимовстречаемости типов умбонов найденных в слоях разрушения Танаиса приходится на 20-е – 30-е г. III в. в то время как слои, в которых эти умбоны были найдены, датированы боспорским статером 250 г. Еще один умбон типа Хорула происходит с Южно-Донузлавского городища в Западном Крыму (Рис. 1. 9). Помимо умбонов в слоях разрушения Танаиса и Неаполя Скифского известны находки наконечников копий германских типов (Рис. 1. 11–13). Танаисские экземпляры вероятнее всего следует датировать в рамках этапа C1_b–C2. Наконечник из Неаполя сильно корродирован, что затрудняет его точную атрибуцию, но на наш взгляд он близок скандинавскому типу Pkjær 8 (Brunsbjerg – этап C1_a/C1_b). К этому же кругу находок могут относиться и происходящие с Раевского городища топор и наконечник пика (Онайко, 1959. Рис. 23. 1, 10), если последний действительно датируется римским временем (Вознесенская, Левада, 1999. С. 255). Помимо предметов вооружения и экипировки всадника на Боспоре известны и находки пряжек от германских воинских поясов, местных подражаний им, а также входивших с ними в комплект наконечников ремней, совмещающих в себе черты как центральноевропейских, так и северопричерноморских изделий. Наиболее представительна серия застёжек с прямоугольными рамками и щитками, специфической особенностью которых являются пластинчатые язычки, расширение в средней части которых занимает значительную часть внутреннего пространства рамки (Рис. 2. 2–8, 10). В Центральной Европе такие пряжки характерны для этапов В2 и В2/С1. Помимо массивных поясных пряжек известны и аналогичные по оформлению экземпляры меньшего размера с язычками равномерной ширины, вероятно от портупейных ремней. Другие типы германских пряжек представлены единичными экземплярами (прямоугольная с раздвоенным язычком, с двухчастной D-образной рамкой) которые датируются в рамках этапов В2/С1 и С1_a (Рис. 2. 1, 9). Согласно уточнениям М. Б. Щукина абсолютные датировки упомянутых этапов относительной хронологии в настоящее время выглядят следующим образом. Ступень В2: начало ок. 50–70 г. I в., пик – рубеж I и II в., финал – 170-е г.; В2/С1: начало ок. 150 г., пик – 170–180 г., финал – рубеж II и III в.; С1_a: начало – ок. 160 г., пик – ок. 200 г., финал – 220/230 г.; С1_b: начало – последние десятилетия II в., пик – 220–240 г., финал – 240/260 г.; С2: начало – примерно вторая четверть III в., пик – 260-е – 290-е г., финал – первые десятилетия IV в. (Щукин, 1999. С. 15–16). Вышесказанное заставляет несколько скорректировать сложившиеся представления о присутствии германцев на Боспоре. Предлагаемый нами вариант реконструкции событий, безусловно, не претендует на «окончательное решение вопроса», во многом гипотетичен, но, как представляется,

максимально соответствует всей сумме известных нам археологических и письменных источников по данной проблеме. Находки предметов вооружения и воинской экипировки позволяют прийти к выводу о присутствии на Боспоре германцев, еще до того, как они массово появляются в регионе в середине III в.

Вероятнее всего германская дружина формируется на Боспоре приблизительно между 160-м и 190-м г. Для определения времени её появления и статуса важна интерпретация тамг изображенных на щитках одной из германских пряжек и их имитаций, изготовленных для погребального ритуала (Соломоник 1959 № 72, 80). Традиционно их приписывают Тиберию Юлию Евпатору (154–173/4 г.) но недавно были высказаны серьёзные аргументы против существования тамг у боспорских царей до Фофорса (286–308 г.) (Завойкина. 2003). Помимо тамг идентичных знаку на шпите из Танаиса, с именем Евпатора в качестве датирующей формулы, на щитках фигурных пряжек имеются и тамги отличные от знаков идентифицируемых с приемниками этого царя. На наш взгляд это также свидетельствует против прямого отождествления знаков с царями Боспора, вместе с тем они всё же могут служить хронологическими реперами. Очевидно, что время формирования германской дружины на Боспоре совпадает с маркоманскими войнами и началом продвижения населения вельбаркской культуры на юго-восток.

Первой крупной военной компанией, в которой мог принять участие германский контингент, было покорение Крымской Скифии. Реконструкция этих событий была предложена В. М. Зубарем (Зубарь. 2002). Согласно исследователю, между 186 и 193 г. Савромат II и римское командование оккупировали территорию Крымской Скифии, и разделили её на две зоны. Вторжение, вероятно, было начато одновременно с территории Херсонеса подразделениями мезийской армии (I Итальянский легион) и с Боспора войсками Савромата II (в состав которых входили аланские, а по иному мнению и германские контингенты) при поддержке вспомогательных войск из провинции Вифиния-Понт (IV Кипрская когорта). Шноры из Скалистого и Умбон из Нейзаца, найденные в комплексах середины III в., являются скифскими трофеями, чем и объясняется их запаздывание. Именно контактами союзников при проведении этой акции объясняется находка в Херсонесе боспорской фигурной пряжки с тамгой на щитке (Журавлев. 2002. С. 92). Для окончательного приведения «поздних скифов» к покорности Рескупориду II пришлось провести против них ещё одну военную кампанию около 218 г. (Труфанов, Юрочкин. 1999). Об участии в ней германских воинов на наш взгляд свидетельствуют находки копья в слое разрушения Неаполя и Умбона типа Хорула на Южно-Донузлавском городище. В середине 30-х г. III в. возникает угроза

Азиатским владениям Боспора, которая исходила от аланов Северного Кавказа (Яценко, 1997). Этапами их экспансии стали прекращение функционирования «Золотого кладбища», затухание жизни на меотских городищах Кубани и Нижнего Дона, гибель Горгиппии (после 238 г.), исчезновение «всаднических» погребений начального этапа позднесарматской культуры, зоной концентрации которых были степи Нижнего Дона, разрушение Ташикса (после 250 г.) и, наконец, воцарение на Боспоре в 253 г. некоего Фарсанза.

Какова же роль германской дружины в перечисленных событиях? На наш взгляд наряду с реконструкцией фортификаций Ташикса (КБН № 1249–1252), для укрепления гарнизона сюда была перебросена часть этого подразделения, что, впрочем, не спасло город. Боспорское царство оказывается в катастрофическом положении. На угрозу азиатским владениям указывают III Патрейский и Таманскийклады с последними монетами 251 и 252 г., соответственно (Куликов, Чевелев, Иванова, Куликова, 2004). Нижнедонская орда, выступавшая союзником Боспора ещё со времен Савромата II, была разгромлена, крайние восточные форпосты, несмотря на все усилия, пали, надежды на поддержку со стороны Рима не было. В сложившихся условиях единственным шансом спасти государство, были максимальные уступки агрессору. Так в 253 г. году появляется соправитель Фарсанз. Возможно, ему был передан контроль над азиатской частью Царства. Выделение его чеканки от следующего 254 г. проблематично, зато Рескупорид чеканит на своих монетах венки победителя (Айбабин, 1999). Клады с последними монетами 254 г. открыты в Пантикапее (1964 г.) и в районе Мирмекия (Сад-База, 1988) (Куликов, Чевелев, Иванова, Куликова, 2004). По нашему мнению имело место не просто устранение Фарсанза в ходе дворцового переворота, а разгром стоявших за ним северокавказских аланов, поскольку с этого момента их экспансия на Боспор более не проявляет себя. Единственной силой, на которую боспорский царь мог опереться для решения такой задачи, могли быть только германцы. Пользуясь традиционным каналом вербовки, Рескупорид вместо небольшой дружины привлёк значительное войско. Однако, как это не раз бывало в истории, призванные для защиты от агрессоров быстро почувствовали себя хозяевами. В 255 г. боспорскому царю пришлось «скорее из страха, чем из расположения» (Зосим, I, 32) передать новым союзникам флот и направить их активность на римские владения. С этого момента и на два ближайших десятилетия Боспор становится базой для морских походов германцев. Активными участниками первых рейдов выступают некие бораны (Βοράνοι, Βοράβοι), этническая принадлежность которых остаётся дискуссионной (Хайрединова, 1995). В византийских источниках XI и XII в. можно встретить этноним Βαργυροι – скандинавские Waeringet, варяги русских

летописей (Васильевский, 1874–1875). Этот термин, вероятно, происходит от скандинавского *væta* – защищать, оборонять (Стриннигольм, 2002, С. 284). В этой связи предложенная И. С. Пиоро связь боранов с северогерманскими варнами (Пиоро, 1990, С. 39) может объясняться не столько прямым этническим родством, сколько общностью термина обозначающего воинское объединение, положенного в основу этнонима. Исходя из изложенного мы полагаем, что боранами могли называть германскую гвардию боспорских царей.

А. Л. Ермолин

**Гунны-утигуры и готы-тетракситы
в сочинении Прокопия Кесарийского
(локализация места противостояния гуннов и готов,
а также путь их движения через Керченский полуостров
в 3-й четверти V в. н.э.)**

Археологическими исследованиями второй половины XX – начала XXI века на Керченском полуострове в целом, а в районе побережья Азовского моря в частности, открыт ряд памятников, которые по времени своего существования, IV – VI в. н.э., приходится на эпоху, описанную Прокопием Кесарийским. Изучение некрополя в селе Заморское (далее современное название Верхне-Заморское) в начале 70-х годов (Корпусова, 1973, С. 27–45), раскопки поселения Белниское (Зубарев, 2002, С. 120–132), фундаментальные работы на Караларском побережье Азовского моря (Масленников, 1997), исследование земляных оборонительных укреплений (Масленников, 2003), дали возможность по новому рассмотреть известные тексты. Речь пойдет об описании Прокопием Кесарийским перехода гуннов-утигуров на азиатскую сторону Меотиды после гибели Атилы в 453 году и распада его державы. Приведем этот абзац полностью: «Гунны, же со своим предводителем направились к себе домой, чтобы там впредь жить одни. Когда они очутились вблизи Меотийского озера, то встретились там с так называемыми готами-тетракситами. Готы, оградившись сначала щитами, стали против наступающих с целью защищаться, надеясь на свою силу и на крепость местности. Из всех тамошних варваров они являются самыми мужественными. Начало Меотийского пролива, где тогда обитали готы-тетракситы, образуя лунообразный залив и наилучшим образом ограждая их, оставляло для нападающих только один не очень широкий вход к ним. Позднее же, так как ни гунны не хотели терять здесь своего времени, ни готы не надеялись в течение долгого времени

противостоять множеству врагов, они вступили друг с другом в соглашение, чтобы соединившись сделать сообща переход и чтобы готам поселиться на противоположном материке на самом берегу пролива, где они и теперь сидят, и чтобы сделавшись на будущее время друзьями и союзниками утигуров, жить там с ними на вечные времена на одних и тех же правах. Таким образом эти готы основались здесь» (Васильев. 1921. С. 331–332). Теперь подробнее рассмотрим вышеупомянутые географические пункты.

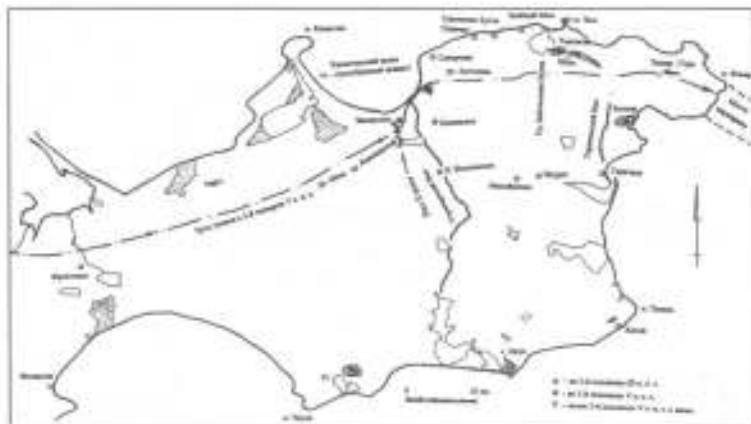

Рис. 1. Схема движения гуннов в третьей четверти V в.

«Очутились вблизи Меотийского озера» – совершенно однозначно речь идёт о побережье Азовского моря на Керченском полуострове, т. е. путь их лежал вдоль Азовского побережья, где менее пересечённая местность. Об этом говорит и тот факт, что в XX в. как железная дорога в начале века, так и Северо-Крымский канал во второй половине века, прошли вдоль Азовского побережья вплоть до линии Узунарского вала, где эти пути вплотную приближаются к Казантипскому заливу. Путь гуннов также проходил вдоль залива (Рис. 1; 2).

«Начало Меотийского пролива, где тогда обитали готы-тетрактисы, образуя лунообразный залив и наилучшим образом ограждая их, оставляло для нападающих только один не очень широкий вход к ним.» Этот узкий вход локализовали на Акмонайском перешейке (Васильев. 1921. С. 308), но «лунообразный» Феодосийский залив на современной карте, совершенно не вызывает подобных ассоциаций визуально, как со стороны мыса Чауда, так и со стороны Феодосии, в отличии от Казантипского залива, который подобным образом выглядит и с мыса Казантип, и с мыса Чаганы, и с северной оконечности

Узунларского Вала. Казантипский залив уже локализован как «лунообразный» А. А. Масленниковым (Масленников, 1997, С. 43).

Рис. 2. Участок пути гунонов по побережью Казантипского залива. Узунларский вал и вал Елены

Огородиться щитами, даже на 10-ти километровом (учитывая озёра и заболоченные участки) пространстве Акмонайского перешейка не реально, для этого надо не менее двадцати тысяч воинов, вставших всего в один ряд. Количество же защищавших узкий проход было не многим более двух тысяч. Об этом можно сделать вывод из следующего замечания Прокопия: «соседние с ними (т. е. утигурами) готы, кото-

рые называются тетракситами, выставив союзный отряд в две тысячи человек, перешли в полном составе реку Танаис. Начальствовал над ними Сандил» (Васильев. 1921. С. 332). Хотя здесь идёт речь о другом времени и месте, но готы остаются те же, ушедшие в свое время с гуннами, и даже за сто лет число воинов в племени вряд ли существенно бы изменилось. Реальное пространство, которое могут защищать две – три тысячи, это участок в пятьсот – семьсот метров. Таким «не очень широким входом к ним» может быть участок между берегом Казантисского залива и обрывом, где заканчивается Узундарский Вал. Там действительно существует проход шириной до пятисот метров, а, учитывая, что уровень моря мог быть ниже в то время, соответственно и проход мог быть до шестисот метров. Этот, на первый взгляд совершенно неукреплённый проход мог быть оставлен для прохождения союзных племен или своих войск. Каких либо следов укреплений там не видно, но из слов Прокопия: «надеясь на свою силу и крепость местности» можно сделать вывод что прилегающая к проходу местность была укреплена. Так коротко и однозначно сказано о тридцати семи километровом укреплении – Узундарском вале! Дорога же не доходя трёх километров до вала, поворачивала к морю (лунообразному заливу, откуда, кстати, он так и выглядит), оглябая (или проходя через него) относительно небольшой по протяжённости вал Елены (название автора). Длина его до семисот пятидесяти метров, находится он в пятистах метрах к югу от современного села Верхнее-Заморское, начинаясь от Глубокой балки с западной стороны, в южном направлении доходит до гребня небольшой гряды, по которой и проходила древняя дорога. Этот вал и сейчас виден из окна поезда в районе с. Верхне-Заморское. К югу от древней дороги на этом участке расположено урочище Низы, юго-восточней находится хребет Каменный, прямо на восток в пятистах метрах гряда перерезана оврагом. Попасть на территорию, контролируемую готами можно было только перейдя вал Елены, и, повернув за ним на север к заливу, при этом, пройдя мимо поселения (вероятно укрепленного), спуститься к морю.

К сожалению, никаких данных о поселении IV – середины V в. н.э. в селе Заморском мы не располагаем и об его существовании можем судить по материалу могильника (Корпусова. 1973. С. 27–45). Первоначально оно датировалось III–IV в. н.э., но позже, совершенно обоснованно, датировка была уточнена и она полностью соответствует историческим реалиям – приходам готов в северо-восточную часть Крыма и уход части готского населения с гуннами на Азиатскую сторону (Казанский. 1999. С. 277–297). Учитывая вышесказанное можно предположить, что «Готы, оградившись сначала щитами, стали против наступающих с целью защищаться» могли вероятнее всего на валу Елены. Не исключён вариант и защиты прибрежного участка на берегу

залива, но там конница гуннов могла просто смять пеших готов (вместе со щитами). Откуда взялись готские воины для защиты прохода? Вероятней всего, это были жители поселения, расположенного недалеко от современного села Белинское и возможно с поселений Караларского побережья. Но если поселение Белинское прекращает своё существование во второй половине V в. н.э., т. е. его население уходит с гуннами, то жизнь на Караларском побережье продолжается. Можно сделать вывод, что с гуннами ушла только часть населения, непосредственно имевшая соприкосновение с ними, это жители форпоста (или барбакана с точки зрения оборонной архитектуры) в Верхнезаморском, и гарнизон с семьями из поселения Белинское.

«Они вступили друг с другом в соглашение, чтобы соединившись сделать сообща переход и чтобы готам поселиться на противоположном материке на самом берегу пролива, где они и теперь сидят, и чтобы сделавшись на будущее время друзьями и союзниками утигуров, жить там с ними на вечные времена на одних и тех же правах.» Может на словах это так и выглядело, но остаётся фактом то, что готы с семьями и всем своим скарбом, оказавшись «заложниками», влились с гуннами в общий поток, и двинулись в сторону переправы. Наиболее вероятным путём их движения видится северная сторона урочища Артезная, долина со стороны южного склона горы Ташкалак и всей Ташкалакской гряды, затем движение в сторону Темир-Горы, по её южному склону и выход вокруг горы Хрони к переправе в районе мыса Фоварь. Таким образом, обходя Боспор с севера и имея у себя в заложниках около пятнадцати тысяч (как минимум) местного населения, гунны переходят пролив.

Отдельно надо сказать о времени года, скорее всего, это был конец зимы, об этом говорит и тот факт, что «гунны не хотели терять здесь своего времени», т. е. они спешили до наступления тепла перейти Меотийский пролив по льду. Об этом можно говорить, ссылаясь на многих авторов, но задача этой работы в другом: показать точность и достоверность фактов, изложенных секретарём Велизария Прокопием Кесарийским, сумевшего буквально в нескольких предложениях, скупых как приказ, донести до нас сведения того бурного времени.

Литература

- Васильев. 1921 – А. А. Васильев. Готы в Крыму // ИРАИМК. 1921. Т. 1. Ч. 1.
Зубарев. 2002 – В. М. Зубарев. Некоторые вопросы подвизантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у села «Белинское» // ДБ. 2002.
Катавский. 1999 – М. Катавский. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуры. К., 1999.

- Корпусова. 1973 – В. М. Корпусова. Сельские поселения поздантичного Боспора // *Археология*. 1973. № 8.
- Масленников. 1997 – А. А. Масленников. Семейные скелеты сельского населения поздантичного Боспора. М., 1997.
- Масленников. 2003 – А. А. Масленников. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.

Ю. М. Мозаричев, А. В. Сазанов

К вопросу о хазарах на Боспоре в конце VII – начале VIII в.

Среди множества дискуссионных вопросов истории раннесредневекового Боспора обращает на себя внимание проблема хронологии и характера начального этапа так называемого «хазарского периода». Традиционно начало хазарского проникновения в Крым (то, что это происходило через Боспор поддерживается подавляющим большинством исследователей) связывается с последней четвертью VII в (Васильев. 1927. С. 186; Артамонов. 1962. С. 196; Якобсон. 1964. С. 28–35; Баранов. 1990. С. 150; Айбабин. 1999. С. 185). А. И. Айбабин приводит и археологические доказательства данного события. На основании материалов собственных исследований на территории Керчи и раскопок Т. И. Макаровой (Макарова. 1991; 1998), им выявлен слой пожара, который, как он полагает, связан с захватом Боспора хазарами в 679/680 г. Аналогичный вывод сделан и для ряда других поселений Керченского полуострова (Айбабин. 1997; 1999. С. 185–186; 2000). В самом городе, по мнению автора, захватчики в приморской части построили цитадель и разместили в ней гарнизон (Айбабин. 1999. С. 188–189). Выводы А. И. Айбабина в отношении «хазарских слоев» Боспора были подвергнуты критике со стороны В. Е. Науменко (Науменко. 2001. С. 349–353), С. Б. Сорочана (Сорочан. 2001. С. 146–147) и В. В. Майко (Майко. 2000. С. 87–89). Археологически вывод о подчинении хазарами Боспора в 679/680 г. и их господстве здесь в конце VII – первой половине IX вв. обосновывался наличием на исследованных участках слоя пожара, отражающего захват ими города, существованием хазарской цитадели и мощного слоя с многочисленными постройками и ярко выраженными хазарскими материалами.

Проведенный нами анализ стратиграфии и археологического материала показал, что единого слоя «хазарского» пожара не существует. К последней четверти VII в. относится лишь слой пожара В под помещением 12 Кооперативного переулка. При этом обосновать его точную датировку 679/680 годами, на основании обнаруженных находок, не-

возможно. Можно лишь говорить о том, что он произошел после 654/659 г. н.э. В самом слое пожара В никаких хазарских материалов обнаружено не было. Возникшее после пожара В помещение 12 существовало недолго и уже к началу VIII в. было покинуто. Таким образом, слой и комплекс, который А. И. Айбабин трактует как «хазарский» таковым считаться не может. Не подтвердилась и точка зрения Т. И. Макаровой, согласно которой тотальное разрушение базиликального комплекса, сопровождавшееся большим пожаром следует связывать с хазарским нашествием. Слой разрушения здесь датируется почти на 100 лет раньше и связан с другими историческими событиями.

Анализ стратиграфии показывает, что на исследованных участках можно выделить слои последней трети VII – начала VIII в., после которого сразу следуют слои середины – второй половины IX в. Следовательно, «хазарский» период VIII – первой половины IX в. здесь не представлен. Что касается «хазарской цитадели», то слой времени ее строительства отсутствует. Эти стены могли быть построены в любой промежуток времени между 570–580 г. и серединой IX в. Можно лишь говорить об их функционировании в середине IX в. и гибели во второй половине этого столетия. Характер кладки и общая планировка сооружения не характерны для хазарских построек. Соответственно, нет оснований говорить о хазарском слое в Керчи и тем более, о хазарской цитадели. В итоге приходится констатировать, что существующие на сегодняшний день археологические материалы не подтверждают концепцию о захвате хазарами Боспора в 679/680 г. и принадлежности им города в VIII – первой половине IX в. (Подробнее см. Сазанов, Могаричев. 2002).

Древнейшими свидетельствами хазарского присутствия на территории Боспора, равно как и всего Крыма, являются данные «Хронографии» Феофана и «Бревиария» Никифора, касающиеся знаменитой истории о ссылке в Херсон свергнутого императора Юстиниана II, его бегстве к хазарам, возвращении на константинопольский престол и последовавших за тем карательных мерах против Херсона (Чичуров. 1980. С. 62–65, 163–166). Эти источники неоднократно анализировались различными исследователями, правда, выводы были противоположными – от мнения о полном подчинении Крыма (см. выше), или большей его части хазарам до констатирования установившегося здесь condominiuma между Хазарией и Византией (Сорочан 2002. С. 509–514; Науменко. 2004. С. 7–8). Попробуем проанализировать их еще раз.

В начале обратимся к вопросу о присутствии хазарского наместника на Боспоре (в данном случае мы имеем в виду собственно город Боспор). В соответствии с сообщениями византийских летописцев, после бегства к кагану, Юстиниан женился на сестре последнего и жил

в Фанагории. Каган поддавшись уговорам правившего в Константинополе Тиверия III Аписмара, решил выдать опального императора византийцам. По Феофану: «Хаган уступил такой просьбе и послал Юстиниану охрану под предлогом, как бы его собственные соплеменники не устроили против него заговор, а (сам) приказал Панацу, бывшему в Фанагории от его лица, и Валгицу, архонту Босфора, убить Юстиниана, как только дадут им знать. Но, как через слугу хагана об этом была известна Феодору, (все) стало известно и Юстиниану, он, призвав упомянутого Панаца для беседы наедине, задушил его струной; так же (Юстиниан поступил) и с архонтом Валгицем. (Затем) он немедленно отправляет Феодору в Хазарию, а сам тайно сбежал из Фанагории» (Чичуров. 1980. С. 62–63).

По Никифору: «Он (каган – *авт.*) послал людей для охраны Юстиниана под видом того, как бы он не подвергся козням со стороны своих соплеменников, а на самом деле – стеречь Юстиниана, чтобы он не скрылся, стремясь заранее себя обезопасить. Архонту из единоплеменников, жившему при Юстиниане, а также архонту Скифского Боспора хаган приказывает выжидать, пока он не поручит им убить Юстиниана как можно быстрее. Но об этом извещает Феодору один из слуг ее отца, а она донесла о заговоре мужу. Тогда Юстиниан, призвав того местного хазарина (к себе) и уединившись с ним, задушил его петлей; таким же образом он убивает и архонта Боспора» (Чичуров 1980. С. 163).

Обычно современные исследователи интерпретируют Панаца как хазарского заместника Фанагории, а Валгица как правителя Боспора из местного населения, но подчиненного хазарам (Чичуров. 1980. С. 124–126; Науменко. 2001. С. 347–348). Возможно, Панац к управлению Фанагорией отношения не имел. На расплывчатое сообщение о нем Феофана: «бывшему в Фанагории от его (кагана – *авт.*) лица», имеется однозначное пояснение Никифора: «Архонту из единоплеменников, жившему при Юстиниане». Напомним, что сочинение Никифора стоит по времени, по крайней мере, на 30 лет ближе к описываемым событиям, чем произведение Феофана. «Бревиарий» был составлен в 70–80-х г. VIII в., а «Хронография» между 810 и 814 г. (Чичуров. 1980. С. 18, 147). То есть Панац – хазарский чиновник приставленный каганом к Юстиниану. Близко к такой точке зрения находились взгляды Ю. А. Кудаковского (Кудаковский. 1996. С. 271) и М. И. Артамонова (Артамонов. 1962. С. 197). В этом нет ничего удивительного. Кроме того, что Юстиниан был женат на родной сестре правителя Хазарии, он не скрывал и своих претензий на Константинопольский престол. Поэтому нахождение рядом с Юстинианом доверенного лица хагана, было необходимо. Таким доверенным лицом и был Панац. Не должно смущать и то обстоятельство, что Никифор называет Панаца архонтом.

Под этим термином он понимал не только наместников или правителей областей, но и знатных, влиятельных варваров, каким и должен был быть Папац. Например, описывая прибытие гунов (вероятно во главе с Гордом) в Константинополь он пишет «Прошло некоторое время и государь племени гунов прибыл со своими архонтами и дорифорами в Византию, прося императора посвятить его в таинства христианства» (Чичуров, 1980, С. 159). Что касается Валгица, то здесь ситуация несколько сложнее, Феофан называет его «архонт Босфора», а Никифор «архонт Скифского Боспора». То есть, из источника следует, что Валгиц был наместником кагана на Боспоре. Причем именно кагана, и никоим образом не подчинялся императору. При двойном подчинении Боспора (на чем настаивают С. Б. Сорочан и В. Е. Науменко) Тиберий III мог сам, без кагана «убедить» архонта избавиться от Юстиниана (уж очень неординарный был случай). То, что византийцы искусно владели данными приемами хорошо известно. А раз Ансимар просит об услуге кагана и тот приказывает архонту Боспора (на чем настаивают источники), то вывод может быть один: данный чиновник подчинялся исключительно хазарам.

Однако о каком Боспоре идет речь? Обычно исследователи или просто констатируют, что Валгиц был наместником на Боспоре, или уточняют, что под Боспором подразумевается бывший город Пантикапей, который в византийских источниках известен как Боспор. В. Е. Науменко предположил, что область деятельности данного чиновника «не затрагивала территории Таврики» (Науменко, 2001, С. 348).

Судя по данным как Феофана, так и Никифора, Юстиниан постоянно проживал в Фанагории. В связи с этим присутствие в ней архонта города Боспора выглядит крайне странным. Можно, конечно, допустить, что под Боспором понимался не город, а область с центром в Фанагории. Однако это не дает ответа, на вопрос: кому принадлежал собственно город Боспор? Вероятно чиновник, известный как «архонт Боспора», по крайней мере, прямого, отношения к городу Боспору не имел. Как представляется, ключ к пониманию должности Валгица можно найти в пояснении Никифора: «архонт Скифского Боспора». И. С. Чичуров предположил, что данное уточнение связано с желанием автора отличить Скифский Боспор от Фракийского (Чичуров, 1980, С. 179). Возможно, Босфор Скифский есть калька с древнегреческого топонима Боспор Киммерийский, то есть современный Керченский пролив. В подтверждение нашей гипотезы отметим тот факт, что патриарх Фотий в письме к архиепископу Боспора Антонию (873 г.) называет Черное море именно «Скифским» (Байер, 2001, С. 118).

Таким образом, «архонт Боспора» – это чиновник, который от имени кагана контролировал пролив (похожего мнения придерживает-

ся и К. Цукерман, однако и он считает, что ставка хазарского наместника находилась в городе Боспоре) (Цукерман. 1998. С. 675) и, возможно, осуществлял сбор податей с территории бывшего Боспорского царства. Ставка же его находилась в Фанагории. На наш взгляд данная точка зрения позволяет снять многие противоречия и объясняет нахождение «архонта Боспора» на противоположном от города берегу пролива. Таким образом, произведения Феофана и Никифора в эпизоде с бегством Юстиниана из Херсона и его пребыванием в Фанагории не содержат прямых сведений о непосредственном контроле хазар над Боспором.

В связи с изложенным рассмотрим вопрос о военном присутствии хазар в Фанагории и на Боспоре. Напомним, пытаясь устроить Юстиниана, каган отправил в Фанагорию охрану, надо думать военный отряд, под предлогом того, чтоб местные соплеменники Юстиниана его не убили. Находясь в Фанагории или в окрестностях значительные военные силы хазар, кагану не было необходимости посылать туда дополнительные войска, а достаточно было направить одного или несколько чиновников с соответствующими полномочиями, которые и обеспечили бы Юстиниану необходимую «охрану». Причем, появление данного контингента не должно было вызвать недоверие со стороны беглого императора. Он должен был поверить, и вероятно поверил бы, если бы не Феодора, что отряд направлялся именно для его охраны. Таким образом, источники позволяют говорить об отсутствии в Фанагории, на тот момент, значительных военных сил хазар. И, если на азиатской стороне Боспора, в крайне важном для хазар месте, была такая ситуация, то можно ли говорить о наличии хазарского гарнизона в городе Боспоре.

Отметим, что «жители крепостей», куда несомненно входил и Боспор, боясь репрессий со стороны Юстиниана, просили прислать им войско для охраны из Хазарии. А Никифор и Феофан однозначно отделяют Хазарию от Крыма и Фанагории (Чичуров. 1980. С. 62–65, 163–165). Единственный хазарский чиновник, который в это время фиксируется в Крыму – это херсонский тудун. Возникает вопрос, а не связано ли его появление в Херсоне с попыткой выдачи Юстиниана византийцам. Несомненно, что тудун появился в городе после бегства оттуда опального императора. Если бы он находился там в период ссылки Юстиниана, тому не было необходимости искать «выход» из кагана за пределами Херсона. За Юстиниана было обещано «много денег и даров» (Чичуров. 1980. С. 163). Возможно, в числе этих даров, каган получил и определенный контроль над Херсоном. Тудун появился там после 705 г., фиксируется в 711–712 г. и больше ни по каким источникам не известен. Ни византийские хронисты, ни эпиграфические памятники не отмечают в городе подчиненных ему хазарских

войск. Вероятно, правы те авторы, которые определяют функции тудуна контролем за выплатой дани и доходами от торговли. Когда тудун покинул город не известно. Скорее всего, надобность в нем отпала после прихода к власти в Константинополе Вардана Филиппика, который, как известно, добился этого во многом благодаря хазарам. Вероятно после этого, функции выплаты дани хазарам перешли к местным византийским чиновникам. Как уже неоднократно отмечалось различными исследователями, Херсон, Боспор, и Климаты несомненно выступают в истории с Юстинианом II, как местности подчиненные Византии. Ссылка Юстиниана в Херсон, участие «херсонитов, босфорян и остальных климатов» (Чичуров. 1980. С. 63) в заговоре против него, желание последнего истребить весь народ «в Херсоне, Босфоре и других архонствах» (Чичуров. 1980. С. 64), провозглашение императором Вардана Филиппика «херсонитами и жителями других крепостей» указывает, что как местным населением, так и византийскими авторами эти местности однозначно воспринимались, как ромейские, а не хазарские или со статусом двойного подчинения. В пользу этого говорят археологические и нумизматические материалы (Науменко. 2001. С. 348–350).

Какова же роль хазар во всех этих событиях. Встретиться с каганом Юстиниан смог только за пределами Крыма, боясь репрессий со стороны Юстиниана, «жители крепостей ... послали к хагану в Хазарию просить войско для своей охраны», Юстиниан, когда узнал о заговоре Илы и Вардана, возвращает тудуна и отправляет послов «оправдаться перед каганом». За возвращение бежавшего к хагану и только что провозглашенного императором Вардана, «ромей» обязаны были выплатить значительную сумму. То есть хазары в рассматриваемых эпизодах выступают как наемники, которые участвуют в событиях за определенное материальное вознаграждение, естественно желая, по возможности, его увеличить и обеспечить, в дальнейшем, беспрепятственное получение дани. Ни один источник не упоминает, о каких-то территориальных или политических претензиях со стороны хазар, наоборот акцентируя внимание на исключительно материальных требованиях. Таким образом, можно сделать вывод, что в начале VIII в. Боспор наравне с Херсоном и Климатами оставался частью империи как в представлении самих жителей, так, и по мнению византийских летописцев. Хазары не претендовали на политическое господство здесь. Вся политика каганата, по отношению к Крыму сводилась, в основном, к возможности получения дани. Если же хазары, не по своей воле, оказывались втянутыми во внутривизантийские конфликты на территории полуострова, то и здесь претензии хазар были, в большей степени, материальными, а не территориальными или политическими.

Литература

- Айбабин. 1997 – *А. И. Айбабин*. Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым. Тез. докл. Симферополь, 1997.
- Айбабин. 1999 – *А. И. Айбабин*. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин. 2000 – *А. И. Айбабин*. Хазарский слой в Керчи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- Артамонов. 1962 – *М. И. Артамонов*. История хазар. Л., 1962.
- Байер. 2001 – *Х.-Ф. Байер*. История крымских готы как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
- Баранов. 1990 – *И. А. Баранов*. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
- Васильев. 1927 – *А. А. Васильев*. Готы в Крыму // Известия государственной академии истории материальной культуры. Л., 1927. Вып. 5.
- Макарова. 1991 – *Т. И. Макарова*. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991.
- Макарова. 1998 – *Т. И. Макарова*. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Майко. 2000 – *В. В. Майко*. К вопросу о хазарах на Боспоре во второй половине X в. // Пантикапей. Боспор. Керчь. Материалы конференции. Керчь, 2000.
- Науменко. 2001 – *В. Е. Науменко*. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
- Науменко. 2004 – *В. Е. Науменко*. Таврика у контексті візантійсько-хазарських відносин: політико-адміністративний аспект. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2004.
- Сазанов, Могаричев. 2002 – *А. В. Сазанов, Ю. М. Могаричев*. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII в. I. Проблема «хазарских слоев» Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры. М., Магнитогорск, 2002. Вып. XII.
- Сорочан. 2001 – *С. Б. Сорочан*. Боспор как византийско-хазарский condominium // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь, 2001.
- Сорочан. 2002 – *С. Б. Сорочан*. Византия и хазары в Таврике: господство или condominium? // Проблемы истории, филологии, культуры. М., Магнитогорск, 2002. Вып. XII.
- Цукерман. 1998 – *К. Цукерман*. Венгры в стране Леведин: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Чичуров. 1980 – *И. С. Чичуров*. Византийские исторические сочинения. М., 1980.
- Якобсон. 1964 – *А. Л. Якобсон*. Средневековый Крым. М., Л., 1964.

V. НУМИЗМАТИКА И ЭПИГРАФИКА

С. А. Коваленко

О начале монетной чеканки на Боспоре

Полученные во второй половине XX в. новые археологические и нумизматические данные повлекли за собой пересмотр традиционной хронологии начальных этапов монетной чеканки греческих полисов в сторону ее омоложения. Это, в свою очередь, поставило на повестку дня вопрос о необходимости более взвешенной оценки процесса развития монетного дела в греческих колониях Северного Причерноморья. Важнейшее значение при этом приобретает проблема времени выпуска первых монет греческими городами региона, и в частности, крупнейшим центром Боспора киммерийского — Пантикапеем. Согласно принятой сегодня в отечественной литературе хронологии боспорской чеканки (разработанной еще в 40–50 годы прошлого века А. Н. Зографом и Д. Б. Шеловым), Пантикапей начинает выпускать собственную серебряную монету вскоре после своего основания в середине VI в. до н.э. Город, таким образом, оказывается в ряду первых греческих полисов, наладивших выпуск своей монеты и имевших широко признанную международную репутацию крупнейших торговых центров — Эгины, коринфа, Афин. Более того, получается, что раннее пантикапейское серебро начинает чеканиться прежде, чем первые серебряные выпуски пантикапейской метрополии — Милета, которые сегодня достаточно уверенно датируются 40 годами VI в. до н.э. Даже если оставить в стороне закономерно возникающие сомнения в наличии у молодого полиса такого же реномированного торгового статуса, что и у перечисленных выше городов-пионеров серебряной греческой чеканки, сам анализ доступного сегодня нумизматического материала ставит под вопрос традиционные датировки.

В новейшей работе Н. А. Фроловой, имеющей характер корпусного исследования, т.е. учитывающей по возможности все известные на сегодня монеты Пантикапея, для периода с середины VI в. до н.э. до начала второй четверти V в. до н.э., которое на основании археологического материала фиксируется как надежный *terminus ante quem* для типа 4 по классификации Фроловой, т.е. для временного отрезка в 75

лет, известно всего около 200 монет (Frolova, 2004, S. 17–23). При этом, две трети этих монет представлены мельчайшими номиналами, вес которых меньше 1 г. К этому периоду Фролова относит всего четыре типа серебра, которые отличаются друг от друга формой о.с. и являются на самом деле четырьмя следующими друг за другом монетными выпусками. Общее количество штемпелей л.с., которыми чеканены гемноболы – номинал, представленный во всех четырех выпусках, составляет 52 единицы и является наибольшим по сравнению с другими номиналами. Любопытно распределение этих штемпелей по выпускам – если в первых двух их количество относительно одинаково (соответственно, 7–8–5 штемпелей), то в четвертом оно возрастает, как минимум, в четыре раза и составляет 32.

Какие выводы следуют из этой картины? Прежде всего, бросается в глаза явное несоответствие между количеством известных монет и продолжительностью временного отрезка, который отводится на их изготовление. Еще больше это несоответствие усиливается, если принять во внимание количество штемпелей л.с., которыми чеканились эти монеты. Даже если допустить маловероятное использование всего одного штампеда для годовой чеканки столь малого номинала как гемнобол, общая продолжительность ее (если отсчитывать назад от надежно установленной даты окончания четвертого выпуска) составит около 50 лет, а ее начало должно быть отнесено, по меньшей мере, к концу третьей четверти V в. до н.э. Однако нет сомнений в том, что при выпуске монет этого номинала должно было одновременно использоваться сразу несколько лицевых штемпелей для ускорения и удешевления процесса чеканки. Внезапное и многократное увеличение числа лицевых штемпелей гемноболов в четвертом выпуске является несомненным свидетельством всплеска активности монетного двора, которая, как это ясно любому нумизмату, выражается, как правило, в обильной, но в то же время кратковременной чеканке, осуществлявшейся одновременно на нескольких наковальнях. Таким образом, общий срок продолжительности чеканки должен быть сокращен еще больше. Тезиса о дискретном характере подобной чеканки (т.е. деятельности монетного двора не на постоянной основе, а в зависимости от потребностей казны или рынка) также в данном случае явно недостаточен, поскольку ранняя чеканка Пантикалея демонстрирует постоянное поступательное развитие, что свидетельствует о том, что перемены в работе монетного двора, даже если они и были, не носили длительного характера. Принимая во внимание все сказанное выше, общая продолжительность первых четырех выпусков пантикалейского серебра должна укладываться примерно в четверть столетия, а начало городской чеканки относиться к рубежу VI–V в. до н.э.

А. Н. Зограф и Д. Б. Шелов, датируя начало пантикапейской чеканки серединой VI в. до н.э., опирались на стилистические аналогии изображениями л.с. первых пантикапейских монет. Если А. Н. Зограф, вслед за Ч. Зельтманом, склонен был искать прототипы пантикапейских изображений в самосской нумизматике (Зограф, 1951, с. 164), то Д. Б. Шелов считал, что «сюжет львиной головы на пантикапейских монетах был заимствован вместе с самим культом Аполлона из Милета, в нумизматике которого лев, как символ Аполлона Дидимского, весьма обычен» (Шелов, 1956, С. 17–18). Необходимо в этой связи отметить, что на электровых монетах, выпуск которых в настоящее время с уверенностью относится к чеканке Милета, отсутствует изображение львиной головы или львиного скальпа впрямь. Этот мотив впервые появляется лишь в третьей четверти VI в. до н.э. на чрезвычайно редких серебряных монетах Милета младших номиналов (от 1/8 до 1/64 статера) (Pfeifer, 1966, S. 6, 20). Находки серебряных тетроболов и диоболов с подобным сюжетом л.с., относившихся ранее к чеканке Самоса, известны в монетных кладах позднеархаического времени, сокровище которых датируется не ранее 500 г. до н.э. Их атрибуция как монет самосского чекана была оспорена в новейших исследованиях и сегодня местом их выпуска считается неизвестный ионийский центр (Greenwell, 1890, P. 5, Pl. 1, 17; Mørholm, 1971, S. 84). Сравнение этих монет с ранним пантикапейским серебром свидетельствует о том, что последнее, несмотря на формальное сходство сюжетов л.с., относится к более позднему времени, нежели упомянутые ионийские выпуски. Об этом однозначно говорит уплощенный монетный кружок большинства боспорских монет и неглубокий *quadratum incisum* на о.с., характерные для V в. до н.э., в то время как монеты предшествующего столетия чеканены как правило на бобовидных или округлых толстеньких фланах и имеют на о.с. глубоко вдавленный *quadratum incisum*.

Невозможность прямолинейного использования стилистического метода при датировании нумизматического материала и необходимость проверки полученных подобным путем результатов данными археологических исследований кладов сегодня становится все более очевидными. Влияние эволюции архаического искусства Древней Греции и складывания в нем различных стилистических направлений на монетное искусство греков в ранний период носило, вероятно, опосредованный, в чем-то косвенный характер и понять его еще предстоит будущим поколениям ученых. Датирование лишь на основании стилистических критериев, без учета всех доступных исторических, нумизматических, археологических свидетельств таит в себе опасность ошибки. Ярким примером подобного рода может служить созданная Ч. Зельтманом в 20 годы прошлого века хронологическая классифика-

ция упоминавшихся уже архаических афинских «совок» (Seltman, 1924). Данные кладов убедительно свидетельствуют о выпуске различных серий подобных монет, выделенных Зельтманом, равно в обратном порядке, нежели была им предложен на основании изучения стили изображений лицевой и оборотной сторон (Крау, 1956. P. 55). Кипрские монеты из закладного комплекса в Ападане, созданного в 517–514 г. до н.э., на основании стили их изображений датировались началом V в. до н.э. (Kagan, 1994 P. 29–30).

Немаловажную роль играет и мастерство резчика, создававшего монетные штемпеля. Не всегда грубая работа является свидетельством древности; она может быть и результатом некомпетентности или недостатка мастерства, как об этом свидетельствуют примеры, приведенные У. Уоллесом в его старой работе, посвященной ранней чеканке Афин и Эвбеи (Wallace, 1962. P. 25. Note 1). Материалы корпуса по боспорской чеканке, подготовленного Н. А. Фроловой, свидетельствуют, как кажется, именно о таком случае использования услуг малокомпетентных или неумелых резчиков, что нередко характерно именно для периферии античного мира. Наряду с архаичными, грубыми и схематичными изображениями головы льва, которым А. Н. Зограф и Д. Б. Шелов находили близкие аналоги в ранней электронной чеканке, которая в их время приписывалась Милету и Самосу. По меньшей мере в трех первых выпусках пантикапейского серебра встречаются изображения, выполненные более умелой рукой и относящиеся по стилю к V в. до н.э. (Frolova, 2004. Taf. 2, 36; Taf. 3, 67–68; 71–73; Taf. 4, 90/1). Объяснить такое сочетание можно только одновременной деятельностью на пантикапейском монетном дворе нескольких резчиков монетных штемпелей. Кстати, примечательна почти полная идентичность некоторых лицевых штемпелей монет всех четырех выпусков (Frolova, 2004. Taf. 1, 14; Taf. 3, 60; Taf. 4, 100/1), также свидетельствующая скорее в пользу их изготовления в течение относительно короткого времени.

Литература

- Зограф, 1951 – А. Н. Зограф. Античные монеты М., Л., 1951. – (МИА. № 16).
Шелов, 1956 – Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI–II в. до н.э. М., 1956.
Frolova, 2004 – N. A. Frolova. Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. Von Chr.). Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin, 2004.
Kagan, 1994 – J. H. Kagan. An Archaic Greek Coin Hoard from the Eastern Mediterranean and Early Cypriot Coinage // Numismatic Chronicle. 1994. Bd. 154.

- Kraay. 1956 – *C. Kraay*. The Archaic Owls of Athens: Classification and Chronology // Numismatic Chronicle. 1956. Vol. XVI. Series 6.
- Mørkholm. 1971 – *O. Mørkholm*. Une trouvaille de monnaies grecques archaïques // Schweizerische Numismatische Rundschau. 1971. Bd. L.
- Pfeiler. 1966 – *B. Pfeiler*. Die Silberprägung von Milet im 6. Jahrhundert v. Chr. // Schweizerische Numismatische Rundschau. 1966. Bd. XLV.
- Seltman. 1924 – *Ch. Seltman*. Athens: its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambridge, 1924.
- Wallace. 1962 – *W. P. Wallace*. The Early Coinages of Athens and Euboea // Numismatic Chronicle. 1962. Vol. II. Series 7.

А. Е. Терещенко

Ранняя чеканка Фанагории

На сегодняшний день, ранняя чеканка Фанагории представлена двумя сериями монет пяти типов (Фролова. 2001. С. 12). Первая серия Фа-1. I-й тип: Л.с. – голова безбородого кабира в шлосе, влево, О.с. – во вдавленном круге протома быка, влево. Голова быка изображена в повороте на $\frac{3}{4}$, сверху буквы ФА. Справа, за обрезом протомы – зерно. Этот тип представлен только одним номиналом – диоболами. В основной коллекции Государственного Эрмитажа имеется три таких монеты: ГЭ. 27334, вес – 1,76 г; ГЭ. 27335, вес – 1,48 г; ГЭ. 27336, вес – 1,79 г (Frolova. 2004. S. 71, № 2/2; S. 73 № 11/3, 12/2)¹, еще одна, ранее не публиковавшаяся, находится в дублетном фонде – ГЭ. 1262, вес – 1,44 г. Диобол этого типа, вес – 1,18 г, хранится в коллекции У. Стенкомба (SNG. 2000. Pl. XXVIII, 621). Подобная монета весом в 1,65 г была найдена в окрестностях Феодосии в 2000 г. (Шонов. 2002. С. 327), еще один такой диобол весом в 1,66 г из частной коллекции, обнародован на сайте: roiskmonet.narod.ru. Вместе с пятью монетами из других коллекций (Frolova. 2004. S. 71) общее число опубликованных диоболов серии Фа-1 достигает 12 шт. II-й тип: Л.с. – голова молодого безбородого человека влево, О.с. – во вдавленном круге в центре – зерно, по сторонам которого буквы – ФА Как считает Н. А. Фролова, в этот тип входят гемидиоболы – 2 шт., тетартемории – 5 шт., гемитетартемории – 3 шт. (Frolova. 2004. S. 71–72). В Государственном Эрмитаже хранятся четыре экземпляра данного типа: ГЭ. 27341, вес – 0,36 г, ГЭ. 27342, вес – 0,26 г, ГЭ. 27343, вес – 0,18 г, ГЭ. 27344 – 0,15 г (Frolova. 2004. S. 71–72. Taf. 31, 3/1, 6, 7). Надо отметить, что Фролова выделяет номиналы,

¹ Н. А. Фролова ошибочно записала № ГЭ. 27334 и ГЭ. 27335 в V-й тип, кроме того, вес ГЭ. 27334 дан неверно – 1,23 г, вместо 1,76 г (Frolova. 2004. S. 73).

ориентируясь исключительно на их весовые характеристики. Однако, даже при использовании этого принципа, ее подборка выглядит абсолютно алогично. Например, экземпляр весом 0,26 г (ГИМ, 3726) записан в тетартемории, а монета из собрания Британского Музея, весом в 0,27 г, отмечена как гемитетартеморий (Frolova. 2004. S. 72). По видимому, определение достоинства монеты только на основе ее веса, отнюдь не всегда приводит к удовлетворительному результату. Четкое выделение мелких номиналов, во всяком случае, в монетном деле Боспора, возможно лишь в том случае, если у них имеются отличия в сюжете, неизменном для остальных номиналов, составляющих серию.

В целом, относительно первой серии фанагорийской чеканки, следует сказать, что Н. А. Фролова совершенно справедливо объединила монеты с двухбуквенной надписью ФА в одну серию. Вместе с тем, вычленение номиналов, проведенное автором, совершенно неприемлемо. Скорее всего, все монеты II-го типа являются младшими номиналами – гемноболами. Отнести их к тетартемориям мешает тот факт, что начало фанагорийской эмиссии приходится, в лучшем случае, на последнее десятилетие V в. до н.э. В этот период в пантикапейской чеканке, в русле которой, безусловно, следует первая фанагорийская серия, данный номинал уже не выпускался. Единственное отличие фанагорийской чеканки заключается в применении нового для Боспора приема – поворот головы в $\frac{1}{4}$. В Пантикапее этот прием стал использоваться гораздо позже – в середине IV в. до н.э. (Шелов. 1956. С. 214). Причина этого, как мне кажется, заключается в консерватизме пантикапейских монетариев, их приверженности к старым формам. Вторая серия фанагорийской чеканки Фа-2 включает следующие типы монет: III-й тип. Л.с. – голова молодого безбородого кабира в остроконечном шлосе влево. О.с. – стоящий на черте, бодающийся бык с подогнутой передней левой ногой, влево. Под чертой – зерно, сверху над быком – надпись ФАНА. Известен всего один экземпляр такого типа, достоинством в драхму (Frolova. 2004. S. 73). IV-й тип. Л.с. – голова бородастого кабира в остроконечном шлосе, украшенном венком, влево. О.с. – стоящий на черте бодающийся бык с подогнутой передней левой ногой, влево; под чертой – зерно, сверху над быком – надпись ФАНА, номинал – триобол (2 шт.) (Frolova. 2004. S. 73). V-й тип. Л.с. – голова молодого кабира в шлосе, украшенном венком, влево. О.с. – протомы быка с подогнутой левой ногой, влево, за ним – зерно, сверху – надпись ФАНА. Три монеты данного типа хранятся в основной коллекции Государственного Эрмитажа: ГЭ. 27337, вес – 1,18 г; ГЭ. 27338, вес – 1,00 г; ГЭ. 27339, вес – 1,23 г; ГЭ. 27340, вес – 0,81 г и три, ранее не публиковавшиеся, в дублетном фонде: ГЭ. 1263, вес – 1,15 г; ГЭ. 1264, вес – 1,15 г; ГЭ. 1265, вес – 1,16 г. Как считает Н. А. Фролова, в этот

тип входят следующие номиналы: диоболы – 9 шт. и оболы – 3 шт. (Frolova, 2004, S. 73).

По поводу этой серии, можно совершенно уверенно говорить, что время ее выхода позже, чем первой, на это, в первую очередь, указывает наличие более развернутой легенды – ФАНА, а также отсутствие мелких номиналов (Фролова, 2001, С. 14). Особо важным моментом является наличие в этой серии нескольких монетных типов, если признать подлинность драхмы (III-й монетный тип). Сомнение вызывает ее довольно эклектичный облик – аверс, повторяющий сюжет аверса на монетах I-го типа первой серии и реверс, принадлежащий IV-му типу второй серии. Кроме того, достаточно крупный номинал этой монеты также повышает вероятность того, что данный экземпляр может оказаться подделкой. С другой стороны, подобный номинал присутствует и в пантикапейской серии, с изображением головы барана и осетра на реверсе, которая выпускалась в самом конце V в. до н.э. И если указанная драхма подлинная, то главная особенность второй серии фанагорийской чеканки заключается в том, что почти каждый номинал имеет самостоятельный монетный тип. Ближайшую аналогию подобной ситуации можно найти в пантикапейской чеканке IV в. до н.э. Это серия П-16 по В. А. Анохину, датируемая 389–379 г. до н.э. (Анохин, 1986, С. 139, Таб. 2, 85–88).

Перейдем теперь к вопросу датировки. Традиционно считается, что начало фанагорийской чеканки приходится на период с рубежа V–IV в. до н.э. до конца первой четверти IV в. до н.э. (Зограф, 1951, С. 170); рубеж V–IV в. до н.э. – первое десятилетие IV в. до н.э. (Шелов, 1956, С. 50; Фролова, 2001, С. 14). В. А. Анохин, следуя схеме, по которой на каждую серию отводится примерно десятилетие, определяет время выхода первой серии (Фа-1) 403–393 г. до н.э., второй (Фа-2) 389–379 г. до н.э. (Анохин, 1986, С. 139). А. А. Завойкин недавно предложил свой вариант датирования фанагорийской эмиссии. Согласно его точке зрения, фанагорийская чеканка полностью укладывается в последнее десятилетие V в. до н.э.: 410/5–400 г. до н.э. (Завойкин, 1995, С. 90, 92). Верхняя граница выхода фанагорийских серий в данном случае определяются временем прекращения нимфейской и сидской чеканок (Шелов, 1949, С. 117; Завойкин, 1995, С. 90; Завойкин, Болдырев, 1994, С. 46). Рубежом V–IV в. до н.э. датируются следы разрушения в Фанагории, которые автор связывает с захватом города Сатиром I и с включением его в состав Боспорской державы, в результате чего прекращается полисная чеканка (Завойкин, 1995, С. 91). Однако в своих рассуждениях исследователь исходит из неверных предположений. Во-первых, прекращение нимфейской и сидской чеканок вовсе не означает начало фанагорийской эмиссии (Фролова, 2001, С. 14). Тем более, что сидские монеты чеканились не на фанагорийском,

а, скорее всего, на пантикапейском монетном дворе и их выпуск, вероятно, завершается только в начале IV в. до н.э. Во-вторых, основное положение, на котором строится версия А. А. Завойкина – насильственное присоединение Фанагории Сатиром I на рубеже V–IV в. до н.э. При этом особо подчеркивается, что на участках, на которых фиксируются следы разрушений, отсутствуют материалы, относящиеся к IV в. до н.э. (Завойкин. 1995. С. 91). Следует обратить внимание на один любопытный нюанс, вступающий в решительное противоречие с этим доводом А. А. Завойкина. Речь идет о сюжете, выбранном фанагорийцами для своей чеканки – изображение бодающегося быка. Уже достаточно давно отмечено, что данный тип практически без изменений взят из монетного дела Гераклея Понтийской (Шелов. 1956. С. 41). Это однозначно указывает на существование торговых связей между Фанагорией и Гераклеей на момент чеканки последней монет с реверсным изображением бодающегося быка. Предполагается, что их выпуск осуществлялся в начале IV в. до н.э. (Wroth. 1889. P. 139; Шелов. 1949. С. 112; Зограф. 1951. С. 237; Шелов. 1956. С. 51; Завойкин, Болдырев. 1994. С. 45). Вместе с тем, как указывает А. А. Завойкин, ни одного фрагмента гераклеяских амфор в слоях разрушения Фанагории обнаружено не было (Завойкин. 1995. С. 51). Таким образом, не оспаривая датировку разрома Фанагории, нужно поставить под сомнение связь этого события с действиями Сатира I по включению Фанагории в состав своей державы. Возможно, это результат набега меотских племен, следовательно, попытка приурочить завершение фанагорийской чеканки к концу V в. до н.э. является неправомерной.

Необходимо учесть еще один момент. Д. Б. Шелов, синхронизируя фанагорийскую чеканку с пантикапейской, указывал, что фанагорийские выпуски хронологически близки пантикапейской серии: л.с. – голова льва в фас, о.с. – голова барана, внизу осетр. Они, если и не одновременны, то должны непосредственно следовать за этой пантикапейской серией. С другой стороны – монеты Фанагории, несомненно, старше пантикапейских выпусков с головой сатира на аверсе и фигурой льва на реверсе (Шелов. 1956. С. 50). А. А. Завойкин, видимо, полностью положившись на это заключение, считал возможным допустить именно одновременность выхода фанагорийской чеканки и пантикапейской серии с головой барана и осетром (Завойкин. 1995. С. 89). К сожалению, автор упустил из виду тот факт, что Д. Б. Шелов, по-видимому, не принял во внимание еще один тип серебряных пантикапейских монет: л.с. – голова сатира в венке влево, о.с. – голова барана влево (Бурачков. 1884. Таб. XIX, 26; Анохин. 1986. Таб. 2, 80). На реверсе монет этого типа отчетливо видна круглая вдавленность, такая же, как и на фанагорийских. В следующей пантикапейской серии, с фигурой льва на реверсе, эта вдавленность сохраняется уже в очень

слабой степени. Как представляется, по стилистическим и техническим особенностям, фанагорийская чеканка наиболее близка именно этой пантикапейской серии (л.с. – голова сатира, о.с. – голова барана). Отсюда можно предположить синхронность их выхода. Время выпуска указанной пантикапейской серии определяется 393–389 г. до н.э. (Анохин. 1986. С. 139).

В связи с данным вопросом, нельзя не упомянуть еще один чрезвычайно любопытный и показательный факт. В 2004 г. вышла в свет небольшая заметка В. Н. Шалобудова и А. Н. Шульги о находках в станице Тамань двух новых типов боспорских монет: 1) Л.с. – голова быка в $\frac{1}{4}$ влево. О.с. – зерно в горизонтальном положении, сверху буквы – ФА. Вес – 0,72 г; 2) Л.с. – голова бородатого сатира в головной повязке влево. О.с. – вдавленный квадрат, разделенный на четыре отсека, в каждом по букве П-А-Н-Т. Вес – 0,92 г (Шалобудов, Шульга. 2004. С. 285. Рис. 1, 1,2). Главная особенность этих находок заключается в том, что они изготовлены из железа (Шалобудов, Шульга. 2004. С. 285–287). Как представляется, можно достаточно точно датировать выпуск этих необычных экземпляров по пантикапейской монете. Присутствие на аверсе изображения сатира, не взирая на явно архаизированный реверс, позволяет отнести этот тип к пантикапейской серии, в которой впервые появляется данный персонаж: Л.с. – голова бородатого сатира в венке влево. О.с. – голова барана влево, внизу надпись ПΑΝΤΙ (Бурчков. 1884. Таб. XIX, 32; Анохин. 1986. Таб. 2, 80). Она датируется 393–389 г. до н.э. по В. А. Анохину (Анохин. 1986. С. 139). Кроме того, как писал А. Н. Зограф, хотя чеканка монет из железа весьма редкое явление в монетном деле античной Греции, тем не менее, подобные прецеденты известны, это выпуски Тегей, Герей и Аргоса, «относящиеся, по-видимому, к IV в. до н.э.» (Зограф. 1951. С. 25). Соответственно, этим же временем надо датировать и фанагорийский экземпляр. Учитывая, что его облик как нельзя лучше вписывается в общий вид серии Фа-1, то начало фанагорийской чеканки однозначно приходится на первое десятилетие IV в. до н.э. Завершение фанагорийской эмиссии происходит, скорее всего, не позднее конца первой четверти IV в. до н.э.

В заключении добавлю несколько слов по поводу сюжета – болющийся бык. Д. Б. Шелов предположил, что присутствие гераклейского монетного типа в фанагорийской чеканке свидетельствует о «сепаратистских тенденциях в Фанагории по отношению к Боспору» (Шелов. 1956. С. 51). Если вспомнить, что Гераклея Понтийская принимала активное участие в войне Сатира I против Феодосии на стороне последней (Роулен. Strat. V, 23; VI, 2 – 4), то заимствование Фанагорией гераклейского монетного типа в ходе боевых действий выглядит откровенным вызовом Пантикапею. Тем не менее, нет особых

причины считать эту эмиссию исключительно политическим актом. Вполне возможно, что некое стечение обстоятельств, позволившее объединить необходимость в разменной монете и стремление продемонстрировать свою позицию, могло подтолкнуть Фанагорию к выпуску монеты с подобным «антипантакпейским» сюжетом. Более того, данная эскапада проявляется лишь во второй серии, поскольку именно она почти полностью копирует гераклейские типы, причем как на крупных (бык целиком), так и на мелких (протома быка) номиналах (Wroth. 1889. P. 139, № 4, 6; Pl. XXIX, 10, 11). Изображение быка на монетах первой серии имеет вполне мирный, даже домашний характер, в отличие от агрессивного облика второй серии. С другой стороны, подобные «мирные» и «агрессивные» изображения быка мы находим и в монетном деле Феодосии. И если учесть, что ее эмиссия начинается раньше фанагорийской, то можно предположить заимствование этих сюжетов именно из Феодосии, тем более, что определенные связи между этими полисами, несомненно, имелись. Об этом красноречиво свидетельствует находка в окрестностях Феодосии трех серебряных монет, фанагорийского диобола серии Фа-1 и двух феодосийских диоболов, серии Ф-1 и Ф-2 (Шонов. 2002. С. 327). Риску предположить, что именно на момент выпуска второй Фанагорийской серии в этом полисе происходит рост антипартокидовских настроений. В целом, можно достаточно уверенно говорить, что из всех автономных чеканок Боспора Киммерийского, только одна из феодосийских серий и вторая серия фанагорийской эмиссии имеют ярко выраженный декларативный, в некотором смысле, даже пропагандистский облик.

Литература

- Анохин. 1986 – В. А. Анохин. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Бурачков. 1884 – П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллиническим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса. 1884. Ч. I.
- Завойкин. 1995 – А. А. Завойкин. О времени автономной чеканки Фанагории // Боспорский сборник. М., 1995. № 6.
- Завойкин, Болдырев. 1994 – А. А. Завойкин, С. И. Болдырев. Третья точка зрения на монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ // Боспорский сборник. М., 1994. № 4.
- Зограф. 1951 – А. Н. Зограф. Античные монеты М., Л., 1951. – (МИА. № 16).
- Фролова. 2001 – Н. А. Фролова. Равнинные монеты Фанагории (конец V – начало IV в. до н.э.) // Девятая всероссийская нумизматическая конференция. ТДС. СПб., 2001.
- Шалобудов, Шульга. 2004 – В. Н. Шалобудов, А. Н. Шульга. К вопросу о чеканке железных монет в городах античного Боспора // Старожитности степового причорномор'я и Крыму. Запоріжжя. 2004. Вып. XI.
- Шелов. 1956 – Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI–II в. до н.э. М., 1956.

- Шонов. 2002 – *И. В. Шонов*. О монетной чеканке Феодосии последней четверти V – начала IV в. до Р.Х. // *Боспорские исследования*. Симферополь, 2002. Вып. II.
- Frolova. 2004 – *N. A. Frolova*. Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. Von Chr.). Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin, 2004.
- Wroth. 1889 – *W. R. Wroth*. Catalogue of the Greek coins. Pontus, Paphlagonia, Bithinia and the Kingdom of Bosphorus. London, 1889.

А. Кахидзе, Г. Тавамашивили

Монеты Боспорского царства из греческого некрополя Пичвнари

Пичвнари расположен в причерноморской полосе Грузии, у устья рек Чолоки и Очхамури, в 10 км севернее курортного города Кобулетн Аджарской Автономной Республики. Здесь, на территории почти 100 га, представлены прекрасно сохранившиеся культурные слои позднебронзового, раннежелезного, классического и эллинистического времени. Выявлены могильники местного населения V в. до н. э., греческих поселенцев V–IV в. до н.э., эллинистического и раннесредневекового периода. Новые находки представляют собой важнейший исторический источник для изучения колхской культуры, городов и городской жизни, генезиса торгового сословия, торгово-экономических и культурных связей с античным миром. По случайным находкам кладов монет и из могильных комплексов накоплен богатый нумизматический материал, где ведущее место занимают местные колхские монеты. Встречаются также иноземные монеты, в том числе интерлокальные кизикины и даже монета Сиракуз. На сегодняшний день Пичвнари является единственным памятником Причерноморья, где с раннего периода (со второй половины V в. до н.э.) подтверждается и довольно интенсивно распространяется греческий обычай класть покойнику т.н. обол Харона, тогда как в других регионах Причерноморья этот обычай известен лишь с IV в. до н.э. На основании новейших открытий вырисовывается интересная картина для изучения контактов с Южным и Северным Причерноморьем. Представленная работа посвящается серебряным монетам Северного Причерноморья из греческого некрополя классической эпохи Пичвнари.

Взаимоотношения Северного Причерноморья и древней Колхиды имеют глубокие исторические корни. Ярким подтверждением тому являются находки древних колхских топоров у устья р. Днестр (Акерман) и близ Полтавы (с. Любни) (Нессен. 1947. С. 81; Джапаридзе.

1950. С. 58). С другой стороны, изготовленные на левом берегу Днепра кельтообразные орудия распространены в западногрузинской колхской культуре (Гамбашидзе. 1963. С. 66). Внимание исследователей привлекают сведения Стефана Византийского и Евстафия об основании столицы Боспорского царства Пантикапея сыновьями колхского царя Аута (Блаватский. 1964. С. 10; Лордкипанидзе. 1977. С. 112–114). В. Д. Блаватский писал: «Возникновение этой мифологической версии связано с традицией о существовании ещё в догреческое время поселений на Боспоре (и в частности на месте, где позднее был основан Пантикапей). Может быть, здесь следует искать отголоски каких-то данных о связях древнейших обитателей Крыма с населением Кавказа» (Блаватский. 1964. С. 10). О. Д. Лордкипанидзе считал, что эти отношения не могли иметь регулярный характер (Лордкипанидзе. 1977. С. 113). Ситуация меняется в позднеархаическое и раннеклассическое время. Как в Северном, так и в Восточном Причерноморье в процессе раскопок часто появляется археологический материал, подчеркивающий систематический контакт этих регионов.

Остановимся на Пичивнарском материале. В первую очередь отметим серебряную монету из могилы № 5 (раскопки 1967 г.). Монета плохой сохранности. Л. с.: Голова льва в фас. О. с.: Вдавленный квадрат. Буквы ПА (Кахидзе. 1974. С. 83). Аналогичные монеты из Северного Причерноморья А. Н. Зограф объединяет в группу d и датирует второй четвертью V в. до н.э. (Зограф. 1951. С. 165). С такой датировкой согласен Д. Б. Шелов (Шелов. 1956. С. 21. Табл. I, 17). Могильный комплекс Пичивнари датируется 30–20 г. V в. до н.э. (Кахидзе. 1975). Продукцией Пантикапейского монетного двора считаются серебряные монеты с изображением льва в фас на лицевой стороне, а на обратной стороне разделённый на четыре части вдавленный квадрат с четырьмя греческими буквами А-Π-Ο-Λ. Такая монета была найдена в могиле № 161 греческого некрополя V в. до н.э. Пичивнари Грузино-Британской совместной Пичивнарской археологической экспедицией (Kakhidze, Iashvili, Vickers. 2001. P. 282–288). По поводу эмиссий этих монет было высказано несколько версий. В настоящее время общепризнано, что это монеты боспорского происхождения. Трудность отнесения монет с надписью А-Π-Ο-Λ к какому-либо определенному месту связана с тем, что на Боспоре до настоящего времени не известен городской центр носивший имя Аполлония (Дюков. 1975. С. 72). Но почти все исследователи подчёркивают сходство этих монет с монетами Пантикапея. В. А. Анохин связывает эмиссию этих монет с храмом Аполлона и считает, что они чеканились на монетном дворе Пантикапея (Анохин. 1986. С. 13).

Пантикапейская гемидрахма, найденная в могиле № 187 греческого некрополя IV в. до н.э. Пичивнари (раскопки 2002 г.), датируется

379–375 г. до н.э. Л. с.: Голова сатира без бороды вправо. О. с.: Голова льва вправо. Внизу буквы названия города стёрты (Кахидзе, Викерс. 2004. С. 102–103). Монета с дырочкой. Вероятно, она являлась подвеской. В IV в. до н.э., во время правления царей Левкона I и Сатира, резко поднялась экономика Боспорского царства, что, соответственно, проявилось и в монетном деле Пантикапея. Со второго десятилетия IV в. до н.э., возможно, с началом правления Левкона I, меняется тип пантикшейских монет. Номиналы чеканятся из серебра и меди, на лицевой стороне изображение сатира с бородой и без бороды, на обратной стороне – голова льва, а внизу сокращенное название города ПАНТИ (Зограф. 1951. С. 172. Табл. XI, 5/6; Анохин. 1986. С. 32, 140. Табл. II, 93, 94). Медные и золотые монеты Пантикапея IV в. до н.э. и более позднего времени на территории Грузии найдены в Цихидзири, Вани и Сванетии.

Монеты более раннего периода известны лишь из Пичвнари. Из городских монет Боспорского царства особое внимание заслуживает нимфейская монета из могилы № 9 греческого некрополя V в. до н.э. Пичвнари (раскопки 1968 г.) (Кахидзе. 1974. С. 83). Л. с.: Голова женщины влево (нимфы). Волосы завязаны сеткой или лентой. О. с.: Вдавленный квадрат, внутри – изображение лозы с виноградными гроздьями и листьями. Здесь же буквы названия города ΝΥΜ. Нимфейские монеты известны в небольшом количестве. Причиной тому считается то, что этот городской центр чеканил свои монеты в короткий отрезок времени – в последней четверти V в. до н.э. (Шелов. 1956. С. 142). Все они односторонние. Комплекс могилы № 9 Пичвнари датируется последней четвертью V в. до н.э., что подтверждает время чеканки и обращения этих монет. Заслуживает внимания и то, что колхский пифос и колхский трибол обычного типа были найдены в Нимфее во время раскопок святилища Деметры (Скуднева. 1952).

В 1998 г. на греческом некрополе V в. до н.э. Пичвнари были найдены два тригемиобола г. Феодосии. Л. с.: Голова человека вправо. Волосы завязаны диадемой. О. с.: Нечеткая (вероятно изображение головы быка). Справа, сверху вниз хорошо читается ΘΕΟΔΕ[Ο]. Вторая монета: Л. с.: Голова человека вправо. Волосы завязаны диадемой. О. с.: Голова быка вправо. Надпись стерта. (Кахидзе, Викерс. 2004. С. 77–78. Рис. 109). Монеты данного типа Д. Б. Шелов датирует последней четвертью V в. до н.э. (Шелов. 1956. С. 143. Табл. II, 21), а В. А. Анохин приводит более конкретную дату 413–403 г. до н.э. (Анохин. 1986. С. 139). Находки монет г. Феодосии заслуживают особого внимания. Известно, что Феодосия составляла серьезную конкуренцию Пантикапею в торговле зерном со Средиземноморьем. Она являлась значительным торговым центром в IV–III в. до н.э. и чекани-

ла свои монеты (Шелов. 1950. С. 175 и сл.; Гайдукевич. 1953. С. 58; Жебелев. 1953. С. 166, 170; Петерс, Голенцов, 1981; Петерс. 1984).

Нумизматический материал подтверждает, что Пичвиари с раннеклассического периода включен в мировой исторический процесс. В обращении как местные, так интерлокальные и городские монеты Причерноморья. В сфере торгово-экономических и культурных связей значительную роль играют города Северного Причерноморья — Пантिकाпей, Нимфей и Феодосия. Не исключено, что в классическую эпоху во взаимоотношениях Северного и Южного Причерноморья посредническую роль играли и греческие поселенцы Пичвиари. На других памятниках Причерноморья Грузии ранние иностранные монеты ещё не найдены. Даже в Северном Причерноморье монеты Нимфей и Феодосии являются редкими находками. Найденные в хорошо датированных комплексах Пичвиари монеты этих центров хорошей сохранности. Археологические работы на Пичвиарском некрополе продолжаются. Надеемся, что мы станем свидетелями многих интересных открытий.

Литература

- Анохин. 1956. — *А. А. Анохин*. Монетное дело Боспора. Киев, 1956.
- Блаватский. 1964. — *В. Д. Блаватский*. Пантिकाпей. М., 1964.
- Гамбашидзе. 1963. — *О. Гамбашидзе*. Клад из Тхумри. Тб., 1963 (на грузинском языке).
- Гайдукевич. 1949. — *В. Ф. Гайдукевич*. Боспорское царство. М., Л., 1949.
- Джпаридзе. 1950. — *О. Джпаридзе*. Колхский топор // Вестник государственного музея Грузии. 1950. Т. XVI (на грузинском языке).
- Джков. 1975. — *Ю. Л. Джков*. О монетах с изображением львиной головы и надписью АПОА // ВДИ. 1975. № 4.
- Жебелев. 1953. — *С. А. Жебелев*. Северное Причерноморье. М., Л., 1953.
- Зограф. 1951. — *А. Н. Зограф*. Античные монеты. М., Л., 1951 — (МИА. № 16).
- Нессен. 1947. — *А. А. Нессен*. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.
- Кахидзе. 1974. — *А. Ю. Кахидзе*. Привозные монеты из могильника Пичвиари // ВДИ. 1974. № 3.
- Кахидзе. 1975. — *А. Ю. Кахидзе*. Античные памятники Восточного Причерноморья. Батуми, 1975 (на грузинском языке).
- Кахидзе, Викерс. 2004. — *А. Ю. Кахидзе, М. Викерс*. Пичвиари. Тб., 2004. Т. 1 (на грузинском и английском языке).
- Лордкипанидзе. 1977. — *О. Д. Лордкипанидзе*. К вопросу о связях Колхиды с Северным Причерноморьем в VI–IV вв. до н.э. // История и культура античного мира. М., 1977.
- Петерс. 1984. — *Б. Г. Петерс*. Феодосия // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- Петерс, Голенцов. 1984. — *Б. Г. Петерс, А. С. Голенцов*. Археологические раскопки Феодосии 1975–1977 г. // КСИА. 1984. Вып. 161.

- Скуднова. 1952. – В. М. Скуднова. Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее // ВДИ. 1952. № 2.
- Шелов. 1956. – Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI–II в. до н.э. М., 1956.
- Шелов. 1950. – Д. Б. Шелов. Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. 1950. № 3.
- Kakhidze, Iashvili, Vickers. 2001. – A. Kakhidze, I. Iashvili, M. Vickers. Silver coins of Black Sea coastal cities from the fifth century BC necropolis at Pichvnari // Numismatic Chronicle. 2001. Vol. 161.

С. И. Болдырев

Кто чеканил монеты ΣΑΜΜΑ?

Информация о серебряных монетах с легендой ΣΑ, ΣΑΜΜΑ впервые появилась в публикациях более ста лет назад. В своем каталоге П. О. Бурачков поместил небольшую монету с легендой ΣΑΜ (Бурачков. 1884. Табл. XXII, 171), но отнес ее выпуск к Пантуканею. Прежде всего, необходимо уточнить, что в данный каталог пошло много фальшивых монет, на что справедливо указал А. Л. Бертье-Делагард (Бертье-Делагард. 1907). Больше века эти монеты пребывали в безызвестности. В Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа они до сих пор хранятся вне коллекции монет Боспора, а сотрудники Отдела не уделяли им особого внимания. Интерес к монетам ΣΑΜΜΑ возродили публикации В. Ф. Столбы (Столба. 1989; 1998; 2002; Stolba. 1998). Вокруг интерпретации монет развернулась оживленная дискуссия, основной темой которой является выяснение эмитента этого нумизматического феномена. За последнее десятилетие появились ряд публикаций, посвященных монетам ΣΑΜΜΑ (Анохин. 1999; Виноградов, Молчанов. 2001; Мельников. 2001; Суриков. 2000; 2001; 2003; Anochin. 1998), что позволило даже говорить об «историографии вопроса» (Суриков. 2004; 2004 а). Однако никто, кроме Н. А. Фроловой, не поставил вопрос о подлинности этих монет (Фролова. 2000).

Попробуем разобраться, откуда появились серебряные монеты с легендой ΣΑΜΜΑ. Впервые монеты появились на юге России в конце XIX века. За все это время они ни разу не встречались в кладах. Вопрос об их принадлежности кладу G 1004 рассматривался Н. А. Фроловой (Фролова. 2000). Все монеты поступили в Императорскую археологическую комиссию через посредство керченских торговцев древностями. Архивные источники свидетельствуют о покупке этих монет в Керчи в 1908–1909 г. (Столба. 2002), однако механически приписывать их принадлежность к кладу G 1004 нет никаких оснований. На основа-

нии известных нам материалов можно сказать, что принадлежность монет с легендой ΣΑΜΜΑ кладу 1907 г. G 1004 пока не может быть доказана. Не были они ни разу зафиксированы и при археологических исследованиях городов Боспора.

Визуальный осмотр монет, хранящихся в Государственном Эрмитаже, выявил следующие особенности, отличающие монеты ΣΑΜΜΑ от настоящих монет Боспора. На некоторых монетах легенда написана зеркально. Легенда монет не вписывается ни в один контекст истории Боспора, что порождает множество мнений о принадлежности рассматриваемых монет, не имеющих обоснованных аргументаций. Фактура монетного кружка плоская, а не выпуклая, как это принято для монет V в. до н.э. На оборотной стороне изображение хотя и оформлено в виде вдавленного квадрата, но, тем не менее, выступает за рамки плоскости. На поверхности оборотной стороны видны слабые следы проковки, осуществлявшейся с целью исправить монетный кружок, выпнувшийся после чеканки, и придать ему более-менее ровную форму. Монетный кружок имеет неоправданно маленькую толщину, что не характерно для боспорских монет V в. до н.э. На некоторых монетах отчетливо видно использование двойного удара. Наиболее выступающие части рельефа монет имеют следы потертости горизонтального характера, т.е. не такие, когда одна монета трется о другую, по полукругу. Лев на лицевой стороне некоторых монет выглядит очень схематично. Описываемые монеты отличаются от настоящих боспорских тем, что они имеют более тонкий монетный кружок. При изготовлении монет ΣΑΜΜΑ из-за несоблюдения необходимых размеров в результате чеканки монеты получались выпуклыми, чтобы исправить этот дефект края оборотной стороны дополнительно проковывались. Перечисленные аргументы не позволяют отнести серебряные монеты с легендой ΣΑΜΜΑ к производству какого бы то ни было боспорского монетного двора V в. до н.э. Кто же тогда чеканил монеты ΣΑΜΜΑ?

Во второй половине XIX в. в Керчи жил и плодотворно работал на поприще изготовления поддельных монет поручик Керчь-Еникальской таможенной стражи М. Сазанов, являющийся автором «Исповеди фальшивомонетчика» (Шкорпил. 1907). В «Исповеди» М. Сазанов подробно описывает методы и приемы, использовавшиеся им при изготовлении поддельных монет, в частности, есть упоминание о монетах с двойным ударом штампея, а также об изготовлении монет несуществующих типов. Обращает на себя внимание то, что публикация увидела свет в тот момент, когда на поддельные монеты, появляющиеся в г. Керчи, стали обращать внимание (1907 г.), хотя автор продиктовал её В. В. Шкорпилу в 80-х г. XIX в. Таким образом, можно высказать уверенное предположение, что данные монеты мог чеканить М. Сазанов: в легенде ΣΑΜΜΑ – можно прочитать сокращенное ΣΑ – Сазанов, Μ –

Миханд, МА – Матвеевич, Макарович или другое отчество начинающиеся на МА.

Литература

- Анохин. 1999 – В. А. Анохин. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Бертье-Делагард. 1907 – А. Л. Бертье-Делагард. Поправки общего каталога монет П. О. Бурачкова. М., 1907.
- Бурачков. 1884 – П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллиническим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884.
- Виноградов, Молчанов. 2001 – Ю. Г. Виноградов, А. А. Молчанов. Еще раз о монетах ΣΑΜΜΑ // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. ТДС. СПб., 2001.
- Мельников 2001 – О. Н. Мельников. Нимфей, скифский вождь Савмак и «земля Гилона» // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. 8.
- Столба. 1989 – В. Ф. Столба. Монеты Нимфея в системе боспорской чеканки второй половины V в. до н.э. // Скифия и Боспор. Археологические материалы конференции памяти М. И. Ростовцева. ТДС. Новочеркасск, 1989.
- Столба. 1998 – В. Ф. Столба. Второй Эльтегенский клад боспорского серебра второй половины V в. до н.э. (IG 1004) // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. ТД. СПб., 1998.
- Столба. 2002 – В. Ф. Столба. Проблемы нумизматики Нимфея: несколько замечаний // *Nurelvoeux*. СПб., 2002. Vol. V, fasc. 8.
- Суриков. 2000 – И. Е. Суриков. По поводу древнегреческих монет с легендой ΣΑΜΜΑ // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. ТДС. М., 2000.
- Суриков. 2001 – И. Е. Суриков. Нумизматическое свидетельство о самосской колонизации Причерноморья // ПИФК. М. – Магнитогорск, 2001. Вып. 10.
- Суриков. 2003 – И. Е. Суриков. Нимфей и Афинский монетный декрет // Одинадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. ТДС. СПб., 2003.
- Суриков. 2004 – И. Е. Суриков. ΣΑΜΜΑ: к оценке хода дискуссии // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. ТДС. М., 2004.
- Суриков. 2004 а – И. Е. Суриков. Древнегреческие монеты с легендой ΣΑΜΜΑ: к оценке хода дискуссии // ПИФК. М. – Магнитогорск, 2004. Вып. 14.
- Фролова. 2000 – И. А. Фролова. Монеты Нимфея (Некоторые проблемы исследования чеканки Нимфея) // ДБ. М., 2000. Т. 3.
- Шкорпил. 1907 – В. В. Шкорпил. Из архива Керченского музея древностей. Способ подделки древних боспорских монет М. Сазановым, рассказанный им самим // ИТУАК. 1907. Т. 40.
- Anochin. 1998 – V. A. Anochin. Die Pontische Expedition des Perikles und der Kimmerische Bosphorus (437 v. Chr.) // *Stephanos nomismatikos*. В., 1998.

Stolba. 1998 – *W. F. Stolba. C ΣΑΜΜΑ. Zur Prägung eines bosporanischen Tyranen // Stephanos nomismatikos. B., 1998.*

Е. Я. Туровский

Еще раз о причинах и начальной дате денежного кризиса на Боспоре

Первым в историографии поставил вопрос о денежном кризисе на Боспоре выдающийся советский нумизмат А. Н. Зограф, который описал его основные признаки и последовательность кризисных выпусков. По его мнению, начало кризиса приходилось на конец IV в. до н.э., а конец – на время около середины III в. до н.э. От объяснений причины кризиса исследователь воздержался (Зограф. 1951. С. 177–179). Поскольку никаких данных о денежном кризисе на Боспоре в письменных источниках не имеется, первые исследователи этого явления пытались понять его природу, исходя из известных фактов боспорской истории. Наиболее последовательно высказывался в этом направлении Д. Б. Шелов, который усматривал подоплеку денежного кризиса в политических событиях последней четверти IV в. до н.э., таких как: войны со скифами и междуусобные войны претендентов на боспорский престол (Шелов. 1953; 1954; 1956). В. Ф. Гайдукевич, а вслед за ним В. Д. Блаватский, К. В. Голенко и В. М. Брабич отдавали предпочтение чисто экономической причине – упадку внешней торговли, который дестабилизировал боспорскую экономику и подрывал финансы (Гайдукевич. 1949; Блаватский. 1956; Брабич. 1956). Особняком стояла позиция П. О. Карышковского, который усматривал причины денежного кризиса на Боспоре в переходе функции меры стоимости от серебра к золоту (Карышковский. 1957; 1960; 1961; 1964). Думаю, что не будет большим преувеличением сказать, что все эти модели в значительной степени возникли в результате растерянности исследователей перед лицом очевидного парадокса: с одной стороны прочно утвердившееся в тогдашней историографии мнение о безмятежном состоянии боспорской экономики в III в. до н.э., с другой очевидный тяжелейший денежный кризис.

В настоящее время источниковедческая база для построения более достоверных исторических моделей значительно увеличилась, прежде всего, за счет данных археологии. Было установлено, что на протяжении 70-х – 60-х г. III в. до н.э. были уничтожены или оставлены все сельские поселения на хоре античных центров Северного Причерноморья, что естественно подрывало основу их экономики. Как видно, на

о каком экономическом благополучии говорить не приходится. Первым связал причины денежных кризисов в государствах Северного Понта с названными обстоятельствами А. Н. Щеглов. По его мнению, денежные кризисы стали следствием сарматского вторжения в Скифию в начале III в. до н.э. (Щеглов. 1989. С. 56–58). Однако ряд обстоятельств позволяет полагать, что денежный кризис (на Боспоре и в Ольвии) начался еще до варварской экспансии против греков.

В начале прошлого столетия в селе Каменка Днепровская был обнаружен небольшой клад бронзовых монет, включавший в себя монеты Боспора и Ольвии (Волчкова. 1956). На территории названного села находилось Каменское городище, которое часто называют столицей степной Скифии. Это было крупнейшее греко-варварское торжище в регионе. Клад, возможно, утерянный кошелек, безусловно, принадлежал греческому купцу. Жизнь на Каменском городище, судя по археологическому материалу, прекращается около 275 г. до н.э., что и дает *terminus ante quem* для клада. Теперь о составе клада. Клад включал более десятка «борисфенов» позднейших групп, с которыми П. О. Карышковский связывал начало денежного кризиса в Ольвии (Карышковский. 1988. С. 88–89) и две боспорские монеты «Сатир – лев, осетр» с парными надчеканками «звезда» и «горит», с которых, по мнению подавляющего большинства исследователей, начался денежный кризис на Боспоре. Таким образом, можно констатировать, что денежный кризис в греческих государствах Северного Причерноморья начался приблизительно за 5–10 лет до варварской экспансии против греков. Вероятно, следует связывать начало кризиса с общим неблагоприятным ходом развития событий, как в степи, так и в греческом мире (ослабление Афин, войны диадохов, быть может, негативные климатические изменения).

Вызывает удивление тенденция, наметившаяся в ряде работ, опубликованных достаточно недавно, – отрицать денежный кризис на Боспоре как таковой. Так, В. А. Анохин пишет, что понятие «денежный кризис» является неправомерным и неадекватным для характеристики денежного хозяйства Боспора второй четверти III в. до н.э. (Анохин. 1999. С. 83–84). Подобные мысли звучат и в работе Е. А. Молева. По его мнению, ни в какой другой сфере жизни Боспорского государства (кроме монетного дела – *Е. Т.*) вплоть до середины III в. до н.э. никаких кризисных явлений ни историки, ни археологи не находят. Более того, исследователь предлагает называть начальный этап того явления, которое оценивается в науке сегодня как кризис, периодом официальной денежной реформы, предпринятой государством (Молев. 1994. С. 64, 65).

Хочу выразить решительное несогласие с подобным подходом. Отсутствие выявленных свидетельств о событиях в Северном Причерно-

море в первой половине III в. до н.э. в античной традиции, исключая точно не датированного сообщения Дюдора об опустошение степной Скифии сарматами, затрудняет реконструкцию процессов, происходивших в это время в регионе. Однако вся совокупность имеющихся данных однозначно свидетельствует, что в первой половине III в. до н.э. наступает конец всей системе греко-варварских взаимодействий, сложившейся в предыдущем столетии. Кроме того, резко изменился расклад сил в греческом мире. В это время судьбы причерноморских греческих государств становятся тесно переплетены с ходом той политической игры, которую вели за преобладание в Средиземноморье и Малой Азии эллинистические монархии (Виноградов. 1995. С. 25). Нельзя не принимать во внимание политическое и экономическое ослабление Афин – главного покупателя боспорского хлеба. Все эти обстоятельства вели к экономическому кризису в греческих государствах Северного Причерноморья, который сопровождался кризисом денежным.

Литература

- Анохин. 1999 – В. А. Анохин. История Боспора Киммерийского. К., 1999. Ч. 1.
- Блаватский. 1956 – В. Д. Блаватский. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья. М., Л., 1956.
- Брабич. 1956 – В. М. Брабич. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э. // КСНИМК. 1956. Вып. 66.
- Виноградов. 1995 – Ю. Г. Виноградов. Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995.
- Волчкова. 1956 – Н. И. Волчкова. Клад античных монет из Каменки-Днепровской // КСИА АН УССР. 1956. Вып. 6.
- Гайдукевич. 1949 – В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М., Л., 1949.
- Зограф. 1951 – А. Н. Зограф. Античные монеты. М., Л., 1951. – (МИА. № 16).
- Карышковский. 1957 – П. О. Карышковский. К истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // ВДИ. 1957. № 2.
- Карышковский. 1960 – П. О. Карышковский. Новые материалы к истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // ВДИ. 1960. № 3.
- Карышковский. 1961 – П. О. Карышковский. К вопросу о причинах и характере денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // ВДИ. 1961. № 4.
- Карышковский. 1964 – П. О. Карышковский. О начальной дате денежного кризиса на Боспоре в III в. до н.э. // ВДИ. 1964. № 1.
- Карышковский. 1988 – П. О. Карышковский. Монеты Ольвии. К., 1988.
- Молев. 1994. – Е. А. Молев. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород. 1994.
- Шелов. 1953. – Д. Б. Шелов. Денежная реформа Левкона II // ВДИ. 1953. № 1.

- Шелов. 1954 – Д. Б. Шелов. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н.э. // *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. М., 1954. Т. II. – (МИА. № 33).
- Шелов. 1956 – Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора в VI – II в. до н.э. М., 1956.
- Щеглов. 1989 – А. Н. Щеглов. Еще раз о причинах денежного кризиса III в. до н.э. в античных центрах Северного Причерноморья // *Древнее Причерноморье*. ТД. Одесса, 1989.

Е. А. Малев

О правлении царя Спартока VI на Боспоре в середине II в. до н.э.

Существование правителя Спартока VI на Боспоре предполагалось на основании серебряных дирахм с его именем в работах Д. Б. Шелова (Шелов. 1956. С. 186–189), К. В. Голенко (Голенко. 1982. С. 53) и Ю. Г. Виноградова (Виноградов. 1987. С. 66). Эти дирахмы названные авторы относят к середине II в. до н.э. и поскольку в то время правитель с именем «Спарток» по другим источникам неизвестен, они считали возможным предполагать еще одного правителя с таким именем. По эпиграфическим же данным последний правитель с таким именем правил на Боспоре в начале II в. до н.э. и был пятым по счету Спартоком. До публикации новой дирахмы с именем царя Спартока К. В. Голенко были известны одна аналогичная дирахма (Спасский. 1850. С. 137–161) и золотой статер (Фасмер. 1929. С. 285. № 35). Статер хранился до Великой Отечественной войны в Тамбовском музее. В настоящее время его местонахождение неизвестно. А. Н. Зограф считал его подделкой, мотивируя это тем, что «особенно неприятно поражают неестественными этапами располагающиеся в противоположенных направлениях пряди волос на голове, а на оборотной стороне помещенные монограммы в поле щита Афины – прием, не имеющий параллели в эллинистической нумизматике» (Зограф. 1951. С. 183). Эта точка зрения утвердилась в отечественной нумизматике. Серебряную дирахму он относил ко II в. до н.э., сопоставляя ее с городскими драхмами того же времени (Зограф. 1951. С. 185). Д. Б. Шелов, исследуя монеты Боспора, согласился с точкой зрения А. Н. Зографа, но дирахму предложил датировать более точно – не всем II в. до н.э., а только серединой его, мотивируя это стилистическим сходством с пангикапейскими серебряными драхмами (AM. XII, 22; XII, 1–4; МДБ. VII, 86–88) и бронзовыми городскими монетами (AM. XII, 8; МДБ. VIII, 94). Сходство с медными монетами, по мне-

нию автора, особенно проявляется в пропорциях, форме и положении горита, а также в размещении и палеографических признаках надписи (Шелов, 1956. С. 186–187).

К. В. Голенко, издавая дидрахму Спартока из коллекции Американского нумизматического общества, отметил, что на новом экземпляре четко прослеживается изображение трезубца с дельфинами под эмблемой «дуг в горите», что является постоянным элементом реверса золотых статеров с именем Перисада, тип которых заимствован от лисимаховских статеров Византия (Голенко, 1982. С. 51). Отсюда следует вывод, что эмиссия Спартока «шла по пути, намеченному на Боспоре выпуском золотых статеров с именем Перисада», что, по мнению автора, подкрепляет вывод Д. Б. Шелова о необходимости датировки дидрахм Спартока серединой II в. до н.э. Следующим аргументом автора является невозможность отделить выпуск дидрахм Спартока от выпусков серебряных драхм Пантикалея с изображением Аполлона, которые он датирует второй половиной II в. до н.э. (А. Н. Зограф датировал их 200–110 г. до н.э., Д. Б. Шелов – первой половиной II в. до н.э.). И последний аргумент – сходство монограмм на дидрахмах Спартока и статерах Перисада из Артюховского кургана и из коллекции Эрмитажа (Анохин, 1986. № 156, 156 а), которые автор относит ко времени правления Перисада V, отмечая, однако, что аверсы этих монет изготовлены разными штемпелями. Полностью принявший аргументацию К. В. Голенко, Ю. Г. Виноградов не привел новых доказательств в пользу датировки дидрахм Спартока.

В 1986 г. В. А. Анохин отверг вероятность существования Спартока VI, отрицая такой аргумент вышеназванных авторов, как стилистическое сходство дидрахм Спартока и пантикапейских монет II в. до н.э. Сам он датировал эти пантикапейские монеты 115–110 г. до н.э. Сходство же монограмм на дидрахмах Спартока и статерах Перисадов, по его мнению, связано с тем, что эти статеры принадлежали не пятому, а третьему Перисаду, который правил сразу после Спартока V (Анохин, 1986, № 186–189). Поскольку мы не имеем исходных данных об обстоятельствах находок монет Спартока и сопутствующем археологическом материале, а типология и стилистика не может дать точных дат хотя бы в пределах десятилетий, подобного рода разногласия среди нумизматов неизбежны. Кстати, о ненадежности анализа стилистики монет, как определителя даты, предостерегал в свое время и один из сторонников существования Спартока VI – К. В. Голенко (Голенко, 1965. С. 58). Кроме того, предполагать взаимозависимость монетных типов городских и царских выпусков всегда очень сложно, если только таковой традиции не существовало в государстве достаточно длительное время. Что мы имеем в этом плане на Боспоре? Типология первого выпуска царских монет, принадлежавших Левкону II (230–200 г. до

н.э.) не имеет аналогий им не предыдущей, ни в последующей чеканке Пантикапея. Аналогичная ситуация и со статерами Перисадов, заимствованными от лисимаховских статов Византия. И получается, что заимствование типов царских монет монетариями городской общины Пантикапея характерно только для Спартока VI. Уже сам по себе такой факт настораживает, поскольку ничего более об этом правителе неизвестно. А с другой стороны, эмблема реверса близкого дидрахмам Спартока по типу и размещению легенды (дуг в горите, легенда «ΠΑΝΤΙ» по обе стороны эмблемы), присутствует на меди Пантикапея еще в IV в. до н.э. (Анохин, 1986, № 113), что позволяет думать не только о заимствовании ее царем Спартоком от лисимаховских статов Византия, но и об учете им традиций монетного дела собственного государства. Поэтому использование стилистического сходства монет Спартока и Пантикапея для датировки этого правителя кажется мне бесперспективным. Тем более, что сам К. В. Голенко склонялся к мысли датировать сравниваемые драхмы Пантикапея последними десятилетиями правления Спартокидов (Голенко, 1982, С. 51). Отмечу также, что палеографические особенности написания некоторых букв легенды дидрахм Спартока и сравниваемых с ними монет Пантикапея (пи, кашы, омега) различны. Различно и изображение лука на разных типах драхм. Таким образом, говорить о стилистическом сходстве сравниваемых монет можно только весьма условно. Вывод К. В. Голенко о том, что «наличие трезубца с дельфинами позволяет предполагать, что его (Спартока – Е. М.) эмиссия шла по пути, намеченному на Боспоре выпуском золотых статов Перисадов» трудно принять, исходя из его распределения статов Перисада, в результате которого Спарток оказывается правящим между ними и вовсе не продолжает, а нарушает их традицию: выпускает серебряные, а не золотые монеты; меняет уже установившийся тип реверса, который после него опять восстанавливается на статерах следующего правителя. А кроме того, наличие трезубца и дельфинов на дидрахмах, которое, по мнению К. В. Голенко, должно непременно означать заимствование Спартоком типологии лисимаховских статов Византия, вовсе не столь однозначно. Приведенные им в качестве примера боспорские монеты с этими символами датируются более поздним временем и имеют каждая только одну из этих эмблем (Анохин, 1986, № 182, 184). А на черепичных клеймах с легендой «ΒΑΣΙΛΙΚΗ», составляющих, по подсчетам В. Ф. Гайдукевича, «более 1/5 всей клейменной продукции керамических строительных материалов» и датирующихся первыми десятилетиями III в. до н.э. (Гайдукевич, 1934, С. 285, 293), есть оба этих изображения. Учитывая это и наличие клейм с именами боспорских правителей и указанием на титул (царь Спарток, архонт Гигиенонт), трудно интерпретировать появление этой эмблемы на царских черепицах

иначе, чем именной или родовой знак царской династии. И в таком случае, появление этой эмблемы на монетах Спартока также могло быть не только следствием заимствования иноземного типа, но и результатом совпадения традиций местной чеканки и использования опыта наиболее распространенной в регионе Причерноморья монеты.

Третий, самый замечательный, по мнению Ю. Г. Виноградова, аргумент К. В. Голенко – это монограмма на дидрахмах Спартока, аналогичная монограмме на статерах последнего Перисада. Повторение одних и тех же монограмм характерная черта монетного дела Лисимаха (Tompson. 1968. P. 166), а стало быть, вполне можно предполагать такую же закономерность и для подражаний им, каковыми являются и статеры Перисадов. Но, во-первых, сравниваемая монограмма на статерах Перисадов нанесена под рукой богини Афины в поле монеты, в то время как на дидрахмах Спартока внизу горита, что, на мой взгляд, свидетельствует, об их разном назначении. Можно, конечно, возразить, что иное расположение монограмм на дидрахмах связано с иным типом изображения на реверсе. Но вот на статерах и дидрахмах ближайшего к Перисаду V правителя Гигиенонта монограммы расположены совершенно одинаково, хотя и здесь типы реверса различны. Иными словами, указанные монограммы на статерах Перисадов являются, вероятнее всего, магистратскими, в то время как монограмма на дидрахмах Спартока является указанием на место чеканки монет. Поэтому их сходство не может быть основанием для сближения хронологии данных выпусков. Кроме того, сближение датировки монет Спартока и последнего Перисада на основании сходства монограмм возможно лишь в том случае, если статер из Артоховского кургана и статер из собрания Эрмитажа с аналогичной эмблемой принадлежали одному правителю. Понимая это, К. В. Голенко допускает, что Перисад V сначала выпустил недатированные статеры, но быстро изменил эту практику и уже на первом году своего правления выпустил и монеты с датами в виде отдельных букв. Но, во-первых, то, что эти буквы означают именно даты – это лишь предположение, требующее более серьезных доказательств (Молев. 1994. С. 77). Во-вторых, штемпель реверса этих монет различен, что единодушно отмечали все издатели. А это указывает на принадлежность данных монет разным правителям. Во всяком случае, так считал специально исследовавший эти монеты П. О. Карышковский (Карышковский. 1977. С. 24), мнение которого представляется мне очень убедительным. В-третьих, если предполагать подобные вариации с выпуском золотых монет, то очень трудно объяснить логику действий молодого царя, едва вступившего на престол. Во всяком случае никаких предположений на этот счет К. В. Голенко не дает.

И, наконец, монограммы на драмах и медных монетах Пантикапея, с которыми их соотносят Д. Б. Шелов и К. В. Голенко иные и также расположены иначе, чем на дидрахмах Спартока. Следовательно, сходство монограмм в нашем случае также не может быть весомым аргументом в пользу существования шестого правителя с именем Спарток на Боспоре. В итоге в настоящее время наиболее вероятным представляется отнесение серебряных дидрахм Спартока с пятому правителю с этим именем.

Литература

- Анохин. 1986 – В. А. Анохин. Монетное дело Боспора. Киев, 1984.
- Виноградов. 1987 – Ю. Г. Виноградов. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987, № 1.
- Гайдучевич. 1934 – В. Ф. Гайдучевич. Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 1934, Вып. 104.
- Голенко. 1982 – К. В. Голенко. Новая монета царя Спартока // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982.
- Зограф. 1951 – А. Н. Зограф. Античные монеты М., Л., 1951. – (МИА. № 16).
- Карышковский. 1977 – П. О. Карышковский. К вопросу об обращении статов лисимаховского типа в Причерноморье // Нумизматический сборник. Тбилиси, 1977.
- Молев. 1994 – Е. А. Молев. Боспор в период эллинизма. Н. Новгород, 1994.
- Спасский. 1850 – Г. Спасский. Археолого-нумизматический сборник. М., 1850.
- Фасмер. 1929 – Р. Р. Фасмер. Список монетных находок // СГАИМК. Л., 1929. II.
- Шелов. 1956 – Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI–II в. до н.э. М., 1956.
- Tompson. 1968 – M. Tompson. The mints of Lysimachus // Essay in Greek Coinage presented to Stanley Robinson. Oxford, 1968.

В. К. Голенко

К «реабилитации» античного поселения Полянка

Античное поселение Полянка, расположенное в Крымском Приазовье (Караларское побережье) на хоре европейского Боспора, является эталонным закрытым археологическим комплексом, давшим науке святилище и два монетных клада I в. до н.э. Материалы этого памятника широко используются в археологической, нумизматической и исторической литературе для решения целого ряда вопросов от корректировки датирования массового археологического материала до исторических реконструкций и уточнения данных письменных источ-

ников. Однако датировка и интерпретация самого памятника требуют серьезной корректировки². К исследованному финальному горизонту памятника принадлежат остатки военного поселения первой половины I в. до н.э., основанного на территории сельского поселения конца III–II в. до н.э. Поселение представляло собой группу двухкамерных построек, расположенных по террасно и окруженных грубыми хозяйственными строениями, часть из которых осталась от предыдущего поселения. Поселение располагало небольшой башней, защищавшей удобный проход в скалах, ведущий на поселение, и скромной «цитаделью» на приморском мысу. «Варварский облик» поселения, усмотренный исследователями при недавней интерпретации памятника (Храпунов, 2004. С. 115), обусловлен, во-первых, грубостью планировки хозяйственных построек, вызванной особенностями рельефа этой миниатюрной бухты, оползевым характером ее берегового склона, и, во-вторых, тем обстоятельством, что в публикации на плане поселения графически не были выделены строительные периоды (Масленников, 1998. С. 131. Рис. 82). В целом, застройка и техника строительства не противоречат традициям боспорской сельской архитектуры. Поселение погибло одновременно и после жизни на нем практически не возобновлялась. Святилище представляло собой крупное прямоугольное помещение, к которому примыкали несколько более скромных (в двух из них и были найдены клады). Все они погибли также одновременно и представляют собой закрытый комплекс. В основном помещении оказались потребленными культовые предметы, главным образом, терракоты, и разнообразная посуда, а в двух примыкающих – два клада монет, которые, бесспорно являются единым археологическим целым. В последние годы материалы из раскопок поселения широко используются для реконструкции истории Боспора середины – конца I в. до н.э. (Масленников, 1990, 1998; Сапрыкин, 1996, 2002; Бонин, 2004; Кошеленко, Масленников, 2003 и др.), поэтому вопросы его спорной хронологии крайне важны. Остановимся, в первую очередь, на критике хронологии обоих кладов.

Напомним, что клады состояли главным образом из анонимных боспорских и пантикапейских оболов (Дионис – горит; Аполлон – орел на связке молний), оболов городов Понта и Пафлагонии, а также трех тетрахалков Пантикапея, Горгипсии (Дионис – треножник) и Херсонеса (Артемиды – орел на связке молний) – все времени правления Митридата VI Евпатора. Младшими монетами являлись тетрахалки архонта Асандра (Ника – прора) (Зограф, 1951. Табл. XLIV, 8; Ано-

² В 1984–1986 г. автор этих строк, будучи начальником отряда Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА АН СССР (нач. А. А. Масленников), осуществлял раскопки рассматриваемого памятника.

хин. 1984. № 225). Н. А. Фролова, основной издательклада, справедливо считает их единым кладовым комплексом (Фролова. 1998. С. 53). Изначально монеты были разделены на две части по номиналам и хранились раздельно в двух смежных помещениях, причем оболы были помещены в придонную часть амфоры, врытую в пол. При гибели святилища часть оболы была применена к кладу тетрахаляков, что, в принципе, интересно, но не столь существенно в рамках настоящего сообщения и датировки комплекса. Н. А. Фролова отмечает, что клад содержит монеты конца II в. до н.э. – 63 г. до н.э., но конечной датой «следует считать время после 20 г. до н.э., как о том свидетельствуют тетрахаляки Асандра; следовательно клад состоит из медных монет конца II – конца I в. до н.э.» (Фролова. 1998. С. 60). Вывод, как мы увидим, достаточно странен.

Медь Асандра, представленная в кладе (28 экз.) выпущена исключительно в годы его архонства, начало которого сейчас разные исследователи датируют в рамках 50–49/48 г. до н.э. (Анохин. 1984. С. 78; Карышковский, Фролова. 1990. С. 97), но не позднее 46 г. до н.э. (Анохин. 1984. С. 79), когда Асандр принимает титул басилевса и начинает чекан статов с новой легендой. Хотя мы и не знаем, как долго обращалась медь архонта Асандра, сомнительно, чтобы Асандр, став басилевсом и достаточно успешно правив Боспором более четверти века, сохранил в чекане и обращении свои медные архонтские эмиссии вплоть до своей кончины, тем более, что после принятия нового титула он предоставил право чекана меди гражданским коллективами основных городов государства – Пантикапея и Фанагории. Подобная практика вполне привычное явление в эллинистическое время. Однако в рассматриваемых кладах хронологический разрыв (более четверти века) между годами архонства (49–46 (?) г.) и смертью басилевса Асандра в 21–20 г. до н.э. иным материалом времени его правления не заполнен. Здесь отсутствуют все последующие выпуски боспорской меди, выпущенные в период с 47 по 20 г. до н.э. Пантикапеем и Фанагорией (Анохин. 1984. № 226–227; 247–252). Все это говорит о том, что он был сформирован в первые годы деятельности Асандра, не несет следов накопления и представляет собой слепок с денежного обращения середины – начала второй половины I в. до н.э., и нет никаких оснований омолаживать время «выпадения» клада до столь поздней даты. Единственно приемлемым временем остается время архонства Асандра, о чем мы писали ранее (Голенко, Масленников. 1987. С. 51–52). При интерпретации памятника исследователи пошли еще дальше, датируя гибель поселения, а следовательно, и время выпадения кладов по находке медной монеты Кесарии (голова в калафе – факел) самым концом I в. до н.э., более того, подкрепляя свои выводы датировкой морфологических изменений амфорной тары

(Масленников. 1998. С. 133; Кошеленко, Масленников. 2003)! Дискуссия вокруг даты этой эмиссии еще не завершена. А. Н. Зограф датировал их временем Птолемея I (14–8 г. до н.э.). Н. А. Фролова и С. Ю. Сапрыкин относят чекан этих монет ко времени после переименования Пагтикапея в Кесарию при Динамии, состоявшегося после смерти Асандра, то есть к периоду между 21–12 г. до н.э. (20/17–12 г. – Сапрыкин. 2004. С. 324; См. также Болдырев. 1999. С. 31), связанному с пребыванием Птолемея I на Боспоре и его подчинением, кратко описанного Дионом Кассием [Dio Cass., LIV, 24, 2–6] (Масленников. 1995. С. 163). Этому возражает В. А. Анохин, датируя его временем Аспурга (Анохин. 1984. С. 94–95). Это делает хронологический разрыв между монетами кладов и предложенной датой гибели поселения, а также типологическую незаполненность кладов еще большими и недопустимыми.

В реальности указанная монета была найдена на территории поселения в ходе полевых разведок в 1984 г. и никакого отношения к слою гибели комплекса, естественно, не имеет. Она принадлежит к категории случайных находок, что справедливо замечают исследователи, но упорно не признают разработчики гипотезы. Как справедливо отметил Д. Б. Шелов (Шелов. 1963), а недавно и С. И. Болдырева (Болдырева. 2004. С. 175), также заметивший это хронологическое несоответствие, поздние материалы даже из верхних слоев памятников не могут датировать весь объект, поскольку не исключено их случайное привнесение в слой, не говоря уже о подъемном материале. Более того, как совершенно аргументированно показал С. И. Болдырева, монет Кесарии нет ни в одном из пяти известных на европейском Боспоре кладов (включая наш) с монетами архонта Асандра, они встречаются позже и с иным сопровождающим материалом, более того «монет Кесарии и Агриппии нет в слоях разрушений, приписываемых действиям Птолемея I» (Болдырев. 1999. С. 32, 36). Здесь следует отметить, что эти части Караларского побережья Азова были плотно заселены и посещаемы в античное время. Менее чем в 1 км от поселения расположено крупное поселение Зеленый мыс, доживающее до ранневизантийского времени, а над поселением располагались возделываемые надельные участки. Стремление ряда исследователей максимально омолодить время гибели поселения связано с разработкой в последнее время концепции о том, что большинство поселений хоры гибнет в ходе кампаний Птолемея I на Боспоре (Масленников. 1995; Сапрыкин. 2002), в которую не вполне вписывается поселение Полянка. Гипотеза конечно достаточно привлекательна, но остается предположением, что признает и сам ее автор. В плену этой гипотезы оказалась и Н. А. Фролова, которой пришлось обеспечивать незыблемость выдвинутых предположений. Она пишет: «присутствие в кладе медных монет Асандра, время об-

ращения которых должно быть вплоть до 20 г. до н.э. и позже, заставляет пересмотреть время гибели античного поселения Полянка... археологи могут датировать его гибель после 20 г. до н.э., а, возможно, и гораздо более поздним временем» (Фролова. 1998. С. 55). Однако как может более чем четвертьвековой промежуток не быть заполненным синхронным нумизматическим материалом, ведь тетрахалки архонта Асандра не единственные монеты, выпущенные в годы его жизни? Как может монета, найденная на поверхности поселения в ходе разведок, служить верхней датой при датировке закрытого комплекса (Кошеленко, Масленников, 2003. С. 185 – уже со ссылкой на Н. А. Фролову) и, соответственно, кладов, к которым она, по недоразумению, уже приписывается отдельными исследователями!?

Таким образом, как мы видим, нет никаких доводов для омоложения первоначально предложенной нами даты гибели поселения и ее причины. Согласно сведениям Аппиана, Фарнак, не сумев заключить мир с Цезарем и разбитый при Зеле в августе 47 г. до н.э., после поражения с 1000 пеших всадников «бежал» в Таврику и, собрав «каких-то скифов и савроматов», попытался отвоевать у мятежного Асандра свои боспорские владения, еще при Зеле, зная о мятеже Асандра. Захватив Феодосию и Пантикапей (App. *Mithr.*, 120), Фарнак все же был разбит и смертельно ранен. Если верить источнику, кампания Фарнака началась в окрестностях Феодосии, чему есть и нумизматические подтверждения. При продвижении к Пантикапею наиболее коротким маршрутом в средней части Керченского полуострова являлся отрезок от с. Верхнезаморского у северной оконечности Утундарского вала и далее по долинам и грядам южной грани Каршарского побережья. Этим, наиболее удобным маршрутом, как убедительно показал А. Л. Ермолин³, в середине V в. н.э. мигрировали на Таманский полуостров гунны-утигуры. (Любопытно, что этот сознательно скалькированный маршрут и примененный А. А. Масленниковым (1998) к кампании Полемона I уже воспринимается в литературе как исторический факт). Фарнак же при продвижении к Пантикапею вряд ли оставил в своем тылу гарнизоны, охранявшие боспорскую хору, тем более что его путь мог пролегать недалеко от мест их дислокации, которые были ему известны до малоазийской кампании. В пользу того, что на поселении Полянка могли дислоцироваться наемники, говорят сразу несколько фактов: анушительные размеры монетных находок, нехарактерные для ридового поселения и представляющие собой средства одновременно находившихся в обращении (то есть они не являются кладами длительного накопления); преобладание в большем кладе монет одного номинала – оболон, позволяет допустить, что он являлся

³ См. выше в данном сборнике.

либо казной гарнизона, либо предвзначался для выплат довольствия. То, что денежные средства оказались невостребованными, можно объяснить и тем, что наемники, возможно, рассчитывали при завершении контракта обменять свою оплату на иные денежные средства, в этом случае деньги находились в святилище на хранении, что закономерно. С. И. Болдырев считает, что святилище не было ограблено, поскольку монеты уже вышли из обращения, а сохранялись, например, для переплавки; что обе части клада оказались смешаны разрушителями, бросившими ненужную добычу из одного помещения на порог другого и т.д. В итоге, по логике Болдырева, разрушители взяли все ценное, оставив нас – потомков – с «просроченными» нумизматическими источниками. Мне кажется, что эти выводы основаны на недоразумении. Показательны, на мой взгляд, также масштабность разрушений (убежище-«цитадель» была буквально сметена до скалы в море), отсутствие гражданских жертв и погибшего скота на самом поселении, отсутствие иных орудий труда кроме зернотерок, находки единичных камней для пращей внутри помещений, а не под его стенами и т.д., и т.п. Кроме того, масштабы святилища и его обширный пантеон необычны для рядового боспорского сельского поселения, а сюжеты найденных в нем терракот (к краткому перечню А. А. Масленникова (Масленников, 1998; Кошелевко, Масленников, 2003) добавим изображения Артемиды-Бендиды с собакой, пантеры Диониса, маску Диониса, изображения воина, опирающегося на кельтский (галатский) щит), как и часть инвентаря (малозийские полихромные вазы с позолотой, жаровни с отверстиями, серолощенные керамика и т. д.), более характерны для франко-фригийского круга⁴. Здесь важно отметить, что, по крайней мере в Северо-Западном Крыму, ввод понтийских гарнизонов сопровождался сооружением святилищ (Уженцев, 1997). О том, что Фарнак был готов столкнуться со своими бывшими наемниками (или еще его отца), возможно, косвенно сообщает Аппиан, иначе зачем нанимать «каких-то скифов и сарматов» (App., *Mith.*, 120) для продвижения по территориям, частично заселенным родственным населением? (Ср.: Масленников, 1990) Источник косвенно указывает, что Фарнак готовился к военным действиям против регулярной, вероятно, по большей части наемной мятежной армии, а не против гражданского и сельского ополчения.

Таким образом, предложенная датировка клада представляется неверной. Сам клад отражает состав денежного обращения времени Фарнака и архонства Асандра (т. е. середины I в. до н.э.), время выпадения клада приходится на годы архонства Асандра, а разрушение

⁴ Этот вопрос дискуссионен и является отдельной темой, которой автор намеревается посвятить отдельное исследование.

поселения связано с противоборством Фарнака и Асандра, в котором на стороне последнего участвовали фрако-фригийские и, возможно, галатские наемники Митридата – Фарнака, а затем Асандра, посаженные на землю, а не с карательными действиями Полемона I в 14 г. до н.э. (Сапрыкин. 2002. С. 115). Со сменой концепции обороны государства при Асандре-басилевсе надобность в восстановлении поселения, по-видимому, отпала. Таким образом, комплекс поселения Полянка требует полной публикации и дополнительного исследования, а выводы, сделанные исследователями на его материалах – тщательной редакцией в соответствии с законами анализа археологических и нумизматических источников.

Литература

- Анохин. 1984 – В. А. Анохин. Монетное дело Боспора. Киев, 1984.
- Болдырев. 1999 – С. И. Болдырев. О времени переименования Фанагория в Агриппино // ДБ. М., 1999. Вып. 2.
- Болдырев. 2002 – С. И. Болдырев. Монетные комплексы рубежа н.э. как исторический источник // ДБ. М., 2002. Вып. 5.
- Болдырев. 2004 – С. И. Болдырев. Монеты как датирующий элемент в археологии // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. СПб., 2004. Т. 2.
- Бонин. 2004 – А. В. Бонин. «Базовые памятники» хоры Боспора конца II в. до н.э. – I в.н.э. (проблема датировки) // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. СПб., 2004. Т. 1.
- Голенко, Масленников. 1987 – В. К. Голенко, А. А. Масленников. Два клада монет с поселения «Полянка» // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении. ТД. Л., 1987.
- Зограф. 1951 – А. Н. Зограф. Античные монеты. М., Л., 1951. – (МИА. № 16).
- Карышковский, Фролова. 1990 – П. О. Карышковский, Н. А. Фролова. К истории правления Асандра на Боспоре // Нумизматические исследования по истории юго-восточной Европы. Кишинев, 1990.
- Кошелев, Масленников. 2003 – Г. А. Кошелев, А. А. Масленников. Еще раз о культе Митры-Аттиса на Боспоре // ДБ. М., 2003. Вып. 6.
- Масленников. 1995 – А. А. Масленников. Полемон I на Боспоре // Боспорский сборник. М., 1995. Вып. 6.
- Масленников. 1990 – А. А. Масленников. Население Боспорского царства в первых веках н.э. М., 1990.
- Масленников. 1998 – А. А. Масленников. Эдлинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- Сапрыкин. 1996 – С. Ю. Сапрыкин. Понтийское царство. М., 1996.
- Сапрыкин. 2002 – С. Ю. Сапрыкин. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.

- Сапрыкин. 2004 – С. Ю. Сапрыкин. Заметки по истории Боспора // ДБ. М., 2004. Вып. 7.
- Ужешев. 1997 – В. Б. Ужешев. О пребывании понтийского гарнизона в Калос Лимене в конце II – первой половине I в. до н.э. // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. ТД. Киев, 1997.
- Фролова. 1992 – Н. А. Фролова. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – IV в. н.э. в свете новейших исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Фролова. 1998 – Н. А. Фролова. Клад боспорских монет I в. до н.э., найденный на античном поселении «Поленка» (1984–1985) // ПИФК. М., Магнитогорск, 1998. Вып. VI.
- Храпунов. 2004 – И. Н. Храпунов. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Симферополь, Керчь, 2004. Вып. 6.
- Шелов. 1963 – Д. Б. Шелов. Монетные находки на Майской горе // ИЭ. 1963. Т. IV.

А. В. Гаврилов, И. В. Шонон

Краткая информация о нумизматическом материале селища Куру Баш (лагерь) близ Феодосии

В 2003 году жителями села Насынное Феодосийской административной зоны было обнаружено античное селище, на котором они нашли античные монеты. Нами были собраны все доступные сведения об этих монетах, сделаны слепки и фотографии части из них. Памятнику было присвоено условное название «Куру Баш (лагерь)» и дальше он будет упоминаться под этим названием (Гаврилов. 2004, Рис. 104; 105). Этот материал содержит новые данные, важные для изучения истории Боспора и Феодосии конца II – первой половины I в. до н.э. Селище находится в 0,3 км к северо-востоку от северо-восточной окраины села Виноградного Феодосийской административной зоны или в 0,7 км восточнее укрепления Куру Баш и располагается на отроге хребта Тете-Оба, на холме и у его юго-западного – северо-западного подножия (Гаврилов. 2004, С. 175). С холма хорошо обозреваются предгорья, степь вплоть до Акмонайского перешейка и побережье Феодосийского залива. Пункт имеет зрительную связь с городищем Сары Кая, укреплением Береговое I и самой Феодосией (античный город находится в прямой видимости, в 6 км к юго-востоку от памятника). Подъемный материал попадается на довольно большой территории, около 40000 м², и представлен фрагментами амфор, лагиносов с витыми ручками, синонской черепицы, зернотерок из карадагского

трасса, бронзовыми гвоздями и фибулами, свинцовыми биконическими снарядами для метания из пращи весом 58–60 грамм (отдельные экземпляры имели вес 96 грамм) (Гаврилов. 2004. Рис. 75, 16–28). Нумизматический материал представлен серебряными и медными монетами чеканки Пантикалея времени последних Спартокидов: Перисада IV и V; республиканского Рима этого же времени; периода правления Митридата VI Евпатора, а также медью и серебром чеканки Синопса, Амиса, Амастрии, Фарнакии, Газиуры, Команы, Фанагории и Каппадокии второй половины II – первой половины I в. до н.э. Самые ранние монеты с селища Куру Баш (лагерь) относятся к чеканке Пантикалея и свидетельствуют о том, что оно возникло во второй половине II в. до н.э. В частности, это тетробол «голова Аполлона – протомы коня», оболы «голова Аполлона – горит», тетрахапки «голова Аполлона – лук, стрела» и дихапки «голова сатира – шипки Диоскуров», которые относят ко времени царствования Перисада IV (ок. 155–125 г. до н.э.). К этому же времени относится римский денарий, который, впрочем, мог попасть сюда несколько позже. История их появления здесь, по всей видимости, такова.

После прекращения существования селищ в стенной зоне региона во второй четверти III в. до н.э., хора Феодосии ограничилась территорией хребта Тете Оба и землями в прибрежной полосе Феодосийского залива. На это указывают укрепленные памятники Биюк Янышар, Куру Баш, Береговое I, расположенные по периметру вышеуказанных, прилегающих к Феодосии, территорий (Гаврилов. 2004. С. 29–33). Археологические материалы свидетельствуют, что Береговое I и Куру Баш возникли еще в IV в. до н.э., по-видимому, как селища открытого типа. Но во второй половине III в. до н.э. их уже, очевидно, укрепили, а в крепости Биюк Янышар жили, по всей видимости, наемники, которые на условиях несения военной службы получали от боспорских царей плату и наделались участками на прилегающих землях (Катзонин. 1999. С. 41; Гаврилов. 2004. С. 99).

Сложившаяся в это время оборонительная система на подступах к Феодосии и, соответственно, на западных границах Боспора существовала с перерывами и не теряла своего значения до середины III в. н.э. Находки монет последних Спартокидов на селище Куру Баш (лагерь) наряду с другими археологическими материалами подтверждают, что накануне включения Боспора в состав Понта в конце II в. до н.э. феодосийский оборонительный рубеж был под контролем боспорской царской администрации. Вполне очевидно, что укрепление Куру Баш и селище Куру Баш (лагерь), находящиеся почти в одном месте, составляли единый комплекс. Тем более, что на укреплении Куру Баш многочисленны материалы второй половины III–I в. до н.э. и найден почти

такой же состав монет второй половины II–I в. до н.э. (Гаврилов. 2004. С. 32, 198, 199). Это свидетельствует, что во второй половине II–I в. до н.э. они сосуществовали, как единый, взаимосвязанный комплекс. Хорошо защищенный природными препятствиями холм Куру Баш, как нельзя лучше подходил для создания на нем убежища-укрепления, а находящееся поблизости селище Куру Баш (лагерь) во II в. до н.э. носило хозяйственно-бытовой характер. Поскольку, увеличившиеся вспомогательные и хозяйственные службы, их персонал, по-видимому, не помещались на территории укрепления и были вынуждены располагаться за его пределами, это и обусловило сосуществование на определенном промежутке времени этих двух памятников.

Тетрахалки Амиса, Синопы, Газнуры типа «Арес – меч», относимые к 111–105 г. до н.э., и тетрахалки Синопы и Амиса типа «Эгида с головой медузы Горгоны – Ника с пальмовой ветвью», датируемые 105–90 г. до н.э., возможно, попали на селище Куру Баш (лагерь) сразу после похода Днофанта на Боспор в начале весны 108/7 г. до н.э. (P.E. I. № 352). Во время похода Днофанту пришлось с боем взять Феодосию и некоторые укрепления на границах её хоры (Зеест. 1953. С. 147; Катюшин. 1998. С. 40). Вполне может быть, что на селище Куру Баш (лагерь) во время этих событий располагался временный лагерь понтийских войск, что и обусловило появление здесь вышеуказанных монет. При этом нужно отметить, что тетрахалки Амиса типа «Арес – меч» чеканились на протяжении довольно длительного периода (111–90 г. до н.э.) и, соответственно, делятся на раннюю и позднюю группы. К этому времени, по-видимому, относится и найденная на селище проволоочная фибула, с широкой 11-витковой пружиной. Аналогичные фибулы исследователи относят к последней четверти II в. до н.э. (Зайцев, Мордвищева. 2003. С. 152).

По-видимому, полис, управлявшийся одним из членов царствующего дома Спартокидов, не признал новой власти, поддержал Савмака в борьбе за боспорский престол и выступил на его стороне, что привело к противостоянию понтийского экспедиционного войска и граждан Феодосии. Но и после покорения полиса оппозиция власти Митридата VI в Феодосии была довольно сильной и устойчивой и сохранялась на протяжении всего периода его правления, что отразила письменная традиция (App., Mithr. 107–111). Кроме этого, близкое варварское окружение и пограничный статус полиса вынуждали царя содержать в регионе какое-то военное формирование. В самом городе в силу вышеуказанных обстоятельств всем подразделениям находиться было опасно, поэтому для их дислокации были выбраны пункты в его ближней округе. Одним из таких пунктов в ближней округе Феодосии, где могли расположиться какие-то понтийские подразделения, очевидно, стало укрепление Куру Баш и селище Куру Баш (лагерь). Они являлись

опорой власти царя в противовес полису Феодосии. Их основным предназначением было, в первую очередь, противостоять тенденциям к автономии и самоуправлению феодосийцев, которые, по-видимому, не прекращали попыток к освобождению, а также выполнять охранные функции по отношению к хору. При этом Феодосия, как ненадежный по отношению к новой власти город, постоянно находилась под военным контролем, а её хора и царские земли были защищены от вторжений со стороны тавро-скифов. Археологические материалы также дают возможность предположить, что какие-то подразделения понтийских войск располагались и в находящемся поблизости (в 0,7 км западнее) укреплении Куру Баш, в укреплении на Акмонайском перешейке (Фронтовое 2) и Берегом 1, городище Сары Кая (Колтухов, 1999. С. 23; Гаврилов, 2004. С. 37). Понтийские гарнизоны были размещены и в других, стратегически важных, пунктах крымского побережья и внутренних районах полуострова (Ланцов, 2003. С. 47). Данные памятники вполне подходят под определение то *φρούριον* – «крепость с гарнизоном или стражей» во главе с *φρουραρχος*, которому подчинялась и прилегающая территория (Масленников, 1998. С. 180). Возможно, часть полисной хоры Феодосии наряду с царскими землями и округе после вхождения Боспора в состав Понта также стали собственностью царя, вошли в общий земельный фонд и контролировались царской администрацией. В целом же Феодосия оставалась центром административно-территориального округа и подчинялась царскому наместнику-стратегу. Гражданам полиса, по-видимому, были оставлены в основном их личные наделы, которые находились сразу же за стенами города (ср. Сапрыкин, 1996. С. 243, 280).

Судя по тому, что Гераклея в 72–70 г. до н.э. во время осады римлянами направляла в Феодосию и Херсонес посольство с просьбой о поставках продовольствия (Метт., XLII; XLIX), можно утверждать, что Митридат VI Евпатор оставил гражданской общине полиса некоторые права самоуправления и городскую хору (ср. Виноградов, 1991. С. 26). Похоже, что даже эти небольшие права контролировались посредством понтийского гарнизона, части которого дислоцировались в пунктах Куру Баш и Куру Баш (лагерь). Поскольку полис не был полностью лояльным по отношению к царю, то он не получил некоторых политических привилегий, в частности, не имел права чеканить собственную монету. К первым пантикапейским выпускам Митридата VI относится драхма «голова Аполлона – горит» с монограммой Π (ок. 107–100 г. до н.э.). Это новый, ранее неизвестный штемпель данного типа драхмы, поскольку рядом с горитом изображен наконечник копья (ср. Анохин, 1999. С. 108). По-видимому, эта драхма попала сюда, когда данный пункт уже несколько лет использовался понтийским гарнизоном в качестве поселения и базы в феодосийском регионе. Драхма

Ариарата VII Филометора (племянник Митридата VI, сын Ариарата VI и Лаодики, сестры Митридата VI) была отчеканена, по-видимому в последнее десятилетие II в. до н.э. Драхмы кашпадокийских правителей Ариарата IX Евсевия (сын Митридата VI) и Ариобарзана I Филоромея были выпущены, очевидно, в начале I в. до н.э., то есть еще до начала Первой войны Митридата VI с Римом (89–85 г. до н.э.), когда Каппадокия полностью оказалась во власти Понта (Сапрыкин, 1996. С. 191). Во время этой войны, очевидно, была захвачена и государственная казна Каппадокии, которую Митридат VI использовал для содержания войск и выплат наемникам.

На селище Куру Баш (лагерь) эти монеты оказались несколько позже, по-видимому, во второй половине 80-х или начале 70-х г. до н.э. в качестве платы находившимся здесь военнотружущим или же были привезены ими. С одной стороны они могут свидетельствовать, что в то время среди обитателей Куру Баш (лагеря) были солдаты из подразделений, участвовавших в Первой войне с Римом и позже передислоцированные под Феодосию. Свинцовые литые биконические снаряды для метания из пращи также указывают на присутствие здесь воинского подразделения, имевшего такое вооружение (ср. Anochin, Rolle, 1998. S. 837). Оболы Амиса типа «Персей в племе – пьющий пегас»; тетрахапки Синопы, Амиса, Амастрии и Фарнакии типа «Зевс-Аполлон – орел на молниях», тетрахапк типа «Дионис – треножник с тирсом» и обол типа «Мэн – стоящий Дионис» Пантикалея, тетрахапк Горгишпи типа «Дионис – треножник с тирсом» 80–70-х г. до н.э. показывают, что селище выполняло те же функции, что и прежде. В это время на Куру Баше (лагере) продолжали жить военные поселенцы, получавшие плату за службу. Поэтому, обнаружение на селище относительного большого количества так называемых анонимных обол типа «голова Диониса – горит» (со слов находчиков около 300 экземпляров) (см. Анохин, 1986. № 212) показывает, что здесь могла находиться казна гарнизона (ср. Сапрыкин, 1996. С. 217, 227). Выпуск этих обол датруется в довольно широких рамках 100–75 г. до н.э. (Фролова, Масленников, 1994. С. 186; Сапрыкин, 1996. С. 179).

Хотя В. А. Анохин относит их выпуск к 80–65 г. до н.э. – времени правления на Боспоре сына Митридата VI – Махара (Анохин, 1999. С. 109). Если судить по неиспользованному количеству обол, то селище могло прекратить существование во второй половине 60-х г. до н.э. По-видимому, это произошло после измены и бегства Махара в Херсонес в 65 г. до н.э., когда Митридат VI уничтожил поддерживавшие его гарнизоны. Гарнизон селища Куру баш (лагерь), очевидно, был предан Махару, а Феодосия, отдаленная область царства, способствовала созданию здесь базы оппозиционных сил. Во время измены Махара наряду с другими городами царства отпала и Феодосия. В 65 г. до

н.э. стратегам царя пришлось брать её заново с помощью военной силы (Арр., Митр. 107 – 108; Сапрыкин, 1996, С. 182, 244). Это и предопределило судьбу укрепления Куру Баш и селища Куру Баш (лагерь) после перемещения Митридата VI из Понта на Боспор. Они были разгромлены, гарнизонная касса осталась неиспользованной. По нашему мнению, так можно объяснить факт обнаружения большого количества оболов «голова Диониса – горит» на территории памятника. Однако, жизнь на нем не прекратилась совсем. Куру Баш (лагерь) продолжал существовать, но уже, по-видимому, как обычное маленькое селище.

Хотя, возможен и другой вариант развития событий. В 48 г. до н.э. Фарнак II, отправляясь в поход на римлян в Малую Азию, оставил наместником на Боспоре своего доверенного этнарха Асандра, который позже узурпировал власть. В 47 г. до н.э. Фарнак был разбит Цезарем и вернулся на Боспор с небольшим пешим войском, состоящим из скифов и сарматов. Восстановив свою власть на территории европейского Боспора, в самом конце 47 – начале 46 г. до н.э. он погиб в сражении с войсками Асандра. Если исходить из того, что на селище найден один обол типа «мужская голова – нос корабля, трезубец», перечеканенный из обола типа «Аполлон – орел на молнии» времени архонства Асандра, то дату гибели селища можно отнести и к 47 г. до н.э. Это могло произойти после возвращения Фарнака из Понта после поражения при Зеле, когда ему пришлось силой брать Феодосию и Пантикупей. Тогда и могло быть разгромлено селище Куру Баш (лагерь), где находился верный Асандру гарнизон.

По-видимому, так называемые анонимные оболы типа «голова Диониса – горит» продолжали ходить во время правления Фарнака и в начале правления Асандра, которые по разным причинам не чеканили мелкую разменную монету. Поэтому, наличие этих оболов на селище в таком количестве может косвенно указывать на его функционирование в том же качестве и после смерти Митридата VI. То, что обол типа «мужская голова – нос корабля, трезубец» найден в единственном экземпляре, указывает на непродолжительность и небольшой объем этой чеканки. Соответственно, эти монеты и не должны встречаться на памятниках в большом количестве. Таким образом, селище могло продолжать существовать до 47 г. до н.э. Какой из вариантов предпочтительнее, может показать только археологическое изучение памятника. В 80–70 г. до н.э. на Боспоре все больше появляется монет Амастрии и Фарнакии, но в обращении, преимущественно, находились синопские тетрадралки типа «Зевс – орел на молнии» (Сапрыкин, 1996, С. 171, 180, 181).

Относительно много их найдено и на селище Куру Баш (лагерь). Это было связано с увеличившимися поставками продовольствия и

материалов в Синопу для войск Митридата. Косвенно, это отражают и нумизматические материалы селища. В целом же, Феодосия находилась под властью Митридата до его смерти в 63 г. до н.э. и позже, во время правления Фарнака II, продолжала оставаться в составе Боспора. В течение двенадцати с лишним лет правления Асандра (46/45–17/16 г. до н.э.) Боспор восстановил свое могущество. О быстром экономическом росте свидетельствует регулярная золотая чеканка, воссоздание военно-административного управления в виде округов и, соответственно, укреплений на царских землях. Возможно, в каком-то виде существовало и селище Куру Баш (лагерь). Находка на памятнике тетрахапка типа «Аполлон – пьющий негас» конца его правления свидетельствуют, что какие-то обитатели здесь были и данный пункт в качестве маленького селища еще существовал.

Литература

- Анохин. 1986. – В. А. Анохин. Монетное дело Боспора в VI–II в. до н.э. К., 1986.
- Анохин. 1999. – В. А. Анохин. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Виноградов. 1991. – Ю. Г. Виноградов. Фанагорийские шлемники // ВДИ. 1991. № 4.
- Гаврилов. 2004. – А. В. Гаврилов. Округа античной Феодосии. Симф., 2004.
- Зеест. 1953. – И. Б. Зеест. Раскопки Феодосии // КСИИМК. 1953. Вып. 51.
- Катюшин. 1998. – Е. А. Катюшин. Феодосия, Каффа, Кефе. Феодосия, 1998.
- Колтухов. 1999. – С. Г. Колтухов. Укрепления Крымской Скифии. Симф., 1999.
- Ланцов. 2003. – С. Б. Ланцов. Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев, 2003.
- Масленников. 1998. – А. А. Масленников. Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- Сапрыкин. 1996. – С. Ю. Сапрыкин. Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.
- Фролова, Масленников. 1994. – Н. А. Фролова, А. А. Масленников. Монета из клада боспорских монет начала – середины I в. до н.э. из поселения «Полянка» как исторический источник // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии. ТД. СПб., 1994. Т. II.
- Anochin, Rolle. 1998. – V. A. Anochin, R. Rolle. Griechische schlen der blie bei den manern von Olbia // Archeologische stadien in kontaktzonen der antiken welt. Gottingen, 1998.

*Т. М. Кутниова***Керамические клейма VI–V в. до н.э. из раскопок Фанагории⁵**

Фанагория уже более полутора столетий является объектом пристального внимания исследователей. На протяжении шести последних десятилетий в этом районе проводились систематические раскопки, в ходе которых был получен колоссальный по объёму и разнообразию керамический материал. Однако большая его часть, в том числе и такая массовая составляющая, как керамические клейма, слабо введена в научный оборот. Между тем, амфорные и черепичные штампы не только являются надёжным источником для датирования отдельных объектов и всего памятника в целом, но и предоставляют надёжную информацию для выяснения особенностей его экономической истории. Сверка фанагорийского клеймёного материала, находящегося в фондах столичных и периферийных музеев, а также в Институте археологии РАН (г. Москва), позволила более или менее точно установить общую численность коллекции – около 3000 экз. (Кутниова, 2005, С. 174). Из них 10% составляют черепичные оттиски различных центров, остальные выполнены на амфорах.

Амфорные клейма чётко разделяются на два хронологических периода. К первому, охватывающему конец VI–V в. до н.э. (период спорадического клеймения), относится всего около 5% (138 экз.) от всей совокупности оттисков. Остальные штампы принадлежат ко второму периоду (IV–I в. до н.э.), когда во многих средиземноморских и причерноморских центрах осуществлялась практика систематического и массового клеймения керамической тары. Больше половины оттисков VI–V в. до н.э., интересующих нас в данный момент, принадлежит Хиосу (70 экз.), треть составляют штампы Фасоса (37 экз.), шестую часть – клейма на амфорах со сложнопрофилированными кольцевыми поддонами («протофасосские» – 20 экз.). Единичными экземплярами представлены оттиски Лесбоса, Самоса и «Крута Фасоса» (7, 3 и 1 экз. соответственно). В отличие от более поздних клейм, эти штампы изучены сравнительно плохо. Большинство исследователей обходили их вниманием, считая мало информативными. Единственным, кто всерьёз заинтересовался этими метками, провёл их тщательную сверку, систематизировал и проанализировал весь доступный материал, стал М. Лаваль (Lavall, 1995). Наша выборка позволяет значительно дополнить его данные.

⁵ Работа выполнена в рамках проекта «Керамические клейма Азиатского Босфора» при финансовой поддержке фонда «Киммеридж».

Клейма Хиоса можно условно разделить на три серии: 1) колечки и полуколечки, 2) анэпиграфные штемпеля, 3) безэмблемные оттиски, содержащие различные буквы. Колечки и полуколечки довольно часто встречаются на амфорах практически всех центров – производителей керамической тары⁶, поэтому установить их точную принадлежность не всегда представляется возможным. В большинстве случаев приходится ориентироваться по сохранившимся профильным частям сосудов, реже – по глине. Из почти 90 экз. всевозможных колечек, зафиксированных в Фанагории за все годы раскопок, 48 оттисков имеют, несомненно, хиосское происхождение. Далеко не все они поддаются хронологическому определению. Тем не менее, большинство из них можно датировать относительно точно. По-видимому, самыми ранними являются клейма, оттиснутые у корней невысоких (13–14 см) и небольших (с сечением 3,3 × 2,2 см) ручек, сохранивших следы вертикальных полос, нанесённых темно-коричневым или чёрным «лаком» (Рис. 1), что является характерным признаком «раннепухлогорлых» амфор конца VI – первой четверти V в. до н.э. (Монахов, 2003, С. 16)⁷. На более поздних сосудах того же столетия колечки встречаются не только на горлах и ручках, но и на ножках. Практика спорадического клеймения керамической тары колечками сохранялась на Хиосе вплоть до начала III в. до н.э., так как подобные оттиски нередко встречаются и на фрагментах амфор «с колпачковой ножкой», датирующихся в пределах IV – начала III в. до н.э. (Монахов, 2003, С. 20, сл.). Восемь из девяти хиосских анэпиграфных клейм выборки хорошо известны. Они содержат эмблему – «сфинкс перед амфорой» (Рис. 2), которая ещё в 30-х г. прошлого века была соотнесена В. Грейс и Б. Н. Граковым с монетными изображениями этого центра (Grace, 1934, P. 303; Граков, 1935, С. 179). Все оттиски выполнены разными штампами на верхних частях пухлогорлых и прямогорлых амфор, что подтверждает их традиционную датировку – середина V в. до н.э. (Grace, 1934, P. 303; Граков, 1935, С. 179; Зеест, 1960, С. 77; Монахов, 2003, С. 21). В отличие от широко распространённых клейм «со сфинксом» анэпи-

⁶ Все колечки (вне зависимости от центров производства) довольно однотипны, поскольку, вероятно, выполнялись одним и тем же способом – при помощи палых тростинки или камышинок. Специально вырезанные штампы встречаются крайне редко. Можно высказать предположение, что таким образом гончар отмечал один из сосудов изготовленной партии амфор.

⁷ Эта датировка подтверждается также находкой аналогичного клейма при раскопках слоя последней четверти VI – начала V в. до н.э. на поселении Волна 1 (Соловьёв, Бутягин, 2002, С. 74). Упоминания о клеймах-колечках, оттиснутых у оснований амфорных ручек встречались в публикациях и ранее см. Онайко, 1980, С. 3, № 35; Охотников, 1990, Табл. 9, 10–11.

графный оттиск, содержащий в качестве эмблемы канфар (Рис. 3), встречается довольно редко. Нам удалось найти упоминание об аналогичных штампах только у М. Лавалля, который считает эти клейма современными штампам с городским гербом (Lavall. 1995. P. 109).

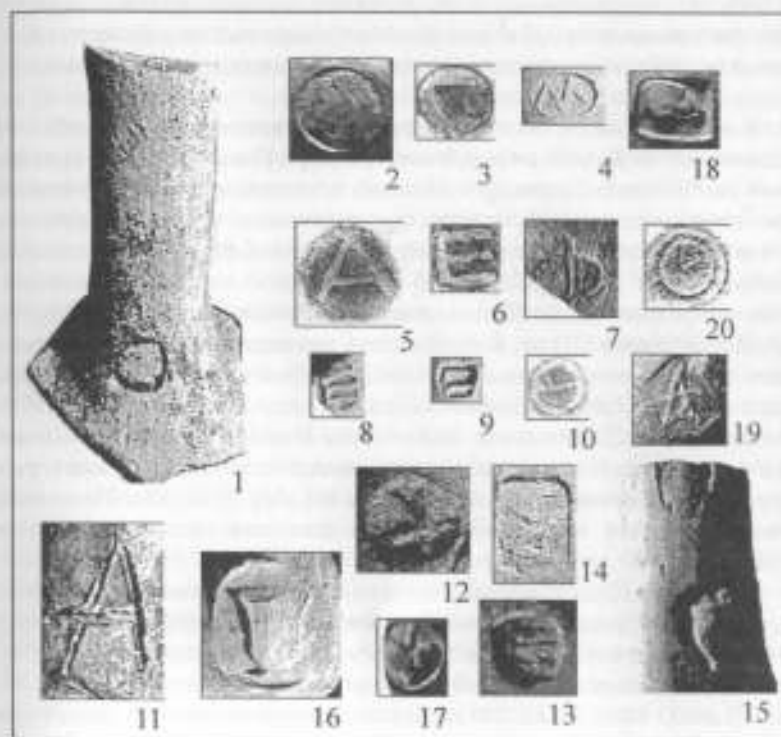

Рис. 1–20. Клейма: 1–7 – Хиос; 8–10 – «протофасосские» амфоры; 11–13 – Лесбос; 14 – Самос?; 15–19 – Фасос; 20 – «Круг Фасоса»

Наконец, третья серия хиосских оттисков представлена четырьмя эпиграфическими штампами, содержащими отдельные буквы А, Е, Ф, и овальными рельефными клеймами с сокращением ΛΛ (8 экз.), сделанными одним штампом. Оттиски с литерой А (Рис. 5) были известны и ранее (Монахов. 2003. С. 20; Lavall. 1995. P. 108), тогда как буквы Е и Ф (Рис. 6–7) до сих пор на хиосских сосудах не встречались. Правда, не исключено, что они принадлежат продукции Пепарта, так как аналогичные штампы фигурируют и на амфорах типа Солоха II (Монахов. 2003. Табл. 67–4), глина которых по составу и цвету схожа с хиосской. Особый интерес представляют штампы с сокра-

щением АА (Рис. 4). Публикуя клеймённый материал из раскопок Фанагории за 2002–2003 г. (Кутнинова, 2004), мы отнесли аналогичный оттиск в разряд неопределённых, но после находки в следующем полевом сезоне большого фрагмента верхней части «стухлогорлой» амфоры с клеймом, выполненным тем же штампом, удалось уверенно определить его хиосское происхождение. Морфологические характеристики сосуда позволяют датировать данные оттиски второй четвертью – серединой V в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 17–18).

Клейма на амфорах со «сложнопрофилированными кольцевыми поддонами». В разряд амфор со «сложнопрофилированными кольцевыми поддонами» («протофасосских») в настоящее время включают однотипную керамическую тару, производившуюся несколькими средиземноморскими центрами (Милетом, Самосом, Абдерами) во второй половине VI–V в. до н.э. В одной из мастерских осуществлялось (видимо, sporadически) клеймение сосудов овальными штемпелями, содержащими букву E (Рис. 8–9). В нашей коллекции представлены семнадцать таких оттисков, выполненных четырьмя штампами. Известны целые сосуды с аналогичными клеймами, относящиеся к концу VI – началу V в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 40). Ещё три оттиска на сосудах этой серии представляют собой пресловутые колечки, два из которых разделены поперечной полосой на два сектора (Рис. 10). Их можно датировать в тех же пределах, что и остальные «протофасосские» штемпеля.

Клейма Лесбоса представлены оттисками, сделанными при помощи штампов и довольно своеобразными метками в виде прочерченных по сырой глине крупных букв (Рис. 11). Последние вполне можно считать своеобразными клеймами, поскольку они были нанесены до обжига (Lavall, 1995. P. 28, 212) и, по-видимому, во всех случаях несли одинаковую смысловую нагрузку. Косвенным подтверждением этого может служить их однотипное начертание, явно указывающее на то, что писавший старался сделать их максимально похожими. Клейма, выполненные при помощи штампов вообще крайне редко встречаются на лесбосских сосудах. Так, в монографии С. Ю. Монахова фигурируют оттиски, содержащие буквы Г и N (Монахов, 2003. С. 193, Табл. 28,3–5), а М. Лаваль со ссылкой на Клинкаберг упоминает клеймо с монограммой MY (Lavall, 1995. P. 213). В нашей выборке представлены два штемпеля, принадлежащих этому центру, с буквами E и K (Рис. 12–13). К продукции Лесбоса относятся и два амфорных фрагмента с маленькими одинаковыми колечками, оттиснутыми рядом. И клейма, и метки встречаются как на красноглиняных, так и на сероглиняных лесбосских сосудах, бытовавших в конце VI – середине V в.

до н.э. (Монахов, 1999, С. 48, 54; Монахов, 2003, С. 46–49; Lavall, 1995, P. 212–213).

Предположительно к клеймам Самоса – Милета отнесены 3 экземпляра, два из которых – колечки, а третий являет собой оттиснутую на горле монограмму, гипотетически восстанавливаемую как ΣΑΜ – первые три буквы названия острова Самос⁸. Судя по типологическим признакам амфоры, на которой было выполнено это клеймо, его можно датировать V в. до н.э.

Почти все фасосские анэпиграфные штемпеля из раскопок Фанаторнии, отличающиеся большим разнообразием (Рис. 15–19), представлены в каталоге-определителе клейм И. Гарлана (Garlan, 1999). По его классификации они делятся на две группы: 1) «протоклейма»⁹ и 2) оттиски, квалифицированные автором как «дополнительные» к эпонимным безэмблемным сериям его группы В (Garlan, 1999, P. 25–27, 144–152). К первым относится 11 экземпляров нашей выборки, выполненных четырьмя штампами: «личина» – 2 экз. (Garlan, 1999, № 42), «букраний» – 1 экз. (Garlan, 1999, № 35), «кратер» – 6 экз. (Garlan, 1999, № 54), «лист шпона» – 2 экз. (Garlan, 1999, № 13). Несомненно, самыми ранними являются два больших штемпеля (Рис. 16), оттиснутых одним штампом, отсутствующим в каталоге И. Гарлана, но известным по IosPE III (№ 3861–3867). Так называемые «дополнительные» оттиски представлены 23 экз.: «бородатая голова» – 7 экз. (Garlan, 1999, № 262–272), «голова Диоскура» – 6 экз. (Garlan, 1999, № 293), «лук и палица» – 3 экз. (Garlan, 1999, № 249–256), «черепашка» – 4 экз. (Garlan, 1999, № 295), «голова барана» – 2 экз. (Garlan, 1999, № 289), «голова льва» – 1 экз. (Garlan, 1999, № 291). Датировка ещё одного рельефного клейма с пятиконечной звездой, выполненного, по-видимому, неизвестным ранее штампом, затруднительна (Рис. 19). Согласно хронологии французского исследователя, «протоклейма» относятся к концу VI – первой половине V в. до н.э. (Garlan, 1999, P. 54), тогда как «дополнительные» штемпеля датируются по его группе В концом 390-х – 380-ми гг. до н.э. (Garlan, 1999, P. 112). Автор полагает, что существовал значительный временной разрыв между этими двумя группами (Garlan, 1999, P. 57), хотя и отмечает, что некоторые «протоклейма» могут доходить до третьей четверти V в. до н.э. (Garlan, 1999, P. 57), а отдельные «дополнительные» оттиски встречаются в стратиграфических контекстах конца того же столетия (Garlan, 1999, P. 26). На мой взгляд, само разграничение этих клейм является не вполне правомерным. Во-первых, обе группы, по словам И. Гарлана, были

⁸ Восстановление было предложено С. Ю. Монаховым.

⁹ И. Гарлан назвал эти оттиски «протоклеймами», чтобы отделить от штемпелей, появившихся впоследствии.

выделены им «на весьма гипотетическом основании», и ни типология, ни размер не являются чёткими критериями для уверенного отделения «протоклеим» от «дополнительных» фасосских оттисков (Garlan, 1999, P. 55). Во-вторых, видимо далеко не все «дополнительные» штампы действительно сопровождают магистратские клейма. Таким образом, не всегда можно чётко отделить фасосские «протоклеима» от «дополнительных» штампов. Скорее всего, анциграфные оттиски появились на Фасосе задолго до возникновения практики систематического клеймения и продолжали использоваться отдельными мастерскими уже после его появления наряду с магистратскими клеймами. Причём, маловероятно, что между периодами спорадического и массового клеймения керамической тары действительно существовал значительный временной разрыв. Наконец, один энглифический оттиск, содержащий букву В (Рис. 20), скорее всего, принадлежит амфоре «круга Фасоса» и может датироваться в пределах V в. до н.э.

Таким образом, фанагорийская выборка, несмотря на её немногочисленность, позволяет значительно расширить наши представления о самых ранних клеймах различных центров, осуществлявших производство керамической тары с конца VI и на протяжении всего V в. до н.э. Учитывая спорадический характер амфорного клеймения в этот период, статистический анализ зафиксированных оттисков мало информативен. Вместе с тем, некоторые предварительные выводы сделать можно. Например, значительные выборки разновременных оттисков Хиоса, Фасоса и малоазийских центров явно свидетельствуют об их долговременных экономических связях с Фанагорией. А серия клейм, выполненных одним штампом, встреченные при исследовании памятника, свидетельствуют о одновременном поступлении на городище относительно больших партий вина из того или иного центра.

Литература

- Граков. 1935 – Б. Н. Граков. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции в VI–IV в. до н.э. // ИГЛАИМК. 1935. Вып. 108.
- Зеест. 1960 – И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора М., 1960. – (МИА. № 86).
- Кутникова. 2004 – Т. М. Кутникова. Керамические клейма из раскопок «Верхнего Города» Фанагории 2002–2003 г. // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. СПб., 2004. Ч. 1.
- Кутникова. 2005 – Т. М. Кутникова. Керамические клейма из Фанагории (история формирования коллекции) // ANTIQUITAS IUVENTAE. Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Саратов, 2005.
- Монахов. 1999 – С. Ю. Монахов. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II в. до н.э. Саратов, 1999.

- Монахов. 2003 – С. Ю. Монахов. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров – экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М. – Саратов, 2003.
- Онайко. 1980 – Н. А. Онайко. Архаический Торик – античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.
- Охотников. 1990 – С. В. Охотников. Нижнее Поднепровье в VI-V в. до н.э. Киев, 1990.
- Соловьёв, Бутягин. 2002 – С. Л. Соловьёв, А. М. Бутягин. Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Гермонассы // Таманская старина. СПб., 2002. Вып. 4.
- Grace. 1934 – V. Grace. Stamped Amphora Handles Found in 1931–1932 // Hesperia. 1934. Vol. III.
- Garlan. 1999 – Y. Garlan. Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I. Timbres Protothasien et Thasien anciens. Paris, 1999.
- Lavall. 1995 – M. L. Lavall. Transport amphoras and trademarks: imports to Athens and economic diversity in the fifth century BC. University of Michigan, 1995.

Н. А. Павличенко

Новая надпись из Гермонассы¹⁰

В 2004г. на городище Гермонассы-Тмутаракани (пл. 29 А) в средневековом хазарском слое конца IX – начала X веков в забутовке стены был найден фрагмент плиты из белого мрамора (высота – 7,5 см; ширина – 9,0 см; толщина – 2,9 см). На лицевой поверхности плиты частично сохранились две строки надписи (высота букв – 1,8 – 1,4 см, ширина – 2,6 – 2,3 см). Сохранившийся текст:

[...] ΕΑΜΕ [...]

[...] ΒΟΣΠ [...]

Так как археологический контекст не может помочь в датировке, полагаться приходится только на данные палеографии. Судя по форме букв, надпись можно отнести ко времени Перисада I. Наиболее характерным в написании букв является: наличие утолщений и апексов в виде ласточкиных хвостов на концах букв, черточки на вершине альфы и перекрестия сигмы; сигма со слегка расставленными гасками; характерной формы бета; эpsilon и кси, средния гаска которых немного меньше верхней и нижней (см. Болтунова, Книпович. 1962. С. 5; КБН-альбом. 1, 9, 10, 11, 971, 972).

¹⁰ Автор благодарит Э. Р. Уставу (Таманский музейный комплекс) за любезное разрешение опубликовать этот памятник.

Восстановление текста: Если восстанавливать [...] ΒΟΞΠ [...] второй строки как часть слова Βόσχορος и предположить, что в этой строке был какой-то из вариантов титулатуры Перисада I, то для букв, сохранившихся в первой строке, можно попытаться восстановить Participium Aoristi mediī глагола с основой на заднеязычный. Наиболее подходит, как представляется, форма εὐξάμε[νος или εὐξάμε[νῃ – «по обету». Таким образом, для надписи из Гермонассы можно предположить чтение, которое находит аналогию в других боспорских посвящениях (см., например, КБН 1015 и др.):

ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος εὐξάμε[νος ἀνέθηκεν ----- ἀρχοντος
 Παρισάδεος] Βοσπόρου
 καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαϊτῶν πάντων καὶ
 Θεατέων

(«Такой-то сын такого-то по обету посвятил ----- при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, всех меотов и фатеев»).

Литература

Болтунова, Кишлович. 1962 – А. И. Болтунова, Т. Н. Кишлович. Очерк истории греческого латиндарного письма на Боспоре // ИЭ. 1962. Т. III.

В. И. Кац

Где и когда производились амфоры с клеймами ΑΜΑΣΤΡΙΟΣ?

Недавно в Дании вышла в свет статья В. Ф. Столбы, который в очередной раз поднял вопрос о месте и времени производства амфор с клеймами ΑΜΑΣΤΡΙΟΣ (Stolba, 2003). В интернете появился и первый положительный отклик на статью, в котором отмечается, что автор «убедительно доказал, что амфоры, имеющие клеймо ΑΜΑΣΤΡΙΟΣ были сделаны не в городе Амастрии, а в мастерской Гераклен Понтийской, принадлежащей царице Амастрии, наиболее вероятно в период её единоличного правления с 305 по 300 г. до н.э.» (Burstein, 2004). Однако автор рецензии не был бы столь категоричен в своих оценках, если бы он внимательно ознакомился хотя бы с двумя основными работами по этой проблеме, изданными, между прочим, на английском языке (Scegllov, 1986; Katz, Pavlenkov, Scheglov, 1989). Поэтому, прежде чем разбирать аргументацию В. Ф. Столбы, необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на историографии вопроса. Впервые два клейма с легендой ΑΜΑΣΤΡΙΟΣ были опубликованы Е. М. Придином в каталоге керамических клейм Эрмитажного собрания в разделе неопределенных (Придик, 1917). В дальнейшем, в процессе работы над III томом *IosPE*, ему стало известно еще два штемпеля с такой же надписью, что позволило выделить их в особую группу и предположить, что местом производства сосудов с указанной легендой в клейме была Амастрия – город в Пафлагонии (Придик, 1934). Вслед за Е. М. Придином отнес их к Амастрии Б. Н. Граков, дополнивший список еще двумя экземплярами. Первую попытку обосновать в печати амастрийское происхождение этих клейм и определить их дату в широких пределах конца IV–III в. до н.э. сделала И. Б. Зеест при публикации аналогичного оттиска, происходящего из Елизаветовского городища (Зеест, 1951. С. 120). Однако аргументация И. Б. Зеест оказалась, видимо, недостаточно убедительной. Не исключено, что именно поэтому предложенная И. Б. Зеест локализация данной группы клейм не стала общепризнанной. Положение изменилось после того, как на ряде поселений Северо-Западного Крыма была зафиксирована целая серия клейменных амфор с аналогичными оттисками, что позволяло решать спорные вопросы локализации и датировки клейм с легендой ΑΜΑΣΤΡΙΟΣ на более широкой основе с привлечением морфологического и стратиграфического методов и оптико-петрографического анализа глины данной серии амфор (Scegllov, 1986; Katz, Pavlenkov, Scheglov, 1989; Щеглов, Селиванова, 1992). Выводы, полученные в результате такого комплексного изучения, могут считаться вполне обоснованными. Прежде всего, подтвердилось предположение, что место производства

этих амфор следует искать на южном берегу Понта. По процентному составу добавок их керамическая масса в значительной степени производна от керамики Гераклеи и Синопы (Щеглов, Селиванова. 1992. С. 40). Кроме того, было установлено, что в этом центре изготавливались два морфологических типа клейменных амфор, прототипами которых послужили так же формы сосудов Гераклеи и Синопы (см. Табл. 1. 1–3). Влияние практики как гераклеийского, так и синопского клеймения прослеживается и в представленных вариантах клейм (рельефных и энглифических), и в особенностях их наложения (на ручках и на горлах). При этом выяснилось, что обе эти традиции могут сочетаться в одном сосуде (Sceglov, 1986. P. 365–373; Katz, Pavlenkov, Sceglov, 1989. P. 16–20).

Как было предположено, все эти аналогии не могли быть случайны. Они находят логичное объяснение лишь в том случае, если мы признаем, что местом производства этой серии амфор была Амастрия. Данный город, расположенный между Гераклеей и Синопой, был основан около 300 г. до н.э. по инициативе царицы Амастрии, бывшей в то время правительницей Гераклеи (Ps.-Skymn., 958–967; Anon. Per., 15–16; Memn. 4,10; Strabo, XII, 3, 10). Не исключено, что Амастрия дала название новому городу по праву кнеста. Согласно Страбону (Strabo, XII, 3, 10) город был образован из четырёх поселений – Сезама, Китора, Кромн и Тия, из которых Китор первоначально был эмпорием Синопы, а три других принадлежали Гераклее. Уже сам этот факт позволяет предполагать, что в составе населения Амастрии оказались выходцы как из Гераклеи, так и из Синопы. Видимо, среди переселенцев были и гонимцы, принесящие во вновь основанное поселение свои технологические традиции в изготовлении керамической тары.

На первый взгляд, нет необходимости доказывать очевидное. Ведь, как мы видели выше, ещё И. Б. Зеест предположила, что слово АМАСТРИОС, представленное в легенде, является названием города Амастрия. Однако однозначно ответить на этот вопрос не так-то просто. Дело в том, что в клеймах всех центров, где в состав легенды включался этникон, практически всегда, он дан либо в форме номинатива прилагательного среднего рода (ΘΑΣΙΟΝ, ΚΝΙΔΙΟΝ, ΙΚΙΟΝ), либо в форме генетива прилагательного множественного числа (ΘΑΣΙΩΝ, ΠΑΡΙΩΝ). В нашем же случае содержится существительное в генетиве, которое является ничем иным, как именем собственным, при этом именем не греческим, а персидским и, что особенно важно, – женским. Типологически (по составу легенды, по характеру построения разбивки надписи) амастрийские клейма имеют несомненное сходство с оттисками поздних гераклеийских «фабрикантов» (Табл. 1. 4, 6). Поэтому имеются основания полагать, что и данные оттиски обо-

значили не магистратскую должность или название города, а служили указанием собственности некой Амастрии на керамическую мастерскую (или мастерские), в которых изготавливались амфоры. В связи с тем, что как в синопской, так и в гераклеийской керамической эпиграфике среди фабрикантов женские имена вообще не фигурируют, можно уверенно говорить об особом статусе этой Амастрии. Поэтому вполне обоснованным выглядит предположение, что данные клейма содержат имя царицы Амастрии, которой принадлежали гончарные мастерские в одноимённом городе. Это заключение в определённом смысле подтверждает легенда на самых ранних монетах Амастрии – ΑΜΑΣΤΡΙΟΣ ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ (Waddington, Babelon, Reinach. 1925. V. 1. Fasc. 12. P. 172 ff. Pl. XVIII, 1–3; Suppl. 7–8), в которых имя царицы передано в той же форме генетива, что и на клеймах. Отсутствие титула в анализируемых клеймах не может служить веским аргументом, опровергающим этот вывод. В поисках аналогий имеет смысл обратиться к закономерностям, наблюдаемым в практике клеймения черепицы в царских мастерских Боспора (Граков. 1935. С. 202–210; Гайдукевич. 1935. С. 310–314). В клеймах IV–III в. до н.э., стоящих на этих изделиях, помещение титулатуры является более исключением, чем правилом. Среди нескольких десятков штампов, содержащих имена боспорских династов, зафиксированных в соответствующем разделе IosPE III, всего в двух имя Спартока (видимо Спартока III) сопровождается указанием на его царский титул (IosPE III. Клейма на Боспорской черепице. № 1214–1220 – см. Анохин. 1999. Рис. 62). Во всех остальных случаях имена правителей Боспора даны либо в сокращении, либо в полной форме генетива.

Логичным завершением анализа амастрийских клейм стало определение времени их выпуска. Если принять тезис о том, что амфоры с этими оттисками изготавливались в царских мастерских Амастрии при жизни царицы, то мы получим достаточно узкие для керамической эпиграфики хронологические границы – 300 (время основания города) – 284 (время гибели царицы) г. до н.э. (Katz, Pavlenkov, Seeglov. 1989. P. 21). Однако предложенная достаточно логичная схема амастрийского клеймения нашла своих оппонентов. Прежде всего, существенные коррективы в неё попытались внести И. Т. Кругликова и С. Ю. Сапрыкин. Как они полагают, нет оснований считать, что клеймение керамической тары в Амастрии могло осуществляться в тот период, когда правила городом царица Амастрия, так как в это время город входил в состав Гераклеийского государства и здесь не могла существовать независимая от Гераклен система клеймения амфор (Кругликова, Сапрыкин. 1991. С. 90–91). Однако признать достаточно аргументированным это, высказанное в довольно категоричной форме, заявление нет оснований. Даже, если мы примем как истину спорное

положение о том, что город Амастрия в этот период подчинялся Гераклею, и то в данном случае нельзя исключать возможность производства там клейменной керамической тары. Подобные случаи хорошо известны. Так, клейменная тара производилась в городе Ойсиме, который находился на территории фассосской Перен во Фракии (Garlan. 2000. P. 50; Моисахов. 2003. С. 84–85). Не менее показательный пример даёт боспорское черепичное производство. Мастерские, где изготавливалась клейменная черепица, располагались не только в Пантикалее, но и на Таманском полуострове. В частности, в Горгишши находилась принадлежащая правителю города Горгишпу мастерская, в которой черепица клеймилась круглым штампом, содержащим его имя в генетиве (Алексеева. 1997. С. 39–40. Рис. 27). Трудно не заметить полную аналогию с амастрийскими клеймами. И. Т. Кругликова и С. Ю. Сапрыкин, отвергнув (без должных на то оснований) предложенные ранее даты, сделали попытку обосновать новые хронологические границы амастрийского клеймения, связав их с периодом независимости Амастрии от Гераклея. Нижняя граница периода определяется 285/4 г. до н.э. (временем гибели царицы), верхняя – концом 60-х – началом 50-х годов III в. до н.э., когда город вошёл в состав Понтийского государства¹¹. Нельзя сказать, что авторы удачно обошли все подводные камни, которые встретились при обосновании этих хронологических границ. Прежде всего, необходимо было объяснить присутствие имени покойной царицы Амастрии в легендах отливок. По этому поводу была высказана, несомненно, оригинальная, но крайне спорная гипотеза. Отталкиваясь от того факта, что в период независимости, образ Амастрии воспринимался как символ города (с чем в принципе можно согласиться), авторы в дальнейшем приходят к довольно странному заключению, что в «легенде АМАСТΡΙΟΣ нашло отражение не указание на царскую собственность, а название города как символ обожествлённой правительницы, которая в качестве почётного магистрата удостоверяла своей властью доброкачественность продукции и государственный стандарт означенной тары» (Кругликова, Сапрыкин. 1991. С. 93). Фантастическое объяснение смысла легенды, не имеющее аналогов в керамической эпиграфике.

Однако на этом дискуссия по поводу данной серии клейм не завершилась. Как мы видели выше, продолжением её стала статья

¹¹ Следует иметь в виду, что ранее С. Ю. Сапрыкин, как и большинство исследователей, занимавшихся этим вопросом, относил передачу города Амастрия понтийским царям к 278 г. до н.э. или чуть позднее (1986. С. 134). Попытка повысить эту дату на два десятилетия сделана им относительно недавно (1996. С. 50 сл.). Не исключено, что поводом для пересмотра этой даты послужило углублённое изучение им амастрийских клейм.

В. Ф. Столбы. Единственно в чем он согласен со своими предшественниками, это то, что в анализируемых клеймах присутствует имя Амастрии. Предложенная же ранее локализация и хронология амфор с этими оттисками у него вызывают возражения. По его мнению, сосуды производились в Гераклее на протяжении всего нескольких лет с 305 по 300 г. до н.э. (Stolba, 2003. С. 292). Исходным пунктом аргументации стало, уже отмечаемое выше, отсутствие в легендах клейм титулатуры Амастрии. Именно этот факт, как полагает В. Ф. Столба, свидетельствует о том, что мы «имеем дело с частной мастерской, которая функционировала в течение периода, предшествующего принятию царского титула Амастрией. Маловероятно, что, став царицей, она могла одновременно выступать как частное лицо в городе, которым она управляла» (Stolba, 2003. С. 287).

Можно согласиться с тем, что в данном случае мы действительно имеем дело с частной мастерской Амастрии. Но одновременно с этим наблюдается несомненный логический сбой в аргументации В. Ф. Столбы. Он сам, ссылаясь на данные Мемниона, полагает, что муж Амастрии, тиран Дионисий, незадолго до смерти принял царский титул (Stolba, 2003. С. 291). Естественно, что аналогичный титул был закреплён и за Амастрией, которая на протяжении пяти лет после смерти мужа управляла Гераклеей. Как же в этот период сочетался её титул с якобы принадлежащей ей тогда же в Гераклее мастерской? И почему такая картина стала невозможна в городе, основанном самой царицей? Видимо, чувствуя слабость приведённой аргументации, В. Ф. Столба основное место в своей статье отвёл попытке обосновать гераклейское происхождение анализируемых амфор. Однако привлечение большого числа аналогий из практики клеймения тары и черепицы не только в Гераклее, но и в других центрах производства этой продукции, не привело к положительным результатам. Ему так и не удалось убедительно доказать, что амфоры I типа (Табл. 1. 1), выполненные, как полагали его предшественники, с учётом синопской традиции, могли изготавливаться в Гераклее. Они ни по форме, ни по размерным величинам и ёмкости не имеют ничего общего с клейменными гераклейскими амфорами конца IV в. до н.э. Оказался опущен в статье и анализ рельефных клейм с именем Амастрии. Между тем, по размеру букв и палеографическим особенностям, надписи резко отличаются от рельефных гераклейских оттисков и имеют несомненное сходство с клеймами некоторых синопских магистратов III хронологической группы (Табл. 1. 5, 7).

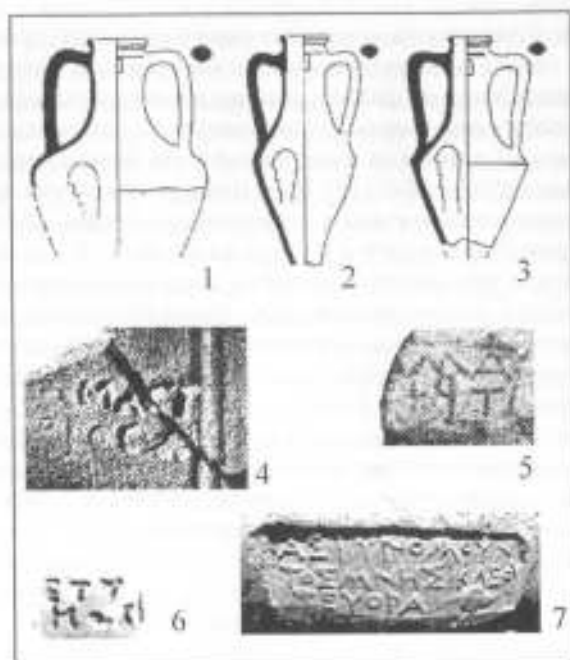

Табл. 1. 1 – амастрийская амфора «синопского» типа; 2–3 – амастрийские амфоры «гераклейского» типа; 4 – энлифическое амастрийское клеймо; 5 – рельефное амастрийское клеймо; 6 – гераклейское клеймо фабриканта Эгнома; 7 – синопское клеймо астинома Мнесикла

Следует усомниться и в заявлении В. Ф. Столбы, что предложенная им более ранняя, чем полагали прежде, дата начала производства сосудов данной серии полностью согласуется с археологическим контекстом находок. Тем более, что в качестве примера приводится лишь один комплекс, в котором присутствуют анализируемые клейменные амфоры – монументальное здание У 6 на поселении Панское 1, существовавшее с 20-х г. IV в. по 275 г. до н.э. По мнению В. Ф. Столбы, «анализ импортной чернолаковой керамики и других изделий, так же как и существенный спад амфорного импорта в начале III в. является самой важной чертой керамического собрания. Это, несомненно, является показателем кризиса, который переживал Херсонесский полис. С учётом этого факта, более реально, что гераклейские амфоры из мастерской Амастрии поступили на поселение уже в конце IV или на рубеже IV и III в., чем в последующие годы, когда сократившееся население Панского встретилось с трудностями в снабжении даже самым необходимым» (Stolba, 2003, С. 292). Однако все эти выводы пред-

стались преждевременными и необоснованными. Они базируются только на материалах У 6. Учёт же всей коллекции клейм, обнаруженных на поселении, в том числе и при раскопках посёлка У 7, показывает, что объём поставок винодельческой продукции на протяжении второго этапа жизни поселения хотя и сокращается (правда, не столь резко, как предполагалось ранее по материалам У 6), но, вместе с тем, он становится более разнообразным. Появляются в большем объёме относительно ценные сорта продукции из Синопы, Гераклеи и Фасоса. Импорт из Амастрии хорошо вписывается как раз во второй этап жизни поселения. Таким образом, Амастрия продолжает оставаться наиболее вероятным местом производства анализируемой клейменной керамической тары, а 300–285 г. до н.э. являются наиболее реальными границами того периода, когда она производилась.

Архивные материалы

- Граков. 1939. – *Б. Н. Граков*. Керамическая тара как источник по истории производства и торговли эпохи эллинизма (диссертация). Архив ИА. Р-2. № 538.
- Придик. 1934 – *Е. М. Придик*. ИРЕ III. Картотека клейм. 1934. Архив ИИМК. Фонд 33. № 21.

Литература

- Алексеева. 1997 – *Е. М. Алексеева*. Античный город Горзиптия. М., 1997.
- Анохин. 1999. – *В. А. Анохин*. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Гайдукевич. 1935. – *В. Ф. Гайдукевич*. Строительные керамические материалы Боспора // Из истории Боспора. ИГАИМК. 1935. Вып. 104.
- Граков. 1935. – *Б. Н. Граков*. Эпиграфические документы царского керамического завода в Пантикапее // Из истории Боспора. ИГАИМК. 1935. Вып. 104.
- Зеест. 1951 – *И. Б. Зеест*. Керамическая тара Елизаветовского городища // МИА. М., 1951. № 19.
- Кругликова, Сапрыкин. 1991 – *И. Т. Кругликова, С. Ю. Сапрыкин*. Херсонес и Амастрия по данным амфорных клейм // КСИА. 1991. Вып. 204.
- Монахов. 2003. – *С. Ю. Монахов*. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Москва – Саратов, 2003.
- Придик. 1917 – *Е. М. Придик*. Инвентарный каталог клейм. Пгр., 1917.
- Сапрыкин. 1986. – *С. Ю. Сапрыкин*. Гераклеи Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.
- Сапрыкин. 1986. – *С. Ю. Сапрыкин*. Понтийское царство. М., 1996.
- Щеглов, Селиванова. 1992. – *А. Н. Щеглов, Н. Б. Селиванова*. Опτικο-петрографическое исследование причерноморских клейменных амфор // Греческие амфоры. Саратов, 1992.

- Burstein. 2004. – *S. M. Burstein*. BMCR website (<http://ccat.sas.upenn.edu/bmcr/>). California State University, Los Angeles.
- Garlan. 2000. – *Y. Garlan*. Amphores et timbres amphoriques grecs: entre erudition et ideologie // *Memoires de l'Academie des inscriptions et belles-lettres*. NS. Paris, 2000. T. XXI.
- Katz, Pavlenkov, Scheglov. 1989. – *V. I. Katz, V. I. Pavlenkov, A. N. Scheglov*. The Amastrian stamped pottery // *Archeologia*. Warszawa, 1989. Vol. XL.
- Scegllov. 1986. – *A. N. Scegllov*. Les amphores timbrees d'Amastris // *BCH. Suppl.* XIII. 1986.
- Waddington, Babelon, Reinach. 1925. – *W. Waddington, E. Babelon, T. Reinach*. Recuell general des monnaies grecques d'Asie Mineure. Paris, 1925.

С. А. Яценко

Тамги и эпиграфика Боспора: новые версии

Появление в последние годы обобщающих работ по тамгам, связанным с ираноязычным населением степной зоны Евразии автора и Д. Я. Ильясова (см., прежде всего: Иуасов. 2003. Р. 131–152), привело к росту интереса к данной тематике и увеличению числа публикаций различных изделий с ними. Одновременно ряд авторов предложили собственные оригинальные трактовки этих знаков и методов их интерпретации. Они обычно являются вариантами давно известных версий: магической (определение «изначального смысла» боспорского царского знака и подчеркивание его сакральной сущности: Туаллагов. 2002. С. 98–108) или протописьменной (тамги на сармато-меотских зеркалах как знаки раннеславянской письменности: Рябчиков. 2001), причем появление их уже прогнозировалось (см. подробнее: Яценко. 2001. С. 3–7). К сожалению, первая из этих трактовок слишком экзотична и не имеет опоры в других источниках, а положения второй не подлежат проверке и потому не могут быть доказаны.

Иной характер имеет концепция московской исследовательницы Н. В. Завойкиной, оригинально трактующая т.н. царские боспорские знаки 30-х г. II – 30-х г. III в. (Завойкина 2003. С. 100–102; 2004. С. 163–176). В своих статьях последних лет исследовательница решительно выступает против «устаревшей» версии В. В. Шкорпила (Шкорпил. 1910. С. 32–34) об этих знаках, как именно царских, даже саму историю ее возникновения представляя как забавный анекдот¹².

¹² По ее мнению, все случилось из-за того, что В. В. Шкорпил на плите 208 г. со строительной надписью из Гермонассы, не обнаружив на ней дигривочной формулы, посчитал, что стоящая рядом тамга заменяет имя царя Савромата II

Между тем, эта точка зрения до сего дня являлась практически общепринятой в науке, и ее пересмотр неизбежно привел бы к серьезной корректировке многих исторических фактов и процессов на Боспоре и во всем Северном Причерноморье. (Так, резонно считать, что если данные знаки не были царскими, то они не могут служить для уточнения датировок, например, наиболее важных скоплений-энциклопедий тамг).

Поэтому следует рассмотреть характер аргументации Н. В. Завойкиной и фактическую базу ее построений. Основной заряд ее критики направлен против специальной главы по царским знакам Боспора в моей монографии (Яценко, 2001, С. 45–60). Идея исследовательницы проста¹³: «спорные» знаки на плитах с официальными документами из боспорских городов принадлежат не царям (последние в них, в лучшем случае, упоминаются в составе датировочных формул), а эпителетам – представителям той или иной местной (в первую очередь – тавшасской) эллинизированной сарматской знатной семьи, занимающей городские должности и поселенной на Боспоре с царского дозволения. Близость же знаков с «трезубой основой» между собой означает, что речь идет о нескольких родственных семьях единственного клана.

Сформулируем основные положения критики собственными словами Н. В. Завойкиной. «Единственным (? – С. Я.) источником о владении этими четырьмя боспорскими правителями¹⁴ сарматскими тамгами служат семь стел с греческими надписями. Однако, как ни странно, почему-то ни разу эти лапидарные памятники не рассматривались в контексте аналогичных и синхронных им источников, то есть документов каменного архива Боспорского государства (? – С. Я.)... Следовало бы ожидать наличие тамг этих царей на всех (? – С. Я.) [официальных] документах или хотя бы опубликованных в боспорских столицах... Однако таковых примеров не обнаружено... Каким же образом можно объяснить столь странную избирательность авторов документов?... Остается непонятным также, почему каждый из упомянутых царей не воспользовался своим правом ставить личную тамгу... на

(Завойкина, 2004, С. 172). Остальные же античники на целое столетие поверили этому мимолетному замечанию.

¹³ Я осознано всю невыгодность своего положения по сравнению с Н. В. Завойкиной: ведь мне не раз приходилось писать о множестве досадных лякуи в тамговом материале Северного Причерноморья и о неразрешимости на уровне сегодняшних знаний многих вопросов, связанных с боспорскими царскими знаками, и то время как она предлагает просто разрешить все проблемы.

¹⁴ Имеются в виду Риметалк (131–154), Евпатор (154–174), Савромат II (174–211) и Рескупорид II/III (211–223).

монетах, как поступали... Фарзой и Инисимей или боспорские цари последней четверти III в. – первой половины IV в.» (Завойкина, 2003, С. 100–102). «...Недавно на основании тамг были «открыты» сопранители царя Евпатора»... (Завойкина 2004, С. 171).

Прежде всего, смущает сам подход Н. В. Завойкиной к критикуемому тексту. Создается впечатление, что в одних случаях соответствующий раздел моей монографии не был дочитан до конца, а в других – в текст пытаются «включить» положения, которых в нем не было, и которые в принципе не подразумевались, т.е. позиция оппонента домысливается. Кроме того, «неудобные» факты критиком попросту обходятся.

Во-первых, ссылка на нахождение серии спорных тамг на надписях с именами царей вовсе не единственный мой аргумент в пользу их царской принадлежности, и критик это хорошо знает (Яценко, 2001, С. 46, 51, 52). Речь идет о специфически боспорских (но имеющих римские прототипы середины II в.) металлических ажурных пряжках наградных поясов (разумеется, от имени царя) для солдат и офицеров (соответственно – из бронзы или золота) (Treister, 2000; Трейстер, 2000). Эти вещи весьма ценились, т.к. для знатных умерших делали их имитации из золотой фольги (только за последние годы они найдены, например, в могиле 227 и склепе 265 Кутея); известны также их единичные находки в Ольвии и варварские подражания им в предгорьях Крыма. На таких наградных пряжках, естественно, изображалась именно царская тамга, и это... именно те типы знаков, царскую принадлежность которых Н. В. Завойкина столь решительно отвергает.

Критик словно вообще не знакома с этим явлением и ни с одной из названных статей М. Ю. Трейстера, и это не случайно: ведь разбор подобного материала отнюдь не подтвердил бы гипотезу Завойкиной. Не секрет также, что традиция наградных (за военные или политические заслуги) поясов от имени царя уводит нас именно в ираноязычную культурную среду¹⁵. В I – начале III в. в парфянском Иране бытуют пряжки наградных поясов, где имеется изображение правителя иногда – вместе с сопранителем / наследником (персональная тамга могла заменять его) (Curtis, 2001).

¹⁵ Особенно полной информацией на эту тему мы располагаем по Сасанидам (с 225 г.). Так, все золотые пояса Ирана были только царским даром за заслуги (Procop., Hist. Bell. I, 17). Кроме того, дарственные колпаки («тиары») мужчине давали им особое право на участие в царском совете и шарах (Amn. Marc., Res gestae. XVIII, 5–6); именно на них, как известно, изображались на ранних сасанидских рельефах фамильные или родовые тамги знати. То же, видимо, можно сказать о военной знати Согды, во всяком случае, по свидетельству аль-Куфи о завоевании Самарканда Кутейбой в 712 г. (см.: Яценко, 2005, Гл. 4, 3).

Во-вторых, критик «забывает» об интересной композиции на двух плитах с Тамани. На них тамгу, связываемую с Евпатором и (в одном случае) также тамгу его вероятного соправителя (известны также на наградных поясах) окружают Ники с триумфальными венками (Соломоник. 1959. № 3–4). Трудно представить это вполне официальное изображение триумфа, сделанным в честь некой военной удачи даже знатного частного лица сарматского происхождения, живущего в одном из городов Боспора: подобные композиции в античном и эллинизированном искусстве восточноиранского мира всегда венчают именно изображение царя (в нашем случае тамга выступает как его символ).

В-третьих, если верить трактовке критика, получится, что 1–2 клана донского племени «станантов», поселенные по милости Савромата II на Боспоре (Завойкина, 2004. С. 175), сразу же приобрели просто фантастическое могущество: они оставили свои следы на официальных документах о ремонте крепостей в разных городах страны, на наградных царских поясах, в элитном некрополе столицы, на триумфальных памятниках, а также конской узде, амфорах, фибулах, гирьках для взвешивания сетей и т.п. по всей стране и частично за ее пределами. Каким же образом две семьи эмигрантов из захолустного Таманиса стали контролировать значительную часть экономики, военную сферу и политику Боспора, и почему мы об этом ничего не знаем об этом чуде ни из одного достоверного источника?

На этот вопрос в работах Н. В. Завойкиной, разумеется, никакого ответа нет, и это понятно: в рамках подобной концепции ответа в принципе быть не может. Интересно, что при этом исследовательница входит в неразрешимый конфликт сама с собою: ведь в той же статье (С. 172) она резко отвергает саму мысль о том, что выходцы из сарматов могли заметно влиять на государственную и социально-политическую жизнь Боспора!

В-четвертых, по мнению критика, если тамгу на монетах ставили лишь немногие цари из династии Тибериев-Юлиев, а предполагаемый царский знак стоит на единичных плитах со строительными надписями определенного царствования, то это уже убедительный аргумент в пользу нецарского характера указанных знаков. К сожалению, это тоже не так. В традиции иранских народов тамги правителей изображались на дошедших до нас неорганических изделиях довольно редко, на немногих категориях вещей и в ряде стран как бы эпизодически: именно это мы наблюдаем и на Боспоре. Все это пока еще нельзя объяснить, но это не повод для удивления, а просто факт, который надо учитывать. Например, у правителей парфянского Ирана, тамга изображалась на монетах лишь немногих правителей одной и той же династии Аршакидов (см.: Sellwood. 1980), но это, разумеется, отнюдь не доказывает нецарский статус остальных шаханшахов. В Кушанской

империи один правитель мог иметь на монетах по два разных знака, подчас у двух разных правителей был одинаковый знак, а иногда на монетах вообще нет тамг.

Среди критических замечаний есть несколько искаженных трактовок моей позиции. Например, Н. В. Завойкина ссылается на мое предположение (основанное на достоверных этнографических материалах), что двухсоставные знаки боспорских царей только времени 30-х г. II – 30-х г. III в. могли образовываться соединением знака клана отца и клана матери (Яценко, 2001, С. 20). Но тут же по неизвестной причине она приписывает мне экстравагантную идею, будто Тиберию-Юлии брали в жены лишь сарматок (!), а потом с этой фантазией успешно спорит, приводя достоверные примеры для других периодов (Завойкина, 2004, Прим. 5). Разумеется, я никогда не утверждал, что все эти правители осознавали себя именно как потомки кочевой аристократии, поэтому мнение, что «тронные имена эти цари должны были иметь сарматские», звучит странно (это примерно то же, что ожидать от Рюриконичей через два столетия после воцарения обязательного употребления скандинавских имен). Свой критический анализ моих работ Н. В. Завойкина заключает так: «обнаруживается слишком много вопросов, требующих особой изобретательности, чтобы ответить на них, и не расшатать здание гипотезы о т.н. «царских тамгах» Боспора» (Завойкина, 2004, С. 174). На деле же все сказанное в полной мере относится как раз к концепции самой Н. В. Завойкиной.

Критика царской принадлежности группы боспорских тамг царям II–III в. самой Н. В. Завойкиной представлялась очень важной, принципиальной, т.к. задана идейной позицией автора. Дело в том, что, по ее мнению, главным образом на основании подобной трактовки серии знаков во многом и держится «мнение о сарматской доминанте в различных областях жизни Боспорского царства», а также «о глубокой сарматизации боспорского общества» I–III в. (Завойкина, 2004, С. 172). Такую позицию она приписывает целому научному направлению, активными сторонниками которого она видит Ю. Г. Виноградова и меня. В действительности такого направления никогда не существовало, т.к. подобного мнения вообще никто из серьезных исследователей не придерживался. Тенденциозность автора видится и в том, что сарматы обычно предстают у Н. В. Завойкиной как некая страдающая сторона, объект давления и властвования со стороны боспорских царей (их заставляют служить в боспорской армии, принуждают к переселению в различные места и т.д.). Это особенно забавно на фоне страха правителей куда более сильных держав – Парфии, Рима и Армении перед военными акциями сармато-аланов, гибели в пожарищах во II–III в. многих боспорских городов, сообщений источников о браках государей разных стран (в том числе Боспора) с сарматскими князьями и т.д.

Литература

- Завойкина. 2003 – Н. В. Завойкина. К вопросу о так называемых царских тамгах Боспора (154–238 г.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.
- Завойкина. 2004 – Н. В. Завойкина. Τυγασίται в истории Боспорского царства // Древности Боспора. М., 2003. Т. 7.
- Рыбчиков. 2001 – С. В. Рыбчиков. Интерпретация скифских, сарматских и месо-сарматских изображений и надписей: [http:// public.kubsu.ru/litrg/02898/sl29r.htm](http://public.kubsu.ru/litrg/02898/sl29r.htm)
- Соломоник. 1959 – Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.
- Трейстер. 2000 – М. Ю. Трейстер. Местные подражания деталям римского военного костюма на Боспоре // РА. 2000. № 3.
- Тузлаглов. 2002 – А. А. Тузлаглов. Тамгообразні знаки боспорських царей // Археологія. К., 2002. № 1.
- Шкорпил. 1910 – В. В. Шкорпил. Заметка о рельефе на памятнике в честь Евпатерия // ИАК. СПб., 1910. Вып. 37.
- Яценко. 2001 – С. А. Яценко. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Яценко. 2005 – С. А. Яценко. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2005.
- Curtis. 2001 – V. S. Curtis. Parthian Belts and Belt Plaques // *Iranica Antiqua*. Lunven, 2001. Vol. XXXVI.
- Ilyasov. 2003. – J. Ya. Ilyasov. On a number of Central-Asian Tamgas I // *Silk Road Art and Archaeology*. Kamakura, 2003. Vol. 9.
- Sellwood. 1980 – D. Sellwood. An Introduction to the Coinage of Parthia. (2nd ed.). London, 1980.
- Treister. 2000 – M. Yu. Treister. Local Imitations of the Details of Roman Military Costume in the Bosporean Kingdom // *Antike Bronze. Werkstattkreise Figuren und Geräte. Akten des 14. Internationalen Kongresses für antike Bronzen*. Köln, 2000.

С. М. Ильашенко

Надписи группы α/π на позднеантичных амфорах Северного Причерноморья

Исходя из имеющихся к настоящему времени публикаций, надписи на амфорах позднеантичного периода из Северного Причерноморья не столь многочисленны, в сравнении с количеством *dirinti* I–III в. н.э. Многие пометки на амфорах этого времени сильно повреждены и за-

известкованы. Здесь речь пойдет о надписях на светлоглиняных узкогорлых амфорах типа E и F по классификации Д. Б. Шелова (Шелов, 1978, С. 19. Рис. 9; 10). Амфоры типа F (Рис. 1–3) распространены по всему Северному Причерноморью. Д. Б. Шелов, считал, что они сменяют тип Д и датировал их второй половины III–IV в. н.э. (Шелов, 1978, С. 19. Рис. 10), И. Б. Зеест связывала эти сосуды с IV в. н.э. (Зеест, 1961, С. 122. Табл. XLI. 105 в–г). А. В. Сазанов, отдельно исследовавший поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор, относит их ко второй половине III – первой половине V в. н.э. (Сазанов, 1993, С. 19). Тем не менее, проблема определения нижней и верхней границы существования типа, а также достоверного анализа морфологических элементов этих амфор и, соответственно, выделения их узко датированных вариантов по-прежнему остается актуальной из-за отсутствия надежной сводки целых форм, представленных в контексте с другим инвентарем (Юрочкин, Зубарев, 2001, С. 457). По мнению В. Ю. Юрочкина и В. Г. Зубарева смена амфорных типов D и F произошла в пределах первой половины IV в. н.э., но уже «в период гуннского вторжения (последняя четверть IV в. н.э.) такие амфоры неизвестны». В качестве основного аргумента используется факт отсутствия амфор типа F в позднеантичных слоях Танаиса (Юрочкин, Зубарев, 2001, С. 458–459). Однако последний анализ амфорного материала из танаисских горизонтов второй половины IV в. н.э. показывает присутствие здесь, хотя и незначительное, сосудов этого типа вместе с фрагментами амфор типа E. Таким образом, вряд ли можно говорить, что, в этом смысле Танаис является исключением из общего числа северопричерноморских поселений, где взаимовстречаемость типов F и E не является чем-то уникальным (Зубарев, 2000, С. 66; Кузищин, Иванчик, 1998, С. 205–233; Молев, 2000, С. 85–95).

Амфоры типа E (Рис. 4–5). И. Б. Зеест определила этот тип как «толстостенные светлоглиняные амфоры» и датировала концом III–IV в. н.э. (Зеест, 1961, С. 122. Табл. XLI. 104 а–в). Д. В. Деоник и О. Ю. Круг относят их ко второй половине IV – началу V в. н.э. (Деоник, Круг, 1972, С. 100–102. Рис. 1, 1, 2), а Д. Б. Шелов – к концу IV–V в. н.э. (Шелов, 1978, С. 19. Рис. 9). По классификации А. П. Абрамова они датируются второй половиной III – началом VI в. н.э. (Абрамов, 1993, С. 50. Табл. 62, 7, 6; 7, 7). А. В. Сазанов разделил их на два варианта: конца IV – середины V в. н.э. и начала V – второй четверти VI в. н.э. (Сазанов, 1989, С. 43, 44; Сазанов, 1993, С. 19–20). Территория распространения этих сосудов, как и амфор типа F, достаточно широка: от Гераклеи Понтийской (Arsen'eva, Kassab Tezgör, Naumenko, 1997, P. 189. Fig. 17–20) и Нижнего Подунавья (Nicolae, 1995–1996, С. 150. Pl. 8, 6) до Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Причерноморья (Зеест, 1961, С. 122; Сазанов, 1993, С. 19). Начальный

этап появления их выделить пока достаточно трудно (Шелов. 1978. С. 19). Однако этот тип амфор считается следующим в генетическом ряду после типа F (Арсеньева, Науменко. 1995. С. 48, Рис. 2, 1, 3, 4). Многие из существующих сейчас датировок базируются на замечании Д. Б. Шелова о том, что «наличие их в позднейших слоях Танаиса позволяет уверенно относить бытование амфор к концу IV и началу V в. н.э.»¹⁶ (Шелов. 1978. С. 19). Жизнь в Танаисе, по мнению Д. Б. Шелова, после разгрома в середине III в. н.э. возобновилась лишь в последней четверти IV в. н.э., а точнее – не ранее 70–80-х годов (Шелов. 1972. С. 326–327). Этот вывод был сделан им на основании отсутствия нумизматического материала второй половины III – первой половины IV в.н.э. и следов погрома, «которому должен был бы подвергнуться Танаис, лежавший на основной дороге гуниского передвижения...» (Шелов. 1972. С. 327). Однако находки монет последних лет позволили С. И. Безуглову «обратиться к проблеме корректировки взглядов на хронологию позднего Танаиса» (Безуглов. 2001. С. 140–150). На основании 45 монет, «связанных с поздним периодом существования города» он выделил лишь две пока не заполненных хронологических лакуны: 250–282 г. н.э. и 330–354 г. н.э. (Безуглов. 2001. С. 30–32, 147). Это дает почву для предположений о том, что разрыв между разгромом Танаиса середины III в. н.э. и возрождением жизни в городе мог быть гораздо меньше, чем это отмечалось ранее. К сожалению, среди известных сейчас танаисских построек позднеантичного периода нет ни одного закрытого комплекса, который бы позволил более или менее уверенно говорить о дате такого возобновления (Шелов. 1972. С. 326; Арсеньева, Науменко. 2001. С. 9). Исключение в этом смысле составляют, пожалуй, лишь хозяйственные ямы, связанные с периодом существования жилых помещений, но и они, как правило, не содержат необходимого для точной датировки набора материалов.

В 1971 г. Д. В. Деоником в рамках отчета о работах Нижне-Донской экспедиции ИА РАН была предпринята попытка разделения поздних слоев городища на три строительные периода. Основанием для отнесения построек к тому или иному периоду служило «...взаимное положение кладок; относительная глубина нижних рядов кладок и вхождение их в состав тех или иных сооружений». За точку отсчета была принята последняя четверть IV в. (Арсеньева. 1971. С. 6–9). Эти стратиграфические наблюдения были положены в основу при последующем исследовании Танаиса IV–V в. (Арсеньева, Науменко. 1995. С. 45–46). Свое дальнейшее развитие периодизация получила в

¹⁶ С этим предположением связана и начальная дата типа, данная А. В. Сазановым (Сазанов. 1989. С. 43–44. Признак 4. Рис. 1, 4).

публикациях результатов работ 1993–1999 г. русско-германского отряда Нижне-Донской экспедиции ИА РАН на раскопе XIX., где было открыто множество новых сооружений позднеантичного Танаиса (Бёттгер, Ульрих, 2000. С. 296–299). Начало первого периода («первой фазы») теперь уже относят к середине IV в. Однако, как и прежде, четких маркеров времени слоев внутри построек не найдено, а, следовательно, и хронология пока остается относительной. Возможно, что всесторонний анализ групп материалов, встречающихся в комплексах, позволит в дальнейшем уточнить даты.

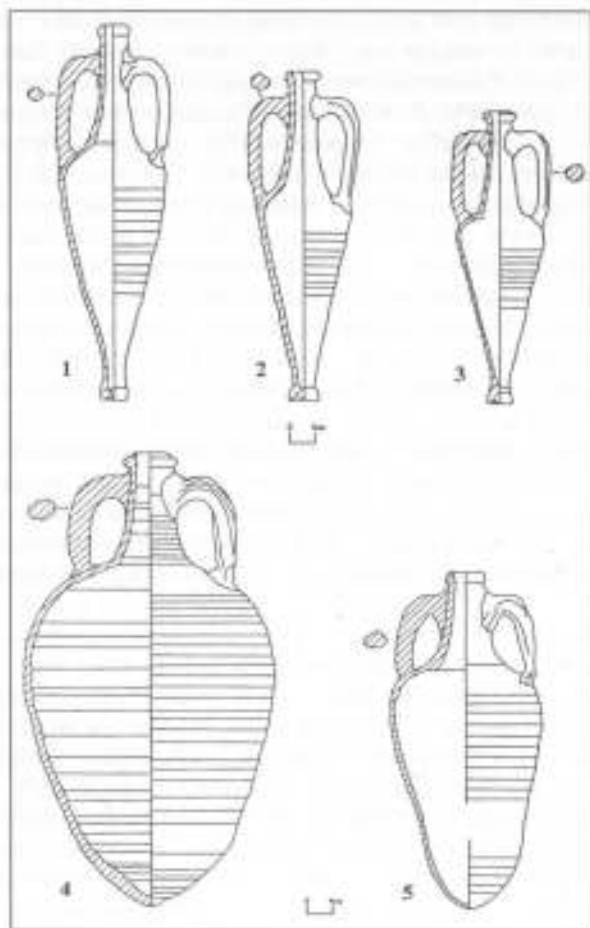

Рис. 1. 1–3 – амфоры типа F; 4–5 – амфоры типа E

Что касается амфор типа E, то они встречаются уже в слоях, лежащих поверх каменных завалов середины III в. н.э. (то есть в первом строительном периоде или фазе 1) вместе с остатками амфор типа Ятрус I. 6 (тип «Делакеу»), которые Б. Бёттгер по материалам крепости Ятрус отнес к периоду A и датировал начиная с первой половины IV в. н.э. и до 60-х г. IV в. (Böttger, 1982. Tafel 21. 14, 15; Арсеньева, Науменко. 2001. С. 72. Рис. 45, 2; С. 73. Рис. 46, 2, 4) и амфорами типа Ятрус II. 1 (фаза 2), конца IV – начала V в.н.э. (Böttger, 1982. С. 45. Tafel 22; Бёттгер, М.Ульрих. 2000. С. 287; Арсеньева, Науменко. 2001. С. 72). Анализируя находки из раскопок городища Белинское, где фрагменты амфор типа Ятрус I. 6 найдены вместе с монетами, конечная дата которых определяется как 322 г. н.э., В. Ю. Юрочкин и В. Г. Зубарев считают (вслед за Б. Бёттгером), что начало их производства лежит в пределах первой половины IV в. н.э. (Юрочкин, Зубарев. 2001. С. 460–461, 465). На этом основании вполне вероятно, что производство амфор типа E и поступление их в Танаис также могло начаться гораздо раньше второй четверти IV в. Этому обстоятельству, кажется, не противоречит и отнесение первой фазы позднеантичного Танаиса к середине IV в. н.э. (Арсеньева, Науменко. 2001. С.71–72; Бёттгер, Ульрих. 2000. С. 297). Тогда, помимо генетической близости, тип E может связывать с типом F (по крайней мере, с позднейшими вариантами) и достаточно большой отрезок времени сосуществования.

Dipinti (Рис. 2). Для нас оба описанных выше типа амфор объединяет то, что они несут на себе сходные между собой характерные многострочные надписи. Причем, такие пометки встречаются почти во всех местах распространения аналогичных сосудов. Эти надписи достаточно стандартны, то есть имеют фиксированный порядок сходной информации, что, вкупе с их количеством, позволяет, в некоторых случаях, восстанавливать утраченные части. Отличительной чертой для подобных пометок является начальная аббревиатура, состоящая из двух букв «α» и «π», где первая буква расположена над второй. По такому сочетанию букв, предваряющему, как правило, именную часть кажется удобным объединять их в единую серию – «надписи группы α/π» (Гудименко, Ильяшенко. 2000. С. 13). Подобно легендам эпонимных клейм, эти буквы могли обозначать «απο» (Емец, Зубарев. 2000. С. 28; Гудименко, Ильяшенко. 2000. С. 15–16) или «ατα», то есть «от». Последняя трактовка мне кажется более предпочтительной. Такое сокращение могло появиться из-за ограниченного количества места на горле сосудов либо быть общепринятым для подобных категорий надписей.

274. Рис. 3, 3)¹⁷. Далее в надписях следует либо одно имя в родительном падеже, либо сокращения двух имен, помещенные одно над другим. Встречаются также пометки, в которых одно имя дается в сокращении, а второе – полностью, в родительном падеже. Так как надписи стандартны, а почерки – похожи, иногда удается и сокращенные имена восстановить до полных форм. По этой же причине они легко выделяются среди многих других категорий *dirinti* и занимают одно из ведущих мест по количеству опубликованных в Северном Причерноморье¹⁸. Своим массовым появлением в литературе такие пометки обязаны в большей степени амфорам типа F. Сходство надписей на этих двух типах амфор также дает возможность высказывать предположения о том, что амфоры F и E с подобными пометками могли существовать одновременно.

В настоящий момент мы располагаем 98 различными именами или их сокращениями. Отметим, что почти все они имеют греческую основу. Видимо, это вызывало их толкование исследователей как указание на содержимое или его качество (*Αυαθ...* – *αυαθός*; *Ευσθα...* – *εὐσθαιῖος* и так далее). Одни и те же имена, нанесенные сложными почерками встречаются на достаточно удаленных друг от друга памятниках (например, дельта Дона, Пантикапей, хора Херсонеса). Кроме того, имеются надписи, в которых одно и то же имя, нанесенное в первой строке сопровождается разными именами второй строки. Таковой, например, является пометка с именем *Βασίλδου*, известная в сочетании с не менее чем 10 различными именами (Рис. 2). При этом смена имен второй строки также не связана с конкретным местом, что позволило бы говорить об отправителе и получателе товара. Находки на различных памятниках одинаковых пометок вызывают предположение – о едином месте происхождения надписей без указания адресата.

В качестве примера можно привести традицию маркировки амфор в западных римских провинциях более раннего времени, когда амфоры уже на выходе из пункта отправления имели пометки краской (*tituli picti*), содержавшие несколько имен, ни одно из которых не содержало указание на конечный пункт торговли или получателя товара (Rodríguez-Almeida. 1984. С. 175–233). В нашем случае одно из имен могло принадлежать производителю содержимого амфор (вина, например), а второе судовладельцу, доставлявшему товар до места назначения. Если же имя на амфоре было одно – мы можем предполагать, что человек, указанный здесь, являлся одновременно и производителем товара

¹⁷ Остальные амфоры типа E и F, найденные на этом же поселении имели пометку в виде стандартно поставленной *α* над *π*.

¹⁸ К сожалению, многие публикации амфор содержат не четкие прописки надписей на них.

и собственником судна. Наибольшая концентрация амфор с пометками типа «*α*λ» к настоящему времени отмечается на крымских памятниках, а также в дельте Дона.

Литература

- Абрамов. 1993 – *А. П. Абрамов*. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Москва, 1993. Вып. 3.
- Арсеньева. 1971 – *Т. М. Арсеньева*. Отчет о работах Нижне-Донской археологической экспедиции в 1971 г // Архив ИА РАН № 4588.
- Арсеньева, Науменко. 1995 – *Т. М. Арсеньева, С. А. Науменко*. Танаис IV–V в. н.э. (по материалам раскопок 1989–1992 г.) // Боспорский сборник. Москва, 1995. Вып. 6.
- Арсеньева, Науменко. 2001. – *Т. М. Арсеньева, С. А. Науменко*. Раскопки Танаиса в центральной и восточной части городища. Древности Боспора. Москва, 2001. Вып. 4.
- Безуглов. 2001 – *С. И. Безуглов*. Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в.н.э.) // Дисс. ...канд. ист. наук. М., ИА РАН, 2001.
- Бёттгер, Ульрих. 2000 – *Б. Бёттгер, М. Ульрих*. Позднесантичное поселение в Танаисе (результаты работ на раскопе XIX) // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону, 2000. Вып.1.
- Гудименко. 2000 – *И. В. Гудименко*. Погребения позднесантичного времени у хутора Рогожкино в Дельте Дона // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону, 2000. Вып.1.
- Гудименко, Ильяшенко. 2000 – *И. В. Гудименко, С. М. Ильяшенко*. Надписи на позднесантичных амфорах поселения Рогожкино XIII // Донская археология. 2000. № 2.
- Деолик, Круг. 1972 – *Д. В. Деолик, О. Ю. Круг*. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 1972. № 3.
- Емец, Зубарев. 2000 – *И. А. Емец, В. Г. Зубарев*. Граффити и дипinti с городища у села «Белинское» // Древности Боспора. 2000. Вып. 3.
- Зеест. 1961 – *И. Б. Зеест*. Керамическая тара Боспора М., 1961. – (МИА. № 83).
- Зубарев. 2000 – *В. Г. Зубарев*. Античное поселение у села Белинское (предварительные итоги раскопок в 1996–1999 годах) // Древности Боспора. 2000. Вып. 3.
- Кузищи, Иваччик. 1998 – *В. И. Кузищи, А. И. Иваччик*. «Усадьба Василидов» в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. 1998. № 1.
- Молев. 2000 – *Е. А. Молев*. Дипinti на амфорах из раскопок Кытэя // Материалы I Боспорских чтений. Боспор Киммерийский на перекрестке греческого и варварского миров (античность и средневековье). Керчь, 2000.
- Сазанов. 1989 – *А. В. Сазанов*. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.
- Сазанов. 1993 – *А. В. Сазанов*. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. Симферополь. 1993. С. Вып. III.

- Шелов. 1972 – Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры // Москва, 1972.
- Шелов. 1978 – Д. Б. Шелов. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. № 156.
- Юрочкин, Зубарев. 2001 – В. Ю. Юрочкин, В. Г. Зубарев. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Бельниское // Древности Боспора. М., 2001. Вып. 4.
- Arsen'eva, Kassab Tezgör, Naymenko. 1997 – T. Arsen'eva, D. Kassab Tezgör, S. Naymenko. Un depotoir d'atelier d'amphores a pate claire. Commerce entre Heraclee du Pont et Tanaïs a l'epoque romaine // Anatolia Antiqua 1997. V.
- Böttger. 1982 – B. Böttger. Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus // Iatrus – Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung and der unteren Donau. Berlin, 1982. Band II.
- Dain, Rouillard. 1930 – A. Dain, G. Rouillard Une inscription relative au droit d'Asile, conservée au Louvre. Bizantion. Revue Internationale des Études Bizantines. Paris, Bruxelles, 1930. Tome V. (1929). Fascicule I.
- Rodriguez-Almeida. 1984 – E. Rodriguez-Almeida. Il Monte Testaccio. Ambiente, storia, materiali // Rome, 1984.

Т. А. Матковская

Собрание керченского лапидария – неисчерпаемый источник по истории и культуре Восточного Крыма

Керченский лапидарий содержит более двух тысяч единиц хранения античного и средневекового периода, каждая из которых является ценным источником для исследователей. Практически ни один научный труд, посвященный истории и культуре Керченского полуострова, в указанные периоды, не обходится без привлечения лапидарных памятников. Среди них видное место принадлежит надписям. Кроме того, значительной информативностью обладают и круглая скульптура, и надгробия, многие из которых снабжены рельефами и надписями.

В эпиграфической части собрания присутствуют надписи следующего содержания: проксении (КБН. 5); посвятительные надписи (КБН. 6 а; 8; 9; 10; 13; 16; 29; 31); почетные надписи (КБН. 38; 40; 43; 45; 48; 51; 57; 59); надписи о строительстве (КБН. 64); манумиссии (КБН. 72); надписи фиссов (КБН. 76; 80; 81–83; 86–88; 92); списки имен (КБН. 109); стихотворные надписи (КБН. 114–116; 121–122; 127–128; 130; 134–135; 138; 140–142; 144–145; 147) – это замечательные памятники духовной культуры Боспора. Стихи писали о людях известных, уважаемых, внесших свой вклад в процветание Отечества, обладающих высокими нравственными качествами и снискавшими почести

среди сограждан своей благотворительной деятельностью, научными трудами. В эпитафиях звучит безутешное горе родителей, потерявших своих детей, с которыми жестоко обошлась богиня судьбы Мойра. Их жизнь оборвалась по разным причинам: в результате убийства, тяжёлой болезни, гибели, а также из-за несчастной любви. Глубоким почтением и восхищением проникнуты элегии, посвящённые женщинам. Поэты называют боспорянку блистательной, неподражаемой, сокровищем, десятой музой, обладательницей завидной красоты и сравнивают её с Пенелопой и Персефоной, при этом подчёркивают превосходство боспорянок над богинями. Трогательные чувства почтительного отношения, уважения и заботы о родителях, нерушимая дружба, взаимоуважение, преданность, доверие между людьми также прославлены в эпитафиях. Для выражения высоких чувств авторы широко использовали различные приёмы: эпитеты, сравнения, гиперболы, антитезы, игру слов, восклицания, чтобы вызвать интерес к жизненным обстоятельствам умершего и сочувствие к нему. Скульптура представлена культовыми, мемориальными и декоративными памятниками. В собрании культовой скульптуры представлены изображения греческих, восточных и местных богов. В основном, это небольшие статуи, предназначенные для храмов и святилищ, в том числе и домашних. В их числе статуи Афродиты, Асклепия, Артемиды-Босбатое, Диониса, Ники, Астары, Деметры, статуэтки Гекаты и Кибелы, votивные рельефы с Кибелой и с изображениями Гермеса, Гекаты, Сабазия. Многие сакральные изваяния сопровождались посвятельными надписями.

Мемориальная скульптура увековечила память о людях и выдающихся событиях Боспора. Она отличалась монументальностью, величием, значительными размерами, была связана с архитектурно организованным пространством и нередко составляла ансамбли. В нашем собрании к мемориальной скульптуре можно отнести портреты выдающихся лиц и надгробия, принадлежавшие разным слоям населения: в виде стел или статуй-полуфигур. Статуи-полуфигуры – это особого типа изваяния, изображавшие человека не в полный рост, а только до пояса или колен, как бы «уходящим в землю». Они устанавливались в нишах и детально прорабатывались только с лицевой стороны. Эти памятники передают облик местных жителей, как общие этнические черты, так и индивидуальные. Памятные знаки и мемориальные ансамбли сохранили память о выдающихся событиях в жизни общества, об одержанных победах. Мемориальная скульптура иногда сопровождалась почетными надписями. Самыми многочисленными в собрании являются стилизованные надгробия с рельефами и надписями. Боспорские рельефы выполнены с мельчайшими подробностями в стиле, который условно можно назвать наивным реализмом. Именно это придаёт им ценность как источнику. На стелах присутствуют мужчины и женщи-

ны в сопровождении рабов, в сценах прощания, в окружении родственников, в сцене трапезы, в виде вооружённых воинов, пеших и всадников. Большое количество надгробий посвящено женщинам, которые присутствуют во всех сценах, в неизменной позе печали. Надписи содержат сведения об изображённых на них боспорянках: о матерях (КБН. 432, 125), жёнах (КБН.144), дочерях (КЛ. 542), сёстрах (КБН. 356), тёщах (КБН. 280, 292), бабушках (КБН.273), кормилицах (КБН. 413), о роде их занятий, о семейных отношениях и родственных связях. Кроме того, иногда указываются факты их участия в разного рода деятельности: боспорянка Пасафиликата посвятила себя музыке (КБН. 875), знатная горожанка Гестия, дочь Менодора, исполняла жреческие обязанности (КБН. 21).

Стелы и круглая скульптура дают представление об особенностях местного мужского и женского костюмов: население Боспора отказалось от типично греческой одежды. Региональные особенности костюма связаны с местными природными условиями, образом жизни, религиозными представлениями, этическими и эстетическими нормами.

На рельефах боспорских надгробий присутствует немало утилитарных предметов, имеющих узко практический характер. Это мебель – ложа, стулья, кресла и подножные скамьи к ним, столы, тумбочки; легко перемещаемые предметы – подушки, лари, ларцы, шкатулки, корзинки, стригили, полотенца, а также предметы для сервировки стола – посуда и угощения. Несмотря на то, что надгробные рельефы связаны с погребальным культом и существовала определённая традиция в изображении героизированных умерших, представленные предметы быта изображены достоверно. Их детальное рассмотрение даёт возможность не только прояснить действия, происходящие на рельефах, но и конкретизировать детали быта боспоряне.

Декоративная скульптура предназначалась для определённых сооружений или была рассчитана на природное окружение. Эти произведения служили не только украшением, но имели и символическое значение, соотношенное с пониманием архитектурного образа. Их устанавливали на фасадах храмов, в интерьерах зданий, в культовых и погребальных постройках, в мемориальных ансамблях. В Керченском лапидарии есть ряд антропоморфных и зооморфных памятников, связанных с декором монументальных зданий и архитектурой малых форм (культовыми столами, гермами, солнечными часами), а также анималистическая скульптура, входящая в ансамбли и украшавшая надгробия.

Значительным в Керченском лапидарии является собрание антропоморфных надгробий, относящихся к разным периодам существования Боспорского царства.

Архитектурные детали ионического, дорического и коринфского ордера дают возможность представить общее развитие монументальной, жилой, культовой архитектуры, а также архитектурных сооружений малых форм, их типологию и хронологию.

Степень изученности памятников лапидария различна. Наибольшее количество научных публикаций посвящено античным надписям. В последние годы многие антиковеды обращаются к скульптурной части коллекции, в том числе и к надгробным рельефам. Что касается средневековых памятников, то они пока изучены мало. Это относится к памятникам с христианской, иудейской и мусульманской символикой.

Н. Ф. Федосеев

Проект публикации коллекции керамических клейм Керченского музея¹⁹

Упоминания о керамических клеймах содержится уже в Отчетах основателя Керченского музея – Поля Дюбрюкса, а первая публикация клейм была осуществлена А. Ашиком в 1848 году в первой части его труда «Воспорское царство», где воспроизведено греческим заглавным шрифтом ряд амфорных клейм (Ашик. 1848. С. 85). Преподаватель керченской гимназии Хрисанф Яшуржинский, описывая частные керченские коллекции, в том числе и свои приобретения, публикует несколько клейм (Яшуржинский. 1892. С. 95–98), найденных в Керчи, однако впервые внимание к коллекции клейм Керченского Музея было обращено в связи с подготовкой публикации свода надписей Северного Причерноморья – *Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini (IosPE)*. Автор IosPE В. В. Латышев определил для надписей на керамике III том этого издания. Приступив к работе, он не подозревал о том огромном массиве информации необходимой для обработки. Поэтому он предложил привлечь к списыванию клейм дополнительных сотрудников, причем, как писал В. В. Латышев в 1891 году «Обществу придется понести некоторые материальные затраты, так как едва ли можно найти лиц, которые бы изъявили готовность безвозмездно потратить значительное количество труда и времени для указанной работы, и потому придется предложить им хотя бы небольшое вознаграждение, например, в размере от 2 до 5 копеек за каждую спи-

¹⁹ Доклад подготовлен в рамках проекта «Керамические клейма Керченского музея», финансируемого Фондом «Деметра».

санную ручку или черепицу (такой способ вознаграждения, так сказать «поштучный», представляется наиболее справедливым)» (Кац. 1999). Были предприняты административные меры: в августе 1892 г. в письме председателю Императорской Археологической комиссии графу А. А. Бобринскому В. В. Латышев просил поручить директору Керченского музея К. Е. Думбергу переслать ему копии с клейм, находящихся в музее. Для устранения неточностей при списании А. А. Бобринской указывал на способ снятия копий с ручек, практикуемый К. К. Косцюшко-Валюжиничем в Херсонесе.

К. К. Косцюшко-Валюжинич в письме подробно описал тот способ снятия эстампажей, который им практиковался. Однако освоить метод своего коллеги из Севастополя К. Е. Думбергу не хватило терпения, и он просит выделить 150 рублей на устройство маленькой гипсово-гальванической мастерской. В 1893 г. в Керченском музее начинает работать гальванопластическая мастерская, но копии клейм изготовить не удалось и, по предложению К. Е. Думберга, весь клейменный материал был отправлен в Петербург (Кац. 1999). Императорская Археологическая комиссия отдала распоряжение К. Е. Думбергу: «Отобрать из имеющихся в Керченском музее и в Царском кургане клейменных амфорных ручек и черепиц те экземпляры, которые Вы признаете полезными оставить при музее, а остальные из числа не имеющих какое-либо научное значение, отправить в Казанский университет в дар музею его вместе со снимками с оставленных при музее экземпляров для Латышева». К счастью, на сей раз рассказывание «не имеющих какое-либо научное значение» керченских оттисков не произошло. Однако материал в итоге все же был переслан в Санкт-Петербург.

Всего в Санкт-Петербург было направлено 1969 амфорных ручек и горлышек, из которых 495 штук, найденных в 1896, 1897 и 1898 г. на горе Митридат, были возвращены в Музей, остальные же 1474 экземпляра – оставлены в Российском Археологическом Обществе в Санкт-Петербурге (Думберг. Л. 144). В последующие годы – 1899 и 1900 г. – клейма также отправлялись в Эрмитаж. Возможно, что и они были возвращены, так как первые 3 тысячи беспаспортных клейм нашей коллекции удивительным образом совпадают с клеймами, занесенными в рукопись IosPE III с пометкой «Эрмитаж. РАО». Таким образом, в большинстве случаев удастся восстановить паспортные данные для целого ряда клейм. Но не для всех. Вторая часть этой коллекции пошла в Одесское Общество Истории и Древностей. Скорее всего, огромный ящик клейм без номеров, хранящийся в фондах Одесского Археологического Музея, и есть клейма, присланные из Археологического Общества.

Первый, кто активно начал публиковать клейма Керченского Музея, был его директор В. В. Шкорпила. Его перу принадлежит ряд статей, где поднимались вопросы датировки клейм (Шкорпила 1914), организации керамического производства, локализации центров производства (Шкорпила 1914; Федосеев 1993). Уже в первой публикации клейм, найденных при раскопках на северном склоне горы Митридат, им было учтено 295 экземпляров (Шкорпила 1902). В 1901 и 1902 годах Керченский Музей приобрел 740 клейм, которым посвящена другая работа В. В. Шкорпила (Шкорпила 1904). К сожалению, они не имеют точного паспорта, поскольку найдены были в различных местах вплоть до Таманского полуострова. Еще одна публикация, подготовленная совместно с Ю. Ю. Марти, посвящена 130 клеймам, хранящимся в музее Мелек-Чесменского кургана (Марти, Шкорпила 1910). Судя по рукописи *IosPE*, работу над которой продолжил Б. Н. Граков, он приезжал в Керченский Музей для списывания клейм. Затем, по сведениям Ю. Ю. Марти, коллекцию родосских клейм готовил к публикации Н. П. Кивокурцев, который, к сожалению, погиб во время Великой Отечественной войны. В архиве Музея мне удалось отыскать лишь отрывочные записи Н. П. Кивокурцева, связанные с амфорной тематикой. В еще одном архивном деле записано, что в 1948 году было систематизировано 5586 амфорных ручек с выделением следующих центров производства: Родос – 1550; Синопа – 1811, Фасос – 1440, Херсонес – 64, Кос – 721 шт. Аналогичная работа была проведена с составлением карточек по коллекциям остродонных амфор в количестве 89 шт.²⁰

В 1953 г. после окончания Московского Университета в Керченский Музей на работу приехал талантливый исследователь Владимир Ильич Цехмистренко. Именно знакомство с коллекцией клейм Керченского музея позволило написать ему диссертацию «Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV – II в. до н.э.» (1963 г.). В архиве музея хранится два дела: одно посвящено методам сравнения штампов синопских клейм²¹, другое – «Синопские клейма Керченского музея» – имеет подзаголовок «Дополнение к изданиям В. В. Шкорпила»²². К сожалению, в рукописи отсутствуют паспортные данные клейм. Им же опубликован ряд «заметок о синопских клеймах» (Цехмистренко 1964; 1967; 1971), где разбирает исправление имен гончаров резчиком, предпринимает попытку определить количество гончарных мастерских, одна из заметок посвящена

²⁰ Архив КГИКЗ. Опись 2. Ед. хр. № 171. Отчеты.

²¹ В. И. Цехмистренко. Материалы изучения синопских керамических клейм // Архив КГИКЗ. Опись 5. Ед. хр. № 14.

²² В. И. Цехмистренко. Рукопись. Керчь // Архив КГИКЗ. Дело 109.

отдельным буквам в составе легенды клейм и т.д. Скорее всего, именно В. И. Цехмистренко разобрал коллекцию клейм, разложив клейма по центрам и по штампам. Видимо, тогда же коллекция была перешифрована шифром «К», где под одним номером могло находиться несколько клейм одного штампа. В настоящее время, помимо шифра «КП – книга поступлений», коллекция имеет шифр «ККК – Керчь, клейменная керамика» и хранится в двух группах хранения – «ККК» и «НВФ – научно-вспомогательный фонд». Вынужден вновь заметить, что при приеме материала на хранение в фонды основное внимание уделяется его внешнему виду, а не информативности самого клейма, что приводит порой к разбиению комплекса на два различных фондохранилища или непринятию материала вовсе! (Федосеев. 2004. С. 368. Сноска 1).

В 1989 году с коллекцией клейм ознакомился профессор Ивон Гарлан, в результате чего в архиве Музея появилась рукопись «Фасосские клейма Керченского музея, обработанные профессором И. Гарланом в 1989 году»²³. Большая часть клейм была опубликована им в *Etudes Thasiennes* (Garlan, 1999). Справедливости ради надо отметить, что в многочисленных публикациях Ивона Гарлана встречаются ссылки на клейма других центров, хранящихся в Керченском музее, что позволяет предположить, что он ознакомился не только с фасосской частью коллекции.

По инициативе В. Д. Письменного 1 декабря 2001 г. мной было начато осуществление проекта обработки коллекции керамических клейм. Цель его – публикация клейм по центрам производства всего собрания. По масштабу подобная публикация не имеет аналогов в мире. Коллекция керамических клейм на амфорах, черепицах и других сосудах Керченского музея – одна из самых больших в мире и насчитывает более 20000 клейм и более 1000 целых амфор. Это огромный материал, который может служить базой для изучения экономических связей Боспорского царства с центрами, поставлявшими свои товары (в основном вино и оливковое масло) в амфорах. Коллекция клейм на черепице (более 3000) дает возможность проанализировать керамическое производство Боспора и поставки строительных материалов из других центров. Специфика собрания Керченского музея состоит том, что его основу составляют причерноморские центры, что позволяет назвать его самой большой коллекцией клейм, происходящих из района Черного моря. Вместе с тем, судя по данным И. Гарлана, Керченский музей обладает и самым большим собранием фасосских клейм. Публикацию планируется осуществить приблизительно в 6 томах по центрам производства – Фасос, Гераклея Понтийская, Кинд, Синоп,

²³ Архив Керченского музея. Оп. № 2. Ел. хр. 1088. 102 листа.

Кос, Родос, Боспор, Колхида, Аканф, Хиос, Парос, Менде, группа Пармениска, неопределенные центры. В ходе работы удалось выделить ряд «редких центров», таких как Энос, Илион, Диоскурида и др. Помимо определения самого клейма ведется работа по восстановлению «паспорта», т.е. восстановление данных о месте находки.

Каталог керамических клейм Керченского музея необходим не только для музейных работников, но и для специалистов-историков. Структура публикации следующая. Во введении будет представлена краткая характеристика коллекции, ее место в ряду аналогичных собраний, история формирования коллекции, история ее изучения и обзор основных публикаций. Каждый раздел будет предварен обзором основных публикаций и анализом хронологических классификаций. Порядок подачи материала основан на алфавитном списке магистратов. Каталог состоит из порядкового номера, фотографий всех имеющихся в коллекции оттисков, при наличии дублетных оттисков восстановленные легенды дается лишь однажды для всех имеющихся в коллекции клейм. Если клеймо было уже опубликовано, то ссылка на публикацию и, в заключении, ссылка на публикации аналогичного оттиска. В конце свода: список литературы, сокращения, генеральный индекс имен и индекс места находки.

Параллельно планируется подготовить ряд публикаций по керамическим клеймам: клейма из раскопок поселений Сююр-таш, Генеральское, Заветное 5, хоры Нимфея, а также Китея, Феодосии, Елизаветовского городища. Работа в этом направлении уже ведется (Гаприлов, Федосеев. 2002; Федосеев. 1988; 1998; 2000; 2003; 2004; Fedosev. 1999). Вместе с тем, публикация каталога керамических клейм Керченского музея лишь первая часть работы. Эти клейма представляют репрезентативную, но не случайную выборку, поэтому полноценный анализ экономических связей может быть проведен лишь с привлечением коллекций, хранящихся в других музеях. Задача поставлена более широко – обработать и опубликовать все клейма, происходящие с территории Европейского Боспора. Для этого предстоит обработать коллекции еще ряда музеев (Эрмитажа, ГИМа, ГМИИ и др.). Результат второй части проекта планируется опубликовать как *addenda* к коллекции клейм Керченского музея. Приблизительная оценка всего массива клейм, найденного на Керченском полуострове, 40000 экземпляров. Эта выборка достаточно репрезентативна, чтобы провести анализ торговых отношений Боспора с начала IV по II век до Р.Х. Кроме того, столь большая и хорошо датированная выборка керамических клейм прекрасный повод для ревизии хронологии ряда боспорских памятников. Дополнением к этому проекту должна стать публикация амфор из фондов Керченского музея. Параллельно с публикацией Каталога ведется работа по созданию электронной базы данных керамических

клеим Керченского музея. Эта база данных имеет удобный интерфейс для поиска аналогий, литературы и датировки клейм. Уже сейчас вся обработанная информация передана в фонды Заповедника для внесения в общемузейную базу КАМИС (www.kamis.ru). Предполагается, что у исследователей будет гостевой вход в систему КАМИС и каждый желающий сможет по поисковой системе непосредственно обращаться к коллекции клейм Керченского музея. К сожалению, система КАМИС работает только на тех компьютерах, где она установлена и не имеет отдельного интерфейса для Интернета или для другого пользователя. То есть, подготовленный материал может быть доступен только на сервере Музея, что делает его практически малодоступным. Разработчики не подстраивают интерфейс под требования пользователя, а требуют, чтобы пользователь выискал в их достаточно сложный и запутанный интерфейс. Все это заставляет разрабатывать альтернативную поисковую систему, которая могла бы работать и в сети Интернет.

Архивные материалы

Думберг. – *К. Е. Думберг*. Раскопки К. Думберга // Дело императорской археологической комиссии 1898, 1899, 1900 годы. Том 2. Архив Керченского Музея. Оп. 2, ед. хр. 104. Л. 144.

Литература

- Ашик. 1848 – *А. Ашик*. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, 1848. Ч. 1.
- Гаврилов, Федосеев. 2002 – *А. В. Гаврилов, Н. Ф. Федосеев*. Амфорные клейма из античных памятников округа Феодосии // Боспор Климмерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 2002.
- Кац. 1999 – *В. И. Кац*. Работа В. В. Латышева по составлению III тома *IsOPe* // Историк и историография. Саратов, 1999.
- Марти, Шкорпила. 1910 – *Ю. Ю. Марти, В. В. Шкорпила*. Керамические надписи, хранящиеся в Мелек-Чесменском кургане в городе Керчи // ЗООИД. 1910. Т. XXVIII.
- Федосеев. 1988 – *Н. Ф. Федосеев*. Амфорные клейма из раскопок поселения Генеральское Западное // Проблемы античной культуры. ТД. Симферополь, 1988.
- Федосеев. 1993 – *Н. Ф. Федосеев*. Вклад В. В. Шкорпила в развитие керамической эпиграфики // Тезисы докладов научных чтений, посвященных памяти В. В. Шкорпила. Керчь, 1993.
- Федосеев. 1998 – *Н. Ф. Федосеев*. Керамические клейма из раскопок поселения «Бакланья Скалы» в Восточном Крыму // ДБ. М., 1998. Т. 1.
- Федосеев. 2000 – *Н. Ф. Федосеев*. Керамические клейма комплекса «Грот» поселения Сьюрташ // ПИФК. М., Магнитогорск, 2000. Вып. 8.

- Федосеев. 2003 – *Н. Ф. Федосеев*. К публикации керамических клейм из раскопок Китея // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2003.
- Федосеев. 2004 – *Н. Ф. Федосеев*. О керамических клеймах, «сравнительных объемах импорта» и поселении «Баклянья скала» // ДБ. М., 2004. Т. 7.
- Федосеев. 2004 – *Н. Ф. Федосеев*. Керамические клейма из раскопок 2002 г. на поселении Заветное-5 // *С. Л. Соловьев, Л. Г. Шенко*. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. СПб., 2004. Часть 1.
- Цехмистренко. 1964 – *В. И. Цехмистренко*. Заметки о синопских клеймах (I–II) // СА. 1964. № 1.
- Цехмистренко. 1967 – *В. И. Цехмистренко*. Заметки о синопских клеймах (III–V) // СА. 1967. № 1.
- Цехмистренко. 1971 – *В. И. Цехмистренко*. Заметки о синопских клеймах // СА. 1971. № 3.
- Шкорпил. 1902 – *В. В. Шкорпил*. Керамические надписи, найденные при раскопках на Северном склоне горы Митридат в г. Керчи в ноябре и декабре 1901 г. // ИАК. 1902. № 3.
- Шкорпил. 1904 – *В. В. Шкорпил*. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах // ИАК. 1904. № 11.
- Шкорпил. 1914 – *В. В. Шкорпил*. Датированные керамические надписи из Зеленовского кургана // ИАК. № 51. 1914.
- Ящуржинский. 1892 – *Хр. Ящуржинский*. Керченские древности // ИТУАК. 1892. Вып. 15.
- Fedoshev. 1999 – *N. Fedoshev*. Ceramic Stamps // *T. Scholl, V. Zinko*. Archeological Map of Nymphaion (Crimea). Bibliotheca Antiqua. Warsaw, 1999. Vol. XXIII.
- Garlan. 1999 – *Y. Garlan*. Les timbres amphoriques de Thasos. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Paris, 1999.

ADDENDA ET CORRIGENDA

*С. В. Кашаев***Общеполитическая ситуация в Северном Причерноморье
в V в. до н.э. и материалы некрополя Артюшенко-2**

Процессы, происходившие в скифском мире в V в. до н.э. (Алексеев, 2003. С. 194), существенно отразились на жизни греческих колоний. Многочисленные археологические исследования подтверждают сокращение жизнедеятельности на сельскохозяйственных территориях античных городов с конца первой четверти V в. до н.э. во всех районах Северного Причерноморья (Виноградов, Марченко, 1991. С. 150). Вероятно, вследствие этого уменьшилось и количество хороших археологических комплексов, находимых на хоре различных полисов.

Сложная политическая обстановка складывается в этот период и на берегах Боспора Киммерийского (Виноградов, 2004. С. 50). В Восточном Крыму от нападений пострадали многие города и сельские поселения (Виноградов, 2004. С. 51). Аналогичным образом события развивались и на Азиатском Боспоре. Как политические процессы отразились на жизни азиатских поселений, мы рассмотрим, на примере одного из сельских памятников.

С 2003 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН проводит исследования на грунтовом некрополе Артюшенко-2 (Виноградов, Кашаев, 2003. С. 234). Он расположен на юге Таманского полуострова, на обрывистом берегу Черного моря и активно разрушается в результате абразии берега. Исследования на грунтовом некрополе Артюшенко-2 дали новые интересные материалы по истории Боспора (Кашаев, Грищик, 2004. С. 266).

В 2005 г. спасательные раскопки были продолжены и проводились при финансовой поддержке РГНФ в рамках экспедиционного проекта РГНФ («Спасательные раскопки античных памятников на юге Таманского полуострова»), проект № 05-01-18109е.

Всего за время работы на некрополе зафиксировано 25 погребений. В том числе – 20 грунтовых могил и 5 полностью разрушенных абразией погребений, их фрагменты были обнаружены в осипи берегового обрыва. Из 20 вскрытых раскопками погребений – 4 коллективные (№ 10, 21, 24, 25). В них были похоронены два и более человек (Кашаев, 2005. С. 137) – это захоронения молодых воинов – мужчин с

оружием, и женщи. В одном случае помимо мужского и женского скелетов был обнаружен и детский (№ 25).

Остальные погребения индивидуальные, представленные одиночными мужскими, женскими и детскими костяками. Неким исключением является погребение № 18, в котором удалось зафиксировать контур могильной ямы. Кроме двух сосудов – небольшого кувшина и калпынды, – в нем ничего не оказалось, даже костяков. Возможно, в данном случае мы имеем дело с кенотафом.

Самые ранние погребения на некрополе можно датировать началом V в. до н.э. (Кашаев. 2004.С. 184), самые поздние римским временем. Из 25 исследованных захоронений к первой половине V в. до н.э. можно отнести 9 погребений (№ 3, 6, 7, 8, 10, 12, 13, 20, 21), к концу V – началу IV вв. до н.э. – 3 погребения (№ 18, 24, 25).

В четырех из пяти полностью разрушены абразией погребениях (№ 1, 2, 4, 5) инвентаря не найдено, 4 раскопанных погребения безинвентарные (№ 9, 16, 19, 23) и 6 погребений (№ 11, 14, 15, 17, 22) содержали маловыразительный материал. Таким образом, о датировке 13 погребений пока можно говорить только предположительно – на основе косвенных признаков. Но не менее 12 оставшихся (из 25 исследованных погребений) относятся к интересующему нас периоду: 9 – к первой половине V в. до н.э., 3 – к концу V – началу IV вв. до н.э.;

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы с одной стороны показывают, что на протяжении V в. до н.э. жизнь на поселении существовала, возможно, с перерывами. С другой стороны, они коррелируются с материалами других исследований и не противоречат им.

Пока изучена лишь небольшая часть некрополя Артющенко-2. Для более обширных и обоснованных выводов полученных материалов, безусловно, недостаточно, но определенная тенденция наметилась, и предварительную картину они дают.

Литература

- Алексеев. 2003 – А. Ю. Алексеев. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003.
- Виноградов, Марченко. 1991 – Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // Советская археология №1 1991.
- Виноградов, Кашаев. 2003 – Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев. Боспорская экспедиция ИИМК РАН // Археологические Открытия 2002г. М., 2003.
- Виноградов. 2004 – Ю. А. Виноградов, Там закололся Митридат. Военная история Боспора Киммерийского и доримскую эпоху. СПб. Петербургское Востоковедение. М. Филоматис. 2004.

- Кашаев, Грицик. 2004 – С. В. Кашаев, Е. В. Грицик Работы Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК // Археологические открытия 2003г. М., 2004.
- Кашаев. 2004 – С. В. Кашаев. Некрополь около поселения Артющенко-2 // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Сборник научных материалов V Боспорских чтений. Керчь, 2004.
- Кашаев. 2005 – С. В. Кашаев Некрополь поселения Артющенко-2 (работы 2004г.). // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф. Сборник научных материалов VI Боспорских чтений. Керчь, 2005.

Редколлегия просит обратить внимание читателей, пользующихся изданиями материалов конференции «Боспорский феномен», на ряд выявленных неточностей в опубликованных ранее выпусках.

В издании «Боспорский феномен. Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства». (СПб., 2001. Ч. 2), на стр. 311 неверно указано местопроживание В. А. Палаиновой. Вместо: *Бердичева* должно быть: *Бердяиск*.

В издании «Боспорский феномен. Потребительские памятники и святилища». (СПб., 2002. Ч. 2), на стр. 207 первый абзац сверху, пропуская следующие слова: «четверти II в. до н.э. (Марченко. 1996. С. 87), тогда как тип унгентария в этом погребении по классификации форм этих сосудов Парович».

В издании «Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников». (СПб., 2004. Ч. 2), на стр. 352 и 375 неверно указано местопроживание А. И. Джонуа и Г. К. Шамба. Вместо: *Тбилиси* должно быть: *Сухуми*.

Там же, на стр. 366 в «Указателе статей Боспорского феномена 1998–2004» статья Н. И. Сударева «Кремация на Боспоре в VI–II в. до н.э. Типы и хронология» (БФ. 2004. Ч. 1. С. 208–219) ошибочно приписана Р. В. Стоянову.

Редколлегия приносит свои извинения авторам работ и просит читателей внести соответствующие поправки в имеющиеся в их распоряжении книги.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
 АБУ – Археологічні відкриття в Україні. К.
 АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
 АДЖ – М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913–1914.
 АИК – Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
 АИМ – Археологические исследования в Молдавии.
 АМА – Античный мир и археология. Саратов.
 АП – Археологічні пам'ятки.
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
 АСХ – Античная скульптура Херсонеса. К., 1976.
 БС – Боспорский сборник. М.
 ВДИ – Вестник древней истории.
 ГМИРиА – Государственный музей истории религии и атеизма. Л.
 ДБ – Древности Боспора. М.
 ДБК – Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
 ДГС I, II – Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб., Вып. I. 1866; Вып. II. 1872; Атлас: Вып. I. 1866; Вып. II. 1872.
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
 ЗРАО – Записки Русского археологического общества. СПб.
 ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
 КБН – Корпус Боспорских надписей. Л., 1965.
 КБН-альбом – Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб., 2004.
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
 КСНИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
 КФ ИА НАНУ – Крымский филиал ИА НАН Украины.
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
 МАР – Материалы по археологии России. СПб., (Пг).
 МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья.
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
 ИА КФ ИА НАНУ – Научный архив КФ ИА НАНУ. Симферополь.
 НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
 НЗХТ – Национальный заповедник «Херсонес Таврический».
 НО – Надписи Ольвии.
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.

- ОАСГЭ – Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. СПб.
- ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
- ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры. М, Магнитогорск.
- РА – Российская археология.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- СА – Советская археология.
- САН – Свод археологических источников.
- САН. 1970–1974 – Терракоты. М. 1970–1974, Части 1–4. – (Свод археологических источников. Вып. Г 1–11).
- УЗЛПИ – Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Л.
- Хсб – Херсонесский сборник.
- AJA – American Journal of Archaeology.
- IosPE (IPE) – Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropolis.
- LIMC. 1991 – Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Bd. 7. Zürich, München, 1991.
- SC – В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1–3. СПб.

СОДЕРЖАНИЕ

Страницы

Предисловие.....	7-8
------------------	-----

**I. Проблемы интерпретации
письменных и археологических источников**

<i>А. В. Подосинов.</i> (Москва) Письменный источник и археология (на примере Борисфенитской речи Диона Хрисостома).....	9-16
<i>И. А. Тульпе.</i> (СПб) Археология сознания боспорян: к прочтению источников.....	16-21
<i>А. С. Руснева.</i> (Киев) О методике интерпретации одного отрывка из трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде».....	21-26
<i>А. А. Супренков.</i> (Москва) Речь Демосфена «Против Лакрита» и современные археологические реалии.....	26-28
<i>М. В. Скржинская.</i> (Киев) Предание об Эроте и Пенхее на Боспоре.....	28-32
<i>А. В. Одрин.</i> (Киев) Растениеводство Боспора VI-III в. до н.э.: письменные источники и археология.....	32-34
<i>В. П. Былкова.</i> (Херсон) О возможности использования данных декрета в честь Протогена для реконструкции исторической ситуации в Нижнем Поднепровье.....	34-40
<i>В. Г. Зубарев.</i> (Тула) К вопросу о локализации местности «Тафрос» (античная традиция и данные археологии).....	40-41
<i>А. Р. Панов.</i> (Арзамас) Восстание Кастора в Фанагории: интерпретация источников.....	41-45
<i>А. Я. Щетенко.</i> (СПб) К реконструкции некоторых персонажей религиозного пантеона древнеиндийской цивилизации (по данным археологии и письменных источников).....	45-52

II. Европейский и Азиатский Боспор

<i>А. А. Завойкин.</i> (Москва) Сатир и мышь.....	53-61
<i>Н. В. Молева.</i> (Нижний Новгород) Музы и музыка на Боспоре.....	61-64
<i>И. Ю. Шауб.</i> (СПб) О культе Деметры на Боспоре.....	65-70

<i>А. В. Ковальчик.</i> (Москва) Черепицы с отверстием.....	70–74
<i>В. Н. Зинько.</i> (Керчь) Хора городов западного побережья Боспора Киммерийского в IV–нач. III в. до н.э. (по письменным и археологическим источникам).....	74–79
<i>Т. Н. Смекалова, А. А. Маслеников, С. Л. Смекалов.</i> (СПб, Москва) Ортогональные системы размежевания земель европейского Боспора и природно-демографические факторы.....	79–97
<i>Ю. В. Горлов, М. Д. Кайтамба, А. В. Порохов.</i> (Москва) Палеоэкологический фактор в социально-экономическом развитии Боспора Киммерийского...	97–101
<i>А. М. Бутязин.</i> (СПб) К интерпретации зольников Мирмекии (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика).....	101–107
<i>М. Ю. Вахтина.</i> (СПб) К вопросу о локализации Порфмий.....	107–112
<i>В. М. Стародубцев.</i> (Керчь) Ак-Бурунский некрополь в документах инженерного департамента.....	112–117
<i>М. М. Ахмадеева.</i> (СПб) Динамика состава керамического комплекса поселения Заветное-5.....	117–124
<i>В. А. Христановский.</i> (СПб) Некрополь Илурата: общее и особенное.....	124–130
<i>Д. В. Журавлев, Т. А. Ильина, Г. А. Ломтадзе, Н. И. Судярев.</i> (Москва) Комплекс кургана 17 (18) некрополя Кеп.....	130–140
<i>Д. В. Григорьев.</i> (Красноярск) О некоторых вопросах военного дела Боспора.....	140–142
<i>В. А. Горюновский, Т. С. Тихонова.</i> (СПб) Короткие мечи I–II в. н.э. из раскопок некрополя Горгишии.....	142–146
<i>С. И. Финкелюва.</i> (Москва) Архаические слои Гермонассы (по материалам раскопок последних лет).....	146–148
<i>В. Н. Чхидзе.</i> (Москва) Гермонасса – Тома – Таматарха: позднеантичный и раннесредневековый город на Боспоре.....	149–153
<i>Н. Н. Болгов.</i> (Белгород) К вопросу о христианской топографии Боспора V–VI в.....	154–158

III. Античный мир Северного Причерноморья за пределами Боспорского царства

<i>Т. Л. Самойлова.</i> (Одесса) Некоторые замечания о состоянии экономики доримской Тиры и его отражение в письменных источниках.....	159–164
--	---------

<i>И. В. Бруйко.</i> (Одесса) Структура сельской округи античных городов Северного Причерноморья (на примере Нижнего Поднестровья).....	164–172
<i>А. О. Добролюбовский, А. В. Красножон.</i> (Одесса) Топохронология, стратиграфия и периодизация поселения «Приморский бульвар» в Одессе.....	172–178
В. В. Назаров, А. Г. Кузьмищев. (Киев) К проблеме интерпретации одной позднеархаической полуземлянки на о. Березань.....	178–180
<i>В. В. Крутилов.</i> (Киев) Основные итоги раскопок на о. Березань (участок «Т») в 2005 г.....	180–182
<i>А. В. Буйских.</i> (Киев) Новая землянка VI в. до н. э. в Ольвии: новый взгляд на старые проблемы.....	183–186
<i>В. В. Крапивина.</i> (Киев) О соотношении письменных и археологических источников на примере Ольвии I в. до н. э. – III в. н. э.....	186–192
<i>С. Н. Ляшко, В. А. Папанова.</i> (Киев, Бердянск) «В самой крепости жила только меньшая часть ольвийцев...».....	192–199
<i>А. В. Каряка.</i> (Киев) К вопросу об оборонительных сооружениях в Нижнем городе Ольвии в эллинистическое время.....	199–200
<i>Л. В. Носова.</i> (Одесса) Греческие культуры на западной окраине ольвийского полиса.....	201–206
<i>P. Guldager Bilde.</i> (Aarhus) The Olbia situla revisited.....	207–216
<i>В. М. Зубарь.</i> (Киев) Об особенностях отправления культа Кибелы в Херсонесе Таврическом.....	217–221
<i>Т. Н. Шевченко.</i> (Киев) Захоронение умершего как составная часть семейных культов в Херсонесе Таврическом.....	221–225
<i>С. Б. Ланцов.</i> (Симферополь) К вопросу о контроле за каботажным плаванием вблизи Судака на рубеже эр... ..	226–230
<i>А. В. Лысенко.</i> (Симферополь) Новое поселение римского времени на Южном берегу Крыма.....	230–236

IV. Варварский мир Северного Причерноморья

<i>David Braund.</i> (Exeter) The creator of the Scythian archers at Athens and the Eurymedon Vase.....	237–238
<i>А. П. Медведев.</i> (Воронеж) Когда и как появилась «Великая Скифия»?.....	238–242
<i>Е. Е. Физалко.</i> (Киев) Скифские амазонки по письменным и археологическим источникам.....	242–247

<i>Я. М. Паромов.</i> (Москва) Ледовые походы скифов.....	247–250
<i>А. Б. Белинский, С. Л. Дударев.</i> (Ставрополь, Армавир) Хронология могильника Клин-яр III.....	250–255
<i>М. Н. Дараган.</i> (Киев) Античная керамика из Хотовского городища скифской эпохи.....	256–261
<i>И. А. Костюк.</i> (Киев) Реставрация керамического ком- плекса раннескифского времени из Большого кур- гана у села Иванковичи на Киевщине.....	261–264
<i>Ю. А. Виноградов.</i> (СПб) Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана.....	264–271
<i>Н. де Груммонд, С. В. Полин, Л. А. Черных, М. Глеба, М. Н. Дараган.</i> (Киев, Флорида) Первый год доиссле- дования Александропольского кургана.....	272–282
<i>Н. А. Гаврилюк.</i> (Киев) Килики из степных скифских по- гребений.....	282–293
<i>С. Н. Сенаторов.</i> (СПб) К вопросу о происхождении Вос- точно-Крымской керамики айвазовского типа.....	293–299
<i>Э. А. Кравченко.</i> (Киев) Материалы эпохи раннего железа с поселения Уч-Баш в Юго-Западном Крыму.....	299–305
<i>К. Б. Фирсов.</i> (Москва) Богатый курган скифского време- ни у с. Покровка Таврической губернии (1897 г.).....	305–315
<i>А. Е. Пузровский.</i> (Симферополь) Клинковое оружие Крымской Скифии I–III в. н. э.....	315–322
<i>М. Ю. Трейстер.</i> (Лейпциг) Сарматские воины Фирнака Боспорского (к вопросу об исторической интерпре- тации погребения в Косике).....	322–330
<i>О. К. Савельев.</i> (Одесса) Аланы в Северо-Западном При- черноморье (письменные источники и археологиче- ские соответствия).....	330–335
<i>Э. Иштванович, В. Кульчар.</i> (Будапешт) Северопричерно- морские (?) золотые ювелирные изделия в материале сарматов Карпатского бассейна.....	335–342
<i>А. А. Васильев.</i> (Одесса) О времени появления германских дружин на Боспоре.....	343–349
<i>А. Л. Ермолин.</i> (Симферополь) Гуны-утигуры и готы- тетракситы в сочинении Прокопия Кесарийского (локализация места противостояния гуннов и готов, а так же путь их движения через Керченский полу- острове в 3-й четверти V в. н. э.).....	349–354
<i>Ю. М. Мозаричев, А. В. Сазанов.</i> (Симферополь) К вопро- су о хазарах на Боспоре в конце VII – начале VIII в.....	354–360

V. Нумизматика и эпиграфика

<i>С. А. Коваленко.</i> (Москва) О начале монетной чеканки на Боспоре.....	361–365
<i>А. Е. Терещенко.</i> (СПб) Ранняя чеканка Фанагории.....	365–371
<i>А. Кахидзе, Г. Тавамашвили.</i> (Батуми) Монеты Боспорского царства из греческого некрополя Пичвнари....	371–375
<i>С. И. Болдырев.</i> (Москва) Кто чеканил монеты ΣΑΜΜΑ?... <i>Е. Я. Туровский.</i> (Севастополь) Еще раз о причинах и начальной дате денежного кризиса на Боспоре.....	375–378 378–381
<i>Е. А. Молев.</i> (Нижегород) О правлении царя Спартока VI на Боспоре в середине II в. до н.э.....	381–385
<i>В. К. Голенко.</i> (Симферополь) К «реабилитации» античного поселения Полянки.....	385–392
<i>А. В. Гаврилов, И. В. Шонов.</i> (Симферополь) Краткая информация о нумизматическом материале селища Куру Баш (лагерь) близ Феодосии.....	392–400
<i>Т. М. Кутинова.</i> (Саратов) Керамические клейма VI–V в. до н.э. из раскопок Фанагории.....	401–405
<i>Н. А. Павличенко.</i> (СПб) Новая надпись из Гермонассы.....	405–406
<i>В. И. Кац.</i> (Саратов) Где и когда производились амфоры с клеймами ΑΜΑΣΤΡΙΟΣ?.....	407–414
<i>С. А. Яценко.</i> (Москва) Тамги и эпиграфика Боспора: новые версии.....	414–419
<i>С. М. Ильиашенко.</i> (Ростов-на-Дону) Надписи группы α/π на позднеантичных амфорах Северного Причерноморья.....	419–427
<i>Т. А. Матковская.</i> (Керчь) Собрание керченского лапидария – неисчерпаемый источник по истории и культуре Восточного Крыма.....	427–430
<i>Н. Ф. Федосеев.</i> (Керчь) Проект публикации коллекции керамических клейм Керченского музея.....	430–436
<i>Addenda et corrigenda: С. В. Кацаев.</i> (СПб) Общеполитическая ситуация в Северном Причерноморье в V в. до н.э. и материалы некрополя Артющенко-2.....	437–439
Список сокращений	440–441

CONTENTS

	Pages
Preface.....	7-8
I. Written sources and archaeological materials: problems of interpretation	
<i>A. V. Podasynov.</i> (Moscow) Written source and archaeology (Borysthenes speech by Dion Chitizostom cited as an ex- ample).....	9-16
<i>I. A. Tulpe.</i> (SPb) Mental archaeology of Bosphorans: about read- ing the evidences.....	16-21
<i>A. S. Rusjaeva.</i> (Kiev) About the methods of interpretation of one of the fragment from Euripides' tragedy "Iphigenia in Taurida".....	21-26
<i>A. A. Suprenkov.</i> (Moscow) The Demosthenes' speech "Against Lacritos" and contemporary archaeological situation.....	26-28
<i>M. V. Skrzhinskaja.</i> (Kiev) The legend of Eros and Psyche at Bosporus.....	28-32
<i>A. V. Odrin.</i> (Kiev) Bosporan plant-growing in 4 th - 3 rd cent. BC: written evidences and archaeology.....	32-34
<i>V. P. Bylkova.</i> (Cherson) On the possibility of using the data from decree in Protogenus' honor for reconstruction of historical situation on Lower Dnieper.....	34-40
<i>V. G. Zubarev.</i> (Tula) On the question of localization of country "Taphros" (classical tradition and archaeological data)....	40-41
<i>A. V. Panov.</i> (Arzamas) Castor's revolt in Phanagoria: on the interpretation of written sources.....	41-45
<i>A. Ja. Schetenko.</i> (SPb) To the reconstruction of some images of ancient Indian civilization religious pantheon (according the data of archaeology and written sources).....	45-52
II. Bosporus European and Asiatic	
<i>A. A. Zavojkin.</i> (Moscow) Satyr and the mouse.....	53-61
<i>N. V. Moleva.</i> (Nizhniy Novgorod) Muses and music at Bosporus.....	61-64
<i>I. Ju. Shaub.</i> (SPb) About the Demeter cult at Bosporus.....	65-70

<i>A. V. Koval'chik.</i> (Moscow) Tile with holes.....	70-74
<i>V. N. Zin'ko.</i> (Kerch) Chora of Greek cities of western littoral of Cimmerian Bosphorus in the 4 th - early 3 rd cent. BC (according written evidences and archaeology).....	74-79
<i>T. N. Smekalova</i> (SPb), <i>A. A. Maslennikov</i> (Moscow), <i>S. L. Smekalov.</i> (SPb) Regular systems of delimitation of lands at European Bosphorus and natural-demographical factors.....	79-97
<i>Ju. V. Gorlov, M. D. Kajtamba, A. V. Porotov,</i> (Moscow) Paleoeological factor in social and economical development of Bosphorus Cimmerian.....	97-101
<i>A. M. Butjagin.</i> (SPb) On the interpretation of ash-hills of Myrmekion (Pausanius' evidence and Bosporan ritual practice).....	101-107
<i>M. Ju. Vakhitina.</i> (SPb) On the problem of localization of Porthmion city-site.....	107-112
<i>V. M. Starodubtzev.</i> (Kerch) Ak-Burun necropolis in the documents of Engineers Department.....	112-117
<i>M. M. Akhmadeeva.</i> (SPb) Dynamics of pottery complex structure from Zavetnoe-5 settlement.....	117-124
<i>V. A. Khrshanovsky.</i> (SPb) Iluraton necropolis: common and peculiar features.....	124-130
<i>D. V. Zhuravlev, T. A. Iljina, G. A. Lomtadze, N. I. Sudarev.</i> (Moscow) Complex of barrow 17 (18) of Kytion necropolis.....	130-140
<i>V. D. Grigorjev.</i> (Krasnojarsk) On some questions of Bosporan art of war.....	140-142
<i>V. A. Goroncharovsky</i> (SPb), <i>T. S. Tikhonova.</i> (Krasnodar) Short swords of 1 st -2 nd cent. BC from Gorgippia necropolis excavations.....	142-146
<i>S. I. Finogenova.</i> (Moscow) Archaic levels of Hermonassa (according the recent years' excavation materials).....	146-148
<i>V. N. Chkhaidze.</i> (Moscow) Hermonassa - Tomis - Tamatarkha: Late Classic and Early Mediaeval city at Bosphorus.....	149-153
<i>N. N. Bolgov.</i> (Belgorod) On the question of Bosporan Christian topography of 5 th - 6 th cent. BC.....	154-158

III. Classical world of Northern Black Sea Coastal Region beyond the borders of Bosphorus

<i>T. L. Samojllova.</i> (Odessa) Observations on the economic condition of Pre-Roman Tyrae and its reflection in written sources.....	159-164
--	---------

<i>I. V. Brujako</i> . (Odessa) Structure agricultural environment of Classical sites of the Northern Black Sea coastal region (Low Dniester taken as an example).....	164–172
<i>A. O. Dobroljubsky, A. V. Krasnozhan</i> . (Odessa) Topology, chronology, stratigraphy and periodization of "Primorsky bul'var" settlement in Odessa.....	172–178
<i>V. V. Nazarov, A. G. Kuz'mischev</i> . (Kiev) On the problem of interpretation of one Late Archaic dig-pit on Berezan' island.....	178–180
<i>V. V. Krutilov</i> . (Odessa) Primary results of archeological excavations on Berezan' island in 2005 (section "T").....	180–182
<i>A. V. Bujskikh</i> . (Kiev) New dig-out of 6 th cent. BC in Olbia: new view on old problems.....	183–186
<i>V. V. Krapivina</i> . (Kiev) About correspondence between written and archaeological evidences: Olbia of 1 st cent. BC – 3 rd cent. AD taken as an example.....	186–192
<i>S. N. Ljashko</i> (Kiev), <i>V. A. Papanova</i> . (Berdjansk) "In the fortress itself lived only the small part of citizens....."	192–199
<i>A. V. Karjaka</i> . (Kiev) On the question of defensive buildings in the Lower City of Olbia in Hellenic period.....	199–200
<i>L. V. Nosova</i> . (Odessa) Greek cults at the western boarder of Olbian polts.....	201–206
<i>П. Гулдаев</i> <i>Бильде</i> . (Орхус) Еще раз об ольвианской цитуте.....	207–216
<i>V. M. Zubar'</i> . (Kiev) About the peculiarities of Cybele worship in Chersonessos Tauricus.....	217–221
<i>T. N. Shevchenko</i> . (Kiev) Burial as a part of family cults in Chersonessos Tauricus.....	221–225
<i>S. B. Lantsov</i> . (Simpheropol') On the question of the cabotage control near the city of Sudak at the turn of the erae.....	226–230
<i>A. V. Lysenko</i> . (Simpheropol') New settlement of Roman period at the southern shore of Crimea.....	230–236

IV. Barbarian world of the Northern Black Sea region

<i>Д. Браунд</i> . (Эксетер) Создатель скифских лучников в Афинах и ваза Эвримеда.....	237–238
<i>A. P. Medvedev</i> (Voronezh) Where and how did Great Scythia appear?.....	238–242
<i>E. E. Fialko</i> . (Kiev) Scythian Amazones according written sources and archaeological materials.....	242–247
<i>Ja. M. Paronov</i> . (Moscow) Ice marches of the Scythians.....	247–250
<i>A. B. Belinsky</i> (Stavropol'), <i>C. L. Dudarev</i> . (Armavir) Chronology of Klin-Jar III burial-ground.....	250–255

<i>M. N. Daragan.</i> (Kiev) Classical pottery from Khotov city-site of Scythian period.....	256-261
<i>I. A. Kostjuk.</i> (Kiev) Restoration early Scythian pottery complex from 'Bol'shoy' barrow near the village Ivankovichy in Kiev area.....	261-264
<i>Ju. A. Vinogradov.</i> (SPb) Bronze armour from Elizavetinsky barrow.....	264-271
<i>N. de Grummond, S. V. Polin, L. A. Chernyh, M. Gleba, M. N. Daragan.</i> (Kiev, Florida) The first campaign of Alexandropol barrow renewed excavations.....	272-282
<i>N. A. Gavriljuk.</i> (Kiev) Cups from Scythian graves of Steppe zone.....	282-293
<i>S. N. Senatorov.</i> (SPb) On the question of "ajvazovsky type" Eastern-Crimean pottery origin.....	293-299
<i>E. A. Kravchenko.</i> (Kiev) Materials of Early Iron Age from Uch-Bash settlement in South-Western Crimea.....	299-305
<i>K. B. Firsov.</i> (Moscow) Rich barrow of Scythian period near Pokrovka settlement in Tauricheskaya province (1897)...	305-315
<i>A. E. Puzdrovsky.</i> (Sevastopol') Blade weapons of Crimean Scythia of 1 st - 3 rd cent. BC.....	315-322
<i>M. Ju. Treister.</i> (Leipzig) Sarmatian warriors of Pharnac Bosporan (on the question of historical interpretation of Cosica burial).....	322-330
<i>O. K. Saveliev.</i> (Odessa) Alans in North-Western Coastal region (written sources and archaeological conformity).....	330-335
<i>E. Ishtvanovich, V. Kudshar.</i> (Budapest) North Pontic (?) golden jewellery in the archaeological materials of the Sarmatians of Carpathian basin.....	335-342
<i>A. A. Vasiljev.</i> (Odessa) About the time of appearance of the German fighting squads at Bosphorus.....	343-349
<i>A. L. Ermolin.</i> (Simpheropol') Hunns-Utrigures and Gothic-Tetraksites in the manuscript by Procopius Cesarium (localization of the place of confrontation of Hunnes and Gothes, as well as their route via Kerch peninsula in the last third of 5 th cent. BC).....	349-354
<i>Ju. M. Mogarychev</i> (Sympheropol'), <i>A. V. Sazanov.</i> (Moscow) On the question of Khazars at Bosphorus in the 7 th - early 8 th cent. BC.....	354-360

V. Numismatics and epigraphic

<i>S. A. Kovalenko.</i> (Moscow) On the beginning of Bosporean coinage.....	361-365
---	---------

<i>A. E. Tereschenko.</i> (SPb) Early coinage of Phanagoria.....	365-371
<i>A. Kakhidze, G. Tamaishvili.</i> (Batumi) Coins of Bosporan kingdom from Greek necropolis Pichvnari.....	371-375
<i>S. I. Boldyrev.</i> (Moscow) Who stamped ΣΑΜΜΑ coins?.....	375-378
<i>E. Ja. Turovsky.</i> (Sevastopol') Once more about the reasons and the date of beginning of the monetary crisis at Bosporus... 378-381	
<i>E. A. Molev.</i> (Nizhniy Novgorod) About the government of the king Spartok VI at Bosporus in the mid. 2 nd cent. BC.....	381-385
<i>V. K. Golenko.</i> (Simpheropol') On "rehabilitation" of the Classical settlement Poljanka.....	385-392
<i>A. K. Gavrilov, I. V. Shonov.</i> (Simpheropol') Brief information about numismatic materials of Kuru Bash settlement (champ) near Pheodostia.....	392-400
<i>T. M. Kutinova.</i> (Saratov) Pottery stamps 6 th -5 th cent. From the excavations of Phanagoria.....	401-405
<i>N. A. Pavlichenko.</i> (SPb) New inscription from Hermonassa.....	405-406
<i>V. I. Kac.</i> (Saratov) When and where have been amphorae with ΑΜΑΣΤΡΠΙΟΣ stamps produced?.....	407-414
<i>S. A. Jatzenko.</i> (Moscow) The tangas and Bosporan epigraphy: new versions.....	414-419
<i>S. M. Iljashenko.</i> (Rostov-on-Don) Group α/π inscriptions on the Late Classical amphorae of the North Black Sea coastal region.....	419-427
<i>T. A. Matkovskaja.</i> (Kerch) Collection of Kerch lapidarium – the inexhaustible source of history and culture of Eastern Crimea.....	427-430
<i>N. F. Fedoseev.</i> (Kerch) The Project of publication of Kerch Museum amphorae stamps collection.....	430-436
 Addenda et corrigenda: <i>S. Kashaev.</i> (SPb) General political situation at the Black Sea coastal region in the V th century BC and the materials from Artuschenko-2 necropolis.....	 437-439
List of abbreviations	440-441

Государственный Эрмитаж
Государственный музей истории религии
Институт истории материальной культуры

**БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ**

**Материалы
Международной научной конференции**

Редакторы:

*М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев, С. В. Кашиев, О. Ю. Соколова,
В. А. Хрипановский*

Компьютерная верстка, макетирование, дизайн обложки:
В. Ю. Зуев

Корректор:

Н. Н. Тютюник

ЛП № 000023 от 09.10.1998

Подписано к печати 17.10.2005. Формат 60 x 90 1/16
30 уч. изд. л. Тираж 500. Зак. 132

Отпечатано на ротационте Государственного Эрмитажа
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34